

тема

Фернан Бродель

Грамматика цивилизаций

ВСЬ
МИР

Москва 2008

УДК 94
ББК 63.3(0)
Б 88

Перевод с французского: *Б.А. Ситников*

Перевод книги на русский язык выполнен по изданию:
Fernand Braudel. Grammaire des civilisations. Flammarion, Paris, 1993

ISBN 978-5-7777-0403-0

© Flammarion, 1993
© Перевод на русский язык
Издательство «Весь Мир», 2008

Содержание

От издательства	10
Бродель учит истории. <i>Морис Эмар</i>	11
Вместо предисловия	23
Введение. История и настоящее	28

РАЗДЕЛ I. ГРАММАТИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Перемены в терминологии	33

Глава 2. Цивилизация определяется в соотношении с другими науками о человеке	39

Цивилизации как географические и культурные пространства	39
Цивилизации как общественные формации	45
Цивилизации как экономические уклады	48
Цивилизации как различные коллективные мышления	51

Глава 3. Преимущество цивилизаций	54

Взгляд на цивилизации из повседневности	54
Цивилизации и их структуры	57
История и цивилизации	63

РАЗДЕЛ II. ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

Глава 1. Чему учит история	66

Ислам, новая форма на Ближнем Востоке	66
История Ближнего Востока	68

6 Грамматика цивилизаций

Мухаммад, Коран, Ислам.	70
Аравия: проблема едва урбанизированной культуры.	74
Глава 2. Чему учит география	79
Земли и моря Ислама.	79
Промежуточный континент или пространство-движение: города	86
Глава 3. Великие и закат Ислама (VIII—XVIII вв.).	92
Отсутствие мусульманской цивилизации до VIII или IX века	92
Золотой век Ислама: VIII—XII вв.	96
Наука и философия.	103
Остановка или упадок: XII—XVIII вв.	107
Глава 4. Современное возрождение Ислама.	113
Конец колониализма и молодость национального самосознания.	113
Различные мусульманские государства в современном мире.	122
Мусульманская цивилизация в XX веке	130

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ

Глава 1. Прошлое	138
Географические пространства.	138
Сквозь прошлое Черного континента	146
Глава 4. Черная Африка: сегодня и завтра	156
Пробуждение Африки	156
Экономические и социальные проблемы	162
Искусство и литература	165

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Глава 1. Введение	170
О чем говорит география	170

Варварство против цивилизации: свидетельство истории	178
Давние истоки: причины культурного консерватизма	182
Глава 2. Классический Китай	185
Религиозные параметры	185
Политические параметры	197
Экономические и социальные параметры	203
Глава 3. Китай вчера и сегодня	210
Времена неравноправных договоров: униженный и страдающий Китай (1839—1949)	210
Новый Китай	215
Китайская цивилизация в современном мире	222
Глава 4. Индия вчера и сегодня	227
Классическая Индия (до английской колонизации)	227
Английская Индия (1757—1947): старый экономический уклад, вступивший в противоречие с современным Западом	244
Построили ли Индия экономику через революцию китайского типа?	252
Глава 5. Приморский Дальний Восток: Индокитай, Индонезия, Филиппины, Корея, Япония	262
Индокитай	263
Индонезия	267
I Филиппины	274
Корея	275
Глава 6. Япония	281
Первобытная Япония до начала китайской цивилизации	281
Воздействие на Японию китайской цивилизации	285
Современная Япония	293

РАЗДЕЛ III. ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕВРОПА

Глава 1. Пространство и свободы 305

Европейское пространство определяется: V—XIII вв. 305

Свобода или точнее сказать свободы:

XI—XVIII вв. 312

Глава 2. Христианство, гуманизм, научная мысль 328

Христианство 328

Гуманизм и гуманисты 333

Научная мысль до XIX века 355

Глава 3. Индустриализация Европы 362

У истоков первой промышленной революции 362

Распространение индустриализации в Европе
(и вне Европы). 371

Социализм и индустриальное общество. 376

Глава 4. Составляющие Европы 386

Блестящие составляющие: искусство и разум 386

Надежные составляющие: экономика 393

Алеаторные (проблематичные) составляющие: политика . . . 400

Европа в 1981 г. *Заметки Поля Броделя*. 409

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АМЕРИКА

Глава 1. Другой Новый свет: Латинская Америка 411

Пространство, природа и общество:

литературные свидетельства 411

Перед лицом расовой проблемы: почти братство 418

Цивилизации, испытываемые на прочность экономикой . . . 424

Глава 2. Америка по преимуществу: Соединенные Штаты 440

Живительное прошлое: итог полученных шансов 442

Колонизация и независимость	442
Завоевание Дальнего Запада	450
Индустриализация и урбанизация	454
Глава 3. Призраки и трудности: вчера и сегодня	462
Старый кошмар: расовый вопрос или население, от которого невозможно избавиться	462
Капитализм: от трестов к вмешательству государства и олигополиям	466
Соединенные Штаты и остальной мир	476
Глава 4. Об английском миропорядке	485
В Канаде: Франция и Англия	485
Южная Африка: голландцы, англичане и чернокожие африканцы	489
Австралия и Новая Зеландия или Англия, оставшаяся наконец-то в одиночестве	494
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДРУГАЯ ЕВРОПА	
Другая Европа: Московия, Россия, СССР	500
Глава 1. От истоков до революции 1917 года	501
Киевская Русь	501
Православная религия	505
Российская империя	508
Глава 2. СССР с 1917 года до наших дней	518
От Карла Маркса до Ленина	518
Марксизм и советская цивилизация сегодня	526
Октябрьский съезд КПСС (1961)	537

От издательства

Необходимость объяснить решение об издании на русском языке этой книги, написанной еще в 60-е годы прошлого века, не очевидна, но сделать это желательно. В ряду крупных работ классика школы «Анналов» Фернана Броделя книга *Грамматика цивилизации* выходит в России последней. С фундаментальными трудами *Материальная цивилизация и капитализм*, *Что такое Франция?*, *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II* наши читатели познакомились в 1986—2003 гг. Так надо ли было переводить книгу, после того как пять бурных десятилетий кардинально изменили облик мира, который знал тогда французский историк, и о судьбах которого он писал в своей *Грамматике*? Тем более, что автор создавал книгу как учебник (о чем подробно рассказано в авторском предисловии и в предисловии Мориса Омара), хотя многие посчитали ее слишком сложной для этого жанра. Мы же были убеждены в необходимости сделать этот труд доступным для российских читателей, когда приступали к работе (к сожалению, по разным причинам, она заняла существенно больше времени, чем мы планировали), и только укрепились в этом мнении к моменту выпуска книги в свет.

Главное, что, вопреки всем переменам в мире, текст Броделя (который автору так и не удалось — к счастью — превратить в учебник) не устарел, более того во многих отношениях он обрел характер подтвердившегося предвидения. Анализ долговременных тенденций общественного развития, данный автором в 60-е годы, по многим проблемам оказался поразительно точным и в силу этого требует самого внимательного отношения. Пять десятилетий, отделяющих нас от времени создания этого текста — наше преимущество. Столь существенная временная дистанция позволяет видеть, что некоторые оценки Броделя двадцать лет назад паверняка показались бы читателю абсолютно ошибочными, но полностью подтвердились через следующие двадцать. И это урок для читателя, которому сегодня что-то в оценках и прогнозах Броделя о характере цивилизационного развития вновь покажется несостоятельным. Может быть, нужно подождать еще пару десятилетий?

Наконец, *Грамматика цивилизаций* в высшей степени полезна в контексте российского цивилизационного дискурса. России и СССР в книге Броделя посвящена завершающая часть. Нет смысла пересказывать и интерпретировать ее в издательском введении, слишком глубоки и значимы для отечественного читателя содержащиеся в ней суждения одного из самых ярких и глубоких историков XX века.

Бродель учит истории

Эта книга является учебником или, скорее, основной частью учебника, впервые опубликованного в 1963 г. Он был задуман и написан для выпускных классов наших лицеев, и потому его пужно читать именно как учебник. Но это не предполагает никаких замечаний или оговорок. Это не заказной, написанный по случаю текст, в котором Бродель присутствует, но как бы скрыт за общепринятой формой учебника. Это именно учебник Броделя, написанный им в особых условиях и даже с вызовом. Этот созданный им текст, не для своих коллег и даже не для широкой публики, которая в ту пору его почти не знала, но для определенной аудитории — юншей и девушек от 16 до 18 лет (в одной из своих статей, появившейся в 1983 г. в итальянской *Коррьере делла Сера*, он назвал их «совершеннолетними»), к которым он обращался, равно как и к их педагогам.

Данный текст призван показать, что история, будучи самой требовательной, самой новой и самой любопытной из всех наук о человеке, может обучать; одновременно он хотел показать, как пужно преподавать историю. Фундаментальный принцип состоит в следующем: заинтересовать тех, кого учат, и дать им возможность лучше понять мир, в котором им предстоит жить. В его глазах нет истории как науки, которая не сможет дать ответ — путем постановки вопросов и в обход прошлого — на все то, что вызывает любопытство и неопределенность в настоящем.

Читая эту книгу в наше время (предисловие было написано в 1987 г. *Примеч. пер.*), становится понятно, почему автор, которого его издатель на протяжении десяти лет просил «адаптировать» текст к запросам более широкой публики, не отвечая прямым отказом, откладывал «адаптацию» на потом. У каждой книги своя логика повествования, которая не позволяет менять детали, а требует все начинать сначала. Он не переставал это повторять всем тем, кто работал рядом с ним: чтобы хорошо писать, а историю необходимо писать хорошо,

«на хорошем литературном языке», никогда не надо вносить исправления, а нужно все неумолимо переписывать от Адо Я, отыскивая самые точные и одновременно самые простые формы выражения своей мысли, добиваясь впечатления, что текст как бы «течет ручьем».

Вот почему мы считаем, что и сегодня книгу нужно предлагать читателю в ее оригинальной версии, отказавшись от иллюстраций, документов и комментариев. Парадоксально, но за такое представление книги частичную ответственность несет и сам Бродель, хотя трудно упрекнуть его в чем-нибудь двадцать пять лет спустя. Сегодня его первым читателям уже больше сорока, а те первые преподаватели, которые использовали его книгу, уже перевалили пятидесятилетний рубеж.

Как и в случае с его трудом *Средиземноморье*, Испания и Италия были первыми странами, где, начиная с 1966 г., появлялись переводы этой книги. Испания полностью издала ее в качестве университетского учебника для студентов в Мадриде, а Италия предложила самому широкому кругу читателей, опубликовав книгу в карманном издании, которое с той поры неоднократно переиздавалось. Неравномерность распространения данной книги в создаваемой единой Европе может вызвать удивление; на самом же деле, несмотря на сходство в сроках обучения и представлении изучаемых дисциплин, ее судьба свидетельствует о том, что школьное образование остается разделенным национальными границами. Добавим, что в самой Франции эта книга не получила именно в качестве учебника достаточного распространения: многие учительские советы той поры считали, что книга слишком сложна для восприятия и поэтому нужно выбрать что-то другое, а эту оставить в качестве «пособия для учителей» (в этом я сам смог убедиться в 1964 г., когда начинал свою профессиональную деятельность в одном из лицеев, расположенных к северу от Парижа).

Естественно, что подобное отношение ограничивало читательский успех книги, тем более что в ту пору школьные издательства в основном сами занимались распространением своей печатной продукции. Но тем не менее я охотно верю, что даже в тех неблагоприятных условиях книга находила половину своих истинных читателей и действительно становилась «пособием для учителей», которое помогало им преподавать историю именно в том духе, как того желал Ф. Бродель. Он многое сделал для того, чтобы новая и сложная программа по истории была в конечном счете принята, что не могло не вызвать его удовлетворения. Обеспечен ли сегодня в полной мере читательский успех этой книги, получила ли она, наконец, тот статус, на который вправе рассчитывать? Я полагаю, что это произошло, и в основе ны-

непременно ее успехам лежат три причины, на которых позволю себе остановиться подробнее.

Как и у многих других книг, у этой есть своя история, и, чтобы понять ее, нужно вернуться к историческому контексту ее появления, а именно к концу 50-х годов. Предпринятые после войны усилия по восстановлению страны и ее модернизации привели к концу 50-х годов к пересмотру фундаментальных структур французского общества, неадекватность которых казалась в ту пору очевидной для просвещенной и открытой зарубежным влияниям «элиты».

Что было верным для политики, было также верным для системы школьного и высшего образования, испытывавшей беспрецедентное давление извне от начальной школы до университета. Оно должно было принимать возросшее количество детей (результат послевоенного демографического взрыва) и обеспечивать более продолжительный период учебы, а также интегрировать в себя большее число преподавателей, что было непростым делом, учитывая полупустые классы сразу после окончания войны. Ученикам приходилось изучать, а учителям разными методами преподавать предметы, которые значительно обновились. Это требование качественного и количественного прогресса в образовании было необходимо учитывать при подготовке национальных кадров, прежде всего инженеров и врачей. Именно тогда возникла потребность в реформах, проходивших под лозунгом «управлять значит предвидеть». Но сами по себе реформы разделили мнение, потребителей и специалистов. Некоторые из этих реформ: в области обучения математическим и техническим наукам, медицины — были тогда же доведены до логического конца. Другие закончились крахом или были проведены лишь частично. Преподавание истории оказалось среди этих последних.

Принцип реформирования учебных программ по истории был принят еще до падения Четвертой Республики: первые изменения имели место в 1957 г. и коснулись программ VI класса; в 1962 г. реформы затронули и программы выпускных классов. Этот принцип был прост. Прежняя схема изучения истории, введенная с 1945 г., представляла собой разделение истории на последовательные, чередующиеся периоды развития: от изучения истории Месопотамии и Египта до изучения так называемой «современной» истории в двух последних классах: 1789—1851 гг. — в предпоследнем классе и 1851—1939 гг. — в последнем. Новая схема, принятая 19 июля 1957 г., была иной: в двух последних классах школы преподавали историю «основных современных цивилизаций», тогда как изучение современной истории (1789—1871 гг. и 1871—1945 гг.) начиналось на год раньше. Этот

предмет, названный «Основные современные цивилизации», включал в себя, согласно «Официальному Бюллетеню» от 25 июля, шесть основных «миров»: западный, советский, мусульманский, дальневосточный, азиатский (Юго-Восток) и африканский (собственно Черная Африка). Их изучению предшествовал вводный курс, призванный уточнить «концепцию и смысл» предмета: он должен был «прежде всего дать определение понятию цивилизации, объяснить форму изучения и включать для каждого из перечисленных «миров» три основных аспекта: основы; главные факторы развития; характерные современные черты каждой цивилизации».

В глазах Ф. Броделя этот перечень представлял собой скорее исправление прежних ошибок, чем настоящую победу. Выпущенный в ту пору оставить пост председателя жюри конкурса на замещение должностей преподавателей средних учебных заведений, где он в полной мере увидел трудности предстоящей «реформы конкурсного отбора», он принял предложение Анри Лоншамбона написать посвященную социальным наукам часть отчета о состоянии научных исследований во Франции, необходимого для составления пятилетнего плана развития. Но представленный им проект небольшого факультета экономических, социальных и политических наук натолкнулся на противодействие существовавших тогда факультетов схожего профиля (факультетов филологии и права), которым угрожала конкуренция. Представленный правительству в 1957 г. текст окончательного отчета («я не очень в это верит», видя «апатию и систематическое сопротивление всех тогдашних институтов, ссылавшихся на имевшиеся у них опасения и здравомыслие») трактовал проблему как «долговременную реформу», возможную в рамках «общей адаптации структур». Подготовленный Ф. Броделем текст был опубликован в первом выпуске журнала «Аппалы» за 1958 г. под названием *Социальные науки во Франции. Итог, программа*.

Однако эта первая неудача имела два последствия, вызвавших к жизни инициативой тогдашнего директора Управления высшего образования Гастона Берже. Появился проект создания в Париже Дома наук о человеке (или Дома социальных наук, поскольку в ту пору в 1958 г. официально использовались оба эти наименования), который был призван стать местом «объединения исследований» вокруг единой библиотеки и общих административных служб (механографический центр и картографическая лаборатория). Другой проект — это проект реформирования учебных программ выпускных классов лицеев, которые должны были подготовить учеников к поступлению в высшие учебные заведения и к пониманию ими сущности совре-

мешного мира. Реформа программ должна была также объяснить ученикам — через понятие цивилизации, — что изучение собственно истории должно сопровождаться знакомством с достижениями «близких социальных наук: географии, демографии, экономики, социологии, антропологии и психологии».

Но такой подход означал для некоторых возможность, пусть кратковременную, хотя бы на один год, отодвинуть изучение собственно истории на второй план: предлагаемая реформа оказалась слишком кардинальной, чтобы ее могли принять все в таком виде, и сопротивление не замедлило проявиться. Через два года возникла необходимость найти приемлемое для всех решение. В новом тексте (июнь 1959 г.) предмет «цивилизации современного мира» объединял Дальний Восток и Юго-Восточную Азию в единый «мир» Индийского и Тихого океанов, добавив заключительную часть в виде «глобальных проблем сегодняшнего дня». Период 1914–1945 гг. был вновь включен в программу выпускных классов, заняв целую учебную четверть, что нарушало общее равновесие программы. Хотя сражение не было окончательно проиграно, но оно не было и выиграно, свидетельством чему стали препятствия, чинимые при составлении методических разработок, определении изучаемых тем и пр. Напомним хотя бы один пример: в период преодоления колониального прошлого, в период, когда новые независимые государства пытались создать собственную историю, указ от 10 августа 1965 г. просто исключал всякое упоминание об «африканском мире».

Сдержанность в отношении новой программы становилась все более явной по мере приближения даты ее введения в процесс обучения. Понимая, что эта программа окончательно порывает с прежними подходами в школьном и высшем образовании (высшее образование той поры не включало в себя изучение многих из упомянутых социальных наук), ее противники из числа руководителей школьного образования спрашивали: как можно учить историю без подробного рассказа о событиях, без четких и контролируемых знаний на момент экзамена? Говорили о необходимости выбора между «фактами», с одной стороны, и «болтовней», «абстракцией», — с другой. Авторы вновь появлявшихся или обновляемых учебников открыто высказывали озабоченность и недоверие. Перечитаем введение одного из наиболее популярных учебников той поры (Изд-во Атье, 1962), бывшем пособием для учащихся подготовительных курсов при самых престижных высших учебных заведениях Франции: «Интерес этой программы не вызывает сомнений, изучение современного мира привлекательно для выпускников школ, но тем не менее трудности ее

претворения в жизнь неоспоримы. Множество технических понятий потребует пояснений. Пужно бы попроще...» Приведя мнения «специалистов» из числа университетских преподавателей и аспирантов, написавших отдельные статьи данного учебника, авторы введения далее продолжают: «Команда специалистов поставила перед собой цель создать простой и ясный труд, которого мы все желаем. Они хотели показать только крупные направления исторического развития, понять и пояснить... Начиная с 288-й страницы, когда мы подходим к истории цивилизаций, которая представляется более сложной, чем простой рассказ об исторических фактах, выделенный жирным шрифтом «список аргументов» дополняет текст. Он может стать оглавлением, кратким, но достаточным, для спешащего ученика, который бы желал быстро ознакомиться со структурой урока... В конце книги «заключительная, педагогическая, часть стремится ответить на важную обеспокоенность абитуриентов».

Заранее прошу прощения за эту длинную цитату, в которой я подчеркнул наиболее существенные выражения; цитата присутствует здесь не для того, чтобы обвинить кого-то или возобновить манихейский спор между приверженцами Старого и Нового. Она наилучшим образом показывает смысл и предмет дискуссии, а также опасения, которые вызывает «эта увлекательная, но претенциозная программа». Создавая этот учебник, Ф. Бродель как бы вступил в спор, не цитая никаких иллюзий относительно позиции своих оппонентов. Он намеренно выбрал сложный путь, посвятив свой труд «великим цивилизациям», т.е. проблеме, вызывавшей наибольшую критику и споры. В вводной его части, посвященной «истории и настоящему времени», в которой «педагогическая логика» должна отдать «предпочтение чтению после первой части программы» (истории с 1914 г. до наших дней...) «когда должно начаться изучение великих цивилизаций» он, не колеблясь, утверждает, что современный мир должен пониматься в совокупности его составляющих, т.е. с учетом требовательного изучения великих цивилизаций.

В целом можно сказать, что на момент выхода в свет этот учебник отличался от других: это была книга, написанная для того, чтобы вызывать споры. Приходилось отстаивать позиции, не совпадающие с позициями коллег; необходимо было не навязывать собственное мнение, а действовать методом убеждения, поясняя, что недостатки в знаниях существовали во все времена, что нельзя винить в них ни учеников, ни программы, ни учебники. Трудности в усвоении нового предмета — а о них говорится постоянно — не замалчиваются им и не преуменьшаются. О них говорится прямо.

Может показаться, что Ф. Бродель напрасно ступил на эту стезю, что его заранее ждало поражение, поскольку в то время инерция в системе школьного образования была все еще сильна; более того, она усугублялась быстрым ростом преподавательских кадров, сопровождаемым увеличением продолжительности обучения: кризис назревал еще до событий 1968 г. Можно думать также, что было бы предпочтительнее спорить на другом уровне, на уровне научных исследований, тем более что тогда наиболее передовые историки группировались, по свидетельству Л. Февра, вокруг развивающейся VI секции Практической школы высших научных исследований. Быть может, было бы более уместным вести дискуссию в стенах высшей школы, которая все еще отказывала ему в участии в присвоении ученых званий. Голос разума, как может показаться, должен был бы заставить его идти именно по этому пути: проводить научные исследования, обновлять историческую науку за счет привязки ее к другим социальным наукам, стимулировать приход в систему высшего образования лучших ученых исследователей, способствуя тем самым обновлению учебных программ и расширению перечня изучаемых в университетах наук, а также совершенствовать подготовку будущих учителей. Это был бы путь медленных перемен. Но Ф. Бродель не любит подчиняться тому, что казалось наиболее разумным.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить последние слова, которые он произнес на публике в Шато-валлоне 20 октября 1985 г.: «Люди, к которым я хорошо относился, говорили мне: "Да будь же ты наконец-то разумнее". И что же, вы думаете, я последовал их совету?» (*Une leçon d'histoire de Fernand Braudel, Chateauvallon, octobre 1985. Paris, Arthaud Flammarion, p. 224*). За присущей ему иронией скрывалось то, что он считал главным. В том, что касается образования (в данном случае изучения истории, но также и других дисциплин), основным для него было убеждение, что реформа не может быть частичной. Чтобы быть успешной, она не должна ограничиться каким-то одним уровнем, например начальной или средней школой, университетом. Необходимо, чтобы она затрагивала всю систему образования.

Но как бы там ни было, у Ф. Броделя все-таки осталось впечатление — довольно, впрочем, оправданное, — что в деле реформирования содержания школьного образования он потерпел неудачу. Еще до того, как новые официальные тексты убрали из выпускных классов и восстановили прежнее фактологическое изучение новейшей истории (с 1914 г., затем с 1939 г. до нашего времени), учебник Ф. Броделя («Бродель», как его называли) был фактически занесен в «черный список» и в 1970 г. перестал продаваться в книжных магазинах. Но

в его глазах проблема была не в книге: проблема состояла в том, как учить истории. Этот вопрос волновал его до конца дней.

Даже накануне смерти он продолжал выступать с критикой «новых и новейших» программ по истории. За четыре или пять лет до появления воспроизведенной здесь статьи в *Коррьере делла Сера* (1983) он изложил свои возражения в ходе дискуссии, в которой принимали участие Ж.-П. Шевенманн, М. Дебре и А. Деко. В своем последнем выступлении в Шатоваллоне он вновь повторил свои аргументы. Сохранилась также видеозапись его выступления перед учащимися в Тулоне, где он говорит о знаменитой осаде города в 1707 г. (этому событию он посвятил много страниц в своей книге *Что такое Франция?*). Впрочем, он адресовал свои слова не только учащимся: 17 октября он ответил на некоторые вопросы преподавателей относительно изучения истории, места в ней науки и техники, относительно истории искусства, истории географии, а также относительно школьных программ по истории.

Мой коллега Жильбер Бути записывал его ответы, которые свидетельствовали о неизменности его позиции. Он вновь говорил о том, что история должна быть открыта другим наукам о человеке, однако не смешиваться с ними, поскольку она одна изучает прошлое именно как прошлое, что позволяет ей лучше понять настоящее. Он вновь настаивал на своем несогласии с составителями учебных программ, которые ухитряются ставить проблемы в порядке обратном тому, в каком они решаются. В начальных классах — новая история. Затем традиционная история с повествованием, изложением событий, хронологией, войнами. По его мнению, требовался противоположный подход, о котором он говорил в Шатоваллоне: «Если бы я за это отвечал, то вначале я бы учил традиционной истории, истории-повествованию: ведется рассказ, затем он прерывается, даются объяснения наиболее важным вещам и время от времени даются примечания из области социологии, социальной экономики... я бы сконцентрировал изучение новой и новейшей истории вплоть до современности в выпускных классах. Я также считаю совершенно неправильным, что на экзамене на аттестат зрелости детям задают вопросы относительно периода 1945—1985 гг. Если бы я был экзаменатором, то я бы завалил на таком экзамене любого историка! Впрочем, если бы я себя спрашивал, то я бы и себя завалил!»

Эти слова — не шутка, произнесенная в пылу полемики. Статья в цитируемой здесь итальянской газете еще более четко выражает те же мысли.

В свойственной ему манере Ф. Бродель на протяжении всей жизни утверждал свою веру в создание такого педагогического проекта, кото-

рый бы позволил истории занять периферийное место в школьном образовании, использовал ее в качестве предпочтительного «инструмента» для объяснения и понимания мира, для связи между собой прошлого и настоящего. Он также не переставал повторять, что традиционная история — повествование, основанное на точной хронологии, — является единственной дисциплиной, способной привлечь внимание самых молодых учащихся «детей», которых он противопоставлял «совершеннолетним», т.е. учащимся старших классов, — привить им «необходимое понимание времени». Это не случайное заявление, не попытка от имени непонятого экumenизма связать между собой «традиционную историю» и «новую историю», что шло бы вразрез с его стремлением в качестве исследователя и научного администратора разделить их. Он просто хотел отвести обвинения от той исторической пауки, которую он сам называл «передовой» (подобно тому как говорят о передовых технических и математических науках) и которую в чем только не упрекали: вспомним, что именно ее обвиняли в том, что она способствовала возникновению майских событий 1968 г.

С возрастом, с учетом накопленного опыта и горечи поражений, Ф. Бродель уточнял и укреплял свою позицию в данном вопросе. Но ее истоки нужно искать в начальном периоде его деятельности, в опыте, который он накопил, будучи в течение десяти или двенадцати лет школьным учителем второй ступени в Алжире и Париже (с 1923 по 1935 г.). Он всегда считал, что исследовательская работа стимулирует и оживляет историю, но при этом полагал, что историю необходимо преподавать. Вот почему одна из его первых лекций (в Институте образования Сан-Паулу, Бразилия, сентябрь 1936 г.) называлась «Методика преподавания истории»: текст лекции, опубликованный на португальском в журнале *Archives* этого института, был перепечатан в Историческом журнале Сан-Паулу (*Revista de historia*, 1955, No 23. Рр. 2–21). В ту эпоху он уже начал писать свою книгу о Средиземноморье) и в данной лекции (так и хочется сказать «Бродель до Броделя») он сжато высказал то, что не уставал повторять на протяжении последующих 50 лет.

Чтобы превратить «школьный роман» в «роман приключенческий» (я вольно перевожу с португальского) необходима простота в объяснении главного; речь не идет о «той простоте, которая искажает истину, заполняет собой пустоту и прикрывает посредственность, но о той простоте, которая представляет собой ясность, свет интеллекта...» Пужно всегда рассматривать что-то конкретное как часть единой цивилизации: Грецию как часть цивилизации Эгейского моря от Фракии до Крита, а не только как часть Балканского полуострова, Египет как

часть цивилизации освоенного человеком Шила». Примером для него был Апри Пиренц, «ведущий историк современного французского языка», который отдавал предпочтение не книге, а слову. Чтобы тебя лучше поняли, нужно отказаться от абстрактных терминов. Чтобы тебя услышали, нужно «сохранить присущий истории драматизм», сделать так, чтобы «история оставалась всегда интересной». Учить истории — это прежде всего уметь ее рассказать. И в заключении: «От истории к дидактике есть как бы переход, схожий с переходом от одного водного потока к другому... Внимание: ваша педагогическая задача не должна быть ориентирована на ваши научные предпочтения. Я на этом настаиваю. Было бы неправильно, если бы преподаватель говорил все время об общественных формациях, о чеках, о стоимости зерна. Историография медленно прошла различные фазы развития. Она была некогда историей государей, историей сражений или зеркалом, в котором отражались политические события; сегодня, благодаря усилиям первопроходцев, она погружается в экономические и социальные реалии прошлого. Эти этапы схожи со ступеньками лестницы, которая ведет к истине. Когда вы говорите со студентами, не старайтесь перепрыгнуть через ступеньки...» Важно, добавляет он далее, заимствуя пример из области географии, которая во Франции в практике обучения тесно связана с историей, не объяснять феномен приливов и отливов, используя для этого точную теорию, а уметь подойти к этому вопросу.

Эти строчки показывают, что свой выбор он сделал рано и был верен ему до последних дней. Ф. Бродель сохранил страстное увлечение преподаванием истории. И разве сегодня, когда проходит новая реформа исторического образования, его подход потерял свою актуальность? Кстати, эти его предложения верны для преподавания не только истории, но и других дисциплин, таких как математика или грамматика.

Третий аспект, который я здесь лишь намечу, касается необходимости рассматривать этот его труд в общем контексте его сочинений. Ссылаясь на особый успех его книги *Средиземноморье*, многие пытались найти противоречия между этой книгой и такими его трудами, как *Материальная цивилизация* и *История Франции*, пытались классифицировать их по степени важности. Я же полагаю, что все его творения сегодня только выигрывают, когда с ними знакомятся в комплексе. Сама манера его письма, его речи, где есть повторения (его любимым девизом было «учить значит повторять»), способствовали лучшему изложению мысли, обогащала его формулировки и стиль. Она позволяла ему использовать различные идеи и концепции, усваивать одни из них и отказываться от других, лучше выражать их и находить им окончательное

место. Его повторы в различных текстах напоминают способ укладывания черепицы на крыше, когда одни ее кусочки накладываются на другие, что в целом создает единую и однородную поверхность. К тому же, его повторы не были однообразными, в них каждый раз возникали новые мотивы, которые вначале лишь обозначались, а затем постепенно развивались и интегрировались в общую картину.

В этой перспективе данная книга занимает промежуточную позицию между, с одной стороны, первым изданием *Средиземноморья* (1949) и — с другой, его вторым изданием (1966) и появлением первого тома *Материальной цивилизации* (1967). Она опирается на пятую главу *Французской энциклопедии* (т. XX, 1959 г., «История цивилизаций: прошлое объясняет настоящее»), переизданную затем в *Сочинениях по истории* (*Ecrits sur l'Histoire*, 1969. Рр. 255—314), а также на другие тексты тех же лет, среди которых первое место занимает «История социальных наук. Долговременное развитие» (*Annales E.S.C.*, 1958). Она дала ему возможность развить его идеи относительно самого понятия цивилизации, которая рассматривается как «панпервейшая и наиболее сложная из постоянных величин» со всеми свойственными ей противоречиями (в этом ему очень помогли советы и знания многочисленных исследователей, которых он привлек к работе в Практической школе высших научных исследований). Цивилизации, отмечал он, «являются братскими и либеральными, но вместе с тем закрытыми, исключительными, с трудом поддающимися воздействию на них»; они «одновременно мирные и воинственные»; «на удивление постоянные и в то же время мобильные и изменчивые».

Постепенно у него вырабатывался свой собственный словарь термин-типов, дополняемый соответствующими образами. Постепенно он уточнял смысл каждого слова, создавал собственную систему, позволявшую ему четко обозначить контуры многоплановой реальности, выделить то, что не поддается анализу в силу своей неясности. Достаточно вспомнить о понятии культуры, о котором он долго размышлял, о взаимоотношениях цивилизации и культуры: культура, считал он, «это цивилизация, еще не достигшая зрелости, не достигшая своего оптимума, не обеспечившая своего развития» (*Материальная цивилизация*. Т. 1). По отношению к пространству, к обществу, к экономике и коллективному менталитету цивилизация идентифицировалась для него в 1963 г. с процессом долговременного развития: «Это то, что проходит через этапы сменяющихся экономических и общественных формаций и продолжает существовать, лишь в небольшой мере подвергаясь изменениям». Но в его глазах цивилизация не была тем же, что вся история в целом, для обозначения которой в тот пери-

од жизни (1959) он искал специального понятия: ни цивилизация и ни культура. Позднее он обозначил ее понятием общества (в единственном числе), которое определил как «совокупность совокупностей».

Ф. Бродель часто обращал на свой счет (последний раз во введении к книге *«Что такое Франция?»*) утверждение Марка Блока: «Не существует только истории Франции. Существует лишь история Европы». Но к этому утверждению он добавлял: «Не существует истории Европы, существует история мира». Ему не хватило времени, чтобы завершить свою историю Франции. Что касается истории Европы, то он лишь наметил ее (*L'Europe, Paris, Arts et Metiers Graphiques*, 1982), продолжив то, что начал своим трудом *Средиземноморье*. В книге *Материальная цивилизация, экономика и капитализм* он представил историю мира, которая завершалась вопросом о настоящем и ближайшем будущем. Данная книга подготавливает и дополняет вышеуказанный труд.

Морис Эмар,
профессор, директор Дома наук о человеке

Вместо предисловия*

Хватило одного лишь замечания президента Франтии Франсуа Миттерана, сделанного им в одной из своих речей, чтобы вновь началась полемика относительно преподавания истории. Впрочем, создается впечатление, что ее участники только ждали повода, чтобы возобновить былые споры.

Действительно, это давняя дискуссия, но она все еще будоражит умы и не оставляет равнодушным никого: ни простых людей, ни когда не интересовавшихся историей, ни политических деятелей, вынужденных прислушиваться к общественному мнению, ни журналистов, ни тем более преподавателей истории. Это старая дискуссия, которая нас ничему новому не учит, тем не менее круг ее участников не перестает расширяться. Все противоположные точки зрения падают в ней свое место, «подтягиваясь» к месту сражения под грохот орудийной канонады, как настоящие войсковые соединения.

В принципе речь идет всего лишь о школьных программах изучения истории в начальных классах, но, что интересно, о них-то и говорят меньше всего. О программах преподавания истории в старших классах также говорят намного больше, чем их анализируют. Все обеспокоены результатами усвоения истории подрастающим поколением, которые часто оценивают как шокирующие, что позволяет говорить о подлинной или мнимой катастрофе в деле обучения истории. По разе эти результаты могли быть, и были в действительности когда-нибудь и где-нибудь блестящими? Примерно в 1930 г. в одном из тогдашних исторических журналов была открыта колонка, в которой публиковались оговорки, промахи и грубые опшибки

* Данный текст представляет собой статью Фернана Броделя, опубликованную в 1983 г. итальянской газетой «Корriere della Сера». Редакторы французского издания сочли, что она более всего подходит в качестве авторского предисловия к книге *Грамматика цивилизации*. — *Примеч. ред.*

лицеистов. И это несмотря на то, что в то время учились по якобы непогрешимому учебнику Малле-Исаака, о котором все участники сегодняшней дискуссии говорят в превосходной степени.

По сути в центре полемики оказался вопрос о самом историческом развитии в его различных формах. Одни полагают, что традиционный подход к изучению истории с его приверженностью к повествованию, с его рабской преданностью этому повествованию перегружает память, концентрируясь на исторических датах, на именах героев, на поступках и жестах исторических персонажей. Другие считают, что «новый», претендующий на «научность» подход к изучению истории, акцентирующий внимание прежде всего на долговременности исторического развития и недооценивающий историческое событие как таковое, является в действительности той главной причиной педагогических недоработок, которые позволяют говорить о настоящей катастрофе в преподавании истории, где наименьшее зло — это непростительное забвение хронологии. Обоснована ли эта полемика между сторонниками старых и новых подходов? На деле, дискуссия, носящая скорее педагогический, чем научно-теоретический характер, вуальрует полнинные проблемы и скрывает полтинные причины недозволения вместо того, чтобы объяснять их обществу.

Сложен ли вопрос сам по себе? В средней школе вы имеете дело сначала с ребенком, а затем с молодым человеком. Вполне естественно, что в определенный момент нужно менять методику преподавания — это верно как для истории, так и для других дисциплин. Проблема состоит в том, каким образом вы должны распределять вопросы для изучения по всему школьному курсу, стараясь добиться того, чтобы вопросы вытекали один из другого и не дублировали друг друга. В начальный период перед вами еще дети, в конце — взрослые молодые люди. Что подходит одним, то не подходит другим. Нужно преподавать им по-разному, а для этого необходимо иметь руководящую идею, уметь классифицировать и выделять самое необходимое, без чего нельзя добиться внимания слушателей.

Что касается обучения детей, то я всегда был сторонником простого, иллюстрированного рассказа, не исключавшего ни телевизионных сериалов, ни кинофильмов. В общем и целом это традиционный подход к изучению истории, но в улучшенном варианте, адаптированном к средствам массовой информации, к которым дети привыкли. Я говорю со знанием дела, поскольку, как и все преподаватели моего поколения, долгое время преподавал в лицах, причем всегда просил, чтобы наряду с преподаванием в старших классах и участием в экзаменационных комиссиях мне предоставлялась воз-

возможность работать с детьми от десяти до двенадцати лет. Ведь это прекрасная, зачастую зачарованная аудитория, перед которой можно излагать историю как сюжет кинофильма. Но и здесь главная проблема заключается в том, чтобы показать аудитории перспективу, реальность прошлого, направления и значения исторического развития, последовательность событий, что в первом приближении делает прошлое узнаваемой реальностью. Я считаю неприемлемым сам факт того, что среднестатистический ученик оказывается неспособным соотносить во времени Людовика XIV и Наполеона или Данте и Макиавелли... Прошлое — по мере его узнавания — должно все больше помогать избегать путаницы. Но для этого необходимо доступное повествование, которое как бы само по себе открывает перед слушателем мир театра, природы, общей исторической перспективы. Мы оказываемся в той или иной исторической обстановке — то в Венеции, то в Бордо, то в Лондоне...

Наряду с изучением меняющегося времени необходимо учить и терминологию — правильно пользоваться словами, обозначающими абстрактные и конкретные понятия... Нужно объяснять ключевые понятия: что такое общество, государство, экономическая формация, цивилизация... При этом учить нужно как можно проще. Требовать знания основных исторических дат, умения «распределять» во времени выдающихся личностей, пусть и отвратительных, но оставивших важный след в истории. Надо всех расставить по местам.

А теперь мы оказываемся по другую сторону возрастного разграничения аудитории: перед лицом молодых людей, которые сегодня более свободны, но вместе с тем и более несчастны, чем мы когда-то в их возрасте, ибо они не довольны существующим положением вещей, зачастую не осознавая при этом, что мир вокруг них меняется, меняется общество, быт, что и объясняет недовольство, тоску, и вообще поступки молодых. Вполне возможно, что они менее развиты, меньше читают, но вместе с тем у них более острый ум, они более любопытны, чем мы в их возрасте. Так как же учить их истории?

В предпоследний год школьного обучения в соответствии с нашими программами, представляющимися абсурдными, мы рассказываем им о развитии мира в период между 1914—1939 гг., а в последний год обучения — о событиях после 1939 г. Какой же это необъятный мир, сколько в нем произошло политических перемен, войн, общественно важных событий, конфликтов, дат... Я готов поспорить с любым историком, даже обладающим недюжинной памятью, что он скорее всего не выдержит фактологического опроса, столкнувшись с потрясающим обилием событий, зачастую ничтож-

ных сами по себе и следующих одни за другими без всякого видимого смысла... Перед моими глазами последний из увидевших свет учебников о «Настоящем времени», о котором говорят, что он лучше других. Я его нахожу полезным, хорошо написанным, но он меня разочаровывает. Ничего стоящего в нем не сказано о капитализме, об экономических кризисах, о пародопаселении, о цивилизациях за пределами Европы, о глубинных причинах локальных конфликтов, которые изучаются вроде бы сами по себе.

Откуда этот подход, который иначе чем абсурдным, не назовешь? Причина кроется в абсурдном решении Министерства национального образования. Что касается меня, то я бы, в соответствии с моими встдашними предложениями, ввел изучение начал новейшей истории в программу последнего года учебы в лицее. Новейшая история должна стать соединением различных наук о человеке. Эти различные науки рассматривают и объясняют современный мир в целом, делая происходящие события понятными. Мне кажется также необходимым, чтобы в возрасте 18 лет, в преддверии начала любой профессиональной деятельности, молодые люди были бы уже знакомы с нынешними экономическими и общественными проблемами, с крупнейшими конфликтами, вызвавшими столкновениями разных культур, с множественностью цивилизий. Иначе говоря, они должны понимать, что они читают, когда открывают газеты.

А сделано было обратное. Новейшая история преподается в предыдущих классах, где от ее изучения нельзя ожидать положительных результатов. И разве могло быть иначе?

В итоге два вышеуказанных подхода к изучению истории были использованы неверно и вошли в противоречие друг с другом. Отсюда очевидная путаница, которую усугубляет полученная учителями после 1968 г. свобода выбирать по собственному усмотрению ту или иную часть программы. Вот и получается, что в результате стечения обстоятельств, вызванных ими сменой преподавателей, или случайным выбором одного из них, некоторые ученики за все время пребывания в школьных стенах так никогда и не узнают о важных этапах прошлого. Теряется сама нить хронологической последовательности событий...

К сожалению, в преподавании истории в школе произошло то же, что случилось с математическими дисциплинами и грамматикой... Зачем при помощи ниток и пуговиц учить десятилетних детей математике, если многие из них никогда не освоят в совершенстве арифметические действия, а большинство так никогда и не подойдет к изучению высшей математики? Лингвистика потрясла грамматику

так же, как если бы, образно говоря, кабан перепахал картофельное поле. Она навязала ей усложненный и зачастую непонятный язык, который к тому же оказался абсолютно бесполезным. Результат? Никогда еще орфография и грамматика не были в таком забвении. Но здесь не виноваты ни лингвистика, ни выпящая математика, ни передовая историческая наука. Они занимаются тем, чем и должны заниматься. Не их дело задумываться о том, что и в каком возрасте должно изучаться. Виноваты составители программ с их претензиями на интеллектуальность. Они хотят всего и сразу. Я за них рад в том, что касается их личных честолюбивых планов. Но они должны стараться быть понятными для тех, кто от них зависит, особенно когда речь идет о трудноусваиваемых вещах.

Я спрашиваю себя, в какой мере эта полемика может оказаться интересной для итальянского читателя. Если задуматься, то спор представляется чрезвычайно важным и в силу этого не может никого оставить равнодушным. Кто будет отрицать огромную роль истории? Конечно же, она не должна ни ограничиваться подпиткой всегда заслуживающего критики национализма, ни чрезмерно углубляться в гуманизм, которому я отдаю предпочтение. Важно то, что история — это тот ингредиент, без которого оказывается лишенным доверия любое национальное сознание. А без такого осознания невозможна никакая самобытная культура, подлинная цивилизация ни во Франции, ни в Италии.

Фернан Бродель

Введение

История и настоящее

Эти первые страницы уточняют смысл тех усилий, которых требует от учеников выпускных классов лицеев новая программа по истории. Эти страницы открывают книгу согласно простой житейской логике. Однако педагогическая логика может с этим не согласиться. Вот почему чтение этих страниц может оказаться отнесенным к началу второго триместра, когда учащиеся приступят к изучению крупных цивилизаций, что само по себе непросто, будут уже знакомы с терминологией и соответствующими философскими спорами. Вместе с тем нельзя исключать и возможность того, что изучение курса может начаться именно с этих страниц.

Новая программа по истории в выпускных классах ставит непростые проблемы. Она претендует на объяснение современного мира в том виде, в каком он открывается нашим глазам, причем зачастую используя для этого усложненные термины; мир этот может быть понят только при таком историческом подходе, который включает смежные общественные науки: географию, демографию, экономику, социологию, антропологию, психологию...

• Три последовательных объяснения

Того, кто пытается объяснить современную действительность, можно обвинить в претенциозности. Считают, что самое большое, на что можно рассчитывать, это попытаться лучше понять современность, используя для этого тот или иной подход. Ваша программа предполагает последовательно три таких подхода.

Прежде всего необходимо знать, что сегодняшшний период истории частично объясняется периодом, который ему непосредственно предшествовал. Для такого краткого экскурса в прошлое история с легкостью заговорит. Итак, первая часть вашей программы будет посвящена драматическим, зачастую просто нечеловеческим дням и годам, которые мир пережил начиная с Первой мировой войны, с августа

1914 г., и до настоящего времени. Эти события поистине перевернули мир, максимально драматизировали начало XX в. и все еще отзываются многоголосым эхом в нашей теперешней жизни.

Сами по себе эти прошлые события одновременно объясняют и не объясняют настоящее. Дело в том, что современность есть продолжение — в разной степени — тех событий, которые имели место в близком и далеком прошлом. Современность впитывает в себя предшествующие века и даже «все историческое развитие человечества вплоть до наших дней». Тот факт, что настоящее подразумевает опыт прошлого в таких масштабах, не должно вам показаться абсурдным, хотя у всех нас есть склонность непроизвольно рассматривать окружающий мир как кратковременный период нашего собственного пребывания в нем и видеть его историю как быструю смену кадров в кинофильме, где все следует одно за другим или все перемешивается: войны, сражения, встречи на высшем уровне, политические кризисы, дни революционных потрясений, революции, экономические кризисы, идеи, интеллектуальная и артистическая мода...

Однако нетрудно заметить, что человеческая жизнь включает в себя множество иных реальностей, которые могут занять свое место в потоке событий: пространство, в котором живут люди, социальное окружение, определяющее их бытие, этические осознанные и неосознанные правила, которым они подчиняются, их религиозные и философские верования, их собственная цивилизация. Эти реалии живут гораздо дольше нас и у нас часто в течение всей нашей жизни не хватает времени заметить, как они кардинально меняются.

Если мне будет позволено прибегнуть к сравнению, окружающий нас физический мир — горы, реки, ледники, побережья — подвергается изменениям. Они столь медленны, что никому из нас не дано заметить их собственными глазами, если только мы не прибегаем к сравнению с далеким прошлым или не исследуем их научными методами, выходящими за рамки нашего личного наблюдения. Жизнь наций, цивилизаций, психика или религиозное настроение внешне кажутся более подвижными, однако поколения людей сменяются, не слишком их затрагивая. Напротив, что не уменьшается, так это значение тех глубинных сил, которые входят в нашу жизнь и кроют мир по своей мерке.

Итак, близкое и более или менее удаленное от нас прошлое смешиваются в множественности настоящего: когда близкая история бежит к нам во весь опор, удаленная от нас история сопровождает нас медленными шагами.

Это далекое прошлое, эта *теле-история* и есть предмет изучения второй части вашей программы. Выбрать великие цивилизации в ка-

честве «понятных рамок» настоящего мира означает перегнуть быстрое движение истории в тот период, который вы изучаете, т.е. с 1914 по 1962 г. Это приглашение поразмышлять об истории с медленным дыханием — о «долговременной истории». В этом смысле цивилизации предстают в особом свете, поскольку их «долгожительство» выпле нашего понимания. Будучи неправдоподобно старыми, они продолжают жить в каждом из нас; и они еще долго будут существовать после нашего ухода.

Представив эти два объяснения (ближайшая история, давняя история), ваша программа вызывает третье: на этот раз речь идет об определении значимых проблем 1962 г., взятых в масштабе всего мира. Разделим эти проблемы по категориям: политические, социальные, экономические, культурные, технические, научные... В целом от вас требуется отделить — в свете двух рассмотренных исторических подходов — главное от вторичного в окружающей нас вселенной.

Обычно историк размышляет о прошлом и если имеющиеся свидетельства не позволяют ему точно определить это прошлое, то он по крайней мере заранее знает (возьмем, к примеру, события XVIII в.), через какие веки проходит эволюция Века Просвещения, и одно только это само по себе важное знание оказывается существенным элементом анализа. Он знает отгадку. Когда же речь идет о современном мире, который предстает перед нами чередой возможностей, то выделить важнейшие его проблемы означает вообразить отгадку, т.е. определить среди всех открывающихся возможностей именно те, которые станут реальностями завтрашнего дня. В этом и заключается трудность, непредсказуемость, безусловная необходимость.

Кондорсе считал, что такого рода манипуляции законны. Серьезные историки берут на себя смелость защищать прогнозы, как бы это ни было опасно. Английский экономист с мировым именем Колин Кларк в 1951 г., базируясь на данных тогдашней статистики, подсчитал вероятные параметры экономики будущего. Жан Фурастье уверенно говорил о *цивилизации 1980 г.*, оперируя данными 1960 г. и исходя из принципа разумной экономической политики. Такая хрупкая «наука», как прогнозирование, позволяет философу Гастону Берже специализироваться на распознавании ближайшего будущего: футурология, какой бы она не была и какие бы ужасные пророчества не звучали в устах некоторых экономистов, позволяет на законном основании представить крохотный кусочек ближайшего будущего, рассчитанного заранее и почти осязаемого.

Такой подход иногда вызывает улыбку. Но у него есть по крайней мере одно преимущество: в путанице настоящего определяется буду-

шая главная линия развития, которая, являясь верной или наполовину верной, обнажает, прежде всего в силу своей направленности прямо в цель — к будущему, самые значимые проблемы сегодняшнего дня и пытается придать им определенный смысл. *Современный мир — это мир в становлении.*

У вас перед глазами вероятная карта народонаселения мира на 2000 год. Помимо всего прочего она позволит вам поразмышлять и понять, что ни один составитель планов на будущее (а ведь планирование — это прежде всего тщательное и устремленное в будущее изучение значимых проблем современности) не сможет отныне делать это без того, чтобы не держать перед глазами эту карту. Она поясняет известное замечание президента Республики Берег Слоновой Кости У. Буапи о том, что в Азии и Черной Африке планирование при в коем случае не может быть аналогичным, поскольку слаборазвитость в одном случае сочетается с избыточным населением, а в другом — с его недостаточностью.

• История множественна и едина

Вас, наверно, удивит, что история может стать предметом спекуляций, что она хочет быть наукой настоящего при всей неопределенности последнего. Нет ли здесь злоупотреблений? Не стремится ли она, подобно сказочному волку, вырядиться в чужие одежды, а точнее в одежды близких ей общественных наук? Об этом мы поговорим в начале второй части данной книги. Тогда эта проблема станет для вас понятнее, поскольку это проблема времени, взятого само по себе, а время будет рассматриваться в перспективе вашего обучения философии.

Очевидная множественность объяснений истории, разрыв между различными взглядами на нее, их противоречия приходят к согласию в свойственной истории *диалектике*, основывающейся на разнообразии самого исторического времени: быстротекущее время событий, удлинненное время исторических эпизодов, медленное, ленивое время цивилизаций. Когда речь идет о исследовании отдельного исторического события, то можно остаться в границах того или иного исторического времени. Напротив, когда речь идет о любой попытке *глобального* исторического осмысления, например об истории цивилизаций, тогда, как в искусстве фотографии, нужно увеличивать количество кадров различной выдержки, чтобы затем свести их в единое целое, как искусно смешанные цвета солнечного спектра обязательно восстанавливают белый солнечный свет.

ГРАММАТИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Перемены в терминологии

Как было бы хорошо дать четкое и простое определение слову «цивилизация» подобно тому, как мы определяем прямую линию, треугольник, химический элемент...

К сожалению, терминологический словарь наук о человеке не позволяет использовать слишком категоричные определения. Это не значит, что все понятия здесь неопределенны или находятся в процессе становления. Просто большинство терминов оказываются не определенными изначально, они меняются в зависимости от использующих их авторов и не перестают эволюционировать на наших глазах. Как говорит Леви-Стросс, «слова — это те инструменты, которые каждый из нас волен использовать по своему усмотрению с тем, однако, условием, что он объясняет свои намерения». Это означает, что в дисциплинах, относящихся к наукам о человеке (как, впрочем, и в философии), самые простые слова меняют свое значение в зависимости от мысли, которая дает им жизнь и их использует.

- Слово «цивилизация», являющееся неологизмом, во Франции появляется поздно, в XVIII в., прием незаметно.

Оно возникло в качестве производного от прилагательного «цивилизированный, культурный», от глагола «цивилизовать, приобщать к культуре», которые до этого уже давно существовали и в XVI в. уже были в обиходе. Слово «цивилизация» еще в 1732 г. оставалось термином сугубо юридическим и означало судебный акт или судебное решение, которое превращало уголовный процесс в гражданский. Современное выражение — в смысле «перехода к цивилизованному

состоянию» — возникло позднее, в 1752 г., под пером Тюрго, который готовил в то время свой труд по всемирной истории, но сам его так и не опубликовал. Впервые в напечатанном тексте это слово появилось в работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1756) Мирабо, который был отцом знаменитого революционного трибуна. Речь там шла об «орудиях цивилизации» и даже о «роскоши ложной цивилизации».

Забавно, по Вольтер не использовал слово «цивилизация», хотя сам был тем человеком, который фактически создал данное понятие в своей книге *Опыт о нравах и духе народов* (1756) и сделал первый набросок общей истории цивилизации» (И. Хейзинга).

В своем новом значении *цивилизация* противопоставляется *варварству*. С одной стороны, существуют цивилизованные народы, с другой — народы дикие, примитивные, или варварские. Даже понятие «корошье дикари», столь дорогое некоторым авторам XVIII в., не означает *цивилизированные*. Нет никакого сомнения, что французское общество в эпоху конца царствования Людовика XV в новом слове «цивилизация» не видит с удовлетворением портрета своего времени, которое и сейчас, по прошествии веков, еще может показаться нам соблазнительным. Чтобы там ни было, это слово возникло, потому что в нем нуждались. Доэтого слова *вежливый, приобщенный к культуре, учтивый, цивилизованный* в смысле *культурный* (т.е. тех, кто обладал хорошими манерами и знанием света) не соотносились ни с одним существительным. Слово *police* (*полиция*) обозначало скорее общественный порядок, что было довольно далеко по смыслу от прилагательного *poli* (*воспитанный, вежливый, культурный, светский*), значение которого *Универсальный словарь* Антуана Фюрельера (издан в 1690 г.) определял следующим образом: «Используется в моральном смысле и означает цивилизованный. Цивилизовать, облагородить нравы, приобщить к культуре и обществу... Ничто так не цивилизует и не облагораживает молодого человека, как общение с дамами».

- Цивилизация и культура. Выйдя за пределы Франции, слово «цивилизация» быстро становится общепринятым в Европе. Его сопровождает слово «культура».

В Англию это слово приходит в 1772 г., а может быть, и раньше, приобретает написание *civilization* и замещает слово *civility*, бывшее в обиходе уже долгое время. Без труда оно завоевывает и Германию (*Zivilisation*), где соседствует со старым словом *Bildung*. В Голландии, напротив, оно сталкивается с существительным *beschaving*, образо-

ванным от глагола *beschaven*, что означает «утончать вкус, облагораживать, цивилизовать». *Beschaving*, используемое примерно в том же значении, без труда берет на себя понятие цивилизации и успешно противостоит иноземному слову, хотя иногда используется и оно — в написании *civilisatie*. То же противодействие и по тем же причинам встретило новое слово и тогда, когда оно нерешло Альпы: в Италии уже существовало и быстро вошло в обиход «цивилизация» старое и красивое слово *civiltà*, которое еще использовал сам Данте. Оказавшись на своем месте, итальянское слово *civiltà* помешало внедрению в разговорную речь нового иностранного слова, но не смогло помешать бурным дискуссиям вокруг самого понятия. В 1835 г. Романоси сделал неудавшуюся попытку внедрить слово *incivilimento*, которое в понимании этого автора означало переход к цивилизации, а также и саму цивилизацию.

Распространяясь по Европе, новое слово «цивилизация» шло рядом со старым — *культура* (еще Цицерон писал: «*Культура есть душа философия*»), которое «молодело» и приобретало почти то же значение, что и цивилизация. Долгое время слово *культура* оставалось как бы дубликатом слова «цивилизация». Так, в своих лекциях в берлинском университете в 1830 г. Гегель равно употребляет и то и другое слово. Но настал день, когда оказалось необходимым различать их.

Понятие цивилизации имеет в действительности по меньшей мере двойной смысл. Оно означает одновременно моральные и материальные ценности. Карл Маркс, например, отличал *инфраструктуры* (материальные) от *суперструктур* (духовных), которые были взаимозависимыми. Шарль Сеньобос шутил: «Цивилизация — это дороги, порты и причалы», желая тем самым сказать, что цивилизация — это не только разум (дух). «Это все человеческое знание», — утверждал Марсель Мосс, а историк Эжен Кавеньяк говорил: «Это минимум науки, искусства, порядка и добродетели...»

Итак, цивилизация имеет по меньшей мере два уровня. Отсюда попытка многих авторов различать два слова — *культура* и *цивилизация*, представляя дело таким образом, что одно слово несет в себе духовный смысл, а другое означает материальные блага. Но случилось так, что никто не принял окончательно такого деления: в разных странах и даже в одной стране, в разное время, разные авторы трактовали эти слова по своему.

В Германии после некоторого периода колебаний приоритет практически был отдан слову «культура» (*Kultur*) при сознательном обесценивании слова «цивилизация». Для Ф. Тённиса (1922) и Альфреда Вебера (1935), «цивилизация» означает лишь единство технических

и практических знаний, набор средств для воздействия на природу; напротив, «культура» представляет собой нормативные принципы, ценности, идеалы — одним словом, разум (дух).

Эти позиции объясняют странное на первый взгляд для француза замечание немецкого историка Вильгельма Моммзена: «Сегодня (1951) долг человека состоит в том, чтобы помешать цивилизации разрушить культуру, а технике — человеческое существо». Эта фраза удивляет нас потому, что в нашей стране, как в Англии или США, слово «цивилизация» остается доминирующим, тогда как в Польше и в России, подобно Германии и под ее влиянием, первое место занимает слово «культура». Во Франции слово «культура» сохраняет свое значение только при обозначении «всякой *личной* формы духовной жизни» (Анри Марру): мы говорим о культуре, а не о цивилизации Поля Вальери. Цивилизация означает прежде всего коллективные ценности.

Ко всем этим сложностям добавим еще одну — последнюю и самую значимую. Начиная с Э.Б. Тайлора (*Первобытная культура*, 1874), англосаксонские антропологи старались использовать для обозначения исследуемых ими первобытных обществ термин, который бы отличался от термина «цивилизация»; англичане им обычно обозначают современные общества. Они скорее скажут (и все антропологи вслед за ними повторяют), примитивные *культуры*, чтобы отличать их от *цивилизаций* развитых обществ. В этой книге каждый раз, когда мы будем противопоставлять *цивилизацию* *культуре*, мы будем прибегать именно к такому двойному разграничению.

К счастью, общеупотребительного прилагательного *культурный*, изобретенного в Германии к 1850 г., все это не касается. Его смысл включает одновременно и цивилизацию, и культуру. В этом случае, говоря о цивилизации (или культуре), подразумевают, что она есть совокупность *культурных благ*, ее географическое месторасположение — это *культурное пространство*, ее история — это *история культуры*, а заимствования одной цивилизации у другой есть *заимствования* или *переносы* культуры, причем они могут быть как духовного, так и материального характера. Это прилагательное оказывается слишком легким, а потому раздражающим: его считают слишком грубым и слишком общим. Но до тех пор, пока ему не будет найдено достойной замены, за его будущее можно не беспокоиться. Оно остается единственным в своем роде.

- К 1819 г. термин «цивилизация», до того употреблявшийся в единственном числе, приобретает множественное число.

С этого времени термин «стремится приобрести новое, причем совершенно другое значение: совокупность характеристик, свойственных коллективной жизни определенной группы или определенной эпохи». Говорят о цивилизации Афин в V в. или о французской цивилизации в век Людовика XIV. Поставить проблему *цивилизация* и *цивилизации* значит столкнуться с еще одной сложностью, и немаловажной.

В мышлении нашего современника XX в. доминирует термин «*цивилизация*», который в большей степени, чем термин, «цивилизация», отражает его личный опыт. Музеи выводят нас за рамки одной страны во времени, здесь мы почти полностью погружаемся в эпохи минувших *цивилизаций*. Перемещения из страны в страну еще полнее опускаются в пространство: пересечь Рейн или пролив Ла-Манш, приблизиться к Средиземному морю с Севера — это незабываемый опыт, который свидетельствует о множественности рассматриваемого понятия. Речь идет безусловно о *цивилизациях*.

Но если нас попросят дать определение термину *цивилизация*, то сразу возникают сомнения. Действительно, использование слова «цивилизация» во множественном числе соответствует исчезновению некоей концепции, постепенному затуханию некоей идеи, свойственной XVIII в., а именно той *цивилизации*, которую путают с идеей прогресса, якобы присущего лишь некоторым привилегированным народам или некоторым привилегированным группам людей — «элите». К счастью, XX в. избавился от некоторых поверхностных суждений и уже не берет на себя смелость определить лучшую (исходя из каких критериев?) из цивилизаций.

В этом контексте цивилизация в единственном числе утратила былой блеск. Отныне это уже не высшая, не высочайшая моральная и интеллектуальная ценность, как ее трактовали в XVIII в. Сегодня, например, в плане лингвистическом какой-либо отвратительный акт назовут скорее преступлением против *человечества*, чем преступлением против *цивилизации*, хотя смысл остается тот же. По современный язык испытывает определенную сдержанность в использовании слова «цивилизация» в его старом значении исключительности, человеческого превосходства.

Не отражает ли термин «цивилизация», взятый в единственном числе, то общее достояние, пусть даже неравномерно распределенное, которое используется всеми цивилизациями, а именно — то, что «сохраняется в человеческой памяти навечно»? Отныне, письменность, счет, одомашнивание растений и приручение животных — все это отныне является достоянием человечества, коллективным достоянием *Цивилизации*.

Распространение общих культурных благ среди всего человечества приобретает в современном мире особый размах. Созданные Западом технические новшества экспортируются по всему миру и с радостью принимаются. Они создают единый образ мира: здания из бетона, стекла и стали, аэродромы, железные дороги с вокзалами и громкоговорителями, огромные города, где концентрируется большинство населения планеты. Объединяет ли вся эта техника мир? Реймон Арон писал: «Мы находимся на той стадии развития, когда мы обнаруживаем одновременно относительную истинность концепции цивилизации и необходимость преодоления этой концепции... Фаза цивилизаций заканчивается и человечество переходит, хорошо это или плохо, на новую стадию развития...», стадию *единой цивилизации*, способной распространиться на всю Вселенную.

Вместе с тем экспортируемая Западом «индустриальная цивилизация» является лишь одной из характерных черт западной цивилизации. Принимая эту ее сторону, остальной мир вовсе не принимает всю эту цивилизацию целиком. Прошлое цивилизаций — это история постоянных заимствований друг у друга на протяжении веков, что вовсе не исключало сохранения ими своих коренных особенностей и самобытности. Признаем, однако, что впервые доминирующий аспект какой-либо одной цивилизации охотно заимствуется всеми цивилизациями мира, тем более что скорость современных коммуникаций способствует быстроте и эффективности этого заимствования. Мы полагаем, что происходит проникновение вышеназванной *индустриальной цивилизации* в коллективную цивилизацию планеты. Результатом этого проникновения стал, становится, станет процесс перестройки структур каждой из цивилизаций.

Короче, даже если предположить, что все мировые цивилизации сумеют рано или поздно адаптировать технические новшества и с их помощью унифицировать свой образ жизни, все равно в течение еще долгого времени будут сосуществовать резко отличающиеся друг от друга цивилизации. Еще долго слово «цивилизация» в понятийном значении будет сохранять единственное и множественное число. В этом вопросе историк смело может быть категоричным.

Глава 2. Цивилизация определяется в соотношении с другими Науками о человеке

Понятие «цивилизация» может быть определено только в соотношении со всеми науками о человеке, в том числе и с историей. Но на истории мы в данной главе особо останавливаться не будем.

Попытаемся дать определение концепции цивилизации, призвав на помощь — поочередно — географию, социологию, экономику, коллективную психологию. Мы обратимся к дисциплинам, которые не являются смежными. Тем не менее полученные ответы будут приближаться друг к другу.

Цивилизации как географические и культурные пространства

Вне зависимости от своего размера, слишком великими или ничтожно маленькими, цивилизации всегда могут быть локализованы на географической карте. Их реальное бытие во многом зависит от преимуществ либо недостатков в их географическом местоположения.

Конечно, это местоположение обустранивалось человеком на протяжении веков, часто тысячелетий. Любой пейзаж несет на себе отпечаток этого постоянного труда: поколения людей приспосабливали его для своих нужд, если можно сказать — капитализировали. В процессе этого труда человек сам менялся под воздействием «этой своей могучей работы над собой», как говорил Мишле, или, говоря иначе, этого «производства человека человеком», как писал Карл Маркс.

- Говорить о цивилизациях — значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных или приобретенных преимуществах.

И обо всех последствиях этого для человека: сельском хозяйстве, животноводстве, пище, домах, одежде, коммуникациях, промышленности... Сцена, на которой разыгрываются эти нескончаемые театральные постановки, частично определяет их ход, объясняет их особенности; люди приходят и уходят, а сцена остается более или менее той же.

Для индолога Германа Гётца две Индии противостоят друг другу: Индия с влажным климатом, для которой характерны обильные дожди, озера, болота, водяные растения и цветы, леса и джунгли, Индия людей с темной кожей; и контрастирующая с первой Индия с относительно засушливым климатом, включающая средний Инд и средний Ганг, Индия — страна людей со светлой кожей, обладающих воинственным характером. Индия в целом представляется местом диалога, борьбы этих двух пространств, двух человеческих типов.

Естественно, что наличие одновременно естественной и созданной человеком природной среды не предполагает узкого детерминизма. Среда всего не объясняет, хотя и является важным фактором в виде естественных или завоеванных преимуществ.

Если говорить о естественных преимуществах, то каждая цивилизация возникала на основе уже имеющихся преимуществ, того, чем человек воспользовался еще на заре своего существования. Так, *речные цивилизации* Древнего мира расцвели по берегам Желтой реки, или Хуанхэ (китайская цивилизация), Инда (доиндийская цивилизация), Евфрата и Тигра (Шумерское царство, Вавилон, Ассирия), Нила (египетская цивилизация). Схожим образом, благодаря близости моря, расцветали *приморские цивилизации*: Финикия, Греция, Рим (если Египет представляет собой дар Нила, то они всем обязаны Средиземному морю) или сильные цивилизации Северной Европы, возникшие в бассейне Балтики и Северного моря. А можно ли забыть об Атлантическом океане и его цивилизациях: основная часть нынешнего Запада группируется вокруг океана, как некогда Римская империя концентрировалась вокруг Средиземного моря.

Эти классические случаи возникновения и развития цивилизаций доказывают плавленство путей сообщения. Ни одна цивилизация не может существовать без них, без обогащающих цивилизацию торговых обменов и плодотворных контактов. Мир ислама, например, нельзя представить без движения караванов через огромные «безводные моря», без пустынных и степных пространств; его трудно представить также без плавания по Средиземному морю, без морских путешествий через Индийский океан к берегам Китая.

Но, перечисляя все эти успехи, мы выходим за пределы естественных преимуществ и оказываемся у так называемых истоков цивилизаций. Преодолесть враждебность пустынь, внезапный гнев Средиземного моря, использовать ветры Индийского океана, построить плотину на реке — это требует огромных человеческих усилий и потому может рассматриваться как приобретенные, а точнее завоеванные преимущества.

Но почему одни люди были способны на такие деяния, а другие нет, почему на одних территориях это стало возможным, а на других нет и почему так продолжалось на протяжении многих поколений?

Арнольд Тойнби предлагает по этому поводу соблазнительную гипотезу: человеческому успеху всегда необходимы *вызов* и *ответ на брошенный вызов* (то, что в переводе с французского звучит как принять вызов и дать отпор); нужно, чтобы природа представлялась человеку в виде преодолимой трудности. Если человек отвечает на брошенный вызов, то его ответ и создает сами основы цивилизации.

Однако, если логически развить эту теорию, то можно сделать заключение: чем значительнее вызов, брошенный природой человеку, тем мощнее должен быть его ответ. Но это утверждение вызывает сомнения. Цивилизованный человек XX в. принял вызов пустынь, полярных или экваториальных областей. Но, несмотря на очевидные экономические интересы этих регионов (золото, нефть), население здесь не увеличивается, здесь не было создано подлинных цивилизаций. Итак, что же получается? Присутствует вызов, есть ответ, но нет цивилизации. Их не будет по крайней мере до того времени, пока не будут созданы новые технические средства и не появятся лучшие ответы.

Каждая цивилизация привязана к какому-то геофактическому пространству, границы которого более или менее стабильны. Отсюда вытекает, что каждая цивилизация имеет особую, свойственную именно ей географию, предполагающую совокупность возможностей, трудностей, некоторые из которых носят перманентный характер. Эти возможности и трудности варьируются от одной цивилизации к другой. Каков же результат? Разноцветная палитра мира, где географические карты отмечают зоны деревянных, саманных, бамбуковых, бумажных, кирпичных и каменных домов; зоны текстильного сырья (шерсть, хлопок, шелк); зоны произрастания основных продовольственных культур (рис, кукуруза, зерно)... Разнообразие вызовов и, соответственно, ответов на них.

Западная или европейская цивилизация — это цивилизация зерновых культур, хлеба, точнее белого хлеба, что подразумевает трудности их выращивания. Ведь зерновые культуры требовательны. Подумайте хотя бы о необходимости проводить ежегодную ротацию севооборота или оставлять каждые два года или год часть земель под паром, чтобы дать земле возможность отдохнуть. Не меньшие трудности возникают при выращивании риса: вспомним хотя бы находящиеся в низинах затопляемые рисовые плантации на Дальнем Востоке.

Таким образом, ответы человека на вызовы природы одновременно высвобождают его из плена окружающей среды и заставляют его подчиняться принятым им же в качестве ответа решениям. Человек освобождается от одного детерминизма, чтобы тут же подчиниться другому.

- На языке антропологов культурное пространство есть то пространство, в котором господствует совокупность определенных культурных черт.

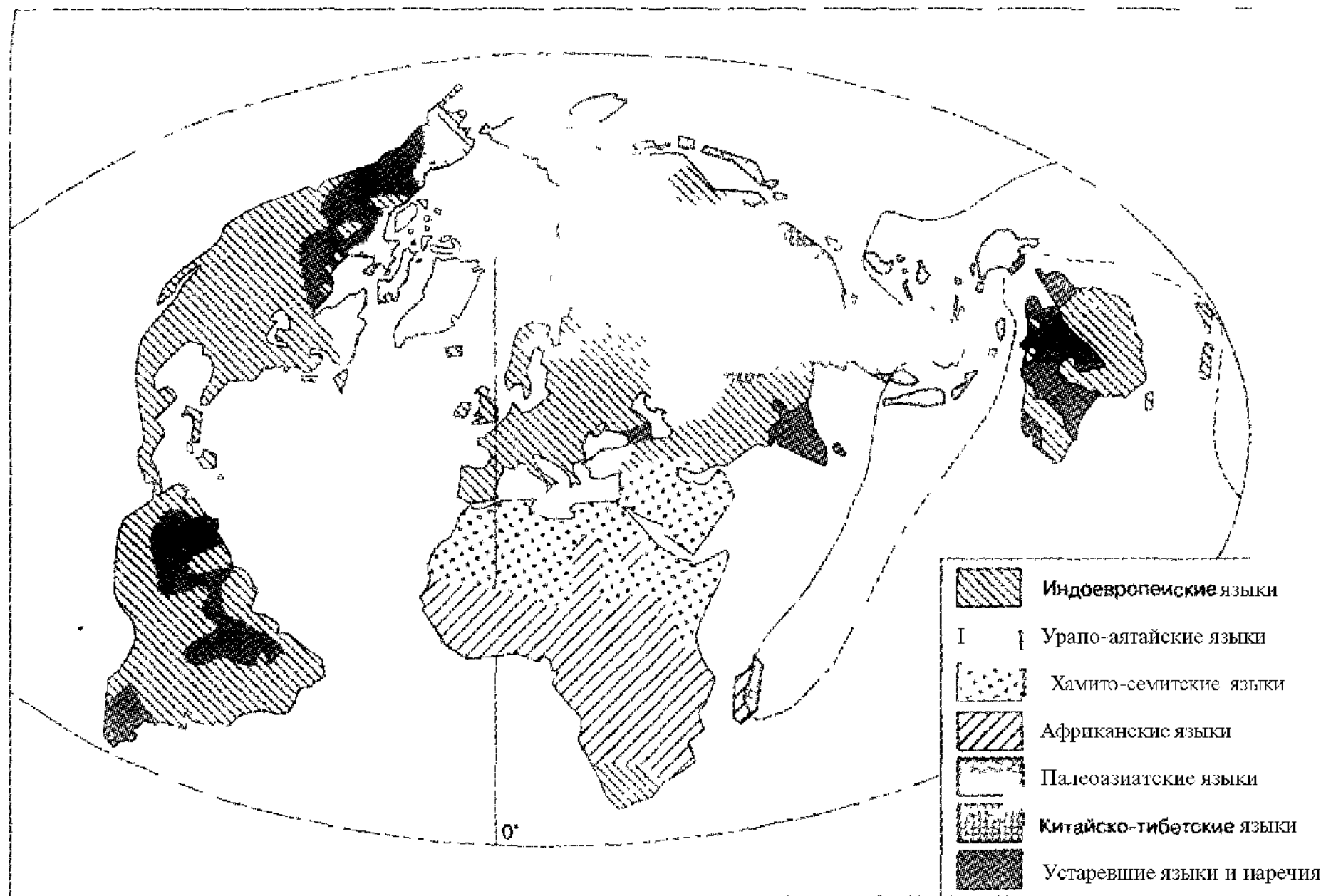
Когда речь идет о первобытных народах, то помимо языка внимания обращают на их продовольственные культуры, форму брака, верования, гончарные или оружейные ремесла, технологию ткачества... Эти пространства определяют антропологи по точным деталям и они являются в основном узкими.

Различные культурные пространства объединяются в более крупные согласно некоторым общим групповым чертам, что отличает их от других крупных объединений такого рода. Марсель Мосс предполагал, что вокруг огромного Тихого океана примитивные культуры образовывали, несмотря на большие разделяющие их пространства и значимые отличия друг от друга, единый человеческий или скорее культурный комплекс.

Вполне естественно, что вслед за антропологами географы и историки тоже начали говорить (на сей раз уже по отношению к сложным и эволюционировавшим цивилизациям) о *культурных пространствах*. Это означало, что единые пространства разделялись на отдельные регионы. Ниже мы увидим, что такое разделение важно для крупных цивилизаций: они периодически распадаются на более мелкие части.

Так называемая «западная» цивилизация — это одновременно и «американская цивилизация» США и «американская цивилизация» Латинской Америки, а кроме того, это Россия и, естественно, Европа. Европа к тому же представляется совокупностью цивилизаций: польской, немецкой, итальянской, английской, французской и пр. Это уже не говоря о том, что национальные цивилизации могут в свою очередь подразделяться на еще более мелкие «цивилизации»: Шотландия, Ирландия, Каталония, Сицилия, страна басков и т. п.

Не забудем при этом, что эти разграничения, эти разноцветные мозаичность *постоянные или почти постоянные величины*.

Лингвистическая карта мира

- Фиксированность пространств и их границ не исключает прозрачности тех же границ для постоянно перемещающихся через эти границы культурных ценностей.

Каждая цивилизация экспортирует и импортирует культурные ценности. При этом речь может идти как о технике вытапливания воска, так и о компасе, порохе, закаливании стали, о философской системе или ее составляющих, о религиозном культе, о религии или даже о той известной песенке про «собравшися в поход Мальбука», которая с XVIII в. обошла Европу: Гёте слышал ее на улицах Вероны в 1786 г.

Социолог Жилберто Фрейре составил ради интереса список всего того, что его родная страна Бразилия получила от далекой в ту пору (в последние десятилетия XVIII в. и первую половину XIX в.) Европы: темное гамбургское пиво, английский коттедж, паровую машину (первый пароход начинает курсировать в заливе Сан-Сальвадор с 1819 г.), летний полотняный белый костюм, искусственные зубы, осветительный газ и, прежде чем все вышеперечисленное, тайные общества, в частности масонскую ложу, роль которой была велика в истории борьбы за освобождение всей испано-португальской Америки. Несколько десятилетий спустя пришла очередь философской системы Опоста Конта, влияние которой было столь значительно, что она оставила свои следы до наших дней.

Этот пример, к которому можно добавить тысячи других, доказывает, что никакая культурная граница не является закрытой, непроницаемой.

Характерная особенность былых времен: культурные ценности мигрировали понемногу, из-за длительности переменений. Если верить историкам, китайская мода эпохи Тан (VII в. н.э.) так медленно продвигалась, что достигла Кипра только в XV в., откуда она распространялась по Средиземноморью во Францию ко двору слегка свихнувшегося Карла VI: здесь женские парадные и головные уборы, башмаки с острым загнутом кверху носком — все эти свидетельства давно исчезнувшей эпохи произвели настоящий фурор. Так доходит до нас свет звезд, потухших много веков назад.

В наше время распространение культурных благ несоизмеримо ускорилось. Скоро не останется ни одного уголка в мире, который бы не оказался «зараженным» индустриальной цивилизацией, пришедшей из Европы. На Северном Борнео (ныне Сабах), который вместе с соседним Сураваком находился под английским протекторатом, несколько громкоговорителей распространяли передачи из Индонезии и коммунистического Китая. И хотя слушатели ничего не пони-

мали, услышанные ими музыкальные ритмы повлияли на их традиционную музыку и танцы. А что говорить о влиянии кино, в особенности американского и европейского, на вкусы и даже нравы населения далеких от них стран.

Однако никакой пример не может соперничать с историей, рассказанной в маленькой книжке американского антрополога Маргарет Мид. В молодости она в течение нескольких месяцев жила среди одного из примитивных племен на острове в Тихом океане. Началась война, и эти люди оказались в новых условиях существования, впервые сблизивших их с остальным миром. Через двадцать лет Мид повторила свое путешествие и увидела тех же людей, о чем и рассказала в очень эмоциональной манере в своей книге, где поместила их фотографии.

Так возникает диалог между *цивилизацией* и *цивилизациями*, который мы продолжим на протяжении всей книги. Можно ли сказать, что ускоренное распространение культурных ценностей взорвет границы цивилизаций — фиксированные демаркационные линии мировой истории? Многие в это верят, грустя или радуясь. Но каким бы ни было стремление цивилизаций заимствовать блага «современной» жизни, они не готовы слепо их все заимствовать. Происходит обратное, к чему мы еще вернемся: они упорствуют в *отказе заимствовать*, объясняя это своим вчерашним и сегодняшним желанием сохранить свою самобытность, над которой, как им кажется, нависла угроза.

Цивилизации как общественные формации

Не бывает цивилизаций без обществ, которые являются их носителями, способствуют их развитию своими противоречиями.

Отсюда первый вопрос, от которого нельзя уйти: а была ли необходимость в создании слова «цивилизация», его популяризации в научных кругах, если это слово есть лишь синоним слова «общество»? Почему Арнольд Тойнби постоянно употребляет слово «общество» (*society*) вместо того, чтобы говорить «цивилизация» (*civilization*)? Марсель Мосс также считал, что «понятие цивилизации безусловно менее ясно, чем понятие общества, которое она предполагает».

- Общество никогда не может быть отделено от цивилизации, и наоборот: оба понятия касаются одной реальности.

Или, как говорил Леви-Стросс, эти понятия «соответствуют не разным предметам, но двум дополняющим один и тот же предмет перспективам; этот предмет адекватно описывается либо одним либо другим термином в соответствии с принятой точкой зрения».

Понятие «общество» подразумевает очень богатое содержание, что верно и для понятия «цивилизация», с которым оно часто совпадает. Западная цивилизация, в которой мы живем, также зависит от «индустриального общества», которое приводит ее в движение. Было бы удобно описать ее, описав данное общество, его группы, противоречия, материальные и моральные ценности, его идеалы, его закономерности, вкусы... Если короче, то описав людей, которые несут в себе эту цивилизацию и передадут ее последующим поколениям.

Общество эволюционирует, изменяется, и цивилизация также изменяется и эволюционирует в свою очередь. Об этом говорится в хорошей книге Люсьена Гольдмана *Сокровенный Бог* (1955), посвященная Франции Великого века. В частности, здесь объясняется, что всякая цивилизация определяет свои подходы, исходя из принятого ею «видения мира». Но каждый раз это видение мира представляет собой лишь отражение, следствие господствующих социальных противоречий. Подобно зеркалу, цивилизация отражает эти противоречия.

Во времена янсенизма, в эпоху Расина, Паскаля, аббата Сен-Сирана и аббата Баркоса, письма которых, обнаруженные Л. Гольдманом, представляют большой интерес, в эту замечательную пору французской истории, о которой рассказывается в книге *Сокровенный Бог*, господствующее трагическое видение мира было присуще парламентской крупной буржуазии, разочарованной абсолютизмом и находящейся в оппозиции к королевской власти. Осознанная трагичность судьбы, растущие способности крупной буржуазии придали Великому веку ее видение мира.

Отождествление цивилизаций и обществ присуще, хотя и в ином духе, Леви-Строссу, когда он говорит о различиях между примитивными и современными обществами или между культурами и цивилизациями, если использовать термины антропологов.

Культурам соответствуют общества, «которые производят меньше беспорядка (физики называют это энтропией) и которые имеют тенденцию бесконечно поддерживать присущее им изначальное состояние. Это и объясняет то обстоятельство, что они представляют нам общества, лишенные истории и прогресса. Тогда как наши общества (которые соответствуют современным цивилизациям)

...используют для своего функционирования разницу в потенциалах, которая реализуется посредством различных форм социальной иерархии... Таким обществам удалось осуществить внутри себя ту социальную неустойчивость, которую они используют для производства одновременно большего порядка, поскольку являются обществами с использованием машинного производства, а также большего беспорядка меньшей энтропии в плане отношений между людьми».

Короче, примитивные культуры являются продуктом эгалитарных обществ, в которых отношения между людьми отрегулированы раз и навсегда и повторяют себя, а цивилизации основываются на обществах с иерархическими отношениями, которым присущи весьма значительные различия между группами, что влечет за собой противоречия, социальные конфликты, политическую борьбу и постоянное развитие.

- Наличие или отсутствие городов представляется наиболее существенным внешним проявлением различий между «культурами» и «цивилизациями».

Города множатся на уровне цивилизаций, тогда как на уровне культур их присутствие почти незаметно. Безусловно, между этими уровнями существуют промежуточные ступени. Что представляет собой Черная Африка, если не группу традиционных обществ, культур, вступивших на путь трудного, иногда жестокого процесса зарождения цивилизации и современной урбанизации? Их города, чувствительные к влияниям извне, представляются островками посреди сельских районов. Они предвосхищают будущее общество и цивилизацию.

Однако и цивилизации, и самые блестящие общества предполагают наличие внутри них элементарных, примитивных культур и обществ. Вслушайтесь в диалог городов и деревень. В любом обществе развитие по регионам неравномерно, оно по разному затрагивает различные слои населения. И здесь часто встречаются островки слаборазвитости (горные районы, поскольку они слишком бедны или слишком удалены от коммуникационных путей), подлинные примитивные общества, настоящие «культуры», оказывающиеся в центре той или иной цивилизации.

Первый успех Запада заключался, бесспорно, в том, что города «поглощали» сельскую местность и сельские «культуры». В мире ислама двойственность гораздо заметнее, чем на Западе: города возникают раньше, и они раньше становятся, если так можно сказать,

собственно городами, тогда как в Европе сельская местность остается более примитивной, включая обширные зоны кочевого населения. На Дальнем Востоке различия остаются правилом: культуры по-прежнему раздельны, изолированы, живут за счет собственных ресурсов. Крупные города существуют одновременно с сельской местностью, экономика которой остается замкнутой, иногда примитивной.

- * Учитывая тесные взаимосвязи между цивилизацией и обществом, уместно обращаться к социологии каждый раз, когда речь идет об длительной истории цивилизаций.

Но будучи историками, мы не будем путать общества и цивилизации.

В следующей главе мы объясним в чем, на наш взгляд, состоит разница между ними: с точки зрения продолжительности цивилизация покрывает, включает в себя временные пространства гораздо более широкие, чем данная социальная реальность. Цивилизация меняется не так быстро, как общества, которые она в себе несет или которые влечет за собой. Но сейчас еще не время исследовать эту историческую перспективу. Всею свое время.

Цивилизации как экономические уклады

Всякое общество, всякая цивилизация зависит от экономических, технологических, биологических, демографических условий. Они беспрестанно довлеют над судьбой цивилизаций. Уменьшение или увеличение численности населения, здоровье и болезни, экономический и технический подъем или спад отражаются на культурной или социальной сфере. Политическая экономия есть в широком смысле изучение всех этих огромных проблем.

- Значение численности населения: долгое время человек оставался единственным орудием, единственным двигателем, имеющимся в собственном распоряжении, а следовательно, и единственным создателем материальной цивилизации. Он построил ее своими руками.

В принципе, впрочем, так было и в действительности, всякое увеличение пародонаселения способствовало развитию цивилизаций. Так было в Европе в XIII, XVI, XVIII, XIX и XX вв.

Но столь же регулярно чрезмерное народонаселение, благоприятное сначала, становится отрицательным фактором, когда демографический рост происходит быстрее, чем рост экономический. Так было в Европе с начала XVI в. То же мы наблюдаем и сегодня в большинстве слаборазвитых стран. В прошлом следствием этого становились голод, уменьшение реальной заработной платы, народные волнения, чудовищные эпохи регресса. Продолжалось это до той поры, пока эпидемии и голод резко не уменьшали численности населения. После таких демографических катастроф (например после катастрофы второй половины XIV в. в Европе, вызванной чумой и прочими эпидемиями) оставшиеся в живых какое-то время находились в большем достатке, возобновлялось экономическое развитие, продолжавшееся до будущего кризиса.

Только индустриализация конца XVIII—XIX вв. разорвала этот порочный круг и дала людям, даже если их численность была избыточна, возможность работать и жить. История Европы свидетельствует: возрастающая ценность человека, необходимость уменьшить его занятость сделали возможным развитие техники. Греко-римская античность, при всей ее интеллектуальной мощи, не имела в своем распоряжении машин, которые были бы равны ее разуму. Впрочем, она и не стремилась их получить: ее ошибкой было то, что она использовала рабский труд. Классический Китай, сформировавшийся еще до XIII в., при всем его интеллектуальном и техническом могуществе, имел, к сожалению, слишком большое население. Человек ничего не стоил: он выполнял все функции в экономическом укладе, где практически не было домашних животных. Вот почему Китай, долгое время идущий впереди в научном плане, не смог преодолеть порог современной науки. Он оставил Европе эту привилегию, эту честь, это преимущество.

- **Влияние экономических колебаний: экономическая жизнь не перестает меняться в ритме коротких или длинных колебаний.**

Так годами чередуется хорошая и плохая экономическая конъюнктура, а общества и цивилизации испытывают на себе последствия этих колебаний, особенно когда речь идет о продолжительных циклах. Пессимизм и беспокойство уходящего XV в., этой «осени Средневековья», которая так занимала Й. Хейзинга, соответствуют заметному спаду экономики Запада. Схожим образом позднее европейский романтизм совпадает с долговременным снижением экономической активности в период с 1817 по 1852 г. Экономическая

экспансия второй половины XVIII в. (после 1733 г.) столкнулась с определенным спадом (например накануне Французской революции), но в целом ее благотворный подъем способствовал развитию мысли эпохи Просвещения в благоприятном контексте, активной торговли, роста промышленности, увеличения численности населения.

- Куда бы ни были направлены колебания, экономическая жизнь почти всегда создает излишки.

Расходование, разбазаривание этих излишков было одним из необходимых условий для роскоши цивилизаций, для процветания некоторых видов искусства. Когда мы сегодня восхищаемся архитектурой, скульптурой, портретной живописью, мы, сами того не замечая, наблюдаем спокойную гордость города, безумное тщеславие принца, пуворишество банкира. Начиная с XVI в. (а то и еще раньше) в Европе цивилизация на своем высшем уровне находится под знаком денег и капитализма.

Цивилизация есть также производное от определенного *перераспределения* денег. Цивилизации окрашиваются по-разному в соответствии со свойственным им способом перераспределения на основе действующих социальных и экономических механизмов, изымающих из денежного оборота часть средств, которые тратятся на предметы роскоши, искусство, культуру. В XVII в., в очень тяжелый с точки зрения состояния экономики период царствования Людовика XIV, мещанаты, если они и были, труппировались при королевском дворе. Вся литературная и художественная жизнь была ограничена этим узким кругом. В более пышный и легкий с точки зрения экономических возможностей период — XVIII века — аристократия и буржуазия, следуя примеру королевского двора, в более широких масштабах участвовали в распространении культуры, науки, философии...

Но в ту эпоху роскошь оставалась привилегией социального меньшинства. Скрытая цивилизация бедной повседневной жизни никакого отношения к ней не имела. Но известно, что первый этаж цивилизации является зачастую самым показательным. Что такое свобода? Что такое культура индивидуума, когда ему недоступен даже прожиточный минимум? С этой точки зрения, столь часто подвергающийся нападкам «скучный» XIX в., век нуворищей, век «победившей буржуазии», возмещает (если сам и не реализует) приход нового времени для судьбы цивилизаций и человека. Одновременно с ростом народонаселения людей все чаще приглашают участвовать в не-

кой *коллективной цивилизации*. Разумеется, в социальном плане не-на такой трансформации (безусловно неосознанной) была очень высокой. Но значительной была и выгода. Развитие образования, доступ к культуре, к университетским знаниям, движение вверх по социальной лестнице — все это завоевания богатого XIX в., имевшие очень серьезные последствия.

Важной проблемой сегодняшнего и завтрашнего дня является создание цивилизации, которая была бы одновременно качественной и массовой, дорогостоящей, немыслимой без крупных денежных вложений, поставленных на службу обществу, без досуга, который автоматизация, безусловно, скоро нам предоставит. В индустриально развитых странах такое будущее уже вырисовывается, его контуры уже заметны. Но если взять общемировой масштаб, то здесь все обстоит иначе.

Это происходит потому, что созданное экономической деятельностью неравенство в доступе к благам цивилизации для различных социальных слоев существует и между различными странами мира. Значительная часть мира представляет собой, по словам одного автора, «внешний пролетариат», известный под названием третьего мира, — огромную массу людей, для которых доступ к прожиточному минимуму оказывается важнее доступа к цивилизации (им зачастую неизвестной) своей собственной страны. Или человечество приложит усилия для выравнивания этих гигантских различий, или *цивилизация* и *цивилизации* окажутся, и надолго, проигравшей стороной.

Цивилизации как коллективные мышления

После географии, социологии и экономики обратимся к психологии. При том, однако, отличии, что коллективная психология не столь в себе уверена, не так богата результатами, как упомянутые выше науки о человеке. Она редко отваживалась появляться на дорогах истории.

- Коллективная психика, рост сознательности, мышление или мыслительный инструментарий? Трудно определиться с терминами, которые предлагает длинное название данного параграфа. Эта множественность терминов указывает на молодость коллективной психологии как науки.

Крупный специалист в данной области, историк Альфонс Дюпрон высказался в пользу *психики*. *Рост сознательности* имеет временные ограничения. *Мышление* является, по всей вероятности, наиболее удобным. Люсьен Февр в своей великолепной книге *Рабле* предпочитал говорить о *мыслительном инструментарии*.

Но что значат слова? Ведь проблема не в них. В каждую эпоху общественные массы вырабатывают определенное главенствующее представление об окружающем мире, ими движет господствующее коллективное мышление. Это мышление, которое определяет отношение, выбор, усугубляет предрассудки и влияет на общественные процессы, является безусловным цивилизационным фактом. В гораздо большей степени, чем исторические и социальные обстоятельства и случайности эпохи, оно представляется наследием предшествующих поколений, их верований, страхов, неосознанных беспокойств, плодом той гигантской контаминации, семена которой были посеяны в прошлом и передавались из поколения в поколение. Реакция общества на происходящие события, на оказываемое на общество давление, на принимаемые решения, которых требует общество, в меньшей степени обусловлены логикой или даже личным интересом, чем неформулируемым и часто невысказанным требованием, которое возникает в глубинах коллективного подсознания.

Эти основополагающие ценности, эти психологические структуры представляют собой то, что цивилизации *в наименьшей мере передают одна другой*, что их изолирует и наиболее различает. Это мышление также мало подвержено влиянию времени. Мышление изменяется медленно, оно преобразуется после долгих «инкубационных» периодов, также мало осознаваемых.

- Религия в этом смысле представляется наиболее сильной характерной чертой цивилизаций, она одновременно их прошлое и настоящее.

Прежде всего это верно для неевропейских цивилизаций. В Индии, например, все поступки принимают форму и находят свое обоснование в религиозной жизни, не имея рационального объяснения. Это удивляло уже греков, если верить истории, поведенной Евсевием, епископом Кесарийским (265—340): «Музыкант Аристоксап рассказывает об индусах следующее: один из них встретил Сократа в Афинах и попросил у него дать определение его философии. «Это исследование человеческих реальностей», — ответил Сократ. Услышав ответ, индус засмеялся. «Как человек может изучать человеческие реальности, — воскликнул он, — когда он не знает реальностей божественных!».

Неспособность человека измерить одновременно огромную тайну и единичность сверхъестественного, современный индийский философ Синити Кунар Шатерджи проиллюстрировал следующим образом: «Мы подобны слепым, которые, ощупывая те или иные части тела слона, остаются в убеждении, что они трогают то колошпу, то змею, то что-то твердое, то стену, то плетку с гибкой ручкой, хотя на самом деле они касаются ноги, хобота, бивня, тела или хвоста».

По сравнению с таким религиозным самоуничтожением Запад поражает нас забывчивостью по отношению к своим христианским корням. Но в гораздо большей степени, чем о разрыве между культурной и религиозной сферами, осуществленным рационализмом, следует говорить о сосуществовании религии, науки и светской жизни, а точнее о драматическом или дружественном диалоге между ними, который никогда не прерывался, несмотря на видимость этого. Христианство утверждается как основная реальность западной жизни, которая накладывает свой отпечаток даже на атеистов, хотя они того или нет. Этические, поведенческие нормы отношения к жизни и смерти, представления о труде, ценности усилия, роль женщины или ребенка — все это кажется таким далеким от христианских чувств, но тем не менее вытекают из него.

Однако очевидно, что тенденции развития западной цивилизации после формирования греческой мысли происходит в направлении рационализма, т.е. освобождения от религиозности. В этом заключается своеобразие западной цивилизации, к которой мы еще вернемся. За исключением некоторых примеров (китайские софисты или арабские философы XII в.), нигде еще в мире такого освобождения от религии не наблюдалось столь же отчетливо как на Западе. Почти всегда мировые цивилизации погружены в религиозное чувство, в сверхъестественное, в магию; такое состояние сохраняется и в наше время: незападные цивилизации определяются главным образом своей особой психикой. Мы будем иметь возможность еще неоднократно сказать об этом.

Глава 3. Промышленность цивилизаций

В этот непростой спор, который она усложнит еще больше, одновременно *придав смысл* этому спору, остается ввести историю, ее способы исследования, ее, по всей видимости, основополагающие объяснения. Действительно, нет ни одной современной цивилизации, которую можно было бы по настоящему понять без знания прошлых путей ее развития, ее былых ценностей, накопленного опыта. Цивилизация — это всегда прошлое, определенное живое прошлое.

Поэтому история цивилизации представляет собой поиск среди реалий прошлого тех, что не потеряли своего значения и сегодня. Речь не идет о том, чтобы рассказать все, что известно о греческой цивилизации или о цивилизации средневекового Китая, но о том, что из той прошлой жизни сохранилось в жизни сегодняшней, касается ли это Западной Европы или Китая эпохи Мао Цзэдуна. Иными словами, показать точки соприкосновения и взаимодействия прошлого и настоящего, разделенных веками.

Взгляд на цивилизации из повседневности

Но начнем с начала. Всякая цивилизация, как ушедшая, так и настоящая, обнаруживает себя прежде всего через совокупность проявлений, которые легко заметить: театральная пьеса, выставка живописи, успех книги, философия, мода в одежде, научное открытие, техническое достижение, т.е. через совокупность событий, которые внешне выглядят не зависящими одно от другого (с первого взгляда, ничто не связывает философские воззрения Мерло-Понти и последнюю картину Пикассо).

Отметим, что эти цивилизационные факты всегда имеют короткий период существования. Так как же они приведут нас к искомым координатам, одновременно старым и новым, если нам кажется, что они скорее замешают и разрушают друг друга, чем продолжают один другого?

- Эти театрализованные постановки подвержены постоянным изменениям. Программа меняется, и никто не хочет, чтобы она долгое время оставалась в афише.

Эта изменчивость видна даже в самой последовательности литературных, художественных или философских эпох. Создается впечатление, что это замкнутые в себе периоды. Используя язык экономистов, было бы удобнее сказать, что наряду с экономической конъюнктурой существует конъюнктура культурная, т.е. те же долговременные или краткие колебания, которые чаще всего следуют друг за другом, находясь в жестком противоборстве. От эпохи к эпохе все меняется или кажется, что меняется, как это происходит в театре, где софит, не изменяя ни лица актера, ни декорации, отправляет действующие лица в другую реальность.

С этой точки зрения наиболее показательна эпоха Возрождения. У нее есть своя тематика, свои цвета, свои предпочтения, даже свои причуды. Она протекала под знаком интеллектуальных страстей, любви к прекрасному, свободных и веротерпимых дискуссий, где игра ума дополняла радости жизни. Она проходила также под знаком знакомства (или открытия) с творениями античности, которые пламенно восприняла культурная часть тогдашней Европы.

То же можно сказать о романтической *конъюнктуре* (в целом это период с 1800 до 1850 г., хотя существовали, естественно, и преромантизм и поздние романтики). В течение всего этого смутного и трудного периода, отмеченного уходом со сцены Революции и Империи и экономическим спадом во всей Европе (между 1817 и 1852 г.), романтическая конъюнктура повлияла на тогдашние умы и чувства. Разумеется, мы не станем утверждать, что один только экономический спад сам по себе объясняет или стимулирует романтизм; ничто не говорит и о том, что не существует отдельных циклов, отмеченных особой чувствительностью, особым искусством жить и мыслить независимо или почти независимо от любого контекста... Во всяком случае каждое новое поколение имеет склонность отрицать предшествующее поколение, а следующее за ним оказывается еще более усердным в своем отрицании. Свидетельство тому бесконечные колебания между романтизмом (или барокко, как говорил Эухенио д'Орс) и классицизмом, между рациональным интеллектом и обеспокоенным сердцем, приводящие к удивительным изменениям ситуации.

Перед нами возникает образ постоянно качающегося маятника. У цивилизации, как и у экономики, свои ритмы. Она предстает как история то исчезающих, то появляющихся вновь явлений, история, которую режут на последовательно сменяющие друг друга фрагменты, оказывающиеся почти независимыми друг от друга. Не говорим ли мы о *веке Людовика XIV*, о *веке Просвещения*? Так же мы говорим: «классическая цивилизация», «цивилизация XVIII в.». Здесь мы име-

см дело с «цивилизациями эпохи», «дьявольскими выдумками», как утверждал экономист и философ Дж. Чеппи. По его мнению, такой подход противоречит самой идее цивилизации, которая, как мы еще увидим, предполагает преемственность. Впрочем, единство и разнообразие не перестают сталкиваться, сосуществовать. И мы должны извлечь из этого уроки.

- «Переломные моменты», события, герои: эти конъюнктуры, эти чередования эпизодов помогают понять то особое место, которое занимают в истории цивилизаций некоторые события или выдающиеся личности.

Каждый исторический эпизод, если его внимательно рассматривать, распадается на череду поступков, жестов, ролей. Ведь цивилизации в конечном счете — это люди, а значит, бесконечные демарши, действия, порывы, «обязательства» людей, резкая перемена их настроений. Однако эта череда поступков, творений, биографий предопределяет выбор: сами по себе выплывают события или люди, которые определяют «переломный момент», наступление новой фазы. Чем значительнее признаки этого, тем сильнее сам сигнал.

Например, весьма значительным событием (т.е. повлекшим за собой важные последствия) стало открытие Ньютоном закона всемирного тяготения (1687). Заметным событием стала постановка *Сиды* II. Корнеля (1637) или постановка пьесы В. Юго *Эрнани* (1829).

То же можно сказать и о людях: они становятся заметными в той степени, в какой их дела знаменуют собой веху в истории либо завершения исторического эпизода. Это можно сказать о Жоацчене дю Белле (1522—1560) автора манифеста *Защита и прославление французского языка*, о Лейбнице (1646—1716), создателе дифференциальных и интегральных исчислений, о Дени Палене (1647—1714), изобретателе тепловых двигателя и парового котла.

Но имена, действительно господствующие в истории цивилизаций, — это имена тех людей, которые проходят через череду конъюнктур, как корабли проходят через многие бури. На пересечении крупных исторических периодов часто возникают «избранные», с которыми связывают несколько поколений. Это Данте (1265—1321) и конец «латинского» Средневековья; Гёте (1749—1832) и завершение первого периода развития современной Европы; Шьютон (1643—1727) и начало классической физики или Альберта Эйнштейна (1879—1955), чья фигура приобретает гигантские масштабы в свете развития современной науки.

Создатели великих учений принадлежат к этому числу избранных: Сократ, Платон, Конфуций, Декарт, Карл Маркс знаменуют собой несколько веков. Они — основатели цивилизаций, быть может только немного уступающие звездам первой величины, создателям мировых религий: Будде, Христу, Мухаммату, которые и по сей день сохраняют свое непреходящее значение.

Короче говоря, мерой значимости событий и людей, выделяющих их из общей массы людей и событий, является то время, за которое они остаются на сцене мировой истории. В великой истории цивилизаций значимы лишь те, кто остается в ней максимально *долгое время* и кто смешивается с долговременно существовавшей реальностью. Так через привычную историю высеиваются те тайные координаты длительного времени, к которому мы теперь и обратимся.

Цивилизации и их структуры

Исторические эпохи являют нам образы, которые возникают, а затем исчезают со сцены цивилизаций. Если мы попытаемся вычленить то, что в ходе сценического действия остается неизменным в глубине сцены, то тогда становятся заметными иные реальности, более простые и представляющие другой интерес. Одни из этих реальностей существуют на протяжении двух или трех постановок, другие остаются веками, а третьи настолько долговременны, что кажутся нам незбылемыми. Но это не верно, так как и они тоже меняются, но гораздо медленнее и незаметнее.

- Реальности, рассмотренные в предыдущей главе, — это требования, вызванные к жизни географическими пространствами, социальной иерархией, коллективной психикой, экономической целесообразностью, всеми другими глубинными силами, которые на первый взгляд мало заметны современникам, поскольку представляются им естественными и беспроблемными. Эти реальности в современном языке обозначаются как структуры.

Даже историки, когда слишком увлекаются хронологией, не сразу их замечают. Но нельзя ни понять, ни проследить эти реальности — в их очень медленной эволюции — без обращения к очень широким временным пространствам. В этом случае лежащие на поверхности явления, о которых мы только что говорили, события и сами люди как бы исчезают из поля зрения и становятся заметны-

ми постоянные или приближающиеся к таковым величины, осознаваемые и неосознаваемые одновременно. Это и есть «фундаментальные основы», или, еще лучше, «структуры» цивилизаций: религиозные чувства, например, консервативность сельской жизни, отношение к смерти, к работе, к удовольствиям, семье...

Эти реальности или *структуры*, являются чаще всего древними, обладающими *отчетливыми и оригинальными чертами*. Они придают цивилизациям особый облик, наделяют их неповторимой сущностью. Цивилизации не заимствуют их друг у друга, поскольку каждая рассматривает эти реальности как бесспорные ценности. Разумеется, эти постоянные величины, этот унаследованный выбор или отказ от структур других цивилизаций большинством людей не осознаются. Вот почему так необходимо отдалиться, хотя бы мысленно, от изучаемой цивилизации, чтобы выделить эти постоянные величины или тенденции.

В качестве простого примера, затрагивающего глубинные структуры, возьмем роль женщины в европейском обществе в близком нам XX в. Особенности этой роли станут заметны только в том случае (мы-то их находим «естественными»), если сравнивать их с ролью женщины в мусульманском мире или, если искать нечто противоположное, с ролью женщины в США. Если мы хотим понять, *почему* сложилась такая социальная ситуация, мы должны уйти в глубь веков, вплоть до XII в., до эпохи «куртуазной любви», которая объяснит, как понимают любовь и супружество на Западе. Затем следует дать множество объяснений: христианству; праву женщины на школьное и университетское образование; представлению о воспитании детей; экономическим условиям; уровню жизни; женскому труду дома и за его пределами и пр.

Роль женщины всегда предстает как цивилизационная структура, как своеобразный тест, потому что в каждой цивилизации эта роль является *долгооременной* реальностью, *сопротивляющейся* внешним воздействиям, с *трудом изменяемой* в относительно короткий отрезок времени.

- Цивилизация чаще всего отторгает любое культурное благо, которое угрожает одной из ее структур. Этот отказ заимствовать, эта скрытая враждебность относительно редки, но они всегда ждут нас в самых сердце цивилизации.

Цивилизация постоянно что-то заимствует у своих соседей, одновременно стремясь «интерпретировать» заимствованное на свой ма-

нер», ассимилировать его. На первый взгляд, каждая цивилизация подходит на товарную стапцию, которая только и занимается тем, что принимает и отправляет самые разные грузы.

Однако, даже если ее об этом просят, цивилизация может упорно отказываться от того или иного дара извне. На это указал Морис Морс: не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается. При этом каждый раз отказ наблюдается после долгих колебаний и попыток ассимилирования. Будучи продуманным, сопровождаемый долгими сомнениями, такой отказ всегда является чрезвычайно важным.

Классическим случаем можно считать взятие Константинополя турками в 1453 г. Один современный турецкий историк считает, что город сдается, что он был завоеван изнутри — еще до финального штурма. Даже если такое мнение слишком категорично, оно имеет право на существование. Православная церковь (но здесь мы можем говорить вообще о византийской цивилизации) предпочитала единение с латинянами — то единственное, что, могло ее спасти от подчинения туркам. Не будем здесь говорить о «решении», которое якобы было принято неожиданно под влиянием происходящих событий. Речь идет о завершении долгого процесса, столь же долгого, как и процесс упадка Византии, по мере своего развития усиливая нежелание греков сблизиться с латинянами, с которыми их разделяли теологические разногласия.

Единство было возможным. Император Михаил VIII Палеолог признал его на церковном соборе в Лионе в 1274 г. В 1369 г. в Риме император Иоанн V признал перед папским престолом свои католические убеждения. В 1439 г. совместный церковный собор во Флоренции вновь продемонстрировал возможность союза. Наиболее крупные греческие богословы Иоанн Веккос, Деметрий Сидонский, Виссарион писали в защиту единства с таким талантом, до которого было далеко их противникам. Однако в выборе между турками и латинянами греки предпочли турок. «Византийская церковь из-за соображений собственной независимости призвала врага, отдала ему империю и христианство», потому что, как писал константинопольский патриарх папе Урбану VI, папа предоставил греческой церкви «полную свободу действий». Этот фактор и явился решающим. Фернан Гренар, у кого мы заимствуем эти объяснения, добавляет: «Завоевание Константинополя Магометом II стало триумфом патриарха, выступавшего против единства». Впрочем, Западу была хорошо известна эта антипатия к нему со стороны Востока.

«Эти схизматики», — писал Петрарка, — нас боялись и ненавидели всеми фибрами души».

Другим отказом, который так же медленно формулировался (во Франции, где колебания были наиболее значительными, для его окончательного оформления понадобилось больше века), был отказ от Реформации в Италии, на Иберийском полуострове и затем во Франции, хотя столкновение двух взглядов на католическую церковь и христовую веру продолжалось довольно долго и так ничем и не закончилось.

Следующим отказом, причем не только политическим по сути, хотя и не столь единодушным, был отказ развитой Европы и англо-саксонской Америки (включая Канаду) признать идеологию марксизма и тоталитарные решения, предлагаемые СССР: со стороны германских и англо-саксонских народов «нет» было категоричным; со стороны Италии, Франции и даже стран Иберийского полуострова отказ был более мягким и не таким однозначным. В этом случае, вероятно, это был отказ одной цивилизации заимствовать структуры другой.

Впрочем, нужно отметить, что если бы Западная Европа и приняла коммунизм, то она организовала бы его по-своему, пригнала его к своим меркам точно так же, как она по-своему критикует капитализм, идя по пути, отличному от пути США.

- Процесс согласия или отказа одной цивилизации заимствовать у другой происходит также и внутри одной цивилизации, но медленно. Почти всегда этот выбор бессознателен или почти бессознателен. Но именно благодаря ему цивилизация меняется, «отделяясь» частично от своего прошлого.

Среди массы ценностей или поведенческих особенностей, которые прошлое цивилизации предлагает настоящему, настоящее одно отбрасывает, другое принимает, и этот выбор формирует иной облик цивилизации, хотя этот облик никогда не бывает ни идентичным, ни полностью обновленным.

Эти *внутренние отказы* могут быть резкими или смягченными, длительными или преходящими. Для нас важны долговременные отказы, которые выявляются исследованиями по психологической истории, проводимыми в масштабах одной страны или одной цивилизации. К ним относятся труды Альберто Тененги, посвященные проблемам жизни и смерти в XV и XVI вв.; работа Р. Маузи, посвя-

щенная *Идее счастья во Франции в XVIII в.*; захватывающий труд Мишеля Фуко *История сумасшествия в классическую эпоху* (1961).

В этих трех случаях речь идет о внутренней работе над собой, происходящей в цивилизации, сталкивающейся с собственными противоречиями, работе, которая лишь изредка становится известной. Это происходит столь медленно, что современники этого не видят. Выбор обычно происходит на протяжении веков, сопровождается запретами, баррикадами, трудным, часто неокончательным, но всегда длительным зарубцеванием ран.

Это и есть то, что Мишель Фуко на своем языке называет «разделиться»: по отношению к цивилизации это означает отвергнуть ту или иную отрицаемую ценность. Он пишет: «Можно было бы написать историю *пределов*, историю непонятных, сразу после их совершения забываемых поступков, при помощи которых цивилизация отбрасывает нечто, что представляется ей чужеродным; в ходе ее истории эти обнаруживающиеся пустоты, это ненаселенное пространство, которым она себя изолирует, определяют ее в той же мере, что и ее собственные ценности. Дело в том, что данные собственные ценности она приобретает и сохраняет в исторической преемственности; но в той области, о которой мы говорим, она делает свой главный выбор, она производит *разделение* (курсив наш. — *Авт.*), которое придает ее облику позитивность; здесь и находится та содержательность, где она формируется».

Этот текст следует читать и перечитывать. Цивилизация познает себя, отбрасывая то, что ее смущает, в неизвестность сопредельных и чужих территорий. Ее история — это происходящее на протяжении веков очиснение коллективной личности, оказавшейся, как и индивидуальность, между осознанным, ясным существованием и неосознанным и неясным бытием. Заметно, что эти исследования ретроспективной психологии отмечены открытиями психоанализа.

Книга Мишеля Фуко изучает частный случай: разрыв между разумом и безумием, между умалишенными и нормальными людьми, чего не знало европейское Средневековье, для которого безумец, как и всякий отверженный, казался таинственным посланцем Бога. Сумасшедших начали жестко изолировать только в XVII в., озабоченном установлением общественного порядка, в глазах которого безумцы — это отбросы общества в той же степени, что и преступники и неисправимые бездельники. Отношение к ним изменится в XIX в., оно станет более милосердным, поскольку за лишенными разума будет признан статус больных людей. Но как бы ни менялось отношение к ним, основная проблема осталась неизменной: начиная с классической эпохи и до на-

ших дней Запад «отделял» себя от безумия, не желал его признавать. Итак, триумф разума сопровождается происходящей в тени этого триумфа длительной и бесшумной бурей, несознанной и почти незаметной, которая, однако, представляется почти что сестрой победы разума, оборачивающейся в свете дня победой рационализма и классической науки.

Конечно, мы могли бы привести и другие примеры подобного полного или частичного разделения. В книге Альберто Тененти детально рассматривается процесс, в ходе которого Запад «отделился» от христианской смерти в том виде, как она осмысливалась в Средние века: тогда это был переход от бренного земного существования к подлинной потусторонней жизни. В XV в. смерть становится «человечной», она рассматривается как последнее непосланное человеку испытание ужасом разлагающейся телесной оболочки. Но в этой новой концепции смерти человек обнаруживает и новую концепцию жизни, которая в его глазах приобретает изначальную общечеловеческую ценность. Страх перед смертью в его прежнем виде исчезает в следующем XVI в., который был, особенно в своей первой половине, веком радости жизни.

* Жестокое столкновение цивилизаций: до этого момента наши рассуждения предполагали мирные взаимоотношения цивилизаций, свободный выбор ими путей своего развития. Однако зачастую отношения между ними носили насильственный характер. Столкновения цивилизаций всегда были трагичными, что нередко в долговременной перспективе оказывалось бессмысленным.

Успешность таких процессов, как подчинение Римом Галлии и значительной части завоеванного европейского Запада, объясняется только их долговременностью и, что бы там ни говорили, низким начальным уровнем развития этих народов, их восхищением завоевателем, их «пособничеством» в конечном счете. Но такие победы были редки: исключения подтверждают правило.

Во время таких жестких столкновений неудачи случались чаще, чем успехи. «Колониализм» смог победить вчера, но сегодня его фиаско очевидно. Колониализм — это поглощение одной цивилизации другой. В ходе конфликтов между цивилизациями побежденные всегда уступают сильнейшему, но их подчиненное положение является временным.

Длительные периоды насильственного сосуществования подразумевают уступки, согласие, важные культурные заимствования, часто

оказывающиеся плодотворными. Но этому всегда есть определенные пределы.

Лучшим примером взаимопроникновения культур под знаком насилия является тот, что проиллюстрирован книгой Роже Бастиды *Африканские религии в Бразилии* (1960). Это трагическая история черных рабов, оторванных от родных африканских берегов и брошенных в патриархальное христианское общество колониальной Бразилии. Они выступили против самого общества, но приняли христианство. Многие беглые негры основали независимые республики. Некоторые из них, например (в штате Байя, на северо-востоке Бразилии) пала только после упорного сопротивления. Удивительно ли, что лишенные всего чернокожие рабы вернулись к своим прежним африканским религиозным обычаям, объединили в своих кандоблес или макумбас языческие и христианские ритуалы, что этот своеобразный «синкретизм» не только дожил до нашего времени, но и проявляет наступательный характер. Победенный уступил, но в то же время сохранил самобытность.

История и цивилизация

Рассказ о сопротивлении, согласии, устойчивых тенденциях, постепенных деформациях цивилизаций позволяет сформулировать последнее определение, которое придает цивилизациям особый, только им свойственный облик: цивилизации представляя собой непрерывный процесс исторической преемственности.

Цивилизация является таким образом самой продолжительной подлинности истории. Но историк не сразу осознает эту истину: она становится понятна после целого ряда наблюдений. Это как при подъеме в гору: чем выше поднимаешься, тем шире обзор.

- Различные временные отрезки истории: историческая наука имеет свои масштабы, использует различные единицы измерений: от изучения прошлого день за днем, год за годом до изучения его десятилетие за десятилетием, век за веком.

В зависимости от изучаемого отрезка времени исторический пейзаж меняется. Противоречия между наблюдаемыми реальностями, между прошлым с разными временными отрезками рождает свойственную истории *диалектику*.

Чтобы упростить объяснения, скажем, что историк работает по меньшей мере на трех различных уровнях.

Уровень *А* — это уровень традиционной истории, обычного исторического повествования, идущего от события к событию, как это делает хроникер или репортер. Таким образом выхватываются тысячи образов, которые составляют многоцветие истории, оказывающейся столь же богатой на перипетии, как толстый роман. Однако забытая сразу после прочтения, такая история оставляет много недосказанного, и мы зачастую по-прежнему не способны понять ее или высказать о ней свое суждение.

Уровень *Б* отражает отдельные исторические эпизоды, каждый из которых рассматривается комплексно: романтизм, Французская революция, промышленная революция, Вторая мировая война. Единица измерения в этом случае — десятилетие, двадцатилетие и даже пятидесятилетие. Эти временные отрезки, которые называют периодами, фазами, эпизодами или конъюнктурами, взятые в совокупности, позволяют сблизить факты, интерпретировать их, дать объяснения. Здесь мы имеем дело с длительными событиями (если их так можно назвать), избавленные от незначительных деталей.

Уровень *В* идет дальше этого, пусть даже долговременного, событийного ряда и исследует только вековые или многовековые движения. Он изучает такую историю, развитие которой замедленно, протекает на протяжении больших временных пространств. Это история, которую хотелось бы преодолеть с помощью сапогов-сорокоходов. С этой точки зрения Французская революция представляется лишь моментом, пусть и ключевым, в длительной истории либерального и тоталитарного пути, по которому шел Запад. Философия Вольтера здесь не более чем один из этапов развития свободомыслия...

На этом последнем уровне исследований возникают цивилизации, лишенные случайностей и перипетий, которые окрашивали их эволюцию; они рассматриваются во всем их длительном развитии, с их устойчивыми тенденциями, структурами, с их почти абстрактными и вместе с тем основополагающими схемами.

- Цивилизации в этом случае — это не данный экономический уклад, ни данное общество, но нечто такое, что, будучи рассмотренным через совокупность экономических укладов, совокупность общественных формаций, продолжает существовать, лишь слегка меняясь во времени.

Мы подходим к цивилизации лишь в долговременной перспективе, ухватив кончик нити, которая продолжает размазываться; это то, что на протяжении бурного и шумного исторического развития общ-

ности людей удавалось сохранить и передавать из поколения в поколение в качестве наиболее ценного дара.

Но при этом не будем слишком быстро соглашаться с мнением крупного испанского историка Рафаэля Альтамыра-и-Кревеса (1951) или с мнением, высказанным еще раньше Франсуа Гизо (1855): якобы история цивилизаций — это «вся история». Это, безусловно, вся история, но взятая в определенной перспективе, рассматриваемая в максимально возможном хронологическом пространстве, в увязке с историческим и человеческим факторами. Если позаимствовать образное высказывание Фонтенеля, это не история роз, какими бы красивыми они не были, но история садовника, которого розы считают бессмертным. С точки зрения обществ, экономических укладов и тысяч кратковременных исторических событий цивилизации также кажутся бессмертными.

Это долгосрочная история, телеистория, дальнее плавание в море времени, а вовсе не каботажное плавание вдоль знакомых берегов. Такой исторический подход, как бы мы его ни называли и какой бы образ мы ему ни придавали, имеет свои преимущества и недостатки. Преимущества: он заставляет думать, давать объяснения в непривычных терминах и пользоваться исторической экспликацией для понимания своего собственного времени. Недостатки и даже опасности: он может привести к чрезмерно легким обобщениям философия истории, иными словами, к созданию истории вымышленной в большей степени, чем признанной и доказанной.

Историки, безусловно, правы, когда с недоверием относятся к таким энтузиастам как Шпенглер или Тойнби. Всякая история, сведенная к общим объяснениям, требует постоянного обращения к конкретной реальности, к цифрам, к картам, к точной хронологии, т.е. требует подтверждения.

Чтобы понять, что же есть цивилизация, нужно заняться изучением конкретных случаев. Все определенные нами в разделе «Грамматика цивилизаций» правила окажутся более простыми и ясными в свете примеров, которые будут приведены ниже.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

Часть первая ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

Глава 1. Чему учит история

Цивилизации бесконечно долго зарождаются, обустриваются на месте, развиваются.

Утверждать, что ислам зародился в течение нескольких лет, во времена Мухаммада, было бы одновременно точно и неточно, во всяком случае малопонятно. Христианство также появилось на свет вместе с Христом и одновременно до него. Без того и другого не было бы ни христианства, ни ислама; новые религии каждый раз облекались плотью уже существовавших цивилизаций. Каждый раз они становились его душой: с самого начала у них было преимущество в виде богатого наследства, т.е. прошлое, настоящее и даже будущее.

Ислам, новая форма на Ближнем Востоке

- «Вторичная» цивилизация: как христианство унаследовало от Римской империи, историю которую оно продолжило, так и ислам при зарождении воспользовался тем, что Ближний Восток, был одним из старейших, если не самым старейшим в мире, перекрестком для людей и цивилизованных народов.

Это факт, имеющий огромные последствия: мусульманская цивилизация унаследовала старые императивы геополитики, урбанистических форм, институтов, привычек, обрядов, древних способов жизни и веры.

О вере: в своей религиозной системе ислам привязан к иудаизму и христианству, к Аврааму и Ветхому Завету с его строгим монотеизмом. Для ислама Иерусалим — это святой город, а Иисус — великий пророк до появления Мухаммада, который один только и выше его.

О жизни: имеющие тысячелетнюю историю жесты сохранились в исламе до настоящего времени. В *Тысяче и одной ночи* приветствовать суверена значит «поцеловать землю между своими руками». Но этот жест практиковался уже при дворе парфянского царя Хосрова (531—579) и даже раньше. В XVI, XVII вв. и позднее европейские послы в Стамбуле, Исфахане и Дели старательно заучивали этот жест, при этом наводя его унижительным как для себя, так и для государей, которых они представляли. Еще Геродот возмущался египетскими нравами, которые в его глазах казались отталкивающими: «Чтобы поприветствовать друг друга, они почти что падают ниц посреди улицы; они делают собачью стойку, опуская руки к коленям». Это приветствие сохранилось до сегодняшнего дня. Другие детали: мавританские или турецкие бани представляют собой древние римские термы, которые арабские завоевания сделали обиходными в Персии и других странах; мусульманский символ — «рука Фатимы» (что соответствует нашим «медалам и наплечнику») ранее украшала погребальные стелы в Карфагене; что касается традиционного мусульманского костюма, то Э.Ф. Готье, от которого мы узнали об этих деталях, узнает его в древней вавилонской одежде, описанной еще двадцать четыре века тому назад Геродотом. По его словам, «жители Вавилона носят льняную тунику до пят (*сандрахи*, как говорят в Алжире), а поверх этой туники — другую шерстяную тунику (сейчас говорят *джехлаба*); затем они заворачиваются в небольшой белый плащ (мы бы сейчас сказали в белый *бурнус*); покрывают голову митрой (мы бы сказали сегодня *феской*)».

Что мы могли бы остановиться на этом пути: определить, что является собственно мусульманским, а что нет в исламской стране? Ведь еще недавно бытовало мнение, что кускус, это североафриканское блюдо, является на самом деле римским и даже пуническим кушаньем. В любом случае, мусульманский дом с внутренним двориком (*патио*), который можно было встретить у арабов в Египте и Магрибе, имеет доисламское происхождение и является аналогом греческого дома с перестилем* и «африканского дома первых веков нашей эры».

Это все детали, но они знаменательны: мусульманская цивилизация, равно как и западная, является *вторичной, производной* цивилизацией, по терминологии Альфреда Вебера. Она возникла не на пустом

* Прямоугольный двор, окруженный колоннадой — *Примеч. ред.*

месте, но на основе той живой и многоликой цивилизации, которая предшествовала ей на Ближнем Востоке.

Итак, история ислама не возникла за десятилетие стремительных завоеваний (632—642) или в результате предсказания Мухаммада. Ее породила долгая история Ближнего Востока.

История Ближнего Востока

Объединенный ассирийцами, Ближний Восток сохранял свою целостность в результате завоеваний Кира, Камбиза и Дария (546—486 г. до н.э.). По прошествии двух веков великое государство Ахеменидов пало в результате завоевания его Александром Македонским (334—331 г. до н.э.). Это завоевание оказалось более стремительным, чем приход арабских завоевателей *десять веков спустя*.

В общем и целом эти десять веков разделяющие два завоевания, представляют собой чрезвычайно любопытный «колониальный» эпизод, в ходе которого греки господствуют над огромным географическим пространством с размытыми границами, расположенным между Средиземным морем и Индийским океаном. Осваивая эти земли, греки создают города, крупные порты (Антиохия, Александрия), большие государства (империя Селевкидов, Птолемеев (Лагидов)...). Соединяясь со своими новыми подданными, они вместе с тем не подвергались ассимиляции, поскольку не жили в сельской местности, которая оставалась для них чужой. Короче говоря, небольшой по численности греко-македонский народ колонизировал большую часть Азии, как позднее Европа колонизировала Африку, навязав свой язык, свою администрацию, передав также часть своего динамизма.

Римляне также завоевали Малую Азию, Сирию, Египет, не прерывая эту *колониальную эру*: за римским фасадом сохранилась греческая цивилизация, которая вновь становится доминирующей после падения Римской империи в V в., когда Византия, эта греческая цивилизация, пришла на ее место. Эмиль Феликс Готье, живший недавно в Алжире, был заворочен этой гигантской колониальной авантюрой, которая в ходе исторического развития исчезла с лица земли, почти ничего после себя не оставив.

Колонизированный Ближний Восток не очень-то жаловал своих хозяев. В 256 г. до н.э. возникло крупное парфянское царство Аршакидов; затем, в 224 г. до н.э., — государство персов Сасанидов, простиравшееся от Ирана до берегов Инда и хрупких границ Сирии. Рим, а затем Византия вели тяжелые бои с этим могущественным соседом — хорошо

организованным, воинственным, бюрократическим, располагающим многочисленной конницей, связанным на Востоке с Индией, монголами и Китаем (очевидно, что лук парфянских всадников, стрелы которого пронзали римлян, имеет монгольское происхождение). Это государство, взявшее на вооружение «высшую религию Заратустры», доблестно сражалось с «пришельцем — эллинизмом». Но политическая враждебность не мешала заимствовать у Запада различные культурные течения: изгнанные Юстинианом греческие философы нашли убежище в столице Ктесифона; преследуемые Византией, христианские еретики-несторианцы через Иран достигли границ Китая, где их ожидала весьма своеобразная судьба.

- На Ближнем Востоке, выступившем против греческого присутствия, принявшем христианство, сохранившемся восточным и будничным религиозным волеизъявлением, первые арабские завоевания (634—642) немедленно имели сторонников.

Сирия (634), а затем Египет (639) приняли пришельцев. Более неожиданным оказалось быстрое присоединение к ним персов (642): древняя империя, обескровленная вековым противоборством с Римом и Византией, либо слабо оборонялась, несмотря на то, что на вооружении имела конницу и слонов, либо вовсе не противостояла рейдам арабских всадников на верблюдах. Ближний Восток сдался, отдав себя завоевателям, которым гораздо труднее пришлось в Северной Африке (с середины VII до начала VIII в.), зато Испания сразу же оказалась в их руках (711).

В целом арабским завоевателям удалось овладеть всем Ближним Востоком, за исключением гористых районов Малой Азии, обороняемых Византией, и продолжить походы на Запад, выйдя далеко за пределы Ближнего Востока.

Была ли быстрота завоеваний:

- а) следствием внезапности, преимуществом внезапного нападения?
- б) естественным успехом, обусловленным разрушительными рейдами на города, которые сдавались один за другим?
- в) завершением медленного упадка Ближнего Востока в результате деколонизации, как мы бы сказали сегодня?

Безусловно, быстроте завоеваний способствовали все три причины. Однако с точки зрения истории цивилизаций этих объяснений недостаточно для понимания *долговременного* успеха нашествия. Не Должны ли мы, исследуя более глубинные причины произошедшего,

говорить о религиозном и моральном сходстве победителей и побежденных, имевшем древние корни и являясь плодом длительного сосуществования? Созданная Мухаммадом религия возникла на ближневосточном перекрестке, отвечала его духу и призванию.

В начальный период своей экспансии ислам лишь вложил жизнь в древнюю восточную цивилизацию, которая стала «второй опорой» (первой была сама Аравия) строящегося здания. Речь идет о цивилизации, крепкой и опирающейся на богатые регионы, по сравнению с которыми Аравия выглядела бледно.

Судьбоносное значение ислама состояло в том, чтобы вывести эту старую цивилизацию на новую орбиту, придать ее новый диапазон развития.

Мухаммад, Коран, Ислам

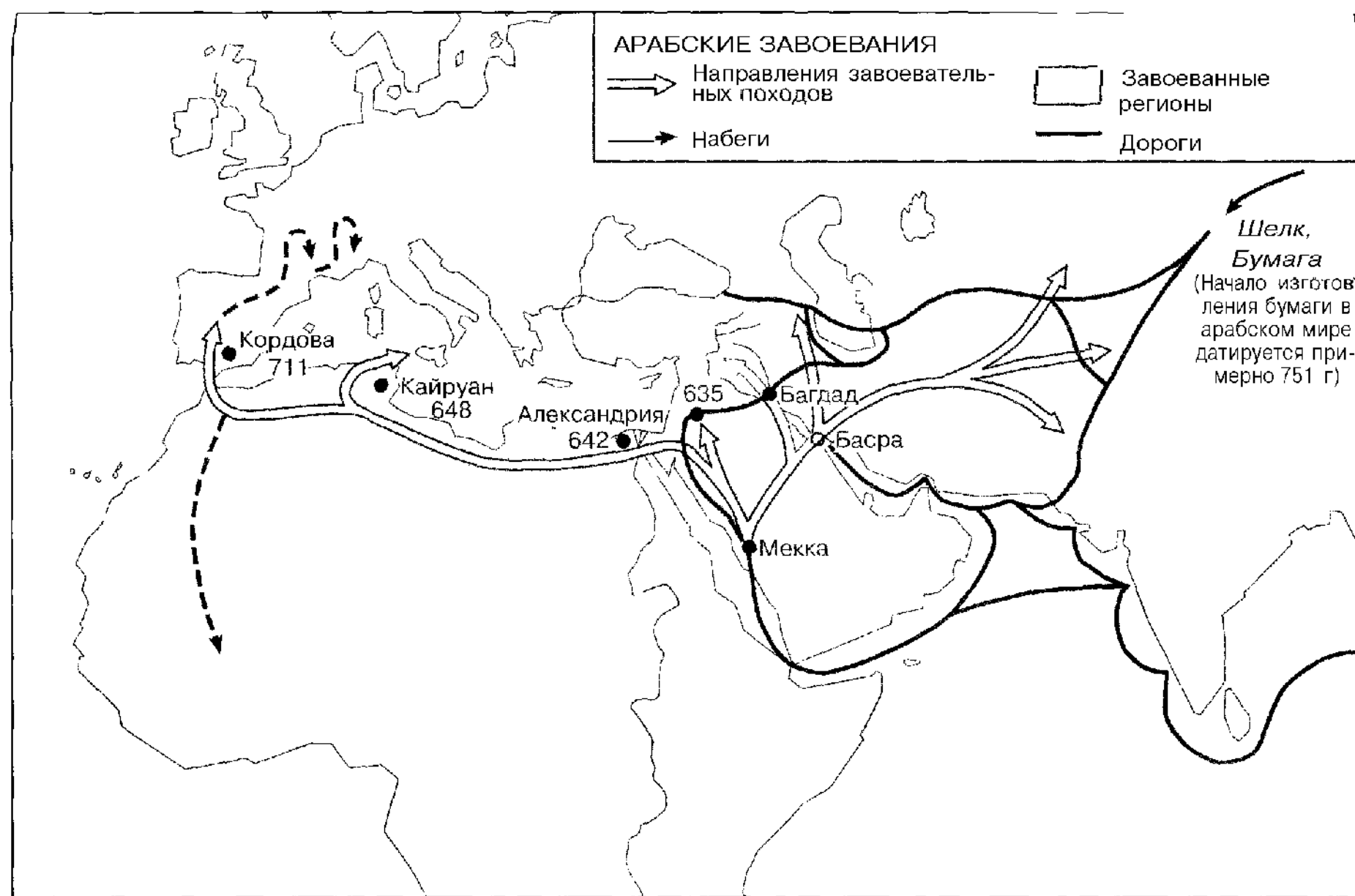
Говоря о корнях ислама, мы сталкиваемся одновременно с человеком, книгой, религией.

- Основные деяния Мухаммада приходятся на период между 610—612 г. (даты приблизительны, но возможны) и 632 г., когда он умер.

Без него раздробленная Аравия с ее враждующими племенами и конфедерациями, открытая иностранному влиянию, являясь объектом колонизационных устремлений со стороны Персии, христианской Эфиопии, Сирии, византийского Египта, не смогла бы объединиться и, с обретенным единством, бросить свои орды за пределы северных границ.

Ни Византия, ни парфяне, противостоявшие друг другу на протяжении долгих веков, не опасались появления столь серьезного врага, пришедшего из столь бедных стран. Конечно, и до этого имели место кровавые столкновения. Но ранее они ограничивались грабительскими набегами. Кто всерьез беспокоился о судьбе граничащих с «плодородным полумесяцем» бесплодных районов, которые оспаривали друг у друга персы и греки?

Успехи Мухаммада все меняют. Изыскания ученых позволили освободить от намеренных приукрашиваний его биографию. Возникший в результате этого образ интересен и даже волнующ. Появившись на свет примерно в 570 г., Мухаммад провел первые сорок лет своей жизни, преследуемый несчастьями. Пророк появляется на исторической сцене лишь на сороковой год жизни, примерно 610—612 г.

Арабские завоевания

«В одну из ночей последней декады Рамадана в пещере горы Хира», что находится недалеко от Мекки, во время сна «произошло сошествие Ниспущенного Слова в относительный мир, сходжение Книги в сердце пророка». Тайнственное существо показало ему во сне «свиток из ткани, покрытый письменами, и отдало ему приказ прочесть их... «Я не умею читать», ответил Мухаммад. «Читай», дважды повторил ангел, обмотав ткань вокруг шеи спящего. «Читай то, что написано от имени Господина, который создал человека...» «Избранный отдался духовному созерцанию, сознавая, что книга сошла в его сердце» (Э. Дерменгем). Небольшая деталь: используемое в тексте слово *читать* можно перевести как *проповедовать*, что не позволяет нам достоверно утверждать, умел пророк читать или нет.

Этот священный рассказ хорошо известен. Мухаммад после слов архангела Гавриила (он-то и был таинственным посетителем) начинает представлять себя божественным посланником, последним, самым великим пророком библейской традиции. Вначале он находит поддержку только у своей супруги Хадиджи — его родственники, богатые торговцы из Мекки, относятся к этому известию враждебно. Он полон сомнений, находится на грани отчаяния, безумия, самоубийства. Зачем буквально следовать этой «страсти», восстапавливаемой через свидетельства? Зачем следовать «изречениям» пророка, сурам Корана — этому посмертному сборнику изреченных мыслей, переданных традицией, этим откровениям Мухаммада? Главное — быть внимательным к красоте, к взрывной силе, к «чистой музыке» этого «неповторимого» текста (которая является доказательством его божественной природы), к этим предсказаниям, которым зачастую предшествуют ужасные конвульсии, после которых Мухаммад надолго теряет сознание, к этой чрезвычайно выразительной, громко скандируемой поэзии, которую не удается скрыть даже последующей традицией. Тогдашняя доисламская Аравия переживает гомеровские времена: поэзия открывает души и сердца людей.

Долгие годы Пророк проповедует среди узкого круга приверженцев, родственников, среди немногочисленных несчастных и часто очень бедных людей: ведь в Мекке живут не только торговцы, обогатившиеся на торговле с Сирией, Египтом и странами Персидского залива, но и наемные работники, ремесленники, рабы. Таким был Билал, черный раб, которого купил друг и будущий зять Мухаммада — Абу Бакр, который впоследствии стал первым муэдзином ислама.

Что касается богатых, то они не принимают откровений, которые поначалу вызывают у них улыбку, а потом страх и раздражение. Преследуемые ими сторонники Мухаммада вынуждены уезжать за преде-

лы страши: кто в христианскую Эфиопию, кто (около шестидесяти человек) в оазис Ясриб, находившийся к северу от Мекки. Там же скрылся и сам Пророк: Ясриб станет городом пророка (Медина), а его исход туда (*Хиджра*) — отправной точкой мусульманской эры (20 сентября 622 г.). Заметим, хотя это и малозначащая деталь, что город уже носил имя Медины до появления там Пророка.

В ту эпоху город был на три четверти заселен крестьянами, принадлежавшими к двум враждующим и племенам, и представителями еврейской диаспоры, занимавшимися в основном торговлей. Им Мухаммад вначале симпатизирует, затем — через недоверие — переходит к враждебности. Молитва, обращенная сначала к Иерусалиму, разворачивается в сторону Мекки. Все это происходит в обстановке постоянных военных конфликтов: чтобы выжить, бедные мусульмане грабят соседей, промышляя на длинных караванных путях торговцев из Мекки. Так продолжается десять лет, после которых пророк возвращается в Мекку победителем. В страшные и трудные времена пророк показал свой дар принимать решения, быть осторожным и терпимым.

- Религия, создаваемая строфами, впоследствии составившими Коран, а также словами и поступками пророка, религия, явившаяся миру как ислам (подчинение Богу), утвердилась в своей достойной подражания простоте.

Она зиждется на «пяти столпах»: утверждение единого Бога, Аллаха, пророком которого является Мухаммад, повторение молитвы пять раз в день; соблюдение поста в течение 29 или 30 дней — рамадан; раздача милостыни бедным; паломничество в Мекку. Так называемый джихад, священная война, не входит в основополагающие предписания, хотя в скором времени она станет играть очень важную роль.

Религиозная символика ислама не предполагает никакой тайны, хотя различные ее моменты дают возможность сложных интерпретаций мистического характера. В этом смысле исламская теология схожа с христианской.

Что касается молитвы, то здесь пророк вдохновлялся христианской и еврейской религиозной практикой. В отношении же паломничества он оставался верным традициям Аравии и Мекки, сохранив древний обычай паломничества к Каабе* в Мекке и к горе Арафат, находящейся вблизи города. Возможно, что этот обычай был связан с древними празднованиями весны и осени; первое из этих празд-

* Мусульманский храм в Мекке. — *Примеч. ред.*

пеств аналогично празднику кущей Ветхого Завета. Эти старые традиции, смысл которых уходит в глубину веков, воспроизведены на новом языке. «Мухаммад заимствовал старый обычай, *апостериори* оправдав его некоей *культурной* легендой: он утверждал, что Авраам вместе со своим сыном Измаилом, предком арабов, основал культ Каабы и традицию паломничества. Так было установлено главенство ислама над иудаизмом, созданным Моисеем, и христианством, связанным с именем Иисуса». Будет ли достаточно объяснить эту «привязку» к Аврааму политическим расчетом, жадной первенства? Не обладают ли религии собственной логикой, собственной истиной? Эту мысль выдвигает Ноахим Мубарак (*Авраам в Коране*, 1958). Луи Массиньон полагает, что ислам приветствует Авраама как первого мусульманина, что верно, «теологически верно».

Главным представляется понимание того, до какой степени религиозные верования и ритуалы управляют жизнью мусульманина, навязывая ему строгую дисциплину. Для правоверного мусульманина все, включая право, вытекает из Корана. Религиозная догма остается гораздо более живучей в сегодняшнем исламе, чем та же догма в христианской стране. «На протяжении тысячи трехсот шестидесяти лет, — писал в 1955 г. Луи Массиньон, — на горе Арафат ежегодно собирается примерно 150 000 паломников со всех стран». В любой деревне Египта можно обнаружить столько же таких паломников, сколько «симпатизирующих Паскалю» во французской деревне. Здесь первенство остается за исламом. Но разве это обязательно зависит от более живой *веры*? Христианству пришлось столкнуться с внутренними проблемами, проблемами цивилизации, которую он в себе несет, проблемами, которые в исламе остаются в зачаточном состоянии. Быть может, ислам продолжает опираться на древние, архаичные цивилизации, где религиозные обряды остаются неизменными, подобно другим социальным жестам, подобно другим сторонам жизни?

Аравия: проблема урбанизированной культуры

Какую роль в победе Мухаммада и экспансии ислама сыграл огромный Аравийский полуостров? Ответ не представляется простым.

Главенство города: Мухаммад жил, творил (если так можно сказать) в городской среде, в Мекке, вне еще примитивной Аравии.

В те времена богатство города было недавним, обусловленным его связями с другими далекими, находящимися за рубежами Аравии городскими центрами. Это богатство зиждилось на торговле и торговом капитализме, в Мекке лишь нарождавшемся.

Можно не сомневаться, что еще до озарения Мухаммад в качестве сопровождающего торговые караваны познакомился, не только в Аравии, но и в Сирии, с теми, кто исповедывал иудаизм и христианство. Его предписания, призывы муэдзинов, общая пятничная молитва, чадра, требуемое от правоверных и их имамов (т.е. тех, кто руководит молитвой) достоинство предполагают паличие городского окружения, т.е. свидетелей, толпы, городского соседства.

«Этот риторический и преувеличенно стыдливый идеал близок суровым торговцам Хиджаза. И здесь ислам ищет скорее городские одежды, чем неустранимость сельского быта» (Келде Планволь). Именно под этим углом зрения нужно интерпретировать некоторые *хадисы* Пророка*: «Чего я боюсь для моего народа, так это молока, где дьявол затаился между пенкой и сливками. Оно ему поправится и он вернется впустыню, *зброши центры, где молятся община*» (курсив наш. — *Лвт.*). Или другие приписываемые пророку слова, относящиеся на этот раз к лемеху плуга: «Это никогда не входит в дом правоверного без того, чтобы с ним не пришло унижение». Короче, как утверждает Коран: «Арабы пустыни более всего закоснели в своей порочности и своем лицемерии». В начале истории ислама центрами веры являются города, что напоминает христианскую церковь при ее появлении на Западе: крестьянин рассматривался как неверный, *поганый*, язычник.

- Действительно, бедуины Аравии — это «странные» крестьяне. Еще в начале XX в. их можно было увидеть такими, какими они были когда-то; даже сейчас их можно встретить в сердце Аравии.

Специалист по исламу Робер Монтань (1893—1954) написал очень хорошую книгу о *Цивилизации пустыни*, которую этнограф назвал бы, вне всякого сомнения, культурой.

Отсутствие городов, а те, что есть, весьма примитивны! Ясриб в период Хиджры — это даже не Фивы времен Эпаминонда! Вокруг этих так называемых «городов», в долинах с нехваткой воды, живут *несколько оседлых крестьян*, привязанных к клочку земли крепостных. *Большинство арабов — это кочевники*, «похожие на рои пчел» и образующие

* Переводы цитат из хадисов и Корана выполнены Б. Ситниковым по французскому изданию данной книги. — *Примеч. ред.*

мелкие социальные группы: патриархальные семьи, «фракции», «племена», конфедерации племен. Эти названия принадлежат современным исследователям, которые используют их для удобства подсчета: фракция насчитывает от 100 до 300 шатров; племя состоит из 3000 человек и является наибольшей единицей, сплоченность которой обуславливается узами крови тем единством, что признается бедуинами. Племя — это также крупное войсковое соединение братьев, кузенов, тех, кто тебе обязан. Напротив, конфедерация племен — это слабый союз, члены которого разъединены огромными расстояниями.

Бедуины в пустынях и полупустынях Аравии живут только за счет *разведения верблюдов*. Умеренность в еде и питье способна противостоять жажде, что позволяет верблюду совершать длительные переходы от одного пастбища к другому. В случае войны и набегов с целью воровства скота он обеспечивает транспортировку фуража, мехов для воды и зерна. Лошадей, которых бедуины очень ценили, используют в самый последний момент — для атаки.

Повседневная жизнь проходит в погоне за «убегавшей травой». На вьючных верблюдах и беговых белых верблюдицах кочевники постоянно перемещаются на расстояние до тысячи километров с севера на юг и обратно. Ближе к северу, у границе «плодородным полумесяцем», кочевничество постепенно уходит в прошлое под влиянием оседлых соседей. Разведение верблюдов и овец, уже не предполагает масштабных перемещений. Если бедуин разводит овец, он становится чауяй, т.е. овцеводом. Еще ниже на социальной лестнице оказывается тот, кто разводит быков или буйволов, — это та категория, что близка к оседлому населению.

На юге и в центре Аравии основанное на разведении верблюдов кочевничество сохраняет свою чистоту, свои претензии на аристократизм. Эти благородные племена находятся в состоянии постоянной войны с себе подобными: сильные побуждают слабых. Таким образом перенаселенная пустыня изгоняет из своих пределов избыток народонаселения; при этом исход идет по дорогам, ведущим на Запад: Синайский мост, узкая лента Нила не являются препятствием на пути в Сахару и страны Заходящего солнца.

Исходу именно на Запад есть свои причины географического и исторического характера. *Географические причины*: к северу холодные пустыни сменяют пустыни жаркие. Арабы не смогли добиться победы в VII в. в Малой Азии, потому что их верблюды не выдерживали холодов плоскогорий нынешней Апатоллии, где прекрасно чувствуют себя верблюды из Бактрии. Что же касается Сахары, то она есть продолжение Аравийской пустыни по ту сторону Красного моря. *Исторические причины*: в северных пустынях Центральной Азии есть свои ко-

чевники, свои двугорбые верблюды, свои лошади, происходят свои сопровождаемые насилием миграционные процессы. Иными словами, северные пустыни не представляют собой вакантные пространства, где можно свободно расселиться.

Не без проблем, но Аравия бедуинов поставила на службу исламу свою исключительную военную силу. Оставаясь воинами кочевники не изменили свой образ жизни. Во времена халифов Омейядов в завоеванной Испании с новой силой вспыхнули давние споры между настоящими «Йеменскими» арабами и кайситами, выходцами из Сирии и Палестины, хотя их родина и старые раздоры остались за тысячами лье.

После смерти Пророка все подчиненные им кочевники восстали. Подавление восставших заняло немалое время, и преемник Мухаммада халиф Омар (634–644) не нашел лучшего решения, чем отправить своих всадников в джихад: это казалось наилучшим способом удалить их из Аравии и предотвратить межплеменные розни.

Бедуины таким образом осуществили первые завоевательные походы ислама. Нужно представить себе путь этих малых групп, этих малочисленных народов, передвигающихся по огромным пространствам в сопровождении обозов, шатров из козлиной или верблюжьей шерсти, несущих с собой свои привычки, нравы, амбиции, исконное желание пастухов остаться пастухами, презрение к удушающей жизни оседлых народов. Это была настоящая «бомбардировка» огромного пространства мелкими человеческими частями, что и представляло собой мусульманское завоевание Запада. Они устраивались повсюду, и с ними приходили их язык, их фольклор, их недостатки и достоинства; к этим последним следует прежде всего причислить гостеприимство, которым славится ислам.

Нам известен долгий путь племени Бани Хилаль: уйдя на юг от Хиджаза в VII в., эти люди оказались в Верхнем Египте (около 978 г.), где не прижились; отброшенные в Северную Африку в середине XI в., они были подобны туче саранчи; разбитые берберами в XII в. в битве при Сетифе (1151), они разбредаются по всему Магрибу. Их эпопею ныне хранит фольклор «от пустыни Трансиордании до Бискры и Порт-Этьена» в Мавритании.

- «Цивилизация» и «культуры» в исламском мире: роль арабских племен привлекает внимание к способу, каким ислам (цивилизация, которой предстоит вскоре стать сверхграфичированной), последовательно утверждал почти все свои успехи на живых силах воинственных «культур», примитивных народов, которые он быстро ассимилировал и «цивилизывал».

В течение столетия арабские племена обеспечивали исламу его первые победы. Затем ислам покорил Испанию и Египет (династия Фатимидов) при помощи горцев из Северной Африки — берберов. Потом в своих целях он использовал тюркско-монгольские племена кочевников из Центральной Азии, которых ему удалось обратить в свою веру. Начиная с X в. тюркские наемники — великолепные воины, лучники, всадники — составляли костяк армий багдадских халифов.

Аль-Дусахиз, крупный арабский писатель IX в., позволил себе немного посмеяться над этими варварами. Но история вновь поставила все на свои места: бедные становятся богатыми, кочевники горожанами, а путь от слуги к хозяину зачастую бывает краток. Наемники вчера, хозяева завтра, представители тюркских народов (сначала сельджуки, затем османы) становились новыми князьями ислама. «Большой господин», «Великий турок» — эти титулы Запад присвоил османам — представителям династии турецких султанов после того, как те захватили Константинополь (1453) и тем окончательно упрочили свое господство.

Представляется, что здесь мы сталкиваемся, с предназначением ислама, которое состоит в том, чтобы привлечь на свою сторону, использовать соседние примитивные народы, а затем подчинить их своему могуществу. Время постоянно все ставит на свои места и рубцует раны. Примитивный, но удачливый вояка растворяется в городской культуре ислама...

Глава 2. Чему учит география

Ислам охватывает целый ряд географических пространств, связанных между собой и одновременно отличающихся друг от друга, что объясняет, почему его история никогда не была спокойной.

Однако эти различия (по сравнению с пространством, взятым в совокупности) являются относительными. Исламский мир представляется в целом удивительно стабильным, чему есть целый комплекс реальностей и объяснений.

Земли и моря ислама

Географические карты говорят о главном. Отметим регионы, сначала удерживаемые, а затем оставленные исламом, который каждый раз оказывался перед лицом чуждой и соперничающей с ним цивилизации: Сицилия, Иберийский полуостров, Септимания, южная Италия, западное Средиземноморье — со стороны Запада; Крит, Балканский полуостров — со стороны Восточной Европы, в целом относящейся к христианскому православному миру; центральная часть Индо-Гангской равнины, северная и центральная часть Деканского плоскогорья — со стороны индийского мира.

Сегодняшние исламские регионы, которые он удерживал если не всегда, то по меньшей мере достаточно долго, занимают огромные пространства. Не всегда богатые, они простираются от Марокко и атлантической Сахары до Китая и Индостана или, как говорится в одной недавно изданной книге, «от Дакара до Джакарты».

В этом перечислении не забудем огромные морские пространства, некогда — в большей или меньшей мере — используемые, а сегодня оказавшиеся в основном вне пределов мусульманских государств, исключая узкие прибрежные полосы. Море принадлежит тому, кто по нему плавает, а в наше время мусульманского флота практически более не существует. В былые времена дело обстояло совершенно иначе, говорим ли мы о Средиземноморье, Красном море, Персидском заливе, Каспийском море или в особенности об Индийском океане. Благодаря мусонам арабские парусные торговые суда, построенные без единого гвоздя при помощи связанных между собой пальмовыми канатами досок, использовались в этих широтах. Уже в IX в. они достигли Кантона. Васко де Гама преследовал их и грабил в 1498 г. Тем не менее ни португальцам, ни — позднее — голландцам и англичанам не уда-

лось полностью вытеснить их с торговых путей в Индийском океане, где они обеспечивали перевозки, как бы сказали теперь по низким тарифам. И лишь пароходам удалось это сделать, но произошло это только в конце XIX в.

Морская история мусульман была таким образом длительной. Ислам прославили не только его всадники, но и его моряки, символом которых и ныне остается Синдбад Мореход.

* Главенствующая роль Средиземноморья: именно Средиземное море играло нейтральную роль в морской истории ислама.

Путешествия Синдбада — это озарения, чудеса, катастрофы, случившиеся в Индийском океане. Однако *мировая* морская участь ислама решалась не там, а на Средиземном море. Именно здесь он одерживал победы, отчаянно сражался и в конечном счете проиграл.

Среди крупных завоеваний ислама оказались не только Сирия, Египет, Персия, Северная Африка и Испания, но и почти все Средиземное море. Это последнее завоевание стало бы окончательным, если бы мусульмане, обосновавшись на Крите в 825 г., остались на острове, но Византия отвоевала этот важнейший бастион в 961 г., продолжая владеть Кипром и на Родосе, что позволяло ей держать в своих руках ключи от морских путей, ведущих в Эгейское море.

Итак, ислам потерпел если не полное поражение, то, если можно так выразиться почти поражение на востоке: Византия оставила за собой это усеянное островами море и окружающие Балканский полуостров просторное Черное море и Адриатику — древний итальянский путь, давший толчок к процветанию Венеции: именно этим путем направлялись в богатейшую Византию корабли с лесом, солью, пшеницей.

Однако другая — западная — часть Средиземного моря оказалась в руках моряков из Египта, Северной Африки и Испании, перешедших к тому времени под зеленые знамена ислама. Именно андалузцы завоевали Крит в 825 г.; именно тунисцы обосновались на Сицилии в период удивительного расцвета, став сердцем «сарацинского» Средиземноморья, а Палермо, благодаря ирригационным работам, превратился в один из богатейших городов, почти в райский сад.

Мусульмане на какое-то время оказались в разных частях Корсики и Сардинии, даже в Провансе; они угрожали Риму: оскорбляли его, высаживались, когда хотели, в устье Тибра. Они крепко осели на Балеарских островах, поскольку архипелаг представлял собой важ-

нейшее связующее звено на морских путях западного Средиземноморья, где обычно останавливались суда следовавшие из Испании в Сицилию.

Таким образом море, бывшее главным торговым путем, оказалось на службе у ислама. Оно способствовало росту и процветанию мусульманских приморских городов: Александрии, уже тогда бывшей крупнейшим портом для огромной внутренней метрополии — Каира, Палермо, Туниса (как бы из предосторожности чуть удаленного от моря). Возникают — или возрождаются — другие города: Бужи (ныне Беджайя), в окрестностях которого было много корабельного леса, Алжир, Оран (в ту эпоху это были еще скромные поселения), оживленный испанский порт Альмерия и расположенная на берегу реки Гвадалquivир (неподалеку от Атлантического океана) метрополия Севилья.

Этот расцвет продолжался более века. Можно не сомневаться, что ислам довольно быстро столкнулся с христианским пиратством — это общая для богатых участь. Они становятся жертвами бедных. К X в., в противоположность ситуации, сложившейся позднее, богатым считался мусульманин, а пиратом был христианин. Амальфи, Пиза, Генуя превратились в подлинные осиные гнезда. Положение усугублялось после завоевания Сицилии норманнами (1060—1091). Их быстроходные суда устремляются в погоню за мусульманскими парусниками. Захват Сицилии стал первой брешью в морском владычестве «печерных».

Затем начинается постепенное отлучение исламского мореходства от некогда принадлежавшего ему «мусульманского озера». К 1080 г., в эпоху славного Сиды Кампеадора и накануне вторжения альморавидов (пришедших из Судана и Северной Африки на помощь мусульманам Испании, 1085 г.) арабский поэт из Сицилии такими словами выражает свои сомнения по поводу приглашения в Испанию, несмотря на предложенные в качестве компенсации королем Толедо Мотамидом 50 золотых динаров: «Не удивляйтесь, узнав, как от огорчения побелела моя голова; не удивляйтесь, спросив, почему не побелел черный цвет моих глаз! Море принадлежит рукам, корабли подвергают себя большому риску, только суша принадлежит арабам!» Каков реванш!

Начавшиеся вскоре Крестовые походы (1095—1270) позволили христианам завоевать Внутреннее море, включая торгово-географическое пространство, византийский бастион, прежде всего благодаря флотам итальянских городов. Значительные исторические эпизоды, такие как взятие Иерусалима в 1099 г., создание Иерусалимского королевства, взятие Константинополя латинянами в 1204 г. после известного пере-

лома в ходе IV Крестового похода, не должны заслонять основополагающую реальность: *завоевание Средиземноморского морского торгового пространства*. В 1291 г., после падения крепости Сен-Жан-д'Акр, христианство теряет свою последнюю *важную* опору в Азии, но сохраняет неоспоримое господство над всем Средиземным морем.

Ислам ответил на вызов только два-три века спустя: турки османы попытались вернуть былое господство на море. После победы в битве при Превезе (1538) они захватили почти все Средиземное море, но крупнейшее поражение при Лепанто (1571) положило конец этим завоеваниям, которые, впрочем, имели целью только военное превосходство. Турки располагали лишь грузовым, причем довольно посредственным, флотом, состоявшим в основном из греческих судов, предназначенных для перевозки грузов между Стамбулом, Черным морем и Египтом. Ему противостояли флоты Венеции, Генуи, Флоренции...

Можно не сомневаться, что это вызвало бурный рост мусульманского пиратства, центром которого стал Алжир. Тем не менее берберы никогда не располагали *торговым* флотом.

Итак, Средиземноморье стало ареной сменявшихся друг друга побед и катастроф ислама. В Индийском океане все было стабильно вплоть до вторжения португальцев в 1498 г., обогнувших мыс Доброй Надежды. Так ислам оказался обойденным с тыла.

- Эссенет Эссад Бей был прав, когда сказал: «Ислам — это пустыня». Но эта пустыня, скорее совокупность пустынь, расположена, с одной стороны, между двумя волными путями, двумя морскими пространствами: Средиземным морем и Индийским океаном. С другой стороны, она заключена между тремя довольно плотными скоплениями людей: Дальним Востоком, Европой, Черной Африкой.

Прежде всего ислам — это как бы «промежуточный копипент», связывающий между собой все эти регионы.

Естественно, на пространстве от Атлантики до сибирских лесов и Северного Китая есть пустыни и пустыни: знойные пустыни юга отличаются от холодных пустынь севера; юг — это среда обитания двугорбых верблюдов (в целом), а север — это среда обитания одногорбых верблюдов. Линия, проведенная от Каспия до устья Инда, примерно разделяет эти регионы.

Конечно, нет пустыни без «берегов», без «сахалей» (зон полупустынь), пригодных для оседлого проживания, без степей и оазисов — тех мест, где крестьяне с помощью сохи и мотыги могут выращивать и выращивают сельскохозяйственные культуры. В этих древних, ци-

визированных, считающихся райскими странах имеются даже речные оазисы: Нил, Евфрат, Тигр, Инд, Аму- и Сырдарья, а также плодородные почвы. Из-за климата они чрезмерно чувствительны к малейшим ошибкам человека, к чрезвычайным ситуациям. Вторжение, длительная война, сильные осадки, перенаселенность могут привести к тому, что сельхозугодья окажутся перед угрозой исчезновения, причем в прямом смысле этого слова: они могут быть поглощены пустыней, которая не попадет города и деревни...

Судьбу ислама определяют и эти потенциальные катастрофы. Мусульманские города слишком перегружены торговлей, а сельской местности не хватает пространства — исламская цивилизация существует под знаком непрекращающихся трудностей. Пынешняя карта пародопоселения четко это демонстрирует: ислам сформирован из нескольких плотнонаселенных зон, между которыми расположены огромные пустые пространства. Ни изобретательность при строительстве гидравлических сооружений, ни успехи в выращивании сельхозкультур на сухих почвах, ни самоотверженность неприятельных и терпеливых крестьян, ни использование адаптированных к климатическим условиям культур, таких как оливковое дерево или финиковая пальма, не позволяют исламской цивилизации пребывать в состоянии спокойствия, а тем более жить в изобилии. Всякое изобилие здесь преходяще или является признаком социальной роскоши, если только речь не идет о привилегиях какого-то особого города.

Как это ни парадоксально покажется с первого взгляда, примером может служить Мекка с ее богатствами, которые ей приносит приток паломников. В этом городе все возможно, как по мановению волшебной палочки. В 1326 г. Ибн-Батута, самый известный из всех арабских путешественников, воспевал богатство этого города, «великолепный вкус» его «жирного мяса», чудесные фрукты, в том числе виноград, инжир, персики, финики, «подобных которым не встретишь во всем мире», несравненные дыни... Он заключал: «Все, чем торгуют в разных странах, собрано в этом городе». Изобилие сопровождается неизбежным голодом за пределами города. «Я умею сдерживать чувство голода в складках моего желудка, — писал арабский поэт, — подобно ловкой ткачихе, которая умеет удерживать тонкие натянутые нити в своих пальцах, хотя это и больно». Спутник Мухаммада Абу Хорейра так сказал о Пророке: «Он ушел из этого мира, так никогда и не наевшись ячменным хлебом...»

Последствия этого бросаются в глаза. Обычный итог — появление эксклюзивного, пасторального кочевничества, Принимающего раз-

личные формы (о нем мы уже говорили, когда вспоминали Аравию). В целом то же можно *mutatis mutandis** сказать обо всем пространстве пустынь, где ислам принужден существовать. Это вынужденные обстоятельства. Часто описание бедуина без всякой снисходительности к нему ограничивается представлением его как примитивного существа, несмотря на все его благородство. Исследователь ислама Жак Берг справедливо считает: «До чего же хорош бедуин, которого так часто обвиняли!» Он прав, это великолепный образец выживаемости. Но для ислама XVI в. это тот последователь, которого трудно обуздать, трудно направить к цели! Но все-таки последователь, все-таки оружие, без которого...

И тем не менее нишенское существование, с которым он должен мириться, затрудняют его «социальное продвижение», если говорить современным языком. Тем более что такое продвижение невозможно без обращения к оседлой жизни, которую он ненавидит и которую ныне все в больших масштабах Palaживают во многих мусульманских странах. Османская империя с XVI в. начала предпринимать шаги в этом направлении как в своей азиатской, так и европейской частях. С этой целью она повсюду основывала колонии для кочевников. Кочевничество с его суровой замкнутой «культурой» говорит об очевидном детерминизме. Человек здесь является узником своего «ответа», если обратиться к терминологии Арнольда Тойнби.

* *Mutatis mutandis* (лат.) — с оговорками. — *Примеч. ред.*

Парадоксально, но в наши дни в распоряжении ислама находится слишком много людей (мы это еще увидим): от 365 до 400 млн человек, т.е. седьмая или восьмая часть населения всей планеты. Это много, даже слишком много, учитывая имеющиеся природные ресурсы.

Во времена былого величия ислам насчитывал максимум от 30 до 50 млн человек (при том, что все население мира не превышало 300—500 млн). Это немного, и если в целом пропорция сохраняется, то надо учитывать что задачи ислама в прошлом были намного значительнее, хотя это сравнение и относительно, чем нынешние. До открытия

* *Mutatis mutandis* (лат.) — с оговорками. — *Примеч. ред.*

Америки ислам был двигателем истории в гораздо большей степени, чем весь остальной Старый Свет (Европа, Азия, Африка).

Отсюда стоявшие перед ним в ту пору трудные задачи: государственное управление, торговля, ведение войн, военный контроль. Чтобы выполнить их ислам должен был принимать людей такими, какими они были, проявляя терпимость, которой никогда не знал Запад, где демографическая ситуация была лучше. Более того, он искал людей за пределами своих территорий с такой настойчивостью, что классический ислам может рассматриваться как образцовая рабовладельческая цивилизация.

Это постоянное насыщение новыми людьми долгое время мусульманскому миру позволяло реализовывать все свои планы. Соседние страны по очереди платили соответствующую дань. Эта дань — европейские христиане, захваченные на суше или на море самими мусульманами либо купленные ими по случаю (например славяне, которых продавали еврейские торговцы из Вердена в IX в.); чернокожие африканцы, абиссинцы, индусы, турки, славяне, жители Кавказа. В XVI в. крымские татары, захватывающие русских во время своих набегов, продавали их на невольничьих рынках Стамбула.

Судьба этих рабов бывала удивительной. Египетские мамлюки, например, захватили власть в стране как раз в тот момент, когда бесславно закончился один из Крестовых походов Людовика Святого (1250). Это были специально обученные воинскому делу рабы, в большинстве своем сначала турецкого, а затем кавказского происхождения. Они достойно управляли Египтом вплоть до вторжения войск Османской (Османской) империи (1517) и сумели сохраниться до более поздних времен. Бонапарт столкнулся с ними в Битве у пирамид. «Мамелюки — это выскочки, — пишет современный историк, — но это не ничтожество». Они очень похожи на турецких янычар, с которым их многое сближает.

В каждом мусульманском городе были кварталы, где жили представители различных рас, исповедовали разные религии, говорили на разных языках. В 1651 г. во время мятежа, случившегося во дворце турецкого султана, «вавилонское проклятие пало в серапе на икоянов (пажей и офицеров султана), что объясняло их бездействие». В волнении, они забыли навязанный турецкий язык, «и удивленные свидетели, — пишет Поль Рико (1668), — слышали смесь голосов и разных языков. Одни кричали на грузинском, другие — на албанском, боснийском, ментгельском, турецком и итальянском языках». Это очень хороший пример, к которому можно добавить множество других (вспомним об Алжире эпохи турецких корсаров!).

Промежуточный континент или пространство-движение: города

Не имевший естественных преимуществ, ислам был бы ничем без дорог, которые, пересекая пустынные пространства, вдыхали в него живую душу, оживляли его. Дороги — это богатство, смысл существования ислама, это и есть его цивилизация. Именно благодаря дорогам на протяжении веков ислам занимал «господствующее» положение в мире.

Вплоть до открытия Америки он *господствовал* над Старым Светом, определяя то, что тогда было «мировой» историей. Он один, еще раз напомним об этом, связывал между собой крупные культурные зоны, на которые некогда подразделялся Старый Свет: Дальний Восток, Европа, черная Африка. Ничего не происходило без его согласия, пусть даже молчаливого. Он выполнял роль *посредника*.

- Корабли, караваны и торговцы: какой бы тяжелой ни казалась зачастую политическая ситуация, в которой оказался ислам, он в географическом смысле обладал правом пользования необходимыми всем трансконтинентными артериями.

Конечно, ислам не всегда это осознавал, а зачастую и не был их полным хозяином. Если взять холодные азиатские пустыни, то здесь ислам в полной мере испытывал непрочность своего господства, которое оставалось «маргинальным», учитывая воинственность живших в этих местах кочевников. Мусульманский Туркестан, где было много оазисов, всегда был регионом, где ислам создавал свои аванпосты, но предпочитал не более солидные укрепления. Действительно, перекрыть туркам, туркменам или монголам дорогу от Аральского до Каспийского и Черного морей не представлялось возможным. Самые могущественные из этих кочевых племен доходили до Ирана, угрожая Багдаду.. Свидетельство тому (см. карту на с. 102) нашествие монголов на Восток в XIII в.

Однако на протяжении многих веков ислам был единственным, кто доставлял золото Судана и чернокожих рабов к Средиземному морю, а шелк, перец, пряности и жемчуг из Среднего Востока в Европу. В Азии и Африке ему принадлежала торговля Леванта. К итальянским купцам она переходила только начиная от Александрии, Алеппо, Бейрута, сирийского Триполи.

Следовательно, ислам можно рассматривать как находящуюся в постоянном движении цивилизацию, как образцовую транзитную цивилизацию, что прежде всего предполагает дальние плавания, много-

численные переходы по караванным путям, связывающим, прежде всего Индийский океан и Средиземное море, а затем и Черную и Северную Африку.

Эти караваны, несмотря на пагубное на Востоке влияние — лошадей и ослов, передвигались в основном на верблюдах. Выносливый верблюд может перевозить до трех центнеров полезного груза. Поскольку в караване можно насчитываться от 5 до 6000 верблюдов, то его можно сравнить с большим грузовым парусным судном.

Караван осуществлял переходы подобно армии на марше: со своим командиром, штабом, соблюдением строгой дисциплины, с обязательными остановками в пути, с мерами предосторожности против грабителей-кочевников, с которыми, впрочем, предпочитали договариваться. По всему пути, на равноудаленных участках (не более одного дневного перехода, если только это не было посреди собственно пустыни), располагались постоянные дворы (*караван-сарай*), представляющие собой большие строения, где можно было хотя бы частично разместить людей и животных. Не было ни одного европейского путешественника, который бы не оставил описания этих гигантских ангаров с их относительными удобствами. Некоторые из них сохранились до наших дней, например великолепные караван-сарай вблизи Алеппо.

Караваны сочетались с морской навигацией только благодаря полукапиталистической организации дела. У ислама были свои *торговцы (мусульмане и немусульмане)*. Случаю было угодно сохранить нисыма еврейских купцов из Каира в эпоху Первого крестового похода (1095—1099): они обнаруживают знакомство с кредитными и платежными механизмами, со всеми формами купеческих союзов (не нужно думать, что их выдумали итальянцы). Они свидетельствуют также о том, что торговые связи осуществлялись на больших расстояниях: кораллы переправляли из Северной Африки в Индию; рабов закупали в Эфиопии; железо, перец и пряности везли из Индии. Все это предполагало перемещения денег, товаров, людей.

В этом контексте современника не удивляют немислимые для того времени *маршруты арабских путешественников*. Ислам, есть самодвижение, он живет движением, движет ими. Ибн-Батута, марокканец, родившийся в Танжере в 1304 г., уже совершивший одно «крутосветное путешествие» в 1325—1349 гг. (Египет, Аравия, Нижняя Волга, Афганистан, Индия, Китай), оказывается в 1352 г. в стражах Черной Африки и на берегах Нигера, где жалуется на недостаточное внимание местных мусульман-суданцев к «белым» людям. В Сиджимассе, золотом городе, он встречает к своему удивлению соотечественника из Сейты, брата некоего Аль Бухри, которого он знал в Китае... Ислам той по-

ры переполнен такого рода утратившими корни людьми, которые пользуются мусульманским гостеприимством (похожим на русское гостеприимство) от Атлантического до Тихого океана.

- Эти передвижения были бы немыслимы без крупных городов. Естественно, что в исламской цивилизации их насчитывалось множество. Они и есть тот двигатель, который делал возможными все эти огромные перемещения.

Все идет транзитом через города: товары, выючные животные, люди, самые ценные предметы обихода. Попробуем составить обобщенный портрет всех этих материальных ценностей (правда, их разнородность мешает представить полную картину), направляющихся в Европу: растения из дальних стран (сахарный тростник, хлопок), гусеницы шелкопряда, бумага, компас, индийские цифры (их называют арабскими), порох (может быть), а также некоторые лекарственные препараты, но и вирусы самых страшных эпидемических заболеваний (холера и чума пришли из Китая и Индии...).

В общем и целом все эти города похожи друг на друга. У них узкие, идущие под уклоном улицы, что позволяет дождю — и только ему — смывать нечистоты. Ширина улиц настолько невелика, что иногда два навьюченных осла не могут разойтись. Если бы был выполнен хадис Пророка, который предписал ширину улиц в семь локтей, то тогда они не мешали бы друг другу. Но дело в том, что дома выходят на проезжую часть, что лишь теоретически запрещается законом. К тому же над первым этажом обычно есть выступ, что делает дома похожими на средневековые европейские постройки. А появились выступы потому, что ислам запрещает строить дома в два и более этажей, которые рассматриваются как признак гордыни со стороны их владельцев (исключение составляют Мекка, ее порт Джидда и Каир).

При отсутствии порядка и городской администрации эти низкие дома по мере роста городского населения начинают разрастаться, лепиться один к другому, захватывать близлежащее пространство.

Француз Тевено в 1657 г. выражал удивление по поводу того, что «в Каире нет ни одной красивой улицы, а вместо того имеется множество кривых улочек, что свидетельствует о том, что план застройки отсутствовал, что каждый сам выбирал место для своего дома, не задумываясь о том, мешает он проезду или нет».

Другой француз, Вольней, по прошествии столетия (1782) так описывает те же улицы: «Поскольку они не вымощены, толпящиеся

на них люди, верблюды, ослы и собаки поднимают тучи пыли, что неприятно; часто можно увидеть, как кто-то справляет нужду у ворот; к пыли добавляются грязь и неприятные запахи. Противно обычаям Востока, дома здесь двух- и трехэтажные, у них вместо крыш замощенные или покрытые глазурной плиткой террасы из глины или плохо обожженного кирпича; сами дома построены из мягкого зернистого камня, добываемого в близлежащей горе Мокаттам; все дома напоминают тюрьмы, так как не имеют выходящих на улицу окон...». В середине XIX в. почти так же был описан Стамбул: «Не только кареты, но даже лошади проходят с трудом. Улица Дивана, в тот период самая широкая в городе, в некоторых местах не шире 2,5—3 метров».

В основном это верно. Однако уже в XI в. в Каире были дома высотой в 7—12 этажей, а Самарре имелся проспект длиной в несколько километров и шириной от 50 до 100 м. Но это исключения, подтверждающие правило!

Но какой бы узкой ни была городская улица в мусульманской стране, на ней всегда по-особенному оживленно,людно, ведь речь идет о народе, любящем себя показать. «Улица — это главная артерия (...), где встречаются рассказчики, певцы, зачинатели змей, бродячие артисты, знахари, шарлатаны, брадобреи — представители тех ремесел, которые всегда вызывали недоверие у ревнителей веры и моралистов ислама. Здесь же играют дети, причем игры эти довольно жестоки...» К уличной толчее надо добавить предусмотренную для женщин возможность перемещаться по террасам.

Итак, полный беспорядок. Однако это не исключает наличия общего плана, связанного со структурами города, с жизнью его обитателей. В центре расположена Главная мечеть, «к которой стекаются улицы и от которой они отходят, что превращает ее в сердце города» (Ж. Берк). Рядом находится базар, т.е. торговый квартал (сук) с расположенными на его улочках лавками и прилегающими к нему постоянными дворами, которые выполняют также функции складов и являются местом, где расположены общественные бани, существующие, несмотря на постоянную критику в их адрес. Ремесленники располагаются концентрическими кругами, центр которых — Главная мечеть: сначала производители и торговцы благовониями и духами, затем лавки, где продаются ткани и покрывала, далее ювелирные и продовольственные лавки и уже потом наименее благородные из ремесел, такие как кожевники, сапожники, кузнецы, торшечники, шорники, красильщики... Эти последние находятся на самых дальних городских окраинах.

Каждая ремесленная гильдия занимает раз и навсегда отведенное ей место. Квартал, где расположен дворец властителя (*магсен*), всегда находится у городской черты, что предохраняет его от народных волнений и бунтов. Рядом с дворцом, как бы под его охраной, располагается еврейский квартал (*меллах*). К этой пестрой мозаике пужло добавит различия между жилыми кварталами, обустроенными по этническому и религиозному принципу (в Антиохии насчитывалось 45 таких кварталов). «Город представляется совокупностью поселений, живущих в страхе перед резней». Таким образом, расовая сегрегация — это не следствие европейской колонизации, которая, впрочем, нигде от нее не отказывалась.

Этот устоявшийся внешний беспорядок еще более усугубляется тем, что города обычно окружают *стенами великолепными, вездными воротами* и кладбищами, что не позволяет городу развиваться вширь. Сегодня автомобильное движение заставляет менять облик городов, зачастую без чувства меры. За последние годы Стамбул, например, где происходит лихорадочное изменение городского плана, превратится в одну большую стройку: дома «разрезают» на части и их внутренние проемы нависают над пустотой, где по плану должен быть проложен проспект, вследствие чего примыкающие к нему боковые улицы ведут в «никуда»; канализационные сооружения оказываются на поверхности, и их срочно очищают от мусора...

Те, кто утверждает, что мусульманские города не обладали политическими свободами, а их строители не имели единого архитектурного плана (на Западе городские поселения по мере своего развития стремились добиться необходимых свобод и соблюдать требования эффективного Градостроительства), в целом правы, но тем не менее города выполняли все присущие им функции. Рядом с благонамеренной буржуазией жили и, нищие, бедные ремесленники, разного рода плуты, существовавшие за счет «объедков с барского стола». Жизнь состоятельных горожан была рафинированной, в меньшей степени, чем в других местах, регулируемой законами, и удовольствия этой жизни до сих пор блюстителям общественной морали кажутся в высшей степени нетерпимыми и извращенными. Города вместе с тем были питательными разума, благодаря школам, расположенным вблизи мечетей, медресе и университетам. Они постоянно привлекали к себе сельских жителей, живущих поблизости: снабжали их всем необходимым и использовали их для своих нужд в полном соответствии со старинным правилом, оставшимся неизменным с тех пор, когда города стали соседствовать с сельской местностью. «Нет других людей в мире, которые бы так нуждались в исправлении, поскольку все

они воры, транжиры, преступники», — так писал один из жителей Севилии, имея в виду бесконечные ссоры, вспыхивавшие у городских ворот и даже на рынке, между горожанами и крестьянами, приезжавшими в город, чтобы продать скот, мясо или кожи, прогорклое масло, карликовые пальмы, зелень и фасоль. Но можно не беспокоиться: предусмотрительность и хитрость горожанина всегда обеспечивают ему десятикратное преимущество над сельскими жителями. Те, кто пытается обмануть, сами оказываются бессовестно обманутыми, поскольку житель мусульманского города еще в большей степени, чем житель западного, умел держать в узде деревенский мир, который существовал за городскими воротами. Дамаск, например, всегда доминировал над крестьянами Гуы и горцами-друзами; принадлежавший корсарам Алжир — над крестьянами Факса, Митиджи и Кабилии; то же можно сказать о взаимоотношения одетых в шелка буржуа Гренады и одетых в хлопок бедных крестьян из притегающих горных районов.

Повторим еще раз: это характерные черты всех городов. Самобытность мусульманских городских поселений по сравнению с городами Запада заключается, с одной стороны, в их более раннем развитии, а с другой — в их размерах.

Величина исламских городов не должна удивлять: она объясняется сущностью исламской цивилизации. Города, дороги, корабли, караваны, паломничества — все это одно целое: совокупность *движений, перемещений*, этих «силовых линий» мусульманской жизни, о которых охотно говорит Луи Масиньон.

Глава 3. Величие и закат ислама (VIII-XVIII вв.)

Апогей развития исламской цивилизации, ее расцвет приходится на период с VIII до XII в. С этим согласны все. Сложнее обстоит дело с датировкой упадка ислама. Если следовать расхожему мнению, то его закат начался в XIII в. Но думать так — значит путать два совершенно разных обстоятельства: конец всемогущества и конец цивилизации.

Безусловно, в XIII в. ислам со всей очевидностью утратил позиции лидера. Но самое опасное, что может быть, а именно потеря Исламом динамики развития началась только в XVIII в., т.е. совсем недавно, если иметь в виду медленное развитие цивилизаций. Его участь — это участь многих наций, которые сегодня называют слаборазвитыми, поскольку они пропустили индустриальную революцию — первую революцию, способную придать мировому развитию фантастическую скорость.

Но, несмотря на очевидное отсутствие успехов в этой области, ислам вовсе не умер как цивилизация. Он только отстал от Европы на два века в материальном смысле, но какие это были века!

Отсутствие мусульманской цивилизации до VIII или IX века

Как политическая реальность ислам сформировался буквально в течение нескольких лет, которые понадобились арабам, чтобы посредством завоеваний создать империю. Но исламская цивилизация стала результатом сплава этой империи с древними существовавшими цивилизациями. На это потребовалось много времени, много поколений людей.

- Обращений в свою веру было мало, но многое зависело от происходящих процессов: первый, арабский период завоеваний создал империю, государство. Но еще не цивилизацию.

Вначале арабские завоеватели не стремились обратить в свою веру побежденных, и даже наоборот. Они только использовали, и не более того, подчинившиеся им цивилизации: Персию, Сирию, Египет, римскую Африку (арабы называли ее *Ифрикией*, а ее территория соответствовала современному Тунису), Испанию (т.е. нынешнюю Андалусию). Если христиане пытались в то время принять ислам, то их за это нака-

зывали плетьюми. Происходило это потому, что налоги взимались только с немусульман, а новые козьяеа не были заинтересованы в уменьшении своих доходов.

«Население завоеванных стран... сохраняло свой жизненный уклад и не подвергалось грубому обращению, но... к нему относились как к ценному скоту, за которым нужно ухаживать, поскольку он приносит большую часть дохода в виде налогов» (Гастон Бьет).

Так было во времена первых четырех последователей Мухаммада, «хорошо управляемых халифов», властвовавших в 632—660 гг. (халиф в переводе означает преемник, ближайший помощник, заместитель управляющего), а затем во времена правления халифов Омейядов (660—750), сделавших своей столицей Дамаск. В те годы беспрестанных войн никогда или почти никогда религиозный фактор не выдвигался на передний план. Борьба с Византией, к примеру, была политической, а не религиозной.

Более того, в завоеванных странах управление оставалось в руках местных жителей; письменность существовала либо на греческом либо на языке пехлеви (среднеперсидский язык); искусство по-прежнему вдохновляется эллинизмом, что заметно даже в архитектуре мечетей. Внутренние дворы, колоннады, аркады, купола воспроизводят византийские образцы. Оригинален только минарет (и то он напоминает христианскую колокольню), задуманный для муэдзина, призывающего правоверных к молитве.

- Перелом в эпоху правления Аббасидов: только к середине VIII в. происходят решительные перемены, ознаменовавшие собой политический, социальный, а вскоре и интеллектуальный поворот. Это происходит, когда халифат переходит к династии Аббасидов и когда их черный штандарт приходит на смену белому штандарту Омейядов.

Это период, когда арабский мир отстывает к Востоку и немногую удаляется от Средиземного моря, которое раньше так его притягивало. При новых халифах столица ислама переводится из Дамаска в Багдад, что благоприятствует усилению роли францев и других «клиентов» и норабощенных народов. Это означало конец владычества «чистокровных» арабов, которое длилось самое большее один век, т.е. время жизни трех или четырех блестящих поколений. За этот период «высшая каста» воинов погрязла в богатстве и роскоши, утратила свои достоинства в наслаждениях цивилизации. Ибн Халдун, араб благородных кровей из Андалусии, позднее назовет эту цивилизацию «персонифицированным злом».

Естественно, что в условиях, когда материальное процветание стало повсеместным, на первые роли вышли старые цивилизованные страны. К 820 г. доходы халифа примерно в пять раз превышали годовой доход тогдашней Византийской империи. Огромные состояния возникали благодаря раннему торговому капитализму, развивавшемуся благодаря торговым связям с Китаем и Индией, странами Персидского залива, Эфиопией, государствами Красного моря, Ифрикией, Андалусией...

Термин *капитализм* не столь архаичен. Благодаря огромному пространству, где господствовал ислам, спекуляция товарами не знала границ. Арабский писатель Харири вкладывает в уста арабского торговца следующие слова: «Я хочу отвезти персидский шафран в Китай, где, по слухам, он в большой цене, а затем китайский фарфор в Грецию, греческую парчу в Индию, индийскую сталь в Алеппо, алеппское стекло в Йемен, йеменские полосатые ткани в Персию...» В Басре сделки между купцами осуществлялись на основе того, что сегодня бы назвали бы *клинрингом*.

Торговые обмены были бы невозможны без наличия городов. Возникают огромные городские центры: они играют главенствующую роль, причем не только Багдад (с 762 г. и до его разрушения монголами в 1258 г. это, безусловно, была самая богатая и самая «просвещенная» столица Старого Света), но и находящаяся недалеко от него на берегу Тигра гигантская Самарра (основана в 836 г.), Басра с ее большим портом, Каир, Дамаск, Тунис (это новое воплощение Карфагена), Кордова...

Совместными усилиями, на основе языка Корана и традиционного поэтического языка, в этих городах был создан или воссоздан арабский «литературный» язык (безусловно, искусственный и скорее письменный), который вскоре станет общим для всех исламских стран подобно латыни в христианских странах. Арабский язык самой Аравии и разговорные языки других стран вскоре превратились в местные наречия, в диалекты. Это был уже не только язык, но литература, мысль, экуменическое рвение, цивилизация, которые формировались в Багдаде, а затем распространялись по свету.

Еще до воцарения Аббасидов серьезно изменился принцип найма чиновников. В 700 г. омейядский халиф Абд-аль-Малик призвал Иоанна Дамаскина (впоследствии монаха, 655—749 гг.) в качестве советника: он сообщил ему, что решил немедленно убрать греческий язык официального обихода. Как рассказывает арабский историк Баладори, «это вызвало большое неудовольствие Саргуна (надо понимать Сергия, что было другим именем Иоанна Дамаскина), который покинул халифа в немалой печали; повстречав затем греческих чиновников, он сказал

им: «Ищите теперь другой заработок, так как то, чем вы сейчас занимаетесь, у вас отобрано Богом».

Это означало конец *modus vivendi* — длительного периода взаимной терпимости между христианами и мусульманами; начиналась совершенно другая эпоха.

Появление единого языка сделало возможными интеллектуальные и деловые обмены, упростило отношения между правителями. Письма еврейских торговцев, о которых мы упоминали выше, также написаны на арабском, хотя и древнееврейскими буквами.

Единый язык способствовал развитию культуры. Аль-Мамун (813—833) сын знаменитого Гарун ар-Рашида приказал перевести на арабский многие иностранные, прежде всего греческие, книги. Эти новые знания распространялись очень быстро, тем более что ислам вскоре узнал бумагу, которая была гораздо менее дорогостоящей, чем пергамент. Халиф Кордовы Аль-Хахим II (961—972) имел, как говорят, библиотеку из 400 000 рукописей (44 тома каталогов). Даже если эти цифры преувеличены, их можно сравнить с библиотекой Карла V, которая насчитывала всего 900 рукописей.

В эти важные для ислама века происходят и внутренние перемены. Религия Мухаммада усложняется за счет толкований византийского типа, в нее проникают мистические элементы, в чем ученые видят возрождение неоплатонизма. Даже удивительные успехи *шиитской* секты во многом обязаны, как кажется, обстоятельствам, чуждым первоначальному арабскому исламу. Шииты связывают свое происхождение с именем набожного халифа Али, убитого Омейядами. Они противопоставляют себя суннитам, которые представляют большинство ислама и его традицию. Одно из мест паломничества шиитов — Кербела в Ираке — и сегодня собирает тысячи верующих. «Али уподоблен второму Христу, Фатима, его мать, — Святой Деве. Смерть Али и его сыновей представляется как мученичество» (Э.Ф. Голье).

Основы ислама, таким образом, переосмысливаются за счет заимствований из древних восточных и средиземноморских цивилизаций, которые, в свою очередь, подвергаются процессу омоложения. Все эти цивилизации выполняют единую и интеллектуальную задачу, будучи связаны общим языком; Аравия лишь один из исторических эпизодов; с определенной точки зрения мусульманская цивилизация возникает только после того, как начинается массовое обращение в ислам не-арабских народов, как множится число мусульманских школ, как создается сообщество верующих на пространстве от Атлантики до Памира. Можно сказать, что старое вино вливают в новые меха.

Золотой век ислама: VIII—XII вв.

На протяжении четырех или даже пяти веков ислам оставался самой блестящей цивилизацией Старого Света. В общем и целом, его золотой век длился с правления Аль-Мамуна (813—833), сына Гарун ар-Рашида, который создал Дом Науки в Багдаде (одновременно библиотека, центр переводов и астрономическая обсерватория), до смерти Аввероеса (Ибн Рушда), последнего из великих арабских философов, в Марракеше в 1198 г. (ему было немногим более 72 лет). Но история идей и искусств сама по себе не объясняет величия ислама.

- Реpeating здесь представляется общий исторический контекст.

Исследователь мусульманской философии Леон Готье считает, что благоприятными периодами для развития исламской мысли были «периоды мира и всеобщего процветания», когда можно было рассчитывать на защиту всемогущего и просвещенного халифа. На Востоке в VIII—IX в. такими халифами были Аббасиды, которые, начиная с Аль-Мансура и вплоть до Аль-Мутаваккиля, на протяжении почти целого столетия благоприятствовали распространению в мусульманском мире греческой науки и философии, прежде всего благодаря огромному числу переводов, сделанных христианами-несторианцами; то же можно сказать о халифах Альмохадах (XII в.), которые имели обыкновение вести долгие разговоры с плато на глаз со своими приближенными философами и врачами. Столь же благоприятными периодами можно считать и периоды, когда *уадак единой империи* позволял смелым умам сделать выбор в пользу того или иного покровителя среди местных властителей: таким покровителем для аль-Фараби в первой половине IX в. был эмир Алеппо Сейф-ад-Даула...

Леон Готье, как вы видите, обозначает проблему в терминах политической истории. Цивилизация зависела от властителей, от «просвещенных деспотов». Быстрый крах багдадского халифата, чему есть масса свидетельств, повлек за собой неслыханное дробление политического пространства, которое, однако, не нанесло урона распространению мысли. Напротив, оно способствовало определенной интеллектуальной свободе, хотя бы потому что позволяло образованным людям менять государства и властительных покровителей. Впоследствии подобная практика повторится в Италии эпохи Возрождения, а также в Европе XVII, XVIII вв. В исламской цивилизации это было привилегией просвещенных людей.

Но такая привилегия разума никогда не была самодостаточной. Разум необходимо было поддерживать материальными привилегиями.

К 750 г. ислам в основном достиг своих главных внешних границ; к этому времени его экспансия была остановлена благодаря успехам оборонявшихся (осажденный в 718 г. Константинополь был спасен благодаря храбрости его защитников; Галлия и Запад отстояли свою свободу в битве при Пуатье в 732 или 733 г., а также благодаря вспыхнувшему в то же время восстанию в Магрибе). В итоге на границах установилось некое подобие спокойствия (относительного, но реально-го), а внутри империи обозначился экономический подъем, сопровождаемый ростом благосостояния.

Развитие экономики привело к появлению *рыночной экономики*, к усилению «коммерциализации» сельскохозяйственных продуктов: часть из них потреблялась на месте, а излишки становились товаром, продававшимся в городах и способствовавшим росту последних. Торговля финиками требовала ежегодно более 100 000 вьючных верблюдов. Крытые городские рынки получили название *домов дынь*, причем трансоксиданские дыни пользовались особой популярностью. Высушенные дыни отправляли в большом количестве на запад. В свежем виде их доставляли в Багдад через специальную систему почтовых застав: их транспортировали в кожаных мешках, обложенных льдом. Выращивание сахарного тростника привело к созданию новой отрасли промышленности.

Говоря о торговле сельхозпродуктами, нельзя не упомянуть о развитии мельничного дела, чему способствовало появление водяных мельниц (поблизости от Багдада) и ветряков: которые использовались уже с 947 г. в Систане, тогда как в Басре для водяных мельниц использовали течение Тигра.

Интенсивное развитие экономики привело к появлению многих новых отраслей промышленности: металлургической, деревообрабатывающей, текстильной (лен, хлопок, шелк, шерсть). На Востоке в огромных масштабах стало развиваться хлопководство. Ковры Бухары, Армении, Персии были известны повсюду. Басра импортировала большие красителей, в основном индиго, при этом индийское индиго, поступающее через Кабул, имело репутацию более качественного, чем то индиго, что поступало из Верхнего Египта.

Все это движение товаров влекло за собой многочисленные последствия. Монетарная экономика сотрясла основы уклада, базировавшегося на отношениях сеньора и крестьянина: богатые становились еще богаче и нагнали; бедные превращались в отверженных. Если же прибавить к этому, что развитие ирригационной техники усиливало крепост-

Раздел II. Цивилизации за пределами Европы

ную зависимость крестьян, что богатства ислама позволяли ему в пять-шесть раз дороже платить за нужных ему рабов, то становится ясно, какой напряженной становилась социальная ситуация в обществе.

Если это преуспевание и не являлось решающим фактором, то оно могло многое объяснить, в частности парящую в обществе революционную обстановку, непрерывную цепь сельских и городских волнений, часто связанных с движениями за национальное освобождение, что особенно заметно на примере Ирана. Литература той эпохи заставляет вспомнить современные понятия: национализм, капитализм, борьба классов. Прислушайтесь к нападению аль-Ифрикии, появившемуся к 1000 г.: «Нет, пока я остаюсь бедным, я не буду молиться Богу. Оставим молитвы шейкам, военачальникам, закрома которых ломятся от припасов. Почему я должен молиться? Разве я могущественен? Разве у меня есть дворец, лошади, богатые одежды, золотой пояс? Молитесь, когда у тебя нет даже крошечного клочка земли, было бы лицемерием».

Как все взаимосвязано: исламские ереси, расплодившиеся именно в эти бурные столетия, имеют, подобно ересям средневековой Европы, политические и социальные корни. Группы инакомыслящих появляются, развиваются, потом распадаются, подвергшись гонениям или в результате сговора с властью предающимися. История исламской мысли на всем ее протяжении связана с наличием подобных групп, опасных для стабильного общества.

- Характеризуя золотой век ислама, историк А. Мец употребил двусмысленный термин «Ренессанс».

Это было сделано для того, чтобы провести параллель с чудесным итальянским Ренессансом. В любом случае сравнение имеет определенное преимущество, что позволяет привлечь внимание к материальному и интеллектуальному богатству, которое обеспечило цивилизации ислама, как затем цивилизации Италии XV в., великолепные годы расцвета.

И та и другая цивилизации опирались на городские общества, которые имели возможность пользоваться благами торговли и богатства; обе возникли в узком кругу блестящих умов, которые, вдохновляясь античной цивилизацией, внушающей им уважение и почтение, на несколько веков опережали свою эпоху. В обоих случаях рядом существовали варвары, которые угрожали их бытию.

Для Италии конца XV в. такими варварами были горцы швейцарских кантонов, северные пемцы, французы, обутые в холщовые туфли

на веревочной подошве испанцы, турки (взятие Отранта в 1480 г.). Для ислама Авиценны и Авверроэса варварами были турки сельджуки, берберы, обитатели Запада, сахарские племена обитавшие в Сахаре. Часто к варварам обращались за помощью, как это случилось в Италии. Уже в первые годы своего существования Багдадский халифат прибегал к помощи рабов и турецких наемников, как мы уже об этом говорили. Рабов предлагали покупателям их родители, «озабоченными судьбами детей». Долгое время в Испании хватало нескольких золотых монет, чтобы избавиться от набегов христиан с Севера и отправить их восвояси. Но однажды борьба стала серьезной. Властитель Севильи Аль-Мутамид оказался, например, вынужден прибегнуть к помощи Альморавидов из Северной Африки, чтобы избавиться от других варваров — христиан.

- * * Если рассматривать эпоху в целом, то принятые нами даты (813—1198) — это время утверждения исламской цивилизации (что только внешне выглядит противоречивым) в качестве цивилизации всемирной и региональной одновременной, т.е. *единой* и *разнообразной*.

Единая: потому что мы видим, как повсюду строятся мечети, медресе, чья архитектура представляется однородной, намеренно «абстрактной». Их воздвигают согласно одной модели (центральный двор, аркады, водоем для омовений, *михраб*, т.е. молитвенная ниша в стене Мечети, обращенная к Мекке, и *минаар*, т.е. кафедра, с которой читаются проповеди, находящаяся в нефе с колоннами, где располагаются верующие, минарет); при этом используются одинаковые архитектурные и декоративные детали: колонны с капителями, арки различных форм: угловые, подковообразные, трехлопастные, многолопастные, обтекаемые и в форме сталактитов), купола на ребрах свода, мозаики, керамика, каллиграфический орнамент в виде арабесок.

Единая: когда мы слушаем поэтические произведения, то обращаем внимание на то, что они схожи по своим приемам и тематике. В поэтических произведениях прославляют Бога («Бог — это роза без изъянов»), природу, любовь, отвагу, благородство, верблюда («столь же массивный, как гора... Земля опоясана следами его шагов»), науку, запрещенное вино и цветы, причем все. Во всем исламском мире бытуют схожие между собой и ведущие свое происхождение из Индии народные сказки, которые мы можем прочитать в сборнике *Тысячи и одной ночи*, сказки, отредак-

тированные после долгого периода устного осуждения уже позднее, в XIV веке.

Единая: философия (*фальсафа*) является по сути производной от воззрений Аристотеля и основанной им *перипатетической школы*. Она представляет собой мощные усилия мысли, направленные на то, чтобы найти в космосе место для Бога, который, как и греков, объявляется вечным, не сотворенным.

Единая: повсюду встречается та же техника, та же промышленность, и, как свидетельствуют археологические раскопки (подобно раскопкам Мадинат аль-Сахры около Кордовы), те же предметы мебели, те же промышленные изделия. Повсюду господствует мода, одна повторяющая задающую тон моду Багдада. На примере Испании, этой пограничной страны ислама, можно проследить пункт назначения этих перемещающихся предметов материальной культуры, эти прозвища, заимствованные у знаменитых поэтов Востока, это повсеместное распространение бурнуса, появившегося вместе с Альморавидами, эти модные литературные темы или медицинские предписания...

Эта картина может быть дополнена мимолетными образами странствующих по пространствах от Персии до Андалузии египетских жонглеров, обученных в Медине или в Багдаде, и воспетых всеми поэтами певцов и танцовщиц, одетых в желтое на Востоке и в красное на Западе. Повсюду можно заметить игроков в шахматы и в кураг. Эта игра была в то время очень распространена; в ней использовались фигурки вырезанных из дерева лошадей в юбочках. Эта игра была настолько популярна, что: «Ибн Мартина, капитана Аль Мутамида, отряд вражеских солдат застал у него дома (в Кордове) за игрой в *кураг*».

Вот еще два характерных примера. Визирь, управлявший Хорасаном в начале X в., «отправил посланцев во все страны с тем, чтобы ему сообщили о всех придворных обычаях и порядках, царящих в греческой империи, в Туркестане, Китае, Ираке, Сирии, Египте, стране Зенджане, Кабуле... Он их внимательно изучил и оставил те из них, что показались ему наилучшими», для использования при дворе и для управления Бухарой. Или другой пример, позволяющий нам на сей раз остаться в строгих границах мусульманского мира. Халиф Кордовы Аль-Хаким II, который приказал покупать книги, выходящие в Персии, Сирии и других странах, и с этой целью «послал Абу-ль-Фараджа аль-Исфакхани тысячу динар чистого золота, чтобы получить первый экземпляр его знаменитой антологии Книги песни» (Ренан).

- Это культурное единство не уничтожало тем не менее очевидных и живучих местных особенностей.

В процессе расчленения империи в X веке каждый регион приобретает понемногу самостоятельность, начинает жить по-своему, утверждая свою самобытность, которую он ревниво охранял и ранее не смотря на все заимствования извне. Вырисовывается дифференцированная география этого процесса.

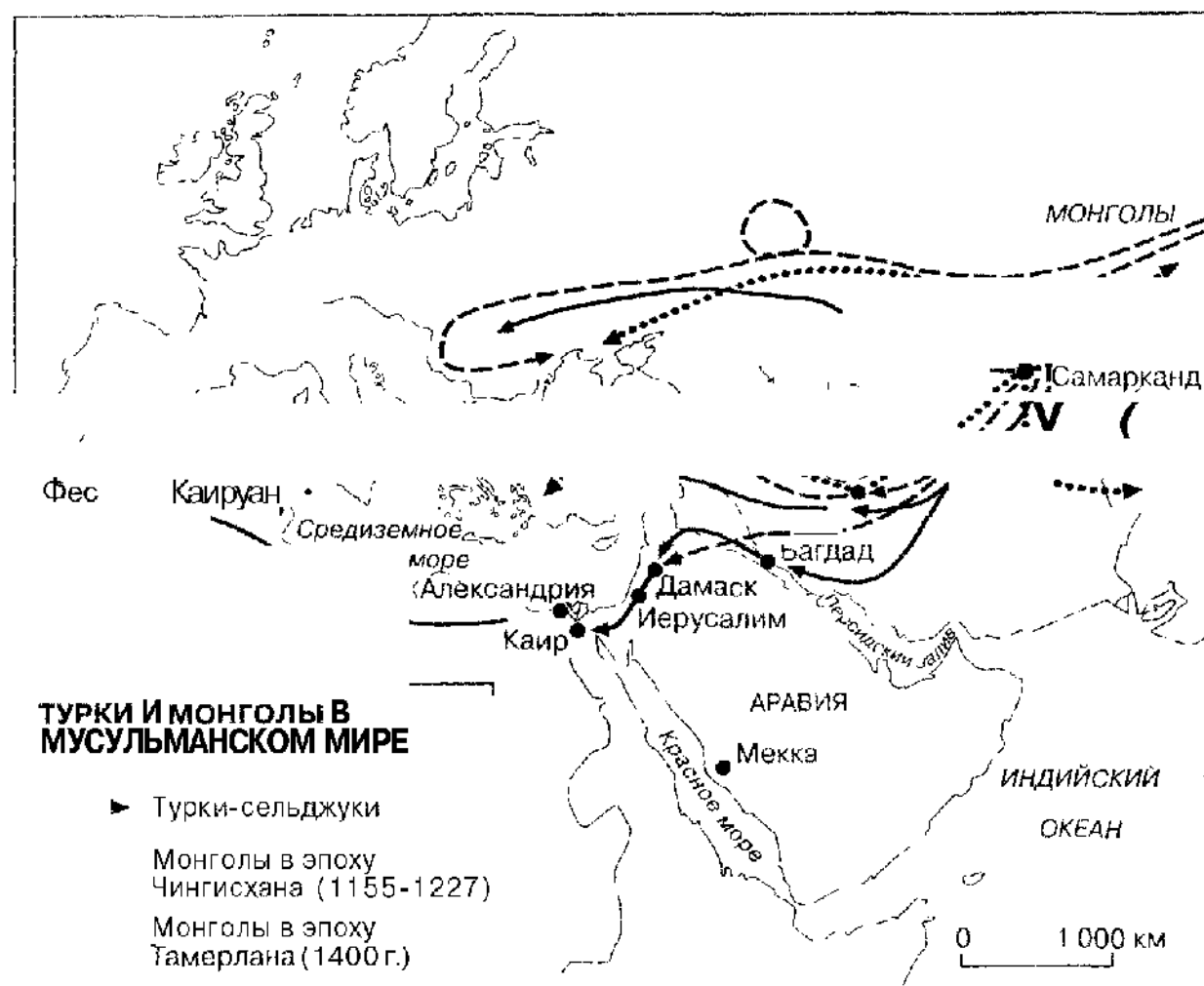
Мусульманская Испания, до этого много заимствовавшая у других и создавшая многое самостоятельно, стремится к самобытности, к тому, чтобы стать Испанией посредством чередования множества исторических Испаний.

Еще более показателен пример *Ирана*, который утверждает присущие ему особенности. Во времена Багдадского халифата он вновь вступил на путь поступательного развития, обрел второе дыхание: ведь Багдад — это иранский город. Век Аббасидов принес известность глазурированной обожженной глине, родиной которой является Персия, а также персидскому фаянсу с металлическим отливом. Огромные портики напоминают нам дворцы Хосрова. Арабский язык сохраняет господствующее положение, но персидский, записываемый арабской вязью, становится вторым литературным языком, выходит за пределы Персии, распространяясь до Индии (позднее он сохранится и в Османской империи). Будучи наполовину разговорным языком, он свободно используется довольно широкими слоями населения; ему также идет на пользу почти полное исчезновение из обихода греческого языка. Поэт Фирдоуси пишет в конце X в. «Шахнаме», прославляющую древних иранцев. С конца XI в. персидский язык входит в научный обиход.

Безусловно, Персия становится национальной цивилизацией, но отныне она существует *внутри* большой исламской цивилизации. В этом смысле очень интересна прошедшая в Париже в октябре 1961 г. великолепная выставка иранского искусства: она ясно отражает наличие в нем двух периодов — до ислама и во времена ислама. Эти периоды четко разграничены, но заметна и преемственность между ними.

Противостояние универсального и регионального прослеживается во всем исламе. Вспомним мусульманскую Индию, мусульманскую Индонезию, Черную Африку, которая, несмотря на решающее влияние ислама, сумела тем не менее чудесным образом остаться сама собой.

В *Индии* взаимопроникновение двух цивилизаций дало жизнь настоящему индо-исламскому искусству, расцвет которого приходится

Верно ли, что монголы способствовали упадку ислама?

Чингисхан (1155—1227) покорил все монгольские племена (1205—1208); затем завоевал Северный Китай. Повернув свои войска на Запад, он достиг Кавказа, проникнув в этот регион через так называемые Урало-Каспийские ворота. После его смерти монголы продолжили завоевательные походы в Европу и Азию: в 1241 г. они достигли Польши и Венгрии, а в 1258 г. захватили Багдад.

Тамерлан (1336—1406) продолжил завоевания: в 1398 г. он захватил Дели, в 1401 г. разрушил Багдад.

на XII и в особенности на XIII вв. По сей день в Дели сохраняются удивительные образцы этого искусства, например первая построенная в городе мечеть (1193): архитектурный план ее принадлежит мусульманам, а воздвигалась она силами индийских каменщиков и скульпторов, которые смешали свойственный индусам цветочный орнамент с каллиграфическим арабским орнаментом. На протяжении многих веков существовало это особое искусство, в котором в зависимости от времени и места преобладало мусульманское или индийское влияние. Они настолько переплелись друг с другом, что к XVIII в. стало невозможно отделить одно от другого.

В период расцвета мусульманская цивилизация на ее верхних уровнях достигает огромных успехов одновременно в науке и в античной философии. Достижения были не только в этих двух областях (вспомним хотя бы литературу), но в этих областях они были самыми значимыми.

Наука и философия

- Именно в науку ~~арабы~~ (так иногда называют мусульман этого блестящего периода) принесли особенно много нового.

Достаточно упомянуть тригонометрию и алгебру (само название арабского происхождения). В тригонометрии они «придумали» синус и тангенс; известно, что греки измеряли величину угла по хорде вписанной окружности: синус есть половина этой хорды. Мухаммад Ибн Муса в 820 г. опубликовал трактат по алгебре, в котором дошел до уравнений второй степени. Переведенный на латинский в XVI в. этот трактат станет основополагающим для математиков Запада. Позднее мусульманские алгебраисты решали даже биквадратные уравнения....

Нельзя также не вспомнить исследований в области математической теории географии, астрономических обсерваторий и их инструментов (в частности астролябию), если не совершенных, то по меньшей мере великолепных для измерений широты и долготы, позволивших исправить очевидные ошибки Птолемея. Хотя речь идет об учителях, а не об учениках, поставим им очень хорошие оценки по оптике, химии (дистилляция спирта, изготовление эликсиров, серной кислоты), фармакологии (половина лекарств, которыми пользовались на Западе, пришли с Востока: александрийский лист, ревень, тамарин, рвотный орешек, дуб кермесовый, камфора, сиропы, смягчающие микстуры, пластыри, мази, снадобья, дистиллированная вода...). Их медицина бесспорно великолепна. За три века до Мишеля Серве египтянин Ибн аль-Нафиз дал описание малого круга кровообращения...

- Говоря о философии, следует подчеркнуть, что мыслители в основном вновь подняли темы, свойственные философии перипатетиков.

Достигнутые результаты в этой области вовсе не ограничиваются тем, что они заимствовали и передали другим, хотя это уже является

заслугой, причем немалой. Заимствование было не только продолжением, разъяснением, но и созданием.

Философия Аристотеля, перенесенная в мусульманскую среду, по необходимости представляется как опасное для ислама объяснение сути человека и мира, этой религии откровения, которая также стремится дать объяснение миропорядка в целом и притом остается чрезвычайно суровой. Но идеи Аристотеля преследуют, буквально поработают всех адептов греческой философии. В этом сделанное А. Мепем сравнение с Ренессансом также имеет свой смысл: действительно существовал мусульманский гуманизм, вычурный, неоднозначный, но о нем из-за недостатка места мы можем сказать лишь вкратце.

Речь идет о одновременном развитии мысли, которое нужно разместить и во времени, и в пространстве. Сведем его к пяти основным именам: Аль-Кинди, Аль-Фараби, Авиценна (Ибн Сина), Аль-Газали, Аверроэс (Ибн Рушд). Самые известные из них Авиценна и Аверроэс, причем Аверроэс наиболее известен так как его учение, аверронизм распространился по всей Европе.

Аль-Кинди (нам известен лишь год его смерти — 823 г.) родился в Месопотамии, где его отец был губернатором одной из провинций (Куффах). Из-за своего места рождения он получил прозвище «философ арабов». *Аль-Фараби* родился в 870 г. и был по происхождению турком: он жил в Алеппо и умер в Дамаске, куда сопровождал своего покровителя Сейф-ад-Даула во время взятия этого города (950). Он получил прозвище Второй учитель после Аристотеля. *Авиценна* (Ибн Сина) родился неподалеку от Бухары в 980 г. и умер в Хамадане в 1037 г. *Аль-Газали* родился в Тузе в 1058 г., где и умер в 1111 г. К концу своей жизни он стал, можно сказать, анти-философом, страстным защитником традиционной религии. Что касается *Аверроэса* (Ибн Рушд), то он родился в Кордове в 1126 г. и умер в Марракеше 10 ноября 1198 г.

Топография и хронология показывают, что речь идет о движении мысли сквозь время и пространство взятого в целом мусульманского мира, тем более что вокруг каждого из этих мыслителей группировались другие философы, а также заинтересованные слушатели и читатели.

Приведенный выше список указывает также на то, что последний (последний не значит самый значительный) светоч мусульманской философской мысли находился в Испании и именно через него Запад познакомился с арабскими философами и самими Аристотелем.

Сквозь призму этой долговременной перспективы действительный и по сей день вопросом является тот, который ставил Луи Кор-

де (он сам отвечает на него отрицательно): *Существует ли мусульманская философия?* Что означает одновременно: 1) Существует ли единая, от Аль-Кинди до Аверроэса, философия со свойственной ей преемственностью? 2) Объясняется ли эта философия самой сутью ислама? 3) Самостоятельна ли она? Как это часто бывает, здесь со всей необходимостью требуется конкретный и четкий — пормандский — ответ: да или нет.

Да, эта философия *едина*: связанная с греческой философией, с одной стороны, и с откровениями Корана — с другой, она наталкивается на эти преграды и беспрестанно откидывается назад, к своей отправной точке. Греция, учитывая интерес ислама к науке, она обязана своими очевидными рационалистическими тенденциями, хотя не только они в ней присутствуют. Все философы были прежде всего ученые, занимавшиеся проблемами астрономии, химии, математики и в особенности медицины. Именно благодаря медицине им удавалось привлечь внимание властителей и заработать себе на жизнь. Авиценна написал энциклопедию медицины (*Канон врачебной науки*). Аверроэс также написал свою энциклопедию медицинских знаний, и мусульманская медицина на долгое время стала в Европе последним словом в этой науке, вплоть до времени «мольеровских врачей».

Греческое влияние обеспечивает внутреннее единство мусульманской философии. «Автором этой книги, — писал Аверроэс в предисловии к своей *Физике*, — является Аристотель, сын Никомаха, самый мудрый из греков. Он создал и завершил логику, физику и метафизику. Когда я говорю, что он их создал, я имею в виду, что все написанные до него труды... не стоят труда, затраченного на их чтение. Никто из тех, кто следовал по его пути за последние 1500 лет, ничего не смог добавить к тому, что он написал, не сумел найти в его работах какой-либо ошибки». Будучи почитателями Аристотеля, арабские философы оказались вынуждены вести нескончаемый диалог с *пророческими* откровениями Корана и философскими объяснениями человека, свойственными грекам, причем и откровения, и объяснения постоянно требовали, к сожалению, уступок то вере, то разуму.

Вера, явленная в откровениях Мухаммада, передала людям божественное послание: так может ли одинокий мыслитель обнаружить истину мироздания и при помощи одного только разума судить о ценности догм? Перед этой дилеммой все упомянутые философы проявляют себя ловкими, может быть, даже излишне ловкими диалектиками. Авиценна, свидетельствует Максим Родинсон, «недаром был гением, он нашел выход». Вот решение, которое собственно ему не принадлежит: пророки открыли высшие истины «в виде мифов,

сказок, символов, аллегорий, образных описаний». Здесь мы сталкиваемся с языком, доступным массам, предназначенным для того, чтобы человек обрел счастье. Но философ имеет право пойти дальше. Себе он оставляет большую свободу выбора даже тогда, когда противоречие представляется категорическим, неразрешимым.

Например, подобно грекам, философы обычно верят в *вечность* мира. Но если мир всегда существовал, будучи *закрепленным* во времени через откровение, то как его объяснить? Доведя до логического конца свои размышления, Аль-Фараби утверждал, что Господь не может знать отдельных вещей и частных лиц, что ему известны лишь концепты, «универсальные» понятия, но Бог Корана, подобно Богу Ветхого Завета, «знает обо всем, что существует на суше и на море. Ни одного листочка не может упасть с дерева без его ведення. Не существует ни зернышка в сумраке земли, ни зеленой или сухой былинки, о которой бы не было сказано» (*Коран* в переводе Р. Бланшера). Имеются и другие противоречия: Аль-Фараби, безусловно, не верит в бессмертие души. Авиценна верит в это, но не верит в воскрешение брэнной оболочки, что утверждает Коран. Душа после смерти устремляется к своей вселенной — вселенной бестелесных существ. Если рассуждать логически, то в этом случае не может быть ни наказания, ни вознаграждения; ни Ада, ни Рая... Бог, бестелесные существа, души есть тот идеальный мир, перед которым материя нетленна, вечна — вечна потому, что «движение не предшествовало отдыху, а отдых движению... Всякое движение вызвано предшествующим движением... Богу нет смысла быть новым».

Этих цитат, которые мы заимствовали у Ренана, достаточно для того, чтобы пробудить наше любопытство, но не достаточно для того, чтобы удовлетворить нас. Нужно набраться внимания и терпения, чтобы уследить за этими всегда спорными доводами, за этой системой объяснений.

Философы, которые вслед за Ренаном проявляли интерес к этим ретроспективным проблемам, для себя решают их не без труда. Их интерпретация зависит от того, придерживаются ли они рационалистических или идеалистических убеждений; или, что одно и то же, от предпочтения, которое они отдают тому или иному философу: Аль-Кинди плавает по религиозным водам, еще не охваченным бурями; Авиценна, безусловно, идеалист; Аверроэс — философ конца света. Аль-Газали, защитник веры и традиции, повторяет схоластические утверждения первых мусульманских теологов; он намеренно игнорирует философские воззрения перипатетиков, даже стремится их разрушить, потому что его мысль ведет его по иному пути — по пути

мистики. Он покидает этот мир, чтобы надеть белую власяницу (*суф*), которое носят *суфиты* — приверженцы скорее мистической, чем разумной веры, эти «божьи безумцы», как их называли.

Аверроэс, ученый из Кордовы, представляется скорее комментатором и издателем работ Аристотеля. Его заслуга состоит в том, что он целиком приводит арабский перевод греческого текста и сопровождает его своими комментариями и отступлениями. Сам текст и комментарии к нему были затем переведены в Толедо с арабского на латынь и в таком виде достигли Европы, где в XIII в. вызвали подлинную революцию в умах. Из этого можно сделать вывод, что арабская философия не умерла под отчаянными ударами Аль-Газали, как об этом иногда говорят. Она умрет позднее — к концу XII в., вместе с мусульманской наукой. И тогда факел знаний подхватит Запад.

Остановка или упадок XII—XVIII вв.

- «Сарацинская» цивилизация, после всех своих блестящих успехов, внезапно прерывается к концу XII в. Даже в Испании прогресс науки и философии, могущество материальной жизни замирают в последние десятилетия этого века.

Эта *внезапная* остановка представляется комплексной проблемой.

1) *Можно ли это объяснить страстными (и потому весьма действенными) нападениями Аль-Газали на философию и свободомыслие, как еще недавно считалось?* Сегодня никто не считает такое утверждение серьезным. Аль-Газали — дитя своего времени: он есть его следствие и одновременно его причина. Впрочем, отторжение философии существовало всегда — с момента ее появления, как это доказывают бесчисленные сожжения книг на кострах в различные времена, что было бы невозможно без враждебного отношения к ней народа; доказательство тому и опала многочисленных философов, которые отправлялись в ссылку для того, впрочем, чтобы вернуться из нее при перемене фортуны; доказательство тому и периоды безграничного владычества Корана, особенно в области права, когда философия вынуждена была молчать. Но не забудем, что после Аль-Газали философия еще знавала блестящие времена, причем не только при жизни Аверроэса.

2) *Виноваты ли в этом варвары?* Такое предположение выдвинул недавно историк С.Д. Готейн. Под варварами подразумеваются те самые народы, которые спасли ислам от вооруженных нападений со стороны Запада и Азии, по якобы уничтожили его изнутри.

В Испании этими опасными спасителями были вначале Альморавиды, затем Альмохады, берберы Северной Африки, суданские, сахарские, берберские племена. На Ближнем Востоке ими были турки сельджуки, кочевники, пришедшие из «холодных степей».

Предполагается, что упадок начался после захвата ими власти. Именно тогда «единство средиземноморского мира разрушилось» — то единство, которое было питательной средой ислама и которого не хотели знать «эти варварские народы, ничего общего не имевшие в традициями Средиземноморья».

На это можно ответить так: на Западе и на Востоке эти самые варвары были не больше варварами, чем большинство арабов из числа первых завоевателей; подобно арабам, они, кто быстрее, а кто медленнее, цивилизовывались под воздействием древних стран ислама. Халифы Альмохады были покровителями Аверроэса. В традиционной истории крестовых походов Саладин (Салах-ад-Дин), султан Египта курдского происхождения и противник Ричарда Львиное Сердце, выглядит довольно пристойно, по крайней мере в глазах варваров из числа христиан. И наконец, благодаря Египту, ислам восстановил свою независимость после победы над монголами при Айн-Джалуте (Спринг, 3 сентября 1260 г.) и после взятия в 1291 г. Сен-Жан-д'Акр, последней христианской крепости на Святой Земле.

3) *Виновато ли в этом Средиземное море?* К концу XI в. Европа начала отвоёвывать свое внутреннее море у ислама. Море было возвращено и знаменитая теория историка Анри Пиренна стала действовать в обратном смысле. А. Пиренн полагал, что во время мусульманских завоеваний Запад, лишенный возможности свободно плавать по Средиземному морю, замкнулся в себе, что продолжалось с VIII по IX в. В XI в. произошло обратное: Средиземное море оказалось закрытым для ислама, что привело к необратимому замедлению подъема ислама со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Любопытно, что Э.Ф. Голье (первый, кто отметил внезапную остановку в развитии сарацинской цивилизации), не попытался в свое время (1930) воспользоваться объяснениями Анри Пиренна, которые в то время были весьма популярны. При нынешнем состоянии наших знаний можно предположить, что данная трактовка внезапного отступления ислама кажется наиболее убедительной.

- Исламская цивилизация пережила это отступление. Она больше никогда не достигала такого периода расцвета и таких успехов, как раньше, но она выжила.

Поль Вальери утверждал в 1922 г.: «Цивилизации, мы знаем, что вы смертны». Он, конечно же, драматизировал. Смертными в истории могут быть только цветы и плоды, само же древо остается жить. Во всяком случае, его гораздо труднее уничтожить.

Начиная с XII в. ислам переживал трудные времена, прежде всего в его отношениях с Западом хотя ему удалось отстоять свои владения, свидетельство чему взятие крепости Сеп-Жан-д'Акр в 1291 г., соперничество в период Крестовых походов (1095—1270) не прошло для ислама бесследно. Ислам одержал полупобеду на суше, но потерпел поражение на море. В своих отношениях с Азией в 1202—1405 гг. ислам пережил жестокие, дикие и длительные нашествия монголов, которые чуть не потопили его: Туркестан, Иран, Малая Азия были разрушены и никогда уже полностью не восстановили былую мощь. Сим-волом опустошений, которым подвергся ислам, стало взятие Багдада в 1258 г. Позднее ислам залечил раны, но только частично.

С другой стороны, в печальные для ислама XIII, XIV, XV вв. к вышеупомянутым проблемам добавились еще и экономические трудности, имевшие общемировой характер. Почти весь Старый Свет — от Китая до Индии и Европы — долго (несколько веков) находился в состоянии кризиса.

В Европе кризис наступил несколько позже (с 1350 или 1375 г.) и оказался относительно более кратковременным (он завершился между 1450—1510 гг.). Но его последствия были очевидны: вспомним Столетнюю войну (1337—1453) с ее известной чередой завоеваний, гражданских войн, социальных потрясений, породивших хозяйственную разруху и нищету.

Следовательно, когда мы говорим о бедах ислама, нужно выделять в них «общемировую» составляющую и собственно мусульманскую.

Так, если мы хотим понять ход размышлений Ибн Халдуна, последнего из гитантов мусульманской мысли, то мы должны учитывать эпоху, в которую он жил, — эпоху несчастья и отчаянного пессимизма. Он был историком (сегодня мы бы сказали «социологом») и имел андалузское происхождение, хотя и родился в Тунисе в 1332 г. Он прожил довольно бурную жизнь дипломата и государственного деятеля, живя в Гренаде, Тлемсене, Бужи (Беджайя), Фесе, Сирии. Он умер в должности судьи в Каире в 1406 г., т.е. год спустя после смерти Тамерлана (Тимура), ко двору которого был направлен в качестве посла.

Его большой исторический труд *Китаб аль-Ибар* посвящен истории берберов. Предисловие к этой работе было переведено в XIX в. на французский язык и по праву считается крупным самостоятельным

исследованием, анализирующим методологические и *социологические* аспекты мусульманской истории, рассматриваемой в комплексе.

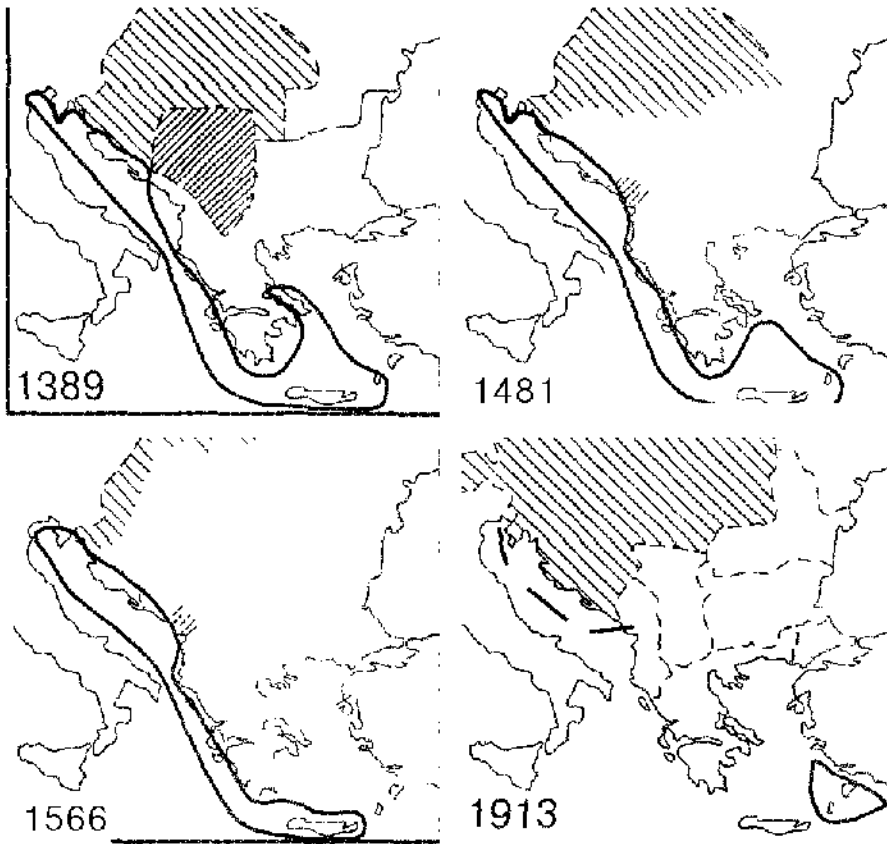
- Когда к XVI в. мировая экономика начала оживать, никому удалось вновь извлечь для себя выгоду из своего промежуточного положения между Западом и Востоком. Великие Османской империи длилось вплоть до «эпохи тюльпанов», т.е. до XVIII в.

В политическом смысле экономическое оздоровление происходило под знаком быстрых и эффективных завоевательных походов турок османов, начавшихся еще до взятия ими Константинополя в 1453 г. Однако именно эта громкая победа символически ознаменовала собой начало победного шествия турок, которое в XVI в. превратило Турцию в одну из крупных средиземноморских держав.

Вскоре под властью новых хозяев Византии оказался почти весь исламский мир, включая даже святые места Аравии. После 1517 г. султан турок-осман, «Великий Господин», стал халифом всех правоверных. Турецкого владычества избегли только Туркестан, Марокко, шиитская Персия, которая во времена правления Сефевидов стала еще более националистической. Однако мусульманским наемникам из числа монголов и турок удалось под предводительством дальнего потомка Тамерлана Бабуря завладеть Северной Индией и основать в 1526 г. империю Великих Моголов, установившую господство над большей частью Индии.

В том же 1526 г. (битва при Мохаче), когда турки завоевывают христианскую Венгрию, произошло *всеобщее возрождение ислама в его турецкой и суннитской форме*, что означало повсеместную и необратимую победу традиционной религии и ортодоксии. Становление жесткого правления повлекло за собой установление единомыслия.

На Балканах и на Ближнем Востоке укрепление турецкого господства совпало с приходом материального благополучия и демографическим ростом, с появлением городов с развитой промышленностью. В 1453 г. Константинополь насчитывал не более 80 000 жителей. В XVI в., переименованный в Стамбул, он насчитывает уже 700 000 обитателей как в самом городе, так и в греческом квартале, расположенном за Золотым Рогом, и в районе Скутари, находящимся по ту сторону Босфора. Как и все тогдашние крупные города, эта столица поражала невероятной роскошью и столь же невероятной нищетой. Тем не менее она стала образцом для подражания на всем пространстве Османской империи, в том числе и архитектурой своих гигантских мечетей, среди которых выделялась мечеть, построенная Сулейманом Великолепным.

Судьба Османской империи

Серым обозначены владения османов. Узкими штрихами (справа налево) указана Сербия. Широкими штрихами (слева направо) — Венгрия. Жирной черной линией обозначены владения венецианцев, а затем (с 1913 г.) итальянцев.

Хотя впоследствии реальное величие турков ставилось под сомнение, в наше время, благодаря усилиям историков, их империя начинает постепенно занимать подобающее ей место: наконец-то богатейшие турецкие архивы открывают свои тайны исследователям, обнаруживая механизмы действия всепроникающей государственной бюрократической машины, которой удавалось одновременно быть четкой, прогрессивной, авторитарной, способной проводить подробные инвентаризации, претворять в жизнь последовательную внутреннюю политику, накапливать огромные запасы золота и серебра, планомерно колонизировать (переселяя туда кочевников) Балканы, которые считались щитом империи, защищавшим ее от враждебной Европы. Добавим к этому систему принудительных работ, поражающую воображение мощь армии с ее изнуряющими учениями... Факты поразительно современные.

Со временем эта машина начала давать сбои, но произошло это не ранее конца XVII в. Переломным моментом следует считать осаду Вепы в 1687 г. Можно ли считать причиной заката турецкой империи отсутствие выхода к свободным морским пространствам, к Атланти-

ке, от которой ее отделяет Марокко, к Индийскому океану, доступ к которому из Красного моря затруднен, к Персидскому заливу, где империя встретила ожесточенное сопротивление не только персов, но и пришедших туда европейцев, обладавших могучими морскими силами и использовавших в своих целях крупные торговые компании?

Или же турецкая империя умерла, не сумев быстро и хорошо приспособиться к новым техническим достижениям?

Или же, что более очевидно, причиной ее гибели стало сопротивление в XVIII и особенно в XIX веках с могущественной наследниковской Россией? Ведь победы австрийской кавалерии в возглавляемых принцем Евгением Савойским кампаниях 1716—1718 гг. угрожали лишь европейским окраинам Турции, тогда как войны с Россией были столкновениями молодого колосса с колоссом если не умирающим, то но меньшей мере уставшим.

Но, что бы там ни было, турецкая империя вовсе не была изначально тем «больным», с которым без зазрения совести дурно обращалась дипломатия великих держав в XIX в. Турецкий ислам долго был великим, блестящим, внушающим опасения. То же можно сказать о Персии эпохи Сефевидов, которой в XVII в. восторгался такой внушающий доверие наблюдатель, как Тавернье... То же можно сказать и об империи Великих Моголов, занимавшей в начале XVIII в. почти все Деканское плоскогорье (Индостан) и бывшей в ту пору объектом внимания как англичан, так и французов.

Так будем же относиться скептически к излишне быстро высказанному мнению об упадке ислама! И не будем делать никаких поспешных прогнозов!

В XVIII в. в Стамбуле наступила т.н. «эпоха тюльпанов», подлинных и стилизованных, которых можно узнать среди тысяч других: этот мотив можно увидеть на фаянсе, на миниатюрах, на вышивках. Эпоха тюльпанов — это красивое название для эпохи, в котором сочетались и изящество, и сила.

Глава 4. Современное возрождение Ислама

Ислам вошел, пятясь, в этот ад, это чистилище для живых людей, которое мы сегодня стыдливо называем Третьим миром. Мы говорим «пятясь», потому что некогда он был в *относительно* лучшем положении.

Это движение вспять, более или менее запоздалое, но явное, принесло ему в XIX в. унижения, горечь, страдания, а затем и установление иностранного господства. Факты хорошо известны. Лишь Турции удалось избежать общей судьбы, что сделало возможным жестокую, но блестящую борьбу Ататюрка (Мустафа Кемаль, 1923—1938), во главе национально-освободительного движения, которое снало ее от неизбежной развязки. Это выступление стало моделью для последующих национальных революций по всему миру. Отныне, можно сказать, что освобождение ислама свершилось.

Одно дело завоевать независимость; но заставить себя идти в ногу со всем остальным миром, смело глядеть в будущее — это совсем другое.

Конец колониализма

„ в молодость национального самосознания

Нет ничего проще, чем выделить сегодня хронологические вехи колонизации, а затем и «деколонизации» различных земель ислама, добившихся постепенно полной политической независимости (за исключением мусульманских республик в составе СССР).

- Советский колониализм? Обычно в ставших ныне классическими описаниях колониализма мы встречаем только описания английского, французского, бельгийского, немецкого или голландского колониализма. Но существует и русский колониализм, превратившийся затем в советский, о котором говорят меньше: на первый взгляд он и по сей день не ослабил своего влияния на более чем 30 миллионов мусульман, что превышает все население нынешнего Магриба.

Можно ли говорить вообще в данном случае о колониализме? После Революции 1917 г. в России были предприняты огромные Шаги с целью предоставления этим республикам большей свободы, децентрализации, были сделаны уступки в сторону местной автономии. Следствием этого стало поистине гигантское развитие. «Сего-

дня все мусульманские нации СССР, в особенности кавказцы и туркестанцы, располагают собственными научными, административными и культурными кадрами, у них есть своя *интеллигенция*. Они преодолели имевшееся прежде отставание от татар и более не нуждаются в помощи интеллектуальной элиты Казани, которая еще в недавнем прошлом была центром мусульманской культуры в России.

Но это привело к ослаблению естественных уз, связывавших некогда различные мусульманские республики, и сняло с повестки дня проект создания большого «туранского» государства. В нынешней советской федеративной системе культура является «национальной по форме, но пролетарской и социалистической по содержанию». За этим последовало освобождение населения от церковного влияния и обесценение религиозных ценностей ислама; практически национализм ныне ограничен региональными границами, он лишился духовной поддержки братьев по исламу и находит свое выражение в требованиях, ограничивающихся «частичным переустройством существующих институтов» или «требованиями представителей другой расы».

Короче говоря, проблемы мусульманского населения СССР кажутся — и являются — в данный момент чуждыми традиционным требованиям ислама, которые громко высказываются на международной арене. Советские мусульманские республики независимы, но в то же время тесно связаны с советской системой (общая внешняя политика, единая оборонная политика, единые финансы, единое образование, общие железные дороги).

В целом мы сегодня далеки от идеалов видного коммунистического деятеля Султан-Галиева (1917—1923), ставшего затем контрреволюционером и приговоренного к смертной казни в 1929 г. Будучи мусульманином, он мечтал о едином для всех мусульман советских республик государстве, которое бы имело возможность оказывать идейное и революционное влияние на весь азиатский континент. Он представлялся ему наилучшим полигоном для политических катаклизмов, тогда как промышленно развитая Европа казалась ему «погасшим революционным очагом». Мог ли быть ислам зажженным факелом, нацеленным в сторону Азии?

- Панафриканизм — основная политическая линия разобщенного ислама: в плане открытого международного соперничества панафриканизм самым осязательным образом выступает сегодня вместо исламизма. Только его и видно, только его и слышно.

Собственно арабский мир остается сегодня «сердцем» ислама, его перекрестком. Исходя из этого, смешивать Ближний Восток (и его продолжение — Магриб) со всем исламским миром и на этом основании видеть только этот регион, отдавать ему предпочтение — значит, сделать лишь один шаг в требуемом направлении: действительность толкает к этому шагу. Но это означает принять чью-то сторону.

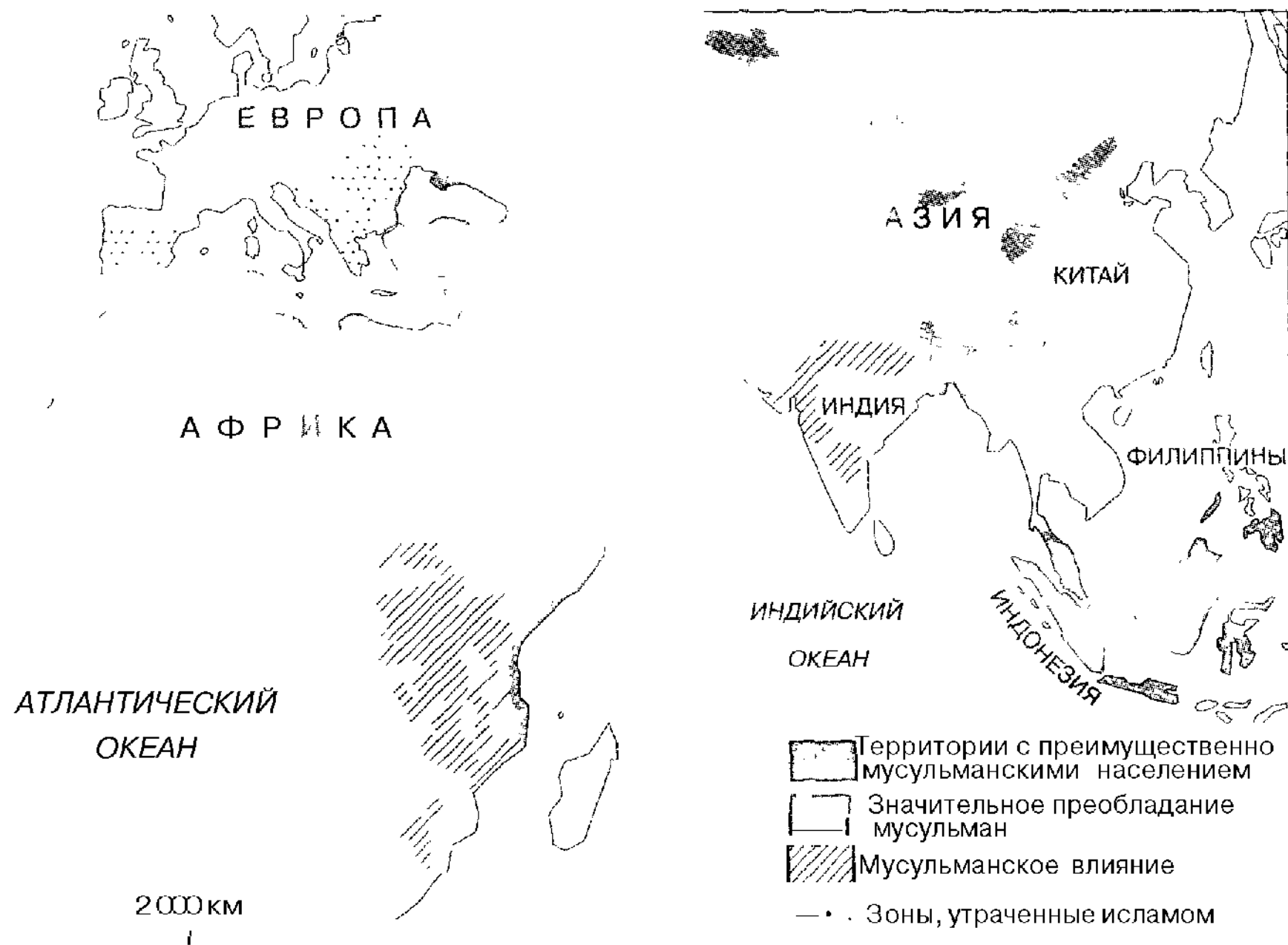
Однако в чем состоит сегодня главная характерная особенность ислама? Не заключается ли она в скрытом разделении, дроблении пространства мусульманского мира и его единства? Иногда причиной тому является политика, а иногда география, которая ставит некоторые части исламского мира под исключительное влияние других цивилизаций, других экономических укладов.

В Индостане 80 миллионов мусульман живут рядом или даже смешаны с населением, исповедующим индуизм или анимизм, они являются частью особой экономической структуры, т.е. оказываются наполовину потерянными для ислама. Индия и Пакистан — это две огромные густо населенные территории, разделяющие единое географическое пространство. В Китае 10 миллионов мусульман являются особой категорией населения: можно сказать, что они уже окончательно потеряны для ислама. В Черной Африке некогда победоносный ислам деформируется под воздействием местных религиозных верований.

Исламское вероисповедание этой части населения часто служит им аргументом в борьбе за национальное самосознание, средством самозащиты. Но для ислама, рассматриваемого как единое целое, они тем не менее потеряны или все больше от него отдаляются: есть много мусульманских стран, которые уже не смотрят столь пристально, как раньше, в сторону Мекки, не принимают массового участия в паломничествах и не примыкают стройными рядами к политической идее эффективного и унитарного панисламизма. Отдаленность, политический фактор, атеизм, потеря веры способствуют этому процессу. После 1917 г. в Мекке побывало не более нескольких сотен паломников из СССР.

- ♦ Правильно ли представлять теперешний ислам «эпской Гарибальди»? Внутри мусульманских стран, на Ближнем Востоке, панисламизм наталкивается на проявления местного обостренного национализма.

Распад в сентябре 1961 г. О.А.Е. (Объединенной Арабской Республики, ставшей результатом слияния Египта и Сирии) является характерным примером. Пакистан, Афганистан, Иран, Турция, Ливан, Сирия,

Мусульмане в современном мире
 не отражает распространение ислама в Индии, которая ранее почти полностью была мусульманской)

Ирак, Иордания, Саудовская Аравия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания, Йемен — все они представляют собой суверенные страны с характерными для них особенностями, зачастую враждебные друг к другу, хотя эта враждебность может маскироваться сиюминутной солидарностью в отношениях с внешним миром и его опасностями.

Отчаянный национализм толкает население и особенно молодежь, прежде всего студенчество этих стран, к вызывающим и драматическим действиям, которые с *предвзятой точки зрения западного жителя* кажутся не соответствующими нашему времени. У нас слишком много причин сожалеть о своем недавнем национализме, за который Европа так дорого заплатила, чтобы безучастно смотреть на рост местных националистических движений в эпоху создания европейского Общего рынка. Тем более что все эти националистические движения оказываются направленными против Запада.

Справедливо ли такое отношение? Вот что говорит афганский интеллигент Наджмулдин Баммат (1959): «Ислам вынужден переживать сегодня одновременно религиозную революцию, сопоставимую с Реформацией, моральную и интеллектуальную революцию, которую можно сравнить с движением *Бура и натиск* в Германии (это можно сопоставить с эпохой *Просвещения и Просвещенного деспотизма* в XVIII в.), социально-экономическую революцию, сравнимую с той, что имела место в Европе в XIX в. (*индустриальная революция*); к тому же в эпоху существования крупных региональных систем (понимай: существования восточного и западного блоков. — *Авт.*) ислам переживает более мелкие национальные революции. В момент, когда заключаются договоры планетарного масштаба, мусульманские страны все еще ищут и ждут своего Гарибальди».

Нужно понимать, что мы вовсе не хотим очернить светлую память Гарибальди. Но войны за национальное объединение, в прошлом необходимые, имели для Европы хорошо известные катастрофические последствия.

Окажется ли благотворным для ислама его нынешнее разделение на национальности? Не приведет ли оно мусульманские государства в тупик, поскольку современное мировое хозяйство не позволяет подобного дробления? Не является ли оно источником опасных конфликтов? Каждая независимая страна, обладающая хоть какой-то военной силой, интерпретирует по-своему, на языке собственных интересов и претензий, понятия *панисламизма* или *панарабизма*. Так поступают на виду У всего мира Пакистан, Ирак, Египет, открывая дорогу другим.

Однако этот национализм представляется неизбежным этапом национального развития, платой за ту очевидную роль, которую нацио-

нальное самосознание играло в ходе борьбы за независимость. Каждый отдельный национализм был и остается «контрколониализмом», противостоянием от ипоностранного господства, фактором освобождения.

Нас не должно также удивлять, что каждый арабский национализм имеет схожую с другими черту — враждебность к Израилю, своему старому противнику. Созданное сразу после Второй мировой войны, государство Израиль предстает в их глазах делом рук Запада, причем ненавистного Запада. Замечательные технические достижения Израиля, основанные на капиталах, пришедших со всего мира, его демонстрация силы в борьбе против Египта (в 1948 г., Суэцкая кампания 1956 г. с победным маршем малочисленной израильской армии через Синайский полуостров) вызывает зависть, страх и враждебные чувства, которые насаждаются на давние противоречия. Жак Берк справедливо пишет: «Осмелюсь сказать, что арабы и евреи — это богоизбранные народы. Но для дипломатов и военнополитических штабов два таких народа — это слишком много! Непримиримый конфликт кроется как раз в родственной близости противников, ведущих свое происхождение от Авраама, выбравших монотеизм в качестве религии... По отношению к Западу они пошли разными путями. Одни внутри *диаспоры* настолько сохраняли свой обширный идеал, что приспособили личность к внешним требованиям, предъявляемым к ним неверными. Другие, оставшиеся на своей земле, но поработанные и разобщенные, имели преимущество — или несчастье — остаться в целом такими, какими они были. Отсюда нынешнее неравенство в имеющихся средствах, различия в намерениях и поведении. Самые прозорливые арабские эссеисты с горечью размышляли над тем, что они назвали «крахом» 1948 г. ...Подобно нашему Тэну или нашему Ренану после разгрома 1870 г., они советуют своим соплеменникам пересмотреть нечто в себе, чтобы избежать впредь подобных авантур».

- У национализма есть собственная роль в ближайшем будущем: всем без исключения мусульманским странам придется разработать обязательные программы строгой экономии.

Речь идет о программах солидарности, социальной дисциплины; национальное самосознание должно помочь каждой из молодых стран противостоять экономическим трудностям, с которыми придется столкнуться. Оно должно способствовать тому, чтобы общественность согласилась на необходимое обновление устаревших социальных, религиозных, семейных структур — всех этих идущих из плу-

бины веков, архаичных и освященных исламом традиций, ломка которых может спровоцировать реакцию отторжения.

Итак, чего бы ему это ни стоило, ислам должен модернизироваться, применять большую часть западной техники, ставшей сегодня основой жизни в мире: будущее ислама зависит от того, примет ли он или отвергнет эту мировую цивилизацию. Отторжению будут способствовать могучие традиции; приему — национальная гордость, которая может заставить народы принять то, что они инстинктивно не приемлют.

Очень часто исламу отказывали в гибкости, необходимой для быстрой адаптации. Многие и сейчас утверждают, что исторические цивилизационные корни, основы сердечной и душевной привязанности не позволяют «не противостоящему для внешних влияний», «несговорчивому» исламу открыться для модернизации. Так ли это?

На деле ислам уже примирился с окружающим его современным миром. Он может пойти по этому пути дальше. Христианство в прошлом также с большим трудом принимало перемены. В конечном счете оно оттого, что вынуждено было пойти на уступки, ничего не потеряло в своей самобытности.

Приписывать исламу чрезмерную религиозную нетерпимость, полное отсутствие гибкости — значит забыть о многочисленных ересьях, которые уже сами по себе доказывают возможность перемен. Впрочем, сам Коран открывает реформаторству навстречу, казавшуюся бы, закрытую дверь. «Считается, что пророк предусмотрел тот случай, когда Коран и (сунна) традиция молчат: тогда он рекомендует прибегать в процессе размышления к аналогии; если же она неприменима, следует дать собственную оценку, исходя из предыдущих аргументов. Эта личная интерпретация должна сыграть значительную роль в будущем развитии мусульманской мысли. В наши дни реформаторство пытается открыть путь к этому» (Шер Рондо). Ведь у всякой религии есть свои запасные выходы. Ислам может поменять, затормозить процесс; но его можно также обойти, он может позволить себя обойти.

Экономисты, сталкивающиеся с повседневной реальностью, не перестают протестовать против бездоказательных и «карикатурных» заявлений о якобы несокрушимых константах мусульманского мира.

По их мнению, настоящая трудность состоит в том, что нужно сделать огромный прыжок вперед. Ислам отстает от Запада на два века, именно те два века, которые преобразовали Европу больше, чем весь период от античности до XVIII в. Каким образом ислам сможет одним прыжком преодолеть этот огромный этап исторического развития, заставить трансформироваться свои архаичные общества, если он име-

ет в запасе лишь бедное, нестабильное развивающееся сельское хозяйство, промышленность, которая кажется изолированной и будто бы привнесенной извне в эту экономику, неспособную догнать свое слишком плодородное многочисленное и малоподвижное население? К тому же, как и всякая общественная формация, мусульманское общество имеет своих богатых, пусть немногочисленных, но зато очень могущественных. Эти привилегированные слои зачастую используют верования и традиции в качестве аргументов для обоснования своих привилегий; их интерес состоит в том, чтобы сохранить на плаву некоторые «средневековые» общества, подобные йеменскому, феодальные — подобные иранскому, или архаичные — подобные саудовскому, существующему несмотря на нефть или только благодаря ей.

Перед лицом этих трудностей реформаторам предстоит испытание делом: реформирование может быть жестоким и гениальным одновременно, подобно реформе Атаюрка в Турции; оно может быть насильственным на словах, подобно реформе Касема в Ираке; оно может проходить под знаком настойчивости, подобно реформе Насера в Египте; оно может оказаться гибким и по-своему мудрым, подобно реформе Бурлибы в Тунисе. Но какой бы ни была природа реформ, их направленность, препятствия на пути их свершения остаются зачастую схожими. Всем этим реформам пришлось преодолеть немалое число запретов (табу), свойственных мусульманской цивилизации. В этом смысле показательной является проблема эмансипации женщин, которая сейчас утверждается в мусульманском обществе, но потребует еще длительно-го времени для окончательного решения этого вопроса. Исчезновение полигамии, введение ограничений на право мужа в одностороннем порядке развестись с женой, ликвидация паранджи, свободный доступ женщин к высшему образованию и культуре, к оплачиваемому труду, право женщин на участие в выборах — все эти проблемы имеют огромное значение.

Решение этих вопросов доказывает, что реформы — это не безнадежное дело, что оно нуждается в сторонниках и решительных защитниках. Начинаясь борьба будет разносторонней. Причем наибольшая опасность кроется в кажущихся легкими и притягательными решениях, навязываемых нынешней политической борьбой, которая драматизируется по поводу и без всякого повода.

Каким был бы идеальный подход? Каждый раз доводить до конца что-то одно, выбирать главное. Но политика — это не картезианские размышления. Экономическое развитие само по себе требует от исламской и других цивилизаций преимущественного выбора какой-то одной политической линии, могущей оказаться исключительной. При этом

мир, в котором мы живем, заставляет сталкиваться со старыми и новыми трудностями, логика возникновения которых от нас не зависит.

Сегодня все мусульманские государства, гордящиеся своей независимостью, оказываются перед лицом политических требований, часто создающих драматические ситуации, которые нужно или разрешить, или обойти; у этих государств есть своя гордость, которую нельзя не учитывать: ислам так же подвержен гордыне, как и Европа. У ислама есть своя молодежь, свои студенты, требующие быстрее двигаться по пути перемен (в этом они схожи с нашими студентами политехнической школы эпохи 1830 г.). У ислама есть свои военные, способные на безрассудство и на государственные перевороты (в этом они похожи на военных Латинской Америки до Второй мировой войны 1939 г.). У ислама есть свои политические партии, свои политические деятели, способные гоняться за миражами, созданными их собственным воображением, способные призывать к насилию в своих речах. Разве не надо повышать голос, чтобы заглушить шум окружающего мира?

Конечно, имеется фактор иностранного влияния: Франция в Северной Африке; Англия в Кувейте и на почти опустевшем юге Аравии; США повсюду, готовые дать советы и кредиты; СССР, не жалеющий своего времени и сохраняя за собой право на будущее, всегда внимательно следящий за происходящими процессами на этом огромном пространстве. К этому нужно добавить фактор социальной революции, проявляющейся все более явно и формулирующей собственные требования.

Само историческое развитие способствует социальной революции: в Турции военный переворот 27 мая 1960 г. открыл путь для решения социальных проблем, но их претворение в жизнь задерживается; в Иране революция «сверху», консервативная и прогрессивная одновременно, делает свои первые шаги, несмотря на противодействие молодежи и бывшего премьер-министра Мосаддыка, а также на переступительность коммунистической партии Туле; в Трансиордании, где король решительно противостоит всем опасностям; в Ливане, который хотел бы стать ближневосточной Швейцарией; в Ираке, где революционные преобразования происходят скорее на словах, чем на деле, и где восстание курдов остается крупной проблемой; Египет, где сразу после отделения Сирии сделал выбор в пользу социального коммунизма, что грозит превратиться в расплывающееся масляное пятно... Обзор можно было бы дополнить, говоря об обеспокоенности Пакистана действиями Индии, которая оказалась более воинственной, чем это можно было раньше предполагать, и заявляет свои претензии на Кашмир; об Индонезии, ободренной успехами Индии

в борьбе за Гви и стремящейся установить свой протекторат над голландской Западной Новой Гвинеей — Ирианом; о Северной Африке, которая ожидает окончания алжирской трагедии, чтобы определиться, по какому пути развития пойти...

Все эти проблемы находят свое отражение в политике исламских государств, заставляя их идти на неожиданные действия, которые каждый раз наносят им серьезный урон и сказываются на других государствах. Кто может определить, чего стоила история с Бизертой (1961) такой богатой стране, как Франция, и такой бедной стране, как Тунис? Создается впечатление, что в данной кризисной ситуации судьба самой Бизерты была вторичной, а главным было столкновение двух национальных гордынь, что только усложняло решение вопроса. Франция чувствует себя обиженной, поскольку справедливо считает, что многое сделала для ислама; ислам испытывает те же чувства, так как полагает, что предоставленная ему независимость не является полной, и это справедливо, поскольку ни одна страна не может быть по-настоящему самостоятельной, если состояние ее экономики отбрасывает ее в Третий мир.

Бывшие метрополии лишь частично ответственны за эту сохраняющуюся экономическую зависимость. Она есть производное от многих факторов, связанных с прошлым ислама, с присущей ему бедностью, со свойственным ему чрезмерным демографическим ростом. Все это ужасные болезни, даже при наличии лекарств.

Различные мусульманские государства в современном мире

- Экономический рост затруднен: перед исламом стоит та же дилемма, что и перед всем Третьим миром. Чтобы интегрироваться в мировую экономику, ему необходимо в самые короткие сроки осуществить индустриальную революцию.

Сформулировать задачу просто, но за ее решение пужно очень дорого заплатить: она требует тяжелой работы, плоды которой не будут сразу же заметны, и не отразятся сразу на уровне жизни населения. Предшествующий период колонизации не подготовил рассматриваемые нами страны к решению данной задачи, что, безусловно, можно поставить в вину стран-колонизаторов.

Если говорить непредвзято, нельзя отрицать того, что колонизаторы внесли большой вклад в развитие колоний. Архаичные страны, уклад которых не менялся веками, оказались частью гораздо более развитых

цивилизаций. Из этого они извлекли для себя определенную выгоду. Прежде всего это касается современной медицины и гигиены, которые значительно снизили уровень смертности; это касается образования, которое — в той или иной степени — значительно улучшилось (французов в наименьшей мере можно в чем-то здесь упрекнуть); это касается создания разветвленной инфраструктуры: портов, автомобильных и железных дорог; это касается внедрения современных методов ведения сельского хозяйства, в частности строительства ирригационных сооружений; иногда это касается и начала индустриализации.

Можно было бы сказать, что это немало. И да, и нет. С одной стороны, вклад в национальное экономическое развитие частично повлек за собой разрушение традиционных структур, а с другой — попытки построить новые структуры оказались несовершенными. Реконструкция была сделана не в целях национального экономического развития, а в целях совершенствования экономики, рассматриваемой в качестве придатка хозяйства метрополии, — придатка, который зависит и от данной метрополии, и от всего мирового хозяйства. Отсюда неравномерность развития по секторам и необходимость, перед которой оказались молодые независимые государства, так реформировать свои структуры, чтобы они отвечали национальным потребностям. К этому нужно добавить прочие многочисленные трудности, вытекающие из их цивилизации и региональной бедности.

Для достижения поставленных целей мусульманские страны должны не только напрячь собственные силы, но и прибегнуть к помощи других стран. Но это невозможно без готовности следовать изменчивой и жесткой политике привилегированных стран, что молодые государства хорошо понимают. Ни ум, ни политическая хитрость теперь уже не будут считаться недостатком. Итак, они должны адаптироваться к самим себе и к реальной жизни остального мира. В этом и состоит их главная задача, их квадратура круга

- **Экономика и нефть: здесь не может быть единого и легкого решения. Даже того, внешне столь привлекательного решения, которое предполагает наличие нефти.**

Нефть — это безусловное богатство, плоды торговли которой скажутся на уровне экономического развития всех нефтедобывающих стран. Мы знаем, что это богатство особенно щедро представлено на Ближнем Востоке.

Однако в наибольшей степени от его использования выгоду получают крупные международные компании, которые затратили огром-

ные средства на разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений: они занимаются добычей нефти, отчисляя собственнику проценты за эксплуатацию нефтяных скважин и нефтепроводов; они же занимаются нефтепереработкой и продажей нефти. Попытки установить контроль за источниками нефти, как это однажды попытался сделать Иран (1951) и о чем подумывает ныне Ирак (1961), заранее обречены на провал: нефть только тогда приобретает ценность, когда она продана. Но в сегодняшнем мире нет недостатка в нефти; напротив, в век атома царство нефти грозит оказаться недолговечным.

Небольшая дополнительная деталь: эксплуатация нефтяных богатств иностранцами хотя и вызывает протест у местного населения, но не является единственной бедой мусульманских стран. *Роялти* являются источником социальных привилегий. Полученные средства не распределяются равномерно, зачастую они тратятся элитой на предметы показной роскоши. Не будучи инвестированы в местную промышленность, деньги транжируются на приобретение товаров бесполезных для развития производства на месте: Саудовская Аравия построила на нефтяные деньги новые города, автомобильные и железные дороги, аэродромы — прогресс очевиден. Вместе с тем значительная часть этих денег пошла на приобретение ненужных, анахроничных по сути предметов роскоши для королевской семьи и предводителей местных племен. Демонстрация показной роскоши вызывает чувство протеста у молодежи, вдохновляемой египетской революцией, и у буржуазии, стремящейся получить свой кусок государственного пирога.

Серьезный наблюдатель обратит внимание на то, что судьба ближневосточной нефти очень похожа на судьбу американского серебра ХМ в.: оно шло транзитом через Испанию, не оказывая существенно влияния на развитие ее хозяйства, чтобы затем подпитывать живую экономику Европы.

Кроме того, нефть была, есть и будет причиной многочисленных конфликтов на Ближнем Востоке. Последний из них — конфликт между Ираком и его руководителем генералом Касемом, с одной стороны, и восемью крупными международными компаниями («нефтяными сестрами»), основным представителем которых на месте является *Ирак-Нейтралитум Компани*, — с другой.

Продолжающиеся вот уже три года переговоры вновь были прерваны. Не эксплуатируемые компаниями месторождения были у них отобраны. Конечно, возможно достижение договоренности, и Ирак получит право на половину получаемых прибылей. Он уже добился возможности допустить к эксплуатации новых месторождений в водах Персидского залива японские и итальянские компании, которые ока-

зались более стоворчивыми, поскольку пришли в эту страну позднее других. Но в этой сфере деятельности нефтедобывающие страны Ближнего Востока рискуют понести некоторые убытки, несмотря на все имеющиеся у них на руках козыри.

- Все мусульманские страны взялись за дело, осуществили крупные проекты — прогресс в сфере производства налицо. Однако демографический рост превалирует над прогрессом. Кажется бы, все разянвается, но завтра придется начинать заново.

Не потеряло своего значения замечание, которое сделал в своей статье в газете «Монд» (7 августа 1956 г.) демограф Альфред Сови по поводу Ближнего Востока. «Арабский мир, — пишет он, хотя мог бы сказать "весь мусульманский мир", — переживает демографический взрыв: рождаемость здесь одна из самых высоких в мире, примерно 50 на 1000, т.е. каждая семья насчитывает в среднем 6-7 детей. Она не только не уменьшилась, но даже увеличилась в результате сокращения полигамии и распространения гигиены. Одновременно резко упала смертность из-за сокращения масштабов эпидемических заболеваний, голода и межплеменных военных конфликтов. Нынешний уровень смертности точно не известен, но он снижается, достигая отныне примерно 20 на 1000. Рост народонаселения на 2,5-3% в год не является исключительным. Таков рост народонаселения в Алжире, Тунисе и, безусловно, в Египте. Этот ритм, обеспечивающий рост населения вдвое за период жизни одного поколения, гораздо выше того, который содрясал Европу в период процветания (от 1 до 1,5% в год) и стал одной из причин эмиграции и колониализма. В мусульманском мире сейчас соседствуют показатели смертности в Европе в 1880 г. и рождаемости, свойственной лучшим периодам Средневековья. Это соседство взрывоопасно!»

Итак, «было бы наивно полагать, что эти страны, переживающие рост своего населения, а следовательно, и потребностей, располагающие кто нефтью, кто трубопроводами, а кто и каналом (Суэцкий канал), будут долго мириться с тем, что богатства проходят мимо них, или даже через всю их территорию и не потребуют увеличения своей доли».

Несмотря на увеличение производства, последствия демографического роста сказываются прежде всего на темпах экономического развития, зачастую провоцируют стагнацию уровня жизни в мусульманских странах. Это явление часто наблюдается в странах Третьего мира.

Тем не менее предпринятые меры осуществлялись в правильном направлении. Количество безработных значительно сократилось. Если взять пример одного Туниса, то, только благодаря собственным усилиям и не прибегая к крупным инвестиционным вложениям, от 200 до 300 000 безработных получили в этой стране работу на сооружении дорог, пригационных сооружений, в городском строительстве и на лесопосадках. Недавние экономические подсчеты показали, что в целом сельскохозяйственное производство на Ближнем Востоке возросло общемировыми темпами в период 1952—1958 гг. Прогресс наблюдался и во всех отраслях промышленности. Если взять Египет, общий индекс роста перерабатывающей промышленности достигал следующего уровня: в 1953 г. = 100; в 1951 г. — 95; в 1952 г. — 98; в 1953 г. — 100; в 1954 г. — 107; в 1955 г. — 117; в 1956 г. — 125; в 1957 г. — 132; в 1958 г. — 143... В Пакистане промышленное производство также возрастало: в 1952 г. — 100; в 1954 г. — 128; в 1958 г. — 215...

Итак, наблюдается очевидный прогресс, увеличение национального дохода, что должно было бы способствовать росту инвестиций и экономическому подъему. Но демографический взрыв стал препятствием на этом пути. Масса людей растет быстрее, чем масса распределяемых благ — душевой доход снижается, как и всякий коэффициент, где знаменатель (население) увеличивается быстрее, чем числитель. Это напоминает усилия пловца, борющегося с волнением на море: чем сильнее он гребет руками, чем больше затрачивает сил, тем медленнее продвигается вперед. В развивающемся исламском мире уровень жизни падает, или в лучшем случае его с трудом удается поддерживать на прежнем уровне.

Заметим, кстати, что эти расчеты национального дохода на душу населения не являются точными. Зачастую нет даже четких цифр численности народонаселения (колебания могут достигать 20%). В отсутствие жесткой *системы национальных счетов* массу доходов приходится не рассчитывать, но оценивать. К тому же как определить доходы разобщенного и зачастую архаичного ремесленного производства, сельского хозяйства, включающего обширные зоны примитивного земледелия, удовлетворяющего лишь собственные нужды производителей?

Иными словами, в подобных подсчетах речь может идти только о примерных оценках, о порядках величин. Но и это не мало.

- Учитывая демографический взрыв, сам факт поддержания душевого дохода на прежнем уровне свидетельствует об очевидном экономическом потенциале, способном противостоять огромному приросту населения.

В своей массе мусульманские страны доказывают свою жизнеспособность; даже если отступление и наблюдается, то оно остается умеренным. В среднем люди потребляют менее 2600 калорий ежедневно (нижний порог благополучных стран), но все равно это выше необходимого для жизнеобеспечения минимума и, следовательно, позволяет избежать голода (за исключением зоны Сахары). Иначе говоря, они живут ниже границы между богатством и бедностью, но выше границы между бедностью и нищетой. Это первый шок.

Однако ситуация в различных странах неоднозначна. Если провести классификацию по величине национального дохода на душу населения (в долларах США) то снизу вверх эти страны разместятся следующим образом: Ливия — 36; Афганистан — 50; Нигерия — 64; Пакистан — 66; Индонезия — 88; Иордания — 100; Сирия — 100; Иран — 115; Египет — 122; Тунис — 132; Ирак — 142; Марокко — 159; Алжир — 210; Турция — 219; Ливан — 247. Цифры скромные. Всякое сравнение с европейскими статистическими данными (выше 1000), а тем более с США (2200) оказывается убийственным. Цифры эти значимы только при сравнении с ситуацией в странах Черного континента.

Можно заметить, что страны, находившиеся вчера или все еще находящиеся сегодня под французским влиянием (Ливан, Сирия, Марокко, Алжир, Тунис), оказались в лучшем положении. Заслуга в этом принадлежит, конечно, не французской колонизации, хотя об этом и нельзя умалчивать, а образованию в них в предшествующий период определенного слоя интеллигенции и подготовленных кадров, что обеспечило более тесную связь цивилизаций и имеющихся людских ресурсов.

Что касается Ливана, то его относительно лучшее положение объясняется культурной, торговой, капиталистической экспансией в страны ислама, в Черную Африку и Латинскую Америку, а также его религиозной амбивалентностью (сосуществование христианской и мусульманской религий). Алжир многим обязан французским и международным инвестициям (успехи в сельском хозяйстве, строительство плотин, дорог, школьное обучение, медицинское обслуживание, нефтяные месторождения в Сахаре, эмиграция рабочих рук во Францию), приток которых не был прерван даже войной, начавшейся в 1954 г.

В борьбе за выживание каждая национальная экономика имеет свои шансы и козыри: у Ирака, Ирана, Саудовской Аравии и Алжира есть нефть; у Египта — способствующие плодородию почвы воды Нила, Суэцкий канал, высококачественный хлопок, текстильная промыш-

шленность; у Турции и Марокко — конкурентоспособные промышленные предприятия; у Индонезии — каучук, нефть, оловянные рудники; у Пакистана — большие запасы зерна, джута.

Но, несмотря на все это достояние, движение по пути прогресса оказывается трудным и проблематичным.

- Требуемые решения проблемы непросты. Будучи экономическими и социальными одновременно, они оказываются настолько взаимосвязанными, что их кажется невозможным решать в порядке очередности. Собранные в единое целое, они предполагают путающую своей сложностью программу действий.

Представляется необходимым следующее.

1. *Прежде всего улучшить положение в сельском хозяйстве.* Это означает, что нужно самым решительным образом пересмотреть архаичные отношения собственности; решить многочисленные проблемы, связанные с ирригацией и эрозией пахотных земель. Вопросы сколь технические, столь и политические.

2. *Построить новые предприятия легкой и тяжелой промышленности,* причем любой формы собственности, включив их, по мере возможности, в систему действующих хозяйственных связей. Необходимо, чтобы новые предприятия опирались на общую структуру национальной экономики, чтобы они придали народному хозяйству импульс развития.

3. *Решить вопрос с инвестициями,* непростой из-за необходимости прибегнуть к иностранной помощи (частные международные капиталы, поступающие через швейцарские банки, государственная помощь со стороны СССР, США или Франции, ожидающийся приток европейских капиталов из стран Общего рынка).

4. *Создать собственный рынок.* Здесь мы сталкиваемся с двойной трудностью: рынок возникает при наличии определенного уровня жизни (что возвращает к проблеме, которую и нужно решить) и он будет неполным, если не выйдет за пределы национальных границ. Отсюда постоянно возникающие, но так и нерас-realizованные идеи панарабского рынка, рынка стран Магриба, африканского рынка. Здоровые проекты, которые трудно осуществить.

5. *Заняться образованием, подготовкой квалифицированной рабочей силы.* Это тем более важно, что автоматизация производства, возможная в условиях промышленности, начинающейся с нуля, не решит вопроса избыточной рабочей силы, который представляется ключевым и первоочередным сегодня.

6. *Подготовить национальные кадры:* технических специалистов, инженеров, преподавателей, администраторов... Профессиональная подготовка стоит на повестке дня. Но она не может быть кратковременной. Только энтузиазм населения по отношению к образованию позволит преодолеть существующие огромные трудности.

В целом требуются крупные капитальные вложения, которые смогут окупиться только в долгосрочной перспективе. «Заранее придется пожертвовать поколениями людей. Понимание этого грустная привилегия пемпюгих. Несколько молодых поэтов из Сирии и Ливана, чтобы самим себе объяснить эту необходимость, вспоминают миф о некоем восточном божестве, которому предстоит возродиться после мучительной смерти. Этим они отдают себе отчет в постоянном трансе и нынешней горечи своего народа» (Ж. Берк).

- **Надо делать выбор:** становится понятно, что перед лицом четко поставленных проблем, трудностей и срочности предполагаемых решений, перед масштабами неизбежных жертв руководители различных государств проявляют колебания в выборе стратегии развития. Мир предлагает им по меньшей мере два решения, и от правильности сделанного выбора будет зависеть будущее ислама.

В общем и целом речь идет о том, чтобы либо остаться в рамках западного капитализма, наполовину либерального, наполовину предполагающего государственное вмешательство и некий политический либерализм; либо пойти в направлении социалистических экспериментов по советскому, югославскому или китайскому образцу. Упрощая, можно сказать, что предстоит или сохранить общество и систему правления в их нынешнем виде, понемногу их улучшая, или одним разом разрушить существующую надстройку, чтобы воссоздать ее затем на качественно иной основе.

К несчастью, этот выбор не является ни чисто интеллектуальным, ни чисто эмпирическим. Он зависит от тысяч внутренних и внешних факторов.

Повсюду или почти повсюду возникает буржуазия, мелкая буржуазия, растущий слой интеллигенции, зачастую молодой интеллигенции. Она слой все еще испытывает разочарование, вызванное, по ее мнению, слепым подражанием Западу. Возьмем пример из области политики: за исключением Афганистана и Йемена, во всех мусульманских странах появились свои парламенты, но что эти страны вы-

играли? Разочарованная и рвущаяся к участию в делах государства буржуазия «поворачивается к коммунизму, так как видит в нем средство обеспечения в будущем своей гегемонии; бюрократическая и плановая система советского общества предстает в ее глазах гарантией стабильности и средством решения почти нерешаемых экономических проблем... Молодая мусульманская интеллигенция заворожена оболочкой современной марксистской науки и мысли; конечно, это может рассматриваться как реакция на средневековые традиции, которые и по сей день парализуют исламскую мысль, но она тем более опасна, что мусульманская интеллигенция уже обращалась, причем безуспешно, к либерально-демократической мысли Запада в поисках средства доступа к современной рационалистической культуре. Отныне марксизм им кажется единственно возможным путем для этого» (А. Беннисен).

Запад слишком склонен думать, что в действиях исламских государств в отношении СССР преобладает политиканство, стремление приобрести по сходной цене машины, оружие, кредиты. На деле проблема глубже. Опыт социалистических стран заворачивает молодежь исламских государств. Запад опирается зачастую лишь на косные аристократические крути, на социальное окружение, напоминающее картонные театральные декорации. Как и в других частях планеты, ему недостает подлинного «планетарного мышления».

Вопрос не в том, чтобы убедить исламский мир, что предлагаемые Западом решения превосходны сами по себе, что они предпочтительнее других. Он даже не в том, чтобы шире раскрыть кошельки. Необходимо предоставить развивающимся странам такую планетарную модель, которая была бы *подходящей для ислама*, открыла бы этим странам дорогу надежды и будущего.

Мусульманская цивилизация в XX веке

Угрожает ли этот глубокий кризис самой цивилизации ислама? Вопрос может ставиться в разных плоскостях.

1. Существует ли еще в условиях огромного дробления на национальности и наличия политического соперничества единая и узнаваемая исламская цивилизация?

2. Если она существует, то не угрожает ли ей «планетарная техническая и поведенческая оболочка», как ее называет Жак Берк, т.е. доступ к индустриальной цивилизации, которая скроена по западному образцу и имеет тенденцию к распространению во всемирном масштабе?

3. Более того, не существует ли угрозы, что для получения доступа к этой цивилизации ислам выберет путь марксизма, способного разрушить один из оплотов единства ислама — его религию?

- Существует ли еще мусульманская цивилизация? Политическая раздробленность ислама, как кажется, нагло исключает осуществление мечты панисламистов. Но как факт, как цивилизационная реальность панисламизм все еще существует в той же мере, как он существовал в прошлом.

На всем пространстве ислама можно обнаружить эту цивилизацию в реалиях повседневной жизни. Сходство веры, правов, привычек, семейных отношений, вкусов, способов проведения досуга, игр, поведения и даже кухни... Переезжая из одного в другой город мусульманского Средиземноморья, европейец в большей степени поражается сходству, а не различиям. Если вы переезжаете в Пакистан и государства Индо-Малайской области, а тем более в Черную Африку, там вы заметите больше отличий, но это потому, что в этих регионах мусульманская цивилизация наталкивается на другие цивилизационные течения, которые зачастую оказываются более сильными, чем мусульманское.

В Черной Африке связи с исламом ограничиваются религией. Проповеди (Египет, со своей стороны, проводил от имени панарабизма большую «миссионерскую» деятельность) зачастую читаются — во франкоговорящих странах во всяком случае — на французском языке. Это означает, что культурных связей практически не существует, а если они и есть, то хрупкие, опосредствованные. При этом можно усомниться и в том, что религиозные связи оказываются эффективными среди массы африканского населения, которое трансформирует *на свой лад, африканизирует* религию Мухаммада, так же, впрочем, как оно трансформирует и христианство. Короче говоря, если в Черной Африке панисламизм и существует, то он не более чем политический и социальный; он не может быть здесь полноценным цивилизационным фактором.

Что касается Пакистана, то он является составной частью цивилизации, которую справедливо называют индо-мусульманской. В его национальном языке — урду — смешаны слова арабского или иранского происхождения со словами, пришедшими из санскрита. Хотя слова пишутся справа налево, как и в арабском, но урду на него не похож.

Одним из наиболее явных признаков, обеспечивающих единство мусульманской цивилизации, остается язык. Речь идет о литературном арабском, некогда цементирувавшем ислам, который сохранился

и в XX в. Он остался общим *письменным* языком, на котором издаются газеты и книги. Национальные языки — это языки *разговорные*.

Другое связующее звено: социально-экономические проблемы почти повсюду выражаются одинаково, поскольку они возникают главным образом от столкновения архаичной, традиционной, консервативной исламской цивилизации с цивилизацией современной, которая наступает по всем фронтам. В разных странах проблема стоит более или менее остро, но это ничего не меняет в предлагаемых решениях, которые оказываются схожими из-за логики вещей, из-за идентичности исходных причин. Страны, уже продвинувшиеся в осуществлении реформ, предвосхищают будущее других стран.

Но и здесь, «осланный» в Черную Африку, Индию, Индо-Малайскую область, Китай ислам дистанцируется от ислама в целом, так как его будущее связано с будущим других цивилизаций.

- Второй вопрос: будет ли ислам избавляться от своей традиционной старой цивилизации, как избавляются от старой одежды, по мере того, как он будет двигаться по пути индустриализации и использования современной техники?

Этот вопрос стоит не только перед исламом. Он означает следующее: сможет ли современная цивилизация, цивилизация машин, электроники, автоматизации, атома, вольно или невольно униформировать мир, заставить исчезнуть отдельные цивилизации?

Повсеместное внедрение технических достижений и бесчисленные последствия этого процесса безусловно способны разрушить и восстановить в иной форме многие структуры цивилизации. Но не все, поскольку сама по себе автоматизация не является *цивилизацией*. Утверждать это значит верить, что сегодняшняя Европа родилась заново в эпоху индустриальной революции, которая оказалась жестокой встряской для нашего континента. Впрочем, размышляя об европейских нациях, можно позволить себе усомниться в способности автоматизации объединить и унифицировать планету. Казалось бы, являясь составной частью общей христианской и гуманистической цивилизации Запада, будучи вовлеченными практически одновременно в процесс индустриализации, начавшийся более века тому назад, имеющие доступ к схожим научным и техническим достижениям, обладающие похожими общественными и государственными институтами, всеми социальными формами автоматизации, эти нации должны были бы уже давно утратить свои национальные особенности, которые позволяют говорить о французской, немецкой, английской, средиземноморской цивилизациях...

Но достаточно французу пересечь пролив Ла-Манш, англичанину ступить на континент, немцу приехать в Италию, чтобы они сами убедились в том, что индустриализация вовсе не означает унификации. Если техника не способна преодолеть региональные особенности, то как же она сможет разрушить такие могучие самобытные образования, как цивилизации, в основе которых лежат различные религии, философии, человеческие и моральные целостности?

Но не окажется ли проблема иной, если технические достижения, предлагаемые исламу, будут сопровождаться марксистской идеологией, чьи ценности противоположны традиционным ценностям ислама? Найти ответ на этот столь часто ставящийся вопрос непросто и вряд ли даже возможно. Нет уверенности, что такая постановка вопроса меняет его суть.

Осмелимся сказать следующее: сам по себе марксизм не является замещающей цивилизацией; он представляется социальной ориентацией, сознательно выбранным гуманизмом, рационалистическим объяснением. Если однажды он все-таки окажется выбором ислама, то это приведет к сосуществованию с ним мусульманской цивилизации, как в СССР сосуществоют русская цивилизация и марксизм, а в Китае — китайская цивилизация и марксизм. В этих странах он оказал влияние на национальные цивилизации, но не уничтожил их; впрочем, это и не являлось его программой.

Разумеется, И. Мубарак прав, когда говорит, что «исламу будет труднее сопротивляться марксистскому влиянию, чем христианству, по той причине, что он еще не делает различия между духовным началом (вечным) и временным. Духовному началу будет легче в условиях технической материализации коммунизированного мусульманского общества». Почему он прав? По той причине, что христианство повсюду или почти повсюду еще *до того*, как сказались последствия индустриальной революции, выдержало наступление рационалистической и светской научной мысли и сумело, хотя и не без трудностей, адаптироваться к новым условиям, смогло сохранить свое равновесие, отказавшись при этом от того, от чего было необходимо отказаться. Ислам оказался защищенным от воздействия на него техники, рационализма, марксизма.

Для ислама, религиозная жизнь которого руководит каждым поступком человека, техника (марксистская или нет) представляется огненным кругом, который нужно преодолеть одним прыжком, чтобы перестать быть слишком старой цивилизацией и омолодиться в огне событий настоящего времени. Выбор пути развития зависит как от самого ислама, так и от окружающего его мира, мира двойственного,

который раскачивается, подобно огромному маятнику, то в одну сторону, то в другую. Как и у всего Третьего мира, у ислама есть опасность пойти не туда, куда бы он хотел, а оказаться в сфере влияния более притягательного из двух существующих блоков.

Постскриптум 1966 г.

Одно лишь хронологическое перечисление всех событий, которые произошли в исламском мире с 1962 по 1965 г., заняло бы целый том. Повсюду, от стран Азиатского континента до Марокко, сохраняется определенная напряженность, причем топ задает окрашенный в социалистические тона национализм, выступающий в вопросах нефти и отношений с крупным капиталом против международного капитализма и берущий пример с Египта, чья политика в 1960—1961 гг. стала для остальных своеобразной моделью. Характерный пример — национализации в Ираке (14 июля 1964 г.) и враждебная западным нефтяным монополиям политика Сирии (2 января 1964 г.).

В последние годы большое внимание привлекают к себе события в Алжире, ставшем независимым после Эвианских соглашений (19 марта 1962 г.) с Францией и проведения 1 июля 1962 г. общенационального референдума по вопросу о самоопределении.

Начальный период независимости был отмечен разного рода выступлениями и беспорядками. Народная армия, которая во времена войны за независимость разбегалась в Марокко и Тунисе, на границах с Алжиром, сумела восстановить порядок. Бен Белла сформировал первое национальное правительство 15 сентября 1962 г. и в течение всего 1963 г. претворял в жизнь программу социальных реформ, так называемую «программу Триполи». Наиболее значительным событием стала национализация земель уехавших европейских колоннов, которые перешли в руки специальных *комитетов управления*. Тем самым правительство выразило намерение опереться на крестьянскую демократию, которая стала «острием его политики».

Вместе с тем стали очевидны бесчисленные трудности, вызванные массовой национализацией, отъездом европейцев, хронической нехваткой капиталов и технических кадров. Политическая нестабильность провоцировала дополнительные волнения, расколы, диссидентские движения, партизанщину и возобновление судебных процессов... В целом создавалось впечатление, что Бен Белла удалось справиться с этой сложной ситуацией (15 сентября 1963 г.

он был избран президентом Алжира, а в апреле 1964 г. стал Генеральным секретарем Фронта Национального Освобождения). Но наряду с этим усиливалась социальная и экономическая напряженность (экономическая депрессия, рост стоимости жизни, увеличение безработицы), что вызывало недовольство определенных кругов национальной буржуазии, рупором которых стал Ферхат Аббас... Понемногу, впрочем, между различными политическими силами начало устанавливаться равновесие, и Бен Белла, как казалось со стороны, укрепил свои лидирующие позиции в армии и партии. В сфере внешней политики приоритет отдавался отношениям с Францией, что объяснялось экономическими и культурными причинами, а также присутствием во Франции около полумиллиона алжирских рабочих, что способствовало снижению в стране уровня безработицы.

Алжир выступал в целом как нейтральная страна, что не исключало, впрочем, декларруемых политических, религиозных и социалистических предпочтений, имевших антиколониальную окраску. Доказательство тому отношение Алжира к событиям в Португалии и бывшем бельгийском Конго.

19 июня 1965 г. В то время, когда, казалось бы, Бен Белла сконцентрировал в своих руках весь аппарат власти и удалил с политической сцены других националистически настроенных руководителей (лидер восставших в 1964 г. кабилы Аит Ахмед 10 апреля был приговорен к смертной казни, но помилован), его правительство было свергнуто в результате государственного переворота. Девятнадцатого июня группа офицеров под предводительством начальника Генерального штаба арестовала Бен Беллу и других близких к нему политических деятелей. Полковник Бумедьен, бывший до того времени заместителем председателя правительства и министром обороны, захватил власть от имени Революционного совета, выступил с разоблачением «ныне нейтрализованного тирана», но признал вместе с тем, что «завоевания революции останутся незыблемыми».

4 июля. Публикация списка членов Революционного совета, включающего в себя главным образом военных руководителей прежней армии и лидеров партизан.

11 июля. Формирование нового правительства. Главным образом в его состав входили сторонники Бен Беллы.

14 июля. Подписание очень важного франко-алжирского договора о природных ресурсах, продолжавшего договоренности Эвиана (1962). Договор предусматривал новые условия деятельности нефте- и газодобывающих компаний, прежде всего в области налогообложения, и об-

говаривал рамки тесного сотрудничества между Францией и Алжиром в области разведки, добычи, переработки нефти и торговли ею; этот договор устанавливал совершенно новый тип отношений между слабо-развитой страной-производителем нефти и промышленно развитой страной, ее потребляющей. Договор предусматривал, кроме того, создание смешанного организма, на который возлагалась задача индустриализации Алжира за счет использования средств, поступающих от нефтедобывающих компаний. Этот договор был подписан в торжественной обстановке в столице Алжира 28 июля. Он открыл новую фазу в отношениях между двумя странами и послужил основой для выработки алжирским правительством его внешнеполитических позиций: в дальнейшем Алжир не упускал случая, чтобы высказаться в поддержку политики генерала де Голля.

Марокко

23 марта 1965 г. В Касабланке произошли выступления студенческой молодежи и безработных, которые были жестоко подавлены полицией силами министра внутренних дел генерала Уфкира. Двадцать восьмого марта 14 марокканцев, приговоренные за год до этого в смертной казни за подрывную деятельность, были казнены.

13 апреля. Хасан II объявил всеобщую амнистию и начал консультации со всеми партиями с целью создания коалиционного правительства. Однако переговоры закончились неудачей и король покончил с попытками создать в стране парламентский строй, начатый относительно свободными выборами 1963 г. Было объявлено чрезвычайное положение, деятельность парламента приостановлена, правление короля стало бесконтрольным.

29 октября. В Париже был похищен один из лидеров левой оппозиции Мехди Бен Барка, что вызвало кризис во франко-марокканских отношениях. Франция обвинила в организации похищения министра внутренних дел Марокко генерала Уфкира. Король взял его под свое покровительство, что серьезно пошатнуло двустороннее сотрудничество.

Объединенная Арабская Республика

24 августа 1965 г. Насер и король Саудовской Аравии заключили перемирие, что положило конец войне в Йемене, в которой египтяне поддерживали республиканцев, а саудовцы финансировали и вооружали монархистов. Большую роль в заключении этого договора

сыграли американцы. Американская дипломатия еще больше укрепила свои позиции в Каире после формирования здесь 1 октября, сразу же после возобновления американской продовольственной помощи Египту, нового правительства Закарии Мохаддеда. Тем не менее этот успех имел кратковременный характер, поскольку Насер отказался поддерживать американскую внешнюю политику. Поездка в Египет в 1966 г. советского премьера А.Н. Косыгина ознаменовала успешное возвращение советской дипломатии на Ближний Восток. Москва предоставила новые кредиты, предназначенные для продолжения строительства Ассуанской плотины, и увеличила помощь йеменским республиканцам. В Йемене вскоре возобновилась гражданская война.

Март 1966 г. Военный переворот в Сирии привел к власти левое крыло партии Баас, в результате в правительстве оказались один коммунист и два симпатизирующих компартии.

Июнь 1966 г. Внезапная смерть генерала Арафа, главы иракского правительства, стала причиной прихода к власти его брата, начальника Генерального штаба национальной армии. Под влиянием СССР он заключил договор, положивший, как кажется, конец курдскому восстанию на севере страны, длившемуся на протяжении многих лет. Одновременно Москва предоставила Ираку значительные кредиты для строительства плотины на реке Евфрат.

Часть вторая ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ

Глава 1. Прошлое

Черная Африка (возможно, лучше было бы говорить о ней во множественном числе) расположена между двумя океанами и двумя пустынями: огромная Сахара на севере и большая пустыня Калахари на юге; Атлантический океан на западе и Индийский океан на востоке. Это труднодоступные границы, тем более что равнинная Африка имеет плохие выходы к океанам: нет хороших портов, речная навигация затруднена из-за стремнин, водопадов, песчаных наносов в приливных устьях.

Но нельзя сказать, что эти препятствия непреодолимы. Воды Индийского океана с давних пор бороздили парусные суда, использующие муссонные ветры; Атлантика стала доступной с XV в., когда началась эпоха Великих географических открытий; Калахари лишь наполовину прикрывает выход к югу; что касается Сахары, то ее пересекали еще во времена античности. Появление одногорбых верблюдов в Северной Африке в первые века новой эры увеличило число транссахарских переходов — солевого пути. А позднее и ткани шли с севера; черные рабы и золотой песок — с юга.

В целом можно отметить, что Черная Африка недостаточно и поздно открылась внешнему миру. Тем не менее было бы ошибочным считать, что граница Черной Африки были совсем закрыты на протяжении многих веков. Только природа, являющаяся здесь императивом, не могла диктовать свои условия: свое слово сумела сказать и история.

Географические пространства

- Простое изучение границ, приграничных зон Черного континента, занимающих лишь часть Африки, доказывает, что географический детерминизм не имеет определяющего влияния.

/ На севере, северо-востоке и востоке Сахара представляет естественной границей черного мира.

Черная Африка, как об этом говорит заглавие отчета комиссии Общего рынка, является «Африкой, расположенной к югу от Сахары».

От Средиземноморского побережья и до суданского Сахеля Африка населена представителями белой расы. К этой белой Африке можно, безусловно, причислить и Эфиопию. В Эфиопии имеются белые этнические меньшинства, растворившиеся в смешанном населении, которое, однако, сильно отличается от настоящих мелано-африканцев. Более того, цивилизация этой страны, ее христианская религия (начиная с 350 г. н.э.), качество ее сельского хозяйства, в котором сочетаются скотоводство и пахотное земледелие, имеются зерновые посевы и виноградники, характеризуют Эфиопию как самобытный, отдельный мир, которому удалось противостоять сначала исламу, утвердившемуся в окружающих ее странах, а затем и европейским державам, которые стремились изолировать ее от Красного моря и Индийского океана.

Историки первобытного общества и этнографы думают даже, что в далеком прошлом Эфиопия была вторичным центром распространения пахотного земледелия и одомашнивания животных; первичным центром была Индия. Без Эфиопии скотоводство, эта неожиданная привилегия большого количества чернокожих крестьян, возделывающих землю мотыгой, вряд ли было бы возможно.

Нельзя ли в этой связи говорить о наличии в Восточной Африке обширной зоны, центром которой являлась бы Эфиопия и которая простиралась бы к северу до стран Нила (до шестого водопада), к востоку до сомалийских пустынь и к югу до Кении и даже дальше? Это промежуточная Африка (ни белая, ни черная, но как бы и та и другая одновременно), имеющая, подобно белой Африке, свою письменность (а следовательно, историю) и цивилизацию, связанную с крупными центрами распространения культуры на Севере и находящуюся под воздействием Азии, Средиземноморья и Европы. Заметим также, что Сахара продолжается к востоку от Эфиопии, захватывая Эритрею и Сомали, представляя собой большую безводную и опустошенную зону, которая отмечает границу Черного континента.

2. Кюгу исторически события и становление еще долго будут оставаться таковыми: экспансия Черной Африки: в XVIII в. голландцы, стремясь организовать заход в порт кораблей на пути в Индию, поселились на южной оконечности континента, в ту пору в практически незаселенной местности. В 1815 г. англичане также овладели этой стратегической позицией: вскоре голландские поселенцы, буры (крестьяне), иммигрировали на север и достигли зеленых плоскогорий Вельда, начав там успешно заниматься разведением скота.

Таким образом, белая Африка постепенно заняла юг континента, как до того она заняла его северную часть. Здесь она процветает благодаря золоту и алмазным копам, развитой промышленности. Она загнивает

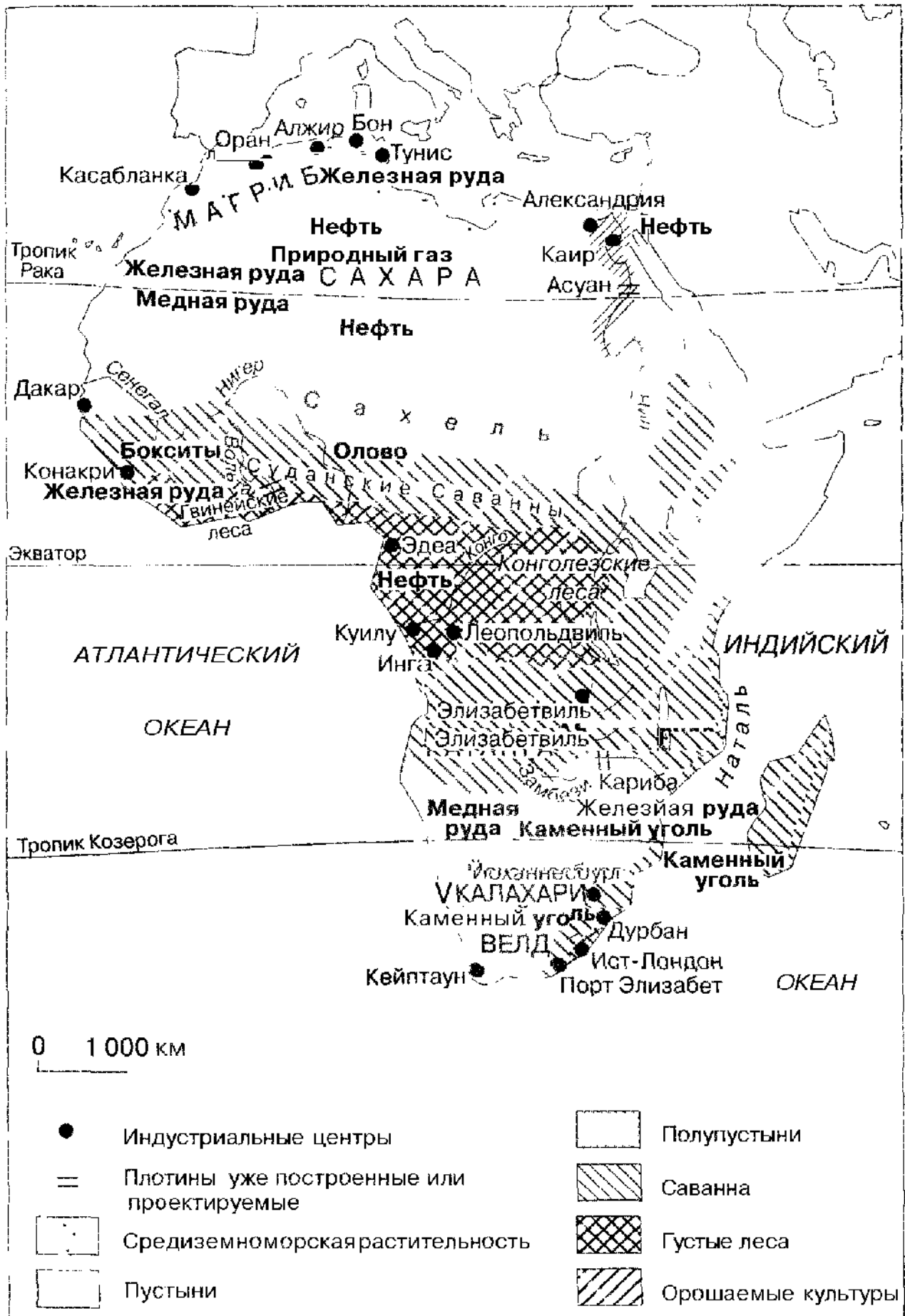
себя от наступления Черной Африки (3 миллиона белого населения, 10 — черного и 1,5 — смешанного). Южно-Африканский союз проводит политику апартеида, т.е. сегрегации цветного населения, которая вынудила ее порвать связи с Британским Сообществом (1960). Что представляет собой эта драма: исторический эпизод или окончательный разрыв? Но апартеид не остановит, не может остановить колесо истории.

3. *Последнее, на сей раз историческое исключение: обширный остров Мадагаскар необходимо поместить за пределами Черного континента.* Известно, что его население состоит из двух частей: чернокожих представителей племени банту, пришедших из соседнего континента, и представителей малайских племен, пришедших с востока. Хотя они смешивались, но запад острова населен в основном представителями банту, а восток — малайцами. Согласно исследованиям, большинство населения смешанное. В этом этническом смешении индонезийцы и африканцы представлены в пропорции 1 : 2, т.е. африканский элемент доминирует.

Но здесь этническому разнообразию противостоит единство культуры, в которой превалирует индонезийский элемент. Малагасийский язык — это язык индонезийский, равно как сельскохозяйственная техника и ремесла: «расчистка земли под напашку огнем, заступ с длинной рукояткой, затопляемые рисовые поля, культуры таро и ямса, банановые деревья, разведение собак, черных свиней, птицеводство... охота на Капалотов, ловля черепах, пироги, охота с копьем, с сарбаканом, с пращей; плетение корзин и циновок, плетеная мебель...» Очевидно, что мореплаватели пришли сюда с Севера, а не прямой дорогой. Доказательством этого утверждения (впрочем, достаточно хрупким) может служить тот факт, что такие острова, как Маскаренские, как о. Реюньон, о. Маврикий и о. Родригес, оставались незаселенными до XVII в., что было бы невозможно при наличии прямых морских путей между Мадагаскаром и Индо-Малайской областью.

Таким образом, судьба острова оказалась связанной с историей и цивилизацией *Индийского океана*, которые и предопределили оторванность Мадагаскара от африканского континента. Но сегодня молодая Малагасийская республика в полной мере ощущает на себе близость Африки.

География превалирует над историей в понимании мира Черной Африки. Географические рамки оказываются более представительными, хотя нельзя учитывать только их.

Африка: физическая география

Климат объясняет чередование больших зон лесов и саванн, что предопределяет различия в жизненном укладе.

К западу экваториальные дожди способствуют образованию девственных лесов, схожих с индонезийскими или амазонскими лесами, расположенными в тех же широтах.

Это «лес-губка, заполненный водой, с гигантскими деревьями, буйно растущим подлеском, в котором царят тишина и полумрак и который очень трудно проредить; это враждебная человеку среда, в которой затруднено даже движение, и потому перевозки возможны только по рекам; это район, где существование непрочное, где человек изолирован и живет только за счет охоты и рыбной ловли». Это закрытая зона, где выживают только пигмеи, оставшиеся от тех первобытных племен, которые некогда населяли Африку.

Этот тропический лес тянется к северу от экватора, а не к югу, доходя до северной оконечности Гвинейского залива от Либерии до Камеруна. Срединная линия, отмеченная на нашей карте, с ее редколесными саваннами и плантациями пальмовых деревьев, соответствует южной Дагомсе. К востоку экваториальный лес прерывается в котловине Конго, у границ высоких рельефов Восточной Африки.

Вокруг огромного экваториального леса концентрическими кругами расположены более сухие тропические леса, редколесные саванны (высокие травы, группы деревьев), леса вдоль водоемов, голые саванны и, наконец, степи.

С точки зрения среды обитания человека, выделяются две зоны, для которых характерны чередующиеся периоды дождей и засухи: одна зона скотоводческая, в другой скотоводство невозможно из-за мухи Цеце.

В скотоводческих районах, наиболее оживленных во всей Черной Африке, земля возделывается мотыгой; животные не используются как тяловые. Выращиваемые культуры: просо, сорго, ямс, кукуруза, рис, а также (прежде всего для экспорта) хлопок, арахис, какао, пальмовое масло — являются одним из богатств Нигерии.

Из этого следует, что существует большое различие между двумя типами крестьянских хозяйств: с домашними животными и без них. *Расположенная к северу и востоку, т.е. внешняя, скотоводческая зона, более богатая, более стабильная, более открытая для остального мира, всегда была ареной исторических событий.*

На разделение пространства по географическому признаку накладывается разделение его на этнические зоны. Мелано-африканцы (они не принадлежат одной расе), подразделяются на четыре группы:

пигмеев, этот реликт первобытных времен, которые остаются в диком состоянии (их язык едва артикулирован); населяющие окраины пустыни Калахари архаичные племена готтентотов и бушменов; суданские народности от Дакара до Эфиопии; банту от Эфиопии до Южной Африки.

Наиболее крупными народностями являются две большие группы — это суданцы и банту; те и другие объединяют прежде всего языковые и культурные узлы. Банту, вышедшие из региона африканских Великих озер, теснее сплочены между собой, чем суданцы. Но между теми и другими существуют многочисленные глубокие отличия, вызванные либо историческими причинами, либо региональными особенностями. Говоря о суданцах, нужно также учитывать их смешение с исламо-семитскими народами, а также проникновение к ним мавров, исламизированных берберов, пастухов, которые понемногу здесь оседали.

Подробная этническая карта Черной Африки трудна для усвоения, если отсутствует опыт пребывания на местности. На этой карте видны постоянные конфликты, движения, миграции, отступление одних и наступление других. Отсюда смешение населения и трения между племенами, что можно увидеть на всем Черном континенте: расселение людей происходило волнами, которые то откатывались, то пакатывались снова. И сегодня здесь нет стабильности. Было бы очень интересно подробнее узнать обо всех этих миграционных потоках, об их хронологии, направлении их движения, скорости перемещения. Опытный исследователь мог бы в этом помочь, поскольку нередко «деревенские жители осведомлены о том, откуда пришли основатели их поселений».

Можно сказать, что в наибольшей мере противоречие между этническими группами наблюдается на пространстве, заключенном между 12 и 15 градусами северной широты, в зоне расселения суданской народности. Наиболее типичный пример — это вытесненные со своих территорий палеонегритяские племена (вероятнее всего, именно эти народности являются наиболее древними, за исключением пигмеев). Это либо примитивные народности, живущие за счет охоты и собирательства, либо очень бедные крестьяне, обрабатывающие землю в горной и потому легко защищаемой местности: благодаря интенсивному огородничеству им удается поддерживать плотность населения из расчета 50 человек на квадратный километр и даже больше. Таковы догоны, наиболее северные и оседлые из всех остальных «толых народностей» Африки: «Кониаги и бассари в Гвинее, бобо и логи в Береге Слоновой Кости, нанкансе в современной Гапе, кабре и сомба в Того и Дагомее, фаби и апгу в Нигерии».

Речь всегда идет о небольших этнических группах, едва заметных на карте.

На больших пространствах между массивом экваториальных лесов и Сахарой живут также такие народности, как тукулер, мандинго, бамбара, хауса, йоруба и ибo. Два последних обитают в Нигерии, самой богатой и наиболее населенной стране Черной Африки.

У них свои верования, свой уклад жизни, свои социальные структуры, свои культурные традиции. Именно это разнообразие вызывает такой интерес к Африке, где испытания населения постоянно меняются и в силу этого трудно себе представить будущее всего ее населения. «Часто так случается, что зоны расселения местного населения, сопротивляющегося всякому влиянию извне, соседствуют с высокоразвитыми метрополиями».

Короче говоря, различия в цвете кожи — от наиболее темного у суланцев до желтого, скорее светлого цвета у готтентотов и бушменов — являются не более чем антропологическими, физиологическими признаками, тогда как основные отличия — это люди, общества, культуры.

- Этот континент страдал и продолжает страдать от скудости средств существования, от их общего недостатка.

Затруднительно перечислить все, чего человеку здесь не хватает, показать, как в разные исторические периоды одного не хватало меньше, другого больше. Мы уже упоминали такой серьезный негативный фактор, как недостаток открытости Черного континента внешнему миру — именно от него во многом зависят отношения между цивилизациями. Относительная закрытость континента образовала те пустоты, которые так и не удалось заполнить до прихода сюда европейцев и образования крупных колоний. Среди этих «пустот» упомянем отсутствие колеса, сохи, выючных животных, письменности (исключение составляет Эфиопия, но она не является собственно составной частью Черной Африки, а также рано испытавшие на себе влияние ислама страны восточного побережья и Судан, по и в этом случае письменность пришла извне).

Уже сами по себе эти примеры доказывают, что влияние внешнего мира на огромную территорию к югу от Сахары оказывалось sporadическим, не было постоянным.

Это можно проследить при рассмотрении такой спорной и так до конца и не проясненной проблемы, как влияние Египта эпохи фараонов на страны Черного континента. Стекланные бусы были найдены

в Габоне, статуэтка Озириса на юго-востоке бывшего Бельгийского Конго, еще одна — к югу от Замбези: несмотря на свою малочисленность, эти хрупкие доказательства позволяют говорить о наличии между ними некоторых, пусть слабых связей в области искусства и способов изготовления предметов искусства.

Что касается заимствований культурных растений, некоторых дальневосточных сортов риса, кукурузы, сахарного тростника, маниоки, то все они были сделаны в более позднее время. По всей видимости, они не были известны на Черном континенте в древности.

Среди других естественных недостатков упомянем следующие: тонкий слой красноцветных железистых или глиноземных элювиальных образований — латеритов (плодородной почвы), хотя не только в этом дело; обусловленная климатическими особенностями кратковременность периода, пригодного для сельхозработ; регулярная нехватка мясной пищи у основной массы населения.

У большинства африканских племен мясная пища встречается только по большим праздникам. Например, козы и овцы, разводимые кенийскими крестьянами из племени кикуйю, предназначаются для жертвоприношений и официальных церемоний. Их соседи, кочевые племена масаи, живут за счет своих стад, но животные представляются им слишком ценными, чтобы они их убивали. Мясо, которое дает силу и обеспечивает мужественность, встречается повсюду редко, оно является предметом зависти, что хорошо выражено в охотничьей песне пигмеев:

.. В лесу, через который можешь пройти только ты,
Скользи, беги, прыгай, будь смелым, охотник
Перед тобой мясо, огромный кусок радующего взор мяса,
Мяса размером с гору,
Мяса, согревающего душу,
Мяса, которое ты поджаришь в своем очаге,
Мяса, которое ты будешь рвать зубами,
Прекрасного красного мяса с дымящейся кровью.

Вместе с тем не нужно перебарщивать с негативными факторами. Далекое прошлое Черной Африки говорит о том, что и она знавала времена прогресса, сопоставимого с тем, что отмечалось в древней Европе. Очевидные достижения отмечались в области искусства, которые было бы неправильно ограничивать прекрасными изделиями из бронзы и слоновой кости Бенина (XI—XV вв.) или прекрасными тканями, изготовленными из различных растительных волокон.

Наконец, и это главное, в Африке очень рано появилась металлургия. Железо известно с 3000 г. до н.э., а не пришло сюда вместе с португальцами. Столь же давно появилось и железное оружие. Способы выплавки металлов были усовершенствованы родезийцами еще в Средние века. Оловянные изделия были известны в Верхней Нигерии вероятно еще 2000 лет тому назад. Немаловажная деталь: часто говорят о существовании в черных обществах мощной и внушающей опасения касты кузнецов, что связано с очень древними традициями.

Сквозь прошлое Черного континента

Давнее прошлое Черной Африки известно мало, как, впрочем, и прошлое других народов, которые не знали письменности. Их история приходит к нам через устную традицию, благодаря раскопкам археологов или рассказам случайных путешественников.

Однако и в этом смутном прошлом можно выделить три ряда фактов:

- а) возникновение городов, царств, империй, где перемещивались разные цивилизации и смешивалась кровь разных народов;
- б) работорговля, известная издавна и принимающая дьявольские масштабы начиная с XVI в., с эпохи освоения американского континента, чего Европа своими силами сделать не могла;
- в) внезапный приход на континент европейских держав, которые на Берлинской конференции (завершающий акт: 1885 г.) закончили на карте раздел Африки: колонизация оказалась завершена, хотя сам континент был еще наполовину не известен.

- В Черной Африке ход истории благоприятствовал возникновению высших политических и культурных форм только там, где имелись необходимые для этого сельскохозяйственные и скотоводческие ресурсы, с одной стороны; с другой — там, где был налажен контакт с внешним миром, т.е. либо по границам Сахары, либо на побережье Индийского океана. Именно здесь располагались бывшие империи и процветающие города.

Таким образом, выделяется та часть Африки, прошлое которой относительно известно, с ее общественными и культурными формациями, организованными в государства; она как бы противопоставлена «промежуточной» Африке, история которой от нас ускользает. По поводу обитателей Атлантического побережья Сахары один из порту-

гальских путешественников XV в. с презрением говорил: «У них даже нет королей». Это значит, что была Африка с королями, которая осталась в истории, и другая Африка, без королей, канувшая в Лету.

Черная Африка развивалась вдоль двух из трех своих обширных границ, тех, которые обеспечивали ей контакты с исламом. Эти контакты не всегда были мирными и приятными. Зачастую имела место колонизация, но именно через нее Черная Африка открылась внешнему миру.

Первые проблески освещают восточный берег Африки. Еще за несколько веков до наступления христианской эры Африка поддерживала отношения с Аравией и полуостровом Индостан. Однако регулярные отношения между Аравией и Персией, с одной стороны, и Африкой — с другой, установились в эпоху первых арабских завоеваний в VII в. С 648 г. начинают возникать первые торговые центры: Могадишо, Софала, Мелинда, Момбаса, Брава, Занзибар. Занзибар был основан в 739 г. арабами на юге полуострова, а Килиа — в X в. жителями Шираза в Персии.

Эти города довольно активно торговали рабами, слоновой костью и золотом; много этого драгоценного металла оказалось на территории, примыкающей к Софале, о чем свидетельствуют такие арабские истории и путешественники, как Масуди (916) и Ибн аль Варди (975). Золотые прииски и шахты находились, по всей видимости, на плато Матабеле между Замбези и Лимпопо и в пыльном Трансваале, хотя последнее утверждение спорно. Речь идет о золотом песке и самородках. Золотого морем направлялось в Индию, откуда шли железо и хлопчатобумажные ткани.

Основными жителями этих городов были африканцы с небольшими арабскими или персидскими колониями; основная торговля шла не с Аравией, а с Индией. Наибольший вес эти города приобрели в XV в., но даже в этот период их экономика оставалась пре-монетарной (бартер); во всяком случае в той ее части, которая касалась торговых оборотов с Африканскими континентами. В отдельных случаях она способствовала возникновению здесь политических образований, таких как королевство Мономотапа в Южной Родезии (Монене Мотапо означает «властитель копий»); это королевство, в большой степени знаменитое, чем действительно известное, было разрушено в XVII в. властителем (Мамбо) Ровзи.

Можно ли утверждать, что приход португальцев в район Индийского океана (после путешествия Васко де Гама в 1498 г.) нанес смертельный удар торговым городам, расположенным на южно-африканском побережье? Сегодня полагают, что нет. Данная смешан-

пая полу-арабская, полу-африканская цивилизация продолжала распространяться внутрь континента, территории которого эти прибрежные города не стремились завоевать. Руины на побережье Кении и Танзании, которые еще недавно датировали Средними веками, относятся, как кажется, к XVII, XVIII и даже XIX вв. Упомянем одну деталь, которая характеризует все эти города: использование повсюду китайского фарфора сине-белого цвета.

Империи излучины Нигера относят нас к другой культурной границе с исламом, оказавшейся бурной и плодотворной.

Как мы уже говорили, контакты с Сахарским регионом расширились в начале новой эры после прихода в Северную Африку и пустыню дромадеров. Распирение торговли золотом и рабами, увеличение числа торговых караванов привели к тому, что Белая Африка начала наступление на Черную Африку (на внутренние районы Судана).

Первая из этих империй — Гана возникла, по всей вероятности, в 800 г. (в эпоху Карла Великого). Ее столица, также Гана, богатства которой вошли в пословицы, находилась в Кумби-Сале, в 340 км к северу от Бомако, на границе с Сахарой. Возможно, что ее основателями были белые поселенцы, пришедшие с Севера. Однако очень быстро она стала владением черного населения, которое принадлежало к народности сохинке, отвлечению народов манде (группа народностей мандинго). Атакованный мусульманами, город был взят приступом и разрушен в 1077 г.

Но поскольку торговля золотом сохранилась (из золотоносных районов Сенегала, Бенуэ и Верхнего Нигера), то возникла новая империя, на этот раз смещенная к востоку (территории мандинго) и оказавшаяся под влиянием исламской религии. Это была *империя Мали*, которая охватила всю излучину Нигера. В царствование Капкана Мусы (1307—1332), который осуществил хадж в Мекку, на берега Нигера пришли многочисленные торговцы и образованные люди. Томбукту стал столицей, куда регулярно приходили кочевники туареги. Позднее они захватили город и способствовали развалу империи.

Новое перемещение к востоку благоприятствовало процветанию империи Сонгаи со столицами Гао и Томбукту. Создание империи связано с именем Сонни Али (1464—1492), который оказался наиболее сильной личностью. Сам он не был ортодоксальным мусульманином, но свержение его преемника узурпатором Мохаммедом Аскиа означало окончательную победу ислама в новой империи.

После этого славные времена нигерийских империй закончились: по открытому португальцами морскому пути золота из стран Черной

Африки направилось к атлантическому побережью, что значительно ослабило незаконную сахарскую торговлю золотом, хотя окончательно ее и не уничтожило. Экономический упадок способствовал завоеванию Томбукту и падению империи Сонгаи в 1591 г. в результате наступления марокканцев, под предводительством вероотступников испанского происхождения. Именно их успехам султан Марокко Мулай Ахмед обязан своими прозвищами аль-Мансур (Победитель) и аль-Дехби (Позолоченный). По для самих завоевателей поход оказался полным разочарованием, так как они полагали, что завладели странами, богатыми золотом. Владычество султана над этими бедными странами в силу их удаленности было номинальным: с 1612 по 1750 г. здесь сменилось 120 наместников, каждый раз оказывавшихся игрушкой в руках солдат-мавров, которые избирали наместников и, при необходимости, избавлялись от них.

В XVIII в. власть в Нигере делили между собой кочевники и народности бамбара из Сегу и Каарны. Так ушла в прошлое эпоха великих империй, которые были обязаны своим существованием только богатой транссахарской торговле золотом. Свертывание этой торговли означало гибель империй.

Существование таких крупных государств не должно вызывать иллюзий: они были исключениями. Типичное для Черной Африки государство редко достигало таких масштабов. Так государство *Бенин, расцвет которого относится к XI—XV вв.*, было сравнительно небольшим. Оно по сути представляло собой лишь беспорядочное вторжение человека в густой массив экваториального леса, занимающего территорию между побережьем Гвинейского залива и внутренними плоскогорьями. Это государство располагалось на территории племени йоруба от дельты Нигера до нынешнего Лагоса, в регионе, который очень рано подвергся урбанизации.

Известность Бенина превосходит его размеры. Его преимущество, имевшее, впрочем, свои отрицательные стороны, состояло в том, что это государство довольно рано установило контакт сначала с торговцами и художниками из Каира, а позднее с португальцами. Его преимуществом стало и то, что через эти связи Бенин превратился в художественный центр, где изготовлялись скульптуры из слоновой кости и изделия из бронзы. Судя по всему, объяснение этому удивительному успеху нужно искать не в набившей оскомину истории властителей Бенина, а, следуя пояснениям африканиста Поля Мерсье, в плотности населения страны йоруба в целом, и самого Бенина, в частности, в его городской структуре, в климатических условиях (близость Гвинейского залива), которые обеспечивали два периода дождей (двойной пере-

ход солнца через зенит), а следовательно, два сбора урожая в год вместо одного.

- Работоторговля: нет сомнения, что основным фактором развития в XV в. и еще больше в XVI в. здесь была именно торговля черными рабами, которая, несмотря на официальные запреты, продолжалась в Северной Атлантике вплоть до 1866 г., а в Южной Атлантике и дольше и, которая сохранялась вплоть до XX в. в направлении к востоку, к Красному морю.

Торговля черными рабами не была дьявольским изобретением Европы. Первенство в этом принадлежит исламу, который через свои контакты с Черной Африкой (со странами, расположенными между Нигером и Дарфуrom) и через свои торговые центры в Восточной Африке впервые наладил *широкомасштабную* работоторговлю, причины которой были теми же, что позднее и у Европы: нехватка людей для тяжелой работы. Торговля людьми была также распространена у примитивных народов. Ислам, хотя и был цивилизацией, широко использующей рабский труд, сам не выдумал ни рабства, ни торговли рабами.

Мы располагаем многочисленными подлинными документами, в которых речь идет о работоторговле (в торговых архивах Европы, в архивах Нового Света); из них мы можем узнать статистические данные и цены. Эта зафиксированная история не является приятной и тем более полной, но она позволяет оценить масштабы торговли людьми.

В XVI в., согласно ежегодным данным, в Америку направлялось от 1 до 2 тыс. человек; в XVIII в. число рабов на этом же направлении колебалось от 10 до 20 тыс. человек ежегодно; в XIX в. число ежегодно отправляемых на американский континент рабов достигало максимальной величины — примерно до 50 тыс. в последние годы разрешенной работоторговли. Эти цифры приблизительны, как, впрочем, всякие *глобальные* подсчеты количества чернокожих, отправляемых в Новый Свет. В наибольшей степени достойны доверия подсчеты, сделанные П. Рипшопом — около 14 миллионов, что превышает данные, приведенные Моро де Жонесом (12 миллионов) в 1842 г. и меньше цифр, полученных демографом Карлом Саундерсом (примерно 20 миллионов), которые нам кажутся завышенными. Он исходил из средней величины 60 тыс. рабов в год на протяжении трех с половиной веков (с 1500 до 1850 г.). Такое количество, кажется, не соответствует тогдашним возможностям транспортировки.

Но при этом надо иметь в виду, что эти расчеты учитывают либо количество отправляемых из Африки, либо прибывших в Новый

Свет. Не учитываются значительные людские потери во время шествия и особенно во время перевозки, а ведь условия морских перевозок были особенно тяжелыми. Исходя из этого, можно полагать, что *одна только европейская работорговля касалась количества людей*, которое намного превышало вышеприведенные цифры. Работорговля означала огромный подрыв людского потенциала Черного континента.

Истощение людских ресурсов было тем более катастрофическим, что параллельно европейской работорговле продолжала процветать торговля рабами для нужд исламских стран, которая не только не уменьшилась после прихода европейцев, но даже увеличилась с конца XVIII в. Так, в Каире были замечены караваны рабов, которые *за один раз* доставляли от 18 до 20 тыс. рабов. В 1830 г. один только султан Занзибара получал пошлину за 37 тыс. рабов ежегодно; в 1872 г. в Аравию из Суакима* направлялось ежегодно от 10 до 20 тыс. рабов. На первый взгляд, исламская работорговля затрагивала гораздо большие массы людей, чем европейская, масштабы которой были ограничены продолжительностью морских путешествий по Атлантике, относительно небольшими размерами судов, а затем и многократно декларируемым на протяжении XIX в. введением законодательства, запрещающего работорговлю; этот последний факт доказывает, что торговля рабами продолжалась несмотря на запреты, но здесь вступали в силу опасности любой контрабандной торговли.

Английский путешественник Верни Ловетт Камерон (1877) подсчитал, что ежегодно в страны ислама, в северном и восточном направлениях, отправлялось 500 тыс. рабов, из чего и заключил: «Африка кровотоцит из всех своих пор». С этой огромной цифрой можно согласиться только после проверки, но объемы работорговли были безусловно огромными, что вызывало ужасные демографические потери.

Закономерно встает вопрос: был ли этот катастрофический урон компенсирован самим чернокожим населением, его демографическим приростом?

К 1500 г., согласно подсчетам историков, население Африки насчитывало от 25 до 35 миллионов жителей, включая и обитателей Белой Африки. К 1850 г. на континенте насчитывалось по меньшей мере 100 миллионов человек. Можно утверждать, что, несмотря на ущерб от работорговли, демографический рост был. Именно *увеличение народонаселения* позволило континенту пережить чудовищную

* Суаким — порт на Красном море — *Примеч. ред.*

работоторговлю. Это объясняет ее продолжительность. Но разумеется, это не более чем гипотеза.

Тем не менее признаем, что европейская работоторговля прекратилась только тогда, когда у Америки исчезла потребность в людской силе. Европейские эмигранты пришли на смену черным рабам; т.е. в первой половине XIX в. в Северной Америке и во второй его половине в Южной.

Так же верно и то, что европейцы всегда выражали свое возмущение рабовладением. Это не было только формальным проявлением чувств, поскольку привело, в конечном счете, к освобождению черных рабов и к уничтожению рабства.

Не утверждая, что работоторговля с Америкой была более человечной или менее бесчеловечной, чем работоторговля со странами ислама, отметим важный для сегодняшнего мира факт: в Америке и по сей день существуют этнические сообщества африканцев. Их можно встретить как на севере, так и на юге Америки, тогда как ни в Азии, ни в исламских государствах их сегодня не существует.

- Речь идет не о том, чтобы обвинять и тем более оправдывать здесь европейскую колонизацию Африки, но лишь о том, чтобы констатировать следующий факт: эта колонизация имеет свой актив и пассив в культурной области, как это всегда бывает с явлениями, вызванными столкновением цивилизаций.

Признать, что это столкновение было решающим и в конечном счете, даже благотворным для развития социальных, экономических и культурных структур колонизированных чернокожих народов, вовсе не означает встать на защиту самой колонизации, ее несправедливости, ужасов и даже присущего ей бесспорного комизма (покупка больших территорий за несколько рулонов ткани или небольшого количества алкоголя). Последняя и наиболее значительная волна европейской экспансии началась после завершения Берлинского конгресса (1885). И хотя эта занозадавшая опека длилась недолго (менее одного века), встреча цивилизации проходила быстрыми темпами, тем более, что Европа и мировая экономика находились на подъеме.

Мир Черной Африки столкнулся со зрелым, требовательным, располагающим современными средствами коммуникаций индустриальным обществом. Этот мир оказался — в большей мере, чем еще вчера предполагали этнографы, — восприимчивым к современным достижениям, к предметам и формам, которые ему предлагал Запад, и в осо-

бенности способным *приспособить* их к себе, наполнить их новым смыслом, связать их, насколько это было возможно, с императивами собственной *традиционной культуры*.

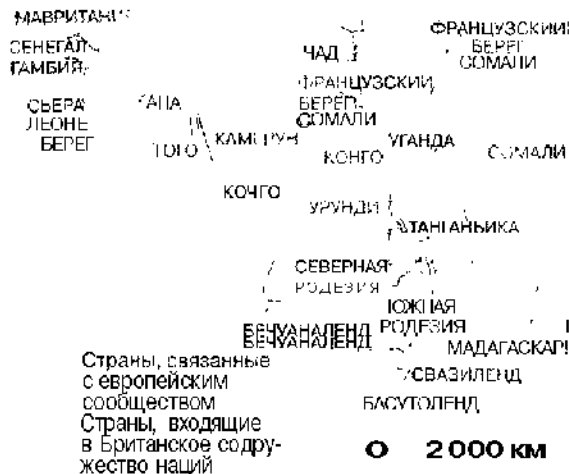
Даже в Южной Африке, где народ банту подвергся большому *окультуриванию*, чему способствовали ускоренные индустриализация и урбанизация региона, даже здесь развитый африканец, живущий на западный манер, остается и намерен дальше оставаться связанным с унаследованными им табу в таких областях, как брак, семья, роль братьев, старшего или младшего сына. Приведем только один пример. выкуп отцу невесты исчисляется в денежном выражении, но выплачивается головами скота, как это было некогда принято

Говоря об определенном активе колонизации, мы не имеем в виду чисто материальные блага, подобные автомобильным и железным дорогам, портам, плотинам, открытым горным карьерам и шахтам, которые были построены колонизаторами в корыстных целях. Это наследство, каким бы оно ни казалось иногда важным, имело бы мало пользы и быстро разрушилось, если бы наследники в ходе колонизации не выучились бы рационально пользоваться им. Образование, определенный уровень освоения техники, гигиена, медицина,

Африка и ее многообразие

С целью преодоления национальных различий, устанавливаются все еще хрупкие связи между отдельными группами государств

Африка и западное влияние

Наряду с «франкоязычной Африкой» на континенте формируется «англоязычная Африка», более обширная по территории. Культурным связям соответствуют экономические связи.

государственная администрация — вот то наследие колониальных времен, позитивный ответ на те разрушения, которые контакты с европейцами принесли в древние племенные, семейные, социальные традиции, служившие основой бывшей организации и культуры. К этому нужно прибавить последствия внедрения системы наемного труда, монетарной экономики, письменности, частной собственности на землю. Это все удары, нанесенные по старому укладу жизни. Но разве эти удары не являются необходимыми для нынешнего развития?

- К негативным аспектам колонизации нужно отнести разделение Африки на французскую, английскую, немецкую, бельгийскую или португальскую территории, последствия которого мы видим сегодня в наличии большого числа независимых государств, в «балканизации» Африки, как говорят некоторые.

Служно ли рассматривать осуществленный некогда раздел (иногда искусственный, иногда географически объяснимый, но редко вызванный культурными соображениями) как неизбежное зло? Можно

задаваться вопросом: не помешает ли этот раздел мечте об африканском единстве, об африканском Общем рынке. Но нет уверенности в том, что Африка окажется достаточно зрелой не только для политического, но даже культурного единства. Раздробленность Африки объясняется не только наличием старых колониальных административных границ. Она кроется в межэтнических противоречиях, в противоборстве религий и даже языков. Основной упрек, который можно сегодня сделать принципу существующего государственного деления, состоит, безусловно, в том, что границы не учитывают культурных различий. Но было ли возможно это сделать более ста лет тому назад?

Вот еще более серьезный упрек: желая предоставить народам Черной Африки полезное орудие общения в виде международного современного языка, колонизация сыграла с ними дурную шутку, предоставив сразу два: английский и французский. Существует опасность, что все, что связано с языком в области образования и мышления, будет разделять Африку на франкоговорящую и англоговорящую и будет мешать ей объединиться. Маловероятно, что один язык займет господствующее положение по отношению к другому, что численного превосходства англоговорящих африканцев окажется достаточным, чтобы ослабить влияние франкоговорящей Африки. Последняя в культурном отношении остается сильнее, поскольку в зоне французского языка, существовавшая в ту пору система образования позволила сформировать крепкие политические и административные кадры, способные двигать свои страны к успеху.

Остается только сожалеть, что в деле *африканского единства* наличие языкового барьера усугубит уже существующий в силу географических и исторических причин раздел континента.

Глава 2. Черная Африка: сегодня и завтра

Африка — очень подходящий объект для изучения цивилизаций. Учитывая пезависимость, которую большинство ее государств получило в последние годы, учитывая осознание ее населением своей принадлежности к черной расе (идеология «негритол») может рассматриваться как «зарождающийся гуманизм», подразумевающий понимание собственных ценностей и возможностей); учитывая поиски ею собственных исторических корней и путей развития, можно сказать, что Черная Африка имеет то преимущество, что предстает перед нами как особый культурный мир в стадии становления. Она представляет напему вниманию все формы, как наиболее архаичные, так и самые передовые урбанистические, и все стадии своего *окультуривания*.

Пробуждение Африки

Все африканисты сходятся в одном: нужно доверять чрезвычайной гибкости характера чернокожего африканца, его огромным возможностям адаптации, ассимиляции, терпения. Эти возможности понадобятся ему для того, чтобы пройти в одиночку тот огромный нуть, который требуется для перехода от самого рудиментарного хозяйствования к современной экономике, от жизненного уклада, стесненного традициями прошлого, к современным преобразованиям; от общества с племенной организацией до установления общенациональной дисциплины, необходимой для модернизации и индустриализации. Все нужно создавать заново, даже менталитет.

Не будем при этом забывать, что Черная Африка вступает на нуть преобразований, будучи раздробленной, ослабленной и выбирая нуть развития, которые меняются в зависимости от региональных и демографических условий.

1. Прежде всего Африка остается во многих своих районах континентом недостаточно населенным, лишенным избыточной рабочей силы, что усложняет и одновременно вдохновляет другие слаборазвитые страны. Среди этих последних она занимает сегодня последнее место, что позволяет надеяться на прогресс, но требует также большего времени для развития.

2. Древние культуры различны, тем более что ее традиционная цивилизация, которой свойственны разные верования и уклады,

одновременно элементарные и живучие, впитала в себя привнесенные извне религиозные влияния: прежде всего, это ислам с его интеллектуальным и социальным престижем, с его кораническими, часто слабыми школами; ислам который вынужден был пойти на огромные уступки примитивным верованиям (он как бы проходит сквозь них, не исключая их окончательно); это христианство, которое утвердилось там, где торговые обмены были наиболее частыми, и также наложилось на древние верования и обычаи.

3. Прибавьте к этим различиям различия экономического характера, явное противостояние между открытыми и закрытыми внешне-му влиянию регионами, между городами и сельской местностью.

Политики и интеллектуалы Черной Африки смотрят на эту неоднородную массу, которую они направляют по ускоренному пути в будущее, с мужеством и трезвостью.

На наш взгляд, именно эта нацеленность в будущее оказывается важнее, чем политика и выражение своего мнения по отношению к остальному миру или внутренним проблемам континента, чем возможное единение государств или их противоборство, что выявилось на конференциях в Касабланке (январь 1961 г.), в Мопровии (май 1961 г.), в Лагосе (февраль 1962 г.).

Конечно, нельзя не учитывать политического фактора, но политика лишь орудие. Она изменчива, колеблется в зависимости от конъюнктуры, и не может управлять исторической судьбой.

- Препятствие в виде примитивных культур и верований: отягощенное традициями прошлое тормозит прорыв в будущее и усложняет необходимые адаптационные процессы.

Большинство населения Черной Африки (особенно в сельской местности, которая преобладает) сковано примитивными культурами и верованиями, *на которых зиждется весь социальный порядок.*

Традиционная религия принимает различные формы в зависимости от регионов и этнических групп. Она является анимистической по своей природе и основана на вере в духов, которые населяют не только все живые существа (и продолжают существовать после их смерти), но и неодушевленные предметы (фетишизм). Другая константа: почти повсюду распространен культ предков. Предводители племен или легендарные герои почитаются вначале в качестве предков, но затем смеиваются с высшими богами, к которым добавляется часто Великий Бог Неба, Земли или Творения. Духи предков или африканские

боги не только являются живым, но и могут вернутся на землю, чтобы завладеть ими. В этом кроется значение многих сакральных танцев: в Дагомее, например, распространены ритуальные танцы, когда такие боги, как Водун или Оришас «опускаются на плечо» некоторых исполнителей, которые в этот момент впадают в транс.

При исполнении всех этих обрядов необходимо перед алтарем богов или предков «произносить молитвы и заклинания, преподносить им дары в виде еды и пальмового масла, приносить им в жертву животных...» Так «кормят» предков и богов. Взамен от них ждут вмещательства или покровительства.

Такая религиозная организация является гарантией социальной организации, которая в Африке основывается на почитании родства, патриархальной семьи; внутри такой семьи существует строгая иерархия, которая дает старейшине абсолютную власть над родовой общиной или кланом (эта власть передается чаще всего по отцовской, реже по материнской линии).

В обществах, которые некогда испытывали влияние великих империй, социальная иерархия передает некоторым родам аристократическое равенство над другими родами, признает существование ремесленных «каст». Каждой социальной группе соответствуют боги и предки, могущество которых отражает общественное влияние данной группы.

Между религией и обществом существует такая тесная связь, что в городах, где она нарушена в силу современного уклада жизни (прежде всего в результате распространения образования), христианство или ислам стремятся занять место слабейшего анимизма*, который остается доминирующей религией в сельской местности.

- **Каждый город, каждый регион, затронутый системой школьного образования, промышленной модернизацией, сталкивается с тяжелыми проблемами приобщения к культуре.**

Приведем в качестве примера результаты опроса, проведенного недавно (1958) социологом Клодом Тарди в Порто-Ново. Это исследование не является равнозначимым для всей Африки, но оно объясняет этой проблему.

Нынешняя столица Дагомеи Порто-Ново — это старый город, имеющий неудобный выход к морю и поэтому уступающий по значению Котону. Но и отгесненный на второй план, город сохраняет свою жизнеспособность в стране, уровень школьного образования в кото-

* Анимизм — вера в существование душ и духов. *Примеч. ред.*

рой выше, чем в соседних странах. Как говорил Эммануэль Мунье, Дагомея — «это Латинский квартал Черной Африки».

Это не означает, что *школьное образование* раз и навсегда обеспечивает будущее тех, кого на дагомейском языке называют «развитыми», кто ходит в школу и кто, согласно местному выражению, «увидел свет» (в 1954 г. дагомейские школы посещали 43 419 детей, т.е. 15% всех детей школьного возраста, что является рекордной цифрой для Африки). Существуют сильно и *слаборазвитые категории населения*. На вершине социальной пирамиды (все население страны насчитывает примерно 1 500 000 человек, из которых 100 000 живут в городах) находится не более тысячи представителей элиты, имеющих доступ к настоящей культуре, что в три раза превышает размер белой колонии, которая насчитывает 300 человек. И каких же трудов стоило сформировать эту тонюсенькую прослойку!

В самом Порто-Ново главным препятствием на пути образования является, как об этом можно легко догадаться, инертность традиционного общества, которое подразделяется на три группы: *гуны*, бывшие дагомейские крестьяне, пришедшие в город; *йоруба*, торговцы, пришедшие из соседней Нигерии; «бразильцы» (приехавшие из Бразилии чернокожие, исповедующие христианство, а иногда и удивительным образом обращенные в мусульманство). Каждая из этих групп имеет свои особенности, свои обычаи, свои формы сопротивления внешнему влиянию. У всех есть собственный род (племя). Именно по родовому признаку происходит расселение в городе, заключаются браки, проходят религиозные службы. О значении религии, cementирующей социальную организацию, хорошо сказал один миссионер из Порто-Ново: «Я скажу лишь одно слово о фетишизме, и это слово, возможно, будет что-то значить, поскольку оно произнесено миссионером: уходит прекрасная традиция, именно традиция, а не религия».

Женщины были первыми, кто восстал против родового принципа, борясь за право собственного выбора спутника жизни: сегодня половина женщин сами делают свой выбор. Но эта эмансипация остается погруженной в консервативное и полигамное прошлое. Судите об этом сами, знакомясь с признанием одной из женщин: «Когда мой муж взял в жены других женщин, он мне доверил деньги как своей первой жене, чтобы я распределяла их среди других жен. Я сама выбрала своему мужу двух других жен через несколько лет после нашей свадьбы. Другие жены приветствуют меня, стоя на коленях, и делают то, что я им велю». Другая женщина говорит следующее: «Я приветствую, стоя на коленях, моего тестя, мою тещу, дядей, теток, старших братьев и сестер моего мужа. Я не преклоняю колени перед младшими братьями и сестрами, но

оказываю им уважение. Я прислуживаю всей семье моего мужа: хожу за покупками, делаю работу по дому, хожу на рынок, даваю спедию. Когда я готовлю еду, то время от времени даю немного приготовленной пищи тетке, дяде, брату мужа, теще, тестю».

Итак, представьте себе «развитого» дагомейца внутри его рода, который и в городе сохранил большинство деревенских привычек. Он оказывается между жерновами новых культурных привычек, усвоенных иногда за границей, и старинных обычаев, частично сохранивших для него привлекательность, он раздираем привязанностью к семье и невозможностью ей подчиниться.

Именно городская среда (работа, школа, улица), нарушает былое равновесие, тогда как вдали от города все остается, как прежде. Вот пример «развитой» портнихи, которая выучилась профессии у монахинь в Котону и затем вышла замуж за чиновника. Теперь она счастлива, у нее есть своя мастерская, клиенты. «После года семейной жизни мой муж получил назначение на Север, где у меня не было никакой работы, так как женщины прикрывают наготу листьями или ходят обнаженными». Потом мужа опять перевели. «Вот уже год как я живу в Порто-Ново... Муж купил мне новую швейную машинку».

В связи с этим опросом задумайтесь об этих городских модницах, которые, подобно манекенщице из Дакара, ходят по улицам в великолепных белых одеяниях. Это все образы будущего, равно как новые городские здания, которые в большей степени отвечают современным требованиям, чем старые колониальные постройки.

Город и деревня говорят друг с другом, и этот диалог стар как мир: разговор высоких цивилизаций и низких культур. Однако города остаются пока только вкраплениями в африканскую среду. Темпы развития Африки во многом будут зависеть от роста городов или их слабости.

- Быстро придя к власти, правительства независимых государств оказались неожиданно сильными.

Поскольку это явление общего порядка, оно требует и общего пояснения, без отвлечения на частности, какими бы интересными они ни были. Правители остаются на месте по причине безграничного терпения подданных. Это гораздо больше, чем вчерашнее подданные Людовика XIV в отношении Короля-Солнца. Управлять в Черной Африке по необходимости означает править. Что бы ни говорили, власть не изматывает, она омолаживает, придает силы. Пример: президент Либерии Табмен, занимающий свой пост с 1944 г. продолжал править еще и в 1962 г. Не является ли власть здесь тем

особым бальзамом, который предохраняет от европейской нестабильности, т.е. почти королевским бальзамом?

Во всяком случае на пьедестале статуи президента Ганы Пкрума (носящего громкий титул Осажиефо, что значит «Победитель во всем»), можно прочесть следующую максиму: «Ищи вначале политическое королевство, а остальное придет само». Иначе говоря: «Политика прежде всего!»

Итак, захватить власть и удерживать ее. Поскольку власть не делится, не контролируется, то и в оппозиции нет никакого смысла. Заявить о себе как об оппозиции означает приблизить собственную гибель. Гана, Сьерра-Леоне, Гвинея — наилучшее тому подтверждение. Молодые интеллектуалы, порвавшие с диктаторскими режимами, путешествуют по европейским и американским университетам вместе с уволенными послами, отказавшимися вернуться на родину. На вкус европейцев, это плохо. Отсюда и слова премьер-министра Сенегала, больше отвечающие нашему пониманию: «Апокрафия нас не интересует». Это доказывает, что в политическом плане Африка не однородна.

Тем не менее признаем, что большинству африканских правителей требуется много мудрости, чтобы не уступить очевидному. Если мы, европейцы, не хотим быть слишком несправедливыми по отношению к чуждым нам правительствам, то мы должны признать, что руководящая прослойка в обществе очень тонка. В свите хозяев Черной Африки людей еще меньше, чем некогда было в свите Реле Анжуйского или Филиппа III Доброго. Либерия управляется двумя процентами афро-американцев, и не факт, что можно было бы найти больше. Основная масса населения остается инертной, далекой от государственных интересов (от «законодательного поля», как мы бы сказали). Это не значит, что эти узкие группы однородны: они расколоты, и потому опергичные и неожиданные поступки властей могут быть оправданы.

С другой стороны, если управление ставит мало собственно политических проблем, то того же нельзя сказать о проблемах административных. Чтобы направить людей по пути модернизации, нужно уметь убеждать, вдохновлять. Взявшись за решение этой тяжелой задачи, многие правители стали жертвой собственной демагогии.

Чтобы эффективно руководить, нужно располагать дисциплинированными и преданными кадрами; чтобы заново строить, нужны капиталы, тщательно скалькулированные инвестиции; нужно также господство разума, что встречается редко во всех странах мира.

Гвинея была первой из бывших французских колоний, которая выбрала свободу и независимость в то время, когда де Голль (1958 г.) предоставил им этот выбор. Принятый «социалистическим» правитель-

ством Секу Туре трехлетний план развития сам по себе не плох, но он был сверстан на основе экономических норм и статистических цифр и не учитывал в достаточной мере наличия в стране проблемы традиционного общества. Если различные государственные компании, занимающиеся импортом иностранных товаров, одна за одной потерпели крах (Алимаг, специализирующаяся на продуктах питания; Либрапорт — на ввозе бумаги и книготорговле; Эматек — на техническом оборудовании; Фармагипе — специализирующаяся на фармацевтических товарах, а также все связанные с ними компании), то причиной этому были не только внутренние или внешние скандалы, но отказ от учета человеческого фактора в их функционировании. Организация дела предполагала необходимость не только честных и образованных людей, но наличие управленческого аппарата, кадров, контроля и пр. Всякое огосударствление предполагает для успеха наличие многочисленных и компетентных служащих. Здесь же их нужно было сначала подготовить.

Экономические и социальные проблемы

- Судьба государств Черной Африки еще не предопределена: на африканской и общемировой шахматной доске партии только разыгрываются, игра проходит живо и продолжает подавать надежды.

Среди разыгрываемых партий — совсем не факт, что они закончатся победой, можно увидеть и те, которые направлены на удовлетворение краткосрочных империалистических устремлений по отношению к ближайшему соседу. Во многом искусственный, как мы уже говорили, раздел континента способствует таким устремлениям, хотя и не оправдывает их.

Марокко претендует на всю территорию Мавритании, Рио де Оро, Ифни, часть алжирской Сахары. Гвинея Секу Туре имеет виды на густонаселенную Сьерру-Леоне. Гана, название которой напоминает об исчезнувшей империи, имеет свои исторические претензии по отношению к Того и Берегу Слоновой Кости. Мали, название которой также не случайно, мечтает о «федерации» с Верхней Volta и Нигером и о присоединении части алжирской Сахары. Соперничающие между собой конференции 1961 г. также свидетельствуют о попытках объединения государств в двух различных группах. Касабланкская радикальная группа стран: Марокко, Гана, ОАР (ныне распавшийся союз Египта и Сирии), Гвинея, Алжир, Мали. Монровийская умеренная группа: Тунис, Ливия, Мавритания, Сенегал, Сьерра-Леоне, Либерия, Берег Слоновой

Кости, Верхняя Вольта, Нигерия, Нигер, Чад, Камерун, Центрально-Африканская Республика, Габон, Конго (Браззавиль), Эфиопия, Сомали, Мадагаскар.

Нет никакой уверенности, что такое деление останется неизменным. Алжир с его недавно обретенной независимостью, безусловно, внесет в него новые элементы. Все впереди, включая проблему единства или поисков единства. Такова, кстати, была цель третьей конференции, собравшейся в Лагосе в начале февраля 1962 г., которая из-за плохой подготовки правительством Нигерии оказалась проваленной: браззавильская «дюжина» натолкнулась на противодействие Касабланкской группы стран, для которой отказ пригласить Временное правительство Алжирской Республики послужил хорошим предлогом.

Речь идет о сложной игре интересов. Никто не выступает против полностью свободной Африки, но эта свобода может пониматься по-разному. Президент Нкрума хотел бы, чтобы европейское колониальное владычество или то, что от него осталось, продлилось самое позднее до 31 декабря 1962 г., но в то же время он хотел бы воспользоваться своей нынешней политикой силового давления для того, чтобы занять лидирующее положение, которое другие африканские государства мало расположены ему предоставить. Безусловно, именно это обстоятельство затормозило создание наметившегося союза между Гапой и Гвинеей...

В настоящее время трудно определить, какая территория или группа территорий может занять господствующее положение и заставить других объединиться. Господство требует столько же мудрости, сколько жесткости и основывается скорее на реальном могуществе, чем на политической силе.

В плане людских ресурсов, которые играют важную роль в сохранении равновесия на этом недостаточно населенном континенте, выделяет, конечно же, англоязычная Африка, прежде всего благодаря высокой плотности населения и величине городов Гапы, Сьерра-Леоне, Нигерии. Прогресс основан на городской культуре: нигерийские города являются самыми крупными в Черной Африке. Лагос насчитывает более 300 000 жителей, а Ибадан — более 500 000.

Франкоговорящая Африка, за исключением Гвинеи (Мали только что пришла к согласию с французским правительством относительно программы экономического развития), опирается на мощь Общего рынка. Но, судя по всему, ни Гапа, ни Нигерия не согласятся с ориентацией на Общий рынок, даже если сама Англия войдет в ЕЭС.

Несмотря на относительное отставание в демографическом плане, Франкоговорящая Африка располагает значительным кадровым потен-

циалом, чему во многом способствовала система образования. И, наконец, о влиянии городов: географы настаивают на том, что единственным по настоящему большим, географически хорошо расположенным и имеющим мировое значение городом является Дакар. Он занимает стратегическое положение в Южной Атлантике и находится на пересечении воздушных путей через Африку. Разумеется, все может измениться или, наоборот, упрочиться в зависимости от темпов перемен в общемировых средствах сообщения.

- Являются ли сила, численность, экономический прогресс основным фактором развития?

Остальная экономика континента базируется на экспорте переработанных сырьевых и продовольственных ресурсов (исключение составляют маслореперерабатывающие заводы Сенегала и алюминиевые комбинаты Гвинеи); основные промышленные товары импортируются. Все будет зависеть от поведения покупателей и продавцов. Согласно обычным условиям поддержания торгового баланса, возможности развития и привлечения инвестиций невелики, темп роста медленный. Изменить положение можно, прибегнув к дополнительным займам, но это означает, хотя бы того или нет, усиление зависимости. Если СССР предоставляет рельсы для строительства железной дороги Конакри—Канкан, которую нужно поддерживать в хорошем состоянии и ремонтировать, то это ставит такие проблемы, как привлечение технических специалистов, обучение железнодорожников, выстраивание отношений с профсоюзами. Если Сенегал или Дагомея хотят основать университет (что невозможно без соблюдения принятых во Франции, подразумевающих почти бесплатное образование, законов), то им понадобятся французские преподаватели и кредиты, а также специалисты и школьные учителя. Одно связано с другим.

Черная Африка не перестанет просить помощи у двух блоков промышленных государств, не забывая при этом о третьем, китайском, чьи услуги всегда сопровождаются направлением большого количества людей, что объясняется их избытком в самом Китае.

Без помощи в том или ином виде на континенте невозможны ни крупные общественные работы, ни перспективные планы экономического развития. Не смогут помочь даже серьезные жертвы, на которые пошел Нигер по случаю своего национального праздника — Дня независимости (19 декабря 1961 г.): снижение заработной платы для членов правительства, отказ от служебных машин, прекращение оплаты сверхурочных работ, увеличение палогов. Нужны технические средства.

Так, Мали была спасена после своего разрыва с Сенегалом поставкой западногерманских грузовиков, которые обеспечили перевозку грузов по железной дороге Канкан—Конакри и от океана в глубь страны.

Не надо также забывать, что никакие поставки оборудования и техники не смогут ничего изменить, если в стране отсутствуют обученные технические кадры. Решить эту проблему можно только за счет предварительного внутреннего развития, осознанных усилий в данном направлении.

В Гвинее, у руководства которой стоит симпатизирующий коммунистам Сеску Туре, швейцарский журналист разговаривал с чешскими специалистами: «Видите ли, — сказал ему один из них, — у французов было перед нами преимущество. Они могли командовать. Вчера моя машина остановилась из-за элементарной поломки аккумулятора. В государственном гараже меня не послушались, и рабочий полез в карбюратор. Это у них настоящая мания: всегда начинать с самой сложной детали. В результате теперь я хожу пешком и не знаю, когда починят машину. Француз бы в этом случае заорал. Мы же не имеем права этого делать. Однако это было бы полезным и простительным под этим небом, в этой сырости. По правде говоря, я не понимаю, почему французы и англичане взвалили на себя такую ношу, как Африка. У меня годовой контракт, и я уеду отсюда без сожаления, так никого и не подготовив, поскольку это просто невозможно». Перед нами мелкая социальная драма, из которой следует мораль: всякое образование тогда полезно, когда к нему относятся с энтузиазмом».

А вот свидетельство другого рода, которое нужно противопоставить первому, чтобы их уравновесить: молодой французский преподаватель, приехавший в Берег Слоновой Кости в октябре 1961 г., столкнулся здесь с поразившей его жадной жаждой знаний, с прилежанием своих учеников. Ученики знают, что они — это будущее Африки.

Искусство и литература

- Каковы свидетельства искусства и литературы об этом развивающемся мире, о его раздвоении перед лицом настоящего и будущего?

Наблюдатели отмечают, что *самобытное искусство, которым восторгаются на Западе, а именно маски, изделия из бронзы и слоновой кости, деревянная скульптура, приходит в упадок и умирает на глазах*. Оно уже умерло. Не кроется ли причина упадка в том, что социальные и особенно религиозные рамки этого искусства разрушаются от

постоянного взаимодействия с городской, индустриальной цивилизацией?

Как бы там ни было, бесспорен факт, что *былая Африка отдаляется от нас, уходит в прошлое ее песни, танцы, утрачиваются художественные концепции, религии, устные рассказы*, равно как постепенно исчезает свойственное ей некогда понимание утраченного времени, Вселенной, человека, растений, животных и богов — вся традиционная цивилизация, которая и мы это знаем на примере того же Запада уйдет в небытие по мере усиления внешнего влияния.

Однако Европе удалось сохранить от своего традиционного прошлого некоторые узнаваемые следы, которые остаются близкими ее сердцу. А что Африка оставит от своей бывшей цивилизации?

Насколько традиционное искусство напоминает нам об исчезнувшей древней цивилизации, настолько литература, *молодая африканская литература, пронизанная западным влиянием* (хотя бы по тому уже, что она создается на европейских языках; существует лишь несколько литературных опытов на африканских языках, устных по определению, транскрипция которых оказалась запоздалой и трудной), *уводит нас в другую сторону*, показывая, что произойдет с культурой, когда большинство африканцев «увидят свет». Эта живая и правдивая литература отражает африканскую действительность, увиденную глазами «развитых» ее представителей, которые в том случае, если им удастся сохранить самобытность и защитить свое творчество от чужих ценностей, представляют эту действительность в неповторимом свете.

Достаточно прочесть *Сказки Амаду Кумба* известного писателя Бираго Диопа. По содержанию они связаны с прошлым, но по форме, отвечающей современным литературным правилам, выходят за рамки «потерянного рая» (Жан Дювине) народных сказок. Их западная форма уже сама по себе является признаком литературы, «оторванной от родовых корней, при том что она продолжает мечтать об этих корнях». Это напоминает первых латинских писателей Галлии. С появлением новой литературы представителей черной расы (африканцев или афро-американцев, пишущих на одном из западных языков, будь то французский, английский, испанский или португальский), таких как Лепстоп Хьюз, Ричард Райт, Эме Сезер, Леопольд Седгор (президент Республики Сенегал), Диоп, Фалу, Эдуард Глиссан, Ойано, Диоле, Камара Лайе, не следует говорить о предательстве; напротив, нужно отмечать их страстную привязанность к уходящему прошлому.

«Они изменили глубинные структуры их личности, — пишет Жан Дювине, — в той степени, в какой язык есть бытие, особый способ су-

шествования. При этом нечто умерло навсегда: сиюминутные мифы». Это, безусловно, так. Но язык это не единственное структурное изменение, которому подверглись эти авторы. Налицо стечение обстоятельств, подобно системе зубчатых колес, как об этом рассказывает в *Чернокожем ребенке* Камира Лей, автобиографии молодого деревенского парня, выходца из «большой семьи кузнецов», который едет учиться в Париж. Его мать не может помешать его регулярным отъездам из дома: «Она должна была наблюдать за работой этой системы зубчатых колес, которая направляла меня сначала в деревенскую школу в Куруссу, затем в Конакри и Париж. Она боролась, но была бессильна противостоять вращению этих невидимых шестеренок: сначала одна, потом другая, третья, затем еще и еще. Что она должна была сделать, чтобы машина остановилась? Можно было только посмотреть на вращение зубчатых колес, на неумолимое движение судьбы: моя судьба предполагала отъезд из отчего дома!»

Да, *возникает новая цивилизация*, хрупкая или уверенная в будущем, подпитываемая *традиционной, живучей цивилизацией*. Это важный момент. Африка оставляет в прошлом тысячелетнюю цивилизацию, но это не значит, что она утрачивает собственную цивилизацию. Она преобразовывается, многое утрачивает, но остается самобытной — со своей психологией, вкусами, воспоминаниями, со своими местными особенностями. Сенгор говорит о «физиологии», которая определяет «эмоциональное поведение» перед лицом остального мира. Это обуславливает то обстоятельство, что «магический мир для негро-африканца представляется более реальным, чем видимый мир». Даже наиболее подверженные западному культурному влиянию африканские писатели настаивают на особой психике черной расы.

Об этом можно судить из другого отрывка, взятого из *Чернокожего ребенка*, где описываются некоторые почти магические дарования матери автора: «Сегодня я воспринимаю эти чудеса как следы неких замечательных событий, произошедших в далеком прошлом. Это прошлое близко нам, это наш вчерашний день. Но мир движется, мир меняется, причем мой мир меняется быстрее, и создается впечатление, что мы перестаем быть теми, кем были когда-то, что даже в момент свершения перед нашими глазами этих чудес мы уже были иными. Да, мир движется, меняется; он движется и меняется, доказательством чего является то, что я уже не знаю своего тотема».

Трудно лучше описать произошедший разрыв с прошлым. Но автор говорит: «Я боюсь дать точное определение дара моей матери, я не хочу даже описывать его полностью: я знаю, что мой рассказ будет встречен скептически. Я сам, когда ко мне приходят воспоминания о ее спо-

собиютах, не знаю, как к ним относиться: они мне кажутся невероятными, и они невероятны! Однако стоит мне только вспомнить о том, что я видел своими глазами... Я это видел, я и сейчас это вижу. Разве мало мы знаем вещей, которым нет объяснения? У меня на родине полно необъяснимых вещей и моя мать постоянно с ними соприкасалась».

В «этих необъяснимых вещах» и состоит, может быть, особый секрет каждой цивилизации.

Постскрипtum 1966 г.

После обретения Алжиром независимости (Эвianские соглашения, 19 марта 1962 г.) и принятия Мавритании в ООН (27 октября 1961 г.) существовавшие до того напряженности в отношениях между правительствами этих стран ослабли. Это способствовало принятию на конференции в Аддис-Абебе (25 мая 1963 г.) Хартии Организации Африканского Единства (ОАЕ), где признавалась нерушимость границ, унаследованных от колониального прошлого; участники этой конференции поддержали также ряд мер, направленных против Португалии. На конференции в Дар-эс-Саламе (февраль 1964 г.), собравшейся в связи с событиями в Танганьике, и на конференции в Каире (июль 1964 г.) ОАЕ доказала свою способность интегрировать бывшие Касабланскую и Монровийскую группы стран, а также группу стран, принадлежащую к Африкано-Мальгашскому союзу; интеграция оказалась достаточно удачной, если не считать бывшего бельгийского Конго. Данная страна, где деколонизация 1960 г. вне всякого сомнения, была проведена излишне поспешно, стала с тех пор жертвой прискорбных и бурных событий: вмешательство сил ООН, убийство Лумумбы, отделение Катанги, появление на политической сцене Чомбе, восстания племен... Застинщиками этих событий зачастую становились компании и правительства капиталистических стран. Однако в январе 1964 г. в Занзибаре вспыхнула революция на китайский манер, что доказывает, что африканский вопрос имеет всемирные масштабы.

В апреле 1964 г. Танганьика и Занзибар объединились в единое государство, получившее с ноября 1964 г. наименование Танзании, в котором с той поры постоянно сталкиваются советское и китайское влияния. Появился также и другое независимое государство: Ньясаленд стал Малави.

На конференции в Пуакшоте (февраль 1965 г.) обозначились следующие вопросы: попытка объединения бывшей французской Афри-

ки, борьба с китайским проникновением на континент, доступ сюда международного капитала. Однако эти проблемы были лишь подняты, по никаким действенным решениям до сих пор не последовало, что свидетельствует о подспудном соперничестве в общеафриканском движении.

Трудности, которые испытывают страны социалистической ориентации, продолжающееся отставание общественного развития в Африке, отказ от революционных надежд, которые некогда питали африканскую элиту, — все это нашло свое отражение в событиях на континенте в 1965—1966 гг., в частности в целой серии произошедших в этот период государственных военных переворотов.

В Гане военная хунта пришла на смену режиму Нкрумы.

В Нигерии в результате военного переворота, осуществленного сторонниками генерала Иронси, был свергнут федеральный парламентский строй, установленный в этой стране в момент провозглашения независимости. В Центральноафриканской Республике кризис разразился в ночь с 31 декабря по 1 января 1966 г.: здесь пришел к власти очередной полковник.

В Дагомее генерал Согло 22 декабря 1965 г. отстранил от власти бывших гражданских руководителей страны, которые поочередно сменяли друг друга после достижения независимости.

В Верхней Вольте правительство президента страны Ямейого вынуждено было уйти со сцены после десяти лет стабильности, уступив место группе офицеров.

В бывшем бельгийском Конго был установлен диктаторский режим генерала Мобуту, бывшего начальника Генерального штаба вооруженных сил.

Политическая борьба и бессилие большинства африканских государств решить стоящие перед ними проблемы мешают им в полной мере развернуть работу ОАЕ, созданной 25 мая 1963 г. на конференции в Аддис-Абебе. Из-за этого африканские государства не смогли помешать временной консолидации правительства белого меньшинства Яна Сmita, незаконно захватившего власть в Родезии. По этой же причине независимые африканские государства не смогли прийти на помощь силам национального освобождения, выступавшим против португальского господства в Анголе и Мозамбике, а также в Гвинее. Если в первых двух из этих стран борьба затруднена и не обещает скорого успеха, то в Гвинее она идет более энергично и эффективно.

Часть третья ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Глава 1. Введение

Здесь мы будем рассматривать *исключительно* общие черты, характерные для Дальнего Востока, обращаясь последовательно к географии, истории, а затем и к истокам сегодняшних цивилизаций. Не о чем спорить, этот последний момент является наиболее важным.

О чем говорит география

Увидеть Дальний Восток, эту огромную сцену исторического развития, значит уже наполовину понять его судьбу, его странные цивилизации. Для первого знакомства лучше всего подходят свидетельства путешественников, журналистов, географов. Нужно только избегать попыток объяснений исходя из абсолютного географического детерминизма, которого в действительности не существует ни в Азии, ни в Европе, ни вообще в любой стране, имеющей историческое прошлое, сотворенное терпеливыми усилиями человека.

- В общем и целом Дальний Восток — это мир тропиков и субтропиков.

Это индийский «котел» с его лесами и джунглями; это Южный Китай с его дождями и жарой; это экваториальная Индо-Малайская область с ее гигантскими лесами и быстрорастущими растениями (в Ботаническом саду на острове Ява некоторые виды лиан вырастают в день на один метр).

Однако Индия — это также Инд, Ганг в его среднем течении, центральная сухая часть Деканского плоскогорья, для которой характерны сухие и полусухие почвы; Китай — это также его северная часть с лёссами и аллювиями, с суровой зимой, лесистая Маньчжурия, холодные северные пустыни.

Весь Северный Китай, на окраине которого находится императорская столица Пекин, подвержен холодам. Крестьянин здесь спит зимой на печи. Пословица гласит: «Пусть каждый подметает снег перед своей дверью вместо того, чтобы беспокоиться из-за изморози на черепичных крышах соседних домов». «В период зимних морозов, —

пишет образованный человек XVIII в., — когда бедные родственники и друзья стучатся к нам в дверь, мы прежде всего нагреваем большую миску риса, которую даем им в руки вместе с блочечком маринованного имбиря. Это лучший способ обогреть стариков и придать силу немощным... Мы разогреваем густую похлебку, которую пьем из мисок, держа их двумя руками, при этом пряча голову в плечи; морозным или спешным утром, когда ешь это блюдо, чувствуешь, как тепло разливается по всему телу».

Случается, что холод и снег проникают в южную тропическую часть страны. В 1189 г. снег выпал в южном городе Ханчжоу, что находится неподалеку от Янцзы. «Ветки бамбука ломались со странным треском».

Итак, география свидетельствует не об однородности, а о различиях между этими многоликими странами. Но, может быть, она вводит нас в заблуждение, и мы неверно ставим проблему? Отнюдь не разнообразная географическая среда создает единство Юго-Восточной Азии, а довольно однородная и повсюду присутствующая *материальная* цивилизация, которую дополняют географические, физические и человеческие факторы. Это очень древняя, уходящая в глубь веков цивилизация, которая является «производной от множества процессов индивидуальной и коллективной психологии и потому не может быть обусловлена лишь местной физической средой» (П. Гуру). Она существует сама по себе в качестве во многом самостоятельной и определяющей силы.

- Эта цивилизация утверждается напрямую, однозначно, как исключительная цивилизация растительного мира.

Эта истина регулярно отмечалась — как в прошлом, так и в настоящем — всеми западными путешественниками, оказавшимися в Азии.

Один из них, испанец, говорил в 1609 г., что японцы не едят другого мяса, кроме дичи. Немецкий врач замечал в 1690 г., что они не знают ни молока, ни масла. Они питаются исключительно «пятью продуктами земли» (как и в Китае, в Японии цифра пять является священной): рисом «белым, как снег»; sake, водкой из риса; ячменем, в принципе предназначенным для скота, но из которого изготавливают муку и хлебцы (колосья ячменя придают обрабатываемым полям «очень красивый красный цвет», пишет тот же врач); белой фасолью, папомшающей европейские бобы. К этому пужо прибавить просо, овощи, рыбу (всегда в небольшом количестве), очень мало мяса.

За двадцать лет до этого французский врач, оказавшийся в Индии и наблюдавший огромный кортеж, сопровождавший Великого Мого-

ла Аурапгзеба в путешествии из Дели в Кашмир, удивляется скромности воинов, «пища которых была очень простой... Из всего этого большого количества всадников менее десятой, а точнее менее двадцатой части ели мясо во время похода. Они довольствовались смесью риса с овощами, куда добавляли коричневое масло...»

Столь же нетребовательны и жители Ашема на острове Суматра. «Рис — вот их единственная пища, писал путешественник в 1620 г. Наиболее состоятельные добавляют в него немного рыбы и зелени. На Суматре нужно быть большим господином, чтобы позволить себе жареную или вареную курицу... Как они говорят, 2000 христиан, проживающих на острове, способны быстро лишить его птицы и скота».

Так же живут и в Китае. «Если бы китайцы ели столько же мяса, как и мы в Испании, отмечал П. де Лас Кортес в 1626 г., то всего плодородия их земель скоро бы оказалось недостаточно». Даже богатые позволяют себе очень мало мяса: «за столом они съедают для аппетита несколько кусочков свинины, курицы или другого мяса»; сегодня мы бы назвали это легкой закуской к аперитиву. В XVIII в., как отмечает один английский путешественник, дело обстоит так же. Даже в Пекине, куда из Монголии доставляют много скота, «население ест очень мало мяса, смешивая его с растительной пищей для вкуса. Китайцам мало знакомы молоко, животное масло, сыр...» Это не значит, что мясо им неприятно, наоборот. Если животное, будь то бык или верблюд, овца или осел, погибает от несчастного случая или болезни, то его быстро употребляют в пищу. «Этот народ плохо различает чистое и нечистое мясо», с отвращением говорит тот же англичанин. В Китае едят змей, лягушек, крыс, собак, сарангу...

Эти свидетельства подкрепляют китайские письменные источники, которые довольно точны в описании повседневной жизни. Вот как в одном из романов описывают молодую жеманницу, «которая сегодня хочет утку, завтра рыбу, послезавтра свежие овощи, бульон из ростков бамбука; если ей нечего делать, то подай ей апельсины, печенье, водяные лилии. Она пьет много рисового вина и каждый вечер ест жареных воробьев и соленые креветки; она выпивает три литра вина из ста цветов». Все это расценивается как разврат, капризы богачки...

Чжен Банцяо, образованный поэт, художник и каллиграф (1693—1765), когда нужно, умеющий быть щедрым, выражает желание, чтобы все обитатели его дома участвовали в пире. «Каждый раз, — пишет он в одном из своих «Семейных писем», — когда в доме есть рыба, рис

и вода, фрукты, пироги, их нужно справедливо распределять между всеми». В своих письмах он упоминает такие блюда, как гречневые лепешки, густые рисовые отвары... Такова норма. Богатый ростовщик, владелец ломбарда, дьявольски скупой, способный радоваться каждой копейке, которую найдет на улице, обедает «холодным рисом, политым кипящей водой», как об этом говорится в одной из средневековых сказок.

В наше время мало что не изменилось. О китайской кухне журналист в 1959 г. пишет: «Мне известно, что китайская кухня всегда была искусством довольствоваться малым, что слишком многочисленный народ, которому запрещено разводить крупный рогатый скот, старается использовать то, от чего мы отказываемся».

Китайцы остаются вегетарианцами: 98% калорий, которые они потребляют, имеют растительное происхождение: ни масла, ни сыра, ни молока, очень мало мяса и рыбы. Углеводы получают из зерна и проса на Севере; из риса на Юге; протеины из сои, горчичных зерен, разных растительных масел.

Единственная страна, где положение с питанием меняется за счет рыбы и мяса, — это Япония.

• **Распространение вегетарианства объясняется голодом культуры риса на Юго-Востоке и его экспортом на Север.**

Запад, где в питании используют много зерна и других зерновых, очень рано начал применять паровое земледелие и ротацию севооборота, без чего почва быстро бы истощилась и зерновые культуры перестали бы приносить доход. Поэтому часть пахотных земель стала использоваться под пастбища, не говоря уже о том, что выращивание зерновых требует использования тягловых животных.

Напротив, рис *всегда выращивают на тех же полях*. Большая часть работы в поле делают вручную. Буйволов используют только для легких работ на рисовых делянках. Овощи выращивают тоже вручную. В этих условиях питаться мясом домашних животных было бы расточительно. Скот кормят зерном. Человек предпочитает есть его сам.

Такой режим питания призван обеспечивать большую плотность населения, чем любой другой, при котором предпочтение отдается животной пище. С одного гектара могут кормиться шесть или восемь крестьян при условии, что они питаются растительной пищей. При равных сельхозплощадях демографическая отдача здесь, безусловно, выше. Этим объясняется наличие «азиатских толп».

Как и в Индии, население Китая выросло сравнительно недавно: заметный рост начался на юге страны в XI—XII вв. в связи с появившейся здесь возможностью собирать *два урожая риса в год*. В XIII в. население страны достигало примерно 100 миллионов человек. Китайское население стало стремительно увеличиваться с конца XVII в. В паши дни количество пародонаселения помешало бы изменить структуру питания, даже если бы китайцы того хотели. «Китайцы оказались в оковах цивилизационного детерминизма и вынуждены следовать тому пути, который был предопределен». С XVIII в. население Индии также перешло рубеж 100 миллионов.

- Тезис Виттфогеля: рисоводческая цивилизация предполагает наличие искусственного орошения, требующего строгого соблюдения праздничной, социальной и политической дисциплины.

Рис связывает народы Дальнего Востока с водой, сводяными резервуарами Южной Индии; в Индо-Гангской равнине с колодцами и оросительными каналами; то же в Китае, где ирригация принимает всевозможные формы: она связана со спокойными реками, протекающими на юге страны (а также с регулярными разливами озера Цюаньху и реки Янцзы), с колодцами, с оросительными каналами, классическим образцом которого является Императорский канал (это одновременно водный путь и оросительный канал), с бурными реками на севере страны (Байхэ и Хуанхэ), которые понадобилось укротить, перекрыв плотинами, но которые все равно часто выходят из берегов. Повсюду — на холмах Филиппин и Явы, в кантонском районе Китая и в Японии — орошение, с примитивными или современными насосными установками, с его зачастую воздушными бамбуковыми каналами, требует строгой рабочей дисциплины и подчинения, что напоминает картину Древнего Египта, классического примера кабальной зависимости человека от оросительного земледелия.

Культура риса появилась скорее всего в пазинах во втором тысячелетии до н.э. и постепенно распространилась на все орошаемые земли; одновременно она совершенствовалась благодаря селекционной работе, что позволило создать рисовые сорта. Как отметил К.А. Виттфогель, рисоводство повлекло за собой в социально-политическом плане возникновение авторитарных, бюрократических режимов с огромным количеством государственных чиновников.

Это утверждение, спорность которого неоднократно подчеркивалась оппонентами этого автора, страдает прежде всего упрощенностью. Если существует, а он определенно существует, детерминизм

«одомашненной», необходимой для рисоводства воды, детерминизм самой рисовой культуры, то предъявляемые им требования могут рассматриваться лишь как часть гораздо более сложной надстройки. Этого нельзя упускать из вида. Но нельзя и не учитывать необходимых требований рисоводческой цивилизации, роль которых остается значимой.

- * На Дальнем Востоке в основном развиваются селенные цивилизации, связанные с ирригацией, хотя все еще остаются огромные примитивные или дикие районы.

Здесь можно встретить заливные рисовые поля, находящиеся в горной местности, но это возможно только на узких террасах, в перенаселенных регионах, где имелась возможность проделать необходимую гигантскую работу, требующую большого количества рабочих рук (на Яве, например). На Дальнем Востоке цивилизации с присущими им интенсивными сельхозкультурами занимают минимальную часть географического пространства. Остальные территории, в особенности высокогорья, изолированные районы и некоторые острова, по-прежнему представляют собой резервации для примитивных народов и культур.

Книга Жоржа Кондомина *Мы съели лес* (1957) переносит нас в окрестности Сайгона, в район, прилегающий к Дайаку, где обитает примитивное племя, живущее одним днем. Оно существует за счет леса, часть которого ежегодно вырубается или сжигается. На освобожденной земле «посадки осуществляются при помощи острой палки: делается дырка в почве, туда бросаются несколько зерен риса, а затем большим пальцем ноги земля выравнивается». Нет никакого полива. Так ежегодно «съедается» участок леса. Через двадцать лет племя возвращается к исходной точке, где лес как бы «оставался под паром». Такое «передвижное» земледелие, которое в этом регионе встречается повсюду, представляет собой одну из форм примитивного землепользования, не требующего разведения скота. Оно является основой жизни тысяч очень отсталых племен. Конечно, современная действительность теснит их, но они все-таки выживают.

Не так происходило на Западе, где в свое время имелось достаточно примитивных племен. И у нас были свои изолированные и отсталые районы, которые можно узнать еще и сегодня, но их население было окультурено, переехало жить в города, что позволило интегрировать в процесс развития наиболее динамичную часть этих племен.

Ничего подобного не происходит на Дальнем Востоке. Огромная разница между цивилизованным и примитивным населением объясняет присутствие в Китае такого количества «некитаизированных» пародностей; в Индии — большого числа племен, не входящих в существующую систему каст (о них можно сказать, что они оказались вне индийской цивилизации).

Отмеченная разница также объясняет многие детали прошлого и настоящего. В 1565 г., в битве при Таликоте войско «индуусского» королевства Виджаянагар, насчитывающее около миллиона солдат, было разгромлено кавалерией и артиллерией мусульманских султанов. Огромный, великолепный город оказался лишенным защиты, его жители не смогли убежать, так как все повозки и буйволы были отданы армии. Но город был разграблен не победителями, которые потеряли время на преследование и убийство убегающих солдат, а соседними примитивными племенами бридшари, ламбади и курумба, чьи орды захватили город и уничтожили его...

Немецкий врач, направляющийся в Сиам, донес до нас рассказ японского торговца, который за несколько лет до этого (в 1682 г.) потерпел кораблекрушение и оказался на пустынном острове около побережья Лусона. Их было десяток, спасшихся и выживших благодаря тому, что питались яйцами диких птиц и ракушками, которые они находили на отмелях. После восьми лет такой жизни они построили лодку, поставили нарус и после утомительного пути приплыли на остров Хайнань в Тонкинском заливе. Там они узнали, что чудом избежали верной гибели. Остров Хайпань разделен на две части: китайскую и ту, где живут примитивные племена. Им повезло, и они оказались на китайской половине. Дикари просто бы съели их. То же было и с островом Формоза, который завоевали китайцы в 1683 г. Остров был и остается разделенным на китайскую и некитайскую части, как это произошло с множеством «труднодоступных» островов.

Поражают *сегодняшние* цифры «некитаизированных», т.е. избежавших влияния китайской культуры, народностей в Китае. Примитивные племена составляют только 6% общего населения страны (не более 36 миллионов человек), но они занимают 60% национальной территории (сюда надо включить, по правде говоря, территории Гоби, Туркестана, Тибета). Иными словами, они доминируют в пространственном плане.

Политика императорского Китая и, еще совсем недавно, правительства Чан Кайши в отношении почти всех этих племен (таких как джуань из провинции Гуанси, *мяо-яо*, лису, таи и др.) была сегрегационной. Так, на воротах некоторых городов можно было прочесть

адресовавшее к их представителям обращение: «Запретно собираться или ходить по городу группами более трех человек»; «Запрещено выезжать в город верхом на лошади». В нынешнем Китае их положение улучшилось, за ними признали некоторую автономию, но она ничего общего не имеет с той полунезависимостью, которую советская власть предоставила этническим меньшинствам. Однако все оставшие в своем развитии этнические общины (в отдельных из них бытовало рабство или крепостной труд) претерпели большие изменения. Было затрачено немало усилий, чтобы сделать некоторые из языков этих племен письменными. В целом сегодня только Китай занимается проживающими на его территории отсталыми народами (для их блага или неудовольствия — это уже другой вопрос).

- **Территории, населенные дикими животными, являются также зоной обитания диких животных.**

Еще одной отличительной чертой Дальнего Востока является большое количество обитающих здесь диких животных: львы в Пенджабе, дикие кабаны на склонах Суматры, крокодилы на Филиппинах и повсюду самые жестокие хищники — тигры, среди которых и тигры-людоеды.

В тысячах свидетельств, пришедших к нам из прошлого, мы находим ту же картину. Католический священник де Лас Кортез, испанский иезуит, потерпевший кораблекрушение в окрестностях Кантона в 1626 г., рассказывает о тиграх, которые во множестве встречаются в сельской местности Китая и часто добираются до городов и деревень, где нападают на людей.

Французский врач Франсуа Бернье, посетил дельту Ганга в 1660 г. Бенгалия — это, безусловно, самый богатый и густонаселенный район Индии, его можно рассматривать как «дар Ганга», подобно тому, как Египет является «даром Нила». Здесь производится много риса и сахара. Посредине этого изобилия на реке встречается множество островов, часто посещаемых пиратами. «Эти острова, — рассказывает Бернье, — являются местом обитания тигров, которые вплавь перебираются с одного острова на другой, а также газелей, диких свиней и домашней птицы, вернувшейся в дикое состояние. Когда плаваешь между островами на маленьких весельных лодках, то из-за тигров опасно высаживаться на этих островах; более того, когда причаливаешь к твердому берегу, то нужно смотреть, чтобы деревья, к которым ты привязываешь лодку, находились вдалеке от реки, поскольку существует опасность нападения; если верить рассказам ло-

дочников, встречаются такие осмелевшие звери, что они забираются даже в лодки и уносят спящих людей, выбирая при этом самых крупных и жирных».

Варварство против цивилизации: свидетельство истории

Наиболее крупные цивилизации Дальнего Востока — прежде всего Индия и Китай — жили бы вполне мирно, если бы им докучали только обитатели внутренних неосвоенных районов. Однако их настоящим испытанием, подлинным библейским злом было соседство с обитателями пустынь и степей, расположенных к западу и северу от Китая, к северу и западу от Индии. В этих степных и пустынных районах летом царит страшная жара, а зимой — стужа с сильными снежными заносами.

В этих малопригодных для обитания человека землях живут кочевые народы: турки, туркмены, киргизы, монголы... Туки всадников. Уже при своем появлении на страницах истории они были такими же, какими оставались и впоследствии, т. е. до окончания периода их исторического величия (примерно до середины XVIII в.), — жестокими пастырьниками и грабителями, славящимися немыслимой храбростью. Только благодаря оружейному пороку оседлым народам удалось покончить с этой опасностью. С тех пор их держат на дистанции, и они до сего дня живут, ваяча жалкое существование. Ни обе Монголии (Внешняя и Внутренняя, одна китайская, а другая советская), ни Туркестан (советский и китайский) не играют сегодня сколько-нибудь значительной роли в мировой истории. Единственное их богатство — это просторы и аэродромы, которые, впрочем, им не принадлежат.

- Почему мы проявляем сегодня интерес к этим кочевым народам в цивилизационном плане? Потому что их вчерашние фаустовские набеги, безусловно, замедлили развитие крупных соседних цивилизаций.

Герман Гётц в своем классическом труде *Эпохи индийской цивилизации* (1929) сказал об этом в связи с Индией, но его замечания также подходят и для Китая. Индия открыта внешнему миру кочевников через узкий Хайберский проход в афганских горах, тогда как Китай напрямую граничит с пустыней Гоби, а Великая Китайская стена, строительство которой началось еще в III в. до н.э., хотя и

является крупным фортификационным сооружением, но не настолько эффективна, чтобы помешать кочевникам преодолевать ее тысячи раз.

По утверждению китаиста Оуэна Латтимора, эти кочевники были когда-то крестьянами. Усовершенствования в области сельского хозяйства заставили наиболее остальных крестьян уйти в лесистые высокогорья, находящиеся на границах степных и пустынных зон. Лишившись богатых пастбищ, эти крестьяне должны были довольствоваться бедными, хотя и протяженными, угодьями. Так цивилизация стала «матерью варварства», превратив бывших крестьян в кочевников. Однако варвары постоянно возвращались назад, подгоняемые внутренними распрями, социальными потрясениями, демографическими взрывами, и это возвращение в страны оседлого земледелия редко бывало мирным. Очень часто они возвращались как властелины, победители, грабители: кочевники презирали завоеванные ими оседлые народы...и относились к ним с небрежением. Вчитаемся в этой связи в воспоминания Бабура, который в 1526 г. захватил Северную Индию:

«...Хотя Индостан страна очаровательная, по ее обитатели лишены доброжелательности, и в торговле с ними нет необходимости, доброжелательства. Будучи лицепы способностей, ума, общительности, они не знакомы ни с щедростью, ни с мужественностью. В их умозаключениях и трудах не хватает методичности, твердости, порядка, принципов. У них нет ни хороших лошадей, ни сочного мяса, ни вишгорода, ни дынь, ни вкусных илодов. Здесь нет ни льда, ни свежей воды. На рынках нельзя приобрести ни изысканных купаний, ни хорошего хлеба. Им неизвестны ни бани, ни свечи или факелы, ни медроссы, ни канделябры...

За исключением рек и ручьев, протекающих в оврагах и на отдельных участках земли, у них даже во дворах и садах нет никакой проточной воды. В их постройках отсутствуют прохлада, воздух, последовательность, элегантность. Деревенские жители и представители низшего сословия ходят в основном почти нагишом. Их единственной одеждой является кусок ткани, прикрывающий часть тела ниже пупка. Под этим куском ткани находится еще один, продетый между лямками и прикрепляемый веревкой к поясу со стороны спины. Женщины обматываются куском ткани, одна половина которого прикрывает бедра, а другая голову.

Преимуществом Индостана, помимо обширной территории, является наличие здесь большого количества золота в слитках или в монетах».

Так этот мусульманин из Туркестана оценивает с позиции победителя, своего тщеславия кочевника, величия ислама, к которому он принадлежит, — древнюю цивилизацию Индии, ее искусство, архитектуру. Его надменность, хотя и не является «спесью западного жителя», тем не менее неприятна.

- **Великие завоевания монголов не интересуют нас в частности, но лишь постольку, поскольку они затронули Китай и Индию, всякий раз поражая их в самое сердце. Так было в ходе двух последних больших завоевательных походов в XIII—XIV и XVI—XVII вв.**

На приведенных выше страницах и картах показаны хронологические границы и изменения в организации походов на Запад и в далекую Европу, на Восток, а также на Юг и в направлении Индии, которые всегда оказывались на Китае. Поскольку с начала XV в. Китай превратился в «больного», он стал привлекать к себе орды грабителей. Известно, что Тимур (Тамерлан) умер в 1405 г., готовясь к нападению на Китай.

Каждый раз, когда наступал пик воинственности кочевников, Китай и Индия оказывались под ударом, и завоевателям удавалось достигать их столиц. Четыре даты, взятые попарно, говорят сами за себя: в 1215 г. Чингисхан захватывает Пекин; в 1644 г. маньчжуры, усиленные монголами, вновь берут Пекин; в 1398 г. Тимур овладевает Дели; в 1526 г. Бабур вновь завоевывает Дели.

Эти события каждый раз становились подлинной катастрофой. Каждый раз гибнут миллионы людей. Вплоть до XX в. с его техническими возможностями Запад никогда не устраивал таких побоищ. Индия, где войны сопровождалась столкновением цивилизаций (завоеватели-варвары были обращены в мусульманство), особенно тяжело переживала все эти завоевания, выжив, как и Китай, только благодаря своей потрясающей живучести, а также благодаря тому, что ее территория никогда не захватывалась полностью, вплоть до мыса Кумари, и тому, что Деканское плоскогорье вело свое хозяйство, опираясь на связи со странами Индийского океана и на миграцию населения.

Для Индии, как и для Китая, чужеземное иго означало разрушения, остановку в развитии. Конечно, с течением времени проходила ассимиляция, но чего это стоило? Но можно ли из этого заключить, что варвары несут наибольшую ответственность за усиливавшееся отставание Дальнего Востока от Запада? Здесь ли ключ к загадке судьбы Дальнего Востока?

Что касается Индии, с этим можно согласиться. На заре своего существования (II тысячелетие до н.э.) арии Пенджаба были схожи с предками эллинов, кельтов, италийцев, германцев. Описанная в *Махабхарате* рыцарская культура воинов за завоевание верхней равнины Ганга соответствует той, что описана в *Илиаде* и *Одиссее*. В эпоху Будды, т.е. в V в. до н.э., на территории Северной Индии существовали аристократические республики и небольшие королевства, подобные государствам Эллады, где уже имелись зачатки торговых отношений. В III в. до н.э. Чандрагупта и Ашока основывают первую империю, которая объединила часть современного Афганистана и всю Индию, за исключением никогда не смиряющейся южной оконечности Декана. Это была эпоха строительства греко-македонской империи Александра Великого. С началом нового времени связано и проникновение в Индию через ее северо-западные «ворота» скифских племен, что завершилось созданием в III—VIII вв. империи Гунтов и возобновлением свойственной Индии борьбы между светлоскожими и темнокожими народами. Как и в период европейского Средневековья, здесь также появляются массы закрепощенных крестьян, а в X—XIII вв. возникают крупные феодальные государства. Разумеется, нельзя проводить слишком строгие параллели, особенно когда речь идет об общественных формациях, но как с той, так и с другой стороны не было заметно слишком большой разницы в уровне развития вплоть до XIII в., т.е. до монгольского нашествия.

После этого переломного момента разрыв постепенно увеличивается. Та же проблема и в отношении Китая: в какой мере его отставание в развитии обусловлено монгольским нашествием, завершившимся в 1279 г. и маньчжурскими завоеваниями 1644–1683 гг.? Занимая в техническом и научном отношении передовые позиции по меньшей мере вплоть до XIII в., Китай затем уступает их далекому Западу.

Тем не менее нельзя возлагать на степных завоевателей всю ответственность за судьбу Дальнего Востока. Разрушительные последствия нашествий были огромными. Однако все исправляется, все раны зарубцовываются с течением времени.

Можно даже уточнить: слишком хорошо зарубцовываются. Завоевания, которые на Западе приводили к возникновению новых цивилизаций, в Китае и Индии ограничивались *материальными* катастрофами, по большому счету не меняя ни форм мышления, ни социальных структур. Здесь никогда не было скачков, подобных тем, что привели античную цивилизацию от Греции к Риму, а от Рима к христианству, а Ближнего Востока к исламу.

Удивительная верность Дальнего Востока самому себе, его постоянство объясняются также внутренними причинами. Они же обуславливают его относительное отставание. Нельзя сказать, что развитие Дальнего Востока обратилось вспять: оно осталось на той же стадии, где и было на протяжении многих веков, в то время как остальной мир быстро прогрессировал, все дальше уходя вперед.

Давние истоки: причины культурного консерватизма

Их пужно искать в доисторическом периоде, у истоков первых цивилизаций. Дальневосточные цивилизации очень рано достигли зрелости, но это произошло в среде, которая сделала почти неподвижными их основные структуры. По этой причине они оказались на удивление сплоченными и однородными. Но в то же время им было чрезвычайно трудно меняться, стремиться к переменам, что создавало впечатление, что они систематически сами себе отказывали в прогрессе.

- Забыв на время о нашем западном опыте, нужно постараться понять, что обе великие цивилизации Дальнего Востока были тысячелетними цивилизациями.

На Дальнем Востоке, где статуи ветшали быстро, поскольку зачастую делались, как в Китае или в Японии, из легких материалов, человек, социальная и культурная среда, напротив, представляются не подверженными времени. О них нельзя сказать, что они были созданы вчера, но появились в стародавние времена. Представьте себе чудом сохранившийся Египет фараонов, который бы, приспособился к современной действительности, сохранив свои верования и свои нравы.

Индуизм, сегодня еще живой, остается основой всей индийской цивилизации уже на протяжении более чем тысячелетия. Более того, он заимствовал и передал некоторые религиозные представления, пришедшие из глубины древности.

В Китае культ предков и богов природы, который можно датировать первым тысячелетием до н. э., прошел через таоизм, конфуцианство и буддизм, которым не удалось его уничтожить.

С этими древними и живучими религиозными формами связаны столь же живучие социальные структуры индийская система кастового разделения общества, китайская семейная и социальная иерархия. Создается впечатление, что в обоих случаях речь идет о непреходящих

религиозных нештосьях, связанном с ними изменяющемся устройстве. Эта особенность характерна для примитивных культур, все формы существования и мышления которых полностью, напрямую погружены в сверхъестественное. Это обстоятельство озадачивает, когда речь идет о таких крупных и развитых цивилизациях, как Индия и Китай, по поэтому оно еще более замечательно.

- В противовес Западу, который четко разделяет человеческое и божественное, Дальний Восток не знает этого различия.

Религиозный аспект пронизывает все формы человеческой жизни: государство есть религия, философия есть религия, мораль есть религия, социальные отношения есть религия. Все эти формы имеют отношение к сакральному. Отсюда их тенденция к неизменности, к вечности.

Становится понятным, почему у жителя Запада, привыкшего к тому, что религия относится к духовной сфере, это смешение божественного и повседневного создает впечатление отсутствия религиозного чувства, замененного на ритуальный формализм. Поэтому жителю Запада трудно понять значение, реальный смысл всех этих обрядов.

Соблюдать эти обряды значит соответствовать божественному порядку, который управляет человеком, значит жить в соответствии с требованиями религии. Так, индуизм гораздо в большей степени заключается в признании ценностей, представленных кастовой иерархией, чем «в вере в духовных существ, в культ богов, которые составляют лишь ее часть».

Так же и китайцы мало озабочены различиями среди многочисленных богов. Главное — это соблюдать ритуальные обязательства перед ними, отдать памяти предков все, что положено, следовать в семейной и социальной жизни всем требованиям, зафиксированным сложной иерархией.

Верно и то, что в Индии и Китае духовный контекст различен, что религиозные и связанные с ними социальные формы не похожи друг на друга. Если противопоставить в целом Запад и Дальний Восток, т.е. риск не заметить различия внутри последнего. Чужно ли повторять, что Индия — это вовсе не Китай? Если по отношению к Европе Китай кажется существующим под знаком всюду проникающей религии, то он по отношению к Индии он представляется страшной рационализацией, на которой лежит отпечаток мощного духовного кризиса, который имел место в период Чжаньго (Борющихся царств) (V—III вв. до н.э.). Был бы мнение, что этот кризис можно по масштабам сравнить с серьезным

кризисом философии, которым отмечено зарождение научного знания в Греции. Мы увидим ниже, что конфуцианство впитало в себя наследие этого рационалистического и агностического кризиса, адаптировало это наследие к политическим требованиям, позволило ему пережить крупнейший религиозный кризис III–X вв. и преобразовать его в то, что с XIII в. станет победоносным нео-конфуцианством.

Итак, в Китае соседствуют два течения, и иммобилизм общества обусловлен столько же политическими, экономическими и социальными структурами, сколько и религиозными структурами, тогда как в Индии все сверхъестественное играет приоритетную роль. Так как же можно реформировать, переделывать общество людей, если его организация утверждается божественной сущностью?

Глава 2. Классический Китай

Классическому Китаю, который может служить отправной точкой нашего анализа, поскольку он так и не исчез окончательно, понадобилось очень много времени для приобретения и закрепления своих характерных особенностей. Он предстает перед нами как единое целое, которое не поддается обычной периодизации. На протяжении многих веков в его истории бесконечно чередуются победы и поражения, что делает его образ неизменным.

Тем не менее, какой бы замедленной ни была эволюция китайского общества, оно не оставалось неподвижным. Как и все цивилизации, китайская накапливала опыт и постоянно делала выбор между собственным богатым прошлым и появлявшимися течениями развития. Наконец, каким бы ни было первое впечатление, китайская цивилизация была открыта для внешних воздействий; влияние извне сказывалось и на ней.

Религиозные параметры

Параметры религиозной жизни крайне важны, хотя их трудно выделить. У религиозной жизни Китая нет четких контуров. Как и западная религия, она предполагает множество систем, которые, однако, не исключают друг друга. Пабожность верующего меняет форму, предполагает одновременно мистицизм и рационализм. Представьте европейца, который бы без малейших интеллектуальных или религиозных сомнений выбирал то Реформацию, то католическую церковь, то атеизм, повсюду находя себе место. «В китайце, даже наиболее приверженном вере или, наоборот, наиболее конформистски настроенном, всегда есть анархист и затанцованный мистик... Китайцам свойственны суеверие или позитивизм, а точнее и то и другое одновременно» (Марсель Гране). Эта «одновременность» часто с трудом поддается осознанию обитателей Запада.

Все эти замечания, сохраняющие свою силу и в современную эпоху, полезно уяснить себе на пороге исторического анализа. Они объясняют ту основополагающую истину, что утвердившиеся почти в одно время в Китае конфуцианство (иногда говорят конфуцизм) и таоизм, а затем позднее и буддизм не только не уничтожали друг друга, несмотря на соперничество и противодействие, но и не особенно друг от друга дистанцировались. Произошло это потому, что они наложились

на гораздо более древние могучие и примитивные религиозные верования. Говорят обычно, что «три великие религии» пустились в плавание по древним религиозным водам. На самом же деле, они потерпели в этих водах крушение.

- В своих основах религиозная жизнь Китая гораздо старше трех великих течений его духовной жизни. Это многообразное и живучее наследие сохраняется в основе всей религиозной практики.

Речь идет о религиозных верованиях, зародившихся гораздо раньше первого тысячелетия до н.э. — на заре китайской цивилизации, и последующее развитие так и не смогло искоренить их.

Появление плута способствовало большей плотности населения, сгруппировавшегося в деревнях, в сеньориях. В этом древнем Китае практикуется *двойной культ предков и божественных существ* определенной сеньории, что можно сопоставить либо с доклассической Грецией либо с доклассическим Римом, существовавшими в атмосфере античного *поселения*.

Культ предков придает чрезвычайно важное значение *патрилинейным* семейным группам, где имя передается по отцовской линии. Над семейной группой расположена более широкая группа, объединяющая людей, ведущих свое происхождение от одного предка, т.е. от одного корня.

Эта организация была свойственна поначалу только патрилинейским родам (т.е. культ предков затрагивал только их). Позднее семьи людей из простонародья заимствовали ту же модель и начали почитать своих предков наряду с богами.

Наряду с предками почти в равной мере почитались местные божества, от домашних божков, божков холмов, рек, различных природных явлений и до бога сеньориальных владений, которые занимали главенствующее положение. «Властитель Чен, побежденный в 548 г. до н.э., сдался на милость победителя и явился перед ним в траурном одеянии, держа в руках фигурку бога своих владений; перед ним шел его военачальник, который нес в руках ритуальные вазы с прахом предков; таким образом он уступал победителю право на принадлежавшие ему владения» (А. Масперо).

Когда все сеньории были объединены царской властью, единый бог-властитель царских земель заменил собой остальных, более мелких. Он был также богом мертвых: «держал их в своих темницах, внутри девяти проявлений темноты, около Желтых источников». Помимо него были также бог неба (бог наверху), боги гор, боги четырех морей,

боги впадающих в моря рек (подобных богу ужасной Хуанхэ)... Большое количество богов столь же разнообразно как и множество характеров китайца классической эпохи!

Господствующий политеизм предполагал веру в бессмертие души, пребывающей либо в подземелье Желтых источников, либо в небесном мире, где обитает бог неба, либо на поверхности земли в храме предков. Иерархия пребываний души в потустороннем мире отражала социальную иерархию в мире живых. Властители, их министры, великие мира сего познавали счастливую жизнь на небесах, где самые значительные из них могли пользоваться помощью своих слуг. Простые смертные обитали у Желтых источников — в мире девяти проявлений темноты, т.е. им был уготован ад. Люди более влиятельные и богатые могли рассчитывать на гробницу предков. Все это расплывчато, тем более что каждый человек располагал множеством душ в потустороннем мире, что становится возможным благодаря приношениям и дарам живущих, аналогичным приношениям и дарам, которые делались божествам. Мертвые и боги едят. «Мы наполняем дарами деревянные и глиняные кубки, — говорится в ритуальном песнопении, сопровождавшем жертвоприношения. — Как только запах даров доходит до неба, бог наверху начинает есть».

Торг между живущими и богами был уместен: за дары требовали запиты. Один из богов говорит: «Если вы мне принесете жертвы, то я вам принесу счастье». Властитель заявляет: «Мои приношения велики и чисты. Духи должны меня поддержать». Другой властитель жалуется: «Какие же преступления совершили сегодня люди, что Небо высылает на нас траур и беспорядки, неурожай зерна и овощей! Я почитал всех богов без исключения; я не жалел даров!»

- **Кризис Борющихся царств.** В период между V и III вв. до н.э. феодальный Китай распадается, что соответствовало бурной эпохе Чжаньин.

В эту эпоху исчезают сеньории и возникают более или менее значительные, более или менее стабильные княжества, постоянно воюющие друг с другом. В результате возникла и утвердилась всеобщий мир империя Хань.

Длительный и бурный кризис сопровождался не менее бурным моральным кризисом, который заставил китайских мыслителей в ходе их идеологических споров выступить против древней религии и ее формализма. Духовная жизнь всего Китая была определена этим периодом, который напоминает, да простят нам такие сравне-

ний, Грецию V и IV вв. до н.э. или Италию эпохи Возрождения с их политическими и социальными потрясениями, во время которых самой важной проблемой для тиранов и подданных была проблема выживания.

В Китае V—III вв. политические деятели были озабочены подсчетом шансов на выживание у своих властителей или у своего государства. В Китае были также свои риторы, свои «софисты», озабоченные народным благом. Часто они были приверженцами древней школы Мо Цзы, учения *моизма*.

Сформировали ли последователи Мо Цзы нечто похожее на рыцарский орден, поставленный на службу угнетенным, или на конгрегацию Братьев Проповедников? Используемые сравнения указывают на род их занятий, их «ангажированность». Что касается прозвища «софисты», которое им дали последующие историки, то оно основывалось на их страсти к речам, к словесному убеждению, к бесконечной аргументации, которую каждый выбрал по собственному вкусу. Фоном идейных столкновений был релятивизм и рационализм, освобожденный от строгих предписаний религии.

Последующая эпоха Хань сохранила только часть этих философских новаций, большинство которых вошло в конфуцианство, т.е. в рационалистическое идейное течение, направленное как против старой религии, так и против издержек риторики софистов, против чрезмерной множественности их доктрин, а также порожденных социальных и политических последствий. Конфуцианство — это упорядочение духовной, политической и социальной сфер общественной жизни.

Именно благодаря конфуцианству в Китае сохранился псевдорационализм, несмотря на религиозное давление таоизма и особенно буддизма, которые были очень сильны до X в. Этот псевдорационализм существенно укрепился с появлением неоконфуцианства.

- Конфуцианство не сводится только к попытке рационалистического объяснения мира, это также этико-политическое учение. Если оно и не является настоящей религией, как об этом зачастую говорят, то оно представляется по меньшей мере философским учением, наполненным как религиозным чувством, так и скептицизмом, равно как и самым искренним агностицизмом.

Учение было названо именем Конфуция (551—479 гг. до н.э. согласно общепринятому мнению). Хотя он не оставил после себя никаких письменных работ и его учение дошло до нас в изложении последователей, он справедливо считается основоположником дан-

ной философской системы, ставшей достоянием того слоя, к которому принадлежал основатель, а именно китайской *интеллигенции*.

1. *Конфуцианство* — это прежде всего выражение идеологии определенной касты, слоя образованных людей, тех, кого называли *манда-ринами*, т.е. представителей постепенно формирующегося после распада феодального строя нового социального и политического порядка; в целом это были руководители и «чиновники» нового Китая.

Численность носителей государственной власти, чиновников из числа образованного населения увеличивалась с появлением первых крупных княжеств и распространением письменности в качестве основы порядка и управления. В течение долгого времени они находились в подчиненном положении, тогда как командные посты занимали представители аристократии; образование первой великой империи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) означало их победу.

Распространение конфуцианства тесно связано с *расширением* образования, нацеленным на формирование образованного слоя. Высшее училище (философская академия), созданная в 124 г. до н.э., учила пониманию сложной доктрины, опирающейся на чтение пяти классических книг и на комментарии к ним (*Книга Перемен, Древняя история, Книга песнопений, Весна и Осень, Книга церемоний*). Традиция восходит к Конфуцию, но сами книги были созданы до или после него (по-настоящему воссозданы и должным образом прокомментированы просвещенными людьми в IV—III вв. до н.э.).

Каждый учитель обучал только одной книге, и только в одной интерпретации. Поэтому в Высшем училище существовало по каждой книге столько кафедр, сколько было возможных интерпретаций (в I в. н.э. таких кафедр насчитывалось 15). Каждый учитель обращался к двенадцати помощникам, которые собственно и занимались с учениками. В 130 г. н.э. Школа насчитывала 1800 учеников и 30 000 ступенчатой. Суровые экзаменационные испытания завершали учебу. Экзаменационные вопросы записывались на деревянных дощечках, в которые из лука стреляли экзаменуемые; попадание стрелы в ту или иную дощечку означало, на какой вопрос стрелок должен ответить.

В целом эта система просуществовала до наших дней, по, естественно, в течение веков она корректировалась, появлялись другие комментарии, другие учебники. Главная корректировка произошла между VIII и XII вв., в период Пяти Учителей, которые и создали то, что сейчас называется неоконфуцианством. Самый известный из них Чжу Си (ум. в 1200 г.) разработал доктрину, которая вплоть до падения Китайской империи (1912) оставалась неизменной официальной доктриной китайской мудрости.

2. Будучи доктриной изолированных умов, конфуцианство представляет собой попытку объяснить мир, имеющую целью ликвидировать примитивные народные верования при соблюдении общего смысла традиции.

Отсюда высокомерная и даже чуть презрительная отстраненность по отношению к народной религии и очевидный скептицизм. Конфуций никогда не говорит о божествах и, продолжая уважать духов, о предках, он предпочитает держать их на расстоянии: «Как не умеющий служить людям, сможет служить духам? — спрашивает он. — Как не знающий живых, сможет узнать мертвых?»

Из природных явлений, из отношений людей с миром сверхъестественного последователи Конфуция выводят общие объяснения, в которых можно увидеть набросок научной теории мироздания. Жизнью мира управляют не капризы или гнев богов, но игра обезличенных сил, взаимодействие которых лежит в основе всех явлений и преобразований. Они говорят не «небесное божество», но «Небо»... Вместе с тем для новых объяснений конфуцианцы сохраняли зачастую очень старые, уходящие корнями в язык народа и даже крестьян слова и понятия, которым они придавали новый философский смысл. Так произошло с понятиями *инь* и *янь*.

В языке и народной литературе эти слова обозначали «единство противоположностей»: *инь* означало темноту, *янь* — солнце; *инь* — холодное и дождливое время, зиму, *янь* — засушливую жару; *инь* — женское пассивное начало, *янь* — мужское активное начало... Конфуцианцы заимствовали оба слова, превратив их в символ «двух конкретных и взаимодействующих аспектов мироздания, которые противостоят друг другу в пространстве и чередуются во времени», которые своим антагонизмом порождают энергию мира. Эти два времени бесконечно чередуются: «время отдыха называется *инь*, время активности — *янь*; они никогда не сосуществуют, они бесконечно следуют одно за другим, а их чередование управляет всем». В частности, это касается времен года: *инь* осени-зимы сменяет *янь* весны-лета; таким же образом объясняется чередование дня и ночи, холода и тепла. В человеческой природе эта «дуаль» обозначает любовь и ненависть, радость и гнев...

Ритм чередования *инь* и *янь* обозначается как *тао*, принцип само-го чередования, а следовательно — единство всякого существа и всякого развития. Пословица гласит: «один раз *инь*, один раз *янь*, а их единство — *тао*».

К несчастью, если в природе все следует предначертанному пути своего *тао* (если *янь* — небо и *инь* — земля чередуются и тем разрешают проблемы природы и людей), то человек является в мироздании особым, вносящим беспорядок в ход вещей элементом, «единствен-

шим, кто обладает свободой не следовать своему *дао*, свернуть с предначертанного пути. Таким образом, совершая плохие поступки, человек разрушает установленную гармонию мира.

Конфуцианцы думали, что человек тем самым вносит пертурбации либо природного характера (затмения, землетрясения, наводнения...) либо человеческого (бунты, общественные потрясения, голод и пр.). В противоположность им неоконфуцианцы ограничивали пертурбационные способности человека только собственно человеческой сферой. Из-за недостатка добродетели человек обрекает себя на униженное положение. Ниже мы увидим, что в этом заключается принцип императорской власти: властители автоматически поднимаются наверх или лишаются власти в зависимости от того, следуют они или нет небесному порядку.

3. Посредством таких размышлений конфуцианство приходит к жизненному правилу, морали, которая стремится поддерживать порядок в обществе и государстве и живореагирует на умственную и социальную анархию софистов и легистов.

Исходя из древней религиозной практики, конфуцианцы сводили важную роль морального равновесия, сдерживания чувств к определенным ритуалам, к определенному поведению в обществе и семье. Ритуалы уцеляют жизнью каждого, определяют положение человека, его права и обязанности. Следовать своему пути, своему *тао* означает прежде всего оставаться постоянно на подобающем месте в социальной иерархии. «Таков глубокий смысл знаменитого определения, которым Конфуций обозначал хорошее правительство: «Пусть государь останется государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном!»

Послушание по отношению к государю или мандарину, уважение к ним определяются в соответствии с подобными рассуждениями об их превосходстве: «Добродетель государя подобна ветру, добродетель простых людей подобна траве. При порыве ветра трава всегда склоняется». Добродетель подданных есть абсолютное послушание, являющаяся гармонией людского сообщества. Отсюда сохраненная конфуцианством важность «культ предков, лишённого всякой религиозности, но потребного в качестве цементирующего начала иерархии» (Э. Балаш), поскольку культ предков поддерживает в самой семье иерархию и абсолютное послушание.

Очевидно, что «проповедуемые конфуцианством добродетели, а именно уважение, смирение... подчинение и субординация по отношению к вышестоящим, к старшим по возрасту» значительно усиливают политический и социальный авторитет касты образованных чи-

новников, т.е. касты, к которой принадлежали сами конфуцианцы. Эта формализованная и традиционная мораль во многом содействовала социальному консерватизму Китая.

- Возникший примерно в одно время с конфуцианством и в результате того же продолжительного кризиса даосизм представляется мистическим исканием и религией личного спасения. В своей наиболее популярной форме он связан с существованием в Китае тайных обществ.

Происхождение этого учения связано с именем Лао Цзы («Учитель»), мифического персонажа, жившего в VII в. до н.э. Однако приписываемая ему книга, в которой содержится его доктрина, датируется IV или III в. до н.э.

1. Даосизм есть мистический поиск абсолюта и бессмертия.

Как и конфуцианцы, даоисты (даосы) интерпретировали, но по-своему общие понятия *инь*, *янь* и *дао*. В их понимании *дао* — это мистический абсолют, первейшая жизненная сила, «то, из чего все происходит».

Определить этот абсолют невозможно. Послушаем, что об этом говорится в древнем тексте, приписываемом Лао Цзы: «*Дао*, которое мы стремимся выразить, — это не само *дао*; имя, которое ему дается, не полностью ему соответствует. Лишенное имени, оно представляет происхождение Вселенной; будучи названным, оно означает Мать всех существ. Через Не-Бытие поймем его тайну; через Бытие получим к нему доступ. Не-Бытие и Бытие происходят из единой сущности, отличаясь только именами. Эта единая сущность обозначает Тьму. Затемнить эту Тьму — вот врата всякого чуда».

Совершенство, святость, которую ищут даоисты, — это мистическое единение с вечным *дао*; это означает «раствориться живым в суверенном пресуществлении, которое обволакивает все, не будучи само обволакиваемым», в «этом лишенном формы нечто, которое порождает все формы, в *дао*, обладающем вечной жизнью». Это означает достичь бессмертия.

Речь идет о мистическом опыте, которого можно достичь только аскезой и медитацией. «Слушайте не ушами, а Сердцем (Сердце для китайца означает Дух); слушайте не Сердцем, а Дыханием... Именно Дыхание, когда оно пустое, воспринимает реальность. Единение с *дао* достигается только через Пустоту; Пустота есть воздержание Сердца».

Цель состоит в том, чтобы достичь этого состояния посредством долгих лет медитации и очищения, посредством свершения многих

добрых поступков; избранный, как нам говорят, может достигнуть этого через несколько дней: «Через три дня он может отстраниться от внешнего мира; через семь дней он может отстраниться от близких ему вещей; через девять дней он может отстраниться от собственного существования. Затем... он добивается просветления, он видит то, что является Единым; увидев Единое, он может прийти в состояние, когда больше нет ни настоящего, ни прошлого; и наконец, он достигает состояния, когда не существует более ни жизни, ни смерти».

Через этот опыт даосизм сближается со всеми мистическими опытами, будь они христианскими, мусульманскими или буддистскими.

2. Поиск мистического бессмертия является спасением не только души, но и тела: достигается благодаря рецептам долголетия, очищения, «облегчения» тела.

Трудно перечислить все способы достигнуть этого: дыхательная гимнастика, стимулирующая свободную циркуляцию крови и воздуха и помогающая избежать «закупорки сосудов, свертывания крови и образования узелков»; постоянная диета, которая замешает привычную еду (в частности, злаки) растительными или минеральными спадобьями, зачастую паркотическими; наконец, алхимия. Среди рекомендаций, имеющих отношение к последней: золотая посуда, которая очищает любую еду, растворенное в воде золото (золотой ликер) и особенно киноварь после того, как ее девять раз превратили из киповари в ртуть и из ртути в киповарь, чтобы сделать из нее «красную пилюлю бессмертия». После всех этих действий «кости превращаются в золото, а плоть — в янмю и тело становится нетленным» и легким, как соломинка; тогда оно может подняться над бренностью бытия к вьшшей радости алхимика, ставшего бессмертным. Чтобы не смущать живущих, он притворится, что умер, как другие, оставив после себя саблю или палку, которым придаст внешний вид трупа.

Эти алхимические опыты, поиски эликсира долголетия придают смысл истории даоистского монаха Чап Чуля (Вечная Веспя), которому было 73 года (говорили, что к тому времени он прожил уже двести лет), когда Чингисхан заставил его покинуть монастырь и присоединиться к нему в Монголии, чтобы передать ему рецепт долголетия. Когда старый монах прибыл к месту назначения (9 декабря 1221 г.), владыка спросил его: «Какое ты мне принес лекарство?» Китаец ответил на это: «Никакого. У меня есть только дао, обеспечивающее жизнь». Властелин и монах умерли в 1227 г. с интервалом в несколько дней.

3. Существует еще и народная даоистская религия, которой ничего неизвестно ни о святости учителей, ни о сложных поисках долголетия.

Китайцы «даоистский народ» называют дао мин, а подлинных последователей учения, дао ше, противопоставляя их друг другу.

Народные массы дао мин участвуют в многочисленных богослужениях, приносят дары и покаяние. Эта категория верующих не может претендовать на бессмертие, но верит в то, что те, кто ведет праведную жизнь, могут рассчитывать на лучшую долю в ином мире. Они не избегают Желтых источников, но будут прислуживать богу Земли, возвысившись над толпой смертных. Эта последняя деталь показывает, что даосизм приспособил для народа старые верования, причем не только в этом.

Народный даосизм много раз организовывался в иерархизированные церкви, а также во всякого рода более или менее тайные секты, анархистствующие и мистические. На практике даосизм всегда оставался символом индивидуализма, личной свободы, бунта, что отличало его от конфуцианства, приверженного традициям и общественному порядку.

- * Буддизм, последний по времени возникновения из «Трех великих учений», был привезен в Китай миссионерами из Индии и Центральной Азии. Но и это учение не избежало заимствований из общей сокровищницы китайской мысли и коренным образом изменилось вследствие этого.

/ Буддизм сформировался в Индии в V—VI вв. до н.э. Он пережил краткий период величия во времена императора Ашоки (273—236 гг. до н.э.), но постепенно ушел в тень, ассимилированный индуизмом. Большинство его приверженцев оказались на севере и северо-западе Индии в эпоху правления греческих династий, появившихся здесь в результате завоеваний Александра Великого. Затем он распространился на Центральную Азию, Бактрию и бассейн реки Тарим.

Именно здесь с ним познакомились китайцы, завоевавшие этот регион во II в. до н.э. Ему понадобилось еще три столетия, чтобы проникнуть на территорию ханьского Китая (в I в. н.э.) по путям, связывающим его с Центральной Азией, а также по морским путям и дорогам Юнани. Но только начиная с III в., т.е. с очень большим опозданием, он распространяется на все китайское общество, среди и элиты, и народных масс. Вплоть до X в. влияние буддизма остается главенствующим.

Буддизм учит, что человек после смерти возрождается в иной брэнной оболочке для того, чтобы вести более или менее счастливое существование (в зависимости от его поступков в прошлой жизни), но это существование все равно есть боль. Единственное средство избавиться

от боли — следовать предначертанному Буддой пути, который позволит достичь нирваны, т.е. раствориться в безусловной вечной жизни и освободиться от «колеса» реинкарнации. Этот путь труден, поскольку именно жажда жизни позволяет живым существам возродиться после смерти. Поэтому жажде жизни следует подавить в себе путем отстраненности от жизненных хлопот и самоотречения. Для этого необходимо понять, что ни Я, ни то, что это Я окружает, не существуют в реальности: это только иллюзия. Понимание этого не является осознанным знанием, оно интуитивно, это просветление; его мудреп может достичь созерцанием и умственными упражнениями, которые повторяются не в одном, но зачастую в нескольких существованиях.

2. *Первый успех этого вероучения, не свойственного китайскому духу, объясняется затянувшимся недоразумением.* Религия оказалась представленной китайцам не в своем подлинном обличье. Первые сторонники буддизма были выходцами из даосистских крутов: они приняли буддизм за истину, мало чем отличающуюся от их собственной религии. Действительно, обе религии основаны на идее спасения, а практика созерцания, если рассматривать ее внешние проявления, схожа у той и другой религии, хотя буддистская физически менее тяжела и потому более притягательна. Что касается написанных на санскрите текстов, которые могли бы прояснить недоразумение, то знакомство с ними шло медленно. Санскритские тексты с трудом поддаются переводу на китайский, и потому китайцы вынуждены были обращаться за помощью к индийским миссионерам и первым проповедникам буддизма из числа даосистов, которые использовали в переводе лексику даосистского учения, что еще больше усиливало путаницу. Так, буддистское озарение стало единением с дао, нирвана была переведена на китайский язык словом, означавшим пребывание бессмертных, и пр. Такой искаженный буддизм получил быстрое распространение благодаря широкой сети женских и мужских монастырей.

Как и в случае с даосизмом, получившая распространение в народных массах новая религия объединяла тех верующих, что довольствовались участием в религиозных праздниках, чтении молитв, раздаче подавания, попытках избежать пяти смертных грехов, в разыгрываемых представлениях, где бонза должен был призывать к спасению, вызывать души предков. Благодаря этому верующие могли рассчитывать на то, что после смерти они достигнут неба на Западе при посредстве святых, которые освободят души проклятых.

3. *Нedorазумение исчезло вместе с распространением переводов текстов с санскрита, что произошло с большим опозданием — не ранее VI—VII вв.*

На самом деле даосизм и буддизм глубоко различны. Одна религия ищет «спадобие для достижения бессмертия», сохранения телесной оболочки, а другая рассматривает тело как оковы, навязанные человеку его несовершенством, и вообще отказывает ему в реальном существовании. Для буддизма не существует даже Я: в нирване любая личность растворяется, тогда как в рае бессмертных святой даосист рассчитывает навечно сохранить собственную личность.

Лишь несколько китайских мыслителей были смущены поздним открытием этих различий и невозможностью «воспользоваться системой Будды для достижения смысла *дао*», как об этом писал один из них в VII в. Отныне буддизм стал «китайским». Это вероучение то поддерживалось, то преследовалось, а репрессии 845 г. привели к закрытию всех буддийских монастырей. В конечном счете буддизм сохранил здесь некоторое число «отобранных верований, которые Китай признал в качестве собственных духовных богатств, не меняя их для собственных нужд» (П. Демьевиля). Таким образом, вера в переселение душ охватила весь Китай, включая даже даосистов. Начиная с XIII в., буддистская метафизика проникла и в неоконфуцианство...

Итак, нельзя утверждать, что китайская цивилизация уничтожила буддизм. Она приняла это учение и несет на себе его печать (возьмем к примеру многочисленные произведения искусства), одновременно оказав на него безусловное влияние. Но такова уж была участь всех религий в Китае.

- Так что же такое религия для большинства китайцев после неоконфуцианской реформы XIII в., включая и религию сегодняшнего Китая?

Иными словами, что значат для большинства народа кирпичные, покрашенные в яркие цвета храмы, превышающие по своим размерам обычные глиняные или деревянные дома, покрашенные коричневой или серой краской? Они связаны не с какой-то одной религией, но со всеми одновременно.

Каждый верующий обращается то к буддистским, то к даосистским бонзам. Священнослужители проводят службы в одном храме, в котором можно увидеть статую Будды, алтарь местных богов, статую почти обожествленного Конфуция. Всем приносятся дары. Во время последней войны общая молитва в китайском храме могла быть обращенной сразу к 687 божествам... в том числе и к Христу. Интересно отметить, что этот сонм богов берет свое начало издавна, и никакие религиозные споры так и не выявили преимущество какой-либо веры над другими.

Во времена Марко Поло при дворе Великого Хана, под властью которого находились в ту пору Китай и монгольская империя, проходили жестокие религиозные баталии. Монголы отстранили от управления конфуцианцев (хотя и оставили их в качестве чиновников); преследовали даосистов вплоть до угрозы смерти и благоволили собственным шаманам (анимистам), а также буддистам, а точнее их тибетской ветви, привечая при дворе лам, чудотворцев и магов. В ту эпоху христиане-несторианцы смогли воспользоваться благоприятной для них конъюнктурой. Вскоре после отъезда Марко Поло из Китая западный монах Фра Джiovанни де Монтекорвино сумел даже воздвигнуть первую католическую церковь в Ханбалыке (Пекине), причем так близко от императорского дворца, что там был даже слышен звон колоколов. Фра Джiovанни пишет, что «это чрезвычайное событие стало известно всем народам». Но его надеждам, как впоследствии надеждам иезуитов, так и не суждено было сбыться. Можно ли обратить китайцев в одну веру? И особенно в иностранную?

Политические параметры

В этом плане эволюция была медленной, многообразной. Поэтому нам придется не только описать привычки и обряды, свойственных императорскому правлению, но и объяснить, что его сила основывалась на корпусе ученых чиновников, мандаринов, остававшихся до недавнего времени одной из самых заметных особенностей китайского общества и китайской цивилизации; наконец, отметить, что существование общественных институтов оправдывалось результатами их деятельности: равновесием общественного устройства, поддержанием единства государства на всем огромном политическом пространстве. Государственное единство было смыслом существования императорской власти.

- Императорская власть иллюстрирует «китайскую преемственность».

Вслед за китайскими летописцами и историками можно утверждать, что императорский Китай имеет четырехтысячелетнюю историю, в ходе которой сменялось 22 династии; официальная хронология подробно описала их последовательную смену, не пропустив ни одной. Но такое хронологическое упорядочение не должно порождать иллюзий. Прежде всего в последовательной смене династий бы-

ли свои нерывы, свои смутные времена, свои самозванцы. Кроме того, нужно отметить, что институты императорского Китая возникли после объединения страны, которого добился «первый император» династии Цинь, Цинь Шихуанди (246—221 г. до н.э.), чье дело было продолжено и стабилизировано императорами династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.).

Если мы примем эту разумную точку отсчета, то можно сказать, что императорский Китай как общественный институт существовал с 221 г. до н.э. по 1911—1912 гг., когда произошло падение Маньчжурской династии, также называемой династией Цин (1644—1911). Речь идет таким образом о *долготренинговости*, об оси, вокруг которой история Китая медленно вращалась в течении долгих веков. Становится понятной задача китайских философов и историков: они стремились подчеркнуть продолжительность, законность монархии и при необходимости упорядочивали периоды истории, отмеченные белыми пятнами, отсутствием должного порядка. Тем более что императорский порядок в Китае был не только социальным, но еще и религиозным, основанным на сверхъестественных ценностях.

Социальный порядок, сверхъестественный порядок — это лицевая и оборотная сторона одной медали: *все, что делает император, является одновременно временным и священным*; никогда его действия не носили только светского характера. Император одновременно контролировал сверхъестественный и естественный порядок в мире, он поддерживал состояние покоя в этом двойственном мире, его роль заключалась в том, чтобы назначать чиновников и одновременно принимать решения по вопросам иерархии храмов, дать имя «какому-то из обожествленных древних мудрецов», председательствовать на церемонии начала сельхозработ во время праздника Весны, когда он делал первую борозду...

Китайцы часто говорят: *эта монархия не имеет божественного права*. Это, безусловно, так, если иметь в виду западную монархию в эпоху Средневековья или в начальный период современной истории. Но между китайским императорским правлением и императорским правлением в том виде, как оно, например, было замыслено в Риме, мы обнаружим не одну общую черту. «Китайская политическая философия никогда не учила тому, что походило бы на западную доктрину относительно божественного права королей». Но есть ли в этом необходимость, если император — это «Сын Неба», если он управляет согласно *небесному повелению*, согласно контракту, который «отдает дань только добродетели», как сказал один китайский философ? Роль добродетели необходима, если нужно объяснить катастрофы, от которых государь

не всегда может уберечь ни империю, ни самого себя. Наводнения, засухи, отказ уплачивать налоги, поражения в ходе приграничных стычек с варварами, крестьянские бунты (а их было ой как много!) — все эти беспорядки происходят вследствие нарушения главного контракта, т.е. недостатка добродетели у императора, который в силу этого утрачивает расположение Неба. Подобные предзнаменования не обманывают, они возвещают смену династии, без которой целые поколения людей рискуют исчезнуть с лица земли вследствие деяний недостойного императора. Народные волнения — как это было, по крайней мере, в древнем Китае — рассматривались как признак упадка императорской власти. Старая поговорка гласит: «Небо смотрит глазами государя» (это напоминает западную мудрость: «Глас народа — глас Божий»).

Таким образом, небесный мандат на правление мог переходить от одной семьи, утратившей былые достоинства, к другой, которая удерживала власть в силу полученного ею мандата. «Китайское выражение *гоминь*, переводимое нашим словом «революция», которое принял республиканский Китай, буквально означает: отобрание мандата. Нужно, чтобы монарх, утративший необходимую защиту небес, уступил свое место». Следовательно, для утверждения преемственности императорской власти и единства Китая необходимо соблюсти хронологическую последовательность смены династий, тщательно убрав из истории «посторонних», которых мы бы назвали незаконными или властителями (узурпаторами). Когда одна династия завершает правление, то небесный мандат на него обязательно получает другая. Историк оказывается в неприятном положении тогда, когда в период смуты власть оспаривается, оказывается в руках сразу нескольких властителей. В этом случае китайскому историку трудно сказать, кто был истинным владельцем небесного мандата на правление, кто был преемником (на Западе сказали бы, у кого в руках была законная власть). За неимением лучшего объяснения китайский историк выбирает тех, кто кажется «более достойным», и демонстрирует эти избранным «все уважение, достойное Сына Неба».

Эта признанная законность власти того, у кого хватило силы ее захватить (ведь эта сила получена им от Неба), объясняет преемственность власти в Китае несмотря на политические перипетии.

Внешние проявления монаршей власти необычны, полны великолепия: роскошь двора, дворцов, наводненных министрами, чиновниками, свухами, придворными, наложницами, блеск великолепных организованных праздников. Когда император династии Сун отправлялся на юг своей столицы Ханчжоу, чтобы сделать приношения Не-

бу и собственным предкам в храме, расположенном в городском предместье, то дорога, ведущая из города к храму, выравнивалась и покрывалась песком. По краям ее стояли воины, богато украшенные слоны шли впереди императорской повозки, а когда императорский кортеж начинал движение, то факелы, зажигаемые с наступлением темноты по краям дороги, разом гасли. Это было грандиозное действо, разворачивавшееся в атмосфере народного ликования. Конечно, не было в мире монарха, который бы не рассчитывал заранее эффект подобного церемониала; так обставлялся, например, въезд в город французских королей. Внешний блеск китайской монархии также имел свое объяснение, а сам церемониал был еще более пышным, еще более наполненным религиозным содержанием. Чтобы сравнить, представьте себе, что значило бы в Европе чередование императорских династий, которые ничего не потеряли ни в своем блеске, ни в своей величии с времен Августа и до начала Первой мировой войны.

- Эта примитивная по существу монархия сосуществует с «современностью» в лице класса «образованных офицеров», мандаринов.

Запад был удивлен, когда обнаружил их присутствие, при этом он плохо понимал их подлинное положение, напрасно пытаясь отыскать в Китае эпохи Мин или эпохи правления маньчжурских императоров тот социальный горизонт, который бы хоть отдаленно напоминал Европу, где наряду с монархией существовали духовенство, дворянство, третье сословие. Значение мандаринов заставляло западных наблюдателей относить их к дворянскому сословию.

На самом же деле это были не столь уж многочисленные *высшие чиновники*, набираемые на сложной конкурсной основе. Их культура, как и выполняемые ими функции (а не происхождение), превращали их в узкую касту (в XIII в. их насчитывалось максимум 10 000 семей). Это не закрытая каста, но в нее трудно было проникнуть, так как она «принимала» только образованных людей, которых сближали знания, язык, род занятий, идеи, склад ума, что создавало из них некую общность, изолированную от остальных.

Напомним еще раз, что это не дворяне, не землевладельцы, не только представители богатых слоев населения (хотя они в массе своей являлись). Если нужно сравнить их с кем-то, то необходимо обратиться к современности. По словам Этьена Балаша, мандарины более всего напоминают «технократов» индустриального общества. Сегодняшние технократы, представляющие сильное государство, имеют боль-

шое влияние, они занимаются проблемами эффективности, производительности, они верны рационализму.

Мандаринов объединяет с ними следующее.

- 1) Их социальные права и общественный престиж обуславливались умственными способностями, определяемыми в результате конкурса.
- 2) Они «представляли собой тонкую прослойку, если говорить об их численности, но они были почти всемогущими из-за своей силы, влияния, положения, престижа».
- 3) «Они умели только управлять, руководить».

Их идеал прекрасно выражен словами Мэн-цзы (ум. в 314 г. до н.э.), который так объяснял различия между теми, кто думает, и теми, кто работает: «Занятия достойных людей отличаются от занятий людей мало-достойных. Одни заняты умственным трудом, другие — физическим. Те, кто занят умственным трудом, *управляют другими*; те, кто занят трудом, требующим физической силы, нуждаются в том, чтобы ими управляли. Те, кем управляют, содержат других; те, кто управляют, нуждаются в том, чтобы их содержали». Боязнь ручного труда воспринимается как достоинство: на руках ученого человека необычайно длинные ногти, что позволяет ему заниматься только одной работой — держать в руках кисточку для письма.

Но что означает управлять в условиях Древнего Китая? Как и в современном государстве, это означает выполнять административные и судебные функции. Мандарины собирают налоги, отправляют правосудие, обеспечивают полицейские функции, руководят военными операциями, составляют график работ, организуют строительство дорог и следят за состоянием дорог, каналов, плотин, оросительных систем. Какова их роль? «Исправлять жестокую природу», предупреждать засухи и наводнения, собирать запасы продовольствия... Иными словами, обеспечивать нормальное функционирование сложного сельскохозяйственного общества, которое требует (здесь мы следуем объяснениям К.А. Виттфогеля) строгой общественной дисциплины для контроля за реками и ирригационными системами.

Мандарины обеспечивают эту дисциплину, эту стабильность общества, хозяйства, государства, цивилизации. Они олицетворяют собой порядок перед лицом беспорядка. Это не означает, что последствия установленного порядка всегда были счастливыми. Но «такова цена, которую нужно было платить за однородность, длительность, жизненность китайской цивилизации». Лишь железной рукой мандаринов можно

было поддерживать единство огромной империи, которому угрожали, с одной стороны, феодалы, а с другой — крестьяне, а они всегда (в этом правиле не бывает исключений) выпадали в анархию, как только оказывались предоставленными самим себе. В противовес даосистам, которые оставались врагами всякого коллективного принуждения и пропагандировали возврат к природе, образованные чиновники выступали за иерархию, общественный порядок, конфуцианскую мораль.

В этом плане они несут ответственность за социальный иммобилизм Китая: они сохраняли равновесие между землевладельцами, лендлордами, на которых оказывали сдерживающее воздействие, и бедными крестьянами, держащимися за свои нищие наделы; они также контролировали потенциальных капиталистов, торговцев, ростовщиков, куворищей. Эти последние не только опасались контроля со стороны мандаринов, но и находились под воздействием их огромного престижа: ведь отпрыски богатых торговцев постоянно испытывали притягательную силу образа жизни мандаринов, их властных полномочий, знаменитых конкурсов... мечтали присоединиться к их касте. Этим частично объясняется, почему китайское общество — или его значительная часть — не эволюционировало на западный манер, не развивалось в сторону капитализма. Оно оставалось на стадии патернализма и традиционализма.

- Единство Китая или Север плюс Юг. Территориальное объединение произошло не ранее XIII в., как раз в ту пору, когда вся страна была охвачена иприсеннами.

Монгольское нашествие (1211—1279) завершилось завоеванием династий Сун китайского Юга и его столицы Ханькоу, которую Марко Поло посетил сразу после прихода туда монголов и смог увидеть во всем ее блеске и расцвете. Новые хозяева Китая не только максимально распространили китайское господство, но и придали силу и вдохнули жизнь во вновь приобретенные территории. Во времена предыдущих династий (Хань, Тан и Сун) эти пространства уже объединялись, но именно монголам удалось завершить процесс объединения и окончательно установить господство южного Китая; богатства последнего стали достоянием всего императорского Китая.

На протяжении многих веков Юг был своеобразным «Дальним Западом», «полуварварским Меццоджорно*» с характерной для него малой населенностью. Начиная с XI в. он, однако, просыпается от сво-

его полуколониального сна: это стало реальным после того, как ранние сорта риса сделали возможным сбор двух урожаев в год. С тех пор Юг становится житницей Китая. Если *два предшествующих тысячелетия истории Китая* (до рассматриваемого периода) прошли под знаком господства обитателей Желтой Реки, то *третье тысячелетие* (после XI в.) — ознаменовано доминированием населения, обитающего к югу от Янцзы вплоть до района Кантона. Правда, Ханчжоу и Нанкин, столицы Голубой Реки — Янцзы, вынуждены были уступить главенство Пекину, расположенному на Севере, что объяснялось очевидными геополитическими причинами: главная опасность исходила от северных варваров и кочевников, которых нужно было сдерживать.

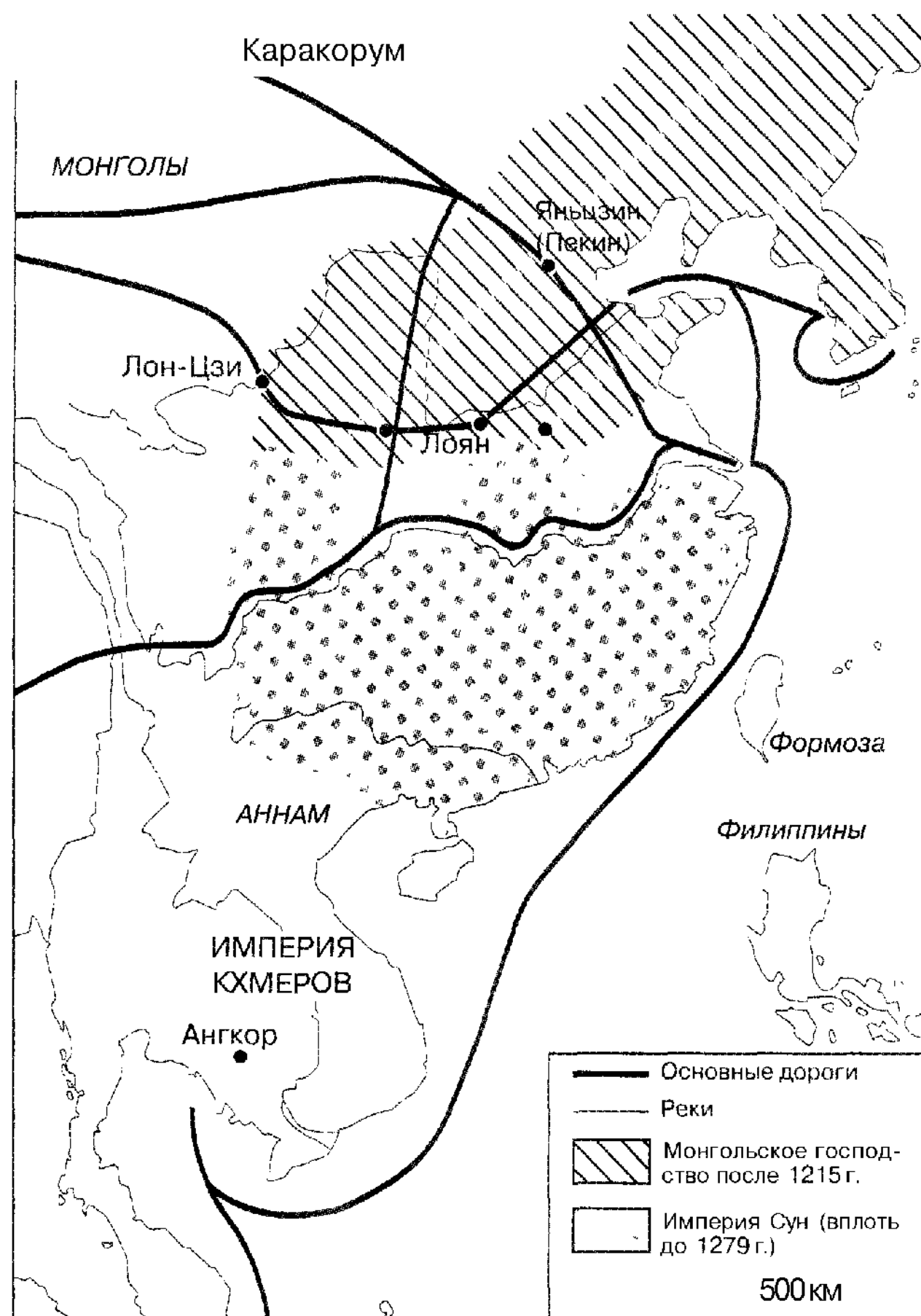
Приоритет Юга быстро сказался на численности его населения: в XIII в. на одного жителя Севера приходилось десять жителей Юга. Это был также приоритет качества, эффективности, что сохраняется и в наши дни. На протяжении трех последних веков подавляющая часть интеллигенции была представлена выходцами из провинций Ганьсу и Чжэцзян, а большинство лидеров революции XX в. пришло из Хуанни. Это все последствия перемещения центра тяжести Китая к Югу, которое произошло почти тысячелетие тому назад. В период между XI и XIII вв. Китай риса стал господствовать над Китаем зерна и проса. Но этот новый Китай оставался древним Китаем, продолжавшим и обогащавшим последний. Юг — это как бы Америка Китая (позднее, начиная с XX в., ею станет Маньчжурия).

Экономические и социальные параметры

Полунеподвижность классического Китая означает также полунеподвижность его экономических и социальных структур. Это нашло отражение в основах самого общества.

- Как и всякое глобальное общество, китайское является комплексом обществ, смещением устаревших и прогрессивных форм, будущее которого (если оно у него есть) зависит от медленной и почти незаметной эволюции.

Основу общества составляют крестьянские и пролетарские слои, ибо бедные крестьяне и нищие горожане в нем преобладают. Это общество немудрях с трудом различает своих господ: оно лишь изредка видит императора и принцев крови (они очень богаты, но крайне малочисленны), крупных землевладельцев (их представляют ненавистные

Дороги и реки классического Китая

управляющие), а также крупных чиновников, которые внушают страх и правят издали «при помощи бамбуковой палки» (П. де Лас Кортес). Напротив, мелким бюрократам симпатизируют. И наконец, каждый желает смерти ростовщикам и работодателям.

Во всяком случае, об этом говорится в народных сказках периода династии Сун.

Об этом обществе можно сказать так: оно одновременно было патриархальным, рабовладельческим, крестьянским и современным, очень далеким от «модели» западных обществ.

Оно *патриархальное*, поскольку опутано родовыми связями, культом предков. «Семейная солидарность распространяется на самых далеких родственников и даже на друзей детства. Дело здесь не в благотворительности, а в справедливости: тот, кому удалось сделать карьеру, использует добродетели семьи, привлекает на свою сторону благословение общих предков; справедливо, что человек, который использует семейные шансы, возвращает всем своим родственникам блага, которые он им должен».

Это общество является одновременно *рабовладельческим*, во всяком случае рабство в нем зачастую присутствует, хотя и не является господствующим укладом. Рабство предстает здесь как стихийное выражение нищеты и перенаселенности. В трудные времена несчастные сами продают себя. Как и повсюду на Дальнем Востоке, родители продают детей. Эта практика продолжалась в Китае вплоть до указа 1908 г., т.е. почти до конца правления маньчжурской династии; данный указ уничтожил рабство и запретил продажу детей. Однако он разрешал родителям «во время голода подписывать трудовые соглашения, которые закабалляли детей до достижения ими двадцатипятилетнего возраста».

Будучи крестьянским в своей массе, китайское общество не является собственно *феодалным*. В нем нет ленных владений с инвеститурой, нет ленной зависимости крестьян, нет крепостных крестьян. Крестьяне владеют крошечными земельными наделами. Однако над ними стоят «сельские нотабли», сдающие землю в аренду и зачастую занимающиеся ростовщичеством. Они требуют от крестьян барщины, трудовой повинности или платы натурой (буасо зерна или горшочек сала) за пользование плечью или мельницей... Нотабли тесно связаны с мандаринами, часто являющимися крупными землевладельцами, которые, как мы уже об этом говорили, представляют интересы государства и в силу этого стремятся помешать чрезмерному господству одного класса над другим и в особенности усилению класса феодалов, способных соперничать с центральной властью.

Вся эта социальная структура призвана поддерживать равновесие между четырьмя группами древней иерархии: образованными людьми, крестьянами, ремесленниками и торговцами. При этом две последние социальные категории, могущие служить движущей силой развития, правительство держит в узде. Их роль могла бы возрастать в периоды экономического подъема, но эти периоды были эпизодическими.

- Что бы ни думали влюбленные в Китай специалисты и историки, его экономика может характеризоваться как слабоактивная, отстающая от экономики Запада.

Конечно, речь вовсе не идет о какой-то *глобальной* отсталости Китая от Европы. Это отставание структур, торговых контактов, товарного капитализма — их черты более слабо очерчены, чем на Западе или в мусульманском мире. Прежде всего нет свободных городов, и это основная слабость. Отсутствует слой торговцев, которых безудержная погоня за наживой (осуждаем мы ее или нет) превращает в «закваску» прогресса. Начиная с XIII в., китайские купцы готовы тратить деньги на удовлетворение своей гордости и тщеславия — в этом они похожи на наших купцов, — но более всего их притягивают гуманитарные занятия. Сын торговца умеет писать стихи. «Все имеющиеся в нашем распоряжении описания купеческой жизни доказывают, что целью было заработать достаточно денег для безбедной жизни, для выполнения своего морального и общественного долга перед родителями и всей семьей». Самые богатые предоставляли своим родственникам возможность присоединиться к престижному слою маджаринов.

Можно сказать, что они лишь наполовину обладали западным капиталистическим мышлением. Более того, мы постоянно слышим рассказы о бродячих торговцах и ремесленниках, и это бродяжничество уже само по себе является признаком незрелой экономики. Именно в XIII в. Европа частично избавляется от бродячих торговцев, типичных для первых столетий Средневековья, и количество торговых домов, выбравших постоянное место пребывания, увеличивается. Лишь бедный купец сам сопровождает свои товары, не имеет филиалов или приказчиков, не располагает возможностями отдавать распоряжения при помощи писем. Лишь бедный ремесленник носит на спине орудия труда и кочует по городам и весям в поисках работы. В Китае еще в XVIII в. изготовители сахара сами приходили к владельцам плантаций сахарного тростника, чтобы на месте из тростника, делать сироп и сахар-сырец... Промышленность была сконцентри-

рована очень слабо: всего несколько угольных шахт на Севере и знаменитые печи производителей фарфора на Юге.

Не существовало системы кредитов. Они появились только в XVIII—XIX вв. Отсюда значение ростовщичества, которое, как заноза, сидело в старом китайском обществе, уже само по себе будучи доказательством устарелости хозяйственного уклада.

Несмотря на наличие речных путей, на джонки, сампаны, шлюты, на франшизы между провинциями, на носильщиков, на караваны верблюдов на Севере, классический Китай был слабо связан с внешним миром. И наконец, он был перенаселен, слишком перенаселен.

- Не будучи в достаточной мере открыт внешнему миру, Китай жил в основном за счет собственных ресурсов. Его связи с внешним миром осуществлялись только двумя путями: морем и через пустыню. Для этого необходимо было благоприятное стечение обстоятельств и нужна была возможность найти в конце того или иного пути караван, способного торговать с Китаем.

В эпоху монгольского владычества (1215—1368), в течение века (1240—1340), оба пути были открыты для китайской торговли. Хубилай (1260—1294), император и защитник семейства Поло, предпринял попытку создать собственный флот, чтобы освободиться от кораблей мусульман, а также защититься от конкуренции со стороны Японии и ее пиратов. Помимо этого, он убрал преграды на великом монгольском пути до Каспия, Черного моря и богатых генуэзских и венецианских колоний (Кафа и Тан).

Такой *открытый Китай* должен был бы процветать, подпитываемый серебряными деньгами, получаемыми от купцов с Запада. В Китае — чудо из чудес — имели хождение даже бумажные деньги. Но процветание Китая в эту эпоху продолжалось короткое время.

Великая национальная революция (при падении династии Мин), отбросившая монголов в пустыню (1368) и очистившая страну от этих плохо поддающихся ассимиляции чужаков, привела к почти одновременному закрытию обоих торговых путей. Новый Китай утратил возможность пересечь пустыню. Попытки династии Мин закрепиться на море также оказались тщетными. С 1405 по 1431—1432 гг. под командованием адмирала Чжэн Хэ были одна за другой предприняты семь морских экспедиций. В одной из них участвовало 62 джонки, на борту которых находилось 17 800 воинов.

Все эти флотилии отплывали из Нанкина в направлении Зондского архипелага, откуда Китай получал золотой песок, перец, прянос-

ти. Они добирались даже до Цейлона, где был оставлен гарнизон, до Персидского залива, Красного моря и африканского побережья, откуда были привезены великолепные жирафы, вызвавшие всеобщее изумление.

Этот исторический эпизод китайцам кажется странным, но он достоин внимания. Еще немного попутного ветра, и китайские корабли могли бы за полвека до португальцев обогнуть мыс Доброй Надежды, открыть Европу и даже Америку. Однако в 1431—1432 гг. плавания закончились и больше не возобновлялись. Огромный Китай должен был напрячь все свои силы, чтобы в очередной раз противостоять своим вечным северным врагам. В 1421 г. столица страны была переведена из Нанкина в Пекин.

Позднее, в XVII—XVIII вв., маньчжурские императоры вновь открыли путь через пустыню. Они заняли большие территории вплоть до Каспийского моря и Тибета и отбросили кочевников далеко к западу. Эти завоевания позволили Китаю установить мир на своем Севере и продвинуться в Сибирь до реки Амур (Нерчинский договор, 1689). Результатом этих завоеваний стало открытие к югу от Иркутска начиная со второй половины XVIII в. торговых ярмарок, где северные меха обменивались на хлопковые изделия, шелк и чай из Китая. Что касается морских ворот, то европейцы попытались приоткрыть их сначала в XVI, потом в XVII и XVIII вв. Им удалось проникнуть в Китай через морские ворота только в XIX в., но сделали они это уже исключительно к собственной выгоде.

- Перенаселенная страна: с XIII в. в Китае насчитываются предположительно, около 100 миллионов жителей (90 миллионов на Юге и 10 миллионов на Севере).

Численность населения уменьшается после изгнания монголов в результате национальной революции (1368): в 1384 г. население сократилось до 60 миллионов человек; но после установления мира вновь достигло, как кажется, прежнего уровня. Оно вновь сократилось в результате нашествия маньчжуров (1644—1683), затем выросло с наступлением мирных времен. В XVIII в. произошел новый демографический скачок. С тех пор рост населения стал угрожающим.

Избыточные людские ресурсы имеют свою негативную сторону. По всей вероятности, демографический рост помешал техническому прогрессу. Изобилие рабочих рук делает бесполезным использование машин, как это было в Древней Греции и Древнем Риме, где использовался труд рабов.

Человек способен на все. В 1793 г. английский путешественник восхищался тем, как люди перетаскивали на руках судно с одного бьефа на другой, что позволяло обходиться без шлюзов. Священник де Лас Кортес (1626) также восхищался (он даже зарисовал эту сцену), как китайские рабочие поднимали ствол огромного дерева. В конечном счете нет задачи, которую не смог бы решить человек. А ведь человек в Китае значил так мало!

Избыток людей мешал развитию Китая, способствовал консерватизму и тормозил технический прогресс. Зато в Китае развивалась наука, специалисты постоянно говорят о ее достижениях, об изобретательности ученых, которые во многом оказались первопроходцами, сумели предвосхитить современные открытия. Специалист по истории науки в Китае Джозеф Нидэм отмечает, что предложенная китайскими учеными «органическая» концепция мира предвосхитила тенденции развития современного научного знания, что она противостояла той механистической концепции, которая со времен Ньютона и вплоть до конца XIX в. господствовала на Западе. Но, как это ни удивительно, за развитием науки в Китае не последовало развитие техники. Она отстала. Главной причиной была безусловная избыточность рабочей силы. У Китая не было необходимости изобретать машины, чтобы облегчить человеческий труд. Техника стала жертвой нищеты, вызванной постоянным переизбытком населения.

Глава 3. Китай вчера и сегодня

Классический Китай не исчез сразу. Он двигался к закату постепенно и достиг роковой черты к XIX в. Затем события стали развиваться гораздо быстрее. Древний Китай был открыт внешнему миру насильственным путем, и ему пришлось пережить долгое унижение. Чтобы осознать свой крах, Китаю понадобилось немало времени. Еще больше времени ушло на поиски средств, чтобы выбраться из сложившейся ситуации. И только сегодня страна выходит из кризиса, заплатив за это цену, равной которой мы не найдем в ее истории.

Времена неравноправных договоров: униженный и страдающий Китай (1839—1949)

Китай не был оккупирован, подобно Индии, не был низведен до положения колонии. Но в страну ворвались силой, ее разграбили и расчленили. Китай выбрался из этого ада только благодаря возникновению Китайской Народной Республики в 1949 г.

- **Начиная с XVI в., Китай входит в сферу европейской торговли. Хотя это событие и является важным, оно имело для Китая лишь ограниченные последствия. Только потом наступила эра неравноправных договоров.**

В 1557 г. португальцы закрепились в Макао, напротив Кантона, и стали играть существенную роль в отношениях между Китаем и Японией. В XVII в. англичане и голландцы заняли господствующее положение. И наконец, во второй половине XVIII в. начинается золотой век торговли с Китаем, хотя поначалу она была ограничена портом Кантона.

Для Китая торговля была важна, но она никак не отражалась на основной массе его населения. Европейские, особенно английские, купцы установили контакт с одной-единственной компанией китайских торговцев, которые получили монополию на закупки и продажу. Поскольку торговые связи были взаимовыгодными, они постоянно развивались. Шла торговля золотом (в Китае оно было дешево из-за высоких цен на серебро, объясняемых его редкостью: в соотношении 8 к 1 против 15 к 1 и более в Европе), чаем, спрос на который в Европе не переставал увеличиваться головокружительными темпами, хлопком и

изделиями из него доставляемыми из Индии. Торговля развивалась благодаря кредитам: европейские купцы ссужали деньгами китайских торговцев, которые распределяли их между собой и в свою очередь одаживали, что позволяло приобретать товары в самых удаленных провинциях империи; так создавалась современная для того времени финансовая сеть. Для Европы это был обычный способ обеспечить свою торговую экспансию: давать деньги в долг местному купцу при каждом путешествии, чтобы позволить ему подготовить товары к следующему приезду и делать приоритетные закупки на рынке.

Торговля с Китаем оказывалась для Европы весьма выгодным образом, часто, если не всегда, обещаая крупные барыши. Для Китая выгода была также вполне реальной; кроме того, иностранные методы торговли и сами чужеземные товары не создавали в стране проблем: в масштабах огромной империи возникавшие экономические проблемы имели локальный характер.

Все изменилось в XIX в. Европа почувствовала свою силу и стала более требовательной. Кроме того, она опиралась на ресурсы колонизированной англичанами огромной Индии, которая выполняла роль перевалочного пункта. В итоге интервенционистская политика Запада стала более жесткой со всеми вытекающими отсюда последствиями для Китая.

Англо-китайская «опиумная» война (1840—1842) открыла Западу пять «ворот» в Китай, включая Кантон и Шанхай (Панкинский договор). Тайпинское восстание привело к открытию в 1860 г. еще семи дополнительных портов. Затем русские добились уступки Морской провинции, где они построили Владивосток. Но белы Китая были еще только в начале. Первая китайско-японская война (1894—1895) привела к отделению Кореи, чем не преминули воспользоваться великие державы, чтобы продолжить кромсать территорию страны. Русские захватили Маньчжурию, и Боксерское (Ихтуаньское) восстание (1899—1901) спровоцировало интенсификацию процесса. Русско-японская война 1904—1905 гг. отдала в руки Японии некоторые из тех преимуществ, которые русские получили от Китая. Первая мировая война, закончившаяся поражением Германии, также привела к усилению Японии, особенно в Шаньдуне.

К 1919 г. Китай оказался лишенным многих из своих исконных территорий. Западные страны и Япония получили свободы, привилегии и «концессии»; наиболее известная из них — обретение Шанхаем международного статуса. Отныне иностранцы контролировали часть железных дорог и таможи: таможенные платежи стали гарантией выплаты процентов по иностранным кредитам. Иностранцы размес-

тили на территории Китая почтовые службы, консульские представительства, банки, торговые, промышленные и горнодобывающие предприятия. В 1914 г. иностранные инвестиции в страну достигли 1 610 миллионов долларов, из которых 219 миллионов приходились на Японию.

После интервенции девяти держав и оккупации императорской столицы (1901) квартал посольств в Пекине был занят иностранными войсками и «окружен защитной зоной, куда доступ китайцам был запрещен». «Дипломатический корпус Пекина де-факто получил контроль над всеми китайскими делами, прежде всего над правительством Пекина».

Экономическое порабощение сопровождалось культурной и религиозной интервенцией. Духовно и материально Китай оказался в оковах соглашений, которые он справедливо назвал «терапевтическими договорами».

- Сбросить западное иго означало для Китая срочную предварительную «перестройку на западный манер», модернизацию. Проведение реформ, освобождение — это зачастую противоречивые, хотя и необходимые задачи.

Они требуют много времени и усилий, предполагают многочисленные испытания и топтание на месте, прежде чем определятся четкие цели. Китай оказался не способен сразу же воспринять уроки Запада, как это случилось в Японии в эпоху революции Мэйдзи Исин (1867 – 1868). Для него это оказалось трудной задачей.

Так, мощная крестьянская война, ставшая «классической» (известна как Тайпинское восстание, 1850–1864), которой удалось на время создать сепаратистское правительство в Нанкине, была революцией националистической, направленной против всего иностранного и одновременно против старых китайских политических и социальных традиций. Победившие повстанцы уничтожили рабство, ликвидировали полигамию и древний обычай бить лозами женщин, чтобы уменьшить их размер, обеспечили женщинам доступ к экзаменам и государственным должностям. Хотя и поверхностно, но они задумывались о технической и промышленной модернизации. Однако в целом восстание представляло собой аграрную революцию, которых было так много в древнем Китае, особенно накануне смены династий. В этом смысле Тайпинское восстание было направлено на ликвидацию землевладельцев и коллективизацию земли. В итоге революция потерпела поражение по двум

причинам: прежде всего потому, что Запад, стремясь сохранить уже имеющиеся торговые льготы, предоставил помощь маньчжурской династии, а также и потому, что планы по модернизации страны были нечеткими, не учитывали реалий тогдашнего Китая.

Что касается движения боксеров, тайной секты, практикующей устрашающие обряды, то оно вдохновлялось ксенофобией, очень популярной среди всех слоев китайского общества, начиная с тогдашней императрицы Цыси, которая (вероятно, в сговоре с боксерами) дала сигнал для выступления против иностранцев. Боксерское восстание было подавлено и стало еще одним поражением Китая (1901). Отметим, что императрица Цыси была врагом любого прогресса и с присущей ей ловкостью и умом способствовала краху реформы 1898 г. известной под названием «Сто дней реформ» и заложившей основы (пусть только на бумаге) подлинного преобразования китайских институтов и экономики.

Короче говоря, эпоха реформаторов в начале XX в. еще не наступила. Они наталкивались «на органическую глухоту мандаринов, уши которых открыть было труднее, чем ворота Китая» (Э. Балащ), на равнодушие народа, который привлекал только «тупик ксенофобии». Максимум, чего они хотели, это заимствовать у иностранцев их «хитрости», их рецепты эффективности.

Проблема труднорешаемая: нужно было, с одной стороны, устранить западных варваров, а с другой, чтобы этого добиться, заимствовать научные и технические достижения у того же Запада. За ее решение взялись несколько молодых интеллектуалов, связанных с буржуазией и западными кругами и имевших возможность выезжать за рубеж, а также более многочисленные студенты, выходцы из бедных слоев, которые получили возможность посещать современные школы и высшие учебные заведения, появившиеся в последние годы господства маньчжурской династии. В результате сформировалось несколько тайных обществ: одни из них были республиканскими, другие монархистскими, но все были объединены заботой о «восстановлении» Китая, о проведении в стране радикальных реформ.

- Так сформировалось первое по настоящему революционное движение Китая, тесно связанное с именем Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен (1866—1925), врач по образованию, уроженец одной из деревень провинции Гуандун, много времени прожил за границей и был связан с многочисленными революционными движениями. В 1905 г. стал в Токио председателем республиканской лиги, которая

быстро приобрела авторитет во всем Китае, и подготовил продуманную программу действий. Возглавляемое им движение непосредственно участвовало в революции, приведшей в 1911 г. к свержению маньчжурской династии и сделавшей самого Сунь Ятсена первым президентом Китайской республики. Но эта революция потерпела поражение, и Сунь Ятсен оставил свой пост в пользу генерала Юань Шикая (ум. в 1916 г.), который попытался восстановить старый режим.

Действие либеральной конституции было приостановлено в 1912 г., и Китай оказался охвачен анархией. Военные губернаторы провинций, вскоре получившие прозвище *милитаристов*, вступили в союз с крупными землевладельцами, стремясь извлечь максимальную выгоду из своих функций. Они стали безжалостными властителями Китая. Сунь Ятсен, снова оказавшийся в изгнании, создал новую партию, получившую название гоминьдан («Партия революции»). Название партии, в котором использовалась игра слов (*Гоминь* — значит революция и *Гуомин* — нация), означало, что гоминьдан, большая «партия нации», основанная в 1912 г. в период эйфории первых месяцев революции, не выполнила своей задачи и что революцию надо продолжить.

Поставленной цели Китаю удастся достичь только после долгого периода потрясений и драм, который закончится в 1949 г. победой коммунистов и образованием Народного Китая. Даты при этом играют немаловажное значение: начиная с «Опиумной» войны (1840—1842) и вплоть до 1949 г. Китаю понадобилось целое столетие усилий и страданий, чтобы обрести независимость и национальную гордость. «Отныне мы вновь можем гордиться тем, что мы китайцы», — сказал один профессор в 1951 г.

В течение столетия ожиданий и потрясений древний общественный строй Китая разрушался и постепенно утрачивал былые традиции. В эту эпоху исчезли «иерархия мантарингов с хрустальными или перламутровыми пуговицами на одежде; ритуал памяти утрона императора с рекомендательной припиской Сына Неба, которую он делал алой кисточкой; аудиенции в парчовом халате», а также чрезмерные привилегии для жителей Запада и японцев...

Короче говоря, после периода продолжительных испытаний Китай вступил в ту редкую эпоху, когда цивилизация обновляется через саморазрушение, жертвуя некоторыми структурами, которые ранее были ей жизненно необходимы. В случае с Китаем кризис оказался тем более значительным, что приносимые в жертву структуры имели тысячелетнюю историю. Конечно, надо иметь в виду, что исчезающие структуры не могут исчезнуть окончательно и бесповоротно, что в период реконструкции Китай оставался верен характерным для него

формам мышления и чувствования. Понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы окончательно сформировалась новая цивилизация, сегодня находящаяся в зачаточном состоянии.

Сейчас мы можем лишь попытаться определить смысл проходящих процессов. Они только начались.

Новый Китай

Речь сейчас идет не о том, чтобы восхвалять Народный Китай или обвинять его в чем-то если это вообще возможно. Нам важно отметить, что Китай сделал или хотел сделать, а уже после предсказать — или попытаться предсказать — будущее китайской цивилизации, опыт которой за всю длительную историю ее существования был исключительным в истории человечества. Этот опыт представляет собой многоступенчатое упорядочение социальной, экономической, политической, интеллектуальной и моральной сфер жизни.

Речь идет о том, чтобы поставить вещи, людей, классы в новую ситуацию, созданную войной Китая. Немалую роль здесь играет национальная гордость как один из способов связать новый Китай с Древним, который полагал, что является центром, сердцевинной Вселенной.

- Народный Китай предстает огромной массой людей и богатств, часть которых уже существует, а другую еще предстоит создать. Все зависит от экономического роста.

Население Китая не перестает расти: 572 миллиона человек в 1952 г.; 582 - в 1953 г.; 594 - в 1954 г.; 605 - в 1955 г.; 620 - в 1956 г.; 635 - в 1957 г.; 650 - в 1958 г.; 665 - в 1959 г.; 680 - в 1960 г.; 695 миллионов в 1961 г. Уточним, что эти цифры не являются результатами переписей населения (за исключением данных 1953 г., о которых следует говорить особо), а оценочными, вероятными. Как и во всех слаборазвитых странах (в 1949 г. Китай был самой крупной из всех слаборазвитых стран), увеличение народонаселения, вызванное высоким уровнем рождаемости (40 на 1000) и снижением уровня смертности, ставит перед страной огромные проблемы. Такие темпы демографического роста изначально ограничивают возможности страны и серьезно угрожают повышению уровня жизни ее населения.

В то же время темпы экономического роста с 1949 по 1962 г. были весьма значительными, более всего, беспрецедентными в истории. Даже первая русская пятилетка не дала тех результатов, которых уда-

лось достичь Китая в реализации его первого пятилетнего плана (1953–1957). Такие темпы развития характерны для национальной экономики, которой, по сути, приходится начинать с нуля. Возможность столь быстрого развития вообще характерна для остальных стран. Будучи бедными изначально, они имеют возможности удваивать темпы роста, хотя это не приводит к обогащению. Нет уверенности в том, что, достигнув определенного уровня развития, социалистические страны не столкнутся с явлением, характерным для капиталистического мира, а именно со снижением темпов их экономического роста.

Говоря о столь необычном экономическом росте, достигнутом за счет неимоверных усилий, нужно учитывать также наличие в Китае самого крупного в мире количества организованных людей. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что *плановая* экономика — это наука, которая уже была опробована на практике не только в СССР, но и в современном капиталистическом мире.

Перед нами сейчас не стоит задача подвести точный итог. Если следовать *официальной статистике* и цифрам общего национального дохода (с 1952 г.) и при этом не слишком вдаваться в содержание документальных источников, с трудом поддающихся анализу, то достигнутый рост будет выглядеть следующим образом: 100% в 1952 г.; 114 — в 1953 г.; 128 — в 1954 г.; 128 — в 1955 г.; 145 — в 1956 г.; 153 — в 1957 г.; 206 — в 1958 г.; 249 — в 1959 г. Экономический рост составлял в 1958 и 1959 гг. соответственно 34 и 22%, что является просто-таки великодушным. Даже при всех необходимых оговорках (сложно рассчитать общий доход при таком количестве и при такой дифференциации населения) экономисты не скрывают ни своего удивления, ни своего восхищения. Можно сказать, что был сделан огромный шаг в развитии.

Человек далекий от экономики может убедиться в достигнутом прогрессе, исходя из конкретных данных. Производство стали (в млн т) достигало: 0,16 — в 1949 г.; 1,3 — в 1952 г.; 18,4 — в 1960 г. Добыча угля составляла: 32 — в 1949 г. и 425 — в 1960 г. Производство чугуна: 0,25 — в 1949 г. и 27,5 — в 1960 г. Электроэнергии (в млрд кВт·ч) было выработано: 4,2 в 1949 г. и 58 в 1960 г. Хлопчатобумажных тканей (в млн м): 19 — в 1949 г. и 7600 — в 1960 г. Зерновых, сладкого и обычного картофеля из расчета четверти от их веса при сборе (в т): 185 млн т — в 1957 г.; 250 — в 1958 г. и 270 млн т — в 1959 г. Другие свидетельства роста: протяженность железных дорог выросла в три раза по сравнению с 1949 г. (считая как уже введенные в эксплуатацию, так и строящиеся); в три раза выросло количество гидро- и теплоэлектростанций, считая как старые, так и новые или строящиеся; планами также предусмотрены большие ирригационные работы в бассейне реки Янцзы. Эти работы

позволят не только использовать энергию этой реки, но и наладить орошение земель к Северу от нее, упорядочить русло Голубой реки, сделать возможным прохождение по ней морских судов, построить в дальнейшем по ее течению современные промышленные предприятия.

- **Этих результатов удалось достичь ценой неимоверных усилий всех слоев китайского общества; речь идет не только о том, чтобы вдохнуть в него политический энтузиазм и принудить к тяжелому труду, но о том, чтобы перестроить китайское общество.**

Эта задача представляется не только средством развития, причем средством чрезвычайно эффективным, но сама по себе является целью, к которой пужно стремиться. Существование пынешнего строя зависит от выполнения данной задачи. Власти не колеблясь следуют этому пути еще и потому, что пользуются поддержкой народных масс, которые благодарны новой власти за одно только, что она покончила с коррупцией предшествующего режима, которая расцвела буйным цветом в последние годы правления Чан Кайши.

Под контролем оказались все общественные слои: крестьяне, рабочие, интеллигенция, члены партии. Что касается *наиболее богатой части буржуазии* (компрадорской буржуазии, служившей посредником между европейскими и китайскими торговцами), то она фактически исчезла после 1949 г., покинув страну вместе с Чан Кайши; промышленная буржуазия потеряла свое прежнее значение в результате превращения частных предприятий в смешанные (частные и государственные) в 1956 г. Осталась лишь т.н. деловая буржуазия, и то только в торговом секторе хозяйства, где ее положение непрочное.

В *крестьянской среде* реформа была быстрой и прогрессивной по своему характеру. Она началась в соответствии с аграрным законом от 30 июня 1950 г., когда были ликвидированы землевладельцы и крупноземельные крестьяне. Сохранившиеся середняки утратили часть своей собственности. В итоге, каждый крестьянин получил мелкий земельный надел (15 акров), что само по себе говорит о доминировании крестьянства в китайском обществе: из 600 миллионов населения страны 500 миллионов — сельские жители. Полученный маленький земельный надел означал временное установление эгалитарной земельной микрособственности.

В октябре 1956 г. началась коллективизация, появились *коллективные хозяйства*. В 1958 г. был сделан следующий шаг — появились *сельские коммунь*, объединяющие до 20 000 крестьян, тогда как коллективные хозяйства объединяли не более нескольких сот человек. Речь

шла о самобытной, хотя, может быть, и слишком поспешной, организации, имеющей политическое, сельскохозяйственное, промышленное и военное значение. Крестьяне стали одновременно солдатами, некоторые получили оружие, что дало властям дополнительную гарантию того, что под руками будет всегда готовая к действию армия. Но 20 ноября 1960 г. коммуны утратили часть своих прерогатив в пользу *производственных бригад*, о которых пока рано говорить, будет ли их деятельность успешной или нет. Очевидно, что власти колеблются не только в выборе целей, но и в вопросе принимаемых решений, поскольку рост сельскохозяйственного производства является определяющим.

Количество *рабочих* не перестает расти, они контролируются профсоюзами и партией. Как и от крестьян, от рабочего класса правительство потребовало поистине нечеловеческих усилий. После завершения второго пятилетнего плана официальная пропаганда стала требовать «скачков вперед», не предусмотренных пятилеткой. Отсюда соревнования и лозунги: «Больше, лучше, быстрее, экономнее», «День стоит двадцати лет, а год — тысячелетия»; «1958 год будет первым из трех лет тяжелой борьбы за тысячелетие...».

Известны тысячи примеров трудового героизма. И все это, несмотря на плохие условия труда, низкую заработную плату, нехватку продовольствия, плохие жилищные условия. Задумайтесь о судьбе образцовой работницы — образцовой не столько из-за имеющихся преимуществ, сколько из-за взятых на себя дополнительных обязанностей, — которая во время ночной смены ополаскивает лицо холодной водой, чтобы не заснуть...

Что касается *работников умственного труда*, учащихся, членов партии, то трудно понять, действительно ли им свойственен трудовой героизм или это только видимость. Очевидно, что контролировать их сложнее, они умеют лавировать, воспринимают происходящее традиционно.

Чисны партии являются объектами чисток и кампаний самокритики. Прошла кампания трех, а затем и пяти «против». Первая имела место в январе-феврале 1952 г. и была направлена «против коррупции, разбазаривания ресурсов и бюрократизма» чиновников; она выявила скандальные упущения, которые были намеренно раздуты, и стоила сельским жителям, ставшим в городах «партийными кадрами», потери достигнутого положения, к которому они слишком быстро привыкли. В тот же год прошла кампания пяти «против» (против коррупции, уклонения от налогов, казнокрадства, продажи государственного имущества, экономического шпионажа), которая привела к перетряхиванию кадров, к самоубийствам, многочисленным и строгим

наказаниям. Безусловно, мы еще станем свидетелями других чисток, других кампаний самокритики, других самоубийств.

Что касается студентов, число которых не перестает расти, то не проходит дня, чтобы их не «чистили», не унижали, не дисциплинировали, не принуждали к тяжелым работам в деревне или в городе.

Немало порицаний пришлось на долю интеллигенции и учителей. После известных венгерских событий они получили право на критику. Это был период «ста цветов»: подобно цветам, мысль должна распускаться в ста различных формах. Вынужденные давать объяснения собственным мыслям, работники умственного труда оказались в странном положении, тем более что их заявления подхватывались прессой. «Марксизм-ленинизм, — заявлял один из них, — это отжившая свое теория, которая несвойственна Китаю. Учение требует пересмотра». Другой учитель оправдывался следующими словами: «Я боюсь нынешней свободы. Главное в этой свободе — это необходимость говорить. Я с трудом переношу давление на меня. Дадим себе передышку. Мы увидим позднее, что это нам даст». Еще один учитель констатировал: «Народу не удастся пайти пропитание, а некоторые говорят, что уровень жизни вырос». Можно подумать, что все это пестоящая пашену внимания шумиха, передышка для старой интеллигенции, которой с трудом далось марксистское перевоспитание. На деле все же это было вполне серьезно. Кампания «ста цветов» не прервалась и одной весны: цветы «распустились только на месяц» — с 8 мая по 8 июня 1957 г. Затем начались репрессии. Множество неосторожных товарищ потеряли работу.

Все это должно напомнить нам о том, что в Китае открытая дискуссия означает борьбу за жизнь. Задача состоит в перестройке общества, общественного сознания, в том, чтобы признать прежние ошибки, исторические заблуждения, освободиться от сожалений о прошлом, привить обществу гордость, трудолюбие, чувство достоинства, а главное — научить послушанию.

«Если заставить 650 миллионов китайцев думать правильно, то они и действовать будут правильно, в соответствии с нормами, которые Коммунистическая партия Китая считает основными для движения по пути к социалистическому Китаю». Для этого по радио, в прессе, в речах звучит беспрестанная пропаганда, равной которой не было ни в каких «социалистических» или «тоталитарных» странах. Оружие этой пропаганды — критика, организуемая ежедневно на рабочем месте в ходе обязательных дискуссий. Это средство найти среди присутствующих тех, кто ведет себя правильно, кто колеблется и кто неисправим. Этим последним имеет право критиковать каждый. «Словесная атака» представляет со-

бой «унизительную смесь критики, сарказма, окриков, а иногда и насильственных действий, что, правда, встречается крайне редко».

Это идеологическое воздействие рассматривается как «долговременная, сложная и гигантская» операция (Мао Цзэдун), жесткость которой определяется направленностью на те или иные слои: воздействие носит умеренный характер по отношению к крестьянам; но в высшей степени целенаправленно по отношению к работникам промышленных предприятий, государственным служащим, преподавателям высших и средних учебных заведений, военнослужащим. Такая насильственная пропаганда встречает сопротивление и подразумевает определенные санкции. Сейчас они уже не столь кровавые, как в начале Культурной революции, но все еще остаются достаточно строгими.

Так, за область литературы и искусства отвечает комиссар по вопросам культуры, следящий за дисциплиной и координирующий борьбу против проникновения реакционной и буржуазной идеологии в эту сферу. Каждый писатель обязан служить примером, причем не только на словах. Говорят о писателе, живущем в деревне, который творит по утрам в духе «коллективной литературы», а потом идет выращивать сладкий картофель и ухаживать за свиньями... Писатели, уличенные в «правом уклонизме», подвергаются наказаниям подобно известной романистке Тинь Линь, которая была сослана на «трудовое перевоспитание» в пустынные районы северной Маньчжурии, где пробыла два года.

Разумеется, эти санкции кажутся невинными по сравнению с коллективными казнями первых месяцев крестьянской революции. К тому же акты саботажа, сопротивления, о которых говорят официальные документы, не являются многочисленными. Гораздо чаще встречается искреннее и полное энтузиазма присоединение к официальной линии, о чем свидетельствует массовое вступление в ряды партии. Присоединиться к господствующей идеологии значит быть верным родине, нации, верить в ее будущее, верить в Китай.

- Единственным настоящим поражением коммунистического Китая следует считать эксперименты в сельском хозяйстве. Рекордные урожаи, паишие статистические ухищрения, официальный оптимизм до 1958 г. еще могли скрывать реальное положение вещей. Статьи и книги энтузиастов способствовали распространению подобных иллюзий на Западе. Но катастрофические неурожаи в 1958, 1959 и 1960 гг. нанесли чудовищный удар по этому оптимизму, хотя во многом такой удар следует считать несправедливым.

Несправедливым по следующей причине: катастрофические неурожаи, в первую очередь, объясняются естественными причинами. Китай часто становился жертвой чередующихся или случающихся одновременно засух и наводнений, особенно частых в северных районах. В 1961 г. по этим причинам погибло более половины урожая. Торнадо и наводнения повлекли за собой миллионные человеческие жертвы, и в то же время (с марта по июнь того же года) можно было вброд перейти Хуанхэ, ставшую буквально ручейком. Засухи, тайфуны, наводнения, сельскохозяйственные вредители — это старые враги, которые не разоружились перед новым Китаем.

Пужно ли говорить о том, что Китай расплачивается, как и все социалистические страны, за свои успехи в промышленности? Быть может, была сделана слишком большая ставка на индустриализацию при одновременной недооценке сельского хозяйства. Официальная печать, рассказывая о «естественных катаклизмах, равных которым не было на протяжении столетия», упирает на возможность саботажа: «Часть многочисленных управленческих кадров, посланных в деревню в августе 1960 г., чтобы помочь в спасении урожая, пренебрегла своими обязанностями и не исполнила указаний правительства и партии», войдя в сговор с «консервативными элементами среди населения». Не стоит слишком верить «объяснениям, сводящимся к поискам козла отпущения». Вероятно, что коллективизация в Китае, как и других странах, наталкивается на сопротивление крестьянства, в массе своей более консервативного, чем остальное население. Впрочем, некоторые шаги властей указывают на определенные уступки в этой области: в частности, упор делается отныне на *небольшие* производственные бригады, а не *крупные*, как некогда.

Эти катастрофические неурожаи и сегодня влекут за собой значительные последствия. Они замедляют экономический рост, вынуждают Китай уменьшить экспорт продовольствия в Россию в счет оплаты за предоставление ему услуг и промышленных товаров. Они также заставляют Китай обращаться к Западу с просьбой увеличить поставки зерновых: 9—10 миллионов тонн запрашиваются у Канады, Австралии, США, Франции, Бирмы и даже у Тайваня. В Лондоне, где занимаются организацией перевозки продовольствия морским путем, считают, что на протяжении трех лет Китай должен платить 80 миллионов фунтов стерлингов в год за поставляемые ему продовольственные товары. Но как? Возможно, что оплата будет произведена за счет поставок ртути и драгоценных металлов — золота и серебра.

Конечно, это серьезный удар по экономике, находящейся в процессе роста, — удар, способный нанести немалый урон будущему Китая, чье хозяйственное развитие было до этого бесспорным, энергичным, вызывало удивление.

Китайская цивилизация в современном мире

Наблюдаемый прогресс вряд ли стал возможным без той роли, которую в китайском мире играет национализм особого рода, который назвали варварским и неприемлемым словом *культурализм*: речь идет о чувстве гордости, которое является не национальным, но культурным, о цивилизационном национализме, если угодно, о древней и все еще живой реальности, которую нужно постараться объяснить. Дело в том, что сегодняшний Китай, с первого взгляда такой обновленный и непонятный, не отказался от бывшей национальной гордости, которая была унижена в столетие (1840—1949), предшествовавшее коммунистическому режиму.

- Китай видит себя великой державой и великой цивилизацией: он всегда верил в свое превосходство над остальным миром, в преимущества своей цивилизации, окруженной в его глазах варварством.

Бывшая гордость Китая очень похожа на гордость вчерашнего Запада.

Вот почему век неравноправных договоров воспринимался им вдвойне несправедливым. Первое унижение — это превращение липы в одну из наций, второе — в нацию, господство над которой досталось варварам с их наукой и вооружениями. Пылающий отчаянный и яросный национализм выступает в этой связи как реванш, как стремление вновь стать великой нацией, какой бы ни была цена, которую надо за это заплатить. Отсюда стремление возродить революцию, не позволять стране расслабиться, внедрить новую идеологию марксизма-ленинизма посредством чего, переводя на китайский русские учебники, что напоминает бывшее увлечение Китая священными текстами буддизма. Отсюда же стремление лучше узнать азы демократии, современной науки, развивать историю, социологию, этнографию...

Нет сомнения, что Китай под руководством Мао Цзэдуна ощущает в себе призвание вести пролетарские массы на приступ пресыщенных и чрезмерно богатых стран, предоставив им средства осуществления быстрой революции по китайскому рецепту. Напомним в связи с этим, что Китай, несмотря на все имеющиеся трудности, не отка-

заявляя от экспорта продовольствия и капиталов. Так, за период 1953–1959 гг. 1 191 млн долл. был предоставлен им Албании, Бирме, Камбодже, Цейлону, Кубе, Египту, Гвинее, Венгрии, Индонезии, Северной Корее, Монголии, Непалу, Северному Вьетнаму, Йемену... Это без учета помощи, которую он оказывал алжирским повстанцам, и его недавнего сближения с Ганой (1961). Эти и другие обстоятельства (40% китайской помощи поступает в некоммунистические страны) доказывают, что народный Китай рассчитывает играть определенную роль на международной арене, роль, которая, может быть, выше его возможностей, но, безусловно, ниже его амбиций.

Оккупация Тибета в 1950 г. и потом латентный конфликт с Индией; требования присоединения к континентальному Китаю острова Тайвань, где базируется армия Чан Кайши; стремление восстановить нормальные отношения с Японией и с Западом, способным в большей мере удовлетворить его потребности, чем СССР (чуть ли не тайный экспорт станков через Макао и Гонконг); желание стать членом ООН, где место Китая парадоксальным образом занято националистами Тайваня, — все это свидетельствует о стремлении к величию, к расширению своего влияния. О том же говорит и ухудшение отношений между китайскими и советскими марксистами, отмеченное на последнем съезде в Москве (1961). Китай хочет, мечтает доминировать. В 1945 г. он был «не в состоянии сделать велосипед», но уже в 1962 г. он планирует создать собственную атомную бомбу. В его действиях просматриваются гордость за свои исторические корни, достоинство своей великой цивилизации.

- Именно это обстоятельство подчеркивает китайст Этьен Балаш, мнение которого изложено ниже: он говорит о необходимости соотношения нынешней революции с длительной перспективой культурного развития Китая.

Если китайский опыт окажется удачным и убедительным, то все развивающиеся страны могут последовать его примеру. Именно это важное обстоятельство придает тревожный характер (тревожный как для друзей, так и для недругов Китая) следующему вопросу: будет ли китайский опыт удачным? Не идет ли дело к поражению?

Скажем откровенно, что для ответа не нужно анализировать в цифры и официальную статистику: ее манипулируют в определенных целях, и к тому же сами китайские статистики действуют во многом наощупь. Не нужно удивляться недостоверности статистических данных, а скорее надо удивляться тому, что их оказывается достаточно для

планирования и подсчета достигнутых результатов, показывающих определенную эволюцию. В целом эта эволюция позитивна.

Конечно, можно иронизировать по поводу некоторых провалов по итогам пятилеток: крошечные доменные печи, производство зерновых, народные коммуны... Но основные и стабильные факторы роста заставляют скорее задуматься, а не иронизировать или критиковать, поскольку они-то как раз серьезно рассчитаны:

- а) индустриализация более чем осознана, и темпы ее развития намного превышают (и еще долго будут превышать) темпы роста как в СССР и других странах народной демократии, так и в отстающих странах (в среднем 20% против 7 и 10%);
- б) ясно выраженное желание «идти на двух ногах» столь долго, сколько понадобится, т.е. резервировать доходы промышленности для инвестиций, что позволит сохранять темпы роста и так или иначе, но поддерживать активность в других секторах хозяйства: деревенские ремесленники будут продолжать поставлять крестьянству основную часть предметов потребления и необходимые орудия труда;
- в) всеобщий режим строгой экономии, что позволит требовать больших жертв от основной массы населения;
- г) удивительная гибкость властей, способных признавать свои ошибки и менять направление.

Все это зиждется на нескольких основных жизненных реалиях китайской цивилизации:

- 1) прежде всего на численности населения. Трудности китайского опыта, как бы тяжелы они ни были для многих, не могут скомпрометировать успех самого опыта. Не будем забывать, что в Китае много, слишком много людей;
- 2) а также, и это главное, на беспрепятственном руководстве 600-миллионной массой населения 10 миллионами организаторов, дисциплинированных и преданных партийцев, возглавляемых (за несколькими исключениями) старой гвардией, закаленной тридцатью годами преследований, гражданских войн, вооруженного сопротивления японцам, терпеливых отступлений и движений вперед в военной стратегии и политической тактике, руководства людьми и хозяйством.

Трудно не задуматься о том, что все они являются наследниками старой бюрократической традиции тысячелетней империи, послед-

щиками просвещенных чиновников, привыкших твердой рукой управлять огромным государством. Новая интеллигенция, деятельная и смелая, пришла на смену старой, книжной и закостеневшей, и теперь судьба Китая находится в ее сильных руках. Со своей стороны, китайское население, привыкшее к строгой дисциплине, послушно следует за новыми хозяевами. Эта эффективная, не дающая сбоя по всей иерархической лестнице организация позволяет составлять работать всех, в чем, может быть, и заключается секрет китайского эксперимента: за короткий отрезок времени самая древняя цивилизация доказала свою живучесть и превратилась в наиболее молодую, самую прогрессивную силу из всех развивающихся стран. Возможно, это объясняется тем, что она опирается на одну из наиболее древних и самобытных особенностей старой цивилизации — на ее бюрократическую организацию.

- Будущее Китая ставит и другой вопрос: китайско-советский конфликт.

Свидетельствуют ли итоги XXII съезда КПСС (1961) и статьи в официальных китайских и советских газетах о наличии реального конфликта между двумя странами? Говоря откровенно, разрыв отношений вряд ли возможен: для обеих сторон он чреват слишком большими международными осложнениями. Тем не менее недружелюбие очевидно, и причины его уходят корнями в историю цивилизаций.

Конечно, настоящий конфликт имеет и вполне современные объяснения. Противостояние друг другу силы представлены двумя народами, которые используют коммунистический опыт для модернизации своих стран. Но если один из этих народов наконец-то начинает жить нормально после сорока лет страданий и дефицитов разного рода, то другой задыхается от пчеловческих усилий и шипит. Когда один разбогатевший партнер по-хозяйски усаживается за стол международных переговоров, то другой, как бедный родственник, не имеет права голоса в международных делах, оказывается изгнанным с международной арены, подобно зачумленному. Один вынужден продвигаться вперед, чего бы это ни стоило, а другой стал более осторожным, более мудрым. Здесь также находятся причины для трений.

Но, быть может, конфликт объясняется национализмом Китая, его желанием взять реванш у Запада? В его плазах Россия, социалистическая или нет, — это еще не Запад, это пока что варвар. А ведь Китай в своем стремлении покончить с прошлым претендует на то, чтобы

самому превратиться в лидера Третьего мира. Только тогда он сможет вернуть себе прежнее место «Срединной империи».

Постскриптум 1966 г.

После 1962 г. китайско-советский конфликт усиливается. Падение Хрущева не принесло ожидаемого решения. Стох пор можно выделить следующие достойные внимания события. Во-первых, испытания китайского ядерного оружия 16 октября 1964 г., 15 мая 1965 г. и в 1966 г., доказывающие, что страна сделала существенный технологический рывок, который считали невозможным после прекращения в 1959 г. советской помощи в создании ядерных вооружений. По заверениям самого Китая, создание собственной атомной бомбы представляется средством «покончить с любой попыткой ядерного шантажа со стороны США». Во-вторых, установление дипломатических отношений между Францией и Китаем (27 января 1964 г.), что равносильно официальному признанию коммунистического Китая. С обеих сторон это скорее жест политический, чем продиктованный экономическими соображениями, хотя результаты торговли с Англией, которая признала Китай 6 января 1950 г., и Германией убедительней, чем результаты торговли с Францией. Китайцы уверены, что некоммунистический мир разделен на три зоны: Третий мир, неамериканские капиталистические страны и собственно США. Поскольку неамериканские капиталистические страны по некоторым вопросам не соглашались с Соединенными Штатами, то китайцы считают их принадлежащими ко «второй промежуточной зоне» (Третий мир составляет первую промежуточную зону). Главными во второй зоне являются прежде всего Европа и Япония, с которыми возможно установление отношений.

Глава 4. Индия вчера и сегодня

Индия представляет собой наслонение разнородных прошлых эпох, которые стремятся к однородности, но так и не могут этого достичь. Страна слишком велика (4 млн кв. км, если считать и Пакистан, т.е. по своей протяженности она в четыре раза больше, чем шесть европейских государств, объединенных в Общий рынок), а также слишком населена (в настоящий момент более 438 миллионов человек, исключая Пакистан). Она никогда не имела мирного прошлого, зажатая между Деканским плоскогорьем на Юге, этим хранилищем народов и цивилизаций, являющимся зоной ожесточенного сопротивления, и Северо-Западом, который объединяет засушливые страны от Инда до Ирака и от Туркестана до беспокойной Средней Азии: это опасный, открытый для иностранных вторжений район Индии, имеющий патетическую историю.

За исключением эпохи английского владычества, ни одной политической власти не удавалось ни вчера, ни сегодня, после кровавого размежевания между Индией и Пакистаном в 1947 г., утвердиться на всем субконтиненте.

Классическая Индия (до английской колонизации)

Если не уходить в глубь веков до таинственной цивилизации Инда (3000—1400 гг. до н.э.), то можно сказать, что в древности сформировывались три классические Индии, которые следовали одна за другой, перетекали одна в другую:

- а) индо-арийская цивилизация, называемая ведийской (или ведической): с 1400 г. до н.э. до VII в. н.э.;
- б) *средневековая* индусская цивилизация (индуизм), которая продолжала предшествовать вплоть до XIII в.;
- в) исламо-индусская цивилизация, силой навязанная мусульманскими завоевателями (XIII—XVIII вв.), просуществовавшая до прихода английских колонизаторов.

Повторим, что ни одна из этих цивилизаций, ни одна из «вселенских» империй, которые они поочередно приносили с собой, не затронула всего субконтинента. Вплоть до XVIII в. индийское пространство никогда не подчинялось единому порядку, что характерно

для прошлого Китая и во многом упрощает понимание истории этой страны.

- Ведийская Индия формировалась в три или четыре больших этапа в период с 1400 г. до н.э. и до VII в. н.э. Эти два тысячелетия были ознаменованы нашествием и обустройством на индийской территории пришедших из Туркестана арийских народов, которые, войдя в Индию с северо-запада, затем постепенно проникали в глубь страны через степи Среднего Инда и Среднего Ганга. Их цивилизации охватывала только часть **Индо-Гангской равнины**, но уже тогда это было живое сердце Индии.

Эта первая цивилизация, состоявшая из пришлых и коренных народов Индии и называемая ведийской (Веды, священное знание), развивалась чрезвычайно медленно. К коренным народам, людям с коричневой или черной кожей, имевшим различное происхождение, относились пигмеи, очень рано пришедшие из Африки; прото-средиземноморцы, пришедшие сюда позднее, но всей видимости, из Месопотамии; народности Центральной Азии монголоидного типа (особенно в Бенгалии).

Все эти пре-арийцы в большинстве своем уже были земледельцами, оседлыми скотоводами, жившими в деревнях и даже в городах на берегах Инда, который являлся очагом древней цивилизации городских жителей и торговцев. Пре-арийцы были и остаются многочисленными — это доминирующее население Индии.

Пастухи, *кочевники*, индо-арийцы, имевшие зачастую светлую кожу и светлые волосы, находились в родстве с многочисленными народами, которые захватили во II тысячелетии плоскогорья Ирана и Малой Азии, а также дальние европейские страны. Эти завоеватели Индии являлись братьями эллинов, италийцев, кельтов, германцев, славян.

1. Первый этап, до 1000 г.: нашествие.

Первое арийское нашествие шло из Туркестана в направлении Ирана и Индии. Итак, речь шла о проникновении в уже однородную цивилизацию от Месопотамии до Инда, где были свои города, высокие дома, свое крестьянство. Возможно, что эта цивилизация на момент нашествия находилась в упадке, но страны Инда долго отстаивали свою независимость от вновь прибывших, чем задержали их продвижение на восток.

Священные тексты арийцев, написанные на санскрите, рассказывают о бесконечных сражениях, в которых участвуют люди, боги и анги-

боги (*аикура*, т.е. божества, защищающие противников), о битвах, разворачивавшихся до 1000 г. в районе Пенджаба и реки Кабул.

Этот продолжительный период истории напел свое отражение в наиболее древней из священных книг — в Ригведе (собрание религиозных гимнов), которая отражает мифологию и верования *первой* ведийской религии. В ней насчитывается по меньшей мере тридцать три бога, относящихся к земле, небу и «промежуточному пространству» (атмосфере). Среди этих «блестящих» богов выделяются Варуна, вселержитель «космических и моральных законов, выявляющий виновных в их несоблюдении и связывающий их путами», Индра, светловолосый герой, победитель тысячи сражений: именно он одержал верх над демоном Витрой, освободил небесные воды, которые с той поры проливаются на землю и орошают ее. Все эти боги смешиваются с простыми смертными, подобно олимпийским богам, которые сменялись с воинами, сражавшимися под стенами Трои. Все боги требуют жертв: молока, хлеба, мяса животных и забродившего напитка (сома*) приготовленного из настоя трав.

Короче говоря, мы имеем дело с формализованной, шоралистической, обрядовой религией. Даже в религиозной области кочевничество ариев еще не уступило место оседлой жизни, создающей порядок.

2. Второй этап, с 1000 до 600 гг. до н.э.: завоевание и переход к оседлой жизни.

Переход захватчиков к оседлому образу жизни происходил постепенно, в течение всего рассматриваемого периода, в географическом районе, центром которого был Дели. В этот же период завоевание распространилось дальше на восток до нынешнего Бенареса (Варанаси) и сопровождалось гигантскими сражениями, если верить имеющимся свидетельствам. К 800 г. завоеватели достигли Бенгалии и, может быть, даже Центральной Индии.

Произошедшие в результате географические, социальные, экономические и политические перемены повлекли за собой новации религиозного толка, что отражено в новых священных книгах, комментариях к ним (брахмат) и Упанишадах, этом «трактате Приближений», который открывает потайные двери для религиозных построений. Сохраняя прежнюю основу, религия постепенно усложнялась. В ней усиливались тенденции монотеизма. Одновременно в результате социального смешения, сосуществования победителей и побежденных во все религиозные системы проникало огромное количество неарийских верований, например йога («самообластание»), которые за-

*Сом — священный, дурманящий напиток — *Примеч. ред.*

няли значительное место в ведийской религии с ее обрядовыми жертвоприношениями.

Верования и религиозность становились все более туманными. Начали думать, что переселение душ — процесс непрекращающийся, что души начинают новое земное и связанное с бесконечными страданиями существование. В то же время в обществе происходило первичное социальное расслоение (деление на социальные группы: *варны*), бывшем одновременно и «магическим», и «псевдофеодальным», и «колонизальным» — в любом случае сложном, где все объяснить только взаимоотношениями победителей и побежденных невозможно. На вершине социальной пирамиды находились *брамины* (другое написание: *брахманы*) т.е. священнослужители, властители духовной сферы жизни; затем шли воины, короли, князья, крупные землевладельцы (*кшатрии*); ниже находились мелкие крестьяне, скотоводы, ремесленники, торговцы (*вайшии*); наконец, на четвертом месте были *шудры*, к которым принадлежали коренные жители.

Затем, также медленно, в обществе появлялись табу, отверженные, многочисленные запреты на браки между людьми разного социального положения, четкие разделения на *чистых* и *нечистых*.

Разделение на временное и духовное происходило между двумя высшими общественными слоями. Примитивное царство быстро освобождалось от всякой религиозной монополии в отличие от того, что являлось правилом как в Китае, так и в Древнем Египте или других странах. «Соотнесение двух принципов, духовного и политического принципов *империума*, в полной мере обозначилось в особом общественном устройстве... Использование царем, выступающим в качестве модели или сущности той социальной категории, к которой он принадлежит (кшатрии), браминов как исполнителей обязательных ритуалов уже недостаточно; он должен находиться в постоянной связи с кем-то из браминов, своим *пурахита* (буквальный перевод: «поставленный впереди»). Мы можем называть его «капелланом», но надо иметь в виду, что речь идет о передаче полномочий или о духовном авангарде, о *высшем я*. Дело не только в том, что боги не примут даров из рук царя в отсутствие *пурахита*, а в том, что сам царь зависит от него в своих делах, поскольку их успех невозможен без «капеллана». Между этими двумя людьми существует связь, напоминающая брачные узы. Короче говоря, как сказано в Ригведе, «царь живет и процветает в своем дворце, ему земля отдаст все свои дары, ему подобной воле подчиняется народ, но впереди царя идет брамин» (Луи Дюмон). Так, во всяком случае, говорят и повторяют брахманские тексты.

По мнению Л. Дюмона, религиозное первенство, которое ассоциируется с властью, но не сливается с ней, представляет собой основу данного раздробленного общества: два высших социальных слоя объединяются и противостоят народным массам; схожим образом к ним присоединяется и третий социальный слой для совместного противостояния низшему слою (*шудры*).

Брамины обеспечили свое главенство за счет внушаемого ими страха. Сложные религиозные обряды превратили их в незаменимых организаторов церемоний жертвоприношений; ведь в глазах верующих бог, которому приносились дары, сразу же после церемонии скрывался, а вместо него приходил ужасный и мстительный Варуна. Объявив себя обладателями обрядовых тайн, священнослужители получили возможность действовать по своему усмотрению, в том числе выступать против наивного антропоморфизма древних ариев, обесценивать Индру и всех богов-героев старых гимнов. Они создали собственного бога Брахму, который руководил их жертвоприношениями. Но нужно отметить, что этот бог никогда не был очень популярен в народе.

Напротив, два других главных божества оказались способными вызвать энтузиазм верующих: Шива Рудра у крестьянских масс, а также Вишну, отождествленный с героем Кришной Васудева, у аристократических кругов. Кроме того, «воины» и «крестьяне» (2-я и 3-я социальные «касты») охотно обратились к Йоге, которую позднее признали и брамины, а также к другим практическим местным верованиям. То же произошло и со свободными философскими учениями, которые в VI и V вв. породили две новые религии: джайнизм и буддизм.

3. Третий этап: великоление джайнизма и буддизма в IV-V вв.

Постепенно из княжеств образовывались крохотные царства, затем аристократические города, связанные между собой торговыми отношениями. Города, население которых быстро увеличивалось, воспользовались роскошью находящихся в них княжеских дворов, а также благополучием богатых купеческих семей. Банкиры и торговцы получали большие прибыли от караванной и морской торговли; на рынках появлялись тонкие хлопковые, льняные и даже шелковые ткани. Раскопки захоронений, где было найдено оружие, позволили убедиться в том, что начиная с 600 г. до н.э. здесь появилась металлургия. Через Аден, превратившийся в крупный центр торговли, индийское железо шло в Средиземноморье.

В этой деятельной среде, которую можно сравнить с Грецией той же эпохи (VI и V вв. до н.э.), получили развитие две крупные религии: *джайнизм* и *буддизм* (последняя оказалась более известной из-за своего распространения за пределы данного региона). Но на индийском

пространстве джайнизм и буддизм имели равное значение. Обе религии были «светскими», воспринятыми господствующими классами и распространяемыми торговцами помимо браминов; обе религии создавали свои монастыри и предлагали правила личного спасения: буддизм, как мы уже говорили, через отрицание желания жить и смысла жизни стремился разорвать заколдованный круг реинкарнаций, чтобы достичь Нирваны; джайнизм, напротив, видел вличном страдании и поиске этого страдания эффективный путь к спасению. И та и другая религии были основаны богатыми вельможами: один из них — Сиддхартха Гаутама, возможно царский сын (563?—483? гг. до н.э.), прозванный также Шакьямуни (мудрец Шакьев) или Буддой (Просветленный); другой — Вардхамана (540—468? гг. до н.э.), именуемый Джина («Победитель» мира) или Махавира.

К Будде, выходящу из Непала, «откровение» пришло к 525 г. и затем он до конца жизни проповедовал в долине Ганга. Буддизм, начавший меняться сразу после смерти основателя этой религии, построен на его высказываниях, переданных учениками. В ней нет никаких утверждений по поводу Бога: молчание не означало отрицания, но само по себе было характерной особенностью его учения, специфичность которого состояла также в отказе от всяческого божественного монизма. Соглашаясь с господствующими идеями своего времени (идеями Упанишадов), он не признавал реальности мира и Вселенского Бытия. В его понимании ничто не было реальным вне сознания. «Ты обратился ко мне, подобно птице-наблюдателю, взлетающей с корабля на встречу с твердой землей, и ты ее не нашел. Это произошло потому, что стихии (Земля, Огонь, Вода, Воздух) существуют в твоём сознании. Когда сознание перестаёт существовать, то все стихии мироздания полностью разрушаются».

По правде говоря, Будда — это «отрекающийся» (*санньязи*). «Отрекающийся» — это человек, который, оставив общество, бродит по миру, в поисках духовного абсолюта, способного его освободить. Он озачочен не тем, чтобы перестроить покинутое им общество, но чтобы обеспечить свое личное спасение. Буддизм таким образом выступает как религия индивидуума, человека «вне общества»; этим он близок многочисленным ересям, которые постоянно возникали в Индии и являли собой не что иное, как стремление уйти от связанной с общественными обязательствами, религии браминов, используя для этого личную аскезу и абсолютизм святости. В противоположность христианину (который хочет избежать смерти), отказавшийся от общественных пут буддист стремится уйти от жизни, избежать цикла перевоплощений: «Вот, монахи, святая истина относительно того, каким образом избе-

жать боли: перевоплощения вызваны жаждой жизни, жаждой удовольствий... Вот, монахи, святая истина относительно того, как избежать боли: пресечение этой жажды за счет отказа желаний, от отречения от желаний, для которых не должно оставаться места». Это и есть цена, которую нужно заплатить, чтобы прервать цикл перевоплощений и достичь нирваны. Для этого праведник должен следовать «по пути с восемью ответвлениями» (одно из которых — наука, освобождающая от тщеславия); не нарушать пяти запретов (убийство, воровство, измена, пьянство, ложь), отказаться от десяти смертных грехов (среди которых сквернословие, болтовня, зависть, ненависть, несоблюдение догматов...), соответствовать шести высшим добродетелям: любовь к ближнему, терпение, моральная чистота, душевная сила, милость, доброта. Но чтобы достичь совершенства, нужно пойти еще дальше. Надо стать *бодхисаттвой* (мы бы сказали — святым), затем Буддой (испытать мистическое озарение). Только будды растворяются в нирване.

4. Вт. н. эпоху империи, с 321 г. до н. э. по 535 г. н. э., джайнизм и буддизм получают большое распространение, господствуют в махи и искусстве; однако им не удается ни на мгновение пошатнуть существующую религиозную практику, ведийской или любой другой.

Чтобы отстоять свои позиции, укрепить собственное положение, брамины все более опирались на народные верования. Этот длительный процесс привел к индуизму, синкретизму в значительных масштабах, о котором мы скажем чуть ниже.

Иерархизированное общество таким образом утверждалось и дополнялось системой «каст», постепенно определявшейся в период с 300 г. до н. э. по 700 г. н. э. Это относительно поздняя общественная формация, которую не следует путать с прежними *варна* (социальными категориями), которые в значительной мере напоминали социальные слои в доисламском Иране. Касты, сохранившие свое значение и в современной Индии, формировались на протяжении почти тысячелетия, став результатом соединения этнических и культурных традиций, с одной стороны, и возраставшей дифференциации ремесел — с другой. В итоге образовались тысячи каст (в наше время их почти 2400). В самом низу оказались отверженные, *парии, неприкасаемые*.

В эпоху появления империй (династия Маурьев, 321 — 181 г. до н. э. и особенно династия Гуптов, 320—525 г. н. э.) эта разнородная цивилизация вышла за границы собственно Северной Индии к Непалу, Гималаям, Тибету, Сиаму, Индонезии (особенно после падения династии Гупта), а затем к Цейлону, который она «колонизировала», и дравидийской части Деканского плоскогорья, где утвердился «класси-

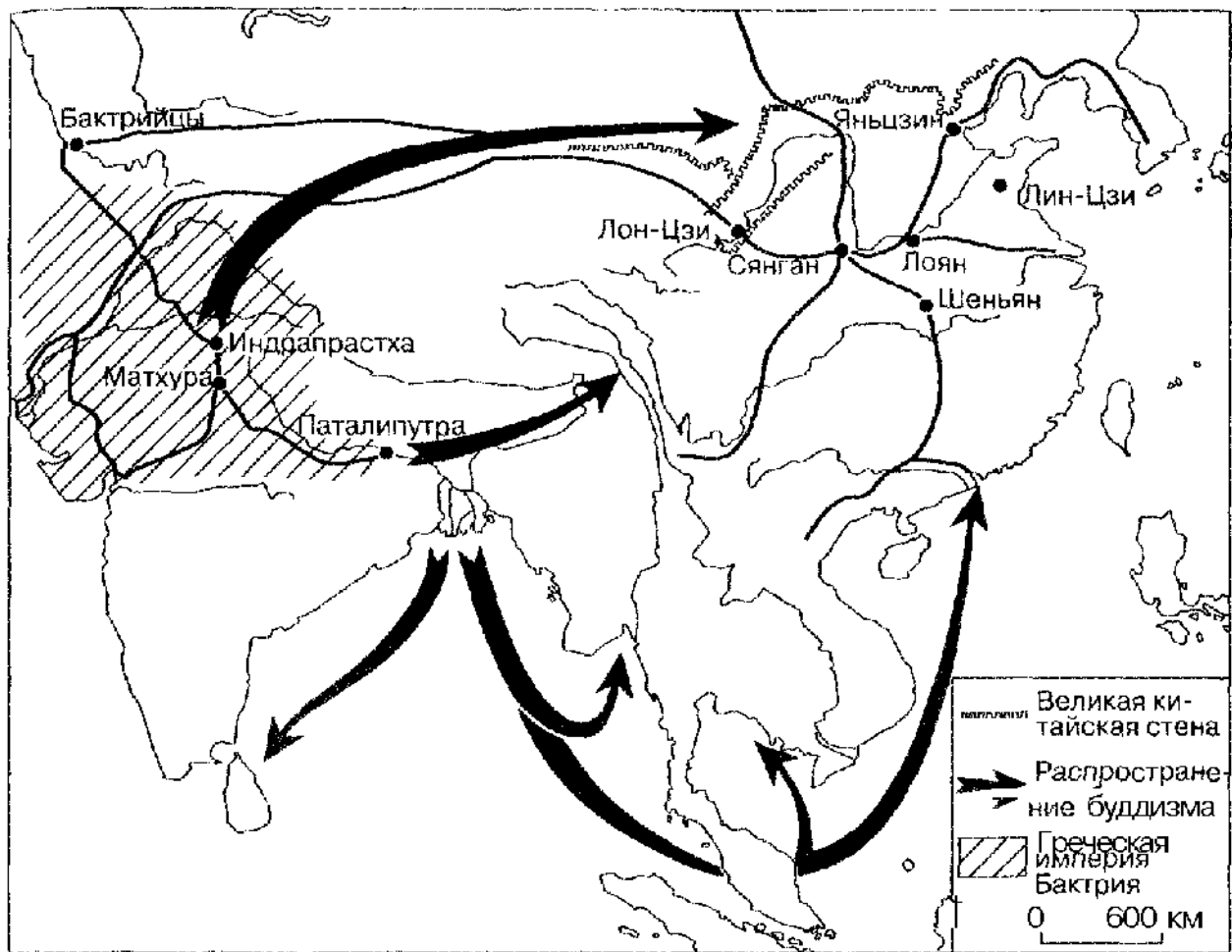
ческий и усложненный» санскрит, который затем превратился во всей Индии в носителя княжеской цивилизации, противоположной культуре широких масс населения.

Во времена Маурьев и в царствование Ашоки (268—232 г. до н.э.) буддизм одержал временную победу. Но через несколько веков уже под знаком окончательно победившего индуизма утвердилась классическая Индия: мы сейчас говорим об этой эпохе как о «возрождении» индуизма, поскольку с ним связано наступление крайне богатого в художественном смысле периода истории. Именно тогда Индия смогла полностью овладеть тем, что она заимствовала у других культур (в частности у греческого искусства, привнесенного в Индию завоевательными походами Александра Македонского — 327—325 г. до н.э.), и окончательно утвердиться в своей самобытности. Она создала, если так можно сказать, индуистский храм (*шрихадра*, т.е. шпиль, который над ним возвышается), столь же характерный для будущих эпох, как и соборы Запада. Стоящий на просторной платформе, к которой ведут широкие лестницы, храм окружен часовнями или галереями. Само святилище изображает гору Мэну — этот мифический Олимп, на котором обитают боги.

Этот период также богат большими литературными достижениями. При дворе Чандрагупты (386—414) жили «девять драгоценных камней», т.е. наиболее блистательные поэты и мыслители того времени; именно здесь была создана Шакиннала, драматическое произведение, переведенное на английский в 1786 г. и на немецкий в 1791 г., которое оказало сильное воздействие на Гёте и Гердера.

- Поскольку индуизм унаследовал очень древние традиции, то сложно с точностью датировать время его появления: конец династии Гуптов или распад эфемерной империи Харши (606—647). Верно лишь то, что как целостная система он утвердился в период индийского Средневековья, которое продолжилось примерно со смерти Харши до образования дельтского султаната в 1206 г. Индуизм — это нечто большее, чем религия или социальный порядок, это квинтэссенция индийской цивилизации, реалии которого, уходящие в глубокую старину, остаются живыми и в Индии Памяти ита Джасвахарлала Неру.

Для объяснения этого периода развития воспользуемся привычными для европейцев терминами: Средние века, феодальная раздробленность и пр. Они удобны в употреблении, но иногда тянут в себя опасность, поэтому не нужно воспринимать их дословно. Если индуизм в средневековой Индии занимал столь же важное место, как и

Китай и Индия после Будды (500 г. до н.э. — 500 г. н.э.)

В этот смутный период буддизм по морским путям распространяется в Индокитае и Индонезии и наземными путями — в сердце Азии и в Китае. В Индии, напротив, буддизм отступает. Паталипутра был столицей Ашоки. Греческая империя Бактрия одно время простиралась до Паталипутры. Эти эллинизированные регионы стали центрами буддизма.

христианство в западном Средневековье, то сама Индия того периода вовсе не походила на меровингскую, каролингскую или даже феодальную Европу.

1. Значение исторического контекста.

Еще до падения династии Гуптов произошло, по всей вероятности, уменьшение торговых обменов, что непосредственно затронуло интересы торговцев, которые были «проводниками» джайнизма и буддизма. Вскоре для обеих религий наступил период гонений: среди верующих появились свои мученики, многие из которых были посажены на кол; некоторые монастыри подверглись разрушениям...

С другой стороны, каждый раз в истории Индии, когда в ее богатых районах — от Ганга до Гуджарата и Аравийского моря — торгов-

ля приходила в упадок, это приводило к краху объединяющих эт области империй, что, впрочем, не оказывало большого влияния на жизнь основной массы индийского населения: царь, властитель всегда принадлежали к другой касте, чем большинство их подданных. В силу этого было вполне естественным, что Индия того периода оказалась раздробленной, расколотой на множество независимых государств, каждое из которых, в свою очередь, разделилось на княжества и другие владения, ведущие между собой постоянные войны. В «средневековой» Индии восторжествовали «войны», а единая история раскололась на региональные истории, нашедшие отражение в сочинениях местных хроник, запутанность которых путает даже специалистов.

Нынешний интерес состоит не в том, чтобы рассматривать историю каждого из этих государств, не в том, чтобы анализировать местные особенности развития в Бенгалии, Гуджарате или Декане (этот последний регион некоторые историки были склонны называть «Индийской Византией» из-за того, что у него сложилась собственная судьба, обусловленная его способностью к сопротивлению внешним врагам, его влиянием на море в период империи Чола: 888—1267 гг.). Более важным представляется расцвет местной литературы на бенгальском в Бенгалии, на гуджаратском в районе Камбейского залива и полуострова Катхиявар и на дравидийских языках (этим неудачным термином мы обязаны Роберту Колдуэллу, который создал его в 1856 г. для обозначения семьи языков, но не рас Декана; среди этих языков наиболее значительным является тамильский).

Короче говоря, Средние века с их медленно развивающейся экономической реальностью вновь вдохнули жизнь (если предположить, что она когда-нибудь здесь затухала) в теоретическое и человеческое разнообразие Индии. Причем это разнообразие размножалось подобно «тропической растительности»; оно стало одной из основных характерных особенностей индуизма, который оставил в наследство современной Индии то обилие языков, которое сейчас так ей мешает. Но за всеми этими различиями нужно видеть очевидное усиление религиозного и культурного единства.

2. Единство, обусловленное синкретизмом браминов.

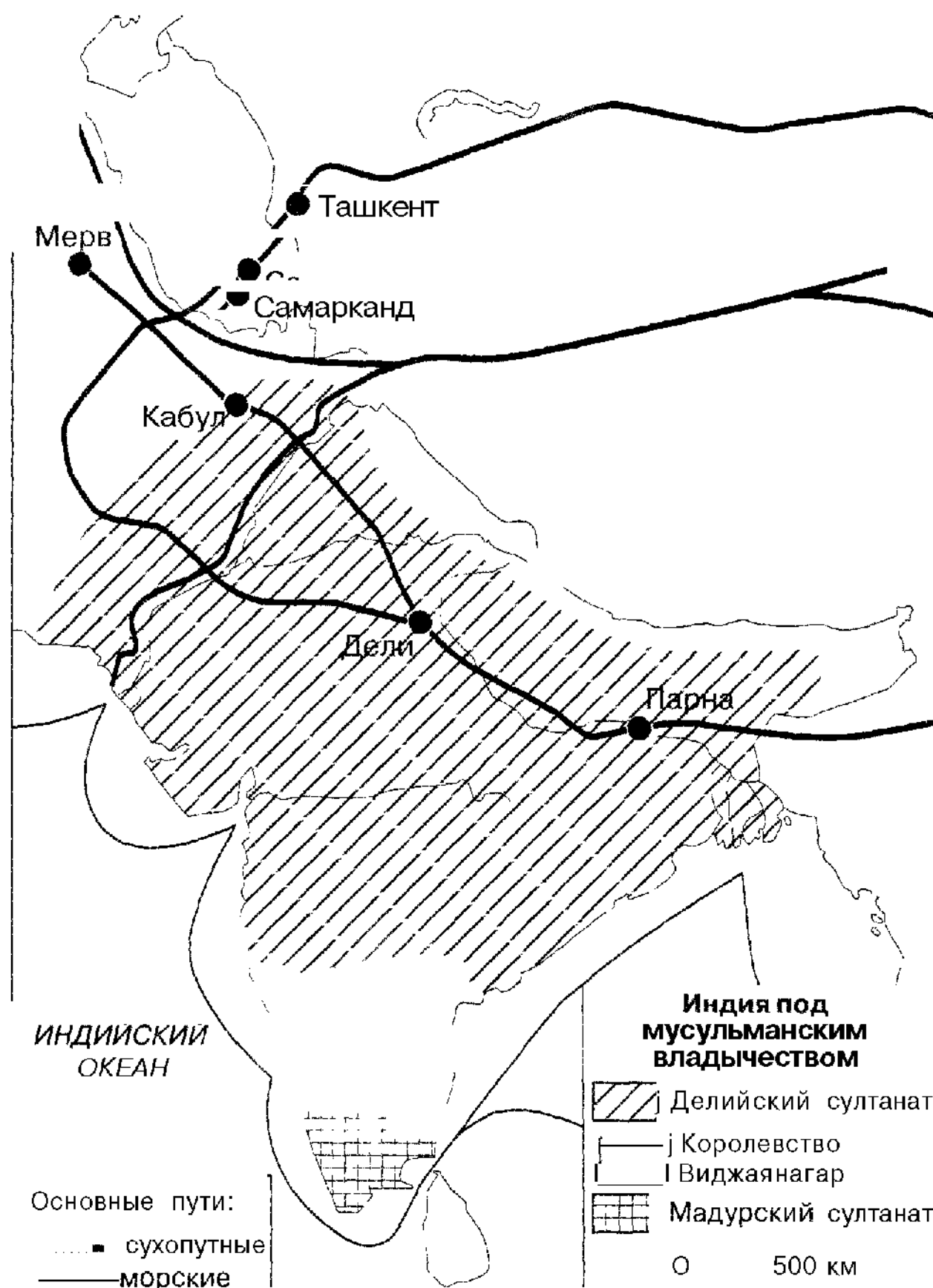
В странах Северной Индии индуизм стал религиозной системой, которую брамины создали из элементов ведийских и постведийских верований, из усваиваемых веками неарийских элементов и из множества особых местных культов, взятых на вооружение религией, которая хотела все вобрать в себя.

Какова была роль Южной Индии в медленном процессе становления новой религии? Понемногу Юг приходил на смену Северу в политике, искусстве, а также в разработке религиозного учения. Деканское плоскогорье явило миру в период с VII по XII в. наиболее совершенные и достойные восхищения образцы искусства (классическое и изящное искусство Паллавов, характерное для храмов Махабалипурама; необузданное и превосходное искусство Эллары; лиричное и чувственное искусство Конарака). Заметим кстати, что еще до появления этих художественных и архитектурных шедевров Южная Индия дала миру двух последних крупнейших индийских философов: Шанкара и Рамануджа.

Индуизм под тысячами различных имен проповедовал единого илосердного и спасительного бога, который охотно позволяет себе поклоняться. Видимость менялась, но сущность нет. Традиционная религиозность взяла реванш над буддизмом и джайнизмом, предварительно заимствовав у них заповеди чистоты, отказа от насилия и даже вегетарианство. Но главное заключалось в том, что отныне они объяснялись и на понятном народу языке.

Индуизм пришел к признанию сосуществования трех основных «верховных» богов: Брахма — создатель мира (именно ему воздавались «литературные почести»); Вишну — охранитель мира; Шива — разрушитель. Одновременно разделяемые и неразделяемые. Роль Высшего существа заключалась в том, чтобы быть провидением для людей. Таким образом объяснялись «приходы на землю» Вишны (аватара), под которыми подразумевались его перевоплощения, необходимые для поддержания мира на земле. Он пресображался то в рыбу, то в черепаху, то в огромного кабана, то в человека-льва, то представлял — девятая аватара — в облике Будды (буддизм тем самым интегрировался и существующую религиозную систему). Шива, разрушитель, идентифицировался со «смертью, со временем, с тем, что уносит (Хара)». Как и Вишну, он зачастую передавал свои полномочия богиням. На юге Индии он представлял мужем королевской дочери («той, у которой глаза рыбы»).

Невозможно углубляться далее в эту чрезмерно богатую мифологию, общую идею которой может дать книга Циммера *Мифы и символы в искусстве и цивилизации Индии* (1951). Мы не имеем также возможности подробно остановиться на ритуале молитв и жертвоприношений, на культе мертвых, на обряде сжигания, соблюдаемом по сей день большинством индуистов (земле придают только тела детей и аскетов), на длительных и сложных церемониях бракосочетаний. Что касается обрядов, то Индия была и остается в этом вопросе весьма консервативной.

На этом рисунке представлены основные пути и политические разграпичения (на крайнем Юге обозначен эфемерный Мадурский султанат, созданный в 1335 г)

Главной проблемой для верующего остается его освобождение от земного существования. достигнет ли он рая «по солнечным лучам» в случае благоприятного суждения или же будет осужден на пребывание в аду — в любом случае его будущее не обеспечивается решением, санкционирующим его грехи или компенсирующим его добродетели. Душа его обязательно перевоплотится согласно воле судьбы. Но благодаря молитвам, обрядам, посещению святых мест или талисманам человек может избежать своей *кармы*, т.е. процесса перевоплощения. Тогда он будет «освобожден». Речь идет здесь о негативном освобождении, принципиально отличном от буддистского пути к духовному освобождению, которое требует очищения и личной аскезы, отказа от святости.

Под плотными пластами индуизма — пластами самой индийской цивилизации — оказался погребенным буддизм (как и джайнизм), некоторые формы которого были ассимилированы, а другие отброшены. Этого не избежала даже Бенгалия, где буддизм некогда пустил глубокие корни. Но пространство, когда-то занимаемое буддизмом, так и не было заполнено. И по сей день в Индии аскет, святой, «отказавшийся от мирских благ», привлекает к себе внимание. Под грузом жестких условностей небольшого общества господствующая религия оставляет право на личную свободу только при условии бедности и «бездействия». Отсюда существование многих сект, которые являются способом интеллектуального и морального освобождения.

Вполне возможно, что именно духовная пустота, оставленная после себя буддизмом, последние гонения на который датируются XII в., объясняет массовый переход в мусульманство в той же самой Бенгалии. Подобное имело место на Балканах, когда гонимые боснийские христиане-богомилы обратились в мусульманство после прихода туда турок в XV в.

- **Мусульманская Индия (1206—1757).** Появившись в VII в. в связи с возникновением торговых колоний на Малабарском берегу, материализовавшись в 711—712 гг. в связи с зарождением разнотных колоний в континентальной Индии, мусульманская Индия постепенно расширяла свои владения по всей стране до Инда и Ганга. Затем мусульманская Индия попыталась, хотя и безрезультатно, завоевать весь континент.

Полупустынные земли Севера долгое время были недоступны для мусульманских завоевателей. К XI в., в 1030 г., им удалось захватить только Пенджаб. Понадобились два столетия, чтобы образовался Де-

лийский султанат (1206), который распространился на Северную Индию, заняв стратегически важную позицию.

Завоевание этого региона было длительным процессом и в конечном счете привело к его военной оккупации. Мусульманам, численность которых была невелика, удалось закрепиться только в крупных городах, и они могли обеспечивать свое владычество только при помощи террора. Жестокость стала обыденностью: поджоги домов, массовые казни, распятия на кресте или сажания на кол, кровавые забавы... Индустские храмы разрушались, и на их месте возникали мечети. Время от времени местное население насильственно обращали в ислам. В случае вооруженного восстания проводились массовые репрессии: захватчики сжигали деревни, выжигали поля, мужчин убивали, а женщин уводили в рабство.

Чаще всего местное управление оставалось в руках местных князьков или сельских общин, которые превращались в посредников для сбора дани. Взамен им оставляли немного самостоятельности: так было, например, на землях раджи в Раджпутане (Раджастхане).

Индия смогла выжить только благодаря свойственному ее печеловеческому терпению и своим огромным размерам. Поскольку палоги были крайне велики, то достаточно было неурожая, чтобы вспыхнули эпидемии и начался голод, которые могли разом упустить миллионы жизней. Роскошь победителей оплачивалась невероятной нищетой побежденных, обеспечивающих строительство роскошных дворцов и проведение знаменитых праздников в столице султаната Дели, которые вызывали восхищение путешествующих мусульман, среди которых оказался и знаменитый Ибн Баттута.

Делийским султанам повезло, и они смогли избежать первых завоевательных походов монголов Чингисхана и его наследников в XIII в. Они даже воспользовались ситуацией, чтобы расширить свои завоевания на Юг, которому это удавалось противостоять агрессорам и мешать созданию новых мусульманских султанатов. Но Тамерлан (Тимур) захватил их земли и в 1398 г. взял приступом Дели, причем город подвергся безжалостному разграблению. Но войска Тамерлана не остались в побежденной стране и вскоре удалились, увезя с собой пленных и захваченные богатства. После их ухода мусульманское владычество в Индии было восстановлено, хотя и оказалось лишено прежнего блеска.

Через сто тридцать лет после этих событий находящаяся в упадке и раздробленная империя была уничтожена, потерпев сокрушительное поражение в битве при Панипате (1526), где ее войскам проти-

востояла армия авантюристов под предводительством Бабура, который был (или называл себя) потомком Чингисхана. Победившая армия была малочисленна, но вооружена аркебузами и пушками, колеса которых на поле сражения связывались цепями, чтобы противостоять возможным атакам конницы. После победы армия быстро пополнилась наемниками из Ирана, Кашмира, других мусульманских и даже западных стран.

Бабур был мусульманином (суннитская ветвь). Это значит, что победа его войска была победой ортодоксального ислама, победой людей с белой кожей, использовавших оружейный порох. Так была создана *империя Великих Моголов*, которая в принципе просуществовала три столетия, вплоть до 1857 г., когда была уничтожена англичанами во время восстания сипаев. В действительности период ее расцвета закончился после смерти последнего из ее великих правителей Аурангзеба (1618—1707), т.е. еще до оккупации англичанами Бенгалии в 1757 г.

Итак, с 1526 г. и вплоть до смерти Аурангзеба мусульманская Индия переживала новую эпоху величия, напоминавшую лучшие годы Делийского султаната. Впрочем, и для этой новой эпохи были характерны те же акты насилия, то же насильственное сосуществование завоевателей и местного населения, тот же порядок управления.

Те же акты насилия: ислам правил при помощи страха, оплачивая роскошь всеобщей нищетой жителей Индии (а моголы были иначе?). С одной стороны, сказочные богатства, которыми восхищались путешественники с Запада; с другой — голод, высокая смертность, бесчисленное количество детей, выброшенных на утицы или проданных родителями в рабство.

То же насильственное сосуществование, которое становится все более тесным с течением времени. Самый знаменитый из династии Моголов Акбар даже попытался создать менее жесткую администрацию и новую религию, в которой смешивались мусульманство и индуизм (дин-и илахи: божественная вера). Но у новой религиозной системы не оказалось последователей за пределами узкого круга императорских приближенных, и она не пережила смерть Акбара. Но сам этот факт знаменателен.

Завоеватели не могли обойтись без своих подданных индусов. Огромные районы Индии оставались полунезависимыми, платя налоги или отказываясь это делать. Франсуа Бернье, французский врач на службе у одного из Великих Моголов, отмечал в 1670 г.: «На всем протяжении страны имеется множество народов, для которых Могол не является абсолютным повелителем, которые сохраняют собственных

правителей, не подчиняющихся Моголу и выплачивающих ему дан только по принуждению: иногда это сушие мелочи, а иногда и вовсе ничего».

Войны и постоянные сражения способствовали ограничению абсолютной власти Моголов. Двор Великого Могола был на деле большой армией (от 50 до 200 тыс. человек), квартировавшей в Дели: всадники, мунскеры, воины, обслуживающие легкую (конную) и тяжелую артиллерию, перевозимую на слонах, — масса воинов, конюших, слуг. Офицеры высокого ранга получали жалованье и иные награды, например земли в пожизненное владение. Это были искатели приключений, зачастую выходцы из простопародья, что не мешало им кичиться своим положением, «прогуливаясь по улицам в шикарных одеждах, иногда верхом на лошадях или на слонах, иногда в поршцах, но всегда в сопровождении конной охраны из числа благородных и массы пеших слуг, идущих впереди или сбоку, чтобы разгонять горожан, обмахивать опахалом хозяина сметать пыль на его пути вениками из павлиньих перьев, нести плетельницу или зубочистку, сосуды с питьевой водой...» В конечном счете «на одного магометанина приходилось несколько сотен человек разной obsługi», — поясняет Бернье. Поскольку все войско было невозможно набрать из одних только светлокожих т.н. Моголов (которые к тому же из боязни потерять свои привилегии предпочитали жениться на светлокожих женщинах Капшира), то приходилось призывать в армию их приближенных и темнокожих.

В Дели всегда можно было встретить солдат раджпутов (выходцев из Раджпутаны), которыми часто командовали их раджи. Некоторые из них могли поднять по приказу целые армии из местных воинов. Ведь иногда приходилось сражаться с мусульманскими наемниками с персами шиндами, с мусульманами из Бепалии (патапами), с индусскими или мусульманскими князьями из Декана, которые оставались враждебными правящей династии.

Всем им приходилось платить из огромной казны Великого Могола, пополняемой в большей степени за счет торговли, чем за счет доходов с земли. Эта казна стала центром притока и оттока богатств. Каждый раз, когда серебряная монета попала в казну, в ней делалось узкое отверстие: часто случалось, что одна и та же монета имела множество подобных отверстий.

Немалая часть немусульманской Индии участвовала в распределении богатств, в денежном обороте, как мы бы сегодня сказали. По мере сосуществования завоевателей и коренных жителей оно укреплялось за счет ассимиляции, взаимной, хотя и относительной

терпимости. Мы уже говорили о смешанном искусстве, одновременно индийском и мусульманском, которое расцвело в Дели и других городах моголов. Одно можно утверждать с уверенностью: это искусство находилось под мусульманским и индийским влиянием. Однако в плане культурном и религиозном Индия оставалась сама собой. Несмотря ни на что, исламу не удалось оставить на ней свою печать. Пример тому — Тульсидас, наиболее крупный поэт, писавший на хинди, брамин по происхождению, живший между 1532—1623 гг.

В действительности, авторитарное господство ислама со всеми его многочисленными последствиями в меньшей степени отразилось на общественных структурах и экономике Индии, чем ее контакты с Западом, начало которым было положено в конце XV в. и продолжено в XVI, XVII и особенно в XVIII вв. Если исключить умение использовать ружейный порох (основная причина военных успехов мусульман в 1526 г. и в 1565 г. в битве на реке Кришна против правителя Виджаянагара), то можно сказать, что ислам не обладал никаким преимуществом по сравнению с завоеванной им Индией.

Как мы уже говорили, после смерти Аурангзеба в 1707 г. империя запаталась под ударами с Запада и Юга. В 1738 г. был захвачен Дели. Начиная с 1659 г. началась оккупация Маратхских княжеств, лишь на время приостановленная Аурангзебом. Маратхи пережили период расцвета в XVIII в.

Все сказанное, однако, не должно послужить причиной для тотальной критики индийского ислама. Было бы несправедливо рассматривать этот опыт длительной и насильственной колонизации вне схожего опыта в остальном мире. Эта многовековая колонизация привела по крайней мере к появлению в Индии огромной массы верующих мусульман, которые по результатам переписи населения 1931 г. составляли 24% от всего населения страны (77 миллионов мусульман против 239 миллионов индуистов), что составляет примерно треть ее жителей. После политического раздела страны в 1947 г. это соотношение должно колебаться между 20 и 25%, причем эта последняя цифра кажется более вероятной (собственно в Индии проживает около 44 миллионов мусульман при общей численности населения в 438 миллионов человек и еще 880 миллионов мусульман проживает в Пакистане, хотя и в этой стране также есть немало немусульман). Итак, можно сказать, что мусульманская Индия не прекратила своего существования, и ее трудно отделить от общей индо-мусульманской цивилизации.

Английская Индия (1757—1947): старый экономический уклад, вступивший в противоречие с современным Западом

В XVI в. португальцы основали на Дальнем Востоке несколько факторий. Но португальская Индия (Васко да Гама прибыл со своей экспедицией в индийский город Каликут 17 мая 1498 г., территория Гоа была оккупирована в 1510 г.) процветала менее одного века. В XVII в. на первый план выходят английские, голландские и французские фактории.

Сразу после устранения французов (1763) стала образовываться английская Индия, начало которой было положено победой Роберта Клайва при Плессси (около современной Калькутты) 23 июня 1757 г.; английская Индия просуществовала почти два века — до завоевания Индией независимости в 1947 г., т.е. почти столько же, сколько длился период расцвета империи Великих Моголов. Как и ее предшественница, английская Индия увеличивала свои владения понемногу: завоевание Индии завершилось только к середине XIX в. с оккупацией Пенджаба в 1849 г. Равным образом прямые английские завоевания не коснулись многих независимых государств страны (*Native States and Agencies*). Отличие лишь в том, что при английском владычестве их автономия оказалась более чем реальной. Однако английское господство в полной мере сказалось на жизни всего континента, поскольку оно опиралось на экономическое превосходство. До Первой мировой войны далекая от Индии Англия оставалась в целом самой крупной промышленной, торговой и финансовой державой мира. Ее господство глубоко затронуло все структуры Индии.

- Индия становится поставщиком сырьевых ресурсов. Их эксплуатация, расширявшаяся и осуществлявшаяся Ост-Индской компанией вплоть до ее роспуска в 1858 г., со времен коррумпированного руководства лорда Клайва (покончил жизнь самоубийством в 1774 г. после жесткой критики в его адрес на заседании Палаты общин) приняла форму эксплуатации одновременно местных князьков, торговцев и крестьян.

Сначала это была бессовестная эксплуатация захваченных в первую очередь богатых провинций: Бенгалии, Бихара и Ориссы. Англичане начали наводить здесь порядок только с 1784 г., установив более честные и справедливые Правила.

Но уже первые толды английского владычества были ознаменованы грабежами и разного рода финансовыми нарушениями, которые пов-

лекти за собой ужасные последствия. Лорд Корнвалис, генерал-губернатор Индии, писал 18 сентября 1789 г.: «Я могу без колебания утверждать, что треть территорий, принадлежащих Компании в Индии, превращена в джунгли, где живут только дикие звери». Он почти не преувеличивал.

Конечно, новые хозяева, с которых никто не снимает ответственности, сами стали жертвами процессов, которые они не контролировали. Многие из катастроф произошли только по вине развивающейся денежной экономики, с которой Индия не была знакома, несмотря на свое давнее участие в мировой торговле. Другой причиной было английское право, западные концепции собственности на землю.

С таким трудом достигнутое равновесие, базирующееся на прошлом Индии, оказалось под угрозой.

К концу XVIII в., о котором мы говорим сейчас, Индия была сельскохозяйственной страной с бесчисленными бедными деревнями, многие из которых представляли собой скопление хижин подобных тем, что и сейчас (в 1962 г.) можно увидеть около Матраса или в других местах: «стены из засохшей глины, крыши из пальмовых листьев, единственное отверстие — низкая дверь... Дым от сжигаемого в очагах коровьего навоза выходит наружу из щелей в крыше». Однако эти деревни представляли собой самодостаточные, сплоченные и стабильные сообщества, которыми руководили старосты или советы старейшин; в некоторых районах производилось даже регулярное перераспределение нацелов. С деревнями были тесно связаны ремесленники (кузнецы, столяры, плотники, ювелиры), веками передающие свое умение от отца к сыну и получающие от крестьян за работу часть урожая. В некоторых деревнях имелись даже рабы (в наиболее благополучных семьях), которым хозяева давали приют, которых кормили и одевали. Такие общины несли коллективную ответственность за сбор налогов, барщину и общественные работы, которых требовало государство. Часть собранного урожая отправлялась также в далекие города, из которых ничего не приходило взамен. Палог — вот единственная пить, связывающая город с сельской местностью, поскольку деревня не могла купить ничего из того, что импортировалось в города или производилось в них. Городская промышленность работала на удовлетворение запросов узкого круга городских обитателей, привыкших к роскоши, или на экспорт. Но если давление правителей на ту или иную деревню становилось непереносимым, излишне тяжелым, то тогда деревня могла сняться с места и уйти на поиски других земель.

Таковой долгое время была сельская экономика выживания в Индии, экономика древняя, замкнутая на самой себе, связывающая сельское хозяйство и ремесленничество, не зависящая от внешнего мира, если не считать соли и железа... Кастовая общественная организация сохраняла за каждым свое место: от брамина, учителя, священника и астролога до старейшин или богатых крестьян, которые принадлежали к более высоким кастам. Внизу социальной пирамиды находились неприкасаемые, непосредственно работающие на земле и составлявшие большинство жителей.

В XVIII—XIX вв. вся эта стройная система начала разрушаться. Для сбора налогов англичане прибегли к помощи старых сборщиков налогов и признали за ними право собственности на деревни, которым они ранее не обладали. Таким образом они создали, прежде всего в Бенгалии, печально знаменитых *заминдаров*. Они получили право предоставлять английским властям общую сумму налога, что на практике означало требовать от крестьян более того, что они раньше выплачивали. Вскоре заминдары отказались собирать налоги собственноручно, все чаще прибегая к услугам специальных агентов. В итоге несчастное крестьянство Бенгалии получило группу людей из разного рода посредников и паразитов.

Там, где англичанам не удалось внедрить систему *заминдари*, они прибегли к прямому денежному налогообложению. В этом случае, если крестьянам нечем было платить, они вынуждены были просить денег у землевладельцев. Судьба этих последних в Индии была особой. Раньше они должны были учитывать возможность сопротивления, возмущения крестьян; теперь же на их стороне оказались закон и судопроизводство: если долг не выплачивался вовремя, они могли забрать сначала скот, а затем и земельные наделы крестьян. Крестьяне оказались в бедственном положении. Поскольку цена на землю продолжала расти, ростовщики могли быстро превратиться в землевладельцев; спекуляция землей «на повышение» привлекла инвестиции, гарантией которых была земельная «рента». Отсюда увеличение числа крупных землевладельцев, обычно не заинтересованных в повышении урожайности и живущих на эту земельную «ренту». В результате к концу XIX в. из 100 миллионов крестьян треть была мелкими собственниками, а средняя площадь надела оказалась меньше 10 акров, т.е. меньше необходимого жизненного уровня. В процессе этого передела в девяти случаях из десяти исчезли советы старейшин, которые только сейчас пытаются возродить.

Положение также ухудшилось по следующим причинам:

- 1) из-за разорения сельских ремесленников, которые не выдержали конкуренции с английской и даже индийской промышлен-

ностью и были вынуждены пополнить собой ряды крестьянства, где социальное напряжение и без того было высоким;

- 2) из-за систематической двойственности политики английских капиталистов, которые рассматривали Индию как, с одной стороны, рынок сбыта собственной продукции (прежде всего было сделано все возможное, чтобы загубить местную текстильную промышленность, которая была на подъеме в XVIII в., когда повсеместно в Европе вошли в моду индийские хлопчатобумажные набивные и раскрашенные ткани) и как сырьевой рынок, где приобретались джут и хлопок для ланкаширских фабрик с другой.

Предназначенное на экспорт сырье в морские порты доставлялось по железным дорогам, которые во второй половине XIX в. стали причиной подлинной революции на внутренних территориях страны. Создавались города, смысл существования которых заключался в складировании и дальнейшей отправке товаров за рубеж. Индийское крестьянство стало во все большем количестве производить продукцию, которая отныне не предназначалась для того, чтобы прокормить свою семью и свою деревню. Промышленные сельскохозяйственные культуры вытеснили продовольственные (исключение составлял Пенджаб, но и его зерновая продукция шла на экспорт). В результате голод, которому способствовал и демографический прирост, стал повседневной реальностью в последние 30 лет XIX в.: даже тогдашняя несовершенная статистика свидетельствовала о снижении потребления продовольствия.

Мировой кризис 1929 г., резкое падение цен на сырьевые ресурсы убыстрили процесс концентрации земельной собственности в руках заминдаров или ростовщиков. К тому же еще более уменьшились крестьянские наделы, а задолженность крестьян достигла такой величины, что она вышла за пределы разумного. Под гнетом долгов крестьяне оказались в положении крепостных, худшем, чем по отношению к своим бывшим хозяевам. Становясь все более свободным перед лицом закона, крестьянин попадал во все большую экономическую зависимость.

- Только к 20-м годам XX в. в Индии появились первые современные промышленные предприятия и первые протекционистские пошлины. Зарождению местной промышленности способствовал и избыток дешевой рабочей силы, рост современных городов, где скапливался пролетариат, а также деятельность индийских капиталистов.

Эти последние либо были *парси* — потомками последователей Зороастра, пришедшими из Персии тысячелет тому назад и поселившимися в районе Бомбея; либо принадлежали к одной из высших каст (марвари) провинции Раджустан, которая долгое время была защищена от английской конкуренции из-за своей отсталости; либо это были *джайны*, выходцы из Гуджарата.

Наиболее динамично развивавшимися были три промышленных центра: Калькутта, в 150 милях к востоку от которой концентрировались металлургические предприятия группы Тата (семья парси) и где в большом количестве производились джутовое полотно; Бомбей, ставший центром промышленности по производству хлопчатобумажных тканей и сборке автомобилей; Ахмалабад, находившийся в 500 км к северу и ставший центром хлопковой промышленности. Во время Второй мировой войны эти и другие отрасли промышленности (прежде всего производство продовольствия) получили хаотическое развитие, в особенности после 1942 г., когда нехватка продовольствия и тканей вызвала фантастический бум на черном рынке, который одно время (на фоне угрозы японского вторжения) рассматривался как акт подрывной деятельности против Индии.

В 1944г. был принят Бомбейский план развития (впрочем, излишне оптимистичный), предусматривающий крупные инвестиции в промышленность за счет средств, полученных от Англии. План предусматривал тесное взаимодействие с английскими капиталистами и компаниями (например, в автомобильной промышленности). Впрочем, еще и сегодня, после достижения независимости, английские инвестиции играют большую роль в деловой жизни страны, прежде всего в банковской сфере.

Экономический подъем лишь ускорил отток крестьян в города. Как гласит тамильская поговорка, «после разорения — беги в город». Рабочие места можно было найти в мастерских, на заводах, в облуге (причем плата за домашнюю работу в денежном выражении «оказывалась чуть большей, чем ничего»). При этом завязывались неожиданные связи между представителями различных каст и провинций: на полуострове Катхиявар, в Бомбее, на юго-западном побережье Декана. Сближение каст способствовало брожению среди индийского населения и увеличивало его социальную мобильность.

В итоге еще до получения независимости в Индии были современные многонаселенные города, характерной особенностью которых (особенно Мадраса, Бомбея и Калькутты) были печально знаменитые бедняцкие кварталы.

- Англия пересмотрела свою политику в Индии после восстания сипаев (набранных из местных жителей солдат) в 1857—1858 гг.

Для метрополии восстание послужило толчком для изменения предыдущей политики, прекращения деятельности всемогущей Ост-Индской компании (1 сентября 1858 г.), на смену которой пришло министерство по делам Индии (*India Office*) и замены генерал-губернатора на вице-короля.

Под вопрос была поставлена и почти мгновенная аннексия некоторых индийских княжеств. Было принято решение о соблюдении их автономии, а в 1881 г. была предоставлена независимость ранее аннексированному султанату Майсур, что стало символом новой ориентации. Отказ от прямого правления в условиях разнородной Индии означал использование колонизаторами существующих различий, прежде всего на стыке мусульманской и индуистской Индии. В первую очередь встал вопрос о сохранении этих различий в армии. В 1858 г. лорд Элфинстон использовал яркую метафору для отражения сути дела. Он говорил, что для сохранения английского господства нужно использовать принцип кораблестроения: на пароходах плавучесть обеспечивается разделением корпуса на части при помощи герметичных перегородок. «Я хотел бы обеспечить безопасность нашей империи в Индии, построив индийскую армию по такому же принципу», т.е. по принципу четкого деления на индусов, мусульман, гималайских сикхов, которые отныне не должны служить вместе в воинских подразделениях.

Однако последовавшие события быстро спутали эти расчеты. Начиная с 1870-х годов мировой экономической кризис достигал Индии, принесся сюда голод, эпидемии, крестьянские бунты. Возникает мысль, что необходимо либерализировать существующий колониальный режим, привлечь индусов к управлению, назначать их даже в правительство. В 1885 г. «с благословения вице-короля» образуется партия Индийский Национальный конгресс, который стал, как бы мы сегодня сказали, проводником национализма. Его идею выражала очень небольшая, но крайне активная часть индийского населения.

Сторонники этих взглядов рекрутировались среди активного среднего класса, образовавшегося в городах и университетах. Речь идет не об аристократах и князьях, не о замищарах, приверженных традициям и социальному консерватизму, сделавших из них хозяев Индии, но именно о разнородном среднем классе, который новая действительность выталкивала на авансцену: о капиталистах из числа парсов и Марваров, мусульманах исмаилитах, представителях каст, склонных

к запятым политикой (кашмирские пандиты например), связанных с браминами и давших Индии многих политических деятелей во времена Великих Моголов (именно к ним принадлежит Джавахарлал Неру, нынешний лидер страны)... Ганди также был выходцем из семьи, которая на протяжении многих поколений давала министров при дворах мелких князей полуострова Катхиявар и Гуджарата.

Эти люди, которых привлекала западная цивилизация, почувствовали на себе ее блага, преимущества и опасности. Учение Ганди, например, уходит корнями в традиции неприятия насилия, свойственной Индии, в пылкий пацифизм Толстого, в Нагорную проповедь Христа... Эта индийская *интеллигенция* получает знания из разных источников, мечтает о религиозном синкретизме, об очищении индуизма. Сознательно или нет, но многие умы подпитываются из источников бесчисленных индийских ересей. Можно вспомнить десятки имен, начиная с Даянанда Сарасвати (1824—1883), который основал новую секту индуизма, отказался от ислама и христианства, но в то же время испытывал тягу к Западу и пытался найти в Ведах научные знания (от электричества до паровой машины), до Гопала Кришны Гохаля (1866—1915) и Рабиндраната Тагора (1861—1941), известного всему миру своими поэтическими произведениями (Нобелевская премия, 1913): его стихотворение *Душа народа* стало национальным гимном независимой Индии.

Итогом долгой борьбы и бесконечных перипетий стала независимость страны и ее раздел 15 августа 1947 г. Сопровождаемые осторожными требованиями одних, лицемерием и увертками других, переговоры о деколонизации (хотя сама она была выше других по своему уровню) проходили по обычному сценарию: то, что считалось правильным на одном этапе, отрицалось на другом, а уступки всегда запаздывали. Кроме того, положения, удовлетворявшие мусульманскую часть страны (разделение Бенгалии на две провинции в 1905 г. и пр.), раздражали индуистов, вплоть до 1911 г. Так и не найдя своего решения проблема объединения индуистов и мусульман (эти последние образовали Мусульманскую лигу в 1906 г.).

Другая сложность: дойти до широких масс народа, что удалось Ганди (1869—1948). Изучив право в Бомбее и Лондоне, Ганди работал адвокатом в Патале в 1893—1914 гг., защищая интересы своих соотечественников, эмигрировавших в Южную Африку. Вернувшись в Индию в 1914 г., он быстро занял лидирующее положение среди националистов, побуждая их к действиям. Его кредо: «религиозное использование политических сил». Он стал Махатмой (Благородным, Особо Почитаемым). Он учил, что единственной силой, которую можно использо-

вать для управления людьми, заключается в правде, ненасилии по отношению к любому живому существу, очищении. Религиозный акцент в его деятельности значительно усилил ее эффективность. Ганди повел за собой массы. Это стало заметно уже во время первого бойкота (20 сентября 1920 г.) конституции 1919 г., предложенной англичанами, затем в декабре 1921 г., когда он объявил о начале кампании неповиновения. Когда вслед за мощными мирными демонстрациями начались серьезные народные волнения, когда произошли первые убийства, Ганди, оставаясь верным самому себе, остановил движение. Вторая кампания началась восемь лет спустя — 26 января 1930 г. За ней последовали новые соглашения, новая кампания протеста, которая на этот раз была более длительной (1932—1934), принятие новой конституции Индии (*India Act*, 1937).

- * Таким образом, проблема независимости Индии в полной мере встала еще до начала Второй мировой войны, которая лишь ускорила этот процесс.

Восьмого августа 1942 г. партия Индийский национальный конгресс приняла предложение Ганди: «Пусть англичане уходят из Индии!» Положение стало очень серьезным в 1942 и 1943 гг., когда японцы заняли Бирму и угрозы захвата нависла над Ассамом и Бенгалией: были разрушены вокзалы и административные здания.

После наступления мира напряжение усилилось. Одиннадцатого июня 1947 г. английский парламент наконец-то предоставил Индии независимость. Страна стала свободной, но ее раздирали внутренние противоречия. Пятнадцатого августа она разделилась на два «доминиона»: на собственно Индию и на Пакистан (при этом сам Пакистан оказался поделен на две части). Раздел оказался неудачным: в Индии осталось мусульманское меньшинство (44 млн человек), к тому же районы, производящие рис, достались Пакистану, а зоны, где производились ткани, — Индии... Началась миграция населения из одной страны в другую, что сопровождалось бесчисленными актами насилия, массовыми погромами... Ганди искал согласия с мусульманами, но безрезультатно. Тридцатого января 1948 г. индусский фанатик убил Махатму, полагая, что он предал дело индуизма. Итак, раздел страны произошел в форме гражданской войны и сопровождался неслыханным насилием. С обеих сторон было два или три миллиона погибших.

Часто утверждают, что виной всему политика английского правительства. Справедливо ли это утверждение? Согласиться с ним зна-

чит придавать чрезмерно большое значение политическим факторам и политикамству, шитому белыми нитками. Еще раз в истории Индии ее прошлое одержало победу над настоящим, отомстило за себя. Именно в прошлом все дело. Четвертого февраля 1948 г. Цейлон, имевший собственную цивилизацию, и который никогда не был «привязан» к английской Индии, стал самостоятельным доминионом.

Итак, став независимой, Индия раскололась на две части. Даже на три, если принять во внимание отделение независимой Бирмы (1947).

Построили ли Индия экономику через революцию китайского типа?

За период с 1947 г. Индия достигла значительных успехов в промышленности, больших, чем за предыдущие 150 лет. Таким образом, она лучше, чем Пакистан, пережила раздел страны в 1947 г. В Индии удалось навести порядок: соглашение с Францией, которая отказалась от своих торговых центров на территории страны, взятие под свой контроль и ликвидация автономных княжеств, в частности Хайдерабада (сентябрь 1948 г.), вытеснение португальцев с территории Гоа в 1962 г. Индия восстановила свои права на Кашмир, воспротивившись китайским претензиям в ходе конфликта на гималайской границе. Конечно, насильственный захват территории Гоа вызвал разочарование у зарубежных друзей Индии, которые рассчитывали на большую политическую мудрость. Однако авторитет Пандита Неру остается на высоком уровне, и он по-прежнему воспринимается как один из самых видных защитников интересов Третьего мира.

Если прибавить к этому тот факт, что парламентский режим в стране остается действенным, свидетельство чему выборы в 1962 г. в национальный парламент, а также прошедшие выборы в парламентские ассамблеи 14 штатов, если записать в актив действующего правительства разумное разделение Индии на 14 штатов по лингвистическому признаку, то можно сказать, что страна достигла впечатляющих успехов.

- Однако не в этом заключается своеобразие Индии и того человеческого потенциала, который она располагает. Подлинное своеобразие состоит в усилиях правительства страны, которое успешно проводит в жизнь третий пятилетний план 1961—1965 гг. в целях преодоления трудностей, стоящих перед ее народом (вскоре население страны достигнет подмиллиарда человек), и делает это без насилия, без громких

заявлений, опираясь на устоявшийся порядок вещей, на людей, форсируя при этом ход событий только в тех случаях, когда это возможно и обещает положительный результат.

Лидер страны Джавахарлал Неру хорошо объяснил это одному французскому журналисту 18 апреля 1962 г.: «Мы не привержены слепо социалистической доктрине. Просто в долгосрочной перспективе мы хотим привести страну к процветанию и уже сейчас добиться повышения уровня жизни и уменьшения социального неравенства. Для этого мы работаем в сфере экономики, оставляя достаточно пространства для частного предпринимательства: часть крупной промышленности, вся мелкая и средняя промышленность, все сельское хозяйство остаются за пределами государственного сектора хозяйства. В сельской местности мы оказываем поддержку кооперативам, но вовсе не стремимся к коллективизму. Еще раз повторяю, что мы не привержены слепо социалистической доктрине. Мы движемся вперед постепенно, мы хотим решить наши проблемы мирным путем. Не забудьте, что, когда мы ликвидировали власть махараджей, мы оставили им дворцы, сохранили за ними до конца жизни привилегии и значительные льготы. Как видите, мы во всех случаях изыскиваем демократические пути решения проблем».

Этот путь скорее *либеральный* при всех различиях в толковании этого понятия. Одно можно сказать: Индия приняла методы и ценности «свободного мира». Страна хочет осуществить революцию. Удается ли это сделать, строя экономику через революцию китайского типа?

- Для чего все делается? Положить конец очевидной и ужасной нищете или по меньшей мере облегчить участь народа. Борьба с нищетой остается характерной и реальной особенностью страны; успехи в ней должны быть точкой отсчета развития Индии.

В отличие от многих других государств, в заслугу Индии нужно поставить то обстоятельство, что она не прячет ни от себя, ни от других язвы общества.

Нищета существовала здесь всегда. Уже первые свидетельства, дошедшие до нас еще до наступления новой эры, отмечали царящий в стране голод. Нищета бросается в глаза и в наше время. В крупных городах, таких как чудовищная Калькутта, огромный Бомбей и даже Нью-Дели, за границами богатых кварталов можно свободно увидеть нищету во всем: в одежде, жилище, пище...

Наиболее очевидным признаком являлся и является чудовищный избыток свободной рабочей силы. Во времена Великих Моголов родители продавали в рабство такое количество детей, что покупка их была зачастую жестом милосердия. «Разделение труда не знает границ, — отмечал в 1923 г. Андре Швейрион. — Чтобы управлять повозкой, есть кучер, чтобы открывать двери — глум, чтобы предупреждать о вашем приближении — неон. Европейец вынужден соблюдать этот ритуал. Это выглядело бы чудовишно, если бы он вздумал пройти пешком, сам донести пакет; английский офицер не может сдвинуться с места без того, чтобы его не сопровождала вереница людей и багажа. В прошлом году в Лондоне простой капрат рассказывал в моем присутствии, что в Индии он звал слугу, чтобы поднять упавший носовой платок... Это как в Риме, где патриции были окружены армией слуг, клиентов, вольноотпущенных».

Эти реальности вчерашнего дня остаются реалиями дня сегодняшнего. Что сказать о скромных буржуазных домах, где работают 10—12 человек прислуги? Что подумать о несчастных мужчинах, женщинах, детях, которые на берегу реки в Калькутте (1962) «сидят на корточках в грязи, облепленные мухами и безразличные к тому, чтобы их прогнать или протянуть руку к прохожему»? Следующему же наблюдателю, что сказать об адской картине укладки дорожного полотна: «Обнаженные мужчины, женщины в сари и дети в лохмотьях почти голыми руками укладывают асфальт, который разогревается в огромных котлах»? Стоит только улучшить условия труда, как сразу же возрастает количество безработных. В Бангалоре, который расположен на Деканском плоскогорье, ультра-современный завод производит вагоны, «но толпы рабочих появляются в конце производственного цикла, чтобы покрасить готовую продукцию».

Эти печальные свидетельства, характерные для сегодняшней Индии, являются наследием прошлого. Вот цифры: страна насчитывает 438 миллионов обитателей, уровень смертности равен 25—30 человек на 1000, «естественная» рождаемость достигает порядка 45 человек на 1000, что дает ежегодный прирост населения в 8 миллионов. Эти данные обескураживают. Они способны заранее затормозить любой рост душевого дохода, и это притом, что национальный доход в массе своей очевидно возрастает. Душевой доход равен сегодня 280 рупиям в год (1 рупия = 1 франку), т.е. меньше 100 старых франков в день. На строительстве дорог заработная плата составляет одну рупию в день.

Затормозить демографический рост? Этого, наверно, можно было бы добиться за счет повышения благосостояния населения. Широкая

пропаганда противозачаточных средств, стерилизация населения (1,5 миллионов добровольцев) не могут остановить его роста. Индия — это не дисциплинированная Япония, где общенациональная кампания ограничения рождаемости также проходит совсем не гладко.

Кроме того, эти проблемы не являются единственными.

- **Не нужно быть экономистом, чтобы понять** параметры третьего пятилетнего плана (1961—1965).

Как и в предыдущих пятилетках, поставленные цели являются вполне достижимыми: производство удобрений, развитие транспорта, рост тяжелой промышленности, станкостроения... В этих отраслях улучшения относительно легко и быстро достижимы, сопровождаемые надеждой на то, что перемены здесь повлекут за собой перемены по всей стране. Государственное вмешательство осуществляется по всем возможным направлениям, что противоречит рекомендациям группы экспертов Фонда Форда, который в 1959 г., в период подготовки третьего пятилетнего плана, предлагал правительству сосредоточить усилия на сельском хозяйстве с целью доведения урожая зерновых до 100 и даже до 110 млн тонн (в 1959 г. прогнозировалось собрать 73 млн). Разумно ли, как считают другие эксперты и как решило само правительство, отказаться от развития промышленности и инвестиций в нее, надеясь, что ситуация с продовольствием общаств не станет катастрофической в 1965 г.? Конечно, она останется сложной в ближайшие годы, но Индия переживала и не такое.

Все эти решения требуют выполнения обычных предварительных условий: резервировать часть национального дохода на инвестиции: 5% в первом пятилетнем плане, 11% во втором и 14% в третьем. Эти огромные отчисления рискуют нарушить равновесие и без того дефицитного платежного баланса, тем более что необходимы крупные закупки за рубежом, всегда осуществляемые на плохих условиях. Не удастся обойтись без зарубежных займов, часть которых предоставляется на кабальных условиях частными банками, а другая поступает в страну в виде дара или на льготных условиях в обстановке соперничества США и СССР (третий пятилетний план предусматривает заимствования из обеих стран в расчете 5% из каждой, притом что СССР концентрирует свою помощь на реализации крупнейших проектов, подобных строительству металлургического комплекса в Бхилаи). США, которые раньше предоставляли помощь в объеме, в 20 раз большем, чем их соперники, разделили ее на разные объекты. Но де-

ло не в затянувшемся соперничестве «великих держав», не в деталях строительства новых промышленных производств, не в тонке за увеличением числа заводов по производству стали или в строительстве французской фирмой новой фабрики по производству киноленты (по производству фильмов Индия и так занимает второе место в мире после США).

Дело в том, что Индия сдвинулась с места и вслед за Японией и подобно Китаю, она превращается в крупную азиатскую промышленную державу. Мы не ошибемся, если скажем, что у нее было относительное преимущество, поскольку она начала свое промышленное развитие несколько раньше, по меньшей мере в 1920-х годах. Иными словами, она имела некоторую фору. Сегодняшнее соперничество между приростом населения и экономическим ростом, может быть, закончится, наконец, победой последнего. Вполне возможно, что к 1970 г. доход на душу населения может удвоиться, что, впрочем, вовсе не означает, что Индию ожидают райские кущи. По крайней мере она стоит на правильном пути.

- На этот трудный путь ее ожидает множество других препятствий как политического, так и социально-культурного характера.

Политические трудности: лидерство Пандита Перу выдвигает не легкую проблему преемственности, поскольку он уже достиг возраста 72 лет. Господство партии Индийский национальный конгресс само по себе не создает учредительной системы, так как мешает возникновению разумной и конструктивной оппозиции. Недавно реакционные правые силы обвинили коммунистов и близкие к ним движения в том, что они едят говядину. Такие аргументы в политической борьбе могут только разочаровывать. Левые (коммунисты и близкие к ним) собрали только 10% голосов на выборах 1962 г., но сумели продемонстрировать там, где они были у власти (местное правительство штата Керала, например), свою честность и эффективность. Со своей стороны, социалисты обвиняют председателя правительства Перу в том, что он защищает «прогнивший режим». По все эти оппозиционные силы остаются маргинальными, кто их слушает?

Социальные трудности: легче говорить о справедливом распределении богатств, чем это сделать. Возьмем ключевой вопрос о земельной собственности: аграрные законы, количество которых множится в различных штатах, остаются практически на бумаге. Лишенные собственности согласно закону, крупные землевладельцы почти повсюду восстановили былую власть над бедными крестьянами. Эти послед-

отыщите свободы, что уже является огромным шагом вперед, но они остаются в нужде, им недостает современных орудий труда. Часть пахотных земель остается невозделанной. Даже оросительные системы и те способствуют процветанию крупных собственников, которые имеют возможность, прибегая к разного рода уловкам, использовать их для создания собственных запасов воды. Простому крестьянину не удастся воспользоваться преимуществами ирригации. К несчастью, крупные землевладельцы оказываются маловосприимчивыми к прогрессу, не стремятся к техническим усовершенствованиям. В этом случае как раз и можно говорить о «прогнившем режиме», о возникновении предреволюционной ситуации.

И наконец, традиционная цивилизация по-прежнему опутывает своими тесными узами основную массу населения страны.

Индусам еще предстоит освободиться от диктата прошлого, покончить с кастовым делением общества, чтобы совершить социальную революцию и перейти к современным нормам жизни. Бесспорно, индуизм представляет собой главное препятствие для любого развития и для серьезной модернизации страны. Могущество религии видно в том бесчисленном количестве продовольственных даров, которые недоедающее население, находящееся на грани физиологической пищеты, приносит в храмы по тому или иному случаю: в 1962 г., например, когда расположение звезд позволило убедить население, что конец света близок. Стада коров, бродящих в поисках корма, тучи ворон, пожирающих зерно, обилие насекомых, против которых не ведется никакой борьбы даже тогда, когда они уничтожают урожай, все это последствия индуистских верований, согласно которым корова — это священное животное, а всякое живое существо имеет право на существование.

Худшее проявление индуизма — это, конечно, система каст, каждая из которых образует как бы замкнутое пространство. Социальный иммобилизм (неподвижность) не абсолютен, и все указывает на то, что с течением времени кастовая система обречена. Но она еще существует. Неприкасаемые, примерно 50 миллионов человек, занятием которых выступал Ганда, имеют такие права, как и все другие. Конституция Индии уничтожила все различия между людьми. К тому же, это светская конституция. Но расстояние между теорией и практикой остается большим. Изменения в этом вопросе едва заметны, они коснулись лишь интеллектуальной элиты и то постольку поскольку. Показателен тот факт, что политическая борьба является одновременно и личным соперничеством и соперничеством каст. Безусловно, формируется средний класс, представители которого учатся

в 46 университетах (хотя не все выпускники находят потом работу); именно выходящие из среднего класса поставляют кадры чиновников, адвокатов, врачей, политических деятелей.

Средний класс открыт представителям всех каст, и даже в поведении и одежде он старается подражать англичанам. Однако дома многие его представители возвращаются к традиционной одежде и пище, оставаясь в душе привязанными к старинным обычаям. В то же время современная жизнь требует отказа от религиозных традиций. Примеров тому много: вода из систем городского водоснабжения рассматривается как чистая, незагрязненная, хотя ее касается столько «печистых» рук; несмотря на запрет есть рыбу, люди пьют предписанный врачом рыбный жир; участились случаи межкастовых браков, появления в газетах брачных объявлений, где указывается, что «каста безразлична»; вновь созданные предприятия расселяют своих рабочих, техников и инженеров в одних домах, не обращая внимания на прежние запреты селиться вместе для представителей различных каст.

Эти разрозненные факты свидетельствуют о том, что в деле реформирования индуизма был сделан определенный прогресс, что религиозный формализм отступает (на самом деле с ним еще со времен Будды вели борьбу наиболее светлые умы индийской религиозной мысли). С 1800 г. создатель нового религиозного учения Раммохан Рой стремился идти именно в этом направлении, к монотеизму. По тому же пути следовали и еще будут следовать другие реформаторы.

Дело в том, что отныне Индия осознает, что ее культурная традиция препятствует развитию. Осознание этого приняло во времена Ганди, который, без всякого сомнения, был «открывателем» сегодняшней Индии, что сказалось как в энтузиазме его последователей, так и сопротивлении его противников. Ганди опирался на все духовные традиции Индии, чтобы подтолкнуть ее к прогрессу (в его понимании), к национальному самосознанию, что стимулировало подъем народных масс. Но в то же время эта традиция, которую он так хотел возродить, во многом означала для Индии невозможность достичь определенного уровня развития.

В этом суть конфликта, который в итоге столкнул двух соратников по общему делу: Ганди и социалиста Перу. Его можно резюмировать словами самого Перу: «Пропасть разделяет тех, кто повернут к будущему, и тех, кто повернут в сторону прошлого». Приписки Ганди фатальным образом отдаляли его от всякой социальной революции. В его учении речь шла не о ломке существующего порядка, а о том, чтобы добиться от людей, какими бы ни были их богатство и влияние, готовности служить себе подобным, согласия, как гово-

рил Ганди, «проникнуться искусством и красотой самоограничения и добровольной бедности... посвятить себя деятельности, составляющей основу нации... собственноручно изготавливая пряжу и ткани... изгнать из своего сердца все формы кастовых предрассудков, выступать за полный отказ от употребления вредных напитков и наркотиков... и культивировать в себе чистоту сущего. Все это позволит жить, как бедные», предпочтительно в традиционных рамках деревенской жизни.

Короче говоря, заключает Перу, обсуждая позицию Ганди в своей книге *Моя жизнь и мои тюрьмы*, «в его понимании, те, кто хотел служить народным массам, должны были заботиться не столько о повышении уровня материальной жизни, сколько о самоуничтожении, о приравнивании себя, если так можно сказать, к массам, о смешении с ними на основе равенства. Такой была для него настоящая демократия». Как бы ни восхищались Неру и его друзья некоторыми аспектами этой морали, самим Ганди, им казалось, что превращение этой морали в коллективный идеал противоречиво логическим концепциям «всякого современного демократа, всякого социалиста и даже всякого капиталиста». Для них это означало бы возвращение к отжившему патернализму, который по определению является реакционным, и заключается в нежелании видеть необходимость разрыва Индии с некоторыми элементами ее прошлого, без чего ей не удастся преодолеть слаборазвитости и нищеты своего населения.

Поражение ученика Ганди Виноба Бхаве, основавшего в 1947 г., после смерти «отца нации», движение Бхудан, доказывает, что сегодняшняя Индия склонна скорее следовать по пути Неру, чем Ганди. Цель движения — разрешить аграрный вопрос путем добровольной уступки владельцами принадлежащей им земли. Эти земли должны были быть затем распределены между бедными крестьянами или их сообществами.

Чтобы понять смысл этого «крестового похода», нужно знать, что Виноба Бхаве, великолепный математик, широко образованный человек, выходец из хорошей семьи, в 1916 г. сжег в присутствии матери все свои дипломы, чтобы пойти по пути индусских аскетов. Он участвовал во всех акциях Ганди, всегда оставаясь «в первых рядах», что означало частое пребывание в тюрьмах. Основывая свое движение, он рассчитал, что для решения аграрной проблемы понадобится 25 млн га пахотных земель. По прошествии десяти лет ему удалось набрать только 2 млн га, что свидетельствовало о его провале.

Святой вел свою кампанию в одиночестве, пешком бродя от деревни к деревне и ежедневно вручая, следуя предписаниям Ганди, пря-

для хлопковые нити. Однако то, что было возможно во времена Ганди (это был Ганди, и это была другая эпоха), стало анахронизмом в современной Индии. У него были последователи, но в деревнях Гуджарата его освистали, это означало, что наступили иные времена, сформировалось другое сознание. Поражение святого (неприятное с точки зрения патриархальной Индии) означает, может быть, пробуждение страны, ипшуптей другие разумные и более современные решения своих проблем в борьбе со старым, изъеденным червями, режимом.

«Сегодня, — заключает Перу, — древняя культура Индии изжила себя. Молчаливо и отчаянно она борется с новым и всемогущим противником — западным капитализмом. Она потерпит поражение, потому что Запад несет с собой науку, а наука — это хлеб для миллионов изголодавшихся. Запад несет с собой также противоядие против цивилизации ярмарочной свалки и разбойничьего притона; этим противоядием являются принципы социализма, идеи сотрудничества на службе общества во имя всеобщего блага. Это близко старому брахманскому идеалу «служения»; но это означает также «брахманизацию» (в светском смысле) всех классов, всех социальных групп и уничтожение всех классовых различий. Можно надеяться, что Индия, когда ей захочется сменить старые, в лохмотьях одеяния на новые, сошьет их по новым меркам, учитывая как современные условия, так и свою старую философию. Ее новые принципы должны уходить корнями в ее землю».

Постскрипtum 1966 г.

Со смертью Пандита Перу (27 мая 1964 г.) Индия утратила светоч и надежду. Не перестают увеличиваться трудности, связанные с *нейтралитетом* Индии. Это трудности *политического* характера. Последователь Перу Л.Б. Шастри был вынужден противостоять снижению влияния партии Конгресса, которая являлась гарантом равновесия сил в парламенте. После смерти Л.Б. Шастри страну возглавила госпожа Индира Ганди. Это остались те же *экономические* трудности: как вчера и позавчера, когда демографический рост пожирает видимые плоды материального прогресса. Одновременно это были трудности *дипломатические*; когда не заглухает пограничный индийско-китайский конфликт; не удается прийти к согласию с Пакистаном по вопросу о Кашмире и индийских национальных меньшинствах в восточном Пакистане.

Двадцать четвертого августа 1965г. тлеющий конфликт между Пакистаном и Индией перерос в открытые военные действия. Народный Китай занял сторону Пакистана и направил Индии ультиматум, в котором потребовал разрушения фортификационных сооружений на индийско-китайской границе. Двадцать второго сентября Совет Безопасности ООН принял решение о прекращении огня и согласился с тем, чтобы ситуация оставалась той, что была до начала конфликта.

Позиция Индии затруднена еще и тем, что ей приходится лавировать между американско-британской и советской политикой, ведь она получает помощь с обеих сторон. Если Индия окажется вынужденной вооружаться (очевидно, что наличие у Китая ядерной бомбы создает для нее большую проблему), то рост военных расходов негативно скажется на перспективах ее экономического развития.

Глава 5. Приморский Дальний Восток: Индокитай, Индонезия, Филиппины, Корея, Япония

На первый взгляд, попытка рассмотреть вместе Индокитай, Индонезию, Филиппины, Корею, Японию может показаться спорной. Но эти отдаленные друг от друга регионы *исторически расположены вблизи двухлюдских океанов* — Китая и Индии, влияние которых простирается далеко за пределы их географических пространств. Близость между всеми ними всегда была и остается весьма тесной по причине связывающих все эти страны морских путей. Моря Восточной и Юго-Восточной Азии представляют собой прибрежные маловодные пространства, так или иначе связанные с близлежащим континентом. Чтобы достичь больших глубин, нужно пройти на Восток и на Юг через гирлянды вулканических островов, отделяющих эти моря от Индийского и Тихого океанов. Иными словами, эти моря сопоставимы со Средиземным морем в том смысле, что это водное пространство находится посередине суши и усеяно островами: с самого начала здесь имелись все предпосылки для расселения людей. Связаны эти моря между собой и ветрами, которые периодически их продувают: речь идет о муссонах в начале лета и в начале зимы, вызывающих тайфуны и сопровождающие их чудовищные бури. Но ненастная погода продолжается относительно недолго. В обычное же время ничто не мешает судоходству между островами и вдоль побережья, которому способствует благоприятный ветер. Плавать в этих морях — значит передвигаться от острова к острову, укрываться от ветра, стараться не терять из виду берега с их магнословыми лесами. Как только возникает опасность шторма, суда встают на якорь, что легко сделать из-за небольших глубин. Как мы знаем из сотен рассказов путешественников, именно таким образом укрывались от шторма арабские парусники (бутры), китайские джонки, торговые голландские парусные суда. Как только ненастье кончалось, они могли спокойно продолжить плавание.

В этом состояли преимущества, возможности этих внутренних морей, к особенностям плавания в которых многочисленные мореплаватели быстро привыкали. Перевозка грузов или просто плавание в этих морях становилось для них рутинным делом. Если возникала необходимость, мореплаватели покидали их пределы: нам известны путешествия малайцев до Мадагаскара, полинезийцев с их устойчивыми широтами до Гавайских островов, острова Пасхи, Новой Зеландии. Но чаще всего моряки, например японцы и китайцы, предпочитали оставаться в пределах внутренних морей. «Китайцы, писал де Лас Кор-

тес (1626), не выходят на океанские просторы», которые освоили арабы, а позднее португальцы, голландцы и англичане.

Морские путешествия, морская торговля способствовали освоению этих морских пространств, сближению берегов, смешению цивилизаций, их общей истории. В этом обширном регионе необходимо всегда учитывать сближающий фактор морского пространства, что не исключает безусловной оригинальности каждой из стран.

Индокитай

Индокитай не является лучшим примером для иллюстрации выписканного. Он — часть Юго-Восточного азиатского массива, которому датский географ Мальтебрюн дал название Индокитая, которое с тех пор прижилось. Этот большой полуостров, разделенный высокими горами, пересекают с севера на юг очень просторные долины, напоминающие растопыренные пальцы руки; к югу Индокитайский полуостров сужается (малайская часть). С востока и запада он омывается морями. Уже в доисторические времена даже в его наиболее протяженной «континентальной» части полуостров был местом частых миграций. Они были столь частыми, что здесь оставили свои следы многие известные первобытные племена: австралийцы, меланезийцы, монголоиды (выходцы из прото-исторического Китая). Они и послужили основой нынешнего населения региона (меланезийский тип можно обнаружить у примитивных горных народов).

В известном нам историческом прошлом здесь побывали четыре людских потока: переселенцы из Китая, появившиеся путем завоеваний; мирное расселение выходцев из Индии, воспользовавшихся морскими путями; наконец, еще два человеческих потока пришли сюда также морем: один — исламский (на полуостров Малакка), второй — европейский (франко-английский). Приток европейцев в Индокитай усилился в XIX в., а затем схлынул в бурный период деколонизации.

- * Древняя цивилизация Индокитая создавалась на пространстве, зажатом между Индией и Китаем, соседство с которыми суть этой цивилизации и объясняет.

Китайская цивилизация силой утвердилась в Тонкине и Аннаме (Северный и Центральный Вьетнам). Завоевание, колонизация продолжались на протяжении десяти веков. Это было одновременно во-

енное, административное и религиозное (конфуцианство, даосизм, буддизм) проникновение, шедшее параллельно заселению Южного Китая, что в его истории было важно. Местное население было порабошено либо изгнано. Так создавалась эта вторичная цивилизация апамитских народностей, которая затем распространилась на юг Индокитайского полуострова.

Проводниками *индусского влияния* были купцы, основавшие здесь порты и фактории, которые для облегчения торговли часто заключали союзы с местными князьками. Они помогали некоторым князькам расширять свое влияние за счет заимствованного технического и культурного превосходства и создавать королевства, которые стали проводниками индийской цивилизации в регионе. Так образовались Шанское государство на побережье Центрального Вьетнама, Монское государство в западной оконечности Юго-Восточной Азии, государство Фунань в дельте Меконга; это последнее впоследствии было поглощено государством Ченла, давшим рождение империи кхмеров, которое господствовало над всей Юго-Восточной Азией в период с IX по XIV в., свидетельством чему является величие руин Ангкора (Камбоджа).

В XI—XIV вв. возникли соперничавшие с империей кхмеров и монов, в меньшей степени зависимые от постороннего влияния «туземные» королевства, созданные в результате завоевательных походов бирманских и тайских народов. Они дали рождение государству Лапсапг, в восточной части которого сохранились пышные Лаос, компактный Сиам или Таиланд («страна свободных людей»).

- Прибывшие сюда в XIX в. и покинувшие этот регион в середине XX в. европейцы оккупировали эти страны лишь временно.

Несмотря на непродолжительность европейского присутствия Юго-Восточная Азия несет на себе ощутимый отпечаток этого колониального завоевания (английского на западе и французского на востоке); между двумя империалистическими державами в качестве буфера располагался свободный Сиам, независимость которого была признана официально в 1896 г. Французы сконцентрировали в Индокитайском союзе (1887) Тонкин, Аннам, Кохинхин, Камбоджу, Лаос. Англичане включили Бирму в королевство обеих Индий. На оконечности полуострова Малакка они установили свое господство над малайскими государствами и превратили Сингапур в один из важнейших портов Дальнего Востока.

Вторая мировая война, в ходе которой японцам удалось на короткое время установить господство над всей Юго-Восточной Азией, од-

ним разом покончила со всеми колониальными надстройками в регионе. Благодаря мудрости англичан, малайские государства, Сингапур и Бирма получили независимость мирным путем, тогда как вьетнамцы вступили в длительную войну с французами за национальное освобождение. Полную и окончательную независимость государства Индокитай обрели 21 июля 1954 г. в соответствии с Женевскими соглашениями.

Бывший французский Индокитай оказался в результате разделен на четыре части. Согласно Женевским соглашениям, Аннам был разделен на две территории по 17-й параллели: на Демократическую Республику Вьетнам на Севере (с Тонкином) и Республику Вьетнам на Юге. В 1949 г. *независимое* королевство Лаос было признано Францией (19 июля) вместе с королевством Камбоджа (8 ноября). Лаос и Камбоджа заняли нейтральную позицию в соперничестве двух мировых держав (США и СССР). Северный Вьетнам стал частью коммунистического мира, будучи тесно связан с Китаем и СССР, а также с дальней Чехословакией. Южный Вьетнам оказался под контролем США.

На пороге своей независимости все эти государства оказались в пучине тяжелых проблем, с которыми сталкиваются все развивающиеся страны: необходимо было модернизировать промышленность и сельское хозяйство, выправить платежный баланс, учитывать негативные последствия неукротимого демографического роста. Какие методы развития окажутся эффективнее? Победят ли социалистические методы развития Северного Вьетнама или либеральные, используемые практически во всех остальных странах региона? Трудно сказать: политические факторы и вероятные конфликты не позволяют свободного выбора и затрудняют сравнение. Нельзя сделать никакого вывода, например, из того факта, что Северный Вьетнам располагает устаревшим вооружением советского происхождения или что автосборочное производство Камбоджи позволяет этой стране экспортировать малолитражки «ситроен»...

Все молодые государства региона находятся в непростом положении. Северный Вьетнам, пользуясь преимуществами, которые дает положение единственного проводника коммунистической политики в регионе, извлекает из этого определенную выгоду, что не снимает, впрочем, нависшую над ним китайскую угрозу. Южный Вьетнам пользуется преимуществами своего союза с США, но этот же союз является причиной не утихающих на его территории столкновений с коммунистическими силами, проникающими сюда с Севера и пользующимися определенной поддержкой местного населения: сохране-

ние здесь западного полуколониального режима, скроенного на американский манер, вызывает недовольство части населения.

Пынешнее равновесие включая и нейтралитет Лаоса и Камбоджи, оказывается в этой связи хрупким. Здесь задействованы столь многочисленные и противоречивые интересы, что любое прогнозирование развития региональных конфликтов невозможно.

- К тому же нигде не исчезли старые проблемы взаимодействия культур.

Избыточное население равнин по-прежнему противостоит малонаселенным горным районам. Сталкиваются две исторические эпохи: равнины, где развито рисоводство, имеют высокую плотность населения в дельтах Красной реки (Хонгха), Меконга, Менама (Чао-Прая), Ирравати... Господствующие в регионе цивилизации опираются именно на эти массы людей и эту сельхозкультуру. Аппамиты, выходцы из китайской цивилизации, уже давно занимают низовья Красной реки: в XVII в. они разрушили Шанское королевство, а в XVIII в. отвоевали у камбоджийцев долину Меконга — это все относительно недавние завоевания.

К востоку компактно расположенные равнинные цивилизации Камбоджи, Сиам, Бирмы подверглись сильному влиянию индуизма и буддизма.

Однако на «верхнем этаже» всех этих стран, в горах, сохраняются немногочисленные примитивные, анимистические, полунезависимые народности, до сего дня возделывающие поля, которые они отвоёвывают у леса путем поджогов.

В пестром индокитайском регионе христианские миссионеры достигли довольно больших успехов, впрочем, почти всегда за пределами распространения буддизма и ислама (напомним, что наибольшего влияния мусульманство добилось в малайской части полуострова). Исповедующие христианство крестьяне Северного Вьетнама после 1954 г. в массе своей (300 тыс. человек) переселились на Юг, и власть в пылепшем Сайгоне принадлежит католикам. Но наибольшего успеха пропаганда христианского учения добилась среди анимистического населения. Так, в Бирманском Союзе обращение большей части каренов в протестантство усилило единство этой этнической группы и восстановило их против центральной власти, находящейся плавным образом в руках буддистов.

Все эти детали не оказывают определяющего влияния на судьбы Юго-Восточной Азии, но многое объясняют. Столь же показательным то, что и сегодня в этом регионе сохраняются французские и ан-

лийские школы. Юго-Восток остается на перекрестке взаимодействия народов: он испытывает самое разнообразное влияние, что-то сохраняет, а что-то отбрасывает, но делает это выборочно, в зависимости от этнических и культурных групп, которые составляют основу этого региона.

Индонезия

За полуостровом Малакка «Азия утопает в Тихом океане». Индонезия вытянута к востоку тысячами своих островов, «самым крупным архипелагом мира». Она была и остается разноцветным перекрестком. Но очевидное многообразие не препятствует определенному единству, который нужно сохранять, а иногда защищать.

- Индонезийский архипелаг существовал в центре огромной розы ветров; последствия июнда очень давних событий не перестают здесь сказываться.

, Так было с доисторических времен.

В первые века нашей эры, когда моряки и торговцы из Индии начали основывать здесь свои колонии, как это происходило в Бирме, Сиаме или Камбодже, они принесли сюда индуизм и буддизм, которые адаптировались к местным островным «культурам», послужили опорой для образования новых королевств.

Первые королевства появились на Суматре, но наиболее значительные и могущественные из них расцвели на Яве. Их влияние было ограниченным, как и влияние «импортированных» цивилизаций. На Яве имеются высокие горы, девственные леса, собственная культура деревенской жизни и древние традиции. Вследствие этого привнесённая извне индо-явайская культура оказалась во многом внешней, не пустившей глубоких корней в местную почву: идет ли речь о ее письменности, производной от письменности палых в Индии, о ее поэмах и сказках, созданных по индусским моделям, о ее могилах и храмах (эти последние образуют архитектурный ансамбль Боробудура (VIII в.), который представляет «образ мира согласно буддизму Махаяны (Большая Повозка)».

«Короли» *Кратона* вели между собой постоянные войны, в результате которых в конце XIII в. возникла индуистская «всемирная» империя, империя Маджапахит, которой удалось, опираясь на свое военное господство на море, подчинить себе вначале Яву, а затем другие

острова на основе вассальной и другой зависимости. Империя установила господство над Сингапуром, «городом львов», над Малаккой, продвинула свои границы к востоку до Новой Гвинеи и к северу до Филиппин; в 1293 г. ей даже удалось разоружить морскую экспедицию, направленную против нее монгольским Китаем.

Но это величие оказалось временным. В 1420 г. мусульмане захватили Малакку. Продолжая завоевания, они в 1450 г. расчленили империю или то, что от нее еще осталось. Священная война довершила разрушение государства, от которого к приходу португальцев в начале XVI в. оставались лишь руины и воспоминания. Одному только острову Бали удалось сохранить наследство брахманов, и то только потому, что оно смешалось с местными традициями.

Португальцы заняли Малакку в 1511 г.; Молуккские острова, где их привлекала гвоздика, в 1512 г.; до огромной Суматры они добрались в 1521 г. Вторжение облегчалось политическими распрями, которые раздирали острова архипелага. Впрочем, португальское владычество не пустило глубоких корней, оно оказалось поверхностным. Образ жизни обитателей архипелага не изменился. Не помешало оно и арабской торговле: корабли арабов подходили к западной оконечности Суматры (Апем), где загружались пряностями и золотым песком, чтобы затем через Красное море довести их до пункта назначения. Оно никак не сказалось и на регулярном прибытии сюда джонок из портов Южного Китая, которые со времен Марко Поло (а на самом деле задолго до него: китайские торговые суда заходили на остров Борнео начиная с VII в.) обменивали свои безделушки, фарфор, шелк и тяжелые медные и оловянные монеты, мелкие монетки — сапеки, на драгоценные породы дерева, перец, пряности и золотой песок Борнео и Сулавеси.

Португальское нашествие шло по накатанному пути — старым торговым дорогам от Явы до Макао и дальше вплоть до Японии. В XVII в. сюда пришли голландцы, что было гораздо серьезнее. В 1605 г. они заняли Молуккские острова, в 1607 г. Целебес (Сулавеси); в 1619 г. они основали Батавию (ныне Джакарта) и стали хозяйничать на Яве, ставящая между собой султанов острова, т.е. средневековых властителей, *кратоны* которых сохранились в горах, будучи одновременно и княжескими дворами, и укрепленными замками. Когда в 1641 г. голландцам удалось вытеснить португальцев из Малакки, они стали хозяевами всего архипелага.

Под контролем новых пришельцев оказались два крупнейших морских пути: путь через Малаккский пролив между Суматрой и малайским побережьем, ведущий на запад, в Индию и Сиам; путь

через Зондский пролив между Явой и Суматрой, по которому крупные парусники приплывали от мыса Доброй Надежды или возвращались в Европу, нагруженные колониальными товарами. Но по сути, одна эксплуатация торговых путей сменилась другой, контролируемой, несмотря на конкуренцию со стороны англичан, голландской Ост-Индской компанией, основанной в 1602 г. и долгое время остававшейся авангардом западного капитализма (вплоть до ее краха в 1798 г., вызванного как собственными ошибками и бесхозяйственностью, так и чрезвычайными политическими обстоятельствами). Голландская Индия, занятая на короткое время англичанами, вернулась к Нидерландам в 1816 г.; голландцы вновь методично начали обосновываться здесь и оставались в этом регионе вплоть до 1942 г., когда их вытеснили японцы, высадившиеся здесь 28 февраля 1942 г.

Тогда-то и рухнула эта образцовая колониальная конструкция. После поражения Японии в 1945 г. индонезийские националисты, которые одновременно боролись с захватчиками и сотрудничали с ними, провозгласили 17 августа 1945 г. во главе с их лидером Сукарно независимость Индонезии, что вызвало ликование населения. «Когда через месяц генерал Кристисон, командовавший союзническими войсками, высадился в Батавии во главе английского и индийского экспедиционного корпуса, он смог увидеть стены города, испещренные надписями, направленными против голландцев».

Упорные попытки восстановить старые порядки, спасти то, что еще можно, спровоцировали классическую драму деколонизации, которую впоследствии повторили французы. Но если на малонаселенных островах типа Сулавеса и Борнео «колонизаторы» добились успеха, то их ждало ожесточенное сопротивление на Суматре и Яве. Бывшая колониальная армия встала на сторону восставших. Начавшаяся партизанская война остановила продвижение голландских войск, которые оказались бессильны изменить ситуацию вокруг крупных городских центров. Крупная военная операция, которую назвали полицейской акцией (21 июля 1947 г.), столкнулась с невероятными трудностями. Более эффективной оказалась блокада восставших районов Явы, повлекшая за собой страдания осажденных. Благодаря вмешательству Индии, Австралии, США, 17 февраля 1948 г. было заключено первое соглашение между противоборствующими сторонами, за которым последовала новая «полицейская акция», столь же бесполезная, как и предыдущая. Двадцать седьмого декабря 1949 г. королева Нидерландов отказалась от своего суверенитета над голландской Индией, сделав исключение только для «голландской» части Новой Гвинеи. Красно-

белый флаг Индонезии заменил в Батавии, ставшей Джакартой, голландский флаг.

Все эти детали, которые не в полной мере отражают перипетии этого долгого и драматичного противостояния, необходимы для того, чтобы понять сегодняшнюю Индонезию. По сути, она еще не преодолела последствий этой борьбы, она сохраняет ненависть к Голландии, часто используя образ бывшего врага для объяснения собственных трудностей. Эта ненависть явилась цементом при строительстве новой Республики. Именно в этом причина конфликта вокруг Западно-Ириан (голландская Новая Гвинея).

Справедливо или нет удерживается тот последний оставшийся под властью колонизаторов кусочек Индонезии? Это дикий остров, богатый ресурсами, но их эксплуатация не под силу ни Голландии ни Индонезии. Что касается коренных жителей, папуасов, то у них нет ничего общего ни с голландцами ни с индонезийцами. Но кого это волнует?

- * Для этой смешанной цивилизации характерно наличие разнообразных рас, религий, образов жизни, географических пространств и культур

На всех островах, даже на Яве, есть собственные народности, оставшиеся на уровне каменного века, различные расы. На Яве три малайских этнических группы: сунданцы, мадурцы, собственно яванцы. На Суматре — малайцы, минангкабау, батаки, ачины... В городах живут, кроме того, китайские торговцы, которых все ненавидят, но в которых нуждаются, поскольку именно они привозят товары, одалживают деньги, занимаются перепродажей, опираясь при этом с 1948 г. на могущество коммунистического Китая...

Сколько народов, столько же и языков, идиом. Отсюда необходимость общего языка, «языка свободного общения»: с XVI в. (а на деле еще раньше) эту роль выполнял малайско-полинезийский или малайский, как его обычно называют, язык. Он лег в основу индонезийского языка, ставшего языком националистов еще до образования нового государства. Чтобы сделать его общеупотребимым, приспособить к самым разнообразным, в том числе и научным, целям, понадобилось создать специальную терминологическую комиссию, которая разом включила в него 37 795 терминов!

Можно сказать, что появился новый язык. Но его роль нельзя сравнивать с ролью языка хинди в Индии. Тем более что он выполняет роль общенационального языка вместе с английским, продолжая существовать в этой стране. Голландскому языку не уда-

лось занять аналогичного места в Индонезии по ряду причин, прежде всего потому, что в прошлом голландцы не развивали (за редким исключением) ни технического образования, ни планомерного обучения голландскому языку. Как утверждает один экономист, «они хотели установить свое господство на основе невежества местного населения. Умение общаться на голландском означало сужение пропасти между низшими и высшими, чего они стремились всячески избежать».

Различие в языках сопровождалось различиями в культурах. На островах архипелага судьба великих религий складывалась по-разному. Нигде не удалось восторжествовать какой-то одной религии: они сосуществуют с народными верованиями или с другими соперничающими религиями.

Например, сельские жители, обитающие в 25 км от Джокьякарты, бывшей некогда столицей Явы, когда голландцы вновь заняли Батавию, разговаривают с европейским путешественником: «Один крестьянин без колебания заявляет, что на Яве все мусульмане. Тогда я спрашиваю: «Почему же вы упоминаете богов во множественном числе? Ведь у мусульман бог один». Тогда этот крестьянин приходит в замешательство, и ему на помощь приходит его отец. «Это трудный вопрос, — говорит он спокойным голосом. — Мы не можем игнорировать других богов. Они могут нам помочь или помешать. Наши рисовые поля зависят от Деви Кри, а наши женщины от Вишну» (Тибор Менде).

В этой местности не увидишь ни одной мечети. Крестьяне из числа верующих мусульман кладут свои дары на алтарь Деви Кри, а чтобы изгнать злых духов, устанавливают в полях бамбуковые флейты, которые при дуновении ветра начинают звучать. Таким же образом рекомендуется срезать рисовые колосья специальным маленьким ножом (ани-ани), чтобы не издавать шума. Нужно делать это быстро и в молчании, чтобы добрые духи не улетели.

Схожая ситуация на Бали, где все еще сохраняются следы великой индо-яванской империи и ее индуистские верования. Здесь мертвых сжигают, чтобы позволить душам умерших достичь света. Но наряду с индуистскими обрядами сохраняются анимистические верования и религиозная практика, связанная с культом предков.

• Сохранить единство этих народов вовсе не просто.

Для этого недостаточно сплотиться вокруг ненависти к голландцам. Тем более нелегко достичь единства, когда нужно идти по пути

развития примитивного нищенского хозяйства, когда нужно объяснять цели прогресса в большинстве своем крестьянскому населению. Самая большая услуга, которую голландские колонизаторы оказали нынешнему правительству, состоит в том, что они допускали существование только мелкого и среднего крестьянства. Молодой республике не пришлось сталкиваться с проблемой крупного землевладения, бояться крестьянских волнений при распределении конфискованных у землевладельцев земель. Все крестьяне оказались равными в бедности.

Бедное крестьянство чаще всего остается узником экономики выживания. Рисовые культуры намного превосходят другие сельхозкультуры: кукурузу, таро, саго... Рис лежит в основе рациона питания, а буйволы нужны только для обработки полей и транспортировки урожая. Мясо крестьянам почти неизвестно, рыбы они едят мало. Иначе говоря, все потребляется на месте, ничего не производится на рынок. Немного риса, тканей, детских игрушек — вот и все т.н. рыночные товары, вырученных денег от продажи которых хватает на небольшие покупки, сигареты например, «с запахом гвоздики и имеющие форму небольших продолговатых конусов».

Что касается промышленности, то она все еще в зачаточном состоянии, если не считать нефтяных установок, плантаций каучука, угольных и оловянных шахт в Суматре, эксплуатируемых англо-американскими компаниями, которые Сукарто, как говорят, национализировал. Но европейские, американские и национальные компании, а также местная островная промышленность не способны активизировать экономический рост Индонезии. После разрыва связей с Голландией сократились рынки сбыта для многих товаров индонезийского экспорта, таких как каучук, кофе, табак, сахар, копра, производство которых голландцы налаживали в ущерб традиционным сельхозкультурам.

По сегодня именно сырьевые товары (в частности, каучук, нефть, олово) составляют 75% экспортируемой продукции.

Итак, добившись независимости, Индонезия сохраняет типично колониальную экономику, во многом зависимую от колебаний мирового рынка, скачки которого катастрофически сказываются на бюджете страны.

Галопирующая инфляция, сопровождаемая приростом населения (один миллион человек ежегодно), негативно сказывается на национальном хозяйстве. Ява, например, полностью зависит от импорта риса. Не хватает квалифицированных национальных кадров, избыточна администрация, не обеспечена безопасность, беспорядок в ар-

чин. Можно ли после всего сказанного согласиться со словами одного из деятелей индонезийской оппозиции: сейчас настало время не систематических планов развития, а лозунгов, столкновения мнений, пропагандистских кампаний, подобных кампании за освобождение Ириана?..

Однако именно планы развития сегодня особенно необходимы. Нет сомнения, что свобода и ее преимущества не подвигают населенные страны к новым свершениям. Ведь нужно продолжать укреплять единство нации. Что значит единство на море без национального единства, без национальной авиации?

Огромный человеческий потенциал Явы помещает остров как бы в центр Солнечной системы: население острова насчитывало 5 миллионов человек в 1815 г., 50 — в 1945 г. и около 60 — в 1962 г. На Яве сконцентрированы 2/3 населения страны и 3/4 ее ресурсов. Плотность населения Явы уже достигла предела. Отныне нельзя и далее отвоевывать земли у леса, площадь которого доведена до допустимого минимума. Пойти дальше означало бы «перейти критический рубеж». Все надежды возлагаются теперь на Суматру с ее природными ресурсами, обширными плодородными землями. Однако эти земли не так плодородны, как на Яве, поэтому их возделывание требует иной культуры землепользования, чем та, которую способны обеспечить местные крестьяне с их традиционными методами обработки почвы.

Яванский «централизм» вызывает возмущение, питает сепаратизм других островов, выступающих за подлинно федеративное устройство государства. За последние годы участились сепаратистские выступления на Молуккских островах, на Суматре, Яве, острове Сулавеси (выступление «полковников» за отделение этой территории). Последний из этих полковников, Символон, сдался 27 июля 1961 г.

Имеются и другие трудности: понадобилось положить конец свободе коммунистической, социалистической и либерально-мусульманской партий. «Сукарнизм» выступает в качестве единственной политической партии, программа которой сводится к «управляемой демократии».

Ограничение свобод, устранение с политической сцены соперников заставляет «брата Карно» прибегать к показной, быющей на внешний эффект политике. Так произошло, например, на конференции неприсоединившихся стран Третьего мира в Бандунге (1955 г.). По этой же причине он тратит столько сил на то, чтобы добиться присоединения к Индонезии голландской Гвинеи, территории Ириана. Такого рода националистические акции используются для укреп-

ления позиций правительства, сталкивающегося с трудными проблемами во всех областях жизни страны.

Филиппины

В общей картине Юго-Западной Азии Филиппины не составляют исключения. Эта островная страна также была в прошлом перекрестком людских потоков.

Люди появились здесь еще в эпоху неолита. Производство железа было налажено задолго до нашей эры. С V в. архипелаг стал частью индо-малайской цивилизации, распространяющейся с острова Ява. Позднее он оказался в составе империи Маджапахит. Китайские купцы в давние времена достигли архипелага, что послужило толчком для возникновения здесь слоя купцов и моряков, которые захватили главенствующее положение и подчинили себе крестьян, низведенных до положения крепостных.

В XV в. сюда доходит ислам, появившийся вначале на крупном острове Минданао. В XVI в. экспедиция Магеллана открыла архипелаг Западу (сам Магеллан окончил здесь свои дни в 1521 г.); испанцы захватили Лусон, крупный остров на севере архипелага, в 1565 г. Свою вечную битву с неверными вскоре начала здесь и католическая церковь.

Несмотря на частые бунты, на плохое управление из Манилы острова оставались под испанским владычеством вплоть до 1898 г., когда национальное восстание спровоцировало вмешательство флота США. Однако острова не сразу получили независимость, а оказались по окончании испанско-американской войны под опекой Соединенных Штатов согласно Парижскому договору от 10 декабря 1898 г., что не могло не вызвать возмущения филиппинских борцов за национальное освобождение. Чтобы успокоить умы, американский президент Мак-Кинли поставил перед собой задачу «воспитать, цивилизовать филиппинцев как людей, для которых Христос умер на кресте»...

Острова приобрели независимость, по крайней мере теоретически, только в 1946 г.

Сегодня, после довольно бурного прошлого, численность населения Филиппины насчитывают 25 млн (ежегодный прирост — 700 тыс. человек). Площадь страны насчитывает 300 тыс. кв. км, что составляет примерно половину территории Франции. Население смешанное: большинство жителей — малайцы (95%); 5% — это аборигены, с трудом поддающиеся классификации, китайцы (200 тыс.) и небольшая группа — *негритосы* (70 тыс.).

На Филиппинах насчитывается примерно 20 млн католиков (это единственная столь плотная христианская община на Дальнем Востоке), 2 млн католиков-диссидентов (т.н. англиязычники, по имени основателя секты, бывшего католического священника Англия, лидера революции 1898 г.), 500 тыс. протестантов, 2 млн мусульман, 500 тыс. язычников... Прибавим, что после 1898 г. и до наших дней испанский оказался вытеснен английским языком, оставшись средством общения только старых колониальных семей. *Тагальский язык* является диалектом малайского языка и также имеет широкое хождение в стране; помимо этих языков население, 50% которого неграмотно, говорит на множестве местных наречий.

Страна бедная и даже нищая, подавляющее большинство населения живет в сельской местности. Постоянно растет слой крупных землевладельцев, мелкие крестьянские наделы исчезают. «Паразитарно-феодалная» структура (по выражению одного американского наблюдателя) делает бесполезными всяческие реформы или иностранную помощь. Деньги имеют хождение практически только в Маниле. Остальная страна живет товарообменом. Бедность крестьян объясняет возглавленное коммунистами восстание, оказавшееся спасительным во времена японской оккупации, но жестоко подавленное властями после освобождения. Однако огонь еще тлеет под неплотом: китайский пример, кубинский опыт Кастро будоражат воображение. Даже с американской помощью и под контролем США страна не развивается. Тем более что демографический рост разрушает заранее все скудные плоды прогресса.

Корея

В период с 1950 по 1953 г. Корея стала жертвой трагических событий. Война в Корее была прежде всего делом мировых держав, кровавым столкновением Запада и Востока.

На совещании в Ялте (февраль 1945 г.), а затем в Москве в декабре того же года вопрос о независимости Кореи решался, как казалось, однозначно. Она была освобождена на севере советскими войсками, а на юге — американскими, пришедшими из Японии. Страна была разделена на зоны оккупации демаркационной линией, проходящей по 38-й северной параллели. Несмотря на вмешательство ООН, это деление сохранялось: на юге возникла независимая Республика Корея, а на севере, 15 августа 1948 г., была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика прокоммунистической ориен-

тапии. В 1950 г. войска Северной Кореи вторглись на территорию Южной Кореи. Следствием этого стало вмешательство в вооруженный конфликт США и их союзников. Присоединение к коммунистическим войскам китайских добровольцев уравнило силы противоборствующих сторон. Заключенное в июле 1953 г. перемирие восстановило раздел страны по 38-й параллели. Этот раздел, абсурдный сам по себе, ничем не облегчил жизнь населения ни на севере, ни на юге.

• Прежде всего, о географии.

Корея стала жертвой своего геополитического положения между японским архипелагом, Маньчжурией, Сибирью и Китаем. Она является примером опасностей, которые угрожают небольшим государствам, находящимся у границ крупных государств, которые и тогда считали, и сейчас считают, что им все дозволено по отношению к своим более слабым соседям.

Корея расположена на большом полуострове (220 тыс. кв. км), в целом сориентированном с севера на юг и отделенным от Маньчжурии узкими долинами рек Амноккан и Туманган, расположенными параллельно высокоим Белым горам, которые всегда обеспечивали независимость страны. Протяженность Кореи от 43 до 34 параллели составляет от 800 до 900 км, что делает ее схожей с Италией.

Как и Италия, Корея имеет несчастье быть географическим проходом. Китай рассматривал ее как одни из своих ворот; он полагал, что за ней нужно присматривать так же, как и за Туркестаном и Северным Вьетнамом; Япония без Кореи ощущала себя затерянной среди своих морей. В итоге Корея в равной мере ощущала угрозу со стороны Японии как в период ее ослабления, так и в период усиления. Японцы неоднократно посылали военные экспедиции для захвата полуострова; одни из них, например в 1592—1598 гг., заканчивались неудачей, другие, например в период с 1910 по 1945 г., приводили к оккупации страны.

К тому же Корея является «отдушиной» для СССР, когда Владивосток бывает забит льдами». Дело в том, что Японское море замерзает к югу вплоть до 38-й параллели. Уже в начале XX в. царская Россия проявляла интерес к этому стратегически важному району. Когда японцы угрожали корейскому императору, он искал спасения в русском посольстве.

Страна бедная, с холодным климатом (несмотря на наличие рисовых полей и бамбуковых зарослей южнее Сеула), с обширными хвойными лесами на севере, Корея оживает по побережью и в своей

равнинной части к западу и югу. Ее население составляет 31 млн человек (плотность населения — 140 человек на 1 кв. км), которых трудно прокормить за счет урожаев с равнин. Южная оконечность полуострова далеко вдается в море и как бы продолжается островами; самый известный из них — остров Цусима, разделенный на две части Корейским проливом: между полуостровом и Японией расстояние, если провести прямую линию, едва превышает 100 км. От Кореи до устья Янцзы расстояние составляет 500 км.

В силу своего географического положения Корея не только сельскохозяйственная страна, живущая за счет крестьянского труда, лесов и рудников, но и страна рыбаков, моряков и торговцев. Уже в ранний период ее истории у нее были налажены тесные торговые связи с Китаем и Японией; начиная со Средних веков ее территория использовалась для связей южной части Китая, куда поступали персидские и арабские товары, с северными районами. Это всегда была страна купцов и эмигрантов.

- Корея представляет собой почти что остров, с одной стороны, как бы замкнутый на себе, а с другой — открытый внешнему миру и его культурному влиянию.

Давняя история Троецарствия (I в. до н.э. — VII в. н.э.) — это история проникновения на полуостров китайской цивилизации. Эти три царства возникали одно за другим на протяжении 50 лет: царство Силла в 57 г. до н.э., царство Когуре в 37 г. и хрупкое царство Пэкче, поддерживаемое Японией, в 18 г. Можно сказать, что все три царства являлись современниками друг другу, поочередно испытывающими на себе китайское влияние: буддизм появился сначала в царстве Когуре, затем в царстве Пэкче в 384 г. и в царстве Силла в 527 г.

Наиболее примитивное из этих царств, Силла, одержало верх над двумя другими и в период с 668 по 935 г. держало под своим контролем всю Корею. В период господства в Китае династии Тан (618—907) торговля в стране процветала под отраженным светом могучего соседа.

После распада царства Силла единство страны вновь было восстановлено в эпоху государства Коре (918—1392), от названия которого и произошло нынешнее название Кореи. В эту эпоху корейская цивилизация находилась в стадии расцвета, о чем говорит распространение печатного дела (это был дар китайцев, которые изобрели книгопечатание в IX в., но именно корейцы в 1234 г. придумали металлический шрифт). Буддизм распространился как среди образованной части населения, так и среди широких масс, приняв упрощенную

форму Сен (китайское чань, японское дзэн); одновременно с буддизмом получает распространение и процветает конфуцианство; возникли скульптуры из кованого железа, лаковые статуи и раскрашенная керамика, где «в полной мере проявился традиционный корейский вкус к ювелирному делу».

Период расцвета совпал с общим развитием Дальнего Востока. К тому же Корее повезло в том отношении, что Китай был ее естественным щитом от проникновения варварских полчищ, плоды которых затрагивали территорию Кореи лишь в незначительной мере. Период самостоятельного развития закончился для Кореи в эпоху монголов, которые попытались открыть все ворота Средней империи и, потерпев неудачу в борьбе с Японией, захватили Корею, где оставались более века — с 1259 до 1368 г.

После восстановления независимости власть в стране перешла к ее последней династии, династии Йи, просуществовавшей вплоть до японской оккупации в 1910 г. За исключением нескольких бурных лет столкновений (1592—1635) между китайской династией Мин и агрессивной Японией, правление Йи было относительно спокойным, и стране удавалось сохранять независимость и мир.

В этот многовековый период в стране возник средний класс, давший толчок развитию самобытной цивилизации, вдохновлявшейся неистощимой фантазией народа. Произшедшая смена письменности благоприятно сказалась на развитии народной «культуры». «До этого времени китайская письменность позволяла лишь образованным слоям думать и излагать свои мысли на бумаге. После смены письменности написанные на китайском произведения были переведены на корейский, что позволило новым общественным слоям приобщиться к культуре. В XVIII в. произошел культурный скачок, сопоставимый с европейским Веком Просвещения» (Вадим Блиссев).

Однако в высших слоях корейского общества продолжала существовать аристократическая, вычурная цивилизация. Ее характерной чертой являлся триумф неконфуцианства с его рационализмом и некоторой долей стоицизма. Именно тогда окончательно утвердились семейные культы и мораль, составлявшие основу неконфуцианства и сохранившиеся до наших дней (корейцы остаются их «самыми верными представителями»).

• Наши дни.

Трудно дать разумную оценку нашему времени. Из страны, история и природа которой на протяжении многих веков формировали единое

целое, современная действительность образовала два братских и одновременно враждующих друг с другом государства. Древняя столица Хансон, обычно называемая Сеул (т.е. столица) оказалась в Южной Корее. Представим себе Италию, разделенную на две части. На Севере сконцентрированы промышленность, сталелитейное производство, черная металлургия, производство электроэнергии; на Юге — рисовые плантации, крупные землевладения и открытое море.

После 1953 г. они превратились в две застывшие марионетки, которых перестали дергать за веревочки.

Постскриптум 1966 г.

В последние годы события в Индонезии занимали первые полосы газет. Тридцатого апреля Нидерланды, под давлением США, уступили Индонезии Западную Новую Гвинею, Ириан, которую пытались зашищать как силой, так и помощью международного права.

Соединенные Штаты сумели, таким образом, привлечь на свою сторону нейтральную страну, которой, впрочем, они и ранее оказывали существенную помощь, в частности через посредство программ помощи ООН. Однако все эти усилия оказались тщетными вследствие образования 8 июля 1963 г. под эгидой Британии нового государства Малайзия (Малайская Федерация Северного Борнео, Саравак и Сингапур). Попытки прийти к полубовному соглашению (конференция в Маниле 30 июля — 5 августа 1963 г.) провалились. С 16 сентября того же года проводится «политика конфронтации» между Индонезией и Малайзией, провозглашенная президентом Сукарно, начало которой было положено антибританскими демонстрациями в Джакарте. Визит Мякояна (22 июня — 2 июля 1964 г.), участие в правительстве прокитайской коммунистической партии (с 5 июля 1964 г.) указывают на то, что ориентация индонезийских властей изменилась. К тому же, Индонезия вышла из ООН, угрожая при этом (при одобрении Китая и Северной Кореи) создать «революционную ООН», одновременно объявляя о преобразовании собственного правящего режима в «национальную демократию». Однако, эта эволюция Индонезии имела недолгую историю.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г. попытка государственно-го переворота силами небольшой части индонезийской армии вызвала немедленную реакцию со стороны военного руководства, которое, следуя приказам генералов Насутиома и Сухарто, взяло на себя управ-

ление страной. Армия нейтрализовала президента Сукарно и лишила его реальных рычагов правления. Она же организовала невиданную по масштабам резню, в ходе которой погибло множество индонезийцев, подозреваемых в симпатиях к коммунизму: согласно разным оценкам, от 200 до 500 тыс. человек. Находясь под контролем военных, Индонезия порвала отношения с Китаем и положила конец конфликту с Малайзией. Эта последняя, созданная британцами для ограничения китайского влияния в Юго-Восточной Азии, включала в себя полуостров Малайя, Сингапур и две британские территории, расположенные на острове Борнео: Саравак и Сабах. Это искусственное образование не выдержало испытания политической борьбы, что привело к отделению Сингапура 9 августа 1965 г. Очевидно, что смена политического руководства в Индонезии означает лишь временное перемирие в этом регионе мира.

Все эти события повлияли на расстановку сил в мировом масштабе, тем более что в этом регионе любые перемены воспринимаются особенно чувствительно. В частности, это можно сказать о Южном Вьетнаме и Лаосе, внутренние конфликты в которых отражают колебания в мировой политике. Что касается собственно Южного Вьетнама, то частые перевороты здесь есть следствие внутренних противоречий, последствия которых еще трудно предсказать. С начала 1965 г. ухудшение военной и политической обстановки на Юге побудило США предпринять бомбардировки Севера с воздуха, которые, впрочем, не принесли ожидаемых результатов, несмотря на их постоянную интенсификацию. Война во Вьетнаме все большее сказывается на общем изменении обстановки в мире.

Глава 6. Япония

Япония — окраинная страна. В своей северной оконечности (остров Хоккайдо) она погружается в холодное молчание великого Севера. На востоке, где расположены наиболее удобные порты, она открыта фантастическим просторам Тихого океана. Западная и южная части страны, омываемые неприветливыми, часто покрытыми туманами морями, суживаются на уровне Кореи и южного острова Кюсю.

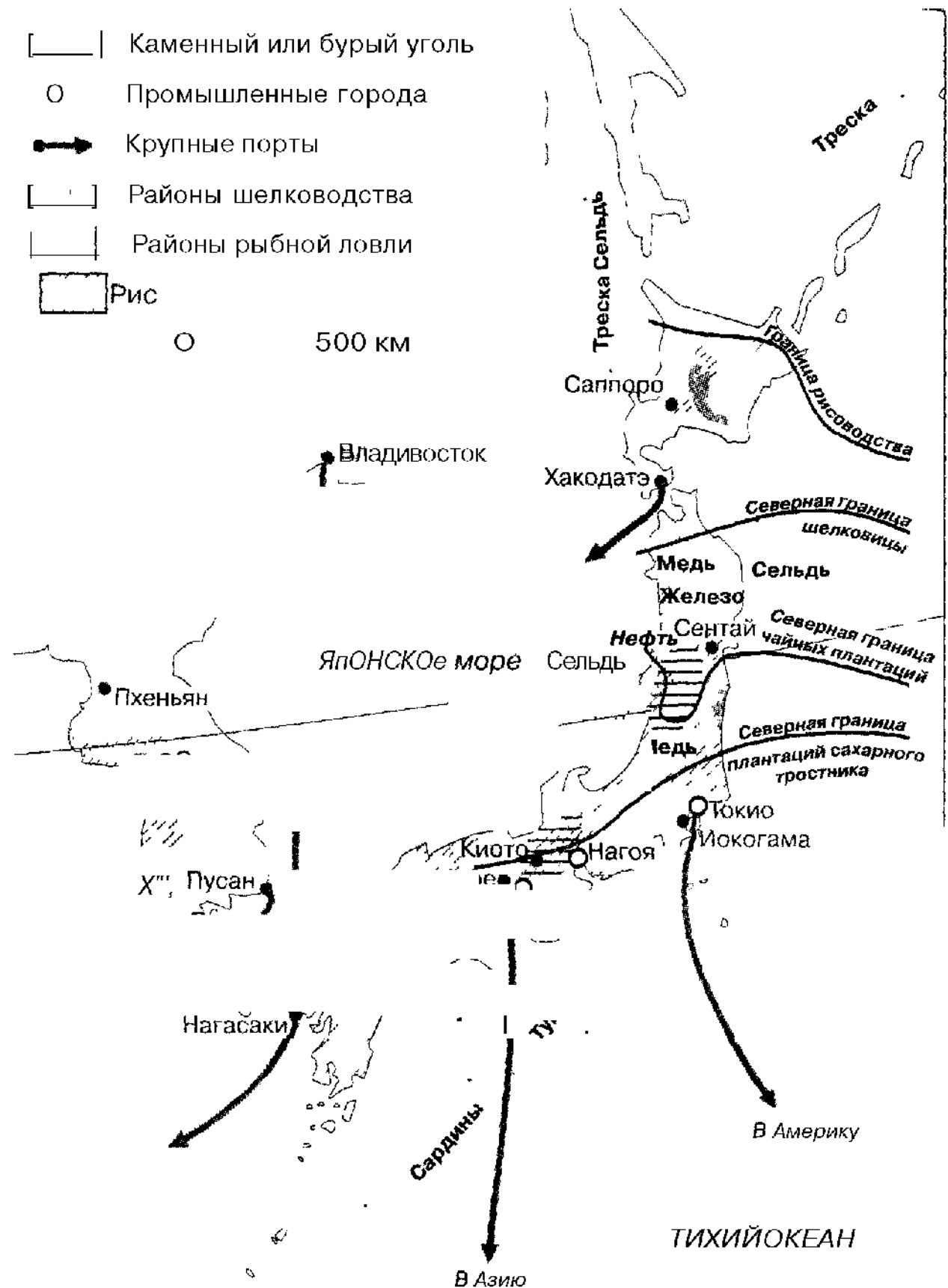
Будучи архипелагом, Япония часто сравнивается и Британскими островами, но эти последние слишком привязаны к близко расположенному европейскому континенту. Япония в гораздо большей степени изолирована, замкнута на самой себе, оставлена на произвол судьбы. Выход из этой изоляции часто требовал от нее волевых усилий. Экзотика внутри страны уступает место эндемизму. Тем не менее японский историк заметил: «Все, что представляется сугубо японским в нашей цивилизации, пришло из-за границы».

Действительно, Япония очень рано, начиная с VI в., испытала на себе китайское влияние (китайская Япония). С 1868 г. Япония становится «западной», достигнув больших успехов. Но при этом она всегда оставалась специфически «японской», и ее особенности как островной страны не подвергаются сомнению. В стране миниатюрных садов, чайных церемоний, цветущей сакуры даже буддистская религия, пришедшая из Китая, была переиначена на местный лад. Японская версия буддизма оказалась при этом еще более далекой от оригинала, чем китайская.

Внешне кажущаяся столь подверженной влияниям извне Япония сделала из своих многочисленных заимствований особую, только ей свойственную цивилизацию. Она остается приверженной всем своим традициям, которые уживаются с западным образом жизни, усвоенным почти столетие тому назад для укрепления своего могущества. Эта странная двойственность объясняет слова одного журналиста (1961): «Что в Японии самое необычное? Японцы».

Первобытная Япония до начала китайской цивилизации

С первобытных времен (начиная с V тысячелетия до н.э.) и до VI в. нашей эры (когда здесь начинает сказываться влияние китайской цивилизации) Япония постепенно создавала собственную примитивную, но сильную «культуру». Эта первоначальная Япония настолько мало из-

Япония, страна солнца и моря

Япония — это восток Китая. Отсюда и название «Страна Восходящего Солнца»

вестна, что специалисты даже говорят об отсутствии японской истории до прихода сюда буддизма в 552 г. н.э. Создается, однако, впечатление, что уже тогда судьба страны складывалась так же, как и потом: развитие шло через завоевания, иностранные заимствования. Япония всегда создавала и переиначивала себя по чужому образу и подобию.

• От культуры дзёмон к утиде-яёи и к рису.

С V тысячелетия до н.э. и до начала нашей эры здесь существовал лишь один благоприятный для человека регион: равнина, где расположен нынешний Киото; ее в древних документах называют районом Кянки или, к юго-востоку, районом Ямато. Это центральная часть крупного острова Хонсю, расположенного неподалеку от узкого японского «Средиземного моря», связывающего этот остров с островами Сикоку и Кюсю.

В этом благодатном регионе поочередно происходят три значительных события.

1. Почти наверняка первыми обитателями архипелага были примитивные айньские племена, следы которых обнаружены на островах Рюкю, Эзо и Сахалин. Первой культурой, обнаруженной археологами, была культура дзёмон, в частности примитивная керамика, декорированная веревочным орнаментом, элементы которой пришли из Кореи, Маньчжурии, Сибири (озеро Байкал). Из этого можно заключить, что сюда очень рано переселились люди с континента, начавшие вытеснять племена айнов.

2. К III—II вв. до н.э. произошло очередное вторжение на японские острова, на сей раз из Китая (в том числе из Южного Китая) и Индонезии. Появились новые предметы обихода: гончарный круг, бронзовые зеркала, ритуальные колокола, железо, китайские монеты эпохи Хан, наконец рис и приспособленные для южного климата дома, открытые и продуваемые... Эта цивилизация получила название цивилизации утиде-яёи по названию утиды в Токио, где во время раскопок были обнаружены характерные для этого периода предметы.

Среди них центральное место занимает рис, заменивший просо, что уже само по себе являлось революционным изменением.

По всей видимости, идея царя, живого бога, красной нитью проходящая через всю японскую историю, была заимствована в ту же эпоху у протомалайцев, пришедших с юга. Но абсолютной уверенности в этом до сих пор нет.

3. К II—III вв. н.э., для которых характерны многочисленные богатые захоронения, сохранившиеся до наших дней, появились первые

кланы с их конными рыцарями, более или менее свободными крестьянами и ремесленниками, а также большим количеством крепостных. Руководители кланов претендовали на то, что являются сыновьями местных божеств. Под влиянием корейцев корпорация ремесленников получила название *бе* (группа), которому предшествовало название рода их занятий: писцы — *фума-бе*, ткачи — *ори-бе*, седельщики — *курисекури-бе*, сказители — *катары-бе*... Эти последние передавали из поколения в поколение героические легенды.

К этому времени уже сформировалась политическая и религиозная система, в частности примитивная религия, обожествлявшая силы природы. С ней консервативная Япония уже больше никогда не расставалась; впоследствии, в XIX в., она получила название синто (путь богов). На Западе эту систему называли *синтоизмом*.

- Именно в ту пору в районе Ямато начала формироваться японская империя, противостоявшая китайским племенам.

Эта империя восходит к божественной императорской династии, начало которой положила богиня Аматаэрасу; эту религиозную традицию, отмечали в синтоистских храмах вплоть до поражения Японии в 1945 г. Под давлением американцев нынешний император Японии вынужден был официально признать, что не имеет божественного происхождения.

Империя формировалась постепенно. Еще в VIII в., которым датируют первые японские хроники, страна еще не была объединена. Процесс объединения шел очень медленно путем заключения императорской династией союзов с соседними кланами, имеющими, подобно императорской династии, собственных вождей, крестьян и ремесленников и свои земли. Это было тем более сложно, что во главе кланов часто находились люди, имевшие иноземное происхождение (корейцы и китайцы). Однако сближению способствовало наличие общего врага, айнов, которые рассматривались в качестве варваров, «живущих за восточным барьером».

Формирование единого феодального царства завершилось в период, когда корейцы ввели в стране одновременно китайскую письменность, конфуцианство и буддизм, т.е. в VI в. Влияние идей конфуцианства можно проследить в указах принца Сетсу (604), где говорилось о безраздельной власти центра: «У страны нет двух властителей, у народа нет двух хозяев...»

В ту пору возникла официальная японская история с ее иерархией, писцами, хрониками, посольствами, направляемыми ко двору ки-

тайских императоров (первое из них датируется 607 г.). Вокруг принца начала формироваться приближенная ко двору знать, получавшая от властителя земли и «привилегии», которые вассалы стремились превратить в свой «удел», как бы сказали на Западе.

Вскоре императорская Япония начала развиваться под все усиливающимся воздействием китайской цивилизации. Именно Китаю принадлежит название Страна Восходящего солнца, по китайски *Я-пен*, откуда и пошло европейское название Японии. В японском произношении те же иероглифы звучат несколько иначе — Ниппон.

Воздействие на Японию китайской цивилизации

Китайская цивилизация преобладала на японских островах в течение многих веков. Причем ее расцвет сопровождался такими деформациями, что зачастую она становилась неузнаваемой (пример тому буддизм, который в форме учения Дзэн стал идеологией «кровавых самураев» начиная с XII в.). В других случаях, напротив, китайская цивилизация в Японии сохраняла свои архаичные формы, уже преданные забвению в самом Китае (например, китайская музыка, утраченная в Китае, сохранилась в Японии). В целом можно утверждать, что китайская цивилизация в Японии трансформировалась под влиянием местного населения, общественного уклада, традиций, которые отличались от китайской модели. Это оказалось тем легче сделать, что китайская цивилизация проникала в Японию зачастую в форме «корейской модели», которая не всегда полностью соответствовала оригиналу.

- Первая японо-китайская цивилизация являлась золотым веком древней Японии. В процессе длительного окультуривания все становилось объектом перемен: китайская классика, каллиграфия, живопись, архитектура, государственные институты, право (эпохи Тан).

Как и Китай, Япония была разделена на провинции, размеры которых, конечно же, намного уступали китайским. Когда в 710 г. была построена столица страны Нара («столица» по-корейски), то она была спланирована по китайскому образцу — форме шахматной доски с императорским дворцом, расположенном на севере. Когда в 994 г. столица была перенесена в Хэйанке («мирная столица»), или иначе в Киото («столица» по-японски), то и в этом случае она была воздвигнута по-китайски. Начиная с этого момента столица более

не переносилась, как это делалось раньше, когда каждый император строил собственную столицу. Уже в эпоху Нары двор и центральная администрация настолько разрослись, что их нельзя было так часто переводить в другое место. Киото стал столицей империи на многие века.

Китайское влияние ощущалось повсюду, и записываемые писцами хроники составлялись так же, как это делали мандарины (для письма использовались китайские иероглифы). Впрочем, все эти бесчисленные заимствования у китайцев не должны порождать иллюзий. Китайская цивилизация имела колоссальное влияние лишь на относительно узкий круг лиц, связанных с императорским двором в Киото, а по мере удаления от столицы она подвергалась все большему искажению. Это как пятно яркого света, вокруг которого скапливается тьма.

Итак, золотой век, ограниченный узким пространством, продлился с конца X по XII в. Привело ли величие двора к улучшению материальных условий жизни остального населения? Кажется, что привело, и этот экономический подъем продолжался определенное время. Затем его сменили века смуты.

Прекрасная эпоха Хэйан нашла отражение в поэзии, в великолепных *моногатари*, — в поэтических мини-сказках, мини-романах (так, *ошикубо моногатари*, «Слово из Погребка», очень напоминает сказку о Золушке), а также в *никки*, этих поэтических дневниках, которые придворные дамы писали *по-японски*, а мужчины — *по-китайски*. Эта дамская и очень живо написанная литература рассказывала о придворных празднествах — концертах, танцах, поэтических состязаниях, императорских выездах на природу, т.е. «обо всех удовольствиях, которые следовали строгому этикету; согласно ему жизнь во дворце была постоянным театрализованным представлением, поставленным подобно балету»; как можно заранее догадаться, в этих описаниях сохранились политические и любовные интриги, «неизбежные во дворцах с очень тонкими перегородками».

Это был поверхностный, праздный мирок, «погрязший в литературе». В этом смысле характерны «записи на кончике кисточки», принадлежащие одной из придворных дам, жившей примерно в 1000 г., которые написаны едко и живо. Чтобы передать дух ее рассказов, достаточно воспроизвести ее описания приятного и неприятного (причем она полагает, что вещей неприятных гораздо больше, чем приятных). Неприятное в ее понимании — это «волосок в чернильнице; песчинка на кисточке для письма, которая неприятно скрипит; незначительный персонаж, который много говорит и громко

смеется; кричащий не вовремя младенец; собака, которая ночью начинает лаять на спящего к вам на свидание галантного кавалера; мужчина, которого вы прячете у себя в спальне и который начинает храпеть; еще раз галантный кавалер, приходящий на свидание в высокой шляпе, которую видно издалека, или он же, уходящий от вас в тишине и внезапно задевающий какой-то предмет, который с шумом падает на пол...» (Р. Сьёффер).

В то время, когда придворные замыкались в своем мире, буддизм постепенно завоевывал всю страну, понемногу демократизируясь. Новое духовенство вступало в контакт со «средними классами», ремесленниками, мелкими землевладельцами. Припимавшая упрощенную форму набожность касалась исключительно Будды Спасителя (Будда Амида), гарантирующего верующему доступ на Небеса. Как и в самом Китае, идеи и постулаты подлинного буддизма превратились вскоре в привилегию теологов и интеллектуальной элиты, тогда как народный, упрощенный буддизм занимал умы и сердца остального населения; постепенно он слился с верованиями синтоизма, образовав с ним подлинную общую религию. Так возникла секта *сингон*, согласно учению которой местные божества превращались во временные и особые проявления буддийских божеств.

Приверженцы нового учения (*дуалистический синтоизм*) взяли под свой контроль синтоистские святыни. С появлением Будды Амида возникла новая буддийская иконография. На великолепных «свитках» той эпохи появились японские пейзажи, изображения людей, полные юмора сценки повседневной жизни, характерные для представителей различных социальных слоев общества.

Одновременно распространялась письменность, чему способствовало введение упрощенного алфавита (только 47 слогов).

- С XII в., императорский режим начинает клониться к упадку. Он уже давно демонстрировал признаки собственной слабости. Копируя институты Китая эпохи великолепной династии Тан, императорская Япония не сумела создать и поставить на службу государству класс образованных людей, которые бы позволили сломить силы и укротить амбиции старой аристократии. Императорский режим уступил место сёгунату, который длился на протяжении всего бесконечного Средневековья (1191-1868).

В период с VIII в. и до 1186 г., т.е. на протяжении четырех столетий, феодальные кланы как бы окружали императорскую власть. Императоры парствовали, но не управляли. Они были заложниками все-

могущего клана Фудзивара, игрушками в его руках. Представители клана занимали все ключевые посты, поставляли императору жен, наложниц из своей многочисленной семьи; они могли смещать сузеренов, выбирать новых. Историк справедливо заметил: «Власть Микадо подобна пустому ларцу, ключ от которого находится в руках Фудзивара».

Конец длительного владычества этого клана ознаменовал собой начало нескончаемого периода сёгуната. Сёгунат сделал почти официальным первенство феодальных кланов, «больших семей» по отношению к императору; эти семьи зачастую являлись потомками императоров, представляли собой высшую знать. Сёгулат — это их непрерывное владычество, притом что сами кланы воевали друг с другом, сменяя друг друга у кормила власти, вступая в союзные отношения. Межклановые соглашения были необходимы для подавления остальной части населения, разделенной на сословия: дворянство, крестьяне, ремесленники, торговцы. Лишь представители дворянства могли рассчитывать на обеспеченную жизнь. Внизу социальной лестницы находились наиболее обездоленные слои, такие как кожевники, которых можно сравнить с неприкасаемыми в Индии, хотя число их было гораздо менее значительным.

Сёгунат возник как *военная и феодальная реакция* на спад экономической активности, на ухудшение материальных условий жизни. Его движущей силой была воинственная аристократия, которая, находясь вдали от трона, отвоевала себе большие владения в новых, не до конца замиренных «колонизированных» районах к северу и востоку от Хонсю, «по ту сторону барьера», где она занималась разведением лошадей. По сравнению с дворцовой аристократией Киото, утратившей мужественность и ненавидимая народом, новая власть представлялась военной эгалитарной властью (правительством военных палаток). Во главе стоял полководец, сёгун. Сёгунов сравнивали с мажордомами периода упадка династии Меровингов при том, однако, отличии, что в Японии бездейственный властитель никогда не подвергался физическому уничтожению. Микадо продолжал править, но не управлять, а рядом с ним находился сёгун, который получал от императора благословение, подобное тому, которое давал римский папа императорам.

Первые сёгуны обосновались на острове Хонсю (дорога из Киото в Одо), в Камакуре. Они оставались там до 1332 г., а затем их резиденцию (правильнее сказать — столица) перенесли сначала в Киото, в квартал Муромати (с 1393 по 1576 г.), а потом в Одо, бывшем до того рыболовецким портом (1598), где она и просуществовала вплоть до

1868 г. Историки выделяют эпохи Камакура, Муромати, Одо: сменяя одна другую, они практически перекрывают весь период существования сёгуната (1192—1868).

В любую из рассматриваемых эпох на переднем плане находилось военно-феодалное сословие — *буси*. Представляя собой господствующую касту, они навязали народу свое видение мира, свои вкусы, свой кодекс поведения, а также, что было особенно заметно вначале, свое упрощенное правление, что отмечалось как в простых одеждах, так и в расположении домов. Простые одежды (*суккан*, *хитатара*) пришли на смену неудобным костюмам (*носи*, *сокутаи*), которых требовал прежний дворцовый этикет. Дворцовые праздники сменились охотой, рыцарскими турнирами, конными состязаниями.

Нравы новых властителей стали спокойнее только в период пребывания сёгунов в Киото (1393—1576), когда старый город постепенно восстанавливал свои былые права и прежнюю роль, благодаря чему классический золотой век не исчез окончательно под напором пеших воинов и всадников.

Последние десятилетия XVI в. и первые десятилетия XVII в. ознаменовали собой переломный период сёгуната. Революция Токутавы привела к более чем двухсотлетней изоляции Японии от остального мира, укрепив местные феодальные нравы и феодальную администрацию.

После смерти полководца Тоётоми Хидэёси, который сумел установить диктатуру и, не имея звания сёгуна, восстановил порядок в стране и провел практически бессмысленную войну с Кореей (1592—1598), произошло возвышение клана Токутава, во главе которого стоял гениальный Токутава Иёясу. Получив от императора звание сёгуна, он принял решение переместить свою резиденцию в Эдо, поскольку справедливо полагая, что Японию можно и нужно управлять не из Киото, а из этих беспокойных земель. Он добровольно отказался от звания сёгуна и передал его своему сыну, чем положил начало обычаю наследственной передачи власти в сёгунаате; таким образом его клан получил возможность «царствовать» вплоть до 1868 г.

Именно правительство Эдо (нынешний Токио) приняло в 1639 г. решение закрыть страну для иностранцев. Отплыть сюда могли проникнуть только китайские и голландские суда, причем последние имели право провозить лишь оружейные припасы, оружие, очки и табак. Во всем остальном архиепископ должен был жить и жил за счет собственных ресурсов. Естественно, что этот запрет налагался и на японские суда. Более того, именно с них и начали в 1633 г. Можно ли найти разумное объяснение такому решению?

Создается впечатление, что хозяева Японии искушались чужеземцев с Запада. Португальцы, первые ступившие на острова в 1543 г., прибыли на огромных судах, вызвавших удивление японцев и вооруженных пушками и аркебузами. К этому следует прибавить частые случаи обращения в христианство, имевшие место после их прибытия. Быть может, власти полагали, что новая религия способствовала крупным дворянским и крестьянским волнениям, имевшим место в 1638 г.?

С другой стороны, вслед за Китаем и далекой Индией в этом регионе мира начался длительный период глубокого экономического спада. Быть может, оказавшись в его эпицентре, Япония сочла необходимым защитить свое хозяйство, в частности путем запрета на вывоз драгоценных металлов? Начиная с героических времен Хидэёси, усилившаяся агрессивность по отношению к Корее и Китаю, пиратские захваты китайских кораблей свидетельствовали о стремлении Японии изолироваться (Китай династии Мин не оказал большого влияния на архипелаг). У правителей было велико желание «заморозить» готовое к переменам общество, в том числе отчаявшихся и стремящихся к свободе крестьян. Закрывание границ как бы «заморозило» общественные институты вплоть до прибытия сюда в 1853 г. американской эскадры адмирала Перри.

По до этого события Япония жила изолированно, сохраняя господство кланов и свое архаичное дворянство. Все в стране было подчинено интересам господствующего класса, доказательством чего может служить столь долгая популярность учения *дзэн* — искаженной формы буддизма.

И тем не менее замкнувшись в себе Япония была менее несчастной, в меньшей степени лишенной средств к существованию, чем это можно было бы предполагать. Ей пришлось использовать собственные богатства, как материальные, так и духовные. Одним из таких богатств стал, начиная с XVI в., расцвет национальной литературы, окончательно заявивший о себе в «век Осаки» (1650–1750). В период долгого Средневековья наряду с традиционным театром возник театр кабуки. Тьма сёгуната не была, таким образом, беспросветной.

Существование сёгуната было невозможно без *строгой дисциплины, без государственной полиции*, если так можно сказать.

Владельцы князья, главы кланов и районов, *дайме** (числом около 270) были окружены представителями мелкого военного дво-

* Крупные феодалы. *Примеч. ред.*

рянства, «преданными» *самураями*, которые служили им за денежное или другое вознаграждение; в отличие от Запада, они никогда не получали земель в наследственное владение, что могло бы сделать их излишне самостоятельными. *Ронин*, потерявший или покинувший (если такое вообще было возможно) своего господина самурай, должен был либо умереть от голода, либо заняться разбоем.

Согласно кодексу чести самурая (*бусидо*) он душой и телом был предан своему господину. Была очень популярна история 47 самураев: их господин вынужден был сделать себе *харакири*, они метят за его смерть, а потом сами кончают жизнь самоубийством на его могиле зимой 1703 г. Этот кодекс чести подпитывался бесчисленными гражданскими войнами.

Войны в средневековой Японии были именно гражданскими, поскольку японцы воевали прежде всего сами против себя. Китай эпохи монгольского завоевания дважды, в 1274 и 1281 гг., пытался завоевать страну, но «божественный ветер» (*камикадзе*) дважды вызывал бурю и тошил армады завоевателей. Война японцев против Кореи длилась только шесть лет, как мы это уже видели. Это значит, что копья и мечи использовались в междоусобных войнах. Именно они формировали воинов, заставляли их соблюдать армейскую и общественную иерархию. Это нашло отражение даже в языке, где еще в 1868 г. глаголы «уточняли позицию субъекта и объекта». Например, использование вспомогательного глагола *агеру* означало, что «действие, выраженное основным глаголом, выполняется нижестоящим по отношению к вышестоящему».

Каков же результат? Япония была чрезвычайно дисциплинированной страной, разделенной на касты, четко управляемой, одновременно богатой и обездоленной. Эта двойственность, проявлявшаяся в роскоши одних и абсолютной нищете других, заметна при чтении книги вестфальского врача Ф. Кемпфера, находившегося на службе у голландцев (1690). Прочтя эту книгу, трудно забыть описание его путешествий, переходов через глубокие реки, когда проводники-японцы выстраивались в ряд на переправе, чтобы замедлить течение и позволить путешественникам перейти опасные места; деревень с нищими хижинами; зарисовок с натуры, когда крестьяне встают на колени вдоль дороги, по которой проезжает кортеж знатного господина. На пути из Киото в Эдо, где находилась резиденция сёгуна и куда должны были регулярно навещаться даймё, можно было встретить процессии, представлявшие собой маленькие армии вооруженных алебардами и аркебузами воинов и слуг, сопровождавших своих господ в их путешествии в столицу.

Все эти богатые феодалы должны были на протяжении шести месяцев жить в принадлежавших им дворцах в столице. Княжеские чертоги по фасаду украшались богатыми гербами, которыми так восторгался еще Родриго Виверо (1609), и группировались вокруг дворца владыки. По сути это были всего лишь красивые тюрьмы, где под постоянным наблюдением жили их хозяева, вынужденные оставлять в качестве заложников свои семьи после отъезда к месту постоянного пребывания. Даже они не могли избежать неусыпного контроля со стороны судей, соглядатаев, надсмотрщиков, которыми были заполнены дороги, гостиницы, городские улицы. Каждая улица в столице, на китайский манер закрывалась с обоих концов воротами, которые тут же запирались, если случалось какое-то происшествие: воровство, грабеж, убийство. Виновного или подозреваемого немедленно хватали, и его ждало быстрое и неминуемое наказание, чаще всего смертная казнь.

Так же строго и тщательно контролировали торговые суда, которым разрешили приплывать в Японию после ограничений, введенных в 1639 г., а именно суда китайцев и голландцев (напомним, что голландцы бессовестно предоставили свои суда и пушки властям для подавления восстания японских христиан в 1638 г.). Как только корабли голландской Вест-Индской компании прибывали в страну, их сразу направляли в карантин на остров Десима, находящийся в акватории порта Нагасаки: товары, сами купцы, моряки, торговые агенты, имущество голландской торговой компании подвергались скрупулезной проверке. Имеющиеся свидетельства говорят о подозрительном, все время пахлящемся пачеку режиме, о стране крепостей и солдат. Гораздо чаще, чем на Западе, где суды тоже не страдали милосердием, путешественник встречал здесь виселицы, людей со следами пыток на теле. Неподаром один из холмов в окрестностях Киото носит название «гора отрезанных ушей».

Феодалная Япония эволюционировала *как в плане культурном, так и религиозном*. Как в Корее или Китае, буддизм облекался здесь в различные формы: фанатичного служения (Лотос Доброй Веры), когда Япония рассматривалась единственной страной настоящего Будды; *дзэн-буддизма*, пришедшего из Китая и ставшего с XII в. учением самураев. В то время как неоконфуцианство утверждается в качестве доктрины сёгуната, эта особая форма буддизма становится религией воинов, имеющей мало общего с изначальной религией любви и ненасилия. Такая трансформация религии хорошо отражает эпоху и состояние общества.

Дзэн дает советы, которые выражены в очень коротких поучительных рассказах Канса с неожиданной и намеренно абсурдной мо-

ралию. Она направлена на то, чтобы любой ценой освободить подсознание, которое обычно себя не проявляет. «Оставь свой разум и стань подобен тюку в горном потоке». Сделай над собой усилие, чтобы освободить свои инстинкты, побудить их к действию, а затем доверься им! Ретроспективно это напоминает нам психоаналитическое воздействие. Кажется, что все вопиет: освободись от «комплексов»! «Когда ты идешь — иди; когда сидишь — сиди; главное — не колебаться!» Наиболее частый совет — не колебаться, что хорошо прежде всего для воина: «Убери все препятствия на своем пути. Если на своем пути ты встретишь Будду, убей Будду. Если встретишь своего предка, убей предка. Если встретишь мать и отца, убей их. Когда встретишь родственника, убей родственника. Только так тебе удастся освободиться. Только так ты освободишься от оков и станешь свободным».

Разумеется, сказанное нельзя понимать буквально. Будда, предок, родственники — это все символы зависимости от подавляющего тебя общества, в котором с раннего детства каждого мальчика, каждую девочку помещают в «железный корсет» строгого воспитания. Его дрессировка заставляет человека соблюдать правила, регламентирующие порядок приема пищи, манеру говорить, садиться и даже способ сна, когда ты обязан соблюдать неподвижность, положив голову на деревянный брусок. Речь идет о том, чтобы «никогда не терять контроля над своим телом и своим духом» благодаря психологической обработке, которая направлена на то, чтобы обуздать естественные рефлексы подобно тому, как миниатюрный садик подавляет естественно растущие растения и деревья. Создается впечатление, что учение *дзен*, предназначенное для воспитания воина, направлено на подавление предписаний, которые навязывались т.п. «кодексом вежливости» японцев. Как это случается в любом обществе, жизнь делает предписываемые правила более гибкими, более приемлемыми для индивидуума. Япония — это одновременно жесткость и гибкость, «эластичность». *Дзен* в этой связи является жизненно необходимой компенсацией.

Современная Япония

Изоляция Японии от внешнего мира длилась более двух столетий и закончилась вместе с революцией Мэйдзи (1867—1868), за которой последовала эпоха социально-экономических преобразований, прежде всего индустриализации. Она должна рассматриваться как особый феномен, как чудо; она проливает свет на особенности

японской цивилизации. Дело в том, что темпы и успехи индустриализации невозможно объяснить только экономическими терминами, хотя и они имеют немаловажное значение.

- Столетия изоляции: с 1639 по 1868 г. Япония сделала большой шаг в своем развитии, несмотря на практически полное закрытие своих границ.

Прогресс стал заметен уже в XVIII в. Увеличилось население, возросло производство риса, началось выращивание новых сельскохозяйств... Стали расти города. В XVIII в. в Эдо проживало около 1 млн человек. Общий экономический подъем был бы невозможен без появления излишков сельскохозяйственного производства, в частности риса, который в избытке появился на городских рынках; без дополнительных средств хранения и транспортировки зерна, без возможности снабжать города древесным углем в достаточном количестве.

Само общество благоприятствовало развитию. Местная знать, которую правительство лишало родовых корней и заставляло постоянно жить в Эдо, систематически разорялась из-за регулярных дорогостоящих переездов. Поскольку хождение денег стало повсеместным уже с XVII в., превысив объемы денежной массы огромного Китая, роскошь городской жизни требовала колоссальных расходов. Необходимость иметь деньги вынуждала землевладельцев продавать часть урожая риса, а также прибегать к денежным кредитам, что было достаточно легко, известные издавна формы кредита получали все большее распространение (заемные письма, векселя). Землевладельцам, как и самураям, запрещалось торговать самим. Следовательно, они вынуждены были прибегать к услугам посредников, подставных лиц. Заметно увеличился слой торговцев, которые процветали, одалживали деньги знати, проникали в ее окружение и даже стали носить такие одежды, что было крайне важно в стране, где привыкли «встречать по одежке». Торговцы стали отдавать своих дочерей и сыновей в свиты вельмож, начали смеиваться со знатью, используя браки и усыновления. Однако в целом, напуганные несколькими казнями, которые правительство использовало для того, чтобы заодно конфисковать их имущество, торговцы предпочитали оставаться в тени.

Влияние торговой буржуазии особенно заметно было в Осаке — экономическом центре старой Японии: именно в квартале этого города, получившем название «Квартала цветов», жили все богатые горожане, дворяне и торговцы. Этот квартал вскоре превратился в остро-

док удовольствия, где куртизанки (*гейши*), «получившие дорогое воспитание», играли «роль благородных дам при дворе императора в Киото». Хроники Квартала цветов, его скандаль, самоубийства или убийства становились темой саркастичных литературных описов, которыми увлеклась простая публика (образованные люди предпочитали «прелести конфуцианской схоластики»).

Все это демонстрирует подвижки в жизни японцев, отражает экономический подъем, создавший начиная с XVIII в., активный до-капитализм, готовый расцвести при благоприятных обстоятельствах. В XIX в. перемены становятся еще более заметными: Эпоху Мэйдзи нельзя понять без обращения к прошлому, без учета периода первоначального накопления экономических средств и капиталов, без учета возникшего уже тогда социального напряжения в обществе.

Слишком много вельмож разорилось из-за чрезмерной роскоши или в результате политических потрясений. Япония понемногу переполнялась самураями-изгоями, оставшимися без господина *ронинами*, страстными рыцарями — это пемпого пацопинало Германию XV в. с ее «кулачным правом». Именно эти деклассированные элементы стали движущей силой революции Мэйдзи. Прибытие американского флота (1853) было лишь «искрой, подожженной порох». И когда император Муцухито в 1868 г. захватил власть, он без труда сверг старый феодальный строй с его традиционными кастами. По сути, он уничтожил лишь декорации.

- **Индустриализация** — это не только экономическое явление; она подразумевает также определенные социальные перемены, которые способны замедлить или ускорить экономические процессы. В данном случае общество развитие не тормозило.

Это тем более стоит отметить, что обычно процесс индустриализации потрясает все общественные структуры. На Западе, согласно изложенному Марксом процессу, она породила пролетарские массы, вызвала классовую борьбу и стала причиной социалистической рабочей революции.

Япония — особый случай. Она, лишь на первый взгляд непонятно каким образом, осуществила индустриальную революцию без революционных потрясений в социальных структурах. «Огромные экономические преобразования... стали составной частью развивающейся культуры и пошли по совершенно поваторскому пути».

Причины этого могут быть следующими: речь идет о сверхдисциплинированном обществе, которое и после 1868 г. сохранило свою при-

верженность к дисциплине. Это послушное, почитающее социальную иерархию общество всегда соглашалось с тем, что роскошь является привилегией немногих; оно также согласилось, быть может не отдавая себе в этом отчета, с тем, что современный капитализм формировался внутри феодальных структур. На ум приходит сравнение с русскими промышленниками XVIII в., действующими на Урале в крепостной среде... Несмотря на все отличия, именно такое впечатление оставляют все крупные японские промышленные компании, которые в XIX в. обеспечили успех индустриализации и получили от этого выгоду, не вызвав при этом негативной реакции рабочих масс.

Накануне войны 1941 г. максимум пятнадцать семей располагали 80% японских капиталов. В просторечьи их называли *дайбацу* (сегодня это понятие стало классическим): это Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда. При этом императорская семья стала наиболее богатой... В плане социальной иерархии эти гранды большого бизнеса сопоставимы с *даймё* и их кланами; рабочих можно сравнить с их крепостными, управляющих и инженеров — с самураями Нового времени. Предприятия остаются семейными, управляемыми в соответствии с принципами феодализма и патернализма, действующими в среде, где «свободное предприятие, коммунизм воспринимаются как странные и чужеродные идеи, разрушающие *кодо*, этот императорский путь Японии». С этим послушным, умелым, терпеливым народом, согласным на очень низкую оплату своего труда, его лидеры могут делать все, что им угодно.

Так объясняется чудо — переворот 1868 г. Сёгун уступил место императору, остающемуся самой традиционной силой страны (вообразим себе понтифика, который бы занял у нас на Западе место главы светского правительства). Традиционная императорская власть выбрала революцию, уничтожила феодальные преграды, объявила о развитии промышленности, высвободила необходимые инвестиции и сама создала заводы. После этого, что случалось часто, она уступила право управления предприятиями частным лицам, которых выбрало по своему усмотрению, что напоминало наделение приближенных земельными феодальными наделами. Одновременно с этим императорская власть поставила перед японским обществом гигантскую задачу развития. Эта задача была выполнена. Сын солнца, почитаемый в храмах за свое божественное происхождение, велел приступить к индустриализации страны. Чтобы выполнить эту волю, Японии не понадобилась новая идеология или религии — они уже существовали. Они-то и позволили управлять Японией, как одним человеком.

В этих условиях не нужно удивляться двойственности современной Японии, одновременно модернизированной и традиционной страны. «Мистический характер власти императора послужил и сохранению статус кво и проведению революционных преобразований», что можно перевести как сохранение социальной стабилизации и осуществление экономической революции.

Верность такого объяснения подтверждается *сознательным* повышением роли в XVIII—XIX вв. древних национальных верований, возведенных в систему под названием *синто*. Это божественный путь (ками), хотя смысл камии соответствует скорее смыслу слова *мана*^{*}, которое в далеком море (на юге) означает высшую безличную власть, сливающуюся с вещами и существами. Высший камии принадлежит Аматэрасе, богине солнца, которая передала его всем потомкам своих сыновей.

- Япония после поражения 1945 г.: за капитуляцией страны после нанесения ядерных ударов по Хиросиме (5 августа 1945 г.) и Нагасаки (8 августа) последовал беспрецедентный крах государства. Юго-Восточная Азия, которую только что удалось завоевать, получила независимость. Хуже того, оказалось разрушенным все то, что было создано начиная с эры Мэйдзи (1868) и что превратило Японию в особый случай на Дальнем Востоке первой половины XX в.

Японское чудо после 1945 г. (второе чудо), подобно чуду Италии, Франции и Германии, состоит в том, что она восстановила основы своего процветания и сумела достичь невиданного доселе уровня развития. Это головокружительный успех. Япония более не является военной державой мирового значения, какой она была до 1941 г. Но она стала мировой экономической державой.

Перспективный план развития на 1961—1970 гг. предусматривает к моменту его завершения удвоение национального дохода при очень высоких темпах роста. Если взять уровень 1950 г. за 100, то предусмотренный уровень промышленного и горнорудного производства составляет 648; уровень производства черных металлов — 296; станкостроения — 448; химической промышленности — 344... Эти перспективы, не будучи абсолютными, не кажутся завышенными: развитие в предыдущие годы убеждает в их достижимости.

С конца XIX в. и до Второй мировой войны темпы роста экономики Японии составляли 4% в год; в 1946—1956 гг. они достигали 10,6%

* Мана — сверхъестественная сила. — *Примеч. ред.*

(во Франции - 4,3%); в 1957-1959 гг. - 9,2%; в 1959-1962 гг. темпы (точных цифр еще нет) оставались высокими. Это рекордные цифры, близки к ним лишь темпы развития ФРГ и СССР. Перспективный план 1961 — 1970 гг. предусматривает средние темпы роста на уровне 8,3%.

Причины такого роста не остаются тайной за семью печатями. Наиболее эффективным оказалось данное американской администрацией разрешение на восстановление трестов, которые, казалось, исчезли со сцены *после* поражения. Старые патриархальные *дзайбану*, распушенные оккупационными властями, возродились не все и не полностью, но появились новые концерны, ставшие одними из крупнейших в мире. Победивший японский капитализм, как и в США, представляет собой триумф капиталистических гигантов, позволяющих лучше использовать рабочую силу и капиталы, чем это возможно на мелких предприятиях ремесленного типа, которые тем не менее продолжают существовать, используя дешевый семейный труд.

С другой стороны, поскольку финансирование предприятий более не осуществляется, как это было до 1941 г., из средств самого предприятия, успешное развитие промышленности подразумевает отныне наличие системы крупных банков и инвестиционных компаний, обладающих, под присмотром Национального банка, большей свободой маневра, чем во Франции. Власти населения привлекаются за счет использования всех средств рекламы и пропаганды, работающей по американскому образцу. Результатом стал бум покупки биржевых акций, участие в котором приняли даже крестьяне, по природе своей не склонные к риску. Периодически случающиеся бумы на Токийской бирже (объем торгов здесь в 400 раз превышает объемы предвоенных лет) также способствуют привлечению средств населения, рассчитывающего на высокую доходность ценных бумаг. Однако с июня 1961 г. произошел спад биржевой активности, что умерило страсть к игре на бирже и направило денежные потоки в сторону банковских вложений.

Эта система объясняет очень высокий уровень инвестиций (более 20% национальных расходов в 1962 г.) и тот интерес, который проявляет иностранный, в первую очередь американский, капитал к японским предприятиям. Еще до недавнего времени это был до некоторой степени платонический интерес, так как Япония еще до конца не «либерализировала» экономические обмены и вопрос с репатриацией полученных прибылей остается довольно острым. В одной швейцарской газете (12 апреля 1961 г.) говорилось о скорой возможности полной либерализации, при этом отмечалось: «В целом мы предпочитаем Японии Южной Африке, где все еще «дремлют»

многочисленные европейские капиталы. Нет никакого сомнения, что эта страна находится на стадии подъема, что качество и величина ее рабочей силы выше среднего, что ее лидеры не только уверены в своем успехе, но и обладают удивительными способностями». Если в японскую экономику придут серьезные западные капиталы, то темпы развития страны существенно увеличатся.

Можно ли выделить *движущие силы* такого прогресса? Трудно подводить окончательные итоги развивающейся экономики. Цифры быстро устаревают и искажают реальную картину. Однако очевидно, что избыток рабочей силы сказывается положительно. В 1961 г. население островов насчитывало 94 миллиона человек; через десять лет, в 1970 г., его численность возрастет до 104 миллионов, что составляет ежегодный прирост примерно в 1 миллион человек.

Такие темпы демографического роста не тормозят экономического развития, поскольку, еще раз напомним, национальный доход должен удвоиться к 1970 г., тем более что рост населения находится под контролем. К тому же начиная с 1962 г., приток рабочей силы на рынок труда недостаточен (т.н. малочисленные возрастные группы военного времени), вследствие чего спрос здесь превышает предложение; отсюда недавнее повышение оплаты труда инженеров и преподавателей.

Нельзя не отметить, что заработная плата в стране остается намного ниже европейского уровня или уровня США. Тем не менее, учитывая разницу в привычках и потребностях, положение не кажется катастрофическим. В предместьях Осаки и Токио все еще можно увидеть бараки (в Токио население увеличивается ежегодно на 400 тыс. человек, из которых 300 тыс. мигранты), но средний дневной рацион составляет 2100 калорий, средняя зарплата в долларовом исчислении колеблется от 200 до 300, что в четыре раза превышает средний заработок в Индии. Огромное развитие рыболовства (Япония является мировым лидером рыболовства: ежегодно 6 миллионов тонн рыбы, добываемой от Атлантики до Карибов), прогресс сельскохозяйственного производства (по требованию американцев ни один японец не может иметь надел более 2,5 га), тем более существенный, так как использование парников в зимний период позволяет значительно увеличить производство сельхозпродукции, в частности за счет более раннего высевания риса. Освоение холодного острова Езо позволяет достигнуть необходимого равновесия между производимой и потребляемой продукцией.

В целом внутренний потребительский рынок поддерживает промышленный рост. Рост уровня жизни знаменуется покупкой новых товаров, среди которых стиральные машины, транзисторы, телевизоры,

фотоаппараты (гигантские японские заводы прежде всего заполняют внутренний рынок). Появляются новые вкусы, что способствует росту потребления мяса, рыбы, макаронной продукции, консервов, лекарств (особенно успокоительных); рисовая водка уступает потреблению пива, зеленого (его ежегодное производство составляет 77 000 тонн) и черного чая. Европейский стиль все больше сказывается в одежде и домашнем интерьере. Разумеется, японцы остаются в массе своей «бичивилизованными людьми» (но выражению журналиста Робера Гийена), которые вне дома носят западную одежду, а дома японскую. Но очевидно, что они все больше увлекаются западной модой, уступают ее требованиям.

Конечно, на пути развития японской экономики остается *немало препятствий*; само это развитие есть чудо человеческих усилий, результат умелой и терпеливой работы. Но у развития есть свои границы, свои опасности. Не следует забывать, что аграрная реформа привела к появлению массы малоземельных крестьян, неспособных объединиться и создать условия для ведения грамотного современного сельского хозяйства. «Это может сделать только социализм», — говорит один журналист. Но это ошибочное мнение, так как социалистический опыт наименее удачен как раз в сельском хозяйстве. К тому же все попытки провести аграрную реформу быстро и радикально всегда заканчивались разочарованием: аграрные структуры трудно поддаются переменам.

Не забудем при этом, что Япония, население которой почти вдвое превышает население Франции, имеет вдвое меньшую территорию (300 тыс. против 550 тыс. кв. км), при том что плодородные земли составляют лишь 15% общей площади (84% во Франции); к тому же страна бедна природными ресурсами. Шерсть, хлопок, уголь, железная руда, нефть, являющиеся основным сырьем для промышленности, импортируются. Промышленный рост заставляет ввозить все больше станков и прочего оборудования. Отсюда, начиная с сентября 1961 г., вызывающие беспокойство признаки дефицита торгового баланса, несмотря на весь оптимизм правительства Икеды. Если подсчитать, то получается, что этот баланс не удастся выровнять без учета расходов американской оккупационной армии. Одно это показывает, насколько еще хрупок экономический успех Японии...

Для страны проблема заключается к тому же не только в производстве товаров, но и в их продаже. И здесь оказывается, что страна может прогрессировать только за счет торговли со «свободным миром», за счет его процветания и доброй воли. Однако память о Японии, при-

бегавшей до 1939 г. к беззастенчивому демпингу, а также нынешняя реальность страны, вступающей в ценовую конкуренцию за счет низкой заработной платы своих работников, заставляет Запад (и в частности Францию) проявлять осторожность, что выражается в медлительности заключения двусторонних договоров, отдельные статьи которых постоянно пересматриваются.

Все это делает маловероятным, чтобы Япония стала «нейтральной страной по типу Индии Неру» и сделала упор на свои экономические связи с Китаем и Юго-Восточной Азией. С другой стороны, японские социалисты и коммунисты полагают, что с уходом американских войск некоторые социальные завоевания могут быть поставлены под вопрос, в частности положения конституции страны 1951 года и деятельность недостаточно быстро развивающихся профсоюзных организаций, которых крупные компании терпят с трудом. Наблюдающиеся противоречия интересов различных общественных сил объясняют результаты выборов 1961 г., которые обеспечили «ругинную победу» «умеренных либералов», т.е. крупного бизнеса, истратившего, по оценкам специалистов, более пяти миллиардов иен (100 иен равно примерно 1 франку) на предвыборную кампанию, чтобы «использовать последний шанс» и претрапить дорогу социалистам.

Но сама проблема еще долго будет сохранять актуальность, тем более что столь быстрое развитие ставит сверхсложные задачи и является причиной напряженности в обществе. Токио с населением в 10 миллионов человек является самым населенным городом мира и не перестает расти, что заставляет рассматривать возможность строительства новых жилых кварталов непосредственно в заливе. Осака уже пошла по этому пути, размещая на отвоеванных у моря территориях металлургические производства, использующие сконцентрированную здесь рабочую силу. Эти примеры показывают, насколько хрупок и одновременно грандиозен японский опыт развития.

Но больше всего вопросов вызывает не столько политическое будущее страны, сколько будущее японской цивилизации. С самого начала было понятно, что превращение страны под американским влиянием в парламентскую демократию еще не означает ее полную трансформацию. Патернализм остается основой действий промышленников. Не исчез окончательно агрессивный национализм. Существуют крайне правые партии, находящие опору в традиционализме. Император, хотя и униженный поражением, остается на своем месте: любой, кто выступает против него или его семьи, рискует расстаться с жизнью. Япония вчерашнего дня продолжает отстаивать свои позиции.

Двенадцатого ноября 1960 г. лидер социалистов Инегиро Асунама, которого называли «японским Мирабо», выступал по телевидению. Он высказался против «вероломного японо-американского договора о безопасности», который он расценил «как орудие агрессии империализма янки». Его смогли увидеть и услышать миллионы японских телезрителей. Они же стали свидетелями и того, как на него набросился с ножом молодой семнадцатилетний лицеист, державший оружие по всем правилам воинского искусства. Двадцать дней спустя он покончил жизнь самоубийством в тюремной камере. Эти события потрясли страну. Япония не может и сегодня не восторгаться теми, кто умирает за идею, даже если само преступление и вызывает справедливое возмущение. Не нужно видеть в такого рода поступках религиозного порыва. Япония остается, по нашим меркам, страной, мало озабоченной религиозными исканиями и потусторонними проблемами, и этим она отличается от Индии. Здесь большую роль играют кодекс общественного поведения, воспитания, чести и — почему бы не сказать этого — ее цивилизация.

Постскриптум 1966г.

Япония все больше оставляет впечатление страны, которая вновь обрела былые силы. Но всякий успех связан с напряжением в обществе. Чтобы поддержать свою экономическую экспансию, страна нуждается в новых рынках сбыта. Ее все больше привлекает огромный китайский рынок, возможности сотрудничества с Советским Союзом при условии возвращения ей нескольких Курильских островов, участия в развитии Восточной Сибири. Может ли она обеспечить собственную безопасность, не превратившись в ядерную державу? Япония заявляет, что она против ядерных испытаний, ставит определенные условия пребывания в ее территориальных водах американских ядерных подводных лодок. Политический и социальный опыт ее развития показывает, что она остается страной с авторитарным, но никак не тоталитарным правлением. С уходом премьер-министра страны Икэда на заслуженный отдых (25 октября 1964 г.) эту же политику продолжил вновь избранный президент Сато (9 ноября 1964 г.) и либеральная партия.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы начали наше исследование с неевропейских цивилизаций: ислам, Черная Африка, Китай, Индия, Япония, Корея, Индокитай и Индонезия. Причиной тому было желание до некоторой степени «дистанцироваться» от Европы, показать, что не она является центром мироздания. Европа и остальной мир: именно в такой постановке вопроса состоит противоречие любого серьезного объяснения мира.

Теперь мы возвращаемся к себе, к Европе, к ее великолепным цивилизациям, которые, после нашего обращения к другим цивилизациям, мы можем рассматривать с большей объективностью. При этом мы говорим не только о старой Европе, но о Западе в целом с его новыми цивилизациями — цивилизациями Америки. Мы имеем в виду также и советский опыт, что бы там ни говорили о СССР и его идеологии.

Часть первая ЕВРОПА

Предварительно напомним о некоторых полезных понятиях.

1) *Европа* — это азиатский полуостров, «небольшой азиатский мыс», что определяет ее двойное предназначение: а) связь с Востоком на суше, в пределах единого материка; если в прошлом эта связь была затруднена расстояниями, то теперь она облегчается наличием железных дорог и авиационных путей сообщения; б) связь на всех направлениях с семью морями мира. Европа — и данное обстоятельство является во многом основополагающим — это корабли, конвой, победы на гигантских морских просторах. Петр Великий не ошибся, когда во время своего первого путешествия в Европу в 1697 г. начал работать на судостроительных верях Саардама и Амстердама. Выход Западной Европы в мировой океан в конце XV в., сопровождаемый Великими географическими открытиями, ознаменовал начало выполнения ею своего двойного предназначения.

2) *Имеется контраст между европейским Востоком и Западом, между Севером и Югом, между теплым Средиземным морем (этим Внутренним морем Юга) и холодными «Средиземными морями» Севера: проливом Ла Манш, Северным и Балтийским морями. Нападают контрасты, различия самого разного рода: люди, пища, притяжения, возраст цивилизаций. «Перешейки», связывающие Север и Юг (русский, немецкий, французский перешеек), по мере приближения к собственно Западной Европе становятся все короче, что напоминает географу воронку, которая становится все шире к Востоку.*

3) *Контрасты между Востоком и Западом, Севером и Югом объясняются как географическими, так и историческими причинами.*

Запад смотрит на Рим, Восток — на Константинополь. Разделение произошло в IX в. нашей эры, будучи ознаменовано деяниями святого Мефодия и святого Кирилла, которые смоделировали будущее Востока, будущее православного мира.

Затем это разделение усугубилось разделением на Север и Юг с рождением протестантизма, которое разделило христианство примерно по границе бывшей Римской империи.

Глава 1. Пространство и свободы

Судьба Европы всегда определялась развитием особого рода свобод, *френииз*, являющихся привилегиями определенных групп, небольших или значительных. Эти свободы часто противоречат друг другу, иногда даже исключают друг друга.

Разумеется, вопрос о свободах встал только тогда, когда Европа сформировалась как однородное, защищенное пространство. Свободы невозможны там, где нет защищенности. Обе проблемы составляют единое целое.

Европейское пространство определяется: V—XIII вв.

Приведенные для иллюстрации две географические карты позволяют избежать длинного перечисления несчастных случаев и катастроф, в ходе которых понемногу формировалось единое, может быть, лучше сказать — довольно единое целое — западная оконечность европейского полуострова.

- Европейское пространство определялось в результате череды войн и катастроф. Все началось с разделения Римской империи на две части (раздел Феодосия в 395 г.).

Всегда или почти всегда существовал густо населенный средиземноморский Восток с его старой цивилизацией и многообразной промышленностью и Запад, сравнимый с американским Диким Западом, бедный и запущенный, где Рим в процессе своих завоеваний строил города и иногда даже создавал цивилизацию, которая либо повторяла его собственную, либо являлась ее искажением.

Как только произошел раздел (395 г.), западная часть столкнулась с целой серией катаклизмов на своих границах: на северо-востоке по Рейну и Дунаю; на юге в Средиземноморье; на протяжении своих «океанских» границ от Дании до Гибралтара. Эти опасности, и попытки им противостоять и создали европейское пространство.

1. На северо-востоке двойная граница по Рейну и Дунаю дрогнула под натиском варваров, убегающих от гуннов: в 405 г. их волна достигла Италии и остановилась в Тоскане. Чуть позже, 31 декабря 406 г., масса варварских народов перешла Рейн около Майнца и захватила галльские провинции империи.

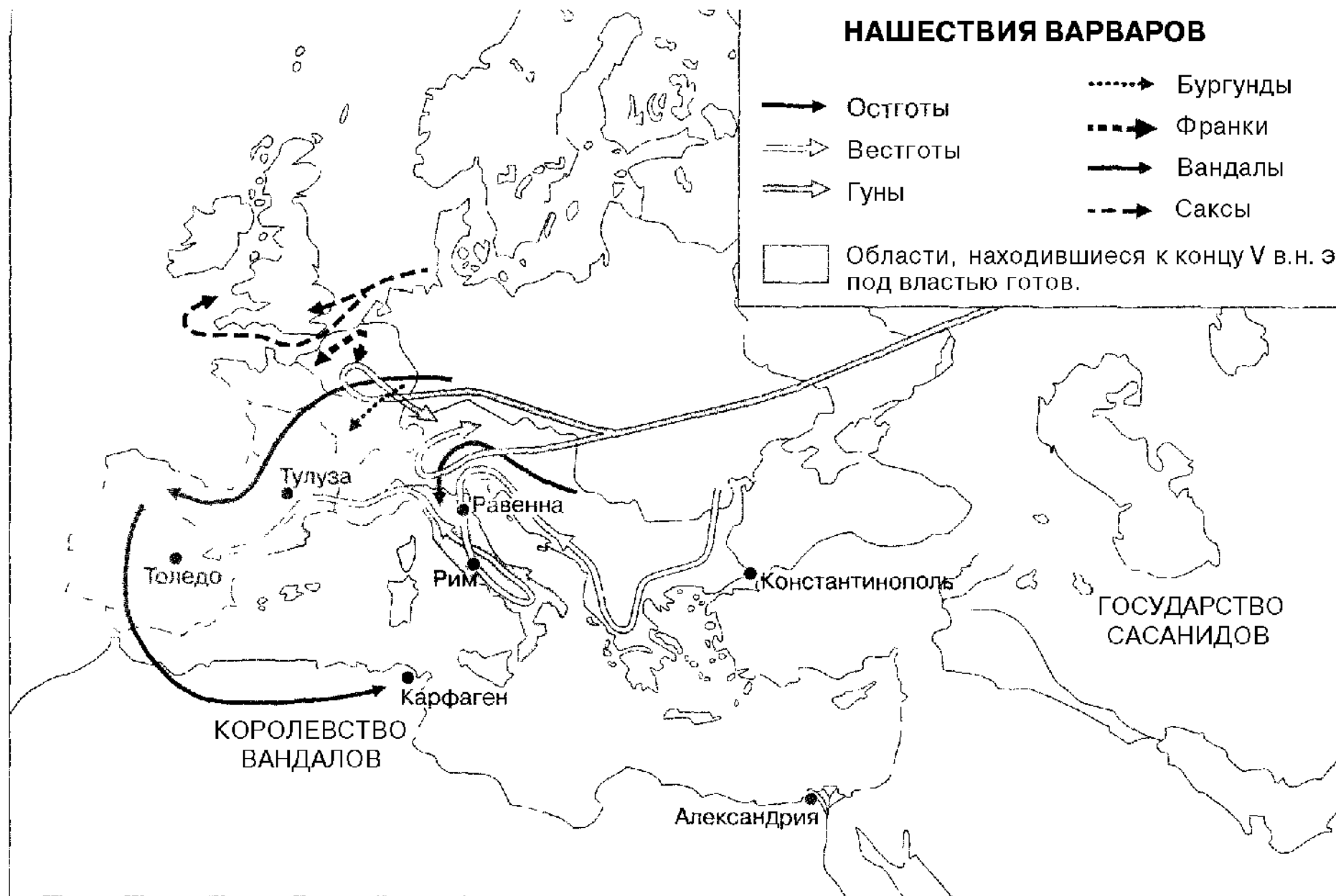
Пробитую этим нашествием брешь в обороне удалось заделать только после поражения гуннов на Каталаунских полях в 451 г. Затем относительно быстро картина стала прежней: Меровингская Галлия восстановила границу по Рейну и даже существенно отодвинула ее на восток; Каролинги удерживали границу вдали от реки, установив господство над всей Германией и дойдя даже до «Венгрии» аваров. Обращение в христианство, связанное с именем святого Бонифация, закрепило господство на востоке. Иными словами, Западу удалось сделать то, что не могли в свое время сделать осторожные Август и Тиберий.

С той поры Германия стала для Запада естественным щитом. Именно Германия остановила венгерских всадников в Мерсебурге (933), а затем окончательно разбила их в Аутобурге (955). Благодаря этим победам, Священная Римская империя пришла в 962 г. на смену империи Каролингов (основанной Карлом Великим в 800 г.).

Восточная граница, которой отныне ничего не угрожало, вновь сместилась к востоку после появления здесь христианских государств (Польша, Венгрия, Богемия), что стало результатом германской экспансии (XI—XIII вв.). Вплоть до гигантского нашествия монгольских полчищ (1240) на восточных границах все оставалось спокойным; монгольское нашествие было каким-то чудом остановлено вблизи Польши и Адриатики. Единственной жертвой завоевателей стала Киевская Русь.

2. *На южных рубежах* опасность возникла в период первых успехов мусульманских завоеваний, которая была усугублена «предательством» стран Северной Африки, до того бывших христианскими, государств Иберийского полуострова, а также Сицилии. На западе Средиземное море превратилось в «мусульманское озеро». Первой эффективной реакцией на нашествие стало создание тяжелой кавалерии, чье вмешательство повлекло за собой победу войск Карла Мартелла в битве при Пуатье (732). Эта победа на короткое время возвысила династию Каролингов, отозвалась за Рейном, в Саксонии и Венгрии.

Но, учитывая превосходящие силы ислама, христианству пришлось выдержать долгое и трудное соперничество с ним, даже придумать идею священной войны, выразившейся в *крестовых походах*. Борьба с исламом была нескончаемо долгой: первый Крестовый поход (1095) был первым осознанным коллективным действием против ислама, хотя сам по себе он не являлся первым военным столкновением; последний Крестовый поход, который также не означал окончание противоборства, принял форму военной экспедиции Людовика Святого в Тунис в 1270 г.

Великие нашествия (I)

3. На своих западных и северо-западных границах вплоть до Средиземноморья Европа, чья морская история оказалась запоздалой (за исключением Нидерландов, Ирландии и Италии), подвергалась нападениям норманнов в VIII, IX, X вв., которые были тем более неожиданными, что она не была к ним подготовлена. Тем не менее несмотря на сиюминутные трагические последствия норманских завоеваний, они в конечном счете оказали на судьбы Европы благотворное воздействие.

Дело не в том, что мы выступаем в защиту этих безжалостных пиратов. Европа оказалась вынужденной платить им тяжелую дань. Но ведь нельзя и не восхищаться их подвигами: походами через всю русскую равнину, открытием Америки, о чем тут же забыли, поскольку, как пишет Анри Пиренн, «тогдашняя Европа в ней не нуждалась». Специалисты по экономической истории проявляют по отношению к викингам еще большую снисходительность: они считают, что их грабежи (прежде всего разграбление церковных сокровищ) вновь пустили в обращение часть драгоценных металлов, лежавших без движения все время, следовавшее за падением Рима. Викинги оказались поставщиками металлических денег, которые способствовали подъему экономики Запада.

- Чтобы понять первую западную цивилизацию, нужно восстановить в памяти катастрофы, вообразить себе чудовищный мрак IX и X вв., представить нищету тогдашней Европы, которой пужно было вести ежедневную борьбу за выживание.

Будучи лишена рынков сбыта своей продукции, представляя собой «осажденную или, лучше сказать, захваченную крепость», с разрушенной экономикой, несчастная Европа не могла «выдержать веса» крупных государств. Едва появившись, они тут же разрушались или клонились к упадку. Империя Карла Великого создавалась быстрыми темпами, но печально пережила своего основателя (814). Священная Римская империя также быстро обветшала. Западная Европа разделилась на множество мелких и мельчайших княжеств. Феодальный строй мог лишь теоретически поддерживать единство внутри различных королевств Запада, некоторые из которых, подобно Франции, постепенно модернизировались, а другие оставались архаичными, Рейх например.

Однако этот бурлящий, разрываемый изнутри и подвергающийся нападкам извне мир уже тогда представлял собой отдельную цивилизацию, характеризуемую очевидной однородностью. Несмотря на все

различия, можно говорить о тогдашней «феодалной цивилизации» (Люсьен Февр), перед которой стояли большие проблемы, вызванные обстоятельствами той эпохи, требовавшие решений, часто аналогичных нынешним. Эта цивилизация зародилась из этнических, экономических взаимосвязей, из постоянного противоборства, общих верований и главное из самой «смуты», которую она должна была прекратить.

- Феодалный строй создал Европу. XI—XII вв. стали периодом ее первой молодости, проявления ее силы, крепнувшей под знаком феодализма, т.е. особого политического, социального и экономического строя; под знаком особой цивилизации, уже тогда находившейся во второй или третьей стадии становления.

Как определить многоцветную цивилизацию?

В Европе, как и за ее пределами, феодализм был невозможен без распада определенного политического строя. В данном случае речь шла об обширной империи Каролингов, которую можно назвать первой «Европой», поскольку даже название Европа возникает именно в ту пору (*Europa, vel regnum Caroli*); эта первая Европа исчезла вместе с императором, которого один из придворных поэтов называл «отцом Европы».

Феодализм стал естественным следствием крушения империи Каролингов. Это похоже на французского офицера, который после поражения 1940 г. мечтал о том, чтобы каждое воинское подразделение получило, как по маговению волшебной палочки, самостоятельность, право на автономные действия, на невыполнение приказов скомпрометировавшего себя командования, приведшего армию к отступлению и гибели. Феодалный строй, если так можно сказать, возник как результат подобных умозаключений при том, однако, различии, что государство тогда развалилось не одновременно, как это было в 1940 г. Феодализм формировался на протяжении веков. Его природа представляла собой, с одной стороны, защитную реакцию, а с другой — *мелкую*. Укреплённый замок на вершине холма, окруженный деревьями, которым он предоставляет защиту, это не просто так, это не роскошь, это оружие самозащиты.

Вместе с тем феодализм — это и нечто другое: общество, основанное на отношениях между людьми, на цепочке зависимости; хозяйство, где земля является не единственным, но наиболее распространенным средством оплаты услуг. Владелец получал от короля, своего сюзерена, или от владельца более высокого, чем у него, ранга лучшее владение (ффеод), взамен чего принимал на себя обязательство предое-

тавить вышестоящему серию услуг, в числе которых помощь, предоставляемая в четырех случаях: 1) нужно платить за выкуп сеньора; 2) нужно помогать во время посвящения в рыцари старшего сына; 3) нужно оказывать помощь во время свадьбы старшей дочери; 4) нужно также помогать, когда сеньор отправляется в крестовый поход. В свою очередь обладатель ленного владения уступал его отдельные части владельцам более низкого ранга (вассалам) либо крестьянам. Он передавал этим последним земельный падел (это обозначалось такими понятиями, как участок земли взамен определенной повинности; *ценси́ва*; земля, полученная от сеньора), который каждый крестьянин должен был обрабатывать, выплачивая затем денежную компенсацию (*ценз*, *поземельный оброк*), либо отдавая часть урожая (*десятина*, *полевая подать*), либо отрабатывая на господина (*барщина*). Взамен сеньор предоставлял крестьянам свою защиту.

Благодаря этой социальной пирамиде с ее обязательствами, правилами, вассальной преданностью, Запад и существовал, охранял полученное им христианское и римское наследие, к которому добавлял идеи, добродетели и идеологию феодального строя (свою собственную цивилизацию).

В действительности, Европа, которая к тому времени предала забвению даже свое собственное название, формировалась как разделенный перегорodkaми мир, где главными были своя маленькая область проживания, своя родина в узком понимании этого слова.

Конечно, в начале истории Европы было важно, что отдельные ее области могли беспрепятственно развиваться, каждая на свой манер. Следствием такого развития стало то, что каждая такая область образовала единое, сознательное целое, готовое зацепить свою территорию, свою независимость.

Вместе с тем характерно, что, несмотря на политическую замкнутость отдельных территориальных образований, происходила их очевидная цивилизационная, культурная конвергенция. В ту эпоху паломник, направляющийся к святым местам, или купец, выезжающий за пределы своей малой родины по делам, чувствовали себя как дома в Лоббеке или Париже, в Лондоне или Брюгге, в Кёльне, в Милане или Венеции. Моральные, религиозные, культурные ценности, правила ведения войны, жизненный уклад, обряды были повсюду схожими, несмотря на ссоры, конфликты феодалов между собой. Вот почему существовал *единый* христианский мир (Марк Блок), существовала единая цивилизация рыцарей, трубадуров и труверов, куртуазной любви.

Об этом пивилизационном единстве говорит и опыт крестовых походов, которые утверждались в качестве коллективных акций, прик-

лючений, страстей, общих для многочисленных территориальных образований.

Свобода или — точнее сказать — свободы: XI—XVIII вв.

Предположим, что весь комплекс имеющихся знаний о европейской истории за период с V в. до наших дней или, еще лучше — до XVIII в., мы ввели в память компьютера и спросили у него (если это вообще возможно), какой была наиболее часто встречающаяся во времени и пространстве *проблема* исторического развития. Можно утверждать, что таковой стала бы проблема свободы или — точнее сказать — европейских свобод. *Слова свобода — это ключевое слово.*

Если сегодня в ходе идеологической борьбы западный мир выбрал для себя (пусть и не без задней мысли) название «свободного мира», то в свете многовековой европейской истории этому просто найти объяснение.

- **Товары и сырье, нужно иметь в виду все фирмы свободы, пусть даже и чрезмерные.**

По правде говоря, эти свободы угрожали одна другой. Одни ограничивали другие, а затем, в свою очередь, уступали место третьим. Такое чередование свобод нужно рассматривать как один из секретов прогресса Европы.

Необходимо также уточнить, что же мы понимаем под понятием «свобода». Это не только личная свобода, являющаяся меритом сегодняшнего «свободного мира», но и свобода социальных групп, сословий. Характерно, что в Средние века гораздо чаще говорилось о свободах, чем о свободе. Употребляемое во множественном числе это слово не отличалось по смыслу от слова привилегия. Свободы рассматривались как совокупность франшиз, привилегий, защищавших интересы тех или иных общин, которые пользовались этими привилегиями, чтобы набраться сил и выступить против других групп.

Эти коллективные свободы создавались медленно, так же медленно они входили в разумные пределы или исчезали совсем. В целом, ситуация была непростая.

- **Освобождение крестьян было одной из первых заявивших о себе свобод, но одной из последних реализованных; можно сказать, что процесс освобождения крестьян не завершился и по сей пору.**

По нашему мнению, о свободе крестьянина можно говорить лишь тогда, когда между ним и землей не существует никакой другой собственности, а именно собственности сеньора, горожанина или капиталиста; когда у крестьянина нет никакой зависимости; когда крестьянин, если он производит продукции больше, чем способны потребить он сам и его семья, может вывезти излишек собственной продукции на рынок, продать его без вмешательства посредников, чтобы купить все для себя необходимое.

Вот условия его свободы. Если сегодня мы говорим, что европейский крестьянин в прошлом имел некоторые преимущества и даже обладал некоторыми свободами, то это только в сравнении с другими крестьянами, находившимися в большей зависимости, чем он. В целом можно утверждать, что крестьянин выигрывал от каждого экономического подъема.

Так произошло во время экономического подъема, наблюдаемого в Европе самое раннее с Xв. В этот период сельскохозяйственное производство развивалось повсюду: как в «новых» странах Северной Европы, где установился трехгодичный севооборот (сначала это произошло в германских землях и Польше), так и в странах Южной Европы (Италия, южная часть Франции), где стал правилом двухлетний севооборот.

Рост производства связан с демографическим ростом и ростом городов. Последнее условие было основным.

Начиная с XI в. и в течение всего периода экономического подъема судьба крестьянина, до той поры находившегося в крепостной зависимости, начала меняться. «Принадлежащая до той поры рыцарю или конкурирующему с ним церковнику пахотная земля оказалась в руках человека с плугом... Земля была отдана пахарю, который того желал, на условиях очень небольшой ежегодной платы, отдаваемой бывшим владельцам». Этот *переход к цензу* (поземельному оброку) произошел «в то время, когда земля была в изобилии, а люди редки, иными словами, когда рабочая сила ценилась больше, чем земля» (д'Авеноль). Нет никакого сомнения в том, что во многих областях (но не во всех) произошло определенное освобождение крестьян. Как любил повторять историк Апри Ширеш, имея в виду крестьянство Запада, «мы стали свободными с XII в.».

Однако это освобождение не было ни полным, ни всеобщим, ни окончательным. Тем не менее возникло некоторое равновесие, которое *де факто* оставило землю крестьянам; они стали ее хозяевами, превратились в «хозяев собственного дома», могли уступить или продать собственные наделы. А поскольку *денежный* оброк опреде-

лился по величине достаточно рано, то крестьяне получили выгоду от постоянного обесценения металлических денег; зачастую, по прошествии длительного времени, денежные выплаты становились просто смешотворными.

Однако эти преимущества не получили тогда же юридического оформления. За сеньором оставалось высшее право владения землей, что в определенных обстоятельствах всегда таило в себе угрозу для крестьянина. Доказательством тому могли служить частые крестьянские бунты: Жакерия во Франции (1358), восстание английских крестьян (1381), возмущение немецких крестьян (1524—1525), постоянные крестьянские бунты во Франции во второй половине XVII в. Каждый раз эти крестьянские восстания подавлялись. И тем не менее постоянная угроза их возобновления позволила крестьянам отстоять часть тех свобод и преимуществ, которые они ранее получили.

Пужно отметить, что эти свободы и преимущества были вновь поставлены под вопрос во всей Европе *в процессе капиталистического развития ее экономики. С XVI в. и в особенности в XVII в. капитализм обостановке экономического стада интенсивно внедрялся в аграрную сферу.* Подобно масляному пятну, в окрестностях малых и крупных городов множилось число землевладений нового типа (фермы, зерновые склады, арендуемые хозяйства — названия варьировались в зависимости от области и не всегда соответствовали их сегодняшнему употреблению), которые превращались в домены одного владельца в ущерб прежде всего крестьянским хозяйствам. Новые владельцы были озабочены в первую очередь их доходностью, прибылями. Они же выступали в роли земодателей, кредиторов крестьян, земли которых часто отбирались за долги. Земля оказалась к тому же под грузом *реинты*, принимавшей самые различные формы (потариальные акты той эпохи переполнены соответствующими договорами). Все делалось для того, чтобы обездолить крестьянина (даже контракты об арендной плате не предусматривали обязательно денежных выплат: зачастую предусматривались выплаты натурой, зерном например).

Особенно трагично ситуация складывалась в Центральной и Восточной Европе, в частности в Германии к востоку от Эльбы, в Польше, Богемии, Австрии, на Балканах и в Московии. К концу XVI в. в этих областях (некоторые из них еще оставались «дикими») появилось то, что историки называют вторичной крепостной зависимостью. Крестьянин вновь оказался в оковах феодального режима, более жесткого, чем раньше. Сеньором стал управляющий, подрядчик, торговец зерном.

Чтобы удовлетворить увеличивавшийся спрос на зерно, они заставляли крестьян все чаще работать на барщине (пять дней в неделю в Богемии, где крестьяне имели возможность обрабатывать собственные наделы только в субботу; в Словении, где в XV в. барщина ограничивалась 10 днями в году, она увеличилась в конце XVI в. до шести месяцев). В Восточной Европе эта эксплуатация продолжалась *вплоть до XIX в.* и, безусловно, стала одной из причин отставания восточных регионов от западных.

В Западной Европе, где режим был сравнительно более либеральным, благоприятствующие крестьянам процессы наметились в XVIII в. (во Франции, в частности с началом внедрения системы финансиста Жюна Ло). Великая Французская революция поставила точку в развитии этих процессов: крестьяне и их хозяйства оказались раз и навсегда освобожденными от феодальных повинностей. Последовавшие за этим революционные и наполеоновские войны содействовали распространению французского примера в других странах.

- **Городские свободы.** Города — это «вечные» двигатели прогресса. Как только появились первые признаки подъема, они взяли на себя ответственность за его продолжение. Наградой за это были их «свободы».

Продолжительный спад хозяйства Запада в целом привел в X в. к ужасающему регрессу городов: они буквально владели жалкое существование.

Когда произошел рост производства в период XI—XIII вв., началось их *возрождение*. Более того, города добивались процветания быстрее, чем громоздкие государственные территориальные образования. Государства начали приобретать *современные* черты только в XV в. Города же стали развиваться в XI—XII вв., разбивая при этом скорлупу феодальных государств. В своем развитии они опережали время и становились провозвестниками будущего. Можно сказать, что они уже сами по себе были этим будущим.

Разумеется, они не все и не сразу становились самостоятельными. Но в Италии, например, которая была наиболее передовой страной Запада той эпохи, свободные города возникли рано. То же можно сказать и о Нидерландах, называемых «второй Италией». В пору, когда королевство Людовика Святого было типично «средневековым», такие города, как Венеция, Генуя, Флоренция, Милан, Брюгге, стали уже вполне «современными» городами.

Следуя примеру этих крупных городов, управляемых герцогами, дожами или консулами, бесчисленное количество более мелких городов

боролись за *хартии вольностей*, иными словами, за право на самоуправление, на контроль за собственными финансами, на собственное судопроизводство, на приобретаемые ими земли.

Чаще всего полная свобода являлась следствием материального преуспеяния, которое уже само по себе позволяло некоторым городам обеспечивать не только экономическую деятельность, но даже защиту от внешнего врага. Речь идет о городах-государствах. Лишь некоторые из городов сумели достичь этой вершины, но все без исключения города основывали свою самостоятельность и право на особые свободы на успехах в торговле и в деятельности ремесленных корпораций.

Ремесленники работали одновременно для удовлетворения местных нужд и потребностей *дальней торговли*. Нет сомнения в том, что *экономика городов* преуспевала только потому, что она выходила за узко местные рамки. В XV в. Любек был наиболее значительным из городов, входящих в т.п. Ганзейский союз, объединявший торговые центры от Балтики до Рейна; его торговые связи распространялись практически на весь известный тогда мир. То же можно сказать о Венеции, Генуе, Флоренции, Барселоне.

В этих и подобных им крупных торговых городах *первичный капитализм получил развитие именно благодаря «торговле с дальними странами»*. Это стало началом господства *предпринимчивых торговцев*, которые поставляли сырье и рабочие руки, обеспечивали продажу промышленных товаров, тогда как мастера-ремесленники и подмастерья превращались в наемных работников. Торговцы стали видными персонами среди зажиточных сословий. Что касается простолюдинов, людей бедных, то они неоднократно пытались изменить положение вещей, но чаще всего безрезультатно: народные волнения отмечались в различных городах, например во Флоренции в 1381 г.

Межсословная борьба (вспомним хотя бы ремесленников Фландрии, чьи выступления за повышение оплаты труда напоминати нынешние забастовки) отражала социальные противоречия, являлась провозвестником классовой борьбы в промышленно развитых центрах. Социальное напряжение в городах усиливалось по мере возникновения трений между мастерами ремесленных цехов и подмастерьями, которых намеренно не допускали к дорогостоящим работам, что не позволяло им повысить свой ранг в корпорациях. Подмастерья объединялись в группы, ассоциации, в «ложки», странствовали из города в город... Это были первые настоящие пролетарии.

Но даже будучи пролетарием, подмастерье оставался *«гражданином города»* и поэтому имел некоторые привилегии, которые сохранялись в течение всего периода расцвета вольных или полувольных городов.

Прав ли Макс Вебер, когда говорит об *особой* типологии европейских средневековых городов, которых он называет «закрытыми городами»?

Правильно отмечается, что эти города осознавали свою исключительность и мало считались с тем, что находилось за городскими стенами. Полагая, что над ними нет высшей власти, они походили на китайских мандаринов, деспотично управлявших страной от лица государства. Деревни, расположенные вблизи городов, находились зачастую в полной от них зависимости: крестьянин никогда не имел статуса гражданина, ему разрешалось только торговать зерном на городских рынках и одновременно запрещалось заниматься каким-либо ремеслом для производства товарной продукции. Впрочем, могло быть и иначе, если город испытывал потребность в товарах, которые сам не производил. Конечно, этот строй отличен от существовавшего в античных городах, которые в политическом отношении были *открыты* для сельских жителей: афинский крестьянин, например, в эпоху классической Греции был таким же гражданином, как и горожанин.

Нет ничего удивительного в том, что права гражданства давались крайне редко за исключением периодов, когда города испытывали крайнюю нужду в увеличении своего населения. Так, в 1345 г. сразу же после эпидемии чумы, Венеция заранее предоставляла все права гражданства тем людям, кто хотел поселиться в городе... Обычно такой щедрости с ее стороны не наблюдалось. В Венеции существовало два типа гражданства: первый тип — это как бы «внутреннее» гражданство, гражданство второго сорта; второй тип — полноценное гражданство, называемое «внутренним и внешним», за предоставлением которого ревниво следила местная аристократия, охранявшая собственные привилегии. Чтобы получить гражданство первого типа, нужно было прожить в Венеции не менее 15 лет, а для получения гражданства второго типа — 20 лет. К этому нужно добавить, что в некоторых случаях делались различия между «старыми» и новыми гражданами. Декрет 1386 г. уточнял, что одни только «старые» венецианцы могли вести дела с немецкими купцами, обосновавшимися в городе.

Средневековый город — это город эгоистичный, ревниво охраняющий полученные привилегии, жестокий, готовый зашипать собственные интересы перед лицом остального мира (зачастую де-

авторство которой приписывается Людовику XIV; впрочем, одно оно было приписано Елизавете Английской. Тот факт, что короли Испании носили титул *Католических Королей*, а французские — *Христианских Королей* и при этом защищали при случае от того же Папы свободы англиканской церкви и интересы своих королевств, можно рассматривать как признак нового времени, поскольку такого рода действия превращались из спорадических в систематические, естественные. Они как бы подразумевались.

По мере того как крепли современные государства, европейская цивилизация, до того бывшая результатом развития городов, расцветавшая в многочисленных, относительно небольших привилегированных и самообитных городских центрах, становится *цивилизацией «территориальной», национальной*. Испанский Золотой век (1492—1660), французский Великий век распространялись каждый на территории своего государства.

Центральную роль в этих расширившихся цивилизациях стали играть *столицы*, развитие которых происходило за счет государственной казны, за счет самого государства; они образовали доселе невиданную категорию — супергорода. Именно тогда Париж и Мадрид приобрели свою репутацию. Лондон стал Англией. Жизнь целого государства начала вращаться вокруг этих гигантских городских образований, оставшихся без соперников, ставших орудием производства роскоши, превратившихся в машины по изготовлению цивилизации, а также людских несчастий.

Огромные государства вызвали к жизни перемещения людей, капиталов, богатств и, кроме того, свобод: одни разрушались, тогда как другие развивались или вновь создавались. Отдельные города начали получать дополнительные преимущества: Марсель получил монополию на торговлю со странами Ближнего Востока; Лорьян, основанный в 1666 г., монополизировал торговлю с Индией; Севилья добилась в 1503 г. (и утратила в 1685 г. в результате соперничества с Кадиксом) право исключительной торговли с Америкой, которую тогда называли «Кастильской Индией».

Некоторые свободы вырывались у государства насильно, поскольку оно не могло все делать само или просто все держать в своих руках. Так, во Франции, во времена абсолютной монархии (со смерти Кольбера, умершего в 1683 г. и до Великой Французской революции) государство постепенно утрачивало свою эффективность и буржуазии удавалось покупать «должности», тем самым отбирая у государства значительную часть его политической власти. Свободы провинций оказывались направленными против короля. Социальные привиле-

гии определенных сословий (духовенство, дворянство и купечество) были как бы инкрустированы в структуру французского государства, которому не удалось от них избавиться, что помешало ему провести в XVIII в. известные «просвещенные» реформы.

Даже те страны, которым удалось добиться большей политической свободы, пришли лишь к тому, что передали в руки группы привилегированных лиц часть государственных обязанностей: в Соединенных провинциях они перешли в руки буржуазии; в Англии после Славной революции 1688 г. парламент представлял интересы двойной аристократии — вигов и тори, т.е. буржуазии и дворянства, а вовсе не интересы всех слоев населения страны.

- Что стало с личными свободами на фоне множавшихся «свобод» привилегированных групп?

Этот вопрос оказывается лишенным всякого смысла, если трактовать понятие *свободы личности* в его нынешнем понимании, т.е. как свободу всякого человека потому только, что он человек. Чтобы современная концепция закрепились в общественном сознании, понадобилось много времени. Тем более что ответы на вопрос, является ли свобода личности *на деле* фактором прогресса или нет, даются противоречивые, что внушает пессимизм.

Духовное движение за освобождение личности периода Возрождения и периода Реформации, когда вопрос об индивидуальной свободе ставился *в принципе*, заложило основы сознательной свободы. Эпоха Возрождения и идеология гуманизма отстаивали принцип уважения, величия человека как личности, утверждали его ум и свободы. Во времена Кватроченто *достойнство* рассматривалась не просто как добродетель, но как слава, могущество. В философском смысле идеалом являлся *универсальный человек* Альберти. В XVII в., веке Декарта, вся система философских построений исходила из понятия «*Думаю*», т.е. размышляющей личности.

Утверждение философской значимости личности совпало с разрушением традиционных пенностей. Это диктовалось формированием в период XVI—XVII вв. эффективной *рыночной экономики*, чему способствовали как приток драгоценных металлов из Америки, так и развитие механизмов кредита. Деньги поколебали старые регламенты социально-экономических групп (ремесленные корпорации, городские сообщества, купеческие гильдии и др.), которые утратили одновременно и былое значение, и былую замкнутость. В плане повседневной жизни индивидуум получил возможность выбора. В то же

время по мере возникновения современных государственных структур возник новый уклад, который ввел данный процесс в строгие рамки: возникло понятие обязанностей индивидуума по отношению к обществу, понятие уважения к привилегированным слоям и их привилегиям.

В известном письме Декарта эта проблема поставлена четко. Если теоретически каждый является свободным, если сам по себе он представляет единое целое, то как же может существовать общество людей, по каким правилам оно должно действовать, спрашивала принцесса Елизавета? Ответ философа (15 сентября 1645 г.) был таков: «Хотя каждый из нас является отдельной, отделенной от других людей личностью, интересы которой в некоторой степени отличаются от интересов остального мира, мы должны тем не менее продолжать думать, что отдельная личность не сможет существовать в одиночестве, что она лишь частичка всего сущего, частичка Государства, Общества, всей человеческой семьи, с которой она связана узами существования, клятвой верности, самым своим рождением. Пужно всегда предпочитать интересы общего, частичкой которого ты являешься, интересам отдельной личности».

От имени этих «общих интересов» XVII в. «провел строгую обработку» не только бедных, но и всех «беспольных» общественных элементов, всех тех, «кто не работает». Действительно, увеличение числа нищих вызвало беспокойство тогдашнего общества (это было связано с демографическим ростом в предшествующем веке и с экономическим кризисом конца XVI — начала XVII вв.), поскольку являлось причиной попрошайничества, бродяжничества, разбоя, что требовало принятия суровых мер пресечения. Начиная с 1532 г., Парижский парламент арестовывал городских нищих, «заставляя их работать в кандалах в сточных ямах». Еще хуже обращались с отверженными в городе Труа в 1573 г.

Но это все были временные меры. Во времена Средневековья отверженный, бродяга, помешанный в общем пользовались законом гостеприимства и милосердием Божьей милостью, поскольку сам Христос одел однажды нищенские одеяние, тем самым призывая верующих рассматривать нищего как возможного божественного посланца. Целое духовное движение, персонифицированное в личности Святого Франциска, воспевало мистическую ценность Бедности, святой бедности. Вот почему обездоленные, юридические и другие отбросы общества могли бродить из города в город, где старались хоть как-то утешить их, чтобы скорее выпроводить за городские стены и тем самым избавиться от их долгого присутствия среди горожан.

Отсюда же паличие определенной степени свободы, *по крайней мере физической* у крестьян, которые могли уйти от одного хозяина и найти себе другого, более для него удобного, или просто уйти в город; у солдат, имевших возможность поменять место службы; у иммигрантов, покидавших страну в поисках заработка или просто уезжавших в Новый Свет в иллюзорной надежде найти там лучшую долю; у безработных, у вечных бродяг, нищих, помещенных, калек, воров, поддерживавших свое существование за счет милостыни либо за счет несправедливой жизни.

Все эти люди, до того защищенные именем Бога, в XVII в. превратились во врагов городского, уже капиталистического общества, которое было озабочено паведением порядка и получением прибыли и стремилось построить государство в соответствующем духе и с соответствующими целями. *Во всей Европе* (как в протестантской, так и католической) бедные, больные, безработные, юридические заключались под стражу (иногда вместе со своими семьями) и с ними обращались как с преступниками. Именно это Мишель Фуко, исследовавший данный феномен на примере отношения к умалишенным в классическую эпоху, назвал «массовым заточением» бедных, их узаконенным заключением под стражу, скрупулезно осуществленным местной администрацией. Отныне можно было таким образом избавиться, по просьбе родных, от загулявшего сына или от «расточительного отца», или, заручившись документом с королевской печатью, от политического противника.

В связи с этим создавалось большое число соответствующих исправительных заведений: госпиталей, приютов, *рабочих домов*. По, как их ни называть, они оставались настоящими казармами со строгой дисциплиной, где царствовал принудительный труд. Во Франции после декрета 1656 г., согласно которому был создан *Общий госпиталь*, начала формироваться новая социальная политика, согласно которой только в Париже в заточении оказался почти один процент городского населения. Репрессии такого рода прекратились не ранее конца XVIII в.

В мире, где свобода и так существовала только для привилегированных, XVIII в. способствовал тому, что продолжались сужаться элементарные свободы, которые только и были доступны бедным: право на передвижение, на выбор места жительства. Одновременно, мы на это уже указывали, происходило ограничение свобод крестьянства. К началу века Просвещения Европа пала как никогда низко.

К этой пессимистичной картине нужно сделать лишь одно добавление: свобода, которой не удавалось достичь большинству людей, оста-

валясь в Европе *идеалом*, к которому стремилась мысль, *человеческая* история. Стремление к этому идеалу являлось одной из основных тенденций в историческом развитии Европы, общее направление которых — мудрости многочисленные крестьянские бунты XVII в., не менее частые народные волнения (Париж, 1633; Руан, 1634—1639; Лион, 1623, 1629, 1633 и 1642) и политические и философские искания XVIII в.

Даже Великой Французской революции не удалось установить непопеченной свободы; впрочем, мы не имеем ее и сегодня. В ночь на 4 августа Революция уничтожила феодальные порядки, но крестьяне остались наедине со своими кредиторами и крупными землевладельцами: она ликвидировала корпорации (закоп Ле Шапелье от 1791 г.), но в то же время оставила рабочего в полной зависимости от работодателя. Во Франции понадобился еще один век, чтобы была узаконена деятельность профсоюзов (1884 г.). По все это не помешало тому, чтобы Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная в 1789 г., стала вехой в истории борьбы за свободу, этом фундаментальном понятии в генезисе европейской цивилизации.

Свобода или поиски равенства? Наполеон думал, что французы хотели не свободы, а равенства, равенства перед лицом закона, что они желали прежде всего уничтожения феодальных прав — иначе говоря, ликвидации особых свобод, привилегий.

От *понятия* свобод к понятию свободы — вот формула, которая объясняет историю Европы в одном из основополагающих направлений ее развития.

- Понятие свободы, пусть еще во многом *«абстрактное»*, теоретическое, выработанное в период от Возрождения и Реформации до Великой Французской революции, приобрело новое звучание, будучи сформулировано в Декларации прав человека и гражданина. Оно стало идеологией либерализма.

С этой поры концепция свободы — в единственном числе — становится осознанным выбором мира и поступательного движения истории. Именно от ее имени выступали — на законном основании или в демагогических целях — почти все идеологические доктрины, имевшие хождение в XIX в., прежде всего доктрины либерального толка, которые, несмотря на все различия, объединялись под именем либерализма, термина искусственного и двусмысленного по причине прежде всего своей слишком богатой смысловой нагрузки.

Либерализм означает одновременно: политическую доктрину (усиление законодательной и судебной власти при одновременном ог-

раничении власти исполнительной, что отличает ее от авторитаризма); *экономическую доктрину*, сконцентрированную в формуле «разрешать все делать, позволять все делать», что исключает вмешательство государства в экономические отношения между людьми, общественными классами и нациями; *философское учение*, требующее свободы мыслить и утверждающее, что ни религиозное, ни социальное, ни национальное единство не являются неременным условием существования, что подразумевает идею терпимости, уважения интересов другого и каждой отдельной личности в соответствии со знаменитой формулой античности: *каждое человеческое существо священо*.

Таким образом, либерализм — это нечто большее, чем «идеология одной партии», это «общественная атмосфера*». В ходе исторических перипетий XIX в. либерализму пришлось брать на себя множество задач, сталкиваться со множеством препятствий. В Германии и Италии либерализм смешался с национализмом: свобода, за которую нужно бороться, это прежде всего свобода нации. В Испании и Португалии ему пришлось столкнуться с могучими силами старого режима, поддерживаемого церковью. В Англии и Франции ему удалось достичь почти всех поставленных перед собой политических целей. Медленно, постепенно сформировывалось либеральное государство, в конституционном отношении основанное на фундаментальных свободах: на свободе выражения, свободе печати, парламентской свободе; на личной свободе; на расширении избирательного права.

- Вместе с тем на протяжении всей первой половины XIX в. либерализм служил прикрытием для установления политического господства буржуазии и деловой аристократии, господства имущего класса.

«За пределами этого узкого круга личность, права которой либерализм отстаивает с таким рвением, оставалась абстрактным понятием, она не имела возможности воспользоваться этими преимуществами». Это так же верно для Англии с ее консерваторами и либералами, т.е. со старыми и новыми богачами, как и для Франции эпохи Реставрации или периода Июльской монархии. Имущий класс, объявивший себя либеральным, стал выступать против всеобщего избирательного права, против всех остальных слоев населения. Но можно ли придерживаться такой политики в индустриальном обществе с его ужасной действительностью? Экономический либерализм, предполагавший изначально равную борьбу между индивидуумами,

оказался простой ложью. Со временем эта ложь становилась все более явной.

В действительности, *этот первичный «буржуазный» либерализм представлял собой прежде всего арьергардный бой со старым аристократическим режимом*, это был «вызов правам и старым, освященным] полутысячелетней историей традициям». Он оказался на границе] между старым режимом с его аристократическим обществом, которое либерализм разрушил, и индустриальным обществом, где с требованием признания своих прав выступил пролетариат. Короче говоря, эти т.н. поиски свободы, по сути своей оказались не чем иным, как групповой борьбой за свободы, понимаемые как привилегии.

Революции 1848 г. (во Франции было тогда установлено всеобщее избирательное право) стали вехой в развитии либерализма (в Англии ключевой датой была реформа избирательного права в 1832 г.). После этого либерализм мог существовать далее только как демократический либерализм, в принципе распространенный на все слои общества. Аلكсис де Токвиль и Герберт Спенсер, каждый по своему, возвестили о его столь необходимом пришествии и о триумфе народных масс, чего они опасались. Но либерализм вскоре столкнулся с другим мощным идеологическим течением — социализмом, за которым будущее, как, впрочем, и за теми, кто стал провозвестником авторитаризма, а именно за Карлейлем и Наполеоном III (некоторые уже говорили о «фашизме»).

Итак, либерализм продолжал существовать между новой грядущей революцией — социализмом в его разнообразных формах — и контрреволюцией, которая еще не получила названия и не ведала своих границ. Либеральная идеология продолжала вдохновлять правительства, совершала мудрые поступки и сохраняла присущий ей буржуазный эгоизм, но утратила прежний пыл; во Франции, например, она частично вновь обрела его, но лишь на время своей борьбы с церковью. Отпылые либералы поняли, чего им недостает, и даже усомнились в своих действиях. В 1902–1903 гг. в *Журнале метафизики и морали* появилась серия статей о *Кризисе либерализма*, где говорились, в частности, о монополии на образование. Но настоящий кризис либерализма разразился несколько позже, в период между двумя мировыми войнами.

Вместе с тем кто сегодня осмелится сказать, что либерализм, изгнанный из сферы политики и практической деятельности, интеллектуально ослабленный, окончательно умер? Он представляет собой нечто большее, чем период политического развития, чем проявление изощренности одного общественного класса, использующего его в ка-

честве щирмы. Он был идеалом западной цивилизации и, хотя и был предан, остается в нашем наследии, в нашем языке и рефлексах. Всякое наступление на личные свободы продолжает нас возмущать и поражать. Даже в политическом смысле, перед лицом авторитарно-ю и технократического государства, в обществе, принижавшем личность, определенный вид либерализма анархистского толка все еще продолжает существовать не только на Западе, но и во всем мире, действуя от имени отдельного человека и его прав.

Глава 2. Христианство, гуманизм, научная мысль

Духовная и интеллектуальная жизнь Европы протекает под знаком перемен. В поисках лучшего миропорядка происходят резкие перемены, скачки, бури.

Вместе с тем все эти бросающиеся в глаза события не должны мешать нам увидеть преемственность духовного и цивилизационного развития Европы, что особенно заметно на примере эволюции европейской мысли от Фомы Аквинского до Декарта, от Возрождения и Реформации до Великой Французской революции. Даже промышленная революция, вызвавшая настоящий переворот в умах и образе жизни, не смогла затронуть всех материальных и духовных основ общества.

Христианство

Все религии меняются, однако каждая по-своему. Они представляют собой особый мир со своими преданными сторонниками, догмами, оригинальными особенностями.

Христианство Запада было и остается важнейшей составной частью европейской мысли и даже рационализма, который возник из христианства и одновременно против него. В течение всего исторического развития Запада христианство оставалось в центре цивилизации, было его движущей силой даже тогда, когда цивилизация увлекала его за собой или деформировала; христианство было объединяющим фактором и тогда, когда пытались оторваться от цивилизации. Ведь думать иначе, чем друтой, значит оставаться в его орбите. Нынешний европейец, в массе своей атеист, все еще остается приверженным христианской этике, фундамент его поведения заложен в христианской традиции.

Подобно Монтерлану, который говорил, что он «католической крови», европейец может сказать, что он «христианской крови», хотя и не сохранил прежнюю веру.

- **Начав** распространяться в Римской империи, христианство стало затем ее официальной религией, что произошло после эдикта императора Константина в 313 г., через три столетия после рождения Христа.

Римская империя (иными словами, все страны Средиземноморья и некоторые страны расположенные вблизи Европейского континента)

та) оказалась тем пространством, в котором получила развитие молодая победившая религия. Поль Валери называл это пространство «христианским», желая обратить внимание на связь христианства с почвой, хлебом, вином, зерном, виноградом и даже с елеем. Иначе говоря, географической основой христианства стало Средиземноморье, границы которого христианская конфессия затем пересекла.

Таким образом, еще до нашествий V в. и до катастроф, вызванных победами ислама в период VII—XI вв., у христианства оказалось достаточно времени для адаптации, если так можно сказать, к римскому миру, для формирования собственной иерархии, для усвоения различий между временным, материальным фактором («что принадлежит Цезарю») и фактором духовным, для ведения баталий вокруг догматов веры, что было вызвано как хитросплетениями и ловкостью греческого ума и языка, так и необходимостью уточнить теологические основы христианства, зафиксировать его догмы, определить последствия их принятия.

Этой трудной и кропотливой работой занимались первые Церковные соборы (Никея, 325 г.; Константинополь, 381 г.; Эфес, 431 г.; Халкедония, 451 г. и др.), а также Отцы церкви, *апологеты христианского учения*, которые еще до Константина боролись против многобожества, *догматики* и определили христианскую доктрину в процессе борьбы против разного рода раскольнических сект. Блаженный Августин не был последним из этой когорты (некоторые толкователи полагают, что череда выдающихся церковных деятелей продолжалась вплоть до VIII и даже XII в.), но он был, безусловно, наиболее значительной фигурой среди церковных деятелей Запада. Бербер по происхождению, он родился в 354 г. в африканском городе Тагасте (ныне Сук-Арас) и умер на посту епископа в Гиппоне (ныне Аннаба, Алжир) в 430 г. во время осады города вандалами. Блеск написанных им трудов (*О граде Божием*, *Исповедь*), его противоречия, его желание совместить веру и ум, иными словами, совместить античную и христианскую цивилизации, влить старое вино в новые меха — все это делает его в некотором смысле рационалистом. Вера для него главное. И тем не менее он говорит: я верую, чтобы понять. И добавляет: если я опираюсь, я существую. У него же можно прочитать, что, если он сомневается, значит, живет. Не нужно сравнивать эти утверждения, сформулированные задолго до Декарта, со словами последнего: «Я мыслю, значит, я существую». Однако у них есть нечто общее. Последующие века обращались к Блаженному Августину прежде всего как к богослову, делали акцент на его утверждениях о предназначении. Вместе с тем его учение способствовало развитию западного христианства,

хотя бы в той его части, где речь идет о необходимости **обращаться** в веру только после зрелого размышления, с намерением **действовать** в соответствии с верой.

Можно заключить, что, когда наступил период нашествий с его апокалиптическими катастрофами, церковь уже вышла из младенчества. К V в. с его несчастьями она уже укрепила свои позиции, утвердилась в качестве цивилизации античного мира, который она в известной степени спасет, спасая саму себя.

- Церковь спасла себя в рушаемся мире, но для этого ей пришлось совершить тысячи подвигов.

Обратить в свою веру захватчиков; продолжить обращение в христианство крестьян или помещать им отдалиться от церкви; **обратить** в свою веру жителей новых регионов, на которые **распространялось** влияние Запада; сохранить свою иерархию и поддерживать **авторитет** Рима и Римского епископа, т.е. Папы, в период, когда феодальный строй раздробил единое пространство Запада на мелкие и мельчайшие владения и епископства; продолжить вести идейную борьбу, наиболее известным проявлением которой было противостояние духовенства и империи, закончившееся Wormским конкордатом (1122). В общем и целом это был гигантский, постоянно возобновляемый и кропотливый труд, отмеченный поражениями и необходимостью все начинать сначала, поскольку все подвергалось сомнению. Развитие монастырской жизни (бенедиктинцы, цистерцианцы) способствовало материальной и духовной колонизации сельской местности в XI—XII вв., а вслед за тем, благодаря проповедям францисканцев и доминиканцев, евангелизации городов (XIII в.).

Каждый век был ознаменован своими баталиями, решением своих задач: XIII в. — борьба с катарской ересью; бурный XV в. — борьба между Церковными соборами и папством; XVI в. — начало Реформации, одновременное развитие Контрреформации, проводимой иезуитами, евангелизация Нового Света, авторитарные решения Тридентского собора (1545—1563); XVII в. — янсенисты; XVIII в. — ужесточившаяся борьба с определенной формой атеизма, которая оказалась опаснее волюнтаризма предшествующего века. Это борьбу церкви не удалось закончить в том же веке из-за разразившейся в конце века Французской революции.

Помимо борьбы со своими идеологическими противниками церковь была вынуждена постоянно противостоять дехристианизации населения, которая зачастую выступала в форме обыкновенного от-

ступления цивилизации. Во всех регионах, удаленных от оживленных путей сообщения (в Альпах, например, или в окраинных районах Европы: Мекленбург еще в XIII в., Литва и Корсика в XV—XVI вв.), по-прежнему возникали те или иные языческие культы: то культ змеи, то культы мертвых или звезд, не говоря уже о разного рода подпитываемых местным фольклором предрассудках, которые церковь, не имея возможности искоренить окончательно, просто прикрывала «легкими одеяниями».

В качестве средств доказательства истинности веры церковь использовала все, что возможно: проповеди, предсказания, административные ресурсы, религиозное искусство и театральные действия, чудеса, почитание святых; это последнее достигало иногда таких масштабов, что вызывало беспокойство самих служителей церкви и заставляло их вмешиваться.

В 1633 г. два монаха-капуцина говорили, что «святая Антоний Падуйский воспринимается в Лиссабоне как божество... Бедные выпрашивают милостыню исключительно от его имени... и в случае возникновения какой-либо опасности ссылаются исключительно на него. В их представлениях святой Антоний — это все, это их путеводная звезда и, как говорит один проповедник, это их святой, который помогает во всех случаях жизни: стоит какой-то женщине потерять иголку, то она ее находит, только если обращается к святому». Мода на святого Антония распространилась даже за моря: французский путешественник отмечал спустя столетие, что в Бразилии он пользуется «невероятной популярностью».

Действительно, предрассудки народных масс оказываются способны подорвать изнутри, скомпрометировать религиозную жизнь, исказить сами основы веры. В этом случае все приходится начинать сначала.

Когда святой Хуан де ла Крус обосновался со своими двумя единомышленниками в местечке Дурвело в Кастилии, где святая Тереза основала первый монастырь кармелиток, то им пришлось вести суровый образ жизни, причем не запираясь в стенах монастыря, а занимаясь миссионерской деятельностью: «Зачастую они бродили по дорогам босыми, и проповедовали Евангелие крестьянам, обращаясь к ним, как к дикарям...» Не является ли этот пример лучшим доказательством того, что даже в христианской стране евангелизацию населения приходилось постоянно начинать заново?

Итак, распространение христианства осуществлялось на двух уровнях: на уровне духовной жизни, где религия отстаивала свое учение от нападок противников, действовавших часто из лучших побуж-

депний, и на уровне воздействия на массы, изолированность и **трудный**, быт которых способствовали ослаблению у них религиозного чувства, отдалению от основ веры.

- Распространение религии шло не просто: удачи сменялись поражениями, длительными периодами застоя. Проследить этот процесс представляется сложным делом, так как повседневная религиозная жизнь трудно поддается наблюдению. Однако в целом можно представить себе общую картину.

С X по XIII в. влияние христианства шло по нарастающей. Свидетельством этого может служить строительство множества церквей и монастырей: перковь развивалась одновременно с экономическим ростом и социальным развитием Европы, которая в ту пору была полна жизни и демонстрировала признаки процветания. Затем наступил период черной чумы, повлекшей за собой катастрофический регресс. Развитие пошло вспять, и прогресс христианства оказался приостановленным: сражения и смуты *Столетняя война* (1337—1453), как ее называют историки, отразились на ситуации не только в Англии и Франции, но и в других странах Запада.

Начиная со второй половины XV в., поступательное движение христианства возобновилось, и оно продолжило распространяться по всей Европе, вновь обретшей мир, хотя смутная тревога в обществе сохранялась. Примерно с 1450 по 1500 г. отмечались *беспокойные времена* (по выражению Люсьена Февра), которые историки ошибочно назвали **Прелреформацией**. Ошибка заключается в том, что всеобщая духовная смута той эпохи не означала непосредственного появления «протестантского» и протестного настроения, свойственного Реформации. В странах, которые впоследствии остались приверженными Риму, чувство религиозного дискомфорта привело к «Реформации» другого толка — реформации католической, которую историки называют обычно Контрреформацией. Как это часто бывает, выбранное название оказалось не совсем удачным.

Но, как бы там ни было, XVI и XVII вв. прошли под знаком религиозных страстей, ожесточенных духовных споров, пакал которых не должен вызывать удивления: так было во времена мадам де Севинье, Паскаля, Расина, когда противостояние между риторизмом яansenистов и более простой, терпимой и человеческой моралью иезуитов было наиболее острым.

В XVIII в. вновь наблюдается откат церкви. На сей раз материальный подъем был не на ее стороне. Он способствовал развитию науч-

ного и философского движения, направленного против церкви и действовавшего от имени прогресса и разума.

Гуманизм и гуманисты

Понять эволюцию европейской мысли можно только в рамках ее диалога с христианским учением даже тогда, когда этот диалог приобретает характер ожесточенной дискуссии. Это замечание является основополагающим для понимания *гуманизма*, представляющего собой важнейший аспект всей западной мысли.

* Вначале скажем о самом определении в слове «гуманизм» есть некая двойственность, и здесь необходимы уточнения и пояснения.

Гуманизм — «ученое» слово, созданное в XIX в. немецкими историками (точная дата — 1808 г.). Пьер де Нолак, автор труда *Петрарка и гуманизм*, утверждал, что «именно ему принадлежит честь введения этого понятия в научный обиход в 1886 г., когда он его впервые использовал в своей лекции в Школе высших научных исследований». Таким образом, само слово «гуманизм» появилось с *опозданием* и уже только поэтому стало предметом интерпретаций, иногда справедливых, а иногда нет. До той поры в обиходе было слово «*гуманисты*», обозначавшее определенную группу людей, которые в XV и XVI вв. сами себя так называли.

Но слово «гуманизм» вышло за пределы понятий «гуманисты» и «дух итальянского и европейского Возрождения». Оно стало обозначать именно это, а также нечто более широкое и вошло в современный язык существенно обогащенным: когда в 1930 г. было проведено соответствующее исследование, то оказалось, что существуют *новый гуманизм, христианский гуманизм, чистый гуманизм и даже научный и технический гуманизм*... Если подобное обследование провести сегодня, то оно даст те же результаты. Это означает, что некогда ученое слово в наши дни стало общепотребительным, значимым, отвечающим на запросы общества.

В историческом плане говорят о гуманизме XII в. (что подразумевает схоластику), о гуманизме эпохи Возрождения и Реформации, о гуманизме Французской революции (оригинальность и богатство которого мы объясним позднее), о «гуманизме Карла Маркса и Максима Горького» (современный историк) ...Можно спросить себя, что объединяет все эти «гуманизмы», если не необходимость и заинтересован-

ность в том, чтобы очертить этим понятием многообразие возникающих проблем.

Быть может, было бы разумным воспользоваться определением Отюстена Реноде, специалиста по тосканскому и европейскому гуманизму, который трактовал его настолько широко, что оно подходит ко всему: «Именем гуманизма можно определить этику человеческого благородства. Будучи направленной одновременно на научные исследования и практику, она признает и восхваляет величие человеческого гения, могущество его творений, противопоставляет свою силу грубой силе неодушевленной природы. Главное — это усилия личности по развитию в себе при помощи строгой и методичной дисциплины всех присущих человеку качеств, которые возвеличивают человека и прославляют его деяния. Как говорил Гете в начале *Второго Фауста*, нужно постоянно стремиться достичь высшей формы существования. Похожие слова говорил Стендаль художнику Делакруа (31 декабря 1830 г.): «Не упускайте ничего, что может сделать вас великим». Такая этика человеческого благородства способствует усилиям общества по созданию усовершенствованных человеческих отношений. Это огромный труд, важнейшее культурное завоевание, научные достижения в области изучения человека и мира. Направленные таким образом усилия лежат в основе индивидуальной и коллективной морали, в основе права и экономики. Они сказываются и в политике, питают искусство и литературу».

Это прекрасное определение должно быть достаточным. Но оно не в полной мере отражает само направление движения. Этьен Жильсон обратил свое внимание именно на этот момент, но высказался при этом излишне резко: говоря о гуманизме Возрождения, он назвал его Средневековьем, в котором «не то чтобы *больше* человека, но *меньше* Бога». Данная формула несправедлива, презерна, но при этом обозначает естественный, сознательный или бессознательный, путь развития всякого гуманизма: гуманизм возвеличивает человека, освобождает его, но при этом уменьшает долю божественного, хотя и не забывает Бога полностью.

Можно также утверждать, что до некоторой степени гуманизм всегда означает *против* чего-то: против эксклюзивного подчинения Богу; *против* одной только материалистической концепции мира; *против* любого учения, которое недооценивает или кажется, что недооценивает человека; *против* любой общественной системы, которая преуменьшает ответственность человека... Гуманизм — это постоянное требование. Это плод человеческой гордыни.

Кальвин, который был не из тех, кто верит прежде всего в человека, утверждал, что главное — это вера.

Для гуманиста все наоборот. Его вера, если она у него есть, должна учитывать веру в человека. Именно в соответствии с традициями европейского гуманизма нужно понимать слова социолога Эдгара Морена, вышедшего из рядов компартии: «Марксизм изучал экономику, общественные классы; это прекрасно, но он забыл изучить человека».

- * Гуманизм есть порыв, борьбы за постепенное освобождение человека, постоянное внимание к возможностям улучшения или изменения судьбы человека.

История гуманизма сложна и многообразна, на пути его развития случались остановки, отступления, противоречия, которых так много в прошлом Европы.

Создается впечатление, что Европа всегда находилась в бесполом поиске *иного* решения проблем и трудностей, чем то, которое ей предлагалось в тот или иной момент истории. Отсюда ее почти болезненное стремление к новому, трудному, даже запрещенному, к скандалу; относительно последнего Запад может предоставить огромное количество информации.

За неимением места остановимся на трех особо значимых примерах: *гуманизм Возрождения*, *гуманизм Реформации*, которая по времени почти совпадает с эпохой Возрождения, и удаленный от них во времени *пылкий гуманизм Французской революции* (XVIII в.).

- Гуманизм Возрождения представляется как диалог Рима с Римом, языческого Рима с Римом Христа, античной цивилизации с христианской цивилизацией.

Это был один из наиболее богатых по смыслу и значению диалогов, который когда-либо знавал Запад (впрочем, он никогда не прерывался).

/. Речь идет о том, чтобы жить, вновь начать жить с предками. Часто цитируют решающую фразу Макиавелли, которой он заканчивает свой труд «Об искусстве войны»: «Эта страна (имеется в виду, конечно, Италия. — Авт.) кажется рожденной для того, чтобы воскрешать мертвые вещи». Но эти мертвые вещи, если их воскрешать, являются доказательством того, что жизнь в них нуждается, что они под рукой, что они вовсе не умерли.

По правде говоря, языческий Рим так никогда и не ушел в небытие на Западе. В своей книге, написанной с удивительной точностью де-

такой, Эрнст Курциус показал удивительную живучесть цивилизации империи, у которой Запад заимствовал темы литературных произведений, умонстроения, привычки, метафоры.

Тот факт, что христианская Европа свыклась с ежедневным соседством античного Рима, тем более естественен, что у нее не было альтернативы, поскольку не существовало никакой другой конкурирующей цивилизации. К тому же христианство некогда добровольно согласилось с подобною рода *сосуществованием*, и произошло это еще до падения Римской империи. Во II в. святой Юстин говорил, что благородная идея, «откуда бы она ни пришла, может стать достоянием христиан». Святой Амвраз, в свою очередь, утверждал: «Всякая правда, кто бы ее ни высказывал, идет от Святого Духа». Один только Тертуллиан восклицал: «Пу что общего между Афинами и Иерусалимом!» Но его голос не был услышан.

Тем не менее, если античное наследие и стало неотъемлемой частью повседневной жизни, умонстроений и языка западного Средневековья, то литература античности, ее поэты, философы и историки редко возбуждали интерес тогдашней интеллектуальной элиты. Если латынь по-прежнему оставалась живым языком, то греческий был почти забыт. В самых богатых книжных собраниях античные манускрипты пылились на полках. По именно за этими древними текстами гонялись гуманисты, стремясь их прочесть, издать, прокомментировать. Их задача состояла в том, чтобы вдохнуть жизнь в творения и язык предков — греков и латинян, с которыми им предстояло в буквальном смысле жить вместе.

Опять же никто лучше, чем Макиавелли, не сказал то, что он выразил во время своего второго изгнания (1513) уже на закате жизни. В ту пору он оказался окруженным крестьянами, лесорубами. «Вечер наступил, и я возвращаюсь домой. Я вхожу в библиотеку и уже на пороге освобождаюсь от заляпанной грязью повседневной одежды, чтобы переодеться в одежды королевского двора... И уже в подобающем облачении я проникаю в мир предков: они любезно встречают меня, и я вкушаю пищу, которая мне приятна и для которой я рожден; я не стыжусь разговаривать с ними, спрашивать их, почему они действовали так, а не иначе. Они отвечают мне от имени своего гуманизма».

Гуманизм Возрождения вдохновлен такого рода чтением, этим непрекращающимся диалогом: Рабле, Монтень являются гуманистами именно в этом смысле; их книги есть лучшее тому свидетельство, поскольку они заполнены воспоминаниями о прочитанном... Рядом с каждым гуманистом можно увидеть кого-то из древних, который ве-

дет его за руку, объясняет или разоблачает. Эразм Роттердамский, которого называли принцем гуманистов, это не кто иной, как Луций, говаривали его враги. «Луцианцами» были также Рабле, Бонавентюр Деперье, а вот у Макиавелли есть многое от Полибия...

2. Затруднительно точно датировать это направление мысли. Наше искусственное слово «гуманизм» и гуманизм Возрождения (которое, впрочем, тоже было искусственно создано Жюлем Мишле и Якобом Буркхардтом) используются двояко. Два направления мысли совпадают во времени в пространстве.

Безусловно, Авиньон дал толчок развитию гуманизма, а вместе с ним и породил Возрождение. Авиньон, жизнь в котором оживает с возвращением Петрарки (1337), благодаря присутствию здесь римских понтификов долгое время оставался наиболее «европейским», наиболее роскошным городом Запада (даже после возвращения пап на римский престол в 1376 г. он оставался пристанищем анти-пап, сохранял былую роскошь и влияние). Однако собственно Возрождение в полной мере расцвело во Флоренции, обеспечив «культурную гегемонию» этого города: она сохранялась вплоть до смерти Лоренцо Великолепного в 1492 г. и даже позднее — до взятия города войсками императора и Козимо де Медичи в 1530 г.

Хронологические границы данного периода (1337—1530) вполне подходят для датировки интересующего нас направления мысли, которое затронуло не только Италию, но *Запад в целом*: последний принцип гуманизма Эразм родился в Роттердаме в 1469 г. и умер в Базеле в 1536 г.

Но понять в полной мере эти два века истории можно только тогда, когда мы затронем предшествующий исторический период (до 1337 г.) и обратимся к последующим годам (после 1530 г.).

Обратиться к *предшествующим годам* нас заставляет то обстоятельство, что на самом деле не существовало полного разрыва между Средними веками и эпохой Возрождения (еще вчера думали иначе). Возрождение — это не противоположность средневековой философии, как бы ни относились гуманисты к схоластике. «Еще пятьдесят лет тому назад, — писал историк (1942), — между Средневековьем и Возрождением видели ту же разницу, что и между белым и черным, между днем и ночью, т.е. полное различие. Затем, в силу многих причин, границы между двумя эпохами оказались настолько стертыми, что понадобился компас, чтобы их определить».

Обратиться к последующим годам нас заставляет понимание того, что человек и свободолюбивая цивилизация Возрождения, столь ценимые сегодняшними либеральными умами, не умерли вместе с Эразмом

в 1536 г., не были изгнаны холодными ветрами религиозных войн, продолжавшихся целое столетие и даже больше.

Конечно, в доследующий период победное шествие идей Возрождения приостановилось. Но когда мы говорим о реалиях цивилизации, то имеем в виду, что два века для развития цивилизации — это всего лишь мгновение. В этом смысле и в долговременной перспективе гуманисты победили. Во-первых, они одержали победу в сфере образования, поскольку античность осталась и в наше время хлебом насущным для образовательной системы. Мы еще только начинаем менять ее. Во-вторых, благодаря их самоотверженному труду Европа поверила в величие и ум человека; эта вера еще долго будет оставаться побудительным мотивом для развития мысли на Западе.

Хотя гуманизм был делом жизни узкого круга лиц (латинистов, эллинистов, специалистов по еврейскому языку, к которым принадлежали Томас Платтер, Пико дела Мирандола и Гийом Постель), делом «избранных мыслителей», его распространение не ограничилось несколькими городами или королевскими дворами, каким был, например, блестящий двор Франциска I. Эти немногочисленные умы жили в разных районах Европы, находились в переписке друг с другом (так, эпистолярное наследие Эразма — естественно, на средневековой латыни — насчитывает 12 томов). Вся Европа была так или иначе затронута этим направлением мысли: в первую очередь Италия, а также Франция, Германия (не забудем при этом особую роль Богемии), Венгрия, Польша, Нидерланды, Англия... Список гуманистов той эпохи мог бы занять несколько страниц, но во Франции, например, они составили группу «королевских читателей», которым Франциск I поручил читать студентам научные дисциплины, не преподававшиеся в университете; впоследствии этот преподавательский корпус стал основой Коллежа де Франс.

3. Был ли гуманизм Возрождения борьбой с христианством? Было ли это направление мысли направлено в сторону атеизма и отказа от религии? Можно ли видеть в Макиавелли, Рабле или Монтенес предшественников свободы мысли?

Наверно, считать так означало бы смотреть на эпоху Возрождения нашими глазами. Конечно, Возрождение отказалось от распространенного в то время традиционного обучения схоластике и теологии. Оно вдохновлялось языческой по духу античной литературой, а для направления, в котором развивалась мысль и которое мы связываем с Возрождением, было характерно возвышение человека. Но вместе с тем из этого нельзя делать вывод, что, будучи нацелено на человека, оно выступало обязательно против Бога или церкви.

Тщательное и кропотливое исследование творчества Рабле, проведенное Люсьеном Февром, показывает, что во времена Рабле было невозможно или по меньшей мере крайне трудно прийти к подлинному философскому атеизму: умонастроения эпохи этого не позволяли. Этого не позволяли ни соответствующий научный аппарат, на тогдашние исследования, ни само состояние науки. К тому же Возрождение как направление мысли, хотя и не **принебрегало** собственно научными исследованиями, не ставило их в центр своих интересов.

Говоря об атеизме, нельзя сделать никакого заключения, если не учитывать **настроение**, дух, атмосферу той далекой эпохи: близкая нам по времени полемика вокруг этого вопроса — это скорее результат более поздних дискуссий историков.

Известный диалог Лоренцо Балла *De Voluptate* (1431), который в то время вызвал настоящий скандал, был по сути диспутом между *эпикурейцами и стоиками*. Эти последние были до той поры в моде, вот почему понадобилось поддержать эпикурейцев. По существу, мы имеем дело с литературной дискуссией, в конце которой автор делает заключение о сверхъестественном характере христианства.

Это можно было бы назвать лицемерием. Но мы не можем перекраивать историю на свой лад и не учитывать того обстоятельства, что атеизм сформировался позднее, опираясь на солидную материалистическую научную базу. В XVI в. отрицание Бога еще не было составной частью **забот, желаний, тем более потребностей** людей.

Столь же поспешным было бы оценивать Макиавелли как язычника только по той причине, что *он* выступал с критикой церковников и самой церкви, которые сделали нас «неверующими и плохими», или упрекать христианство за то, что оно «**освятило** обездоленных и склонных к созерцанию людей, объявило покорность высшей добродетелью... тогда как религиозные верования античности считали высшей добродетелью величие души». Было бы более справедливым упрекнуть Макиавелли за то, что он пошел на поводу у своего страшного времени и вывел политику из-под воздействия морали, где она, впрочем, до сегодняшнего дня и остается...

Схожим образом необходимо также уточнить роль Академии, основанной Лоренцо Медичи. Это была неоплатоновская Академия, опиравшаяся на идеалистическую философию Платона и выступавшая против учения Аристотеля; быть может, она занималась поисками некоего *компромисса* между античностью и христианством. Но тот факт, что Никодема *Мираandola*, посещавший ее, выступил с речью о достоинстве человека — *De Dignitate hominis*, — не мешал ему мечтать, что в конце своей жизни (увы, слишком короткой) он станет проповедовать

Евангелие и с этой целью «будет ходить босым по городам и деревням с распятием в руке», чтобы затем быть похороненным в одеянии доминиканца. Это еще один пример того, что называют *религиозным гуманизмом*. То же можно сказать и о падуанце Пампонаzzi, которого одни считают атеистом, а другие выражают по этому поводу серьезные сомнения. Пример Бонавентура Делсире, странного персонажа и автора *Symbalum Mundi* (1537—1538), был рассмотрен в прекрасной книге Люсьена Февра (1942). Заключение: если Меркурий в его диалогах есть не кто иной, как Христос, что наверняка так и есть, то здесь мы сталкиваемся с критикой Христа, а это — признак атеизма. Значение этой книги нельзя ни заматывать, ни слишком превозносить, так как она по тем временам является уникальной.

Филипп Монье, живо интересовавшийся историей флорентийского *Кватроченто**, утверждает, что гуманизм, зачарованный престижем древних, «копирует их, подражает им, повторяет их, принимает их модели, их примеры и богов, а также их дух и их язык»; что «подобное направление мысли, будучи доведенным до логического завершения, попыталось бы просто напросто ликвидировать христианство как явление». Если следовать *нашей* логике, то так оно может быть и есть. Но логика XV и XVI вв. могла быть иной. «Было бы неправильно, — пишет социолог Александр Русов, — заниматься поисками антагонизма такого рода, когда победа античности над церковью уже завершалась и происходила внутри самой церкви. Разве Рим не стал центром распространения идей Возрождения, разве сами Папы не были инициаторами этого движения? Ведь не кто иной, как папа Александр VI уничтожил Савонаролу, этого врага гуманистов во Флоренции, которого сожгли на костре 20 мая 1498 г. Кроме того, античность, ожившая в сознании людей, оказалась веротерпимой. Независимо от их убеждений, греческие философы принимали участие в религиозных празднествах и почитании богов. Так почему же их последователи должны были обязательно выступать против церкви, которая не была к ним слишком враждебна? Как сказал Эразм: «Святой Сократ, помолись с нами!»

3. Возрождение отдалается от христианства Средневековья в своих идеях, в меньшей степени, чем в самой жизни.

Возрождение, если так можно сказать, представляет собой культурное, а не философское предательство. Оно существовало в атмосфере всеобщей радости: радовались тому, что видели, о чем думали, радовались телу. Создавалось впечатление, что Запад завершил многовековой пост.

* То есть XV века, периода Раннего Возрождения. — *Примеч. ред*

Возрождение — это социология и философия радости. В истории редко происходит так, чтобы люди испытывали ощущение, что они живут в счастливую эпоху. «Думай о смерти» периода Средневековья сменяется «Думай о жизни». Созерцание смерти, танцы смерти, характерные для конца XV в., исчезли как по мановению волшебной палочки, как если бы Запад разделился на части (в том смысле, какой Мишель Фуко придает этому слову), т.е. отказался размышлять о смерти. Эти перемены можно проследить в т.н. трактатах о доброй смерти: смерть постепенно перестает быть смертью, ниспосланной небесами, иначе говоря, спокойным переходом к лучшей жизни, к подлинному существованию; смерть становится земным уделом, тлением, человеческой смертью, высшим испытанием, достигаемым человеком. Уже никто больше не повторяет вслед за Блаженным Августином: «Мы здесь только путешественники, вздыхающие о смерти». Но одновременно никто больше не думает, что «эта жизнь скорее смерть, чем жизнь, что это нечто наподобие ада». Жизнь обретает присущую ей ценность.

Человек должен организовать собственное царство на земле, и это новое убеждение властвует над развитием «всех позитивных сил современной культуры: освобождение мысли, презрение к властям, победа умственного развития над привилегией рождения (по терминологии Кватроченто, это победа концепции *humanitas* над *nobilitas*), рост интереса к науке, высвобождение индивидуума...» (Ницше).

Гуманисты осознавали суть происходящих перемен. Как говорил Марсилио Фичино (1433—1499), «вне всякого сомнения, вот и наступил золотой век». В 1517 г. Эразм сказал примерно то же самое: «Нужно пожелать удачи этому веку: это будет золотой век». В своем знаменитом письме нюрнбергскому гуманисту Виллибальду Пиркхеймеру Ульрих фон Гуттен писал 28 октября 1518 г.: «Какой век! Какие письма! Как приятно жить!» Я даже не осмеливаюсь вновь упоминать Телемское аббатство Рабле, настолько этот пример широко известен. И тем не менее...

Никто не будет сегодня отрицать тот факт, что осознание многочисленных возможностей человека заранее подготовило все революции современного мира, равно как и атеизм. Но гуманисты были слишком заняты организацией собственно царства, чтобы подумать о необходимости осматривать Царство Божие.

Начиная с первой трети XVI в. развитие и радость жизни Возрождения начали замедляться. На авансцену Запада вышли «грустные люди». Как и любая эпоха радости, сияющего солнца, любой период счастья или веры в счастье (вспомним век расцвета Александрии, век

Августа, Век Просвещения), эпоха Возрождения длилась относительно короткий отрезок времени.

- Протестантский гуманизм. Движение Реформации зародилось в период между XV и XVI вв. Оно утвердилось в момент появления на вратах церкви в **Виттенберге (31 октября 1517 г.)** списка Лютера, содержащего 95 его предложений.

Реформация сопровождалась катастрофическими религиозными войнами. Они начались в Германии в год смерти *Лютера (1546)* и закончились лишь век спустя в 1648 г. Войны затронули и другие страны, оставляя после себя чудовищные разрушения. Делались попытки прийти к компромиссу, но они всегда запаздывали, а сам компромисс оказывался *непрочным*: **Аугсбургский мир (1555)**, **Вестфальский мир (1648)**, **Карловский мир (1699)**. Однако тысячи людей (в отличие от движения гуманистов и Возрождения движение Реформации немедленно охватило широкие массы), тысячи мужчин и женщин, защищая свою веру, оказались втянутыми в гражданскую

Рис. 1. Распределение европейского христианства

войну, стали жертвами репрессий (Нидерланды во времена Филиппа II; Франция во времена прекращения действия Нантского эдикта (1685) и восстания в Севенах), вынуждены были эмигрировать либо в Новый Свет, либо в страны, где жили их единоверцы.

К началу XVIII в., а кое-где и раньше, воинственный пыл противоборствующих сторон угас. Протестантизм выжил и дошел до наших дней. Сегодня его особый гуманизм затрагивает значительную часть западного мира, прежде всего англо-саксонские и германские страны. Однако четко обозначить этот род гуманизма оказывается затруднительно, поскольку не существует единой протестантской церкви, их множество: сколько типов людей, столько и протестантских гуманизмов. Тем не менее все они имеют общее начало, особенно если их сравнивать с их соседом, католическим Западом.

Нас интересует не Реформация сама по себе, а Реформация в качестве наследия, доставшегося современной Европе. Поэтому мы не будем долго останавливаться на классической истории Реформации и протестантизма. Желающие могут обратиться к книге Эмиля Леонара.

Синтервалом в двадцать лет два протестантизма, две его длинных «волны» последовали одна за другой: одна была ознаменована проповеднической деятельностью Мартина Лютера (1483—1546), вторая — осмысленной и авторитарной деятельностью Кальвина (1509—1564). Эти два человека не имели друг с другом ничего общего. Лютер — крестьянин из пограничных областей германского Востока. В его умственном бунте было нечто прямое, сильное, естественное, свойственное деревенскому жителю, крестьянину по духу. Четкая и простая позиция молодого Лютера — это романтическая и революционная позиция, которой свойственно следующее: разоблачение злоупотреблений, соглашательской позиции; поиск выхода из ситуации за счет искупления грехов верой («праведник спасется через свою веру»); довольствоваться сиюминутными эмоциональными порывами, не заботясь об их последующем тщательном упорядочении. «Господь этого долго не потерпит, — восклицает он. — Сегодня — это не вчера, когда людей гоняли, подобно дичи». Однако Лютер не сумел удержаться на своей позиции противостояния власти имущим, богатым. В 1525 г. он отказал в поддержке восставшим немецким крестьянам, которые поднялись на борьбу в регионе между Эльбой, Рейном и Альпами во многом под воздействием его проповедей.

Кальвин был его противоположностью; городской житель, ученый муж с холодной головой, терпеливый и энергичный организатор, юрист, всегда стремящийся дойти в своих размышлениях до логического конца. Предопределение Лютер воспринимал как откровение;

Кальвин, со своей стороны, делал его частью уравнения, просчитывал последствия. Во все времена избранные (делегаты) выбирались: так не должны ли они управлять другими? Кальвин сделал это в Женеве, причем сделал твердой рукой, ссылаясь на дух смирения, покорности (1536—1538); это же сделал и Кромвель в жестких условиях пуританской Англии.

Это два основных вида протестантизма. У них разные ареалы, но между ними и много общего: разрыв с Римом и культ святых; ликвидация монашеского духовенства; число таинств, уменьшенное с семи до двух: святое причастие и крещение. Впрочем, в вопросе о святом причастии имеются разночтения.

Цельзя упускать из виду и то, что в упрощенном виде называют маргинальным протестантизмом (на самом деле существует довольно много его разновидностей): гуманистический протестантизм (Цвингли в Цюрихе, Эколампад в Базеле, Генрих VIII в Англии); «пие-тистский» протестантизм анабаптистов, который подвергался суровым гонениям.

Была ли граница между католическими и протестантскими мирами обусловлена только случайностями их противостояния? При этом заметим, что и сегодня она представляет собой характерную особенность европейской цивилизации.

Европа, подобно древесному стволу, формировалась кольцами, причем каждый из них имеет свой возраст. Сердцевина европейского дерева, его самая старая часть — это пространство, завоеванное и цивилизовавшее Римской империей, когда она начала распространяться на запад и север до Рейна и Дуная, с одной стороны, и до Британских островов — с другой (впрочем, Рим удерживал только часть островов, прежде всего Лондонский регион).

За пределы этих границ европейская цивилизация вышла уже позднее, *после падения Римской империи*: новые цивилизованные пространства представляют собой как бы новые, поверхностные древесные «кольца». Средневековый Запад *колонизировал*, в благородном смысле слова, этот близкий к нему мир, построив здесь церкви, направив сюда миссионеров. Аббатства и епископства далекого Рима стали оплотом этой колонизации.

Случайно ли, что прежние границы Римской империи, границы между старой Европой и Европой вновь колонизированной стали границей (в целом), разделяющей католический и протестантский миры? Безусловно, в основе Реформации лежали чисто религиозные причины: подъем духовных вод, видимый во всей Европе; он обратил внимание верующих на злоупотребления и беспорядок, царящие в церкви, на

недостаточность слишком приземленной веры, в которой было больше жестов, чем религиозного рвения. Это ощущение охватило всю тогдашнюю Европу. Однако старая Европа, более приверженная прежним религиозным традициям, связывавшим ее с Римом, сумела сохранить былые связи, тогда как новая Европа, более молодая, менее однородная, менее приверженная церковной иерархии, пошла на разрыв. Здесь уже угадывается реакция с национальным оттенком.

Последующая судьба обоих миров часто являлась источником сектантской гордости. Добродетелями протестантизма объяснялся подъем капитализма и развитие научной мысли, т.е. существование современного мира. Соответствующие позиции протестантизма и католицизма можно объяснить более разумным образом, в контексте экономической и общей истории.

Очевидно, что протестантизм внес свой особый, присущий только ему вклад в развитие европейской культуры.

Чтобы определить этот вклад, нужно отличать воиствующий протестантизм XVI в. от победившего протестантизма XVIII в.

Начавшись под знаком свободы и бунта, Реформация вскоре увязла в той же нетерпимости, в которой упрекала своего противника. Она заключила себя в рамки столь же строгие, что и средневековый католицизм, где «все подчинено иерархии сверхъестественных ценностей откровения: государство, общество, образование, наука, экономика, право». На вершине построенного здания оказались Книга — Библия, а государство и протестантская церковь выступали интерпретаторами Книги.

Бесполезно говорить, что такой порядок не обеспечивает той религиозной свободы, за которую некогда воевали протестанты. Дисциплина, строгость, железная рука — таковы были принципы, на которых строились первые протестантские церкви как в Базеле, так и в Цюрихе, где деятели Реформации не колеблясь топили анабаптистов, несмотря на свою приверженность идеям Эразма. Схожие публичные казни имели место в Нидерландах. Когда «яписты» вешали, душили, топили несчастных, которые выступали против Святой Троицы, божественной природы Сына божьего, а заодно и против самого государства и богатей, то это соответствовало определенной логике, если не милосердию. Но от чьего имени Реформация поступала схожим образом? Известен трагический пример Мингеля Сервета, испанского врача и протестанта, который был арестован в Женеве после богослужения и, по велению Кальвина, давно за ним следившего, был подвергнут пыткам и сожжен по обвинению в пантеизме и критических высказываниях о Троице. Себастьян Кастельон (1515—1563), гуманист «савояр» и приверженец

либеральной Реформации, возмущался этим фактом в своем памфлете (1554) против хозяина Женевы, которому он некогда служил и которого почитал. Его возмущение было тем более заметным, что никто, кроме него, не понимал в ту пору смысла ошибок и преступлений, которые совершала побеждающая Реформация. «Не существует практически ни одной секты, — писал он, — которая бы не считала других еретиками: если в одном городе или районе считают, что ты следуешь правильному пути, то в другом ты становишься вероотступником. Вот почему, если кто-то сегодня хочет выжить, то он должен придерживаться столько же *вер и религий*, сколько существует городов и сект. Это можно сравнить с путешественником, который, проезжая из страны в страну, вынужден постоянно менять свои деньги, потому что деньги, имеющие хождение в одной стране, не признаются в другой». Сам же он хотел оставить за собой право выбора. «Что же касается анабаптистов, — говорил он далее, — то они вправе сами оценивать то, что они говорят или пишут о слове божием».

Но его голос был гласом вопиющего в пустыне, и он умер в бедности, окруженный лишь несколькими сторонниками. Однако в XVII в., в период борьбы между правоверными кальвинистами и ремонтрантами или социнианцами, его произведения были переизданы в Амстердаме. Причем одна из его работ получила при переиздании характерное название *Савойская свеча*. Действительно, с той поры савояр **Кастельон** стал одной из знаковых фигур, которые определили новый путь, по которому пошел протестантизм.

Этот новый протестантизм благоприятствовал свободе сознания. Строгость догматов постепенно ослабевала, что стало особенно заметно в XVIII в., что объясняется, возможно, ослаблением давления на протестантизм со стороны католицизма, а также ослаблением мощного движения Контрреформации.

Другой причиной была внутренняя эволюция протестантизма в направлении определенной свободы сознания, что соответствовало общей атмосфере века Просвещения, где решающую роль играли развитие научной мысли. Поскольку всегда трудно четко различать причины и следствия, то нельзя с уверенностью говорить о том, способствовал ли протестантизм, вернувшийся к своим духовным истокам и свободному анализу Святого Писания, развитию Европы в сторону духовной независимости или же, напротив, эволюция протестантизма сама объяснялась общим развитием философской и научной мысли Европы. Вероятнее всего, и то и другое одинаково верно.

Нельзя отрицать того, что протестантизм, в отличие от своего соперника — католицизма, волился в общее поступательное движение

этого великого либерального столетия. Но нельзя заматчивать и тот факт, что страны католической традиции, Франция например, оказались во главе этого движения.

Но, чтобы там ни было, *протестантизм начал эволюционировать в направлении свободного анализа, исторической критики священных книг, действительного рационализма*. Он сумел достичь внутренней гармонии, что оказалось крайне важным для него: все маргинальные ответвления протестантизма, ранее подозреваемые во всех грехах (английские пуритане, немецкие и голландские анабаптисты), пачали свободно развиваться. Анабаптисты процветали в Англии под именем меннонитов, затем перобрались в Америку, создали там колонию в бухте Провидения, превратившись впоследствии в одну из основных конфессий США. В конце XVII в. вновь появились те, кого называли Обществом друзей (наследники т.н. «вдохновенных» XVI в.) и кого мир узнал позднее под именем *квакеров*. Вместе с ними Уильям Пени основал в 1681 г. английскую колонию в Северной Америке, получившую название Пенсильвания. В Германии получил развитие *пиетизм*, основанный пастором Ф. Шлегером, который действовал под покровительством будущего короля Пруссии Фридриха (взошел на престол в 1701 г.). Спенер известен также тем, что был одним из основоположников университета в Галле (1681). Вся лютеранская Германия укрепила свои позиции к середине XVIII в. Однако ни одна ветвь протестантизма не получила такого мощного развития, как английские методисты.

Все вышесказанное подчеркивает свободное развитие протестантской мысли в направлении религиозного чувства, *которое более не сдерживалось рамками никакой теологической доктрины*. «Теология перестает быть тем же самым, что и религия», — писал протестантский ученый Фердинанд Бюиссон в 1914 г. — Одна должна была умереть, чтобы позволить существовать другой».

По сути, в этом и состоит нынешнее отличие католических обществ от протестантских. Протестант все время находится наедине с Богом. Он может, если так позволено будет сказать, создать для себя собственную религию, жить с ней, оставаться в гармонии со всем миром верующих, *соответствовать* этому миру. Более того, оно может найти среди многих ответвлений протестантизма то, которое в наибольшей мере отвечает его внутренним потребностям. Можно даже сказать, что различным ипакомыслиям часто соответствуют различные общественные слои.

В этом смысле протестантское общество не знает характерного для современного католического общества раскола между верующими-

ми и неверующими, где каждый должен выбрать для себя либо определенное подчинение своего сознания религии, либо разрыв с церковью, поскольку здесь церковь — это *сообщество*; ты являешься его составной частью или нет. Обязательность выбора альтернативной *позиции* делает *открытыми* духовные конфликты. Напротив, протестантское общество оказывается *закрытым*, когда речь идет о внутренних духовных конфликтах, хотя сами по себе они существуют. Отсюда различия в поведении и отношении к этим вопросам со стороны англосаксов, с одной стороны, и католической Европы — с другой.

- Гуманизм, вдохновленный революцией. Европа была и остается революционной. Вся ее история это подтверждает. Но в то же время Европа была и остается контрреволюционной.

И на этот раз для нас важны не сами революционные движения, а их влияние на последующее развитие. Это то, что мы называем *гуманизмом, вдохновленным революцией*. Мы признаем необычность предложенной формулировки, под которой мы понимаем человеческое содержание и идеальное «наследие» Французской революции. Другие называют это «революционной мистикой» или «революционным духом».

Подчеркнем, что речь идет именно о *Французской революции, единственной* — до Русской революции 1917 г. — *имевшей европейское и всемирное значение*.

1. Революционные движения Революция.

Еще раз подчеркнем, что до начала Русской революции словом «Революция» с большой буквы мы будем называть Французскую революцию 1789 г., тем самым указывая на то, что это была первая, и единственная Революция. Однако ей предшествовали многие революционные движения, происходившие в бунтующей и никогда не смиряющейся Европе. Но история неохотно присваивает им название «революций».

Слово «революция», например, не подходит для обозначения *многочисленных крестьянских восстаний*, прокатившихся по Европе, как мы об этом уже говорили, в период XIV—XVII вв. Равным образом, когда мы говорим о различных движениях за национальное освобождение, то и в этом случае слово «революция» употребляется в особом значении, идет ли речь об освобождении швейцарских кантонов (1412), или Обьединенных провинций (1648), или американских колоний Англии, т.е. будущих США (1774—1782), или испаноязычной Америки (1810—

1824), либо об отделении (иногда мирном, а иногда насильственным) скандинавских стран: Швеции, Норвегии, Дании... Все эти движения представляются реакцией на современное государство, но в еще большей степени реакцией на иностранное вмешательство, чего нельзя недооценивать.

«Постоянная» революция всегда направлена против современного ей государства (это ее основная особенность), она всегда происходит внутри него и имеет своей целью самореформирование. До 1789 г. в Европе (если исключить поражение Лиги и Фронды) единственно, кто был достоин этого названия, это две английские революции: первая из них, кровавая и насильственная, происходила в 1640–1658 гг., а вторая (1688) была мирной. Но Французская революция, потрясшая основы одного из самых могущественных государств Запада, получила совсем иное звучание из-за того, что распространилась на всю Европу (с 1789 по 1815 г.), а воспоминания о ней стали для всего мира своего рода символом, который с течением времени не устаревал и с каждым новым поколением обогащался за счет их притязаний,

И сегодня ощущается мощная актуальность этого символа. Путешествуя по СССР в 1958 г., французский историк удивлялся тому, что его советские коллеги называли «Революцией» именно Французскую революцию. Тот же историк, преподавая историю в Сан-Паулу (Бразилия), вынужден был объяснять вслед за Альбером Матьезом, что так называемые «гиганты Конвента» были обыкновенными людьми. Его бразильские студенты воспринимали такой подход как святотатство, и один из них даже заявил: «Что касается нас, то мы понимаем под Французской революцией нечто большее...»

Итак, можно утверждать, что Французская революция продолжала жить во всем мире даже тогда, когда ей на смену пришла Русская революция. В сегодняшней Франции Русская революция господствует в профсоюзной и революционной среде. Это объясняется тем фактом, что она в большей мере соответствует нынешним реалиям. Но чтобы оценить тот пыл, с которым еще недавно оценивались события 1789 г., достаточно соприкоснуться с энтузиазмом, с которым воспринимались в Сорбонне лекции Альфонса Олара (ум. в 1928 г.), Альбера Матьеза (ум. в 1932 г.) и Жоржа Лефевра (ум. в 1959 г.). *Даже когда отношение к Французской революции целомраждебно, она продолжает присутствовать в политической мысли и этике европейцев, влияет на их умонастроения и поведение.*

2. Всего во Франции было две, три или даже четыре революции. Французская революция, подобно современным многоступенчатым ракетам, запускалась и взрывалась многократно.

Вначале она проявила себя как «либеральная», умеренная революция, в ходе которой случались драматические эпизоды: взятие Бастилии, Большой террор. На этом этапе Революция I развивалась бурными темпами и прошла четыре ступени: дворянский бунт (Ассамблея нотаблей, 1788 г.); возмущение буржуазии, *т.н.* «юристов» (Генеральные штаты); затем городская революция и революция крестьянская; они и были репетажными.

На своем втором по времени этапе Революция (Революция II) была насильственной и жестокой: она пришла на смену первой после объявления *войны* Австрии 20 апреля 1792 г. Альфонс Отар в этой связи писал: «Именно война 1792 г. изменила течение Французской революции». Это верное замечание. Последующая оккупация Нидерландов сделала конфликт неизбежным. Признаем также, что Революция, превратив Францию в современную пащину, укрепила и укрепила ее, подготовила взрыв. Сопровождаемая насилием как внутри страны, так и за ее пределами, вторая фаза Революции закончилась после падения Робеспьера 27—28 июля 1794 г. (9—10 термидора II года республиканского календаря).

Революция III, а именно третий этап Революции (хотя можно ли продолжать говорить в этом случае о революции?) продолжался с термидора до брюмера (с 28 июля 1794 г. до 9—10 ноября 1799 г.), т.е. последние месяцы Конвента и весь период существования Директории.

Четвертый этап (Революция IV) включал в себя периоды Консульства, Империи и Стадней (1799—1815).

Очевидно, что Наполеон продолжил Революцию и «заморозил» ее, взяв на себя руководство ею. Тем самым он добавил к ее колебаниям драматические колебания собственной судьбы, хрупкость установленного им незаконного режима, который должен был искать оправдание в постоянных победах, чего бы они ни стоили.

Недаром император Франц II, после сражения при Аустерлице вернувшись в Вену под аплодисменты своих благонамеренных подданных, говорил французскому послу: «Думаете ли Вы, господин Посол, что ваш Император смог бы так вернуться в Париж, потерпев столь сокрушительное поражение?»

Эта дерзость имела тот же смысл, что и восклицание французского роялиста, который был восхищен Наполеоном: «Какая жалость, что он не Бурбон!»

3. Если бы Французская революция осталась приверженной своим первоначальным намерениям, то она протекала бы в рамках «просвещенного деспотизма».

В ходе развития Революции ее вторая фаза, сопровождавшаяся насилием, представляется как абберрация, неожиданное отклонение от курса.

Часто высказывалось мнение, что если бы Революция весной 1792 г. не стала кровавой, то ее мирный ход привел бы к тому же, чем закончилась английская революция: Революция осталась бы умеренной, о чем так мечтали некоторые французские мыслители. Вспомним Монтескье, который писал в 1721 г. в своих *Персидских письмах*: «Существующих законов следует касаться только дрожащей рукой». Или Руссо, который думал, что народ не сможет пережить революционных потрясений: «Как только оковы окажутся разбитыми, народ рассеется и перестанет существовать».

Революция на начальном этапе происходила именно в этом ключе: она шла по пути скорее реформ, чем собственно революции. Другой, более уверенный в себе король смог бы, возможно, удержать ее в этих рамках. Но ни советы Мирабо, ни советы Барнава не заставили Людовика XVI отказаться от своих привилегий и он продолжал оставаться заложником собственного окружения. Но нужно ли вновь возвращаться к прежней полемике?

Это был не первый случай в истории, когда разумные решения отвергались. С самого начала царствования Людовика XVI предложения «просвещенных» реформаторов не встречали понимания: откуда отставка Тюрго в 1776 г. Схожую реакцию можно было наблюдать во всей Европе *просвещенного деспотизма*, где множество мыслителей полагали, что достаточно склонить на свою сторону принца или короля, который покажет бы себя «философом», чтобы обеспечить правильное направление развития. Но властители века Просвещения предпочли полумеры. Даже когда Фридрих II сумел укротить свое дворянство, то его меры оказались столь умеренными, что после его смерти в 1786 г. прусское государство вновь оказалось во власти дворянской реакции.

Но если даже Фридрих II не смог довести начатое им дело до конца, то чего же было ожидать от Людовика XVI? Когда он все-таки решился прибегнуть к иностранной помощи, он развязал тем самым руки контрреволюционным силам и всей европейской реакции. Так, совершенно неожиданно для ее вождей Революция пошла по другому пути.

Это признавали даже они сами: «революционерами не рождаются, ими становятся» (Карно); «ход событий привел к результатам, о которых мы не помышляли» (Сен-Жюст). На этом новом пути, оказавшемся жестоким не только для самой Революции, но и для ее

участников, она продержалась всего несколько месяцев, вплоть до падения Робеспьера, которое открыло дорогу реакции и радости выживания, «Париж вновь стал очень веселым, — говорит Мишле. — Через несколько дней после Термидора человек, который сегодня еще жив, а тогда был в десятилетнем возрасте, пошел со своими родителями в театр и, выходя из него, восторгаясь вереницей великолепных экипажей, которых он до того момента еще не видел. Люди, одетые в грубые куртки, спрашивали, сняв шляпы, у выходящих: «Вам карету, господин?» Ребенок не сразу понял смысл впервые услышанных им слов, а когда попросил объяснений, то ему просто сказали, что после смерти Робеспьера многое изменилось».

Тем не менее правли был Мишле, когда остановил повествование в своей *Истории Французской революции* (1853) на событиях 10 термидора? Если следовать логике, то нет: после завершения термидорской реакции Франция вернулась к мудрой Революции ее первой фазы: Директория, а затем и Консульство сохранили главные завоевания Революции. Единственно, что было отброшено, это Конвент эпохи террора.

Во всяком случае за пределами Франции никто и не думал, что Революция завершилась. Еще 12 сентября 1797 г. русский посол в Англии докладывал (по-французски) своему правительству: «В Париже произошло то, что казалось вероятным: диктаторский триумvirат арестовал двух членов Директории и 64 члена обоих Советов без какого-либо юридического на то основания. Они будут отправлены на Мадагаскар. Вот она, хваленая Конституция, и вот она, хваленая французская свобода! Я предпочел бы жить в Марокко, а не в этой стране так называемой свободы и равенства». Чем была вызвана такая резкость? Тем обстоятельством, что за границей не всегда с иронией говорили о «хваленной французской свободе». Наполеон шел от победы к победе именем Революции и повсюду, где устанавливался его режим, следы его впоследствии обнаруживались в законах, обычаях, сердцах, несмотря на обиды и ненависть, вызванные оккупацией. Тёте и Гегель поддерживали Наполеона, в котором они видели, в противоположность реакционной и отсталой в социально-политическом отношении остальной Европе, «сидящую на лошади души мира» (выражение принадлежит Гегелю).

Войны Империи как бы смоделировали французскую «гражданскую войну» по отношению ко всей Европе. В течение четверти века каждая европейская страна, которой угрожало наполеоновское нашествие, рассматривала Революцию как могучую реальную силу. Сохраняемое в сознании как сиюминутная возможность, послание

Революции, принимаемое или отвергаемое, распространялось на весь Запад, находило отклик в сердцах, направляло общественные страсти. В итоге Революция предстала перед XIX в. как Евангелие со своими красками, святыми, мучениками, уроками, упущенными, по столь реальными паденьями.

4. Завет Французской революции.

Конечно, внешне после 1815 г., Революция, как казалось, притаялась. Тем не менее она сохранилась в умах и сердцах, осталась жить в своих неповных свершениях.

Реставрация не восстановила уничтоженные социальные привилегии, в частности феодальные права. Национализированные богатства не были возвращены прежним владельцам (хотя их распределение не было равномерным и зачастую они доставались богатым), и в этом смысле завоевания Революции остались в силе; такой же была судьба и принципа прав человека, гарантированного Хартией 1814 г. Когда Карл X попытался ограничить демократические завоевания сразу же последовало восстание, приведшее к власти Июльскую монархию и восстановившее трехцветный флаг. Идеология и язык Революции вновь получили широкое хождение.

В 1828 г. последователь Гракса Бабефа Буанаротти рассказывал в своей *Истории заговора Равенства, называемого Заговором Бабефа* о заговоре «Равных», об их планах создания «шлюбейской Вандси», об их поражении и казни (сам Бабеф заколол себя кинжалом 26 марта 1797 г., чтобы избежать казни). Речь шла о «коммунистическом» движении, вдохновленном словами Руссо: «Вы погибнете, если забудете о том, что плоды принадлежат всем, а земля никому». Успех книги, как и резонанс самого события, были огромными. Сам Луи Огюст Бланки, убежденный революционер, которого никто не может заставить себя не любить, читал книгу с упоением.

Этот пример позволяет нам понять, каким образом Революции удавалось говорить с каждым новым поколением на доступном ему языке. Начиная с 1875 г., после заката Второй империи, ее символы перестали быть идеологической основой Третьей Республики и всего социалистического движения, фундаментом набирающей силы революции.

Революционный гуманизм наминает обычно о законности применения насилия, паходящегося на службе права, о равенстве, социальной справедливости, о любви к родине, о насилии, где революционер — либо действующее лицо, либо жертва, так как «выйти на улицу» означает в равной мере как пасть на ней, прокричать свой последний протест, так и победить. Но храбрость насилия — храбрость умереть или

ударить другого — принимается только в том случае, когда это единственный способ изменить судьбу, сделать ее более человеческой, более братской. Короче говоря, *Революция* — это насилие на службе идеала. В этом у нее много схожего с контрреволюцией. Но, с точки зрения истории, ошибка последней заключается в том, что она обращает свои взоры назад, стремится к старому. Но возвращение к прошлому возможно лишь на короткое мгновение. *В долгосрочной перспективе* действие имеет историческую значимость и продолжение только тогда, когда идет в том же направлении, что и историческое развитие, когда их скорости совпадают, а не тогда, когда делается напрасная попытка затормозить ход истории.

Волюбом случае правомерно удивляться тому, что Революция 1789 г. служила факелом для крупных движений рабочих масс вплоть до XX в. Произошло это по ряду причин. Прежде всего потому, что в своих первоначальных намерениях, а также в своих результатах она оставалась «осторожной» революцией. Затем ее героическая летопись, полная чудес и полубожеств, «гигантов», частично стерлась, будучи демистифицированной объективной историей. Как ни странно, этому более всего способствовали историки левого толка, стремившиеся оправдать свой революционный пыл документальными свидетельствами. В итоге Революция потеряла многих своих «святых». Но в то же время завет революция стал восприниматься гораздо четче.

На деле, такой пересмотр реабилитировал период Террора, так как он акцентировал смысл страданий (страданий жертв и страданий палачей) и подчеркивал трагичность ситуации, что помогало оправдать этот Террор. В результате «организатор победы» Карно или Дантон отошли на второй план, уступив место сначала Неподкупному (прозвище Робеспьера), а затем Гракху Бабефу (позднему герою). Именно их язык дошел до нашего времени, язык силы, «язык предвосхищения». Всеобщее избирательное право, отделение церкви от государства, Вантозский декрет (декрет шестого месяца республиканского календаря), предусматривавший некоторое перераспределение богатств, — все эти эфемерные завоевания второго этапа Революции, от которых отказались после Термидора, были не чем иным, как предвосхищением, так как понадобилось еще много времени, чтобы они дошли до нас и стали нашим достоянием.

Во всяком случае именно благодаря им революционный гуманизм 1789 г. оказался столь живучим. Колебания, определенная осторожность европейского социализма, особенно заметная в полемике с коммунизмом, который создал другой идеал, другую форму революции, критика Жоресом марксистских идей после подписания (1905)

соглашения с Жюлем Гедом, которое создало социалистическое единство «под покровительством Коммунистического манифеста», — все это признаки определенной левой идеологии, которая отказалась отождествлять *свою* революцию с революцией Маркса, а затем и с революцией Советов. Недаром в начале своей *Социалистической истории Французской революции* Жорес указывал, что «она будет одновременно материалистической с Марксом и мистической с Мишле», т.е. верной «революционной мистике» (Мишле), живому наследию Французской революции. Западная цивилизация во Франции и за ее пределами «отделилась», освободилась от идеалов и наследия 1789 г. поздно и неполностью.

Научная мысль до XIX века

Научная мысль в Европе до XVIII в. — это детство современной науки: как бы преднаука (так же можно говорить о пред-промышленности до наступления эпохи индустриальной революции).

Мы не будем здесь пытаться ни резюмировать развитие науки, ни определять границу, отделяющую преднауку от современной науки. Проблема не в том, как, проблема в том, *почему произошло развитие научного знания исключительно в рамках западной цивилизации*. Повторим чеканную формулировку химика и биолога Джозефа Нидхема, который сказал: «Европа создала не лишь бы какую науку, но мировую науку». Создала она ее почти что самостоятельно.

Вместе с тем зададимся вопросом: почему развитие науки не произошло в рамках других, более ранних цивилизаций, почему оно не произошло в рамках ислама, например?

- Всякий научный подход вырисовывается в рамках общего объяснения мира. Ни прогресс, ни умозаключения, ни плодотворная гипотеза невозможны вне всеобщей системы референций, в которой можно определить свое место, где можно ориентироваться. Чередование систем объяснений мира предоставляет наилучшую основу научного развития.

История наук (и науки в целом), если посмотреть на нее со стороны, представляет собой очень медленный переход от одного общего рационального объяснения к *другому* общему объяснению, при этом каждое из этих объяснений принимает форму *теории*, вбирающей в себя все научные объяснения на данный период времени. Опреде-

ленная теория существует до тех пор, пока соответствующие ее объяснения остаются в силе, а затем новые научные знания опровергают данную теорию. Тогда возникает необходимость в разработке новой теории, которая становится новой точкой отсчета.

Начиная с XIII в. и до наших дней западная наука знавала только три общих объяснения мира, *три системы мироздания*: систему Аристотеля, ставшую фактом научной жизни Запада с XIII в. и представляющую собой наследие прошлого; систему Декарта и Ньютона, ставшую основой классической науки и представлявшую собой (за исключением заимствований из Архимеда) оригинальное творение Запада; теорию относительности Эйнштейна, появившуюся в 1905 г. и ставшую преемницей современной науки.

Система Аристотеля — это очень древнее наследие, оставшееся от школы перипатетиков (IV в. до н.э.). Оно стало известно Западу со значительным опозданием, благодаря переводам в Толедо комментариев Аверроэса. В Париже оно произвело настоящую революцию. В 1215 г. программы Парижского университета были полностью изменены: формальная логика пришла на смену изучению латинской литературы, прежде всего латинских поэтов. «Философия проникает повсюду, разрушает все». Множатся переводы Аристотеля, возникает огромная масса комментариев к ним. Вследствие этого вспыхивает полемика между древними авторами и современными. В одной из поэм той эпохи, появившейся примерно в 1250 г., философ говорит поэту: «Я посвящаю себя знанию, тогда как ты предпочитаешь детские вещи — прозу, ритмы, метры. Зачем они нужны?.. Ты знаешь грамматику, но не знаком с Наукой и Логикой. Зачем же ты надуваешься от важности, если ты нелег?»

Система мира, предложенная Аристотелем, царила в Европе вплоть до XVII—XVIII вв., ее не смогли поколебать ни открытия Коперника, ни открытия Кеплера и Галилея.

«Разумеется, космофизика Аристотеля полностью себя изжила. Тем не менее это физика, т.е. разработанная теория, хотя и не подкрепленная математическими расчетами. Это ни словесное продолжение здравого смысла, ни детская фантазия, но полноценная теория, т.е. учение, которое, хотя и исходит из здравого смысла, но строго и последовательно упорядочивает его» (Александр Койре). Конечно, Аристотель *возводит в аксиому* понятие единства мироздания, «космоса». Но разве Эйнштейн поступал иначе? Когда Поль Валери спрашивает у него: «А что мне докажет, что существует единство в природе?», он отвечает: «Это догмат» (Поль Валери, *Идефикс*. С. 141). И тогда он говорит: «Я и помыслить не мог, что Бог играет в кости с космосом».

Аристотелевское единство мира представляет собой «порядок»: каждое тело находит свое *место в природе* и должно, следовательно, оставаться в вечном покое. Таков покой Земли в центре Космоса и его чередующихся сфер. Однако через Космос проходит серия движений: *естественных* движений (движение тела, падающего на землю; движение легкого тела, пламени или дыма, уходящего в небо; крутовое движение звезд или небесных сфер) и *принудительных* движений, естественных по своей природе, которые заставляют тело двигаться: это когда тело тянут или толкают или, наоборот, заставляют его остановиться подобно тому, как останавливают мотор. Здесь есть только одно исключение, причем немаловажное: брошенное тело, снаряд, движение которого не является *естественным* и в то же время не вызвано прилагаемой силой (тело не толкают и не тянут). Этот снаряд перемещается в турбулентной среде воздуха, через который он проходит. Этот ответ спасает, обеспечивает действенность данной системы, по все атаки против нее направлены на это слабое место.

Критические замечания всегда касаются вечно дискутируемого вопроса: *aquomoveanturprojecta**? Действительно, этот вопрос ставит целый ряд проблем (инерция или ускорение падения тяжелых тел), которые задавали себе уже первые парижские «номиналисты» в XIV в.: Оккам, Буридан, Орсем. Этот последний, являясь математическим гением, признавал принцип закона инерции, пропорциональную зависимость скорости от времени падения тел... Но он опередил свою эпоху.

Научная борьба, приведшая к вытеснению системы Аристотеля физикой классической науки (система Ньютона), была долгой и полной перипетий.

Этот качественный «скачок» стал результатом деятельности выдающихся умов, связанных друг с другом: наука становится интернациональной, она выходит за рамки политических или лингвистических барьеров, заполняет собой все пространство Запада. Вне всякого сомнения, научному прогрессу способствовали как экономический подъем XVI в., так и распространение в ту пору достижений греческой науки, ставшее возможным благодаря изобретению книгопечатания. Работы Архимеда, например, стали известны на Западе относительно поздно, в последние годы XVI в. Вклад греческой науки трудно переоценить: путем исчисления бесконечно малых она предлагала (задумавшись о расчете π) и плодотворное понятие *предела*.

Подчеркнем еще раз: научный прогресс был медленным. В математических науках, например, пять основных достижений (в такой

* *Qua moveanturprojecta (лат.)* — подвижные планы. — *Примеч. ред.*

последовательности их определил один из историков науки) последовали одно за другим через большие промежутки времени: аналитическая геометрия Ферма (1629) и Декарта (1637); высшая математика Ферма (1630—1665); комбинаторный анализ (1654); динамика Галилея (1591—1612) и Ньютона (1666—1684); всемирное тяготение Ньютона (1666 и 1684—1687).

Прогресс наблюдался не только в математических науках. В астрономии, например, унаследованная от Птолемея геоцентрическая система (хотя и у греков бытовала одно время идея гелиоцентрической системы) медленно уступила место научным воззрениям Коперника (1473-1543) и Кеплера (1571-1630).

Крупным событием стало появление новой системы мира: *абстрактная, геометризированная вселенная Декарта и еще в большей степени Ньютона*, где все держится на законе всемирного тяготения (1687).

Эта система пережила все научные революции XIX в. вплоть до недавнего появления теории относительности Эйнштейна, которая дала новое объяснение мироздания. Те, кто учился до 1939 г., еще сохраняют в памяти ясные рамки ньютоновской вселенной.

- Декарт, этот «свободный человек».

Первенство в открытии этой *геометризированной* или механизированной Вселенной не принадлежит в действительности ни одному из ученых, которых мы цитировали или еще будем цитировать. Однако, не впадая в национализм, отметим выдающуюся роль Рене Декарта (1596-1650).

Для него одного раскроем скобки. Его биографам трудно: он отличался большой скромностью, сдерживаемой чувствительностью. После 1628 г., если не считать нескольких путешествий на родину, он жил за пределами Франции, по большей части в Голландии. Умер в Стокгольме, где был гостем шведской королевы Кристины. В Амстердаме, где провел долгие годы жизни, ему нравилось то, что он мог «неузнанным» затеряться в толпе.

Восстановить его мысль, определить вехи ее эволюции так же трудно, как воссоздать его полную тайп жизнь.

Рассуждение о методе (1637), по нашему мнению, упрощает эту задачу. Последующие поколения акцентировали внимание на его категоричных правилах, но *Рассуждение* представляет собой предисловие к трем его работам: *Диоптрика*, *Метеоры*, знаменитая *Геометрия*; не следует отделять их друг от друга. К тому же *Размышление* представляет со-

бой в некотором роде упрощенную версию *Правил*, которые были опубликованы только после смерти автора. Есть мнение, что *Правила для руководства ума* были составлены в первоначальном варианте в 1629 г., а затем дополнены в 1637 г., найдя отражение в *Рассуждения о методе*. Так это или нет, или четыре предписания метода были составлены зимой 1619—1620 гг., и в этом случае *Правила* представляют собой их последующую, усложненную и расширенную версию. Правда состоит в том, что стиль изложения идей в обеих книгах разный. Так, строгая и точная *Геометрия* отличается от более богатых и изобретательных математических идей, нашедших отражение в *Письмах* Декарта, где они как бы стимулируются, подстрекаются «вызовами его противников».

По колебания самого автора ничего не меняют в значении им созданного. Это первая систематическая критика знания, героическая борьба с интеллектуальным или метафизическим обманом, с заблуждениями «поэтической интуиции».

В чисто научном плане, рассмотрим прежде всего его открытия в области геометрии, где ему удалось, по его собственному замечанию, в наибольшей мере применить собственный метод анализа (не будем ничего говорить о его работах в области физики и оптики, где он не был революционером).

Декарт освободился, хотя и не без труда, от «геометрического реализма» древних греков. Его математические воззрения основаны на чистой абстракции. Обойдя своих предшественников, в особенности Вьета, которого знал лично и Кавальери, которого напрасно избегал, он сделал огромный шаг в развитии теории уравнений. Для того чтобы двинуться дальше, пришлось ждать Гауза.

Тот факт, что картезианская математика не доступна сегодня пониманию любого начинающего математика, не должен преуменьшать значение открытия сделанного Декартом.

Историк Жюзеппе Февр прав, когда говорит, что его разум противостоял всему тому, что нес с собой XVI в.: басням и неточным знаниям, предлогической мысли, качественной физике. Он противостоял «рационалистам» Возрождения, которые видели «в природе только шкатулку чудес или побуждение к мечтаниям».

* Поворотные годы, 1780—1820, ставят последнего проблему: преодоление порога на пути к действительно современной науке.

Каким бы не были величие XVIII в., это еще не был период расцвета современной науки, с характерным для нее языком, методами и позициями.

В увидевшей свет в 1935 г. книге *Формирование научного сознания* Гастон Башляр постарался перечислить все затруднения и неловкие шаги науки, которая пыталась не без труда выйти за пределы здравого смысла и определенной предлогической ментальности. Предложенный психоанализ научного знания века Просвещения содержит в себе, разумеется, только ошибки, пелелости, плупости тогдашней науки. Но, может быть, такого рода плупости являются вечными спутниками находящегося на марше научного знания? Быть может, заставляющая наука сможет сказать то же самое и о нашем времени?

Что было наибольшим препятствием развитию науки в XVIII в.? Быть может, таким препятствием было четкое разделение науки на независимые друг от друга дисциплины, одни из которых находились в стадии бурного подъема (математика, химия, термодинамика, геология, экономика, хотя была ли эта последняя дисциплина в то время настоящей наукой?), а другие оставались в стадии «вялотекущего» развития или просто стагнации (медицина, биология...). Различным научным дисциплинам недоставало связей друг с другом; плохо использовались математические методы; связь с техникой была эпизодической.

Все эти трудности преодолевались медленно. Во Франции новая эпоха в развитии науки наступила только в 1820—1826 гг., когда Академия наук собрала в своих стенах «самое большое собрание блестящих ученых за всю свою историю: Ампер, Лаплас, Лежандр, Био, Пуансо, Коши...» (Пуи де Бройль). Схожая картина наблюдалась во всей Европе.

Каковы же причины, способствовавшие резкому подъему научного знания в условиях рассматриваемой цивилизации *именно в данный период?*

Этому можно дать очевидное материалистическое объяснение. Беспрецедентный экономический рост в XVIII в. затронул весь тогдашний мир, и Европа стала его центром. Расцвет материальной культуры и техники увеличил запросы, одновременно усилив противоречия. Чтобы соответствовать новым условиям, понадобилось развивать сотрудничество. *Движателем* новых процессов являлась индустриализация, о чем пойдет речь в следующей главе книги. Рост науки и промышленное развитие стали двумя характерными особенностями Запада. Они дополняли друг друга, были неразрывно связаны между собой. Именно об этом так любил говорить Джозеф Питэм, которого мы выше уже цитировали. В Китае наука (скорее преднаука) стала развиваться гораздо раньше, чем на Западе. Но она не смогла получить решающего импульса для последующего развития

из-за отсутствия экономического подъема, который произошел на Западе, и необходимой «капиталистической» среды, которая одна только и обеспечила бурный научный рост. Необходимость его ощущалась, впрочем, гораздо раньше, еще в период подъема средневековых торговых городов, особенно начиная с XVI в.

Весь материальный и духовный потенциал Европы способствовал росту науки, ставшей плодом развития цивилизации, которая осознала свои возможности и свою ответственность.

Глава 3. Индустриализация Европы

Европа сумела решить одну из основных, поставленных перед ней историческим развитием задач: она осуществила индустриальную революцию, которая распространилась и продолжает распространяться на весь остальной мир. Этот замечательный технический прорыв есть ее творение, причем в масштабах истории цивилизаций относительно недавнее, поскольку едва насчитывает два столетия.

До той поры, *в плане материальном*, Европа представляла собой слаборазвитый регион, если сравнивать ее не с тогдашним окружающим ее миром, а с тем, чем она стала позднее.

Вопросы ставятся так: каким образом ей удалось преодолеть порог индустриализации? Каким образом ее собственная цивилизация отреагировала на последствия индустриализации?

Именно эти вопросы необходимо поставить в самом начале.

Они не потеряли своей актуальности и сегодня.

1. Ответ на них требует предварительных объяснений относительно положения в Европе в предшествующий индустриализации период. И в наши дни характерный для доиндустриальной эпохи экономический уклад существует во многих районах мира, которые стремятся его преодолеть.

2. Индустриальная революция — это сложное явление. Ни в одной стране она не происходила сразу: отдельные сектора хозяйства еще долгое время оставались неразвитыми. Даже в такой передовой стране, как Англия, промышленность отдельных районов (производство шерсти и шерстяных изделий в Йоркшире или скобяных изделий в окрестностях Бирмингема) оставалась отсталой вплоть до середины XIX в. Схожее неравенство в развитии промышленных отраслей можно и по сию пору увидеть в Южной Америке — оно в принципе характерно для всех стран, идущих по пути индустриализации.

3. Пример Европы показывает, что с самого начала промышленного развития перед обществом встают серьезные социальные проблемы. Страны, вступающие на путь индустриализации, должны пересмотреть свои социальные структуры, если они хотят избежать идеологических и революционных потрясений, которые до сих пор заставляют страдать Европу.

У истоков первой промышленной революции

Всего насчитывается четыре классические промышленные революции, которые чередуются и наслаиваются одна на другую: революция, ставшая результатом изображения паровой машины; революция, вызванная открытием электричества; революция, связанная с появлением двигателя внутреннего сгорания; революция, обусловленная возникновением атомной энергетики.

Наша проблема состоит в том, чтобы увидеть — и, если можно, в деталях — начало процесса чередования этих революций. Это означает обратиться к опыту передовой в данном смысле Англии, к периоду ее истории, ограниченному 1780—1890 гг. Почему Англия стала пионером? В каких условиях это произошло? Каким в индустриальном смысле было общее положение в Европе накануне 1780 г?

- Само слово «индустрия» (промышленность), взятое в контексте европейской истории до XVIII, а еще лучше до XIX в., рискует вклиниться в заблуждение. Правильнее было бы говорить о **прединдустрии**.

Действительно, начиная с XII в., когда произошла «первая промышленная революция» (имеется в виду появление на европейском пространстве водяных и ветряных мельниц), и вплоть до рассматриваемого периода никаких крупных технических новшеств не появлялось. Еще в XVIII в. предпромышленность Европы не располагала никакими другими источниками энергии и энергетическими ресурсами: мощность водяной мельницы составляет примерно 5 л.с.; мощность ветряной мельницы даже в таких «спродуваемых» странах, как Голландия, редко превышает 10 л.с. (работа ее зависит от погоды). В отсутствие значительных энергетических ресурсов и мощных машин индустриальная деятельность (несмотря на множество имевшихся мелких, хотя и талантливых, изобретений) была обречена на застой (в лучшем случае на незначительное развитие). В этих условиях хозяйственная жизнь оставалась архаичной и, в свою очередь, сдерживала рост промышленности: плохие урожаи, плохой и дорогостоящий транспорт, неразвитые рынки, при избыточности рабочей силы.

Индустрии в нашем современном понимании тогда практически не существовало. Местного ремесленного производства было достаточно для удовлетворения основных потребностей населения. И только в некоторых отраслях имелись предприятия, обслуживающие более широкий рынок или выпускающие предметы роскоши. Во Фран-

ции такими предприятиями были т.н. «королевские» мануфактуры, возникшие в XVII в. Вообще текстильная отрасль занимала тогда передовые позиции, и именно с ее модернизации началась в Англии промышленная революция.

Текстильная промышленность позволяла в большей степени, чем другие отрасли, концентрировать производство, которое, впрочем, оставалось на традиционно ремесленном уровне. В XVI и XVII вв., а в текстильных городах Италии и Фландрии начиная с XIII в., по инициативе богатых торговцев в городах возникали довольно крупные текстильные мастерские, магазины, надомные производства (мастер и помогавшие ему один-два подмастерья); позднее эти производства вышли за городские границы, и для надомных работ стали использовать живущих поблизости.

В документе, датированном XVI в., говорится о торговцах Сеговии (Кастилия), которые обогатились за счет «простынного» производства: «они выступали в качестве отцов семейств, которые содержали в своем доме или за его пределами большое количество работников (иногда 200—300 человек), изготавливавших разнообразные простыни тонкой выделки».

В 1700 г. в г. Лаваль и его окрестностях в производстве полотна было задействовано 5000 рабочих (20 000, если считать и семьи), «самый богатый из которых имел добра не более чем на 100 ливров». Рядом с ними трудились **ремесленники-ткачи**, закупавшие нити у торговцев лубяным волокном, «которых называли *язвими*, поскольку они питались соками ткачей». Рядом с ними стояли 30 торговцев-оптовиков, которые и были полными организаторами этой индустрии: они отбеливали полотно и отправляли его за пределы города.

Эти **торговцы-предприниматели** *типологически* представляют собой то, что история называет *торговцем*, или *коммерческим капитализмом*: они поставляли сырье, платили за работу, складировали товар и продавали, зачастую даже в другие страны, где на вырученные деньги закупались другие товары, приносящие прибыль.

Учитывая весьма медленные скорости транспорта того времени, каждая из таких перевозок туда и обратно занимала много времени. Например, в XV в. шерсть, промытая в Испании, отправленная для дальнейшей обработки во Флоренцию, затем вывезенная в виде дороговуха в египетскую Александрию и обмененная там же на восточные товары, которые затем продавались в той же Флоренции или любом другом городе Европы, совершала тем самым полный торговый оборот за три года, а то и больше. Иными словами, торговая операция, приносящая прибыль, требовала долгого времени, что приводи-

до к замораживанию значительного капитала и риску. В этих условиях **торговец-предприниматель**, который мог довести операцию до конца благодаря имеющемуся у него капиталу (впрочем, чаще всего он заключал соглашение с другими торговцами, чтобы минимизировать риски), имел право диктовать свои условия, являясь хозяином положения. Он брал на себя риск, но он же и получал прибыль.

- **Мануфактура:** это слово, долгое время не имевшее точного значения, довольно точно обозначает концентрацию рабочих в одном здании (или в помещениях, близко расположенных друг от друга), за работой который присматривают мастера.

В XVIII в. мануфактуры получили широкое распространение. В них уже имело место некоторое разделение труда. Статья в *Энциклопедии* (1761) отдавала в этом приоритет лионским шелковым мануфактурам, поскольку в них работало множество рабочих (в целом в Лионе насчитывалось 30 000 работников шелковых мануфактур): «один рабочий делает и может всю жизнь делать одну-единственную операцию, другой рабочий — другую; из этого следует, что каждый работает быстро и умело».

Тем не менее такая организация труда встречалась пока редко. Накануне промышленной революции разбросанное ремесленное производство продолжало занимать господствующее положение.

- **Прединдустриальная Европа** располагала, таким образом, и капиталом, и предпринимателями; она уже начала учитывать требования рынка, причем не только внутреннего, но и международного; в ее распоряжении к тому времени находилась такая рабочая сила, которой предприниматели могли пользоваться.

Однако, как мы это видим в слаборазвитых странах нашего времени, экономика Европы той поры была плохо организована. В частности, аграрный сектор не позволял в полной мере обеспечить хозяйственный подъем и пожать его плоды. Рынок был слабо развитым, конкуренция — жесткой, чреватой смертельными опасностями. При малейшем кризисе все грозило кончиться крахом. Банкротства торговцев и «промышленников» были частым явлением. Так, торговый путеводитель середины XVIII в. предупреждал об опасностях «моды» на мануфактуры: «Мы видим в наших провинциях развалины бывших мануфактур и каждый год можем наблюдать, как одни разрушаются, а другие строятся только для того, чтобы вскоре последовать примеру первых».

Прединдустрия могла существовать только за счет низкой заработной платы работников. Как только в том или ином регионе экономическое положение начиналось, что приводило к росту заработной платы и улучшению положения наемных работников, как тут же наступало «протрезвление»: промышленность в лучшем случае клонилась к упадку, не выдерживая конкуренции извне. Так произошло в Венеции в XVII в., в Голландии в XVIII в.

В 1777 г. интендант Пикардии констатировал: сегодня, чтобы выжить, наемным работникам нужно платить вдвое больше того, что они получают, и тем не менее они получают столько же, сколько получали пятьдесят лет тому назад, когда продукты питания стоили вполновину дешевле; они могут себе сегодня позволить лишь половину от того, что им необходимо.

- Все может измениться и меняться только с внедрением технических новшеств. Однако с самого начала отметим, что сами по себе новшества не могут что-либо решить. Пример Англии доказывает это.

В Англии технические нововведения затронули две ключевые отрасли: текстильную и угольную. В дальнейшем они достигли и других отраслей хозяйства.

Английские рудники, в частности оловянные рудники Корнуолла, эксплуатировались уже давно и ушли глубоко под землю, постоянно испытывая на себе негативное воздействие подземных вод. Это далеко не новая проблема, о которой упоминал в своем трактате *О горном деле и металлургии* Георг Агрикола в XVI в. Однако возможностей гидравлических колес, используемых для откачки воды (в некотором роде прототипы помпы), оказывалось недостаточно.

Необходимость в мощных насосах привела в конечном счете к тому, что в 1712—1718 гг. здесь появились громоздкие, тяжелые и очень дорогостоящие паровоздушные машины для откачки воды Ньюкомена. Занимаясь починкой одной из таких машин, шотландец Джеймс Уатт, работавший в университете в Глазго задумал создать собственную паровую машину, которая была бы проще и эффективнее, что и произошло в 1776 г. Можно сказать, что пар использовался еще до Уатта: с начала XVIII в. он приводил в движение машины, которые применялись гораздо чаще, чем мы сейчас думаем (это доказано недавними исследованиями). Во Франции некоторые из таких машин работали уже в 1750 г., в частности, в угольных шахтах Анзена. Но настоящий прорыв произошел в 1770 г. (первая самоходная повозка, пароход Бенъи и Жоффруа).

До середины XIX в. (до появления железных дорог) *текстильная промышленность* оставалась ведущей отраслью: за ней следовали промышленные предприятия по производству предметов первой необходимости и предметов роскоши.

Согласно Максу Веберу, темпы развития текстильной промышленности определяли все материальное прошлое Запада: сначала это была эпоха льна (Карл Великий носил полотняную одежду); затем эпоха шерсти; вслед за тем эпоха хлопка, которую лучше бы назвать эпохой бешеной популярности хлопка в XVIII в. Именно в «хлопковый» период появились первые *фабрики* в прямом значении этого слова. Находясь в тесной зависимости от состояния торговли с Индией, Африкой, Америкой (там выращивание хлопка обеспечивалось использованием труда черных рабов), хлопок получил распространение прежде всего в крупных колониальных портах или в их окрестностях (Ливерпуль, Глазго). Развитию производства тканей из хлопка способствовали как рост этих городов, так и накопленные в них капиталы. Нет ничего удивительного в том, что связанные с хлопком отрасли промышленности стимулировали технические усовершенствования.

Появились новые машины, каждая из которых получала свое собственное название вроде *самолетного челнока* для ручного ткацкого станка Джона Кея (1733). Во Франции вершиной технических достижений в этой области стало изобретение Жаккаром механизма ткацкого станка для выработки крупноузорчатых тканей (1804—1808).

Отсюда первое объяснение: экономический подъем стимулировал рост той или иной отрасли промышленности, становящейся передовой; технические новшества возникали в ответ на запрос промышленности. Все происходило эмпирическим путем, спонтанно.

- В свою очередь техника давала импульс науке, которая оказывалась на высшем. Гомосapiens сходит к гомофабером¹; они уже шли вместе.

В XVIII в. развитие науки стало очевидным. Однако в целом речь шла о науке фундаментальной, теоретической, не приспособленной к ремесленной технике, которая ничего от нее и не требовала.

В конце XVIII в. ситуация изменилась. Отныне промышленность стала обращать свои требования непосредственно к науке, как бы «через голову» собственно техники.

Так, Джеймс Уатт (1736—1819) не был только ремесленником — он обладал характерным для ученого мышлением, был и инженером и химиком. Джозеф Блэк (шотландец, род. в Бордо в 1728 г., ум. в Эдинбурге в 1799 г.) был настоящим ученым, профессором кафедры химии в Эдинбургском университете, автором известных работ о щелочах; именно он, открыл существование скрытых теплот парообразования, которое легло в основу построенной Уаттом паровой машины.

Подобного рода поддержка со стороны науки способствовала развитию *зарождающейся индустрии*. Другой пример — *отбеливание полотна*. Старый способ (растяжка на луту и поливка кусков ткани, окунание их сначала в различные щелочные, а затем в легкие кислотные растворы) требовал больших площадей и длительного времени, иногда до шести месяцев. Для развивающейся отрасли это было неприемлемо, тем более что используемый слабый кислотный раствор нельзя было произвести в промышленных условиях. Тогда стали использовать разбавленную серную кислоту. Понадобилось производить ее в больших количествах; для ученого Джеймса Уатта, врача, бывшего студента Лейденского университета, это стало поводом применения его знаний. Открытие хлора в 1774 г. шведом Карлом Шееле, его использование французом Бертолле для отбеливания полотна, разработка в Англии промышленного способа отбеливания тканей — все это примеры выхода научных знаний на международный уровень.

Другой пример сотрудничества между наукой и техникой — это Мэтью Боултон (1728—1809). Этот промышленник происходил из семьи скромного достатка (т.е. его можно назвать пуворищем), имел практичный и в то же время творческий склад ума, финансировал работы Дж. Уатта; он сам был ученым, страстно увлекающимся химией. Рядом с ним оказались не только Уатт, но и математик и врач Уильям Смолл, поэт и врач Эразм Дарвин (дядя великого Дарвина), а также многие другие. Промышленная Англия становилась страной науки с такими научными центрами, — подчеркнем это, — как Бирмингем и Манчестер. Лондон, остававшийся столицей торгового капитализма, долгое время был как бы в стороне от научной жизни и превратился в научный центр не ранее 1820 г. Это знаменательный факт, он доказывает, что именно промышленный подъем стоял у истоков развития науки.

Но достаточно ли этого объяснения? Тогда как понять, почему во Франции, где *прикладная наука* — вспомним о таких выдающихся ученых химиках, как П.Ж. Маке (1718—1784) или Клод Луи Бертолле (1748—1822), — опережала даже английскую, прогресс промышленности происходил гораздо медленнее? Это можно объяснить тем, что

промышленная революция имела и другие причины: экономические прежде всего, а также социальные.

- Общее объяснение — одновременно экономическое и социальное — казался нам наилучшим.

Еще до начала промышленной революции Англии удалось достичь *политического равновесия* благодаря произошедшей здесь «*буржуазной*» революции (Славная революция) 1688—1689 гг. В стране были созданы предпосылки для развития капиталистического строя (основание Английского банка, 1694 г.), и национальная экономика смогла воспользоваться капиталовложениями, которые осуществлялись в общих интересах (дороги, капиталы: в XVIII в. наблюдался «бум строительства каналов»).

Английская революция шла в направлении общего экономического подъема XVIII в., затронувшего весь мир.

Но была бы она возможна без заметного *демографического роста*, наблюдавшегося в Англии XVIII в. (порядка 64%)? Рост населения происходил в ту эпоху во всем мире (не только в Европе, но и в Китае), но он был неравномерно распределен по странам: во Франции, например, он составлял порядка 35%. В результате Англия получила в свое распоряжение избыточную и дешевую рабочую силу.

Нельзя, наконец, не сказать о огромной роли преобразований в английском сельском хозяйстве (отгораживания общинных земель, научные методы), которые положили конец традиционной нехватке продовольственных товаров.

Английская промышленная революция произошла в два этапа: *сначала в производстве хлопчатобумажной продукции (1780—1830), а затем в металлургической промышленности*. Второй этап был предопределен строительством железных дорог, что стало возможным благодаря денежным средствам, полученным в результате первой — «хлопковой» — революции. Именно второй этап оказался решающим, но путь для него был открыт первым. *Вот почему именно к хлопковой индустрии нужно вернуться, если мы хотим дать оценку первоначальному подъему.*

Мода на хлопковые изделия охватила всю тогдашнюю Европу, включая и Англию. Страна долгое время ввозила хлопчатобумажную пряжу и ткани из хлопка (*индийские ткани*), которыми она снабжала европейские, и не только европейские рынки. Успехи в торговле этим товаром побудили английских промышленников комбинировать эти ткани. Широко используя технические достижения, хлопчатобумажная

промышленность продолжала развиваться, прежде всего из-за огромного спроса на эти ткани на африканском побережье (раб назывался] здесь «штука» — «штука из Индии», поскольку за одного раба давали: штуку ткани при обмене); затем на бразильском рынке (англичане монополизировали его в 1808 г.) и двумя годами позже на рынках испаноговорящей Южной Америки. Позднее произведенные в Англии ткани начали конкурировать с местными тканями на рынках самой Индии, что привело к разрушению ее текстильной промышленности. Изделия из хлопка из Англии проникли также на рынки Средиземноморья. В период 1820—1860 гг. продажа британских тканей в мире продолжала увеличиваться. Если в 1720 г. английские фабрики потребляли хлопка на 2 миллиона фунтов, то в 1850 г. уже на 366 миллионов!

Это имело многочисленные последствия. Вслед за изделиями из хлопка на мировые рынки начали проникать и другие английские товары. Англия стала вытеснять другие страны с мировых рынков. Проникновению английских товаров способствовала агрессивная торговая-промышленная экспансия.

Ограничить влияние Англии на мировых рынках было никакой возможности, поскольку подъем производства сопровождался здесь невероятным падением себестоимости производимых товаров (в период с 1800 по 1850 г. **СТОИМОСТЬ** хлопчатобумажных тканей упала с 550 фунтов до 100, в то время как цена на зерно, например, а также на большинство продовольственных товаров уменьшилась лишь на треть).

Заработная плата оставалась примерно на том же уровне, но ее размер уже в гораздо в меньшей степени влиял на себестоимость продукции, поскольку технические усовершенствования значительно снизили долю человеческого труда в себестоимости товаров. Поэтому нужно ли удивляться счастливому влиянию этого первого массового производства на жизнь народных масс? Прочитайте, что пишет Мишле о Франции в связи с хлопковым кризисом 1842 г.

Развитие металлургической промышленности произошло гораздо позже. Эта отрасль производства, во всяком случае вплоть до XIX в., зависела исключительно от войны. «Производство чугуна в XVIII в. идентифицировалось с производством пушек», — писал один англичанин в 1831 г., но пушки в Англии устанавливались почти исключительно на кораблях, поскольку страна редко вела сухопутные войны. В XVIII в. Англия производила меньше металла, чем Франция или Россия, зачастую импортируя его из Швеции или той же России. Такое выдающееся техническое открытие, как литье с использованием кокса, сделанное еще в XVII в., использовалось крайне мало. Долгое время при производстве чугуна продолжал использоваться древесный уголь.

Строительство железных дорог (1830—1840), которое требовало много железа, чугуна, стали, все изменило. Англия начала строить железные дороги не только у себя в стране, но и в заморских колониях. Кроме того, появление пароходов с металлическим корпусом превратило судостроение в огромную металлургическую отрасль. Только тогда хлопок перестал быть ключевой отраслью экономической жизни Великобритании.

Распространение индустриализации в Европе (и вне Европы)

В других европейских и неевропейских странах индустриализация проходила в разное время и в разных контекстах. Однако в целом она протекала схожим образом, хотя общества, экономики и даже цивилизации были различными. Каждая промышленная революция воспроизводила примерно ту же единообразную, довольно простую «модель», как любят говорить экономисты, хотя и в других масштабах, соответствующих конкретной экономической реальности.

- Три этапа: таково мнение, сформулированное в 1952 г. американским экономистом Уолсом **Ростроу**. Это мнение можно оспорить, но оно существенно **упрощает** дело.

/ «Взлет» (takeoff).

Вначале — это основной момент — был «взлет». Подобно самолету, внезапно отрывающемуся от взлетной полосы, растущая экономика отрывается от предшествующего промышленного этапа, который как бы «приковывал» ее к земле. Такой взлет происходит вначале в одном секторе, от силы в двух: таким сектором была хлопчатобумажная промышленность в Великобритании и Новой Англии (характерная особенность «американского» промышленного подъема); строительство железных дорог во Франции, Германии, Канаде, России, США; деревообработка и железные рудники в Швеции... Именно здесь начинается быстрый подъем и происходит модернизация. Темпы роста и техническая модернизация — вот что отличает этот подъем от предшествующего промышленного роста, которому никогда не удавалось ни достичь подобной взрывной мощи, ни продолжаться столь долгое время. Развивающаяся столь быстро отрасль увеличивает производство, технически усовершенствуется, организует свой собственный рынок сбыта, а затем способствует общему подъему экономики.

Затем эта ключевая отрасль, эта движущая сила стабилизируется: она достигает своего верхнего предела. Аккумулированные здесь запасы перетекают в соседнюю отрасль, которая, в свою очередь, модернизируется и достигает наивысшей точки развития.

2. Процесс развития расширяется от сектора к сектору, и экономика в целом достигает своей индустриальной зрелости,

В Западной Европе после «взлета» железных дорог (т.е. подъема металлургии, угледобывающей промышленности — тяжелой индустрии в целом) последовал подъем в сталелитейной промышленности, судостроении, химической промышленности, электротехнике и станкостроении. В России та же эволюция произошла гораздо позднее. В Швеции основную роль играли целлюлознобумажная промышленность, деревообработка и металлургия. В целом можно сказать, что западный мир достиг своей индустриальной зрелости в первые годы XX в. Англия, проделавшая тот же путь еще в 1850-е годы, оказалась в результате в равном положении со своими партнерами.

Таким образом, различные национальные экономики, находящиеся в относительно уравновешенном состоянии, достигшие определенного уровня изобилия, оказываются в ситуации, когда промышленная экспансия перестает быть основной целью развития. В каком направлении двигаться дальше, куда продолжать вкладывать высвобождающиеся средства? Оказавшись перед выбором (отныне появилась возможность такого выбора), индустриальные общества поступают по-разному. От их ответа зависит их нынешняя и будущая история. Нетрудно догадаться, что выбор каждое общество делает в зависимости от особенностей своей цивилизации, при этом безразлично, является ли мотивация сознательной или нет.

3. Время выбора. Речь идет о выборе пути для жизни для всего общества.

Или сконцентрировать усилия на социальном обеспечении, благополучии, всеобщем досуге и уделить максимум внимания социальному законодательству; или посчитать, что это благополучие может быть достигнуто только за счет массового потребления (товары, предметы роскоши в этом случае производятся таким образом, чтобы они были доступны подавляющему большинству населения); или использовать возможности страны, общества для проведения такой международной политики (впрочем, эти попытки чаще всего оказываются тщетными), которая бы обеспечила могущество в мировом масштабе,

К 1900 г. США как государство достигли зрелости: тогда было решено продемонстрировать свое могущество, развязав войну с Испанией в 1898 г. за влияние на Кубе и на Филиппинах. Это был осознанный жест, если вспомнить слова Теодора Рузвельта, который писал, что

США «нуждались в войне», что стране необходимо «подумать о чем-то другом, нежели только о материальном благе». Через несколько лет были сделаны первые робкие и офемерные попытки осуществить прогрессивную социальную политику. Но после окончания Первой мировой войны США окончательно приняли решение сконцентрировать усилия на создании общества массового потребления: автомобильный, строительный бум, производство всякого рода *технических новинок* для домашнего комфорта...

В Западной Европе время выбора настало позднее из-за двух мировых войн и необходимости восстановления народного хозяйства после военной разрухи. Создание общества массового потребления началось здесь после 1950 г., но процесс сдерживался политикой правительств и социалистической традицией. Во Франции, например, был принят целый ряд социальных законов, в частности о бесплатном образовании и медицинском обслуживании населения в рамках «социального обеспечения». В итоге *замедлилось развитие целых отраслей хозяйства*, что было вызвано как стечением обстоятельств, так и опасениями из-за возможного отказа от традиционных привычек. Например, революция в сельском хозяйстве по американский манер столкнулась на европейском континенте с целым рядом препятствий. Хорошо известны трудности в сельском хозяйстве СССР; ситуация продолжает оставаться непростой в Италии и Франции, которые находятся в данный момент на полпути к модернизации в аграрном секторе.

К тому же *отдельные регионы развиваются неравномерно*. Подобно американскому Югу, который и после 1900 г. отставал в развитии, обширные районы Европы демонстрируют те же признаки: Юго-Запад и Запад Франции, Юг Италии, Иберийский полуостров, за исключением промышленных центров Барселоны и Бильбао, социалистические республики в целом (за исключением СССР, Чехословакии и Германской Демократической Республики), часть Балканского полуострова, Турция...

Короче говоря, *по-прежнему существует разделение на две Европы*, о котором еще в 1929 г. один журналист говорил так: одна часть Европы — это двуколка, а другая — паровая повозка.

Этому можно привести тысячи примеров, но остановимся на одном: на дорогах в окрестностях Кракова *чаще* можно увидеть не автомобили, а телеги, груженные дровами, и стада гусей, что напоминает картину, характерную для XV в. Но здесь же можно увидеть промышленные установки Новой Гуты, этого города металлургов, построенного в Польше при социализме. Такой контраст все еще характерен для сегодняшней жизни Европы.

- * Кредит, финансовый капитализм и государственный капитализм: революция кредита сопровождала индустриальную революцию и в полной мере воспользовалась успехами последней.

Капитализм, а точнее некий капитализм, существовал всегда, даже во времена древнего Вавилона, в котором имелись свои банкиры, торговцы, продающие и покупающие товары в дальних странах, а также необходимые инструменты кредита: переводные и простые векселя, чеки... В этом смысле история капитализма идет со времен «от Хаммурапи до Рокфеллера».

Но даже в XVI—XVII вв. кредит в Европе был развит слабо. В XVIII в. он получил большое развитие, поскольку этого требовали торговля с Индией (индийские торговые компании) и Китаем (развитие Кантона), а также зарождающийся международный капитализм, представленный в крупнейших торговых центрах Европы. В ту эпоху, однако, настоящие финансисты еще не занимались ни торговлей, ни промышленностью: они манипулировали деньгами, находились на службе у различных государств.

Индустриализация привела к быстрому развитию банковской и финансовой деятельности. Это развитие было столь мощным, что финансовый капитализм сначала вместе с промышленным, а затем и самостоятельно забрал в свои руки все рычаги экономической деятельности.

Во Франции и Англии господство финансового капитала стало заметным после 1860 г. Старые и новые банки умножали свои представительства, специализировались (кредитные учреждения, депозитные и деловые банки). Чтобы проследить за модернизацией банковского дела, достаточно проанализировать пример французского банка Лионский Кредит, основанного в 1863 г.; в США столь же интересна история бабкнрского дома Моргана, о котором мы еще будем говорить: типична и история возникновения международной сети банков Ротшильдов. Банки повсюду создавали широкую сеть клиентов, «использовали средства вкладчиков», привлекали «спящие, бедные вклады», иногда даже совсем незначительные. Началась «погоня за акциями». В сети банкиров попадали самые разнообразные промышленные предприятия, железные дороги, судоходные компании. Финансовый капитализм быстро становился международным. Что касается Франции, то ее банки погнались за казавшимися «легкими» иностранными деньгами, что оказалось опасным делом, пример чему русские займы... Тем не менее еще вчера иностранные займы являлись важным источником доходов для французской экономики, поскольку

благоприятный *расчетный баланс* уравновешивал дефицитный *торговый баланс*. И иностранные займы способствовали также техническому переоснащению большей части Европы после 1850 г. и Нового Света.

Сегодня, как кажется, эпоха расцвета финансового капитализма завершилась, несмотря на исключения, которые лишь подтверждают общее правило, и несмотря на все происходящие по этому вопросу споры. Конечно, такой коммерческий банк, как **Парижско-Нидерландский**, и по сию пору остается первостепенным финансовым учреждением, а Лондон, Париж, Франкфурт, Амстердам, Брюссель и Цюрих **по-прежнему** являются финансовыми центрами международного значения. Но наступает время *государственного капитализма*.

Благодаря «национализированным» секторам «управляемой» экономики государство стало играть большую роль как в промышленности, так и в банковском деле. Усиливающееся налогообложение, распространение почтовых чеков, **сберегательных касс**, казначейских билетов (используем в этом случае французскую терминологию) предоставили в распоряжение государства огромные денежные средства. Государство стало распорядителем *капиталовложений в средства производства*. Именно от них и зависит экономическая политика, любая эффективная социальная политика, будущее в конечном счете.

Если говорить о Франции с ее умеренными темпами роста, то даже для их обеспечения требуется инвестировать значительную часть национального дохода. Инвестиции, стимулируя экономические операции, увеличивают их отдачу. Государство все больше и больше вынуждено заниматься вопросами *планирования экономики*, что позволяет определять ее развитие и предвидеть последствия согласованных усилий государственного, частного и смешанного секторов хозяйства. Знаменитые пятилетки Советской России породили последователей во всем мире. В 1962 г. сам президент Кеннеди сообщил о пятилетнем плане развития американской торговой политики! Принятие во Франции четырехлетнего плана развития (1961) еще вчера вызывало ожесточенную полемику. План стал в некотором роде испытанием национального сознания и одновременно экономическим итогом. Цель его состоит в том, чтобы придать импульс развитию тем регионам страны, которые еще не достаточно развиты (т.н. «политика вовлечения в развитие»).

- Ретроспективно во всем этом нельзя ни преуменьшать, ни преувеличивать движущую роль колониализма. Это не он поместил Европу в **первый ряд регионов мира**, но он, быть может, способствовал сохранению ее в этом ряду.

Под словом «колониализм», которое само по себе требует пояснения, мы понимаем всю европейскую экспансию начиная по меньшей мере с 1492 г.

Безусловно, эта экспансия оказалась благоприятной для Европы. Она предоставила в ее распоряжение новые пространства, куда она могла посылать излишек своей рабочей силы, богатые цивилизации, ресурсы которых можно было эксплуатировать, чем она не преминула воспользоваться. Начиная с XVI в., основными вехами такой эксплуатации были приток американских «сокровищ» (золотые и серебряные слитки); вторжение в Индию после победы при Пласси (23 июня 1757 г.), открывшей англичанам дорогу в Бенгалию; насильственный захват китайского рынка после «опиумной войны» (1840—1842); раздел Африки в Берлине в 1885 г.

Для Европы это означало оживление торговой деятельности вначале для жителей Иберийского полуострова и Нидерландов, затем для англичан, а в целом — определенное усиление капиталистических тенденций, что способствовало индустриализации. Европа получила много избыточных ресурсов от этих далеких земель.

Эти избыточные ресурсы сыграли свою роль. Одержавшая за морями победы Англия не случайно получила выгоду от первого промышленного «взлета». Однако, по нашему мнению, индустриальная революция, в целом усилившая Европу и повысившая ее престиж, необязательно определяла затем масштабы колониального фактора. Так, промышленный подъем Франции не зависел от ее присутствия в Сенегале, от ее прихода в Алжир (1830), Кохинхину (1858—1867), Тонкин и Аннам (1883).

Совсем иначе следовало бы оценивать колониализм, если смотреть на него под углом гуманности или морали. В этом случае все гораздо сложнее, ответственность и вина разделяются. Вчерашний колониализм имеет свои позитивные и негативные моменты, причем как с той, так и с другой стороны. Одно мы знаем наверняка: история такого колониализма — это прошлая история, и она уже завершена.

Социализм и индустриальное общество

В заслугу Западу нужно поставить то, что он искал эффективные ответы на многочисленные, непростые социальные и человеческие вопросы, поставленные индустриализацией. Если бы не предшествующие злоупотребления в использовании этого понятия, то можно было бы сказать, что Запад создал социальный гуманизм.

Поиски адекватного **ответа** на вызовы индустриализации продолжались в течение XIX в., о котором можно сказать, что это был *грустный*, полный драматических событий и гениальный век. *Грустный*, если думать об уродливости повседневной жизни в нем; *драматический*, если помнить о череде потрясавших его восстаний и войн; *гениальный*, если иметь в виду научно-технический и даже социальный (хотя и в меньшей степени) прогресс, ознаменовавший данное столетие.

Сегодня, по прошествии XIX в., мы пожинаем плоды его свершений: спокойное, допускающее улучшения социальное законодательство пытается обеспечить лучшую долю все большему числу людей и тем предотвратить революционные потрясения.

Добиться социальных завоеваний оказалось нелегко, но сделать это было необходимо. По сути это была тяжелая битва, в которой можно выделить три фазы (речь идет о Западе, а о русском и советском опыте мы будем говорить отдельно):

- а) *революционная и идеологическая фаза* — фаза социальных реформаторов, пророков (если воспользоваться определением, которое им дали их многочисленные враги). Она продолжалась с 1815 до 1871 г., т.е. с момента падения Наполеона I до Парижской Коммуны. Самым бурным в этой фазе был 1848 г. — год революций;
- б) *фаза организованной рабочей борьбы* (рабочие профсоюзы и партии). Начавшись еще задолго до трагической весны 1871 г., она длилась до 1914 г.
- в) *политическая или лучшая государственная фаза*. Государство после 1919 г., а точнее с 1929 г. взяло в свои руки осуществление социальных программ, которые оно *успешно* продолжило с 1945—1950-х годов вплоть до нашего времени, чему способствовал общий рост материального благосостояния.

Эта схема предполагает, что социальные требования, выдвигавшиеся в процессе индустриализации, часто меняли топ и смысл в зависимости от колебаний материальной жизни: пылкие в периоды экономических спадов (1817—1851; 1873—1896; 1929—1939); более умеренные в периоды экономических подъемов (1851—1873; с 1945 г. и до наших дней). Говоря о Германии, один историк так сказал о колебаниях социальных требований: «В 1830 г. в Германии слово «пролетариат» было еще не известно, а в 1955 г. его уже едва знали».

- С 1815 до 1848 и 1871 г. это широкомащштабное движение идей, глубокого анализа, пророчеств **свидетельствовало** в целом о смещении идеологического **интереса**, свойственного политике, к социальной сфере.

Государство перестало быть мишенью выдвигаемых требований, и они стали обращаться к обществу: речь шла о том, чтобы понять его, излечить от социальных язв, улучшить.

Новая программа потребовала нового языка. С появлением **таких** слов, как *индустриальный*, *индустриальное общество*, *пролетариат*, *массы*, *социализм*, *социалист*, *социалистический*, *капиталистический*, *капиталист*, *капитализм*, *коммунистический*, *коммунист*, *коммунизм*, заново формулировалась революционная идеология.

Первенство в образовании слова *индустриальный* (образованного от существительного «индустрия») принадлежит графу Сеп-Симоу; ему же, безусловно, принадлежит и авторство понятия *индустриальное общество*, которое широко использовали Огюст Конт, Герхарт Спенсер и др. В понимании О. Конта, индустриальное общество пришло на смену *военному обществу*. Если последнему была свойственна воинственность, то индустриальное общество должно было бы быть более мирным. Спенсер, со своей стороны, не дал подтверждения такой оценки, в чем оказался прав. В 1828 г. слово *пролетариат* нашло свое место в словаре Академии. Слово *масса* в единственном и особенно множественном числе стало ключевым словом, «терминологическим симптомом эволюции, значение которого стало окончательно понятно в царствование Луи Филиппа». В 1828 г. Ламартин заявил: «Я инстинктивно чувствую массы, вот в чем мое единственное политическое преимущество». Луи Наполеон Бонапарт писал в своем *Распространении пауперизма** (1844): «Сегодня господство каст закончилось, править можно только с *массами*».

Когда говорили о массах, имели в виду прежде всего городские, рабочие, бедные и эксплуатируемые массы. Отсюда возникла идея о том, что основной характеристикой эпохи было противостояние классов, которое Маркс назвал «борьбой классов». Борьба классов — это древний феномен, который наблюдался во всех материально развитых обществах прошлого. Но нельзя отрицать того факта, что в XIX в. это явление усилилось, стало осознанным.

Слова *социализм*, *социалист* и *социалистический* стали популярными в 1830-х годах. То же можно сказать и о слове *коммунизм*, который подразумевал не совсем ясное экономическое и социальное равенство. Луи Огюст Бланки, этот «генерал революционных масс», писал, что «коммунизм — это защита *индивидуума*». Слово *капитализм* появилось сначала у Луи Бланка (*Организация труда*, 1848—1850), затем у Нрудона (1857) и в словаре Ларусса (1867), но насто-

яптая мода на него пришла в начале XX в. Слово *капиталист* более живое. В 1843 г. Ламартин восклицал: «Кто узнает Революцию в наших руках? Вместо свободного труда и свободной индустрии Франция продана капиталистам!» Другие повообразовательные слова не получили такого распространения: имеются в виду слова *буржуазизм* и *коллектизм*.

Однако, воспоминания о 1789 г. не утратили своего значения. Якобинцы, Террор, Общественное спасение — все эти слова и связанные с ними воспоминания продолжали будоражить умы, они использовались как примеры или пугала. Для большинства реформаторов слово «Революция» оставалось магическим, сохраняло созидательную силу. В 1871 г., во времена Коммуны, Рауль Риго заявлял: «Мы не создаем законность, мы делаем Революцию».

- Разработка «философии масс» (от Сен-Симона до Маркса) завершилась в основном к 1848 г. Сам термин «философия масс» принадлежит Максиму Леруа и подразумевает идеологические доктрины, вдохновленные проблемами масс.

В феврале 1848 г. вышел в свет Коммунистический Манифест Карла Маркса и Фридриха Энгельса, остающийся и по сей день библией коммунистического будущего.

Внимательно следуя длинному списку реформаторов первой половины XIX в., мы можем составить таблицу во времени и пространстве. Она хорошо отражает главенствующую роль трех крупных регионов, сталкивающихся с проблемами индустриализации: Англия, Франция, Германия...

Она показывает основополагающий вклад Франции (к этой проблеме мы вернемся чуть позже) в разработку данных идей. Наконец, она подчеркивает приоритет графа Сен-Симона. Это был особый человек, немного безумный, но, безусловно, гениальный, и именно он стоял у истоков всех социальных, социалистических и несоциалистических идеологий, прежде всего французской социологии (Георг Гурвич). Его влияние заметно даже в трудах другого гиганта мысли — Карла Маркса, который, впрочем, был намного более крупной фигурой: будучи еще совсем молодым, Маркс познакомился с трудами Сен-Симона и впоследствии черпал в них множество идей и аргументов.

Если исключить прародителя, т.е. Сен-Симона, то социальные реформаторы могут быть сгруппированы по трем возрастным категориям: родившиеся в три последних десятилетия XVIII в. (Оуэн, 1771; Фурье, 1772; Кабе, 1788; Конт, 1798); те, кто родился в первое десятилетие

тие XIX в. (Нрудон, Консидеран, Луи Блан); неоднородное поколение) Маркса (1818), Эшельса (1820) и Лассалья (1825). Завершает список! группа немецких деятелей. Принято говорить, что гибель надузали Лассалья (1864) привела к исчезновению единственного человека масштаба Карла Маркса, который мог бы поспорить с ним в известности. Но гораздо разумнее связывать известность последнего с мощью созданного им *Капитала* (1867).

Мы не будем рассматривать этих «философов масс» поодиночке. Все они анализировали «общество в становлении» (эта красивая формулировка принадлежит Сеп-Симону). Предложенный ими анализ этого способа лечения, терапевтические средства. Сен-Симон и его ученики (Анфантен, Шевалье, которые *сделали себе состояние во времена Второй империи*) считали, что нужно обратить внимание на организацию производства. Они полагали, что Французская революция, которую они, впрочем, не любили, «умерла» потому, что не сумела организовать свою экономику. Фурье, который также ненавидел Французскую революцию, считал, что нужно уделять особое внимание организации погребения.

Барбес и Блапк, Луи Блан и Нрудон оставались верны принципам 1789 г.; первые два были скорее людьми действия, а два других думали, что необходимо «дополнять и улучшать принципы». В. Консидеран, со своей стороны, отвергал их, хотя и не так резко, как это делал его учитель Фурье.

За исключением Маркса, о котором мы скажем ниже, наиболее оригинальным из этих мыслителей был Нрудон, ириверженный свободе до такой степени, что проповедовал анархию в противовес ценностям государства и христианства; искавший социальную *диалектику*, которая могла бы способствовать постижению живого общества, создавая на наших глазах его противоречия. Именно эти противоречия необходимо решить, чтобы воздействовать на социальные механизмы, которые эти противоречия порожают. Все это *научные рассуждения*, далекие от религиозных или чисто идеологических. Они противостоят духу основателей фаланстеров (Оуэн, Кабе, Фурье), а также духу революционеров и Маркса.

- Первенство французской мысли в этих областях, очевидное в первой половине XIX в., составляет проблему.

Безусловно, Франция была родиной Революции с большой буквы, Великой революции. Она была также страной, где разразились революции 1830 и 1848 гг., и даже в 1871 г., оставшись одна и оказавшись

побежденной иностранным врагом, она сумела разжечь революционный костер Парижской Коммуны.

Но при всей ее оригинальности, Франция как страна социалистических идей является лишь одной из нескольких стран, столкнувшихся с последствиями индустриализации. Как и за рубежом, реформистская и революционная мысль была здесь уделом прежде всего интеллектуалов, в массе своей выходцев из привилегированных социальных слоев населения. Как и в других странах, эти идеи обрели силу и стали жизненными только тогда, когда они пропикли в рабочую среду, стали проверяться действием. Но мысль здесь «заработала» раньше, была более бурной, чем в других странах, хотя сам процесс индустриализации начался в стране позднее, чем в Англии (французский «взлет» наблюдался между 1830—1860 гг.).

Это так, но сама теория «взлета» слишком упрощает происходившие процессы. Она указывает момент (час X), когда индустриальное развитие резко идет вверх. Но так ли уж четко можно определить этот момент? Верить в это — значит недооценивать весь предыдущий — инкубационный — период. Во Франции, в период между 1815—1851 гг., довольно высокие годовые темпы промышленного роста (2,5%) были определены только в недавних исследованиях. Эти темпы роста оказались достаточными для стимулирования городского развития, наблюдавшегося с XVIII в., для трансформации старого общественного уклада, а также для того, чтобы придать стране, пережившей потрясения Революции и следовавших за ней войн, вид разрушающегося здания, который так поражал современников.

Быстрый рост городов сам по себе вызывал резкое ухудшение условий жизни в них. У всех внимательных наблюдателей — от Бальзака до Виктора Гюго — складывалось именно такое впечатление. Нищета, нищенство, разбой, мелкая преступность, бездомные дети, эпидемии, общий рост преступлений — все эти негативные явления усиливались по мере скапливания наемных работников в узком пространстве, ограниченном городскими стенами. Приток сельских жителей в крупные города не прекращался. В 1847 г. Мишле отмечал, что «крестьянина все восхищает в городе, он хочет получить от него как можно больше, он желает остаться в городе, если это возможно... Как только человек уезжает из деревни, он больше не хочет туда возвращаться». В Орлеане, например, в 1830 г., году смуты, в помощи нуждались 12 500 неимущих жителей из общего числа горожан в 40 000 человек, т.е. один из трех. В Лилле в этот же год данная пропорция составляла 1 к 2,21.

Создастся впечатление, что *городское общество* в этот период испытывало шок от развития промышленности: с одной стороны, это

развитие было привлекательным для горожанина, с другой — ему не удавалось вывести городское общество из прежнего состояния, удавалось даже обеспечить жителей городов всем необходимым для жизни. Впрочем, эта нищета городов той поры была, быть может, ничем не хуже, чем нищета тогдашней деревни. Но в городах особо тревожным было зрелище бедственного положения жертв индустрии, которая, предоставляя людям работу, была равнодушна к условиям их существования.

Итак, как только индустриализация сделала начальные шаги в городах, у первых «идеологов» оказалось перед глазами общество, сравнимое разве что с обществом сегодняшних слаборазвитых стран.

Но начиная с 1851 г., в период экономического подъема и расцвета Второй империи (1852—1870), положение рабочих улучшилось.

- От организации трудящихся до системы социального обеспечения.

О том, чтобы рассматривать здесь этот многосторонний и важнейший вопрос, не может быть и речи.

Можно ли вообще это сделать? Для этого нужно было бы рассматривать одновременно социалистические идеи (в их развитии, в их взаимных противоречиях и совпадениях) и деятельность рабочих организаций, выдвигаемые ими требования, которые нужно анализировать в рамках системы труда и трудовых отношений, повседневной жизни трудового населения. Каким образом социалистические идеи пропикли в рабочие массы, были взяты ими на вооружение?

На этот вопрос тем более трудно ответить, что зачастую — и пример Англии служит тому доказательством — рабочая среда организовывалась самостоятельно, постепенно, исходя из реальных условий, вне прямого воздействия на нее идеологических учений и активной, предполагающей применение насилия политики.

Если первый период был периодом социальных теоретиков, второй — периодом профсоюзных объединений, третий — периодом политических рабочих партий, то последний — четвертый — период стал периодом государственного вмешательства в социальную сферу: государство либо говорит нет требованиям рабочих (или делает им уступки не по своей воле, а апеллируя к государственной мудрости, что почти одно и то же), либо оно не только следует за требованиями, но предвосхищает их, т.е. заранее ликвидирует причины недовольства.

При анализе развития социальных идей и движений особое внимание должно уделяться четырем отличным друг от друга действующим силам: теоретикам различных направлений; профсоюзным деятелям

самой разной ориентации; политикам -выходцам из рабочей среды; представителям государства.

Эволюция социальной сферы затронула всю Европу, она прошла повсюду примерно те же этапы, во всяком случае в трех основных европейских странах — Англии, Франции и Германии, а также в близких им Нидерландах, Бельгии, скандинавских странах, Швейцарии. За пределами этих привилегированных стран отставание в социальной области заметно еще и *сегодня*.

В данной работе нас интересует социальное развитие передовых европейских стран. Обратим внимание на несколько этапов этого развития.

До 1871 г.

В Англии тред-юнионы (профсоюзы) в массе своей начали создаваться с 1858—1867 гг. С момента создания они начали выступать за отмену т.н. закона «О хозяевах и слугах». Первый конгресс тред-юнионов прошел в 1866 г. Профсоюзы той поры объединяли только *квалифицированных работников*.

Во Франции в тот период не было ничего позитивного, за исключением закона о профессиональных союзах, который разрешил проведение забастовок, не имеющих противозаконного характера. В 1865 г. в Париже открылось представительство (бюро) Французской секции Интернационала (первое было создано в Лондоне в 1864 г.), а в 1868 г. другое бюро открылось в Лионе. Вторая империя в этом смысле была одновременно «прогрессивной и сковывающей»: она улучшала положение рабочих масс, но одновременно ограничивала свободы трудящихся.

В Германии наблюдалась схожая картина: ситуация прояснялась медленно. Лассаль создал в 1862 г. в Лондоне *Allgemeiner Deutscher Arbeiter Verein* (Всобщий германский рабочий союз). Через семь лет на съезде в Эйзенбахе была образована Социал-демократическая рабочая партия марксистской ориентации.

До 1914 г.

К этому времени был достигнут гигантский прогресс.

В Англии основанная Гайндманом в 1881 г. *Демократическая федерация* начала пропагандировать «социалистические» идеи в рабочей среде, до того времени с недоверием относившейся к политике. Одновременно с началом политизации трудящихся профсоюзное движение (начиная с 1884 г.) начало охват наиболее обездоленных категорий рабочего класса: *неквалифицированных рабочих*. Однако историческая забастовка лондонских докеров произошла только десять лет спустя. В 1893 г. возникла Независимая лейбористская партия

(*Independent Labour Party*); через пять лет — Всеобщая федерация профсоюзов. Успехи лейбористов на выборах привели к появлению «радикального» правительства в 1907 г. Был принят целый ряд социальных законов. Паметились контуры новой, современной Англии.]

Во Франции проходили схожие процессы: в 1877 г. Жюль Гед основал первую социалистическую газету *Равенство*, а еще через два года — Французскую Рабочую партию. Закон 1884 г. официально признал профсоюзы. С 1887 г. начали появляться Биржи труда. В 1890 г. впервые был отмечен Первомай, ставший праздником Труда. В 1893 г. социалист Жак Жорес впервые был избран депутатом Национального Собрания страны. В 1895 г. была основана Всеобщая конфедерация труда. В 1901 г. были созданы две социалистические партии: партия Жюля Гед (Социалистическая партия Франции) и партия Жореса (Французская социалистическая партия). В 1904 г. увидела свет газета *Юманите*. В 1906 г. существовавшие до этого времени две социалистических партии слились в одну — Объединенную социалистическую партию.

В Германии социалистов преследовал Бисмарк («исключительный закон» 1878 г.). Начиная с 1883 г. так называемый государственный социализм начал принимать меры социальной направленности. После отставки Бисмарка вновь появились профсоюзы, объединившие более миллиона членов. Они добились и большого политического успеха: 3 млн голосов на выборах 1907 г. и 4,245 млн голосов на выборах 1912 г.

В этих условиях, не преувеличивая значение Второго Интернационала после 1901 г., оправданным кажется утверждение, что накануне 1914 г. *Запад был не только накануне войны, но и накануне социализма*. Социализм близко подошел к завоеванию власти, к модернизации Европы (если бы это тогда случилось, то современная Европа могла бы быть более передовой, чем ныне). За несколько дней, за несколько часов война разрушила эти надежды.

Огромной ошибкой европейского социализма той поры было то, что он не сумел остановить разгоравшийся конфликт. Это понимают даже те историки, которые благожелательно относятся к социализму и которые хотели бы знать, кто же в действительности несет ответственность за «кардинальный поворот» в рабочей политике. Двадцать седьмого июля 1914 г. в Брюсселе состоялась встреча секретарей французской Всеобщей конфедерации труда Жуо и Димулена и секретаря немецкого национального профцентра К. Легиена. Была ли эта встреча случайной беседой в кафе, где собеседники просто обменялись мнениями и выразили свое сожаление происходящим? Этого мы

не знаем, как не знаем подписки последних демаршей Жана Жореса, которые он предпринял в день своей смерти (Жорес был убит 31 июля 1914 г.).

Сегодняшняя Европа, во всяком случае ее приверженная социализму часть, создавалась медленно, поэтапно, посредством побед на **выборах**, законов, благодаря созданию сначала во Франции (1945–1946 гг.), а затем и в Англии системы социального обеспечения. Общий рынок, принимая решение о расширении европейской пестерки, также **признал** равенство государств в том, что касается их обязанности брать на себя социальные расходы.

Глава 4. Составляющие Европы

Историк гуманистической мысли Франко Симоне недавно **предостерег** нас от буквального понимания европейского единства: по его мнению, это лишь романтическая *иллюзия*. *Сказать, что он прав и он* повременно не прав, — означает выразить одной фразой следующую мысль: Европа — это единство и в то же время разнообразие. Как ни кажется при зрелом размышлении, эта мысль объективно **правильна**.

Предыдущие главы показали, что Европа имеет общую судьбу, **предопределенную** господствующей в ней религией, ее **рационалистическим** мышлением, эволюцией науки и техники, склонностью к революциям и социальному равенству, выдающимися достижениями. Тем не менее нетрудно выйти за пределы этой «гармонии» и **обнаружить** имеющиеся здесь подспудные национальные различия. Их множество, они сильны и необходимы. Они *существуют* и внутри одной нации: между Бретанью и Эльзасом, Югом и Севером Франции; между южной Италией и Пьемонтом; между Баварией и Пруссией; между Шотландией и Англией; между Фландрией и Валлонией; между Каталонией, Астурией и Андалусией. Однако эти различия обычно не используются в качестве аргументов, чтобы отрицать национальное **единство стран**.

Вместе с тем национальные особенности отдельных стран не могут служить и делу отрицания общесвропейской реальности. Каждое государство всегда стремилось создать собственный культурный мир, и такая научная дисциплина, как «психология народов», с удовольствием занималась анализом различных национальных цивилизаций. Великолепные труды Эли Фора и графа Кайзерлинга в этом смысле могут служить примером ошибочных оценок. Об этих книгах можно сказать, что их авторы слишком пристально вглядывались в отдельные мозаичные плитки, хотя, если посмотреть на них издали, то можно увидеть не отдельные **франгменты**, а общий рисунок. Почему всегда пужло делать выбор между общим и частным? И то и другое верно, и они друг друга не исключают.

Блестящие составляющие: искусство и разум

Под блестящими составляющими мы понимаем согласие, гармонию, которые в плане культуры, вкусов и разума придают европейской цивилизации братский, почти однообразный вид: создается впечатление, что вся цивилизация озарена одним и тем же светом.

Означает ли это, что все европейские нации имеют одну и ту же культуру? Конечно, нет. Но всякое движение, возникшее в какой-то точке пространства, имеет тенденцию охватить все пространство разом. Мы говорим: тенденцию, и не более. То или иное достижение культуры может столкнуться с неприятием в той или иной части Европы, или наоборот, как это часто случалось, выйти за пределы континента, перестать быть сугубо «европейским» достижением, чтобы превратиться в «общемировое». И тем не менее в целом части европейского культурного пространства связаны между собой и выступают как единое целое в глазах остального мира.

- Искусство в его разнообразии и единстве: в Европе всякая форма искусства выходит за рамки региона, где она возникла, идет ли речь о Каталонии (вероятно, именно здесь возникло романское искусство), об Иль-де-Франс, о Ломбардии, Флоренции эпохи Кватроченто, Венеции Тичиана или о Париже периода импрессионистов.

Так исторически сложилось, что каждая строящаяся в Европе крепость, каждый княжеский дворец, собор притягивали к себе художников (в смысле — деятелей искусства) со всего континента. В качестве примера возьмем Дижон, столицу герцогов Бургундских и Клода Слотера* в XV в. Одних только путешествий итальянских художников эпохи Ренессанса достаточно для того, чтобы понять, как достижения художественной школы, возникавшей в одном городе, становились достоянием художественной школы другого города. Фреску, которую начинал создавать один художник, мог закончить другой; в строительстве того или иного собора могли принять участие попеременно множество разных архитекторов. Так, церковь Санта Мария дель Фьоре во Флоренции строилась по одним архитектурным чертежам, а ее купол был воздвигнут благодаря стараниям и смелости Брунеллески.

Свою роль играли требования роскоши, каприз государя или богатого торговца: без этого трудно понять, как достижения искусства получали столь быстрое распространение в эпоху, когда средства сообщения были еще медленными и не столь доступными, как сегодня. В XV, XVI вв. итальянские мастера (те самые, кого Франциск I приглашал к своему двору) были учителями всей остальной Европы. В XVIII в. их заменили французские мастера, посетители классического искусства, которых можно было увидеть даже в далекой России...

Сколько появилось тогда в Европе Версалей, сколько было создано французских парков!

Европа всегда знавала приливы художественной моды, вариаций которой медленно достигали расцвета и также медленно уступали место другим. Достижения искусства известны всем: романское искусство, готическое искусство, искусство барокко, классическое искусство...

Поражает хронологическая глубина каждой художественной эпохи. Так, готическое искусство господствовало на протяжении почти трех веков, хотя в южной части континента оно не распространилось южнее Бургоса и Милана, поскольку настоящее Средиземноморье не относилось к нему благосклонно. Напротив, еще в начале XVI в. Венеция оставалась городом готической архитектуры, хотя и на свой оригинальный манер. К 1550 г. Париж также остается готическим. Архитектура Возрождения встречалась довольно редко: строящийся Лувр, ныне исчезнувший Мадридский дворец, Фонтенбло, где работал Приматис и куда приехал умирать Леонардо да Винчи. С начала XVI вв. все большую популярность приобрел стиль барокко, возникший одновременно в Риме и Испании и являвшийся продуктом Контрреформации (об этом говорит его прежнее название — искусство иезуитов). Отметим, что этот стиль «захватил» и протестантскую Европу. Он также получил большую популярность на востоке континента: в Вене, в Праге и Польше.

В XVIII в. быстрое развитие получила национальная французская архитектура. Чтобы понять урбанизацию, которая в значительной мере изменила облик наших городов (Бордо, Тур), нужно посмотреть на архитектурный облик Ленинграда (Санкт-Петербурга), построенного на пустом месте, где отсутствовали какие-либо постройки, могущие стеснить свободу архитекторов. Он остается, безусловно, самым красивым городом XVIII в., в высшей степени выражающим наше понимание перспективы и городского ансамбля.

Поразмышляем теперь немного о живописи и музыке, которые также являются частью общевропейского культурного наследия.

Сложно в нескольких словах рассказать об истории музыкальных инструментов и технических достижений в музыке, которыми в Европе были отмечены последовательно сменявшиеся эпохи. Вначале это были музыкальные инструменты, пришедшие к нам со времен античности — от флейты до арфы, затем к ним добавились орган, клавесин, скрипка, которая популярностью своей обязана итальянским виртуозам (хотя смычок в его нынешнем виде появился только в XVIII в. благодаря французу), фортепьяно и т.д.

Чередование музыкальных форм связано, конечно же, с развитием музыкальных инструментов. В Средние века пение с аккомпанементом или без него было господствующей формой музыки. Полифония, возникшая в IX в., использовала орган для сопровождения литургического пения в его низких октавах. В XIV—XV вв. возникло *Новое искусство* флорентийцев — многоголосное пение, в котором музыкальные инструменты участвовали наравне с голосами. Это «новое искусство» достигло совершенства в музыке а капелла Палестрины (1525–1594).

Но постепенно вокальная музыка уступала место инструментальной, что стало особенно заметным после появления смычковых инструментов. Речь шла о *зарождении концертной музыки*, камерной музыки, написанной для небольшого числа инструментов, например квартета. Вначале под камерной музыкой подразумевали светскую, придворную музыку, которую противопоставляли музыке церковной. Такие музыканты, как Энрико Радеска или Карло Фарина, были «камерными» (придворными) музыкантами. Камерная музыка — это был прежде всего диалог, искусство особого рода разговора. Колыбелью этой музыки стала Италия с ее концерти Гроссии: сначала группы инструментов говорят между собой, затем один инструмент дает ответ всему оркестру (Корелли, 1653—1713, был первым музыкантом, исполнявшим сольные партии, но подлинным мэтром всегда считался Вивальди, 1678—1741). Германия отдавала предпочтение *сонате* (два инструмента, а иногда один). Во Франции была популярна *сюита*, в которой гибко сочетались различные танцевальные движения.

Появление *симфонии* означало возникновение крупной оркестровой музыкальной формы, крупной не только из-за числа исполнявших ее музыкальных инструментов и используемых музыкальных средств, но и из-за числа слушателей. В XVIII в. Стамец начал представлять форму сонаты как симфонию. В следующем веке, в эпоху романтизма, музыка эволюционировала в направлении увеличения оркестра, усиления роли солиста, совершенствования виртуозности исполнения (Патанини, Лист).

Особо следует выделить итальянскую оперу, родившуюся во Флоренции в конце XVI в. Она получила распространение не только в Италии, но и в Германии и во всей Европе (Моцарт, Гёндель, Глюк создавали вначале итальянские оперы); позднее появилась так называемая немецкая опера.

Что касается живописи, то ее эволюция — хотя в этом случае более уместно говорить о революции — захватила всю Европу: даже когда течения в живописи противоречат друг другу, то эти противоречия ос-

таются едиными для всей Европы. В истории европейской живописи было, по всей видимости, две крупнейшие революции: итальянская революция эпохи Возрождения, когда живописное пространство стало пространством геометрическим, что произошло задолго до открытий Галилея и Декарта, которые «геометризировали» мир; вторая революция произошла во Франции в конце XIX в. и затронула саму сущность живописи. Она привела к возникновению кубизма и абстрактной живописи. Когда мы говорим о Франции и Италии, делаем это **только**, чтобы сказать о «колыбели»; но если говорить о не менее крупных именах в живописи и о новаторах, то в обоих случаях мы увидим *общеευропейский* характер данных революций. Сегодня правильнее говорить о западной живописи, поскольку она вышла за пределы Европы.

По правде говоря, любой крупный европейский город, если посмотреть на его архитектурный облик или на его музейные собрания, предлагает нашему взору схожую стратификацию, одинаковые художественные пласты. И даже если один город по преимуществу барочный, другой ближе по своей архитектуре к эпохе Ренессанса, а третий является собой пример архитектуры классицизма, если Венеция гордится своей характерной готикой, а Падуя — романской архитектурой, то все равно, любой европейский житель повсюду находит архитектурные формы, которые он знает, понимает, считает своими.

- * Различные философские течения также несут в себе универсальное начало. Европа имела единую или почти единую философию в каждый момент своего развития.

Можно последовать примеру Жан-Поля Сартра, который любил говорить о *господствующей философии*, определяемой социальной конъюнктурой (Западу — в каждый момент его исторического развития — была присуща определенная экономическая и господствующая социальная архитектура). Была или нет философия Декарта философией усиливающейся буржуазии, медленно формирующегося капиталистического мира, это ничего не меняет в том, что его учение наполняло собой классическую Европу. Была или нет философия марксизма (а как сказать «нет»?) философией находящегося в развитии рабочего класса, философией социалистического или индустриального общества, это ничего не меняет в том, что она заняла господствующее положение сначала в Европе, а потом во всем мире, где одни силы выступают в ее поддержку, а другие определяют себя в качестве ее противников.

Такое единство философских учений предполагает бесконечное число связей между странами.

В качестве примера возьмем два важных периода развития немецкой философии: первый период начинается с *Критики чистого разума* Канта (1781) и заканчивается смертью Гегеля в 1831 г.; второй период связан с именами Гуссерля (1859—1938) и Хайдеггера (1889—1976). Их значение трудно понять, если не учитывать многочисленные переводы их работ на французский, английский, итальянский, испанский, русский языки. Эти переводы показывают распространение в Европе двух основных направлений немецкой философской мысли.

Если взять другой пример — экзистенциализм, то именно французская интерпретация этого философского направления, связанная с именами Сартра и Мерло-Понти, способствовала его популярности в мире, в частности в странах Латинской Америки.

- Что касается объективной науки, то здесь вообще не возникает никаких вопросов: с самого начала в Европе она была единой.

Трудно сказать о любой европейской нации, что именно ей принадлежит заслуга того или иного научного открытия: каждое научное открытие подготавливалось одновременно повсюду, происходило поэтапно, вызывая интерес *всех ученых Европы*.

Можно воспользоваться любым примером для иллюстрации этого положения. Возьмем научную революцию, произведенную Кеплером, о которой прекрасно написал Александр Койре в своей книге, вышедшей в 1962 г. Кеплер (1571—1630) тесно связан со своими единомышленниками, со своими предшественниками (прежде всего с Коперником), со своими современниками (с Галилеем) и учениками. Если мы начнем искать на карте места их рождения, города, где протекала их деятельность, то увидим, что охваченной окажется почти вся Европа.

Медицина, биология, химия не являются исключениями из правила. Ни об одной науке нельзя сказать, пусть даже в ограниченном отрезке времени, что эта наука является немецкой, английской, французской, итальянской, польской... Любая наука всегда европейская.

- Что касается специфических наук о человеке, то их развитие, философии например, начиналось чаще всего в одной стране, а затем быстро распространялось по всей Европе.

Социология имеет по преимуществу французское происхождение, политическая экономия за пятьдесят последних лет развивалась

прежде всего усилиями английских и англо-саксонских ученых, география была делом немцев и французов (Рагнвальд Видаль де ла Блаш). В XIX в. историческая наука развивалась особенно бурно в Германии, где господствовал авторитет Леопольда фон Ранке (1795—1886): европейская историография многим обязана его эрудиции и «тщательно» восстановлению исторических событий. Сегодня ситуация сложнее! но европейская историография, ставшая к нашему времени мировой историографией, развивается как единое целое. В ней господствует французская школа, созданная усилиями Анри Берра, Анри Пиренна, Люсьена Февра, Марка Блока, Анри Оссе, Жоржа Лефевра, опирающаяся на труды таких экономистов, как Франсуа Симьянд, и таких социологов, как Морис Альблан. Претендуя на то, чтобы стать синтезом всех наук о человеке, она обновила многие методы историческо-го анализа.

- Единство литературы выражено наименее ярко. В большей степени, чем европейская литература, проявляют себя национальные литературы, между которыми имеются тесные связи, но одновременно и заметные противоречия.

Характерное для литературы разнообразие (скажем, что это к счастью) объясняется тем, что литература (эссе, роман, театральные пьесы) опирается прежде всего на то, что в наибольшей мере отличает национальные цивилизации друг от друга: на язык, повседневную жизнь, реакцию на боль, удовольствие, любовь, смерть, войну; манеру расслабляться, есть, пить, работать, верить... Именно посредством литературы нации превращаются в персонажи, индивидуумов, которых можно анализировать, даже подвергать психоанализу.

Конечно, между национальными литературами есть сходство, очевидное и долговременное: литературы подвержены воздействию моды. В XIX в., например, по всей Европе прокатилась волна романтизма, которая вытеснила рационализм эпохи Просвещения; в свою очередь, романтизм уступил место социальному реализму... В разных литературных произведениях можно проследить «влияние» различных литературных школ, а также отдельных писателей. Но вместе с тем очевидно, что в каждом литературном произведении отражаются своя социальная и интеллектуальная среда, личный опыт автора. Поэтому мы не вправе говорить о единой национальной литературе. Но если мы не можем говорить о единстве национальной литературы, то как же мы можем утверждать, что существует единая европейская литература?

К тому же, на пути возможного единства литературы встает такое труднопреодолимое препятствие, как язык. Никакой перевод не способен полностью передать своеобразие оригинального литературного произведения. Каждый из великих европейских языков заимствует у других часть их сокровищ. Хотя в определенные периоды один из языков выходил на авансцену и играл роль языка межнационального общения: некогда таким языком была латынь, в XVIII в. — французский. Господство Вольтера на пространстве от Санкт-Петербурга до Парижа было господством французского языка, чем только и можно объяснить феномен Вольтера. Сегодня преобладание одного языка возможно в науке (впрочем, наука и так уже создала свой искусственный язык, базирующийся на международных научных терминах), но не в литературе. Тем более что литературный язык, в наше время становится общедоступным, массовым. Относительно «интернациональности» французского языка в XVIII в. следует отметить, что это был язык «узкого круга», элиты.

• Нужно ли сохранять культурное единство и своеобразие Европы?

Достаточно ли имеющегося европейского культурного единства, при всех его достоинствах и недостатках, для создания единой, лишенной национальных границ Европы? Безусловно, нет. Вот почему сторонники политического объединения Европы уделяют так много внимания реформе образования, полагая, что она способна оказать благотворное влияние на процесс объединения. В случае принятия решения о равноценности национальных дипломов европейские студенты получили бы возможность учиться в различных университетах; можно было бы создавать общеевропейские университеты (в принципе это решение уже принято), общеевропейские научные центры.

Пойти по этому пути — значит уделить больше внимания современному гуманизму, широко открытому живым языкам, какими являются языки Европы.

Надежные составляющие: экономика

Европа уже давно опутана сетями единой экономики: в каждую конкретную историческую эпоху ее материальная жизнь вращается вокруг основных, привилегированных центров.

В последние века Средневековья все направлялось в Венецию, все товары проходили через нее. В последующую эпоху таким центром

стал на некоторое время Лиссабон, потом Севилья или точнее — ос Севилья — Антверпен, что продолжалось до последней четверти XVI в. В начале следующего столетия главенство в европейской торговле захватил Амстердам (вплоть до начала XVIII в.), потом оно перешло к Лондону, который сохранял этот статус до 1914 и даже 1939 г. В европейском хозяйстве всегда был оркестр и дирижер.

Каждый раз эффективность этих экономических центров притяжения определялась не только прохождением через них европейских товаров, но и товаров из других частей света. Накануне войны 1914 г. Лондон был для Европы не только финансовым, страховым (прежде всего страхование морских перевозок) рынком, но рынком американского зерна, египетского хлопка, малазийского каучука, олова из Бангкока и Биллитопа, южноафриканского золота, австралийской шерсти, американской или ближневосточной нефти...

- В Европе очень рано сформировались общее материальное пространство, монетарная экономика, развивавшиеся при активном использовании морских и речных путей, а также сухопутных дорог, пригодных для гужевого транспорта.

Уже на ранних этапах европейской истории использование вьючных животных позволяло преодолевать Альпийские горные преграды (перевалы Бреннер, Сен-Готард, Симплон, Мон-Сени). В обиходном языке можно было встретить такие странные названия, как «большие повозки», означавшие караваны мулов, пересекавшие горную гряду, что позволяло в свое время товарам из Италии проникнуть на Север и Северо-Запад Европы, куда отправлялись богатые ткани и продукты роскоши с Востока. В XVI в. в Лионе оживленная торговля и ярмарки обеспечивались товарами, доставляемыми сюда по рекам, гужевым транспортом или «большими повозками» со стороны Альп...

Железные дороги, появившиеся в середине XIX в., позволили убрать препятствия на пути торговли внутри континентальной Европы. Ее материальная цивилизация основывается отныне на быстром товарообмене, посредниками в котором выступали крупные промышленные и торговые города.

Остановимся на двух примерах, иллюстрирующих эту долгую историю. Первым таким примером могут быть караваны венецианских торговых галер. В XV в. они курсировали главным образом по Средиземному морю, но некоторые доходили до Брюгге и Лондона;

в то же время широко использовались наземные дороги, доходившие до Венеции, где немецкие торговцы имели, в частности, большой общий склад.

Другим примером, характерным для XVI в., может служить денежный и вексельный оборот, отправной точкой которого была Севилья. Одни и те же суммы денег перемешались с места на место, обеспечивая оборот *товаров* и расчетов.

В этих условиях становится понятно, почему различные регионы Европы были подвержены одним и тем же циклам. Так, в XVI в. в Испании наблюдался значительный рост цен, что было вызвано притоком в страну большого количества драгоценных металлов, используемых для чеканки монет. Этот рост цен затронул всю Западную Европу и докатился даже до Москвы, хозяйство которой еще оставалось примитивным.

- Это не означало, что вся экономика Европы развивалась одними и теми же темпами, находилась на одном уровне. Линия раздела проходила от Любека и Гамбурга до Праги и Вены, достигая затем Адриатического побережья, и отличала передовую экономику западной части континента от отсталой в хозяйственном отношении Восточной Европы, свидетельством чего было положение крестьянских масс. Это различие не исчезло и в наши дни.

Кроме того в более развитой части Европы имелись экономически передовые регионы, своеобразные «полюса роста» и менее развитые, зачастую просто отсталые зоны, которые можно назвать слабо развитыми в хозяйственном отношении. Еще и сегодня почти в каждой европейской стране можно выделить отсталые районы, что усугубляется притягательностью развитых экономических центров для вновь возникающих производств.

В реальной жизни не бывает единой экономики без различий в уровне и темпах развития, без того, чтобы одни регионы, развиваясь быстрее, не тянули за собой остальные. Развитие и слабо развитость взаимосвязаны, зависят друг от друга. Об этом говорит, в частности, история банков во Франции: начиная со второй половины XIX в. их общее развитие сдерживалось преимущественным ростом отдельных банков, например *Креди Лионне*, созданного в 1863 г., а также «замороженными» или наполовину «замороженными» сбережениями и капиталами отдельных регионов страны, прежде всего сельскохозяйственных. Именно эти регионы в наибольшей мере испытали на себе шок пробуждающейся экономической жизни.

- Первые шаги Общего рынка: можно ли организовать в единое целое существующие изначала в Европе экономические связи, несмотря на различия рациональных и национальных экономик?

Эту проблему пытаются решить со времени окончания Второй мировой войны, и Общий рынок наиболее эффективен в этом смысле, хотя это не первая и не единственная попытка такого рода.

Толчком послужило бедственное положение Европы после 1945 экономический крах Европы был опасен для сохранения равновесия в мире. Отсюда первые конструктивные меры: создание в Лондоне Комитета Объединенной Европы (май 1947 г.), план Маршалла (3 июля 1947 г.), осуществленный по многим, в том числе политическим, военным, экономическим, культурным и социальным причинам. Европа, а точнее ее часть, сделала попытку организовать в единое целое.

В данный момент мы ограничимся рассмотрением только экономических проблем. С этой точки зрения, неудача создания Европы Семи государств («потерпевших кораблекрушение», по выражению одного журналиста) открыла дорогу «Европейской шестерке», как часто называют Общий рынок, и созданию разного рода общих для этих шести стран европейских организмов, предусмотренных Римским договором от 25 мая 1957 г.: ЕЭС и Евратом в частности. На сегодняшний день это частичное решение проблемы, но если стремление к созданию единой Европы сохранит свою силу, то тогда можно ожидать углубления и расширения союза, учитывая намерение присоединиться к нему со стороны Турции, Греции, Дании, Ирландии, Швейцарии, Австрии, Англии.

Заявки этих стран на присоединение к «Европейской шестерке» находятся пока в стадии рассмотрения (мы отмечаем состояние дел на февраль 1962 г.). Итак, Общий рынок имеет тенденцию к расширению, охватывая все классическое пространство Европы (пока что ему запрещается дойти «до Урала»). Вопрос о присоединении Англии является наиболее важным.

Именно Общий рынок представляется наилучшим объектом для изучения перспектив создания Европейского экономического союза.

Образование ЕЭС, иными словами Общего рынка, явилось результатом трудных переговоров при подписании Римского договора (25 мая 1957 г.), статьи которого начали претворяться в жизнь с 1 января 1958 г.

Это совсем еще недавнее событие, и поэтому оценивать его последствия нужно осторожно.

Безусловно, наблюдаемый последние четыре года экономический рост «шестерки» вызван одновременно благоприятной мировой конъюнктурой и следствиями первых шагов в сторону объединения. Паметившаяся открытость национальных экономик стран Общего рынка послужила импульсом для роста товарообмена между заинтересованными странами.

Тем не менее все будет решено в будущем. Программа последовательных действий, предусмотренная Римским договором, предполагает несколько этапов. Следовательно, вопрос можно поставить следующим образом: являются ли первые уже сделанные шаги в сторону объединения хорошим предзнаменованием для будущего, которое на бумаге предполагает полную экономическую интеграцию?

В противоположность пессимистическим прогнозам, промышленность стран «шестерки» (включая и промышленность Франции, которая изначально уступала промышленности ФРГ) адаптировалась к требованиям Общего рынка. Это подразумевало изменение структур промышленности, большую концентрацию производства, что демонстрируют во Франции такие группы, как «Рено», «Пешине», «Сен-Гобен»... Нужно также переоборудование, в частности в угольной отрасли, где некоторые нерентабельные шахты подлежат закрытию. Эта перестройка необходима, хотя иногда и болезненна.

Разумеется, если бы дело было только в промышленности, то согласия и компромисса было бы легко достичь. При нынешнем состоянии техники, промышленность демонстрирует очевидную гибкость для реализации планов по ее реструктуризации. Не ожидается больших сложностей и в области кредитной политики, связанной с надежностью национальных валют и их взаимной поддержкой друг друга. Европейские валюты переживают относительно долгий период стабильности и надежности. Это привело к тому, что доллар перестал быть единственной валютой, *золотым стандартом*, для национальных валютных запасов.

Таков, если хотите, положительный эффект создания Общего рынка. Но и здесь не все предстает в розовом свете — это касается не только политики (об этом мы скажем чуть ниже), но и экономики.

Проблемы экономического порядка: а) границы Общего рынка внутри Европы; б) его границы за пределами Европы; в) внутренние проблемы Общего рынка, обусловленные выработкой единой сельскохозяйственной политики.

Европейская шестерка является, очевидно, неполной. Имеются «пустоты» на Западе. На Востоке опущен «железный занавес», за которым

получил развитие другой «Общий рынок» — Совет Экономического Взаимопомощи (СЭВ). Большой проблемой явится вероятное вступление в Общий рынок Англии: вопрос об этом поставлен в 1961 г., но по-прежнему существуют трудности, мешающие присоединению этой страны. Дело это непростое: чтобы присоединиться к континентальной Европе, Англии потребуются ослабить узы, связывающие ее Британским Содружеством, а также отказаться от свойственного льготного экономического режима, предоставляемого странам швей Британской империи. В экономическом плане это ставит проблемы, поскольку требуется согласие стран Содружества. В психологическом плане возникает вопрос о необходимости перевернуть последнюю страницу в ее славной имперской истории.

Не меньшее значение имеет проблема взаимоотношений Общего рынка и остального мира, в частности отношений с Африкой к югу от Сахары (Франция пока берет на себя отношения со странами Северной Африки, исключая Египет и Ливию), а также проблема взаимоотношений с Британским Содружеством. Также важна проблема отношений с рынком США, возникшая в 1962 году: «колоссальный»! заокеанский рынок грозит поглотить небольшой Общий рынок.; Можно сказать так: Европа — это первый этап; Атлантика — второй; остальной мир — третий. Но говорить так означает сделать уступку чрезмерному оптимизму. Все эти проблемы являются также проблемами политическими, что вовсе не упрощает решение задачи.

Чрезвычайно запутанные вопросы внутренней сельскохозяйственной политики — вот важнейшая экономическая проблема, определяющая будущее Общего рынка.

Неизбежные перемены угрожает крестьянскому миру Европы, пустившему глубокие корни в ее цивилизацию, но имеющему сегодня недостаточную производительность (об этом, во всяком случае, говорят цифры).

В странах Европейской шестерки, при совокупном населении в 160 млн человек, насчитывается 25 млн крестьян (включая их семьи). М. Маншолт, бывший министр сельского хозяйства Нидерландов и нынешний вице-председатель ЕЭС, заявил недавно, что в ближайшие годы необходимо переориентировать 8 млн крестьян на работу вне аграрного сектора.

Модернизация сельского хозяйства будет означать увеличение его совокупной отдачи, уменьшение числа занятых в аграрном секторе за счет механизации сельскохозяйственного производства, а также ограничение доходов, которые в целом не будут здесь расти теми же темпами, какими растет вся европейская экономика.

В находящейся на подъеме экономике развиваются прежде всего промышленное производство и *сектор обслуживания*. В развитых странах увеличение доходов более не означает пропорционального роста спроса на продовольственные товары. Если растут мои доходы, то я покупаю автомобиль, электронику, книги, одежду, я отправляюсь в путешествие, иду в театр, но я не увеличиваю мое потребление хлеба, мяса, вина или алкоголя.

В целом, чтобы добиться такого же роста доходов в аграрном секторе, что и в других отраслях хозяйства, каждый третий крестьянин должен до 1975 г. сменить род деятельности; в свою очередь, сельское хозяйство должно увеличить производство, чтобы компенсировать отток сельхозпроизводителей. Предусмотрено, что в сельском хозяйстве должно ежегодно высвобождаться 4% производителей, тогда как сегодня это число составляет 2% в Великобритании и 1,8% во Франции. Если эти темпы сохраняются, то Англии понадобится 22 года, чтобы достичь поставленных целей, а Франции — 27 лет. Но и здесь возможны неприятные неожиданности: в Италии, например, где крестьянство наиболее многочисленно (4,5 млн человек) высвобождение рабочих рук происходит в основном за счет сельскохозяйственных рабочих, потерявших работу, тогда как сами структуры сельского хозяйства остаются неизменными, несмотря на статистические сдвиги.

В этих условиях цены на европейскую сельхозпродукцию оказываются неконкурентоспособными на мировых рынках, где излишки сельскохозяйственной продукции США и Канады продаются по низким ценам, даже более низким, чем на их собственных внутренних рынках, что становится возможным благодаря государственным субсидиям. Очевидно, что сохранение высоких цен на продукцию сельского хозяйства становится возможным в Европе только из-за искусственного завышения цен на импорт, что изолирует европейскую сельхозпродукцию от мирового рынка.

Другой очень важной проблемой Общего рынка является большая разница в производстве и ценах сельхозпродукции по странам.

Франция, для которой характерен излишек сельскохозяйственной продукции, может его продать (в первую очередь это касается зерновых) только по мировым ценам, что заставляет правительство закупать излишки у крестьян по ценам внутреннего рынка, а затем продавать их за пределами страны себе в убыток. Так, в 1961 г. Франция продавала свою пшеницу и ячмень коммунистическому Китаю, а замороженное мясо — России... В том же положении оказываются Италия (фрукты и овощи), Голландия (молочные продукты). Что касается ФРГ, то она импортирует многие виды сельхозпродукции, но

делает свои закупки за пределами Общего рынка и к тому же не собирается отказываться от *собственного экспорта*.

Цены на сельскохозяйственную продукцию в разных странах и во многом зависят от политики протекционизма по отношению к национальному аграрному сектору, а также от его производительности. Например, самая низкая цена на *зерновые характерна* для Франции, а самая высокая для Германии; молоко дешевле всего в Голландии и пр. Так на каком же уровне можно выровнять цены?

И наконец, кто заплатит высокую цену за модернизацию сельского хозяйства? Решение, принятое в Брюсселе 14 января 1962 г., предполагает, что расходы понесет сообщество в целом. Но это решение не выгодно для Германии, которая является прежде всего индустриальной страной. Страны же, где сельское хозяйство занимает гораздо большее место — Франция, Италия, Голландия, *отказываются переходить* ко второму, промышленному, этапу своего реструктурирования до тех пор, пока не будет четко определен его первый этап — изменение сельскохозяйственной политики. Согласие было достигнуто с таким большим трудом (200 часов переговоров), что, казалось, даже судьба Общего рынка под угрозой. По этому поводу один журналист пошутил: «Европа легко проглотила сталь, уголь и атом, но пощехнула овощами и фруктами».

Соглашение оговаривает сроки: первые меры должны быть *приняты* уже в июле 1962 г. Отныне правительства и профсоюзы знают, что время пошло и перемены неизбежны.

Предусмотренный оборот сельхозпродукции должен стать свободным при одновременной *выплате* компенсации, равной разнице в ценах. Такой принцип потребует формирования соответствующих институтов, налаживания контроля, соблюдения правил. Предусмотрен арбитраж. В то же время необходимо установить на общих границах «шестерки» единую систему таможенных платежей, рассчитанную относительно средней величины национальных тарифов, иначе под угрозой окажется внутреннее равновесие рынка...

Так создается единое таможенное пространство, являющееся гарантом общей экономики. Остановится ли процесс объединения *на этой* стадии? Нет. Встает проблема политического единства.

Алеаторные (проблематичные) составляющие: политика

Если культура говорит «да» единству, если экономика говорит почти то же самое, то политика гораздо более сдержана. Она в чем-то права,

в чем-то нет, где-то ошибается, используемые ею аргументы кажутся устаревшими (они пришли из XIX в.), а иногда вполне актуальны, имеют «прогнозируемый» характер.

Истина заключается в том, что вся Европа уже давно стала объектом политической игры, от участия в которой не может себе позволить устраниваться ни одно государство. Но эта игра не направлена на политическое объединение Европы; напротив, она ее разъединяет на группы, состав которых меняется, но общий принцип остается; помешать гегемонии одной страны по отношению к другим.

Дело не в желании сохранить свободу другого, но соблазны собственных эгоистических интересов. Однако, если одна страна заходит в этом слишком далеко, то другие страны немедленно объединяются против нее.

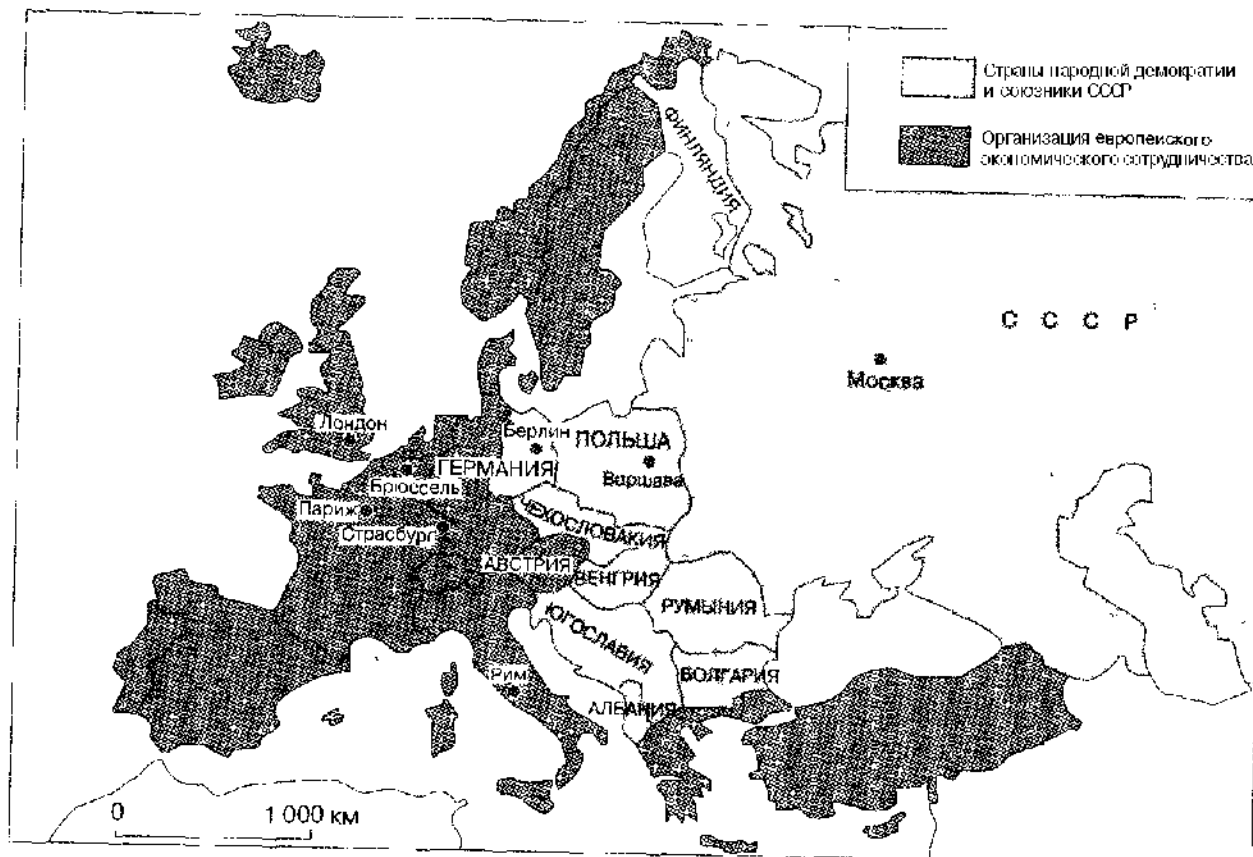
Таким был принцип долго существовавшего «европейского равновесия». Отказалась ли Европа 1962 г. от этой вековой игры?

- XIX в., в котором эта игра достигла наибольшего размаха, не выдумал сам ни «европейского **равновесия**», ни «европейского согласия», ни «**баттлы сил**».

Система сдерживания возникла много веков тому назад. Это не результат умных расчетов послов или их хозяев, а скорее спонтанная, почти бессознательная реакция на события политических деятелей.

Правила игры всегда одни и те же. Если одно государство слишком усиливается или кажется слишком сильным (так произошло с Францией времен Франциска I в 1519—1522 гг.), то соседи перемещаются на другую чашу весов, чтобы уравновесить его силу, заставить его быть более осторожным и умеренным в его притязаниях. Поражение при Павии (1525), пленение короля Франции доказало, что в этом случае произошла ошибка: слишком сильным властителем оказался Карл V. Против него выступили соседи, взяв в союзники даже турок.

Взросшая мощь государств делала все более опасными подобные расчеты. Вскоре одна только Англия в силу своего островного положения могла себе позволить безнаказанно использовать «баланс сил»: будучи географически удалена от этих «качелей», она довольствовалась тем, что поддерживала «игру» своими деньгами и войсками, в основном деньгами. Долгое время она играла против Франции, выступая на стороне ее противников, но когда Германия (одержавшая победу над Францией в 1871 г. потому только, что Англия, а вместе с ней и вся тогдашняя разделенная Европа не захотели предотвратить конфликт) слишком усилилась после 1890 г. по причине экономического

Две Европы

подъема и демографического роста, то тогда возникли сначала Антанта, а затем и Русско-французский союз. Оказавшаяся **окруженной** противниками, Германия ощущала себя слишком сильной для того, чтобы позволить держать себя в узде, но одновременно недостаточно сильной, чтобы убедить других в своем неоспоримом превосходстве. Результатом этого стала война.

Нынешний мир, по примеру Европы, также озабочен достижением «равновесия». На планете появилось два лагеря, **«восточный»** и **«западный»**; со своей стороны, нейтральные страны заняты поисками третьего пути, который только тогда оказывается правильным, когда он подкреплен силой. Эта старая система представляет собой не что иное, как стечение сложных взаимозависимых обстоятельств, которые грозят увлечь в пучину конфликтов весь мир подобно тому, как в этой пучине столько раз оказывалась Европа.

- Крах попыток достичь единства насильственным путем: единственным уроком всей этой однообразной истории конфликтов является то, что насилие всегда оказывалось недостаточным условием для навязывания единства всему европейскому дому.

Если не опускаться в глубь веков вплоть до Карла Великого, достаточно вспомнить Карла V (1500—1558), который представляется наиболее симпатичным из всех тех, кто, к своему несчастью, стремился к гегемонии. О чем он мечтал? Завоевать весь тогдашний христианский мир и защищать его против неверных мусульман и сторонников Реформации. Источником его **«имперской идеи»** были старые мечты, вдохновлявшие некогда испанские завоевания.

Казалось бы, в распоряжении императора было все: войска, великолепные полководцы, преданность сторонников; он пользовался поддержкой крупных банкирских домов; его дипломатия не имела себе равных, он обладал господством на море и распоряжался заморскими **«сокровищами»**, поскольку в его царствование Испания могла использовать в торговых или политических целях золото и серебро, добываемые в Америке. Объясняется ли его неудача сопротивлением Франции, как об этом много говорили? И да, и нет. Да, потому что ни одно из его успешных начинаний не позволило ему покорить огромную Францию (огромную, учитывая скорость тогдашних коммуникаций), оказавшуюся в самом «центре» европейских государств. В 1529 г. он подписал с ней ничего не значащий мир. Позднее он потерпел поражение в столкновении с протестантской Германией (1546, 1552—1555) и мусульманской Турцией:

турки угрожали Вене и нападали на испанское побережье, доходя, Гибралтар.

В конечном счете он не смог преодолеть противостоящее ему европейское единство: против него использовались все средства, даже такие скандальные, как союз с султаном.

В XVII в. *Людвиг XIV* смог добиться господства в Европе, но только на короткое время — на период нескольких тяжелых экономических лет. Европа в целом *тогда ослабла, что сыграло на руку крестьянской Франции* с ее недостаточно развитыми капиталистическими отношениями, но с сильным политическим режимом, существовавшим вплоть до смерти Кольбера, последовавшей в 1683 г. **Как только экономика перешла в стадию оживления (что произошло после 1680 г.), обстановка резко изменилась:** уже в 1672 г. наводнения в Голландии не позволили французам завладеть Амстердамом; в 1688 г. Вильгельм III Оранский стал в определенной мере хозяином Англии; в 1692 г. флот Турвилля был практически разгромлен в морском сражении. В ходе войны за испанское наследство Франция не смогла ни противостоять всем своим противникам, ни тем более овладеть Иберийским полуостровом, а значит — и всеми богатствами испанской Америки.

Является ли *наполеоновская авантюра* событием того же ряда? С одной стороны, столько военных побед, а с другой — непоправимое поражение в Трафальгарской битве (1805)! Французские завоевания как бы завязли в континентальной Европе, тогда как Англия смогла развернуть свои силы на водном пространстве. Достаточно было 100–150 кораблей, чтобы сделать невозможной переправу через Па-де-Кале (а ведь еще в 1805 г. это считалось простым делом) и помешать перейти через Мессинский пролив: Неаполь был в руках французов или Мюрата, а Сицилия *оставалась под властью Бурбонов*.

То же случилось и с *гитлеровской Германией*, против которой сформировалась мощная коалиция, объединившая большинство государств мира.

- Общий рынок и политическое единство: можно ли сегодня добиться политического объединения Европы, не прибегая к насилью, используя лишь стремление к нему государств-партнеров? Программа уже намечена, и она вызывает явный энтузиазм; вместе с тем налицо серьезные трудности на этом пути.

Мы уже упоминали некоторые из них: в первую очередь, имеется в виду объединение только Западной Европы (нужно было создавать

единую Европу «из того, что от нее осталось»); к тому же, европейское единство ставит внесвропейские проблемы, поскольку в плане экономического и политическом это объединение затрагивает равновесие в мире. Один банкир сказал 14 ноября 1958 г.: «В некоторых частях мира опасаются, что Европейский союз начнет осуществлять дискриминационную политику в отношении остального мира». Иными словами, она сможет делать выбор между товарами из Тропической Африки, расположенной к югу от Сахары, и товарами из Латинской Америки...

По главным трудностям это трудности внутренние, институциональные, которые сложно преодолеть, подписав договор или пайдя компромиссное решение.

Можно ли рассчитывать на то, что правительства «Европы государств» (по выражению генерала де Голля) пойдут на взаимные уступки, откажутся от своих суверенных прав?

Восьмого августа 1950 г. Андре Филипп заявил на Совете Европы: «Вот уже год, как наше Собрание соглашается на все компромиссы, стремясь преодолеть разногласия. Каков результат? Ничего не было сделано. Общественное мнение перестанет нас поддерживать, если мы не докажем, что собрались здесь с целью сформировать действительно единую Европу». Семнадцатого августа тот же политический деятель угрожал, что «начнет делать Европу в другом месте».

С тех пор прошло 11 лет, и вот в Брюсселе Поль-Анри Спаак, министр иностранных дел Бельгии, заявляет 10 января 1962 г. накануне заключения соглашения по сельскому хозяйству (оно будет-таки заключено 14 января, о чем он еще не знает): «Все заставляет верить, что не может быть единой и эффективной Европы без наднациональной постройки. Европы, состоящей из отдельных частей, явно недостаточно... Чем больше я буду жить, тем настойчивее буду бороться с правилом единодушия и всего. Я уже был свидетелем того, что произошло в ООН несколько недель тому назад, когда СССР наложил свое вето. Схожий опыт я приобрел недавно в НАТО, когда единственного голоса оказалось достаточно, чтобы помешать принятию твердого и конструктивного решения по вопросу о Германии и Берлине. То, что я вижу сегодня во Дворце конгрессов, не может изменить моей убежденности. Я напрасно пытаюсь обнаружить конструктивный дух в развернувшихся дискуссиях. Каждый отстаивает интересы своих крестьян. Если бы не было этого проклятого правила единодушного принятия решений, то переговоры в Совете Европы шли бы гораздо быстрее... Нам предлагают тот же принцип разъединенной Европы и в области международной политики. Но ведь это приведет к хаосу. Например,

пять стран могут прийти к единому мнению по вопросу об отношении к коммунистическому Китаю, а шестая страна сможет заблокировать все решения... Я спрашиваю себя, правильно ли мы поступаем, отказываясь от принципа наднациональности в этой области?»

Эти аргументы заслуживают внимания. Но там, где представлены различные точки зрения, правила принятия решений большинством не обязательно являются панацеей. Квалифицированное большинство может стать результатом торгов, группового компромисса, т.е. «закулисных переговоров», что не обязательно даст лучшие результаты, чем правило вето. Вопрос в том, насколько политические тенденции современных государств Европы могут совпадать друг с другом, хотя бы в том, что касается наиболее животрепещущих вопросов. Без понимания этого мы рискуем опять оказаться жертвами поиска печально знаменитого «европейского равновесия», который не исчезнет и в новом европейском доме.

Сторонники объединенной Европы не устали повторять, что единство может быть достигнуто только в результате свободных дискуссий.

Не нужно никакого перевеса, заявил один немецкий предприниматель (1958): мы не нуждаемся ни в наполеоновской Европе, ни в гитлеровской. «Единство, основанное на силе, грозит взрывом, как только ослабнет давление господствующей нации. Сегодня перед своими глазами мы уже имеем соответствующую модель такого единства: это государства, объединенные Варшавским договором вокруг российской державы, политически и экономически направляемые в единственных целях отстаивания российских интересов (sic)».

Эта цитата, взятая из множества других, хорошо объясняет проблему. Для одних, нужно объединить Европу или то, «что от нее осталось», против советской угрозы. Это американская политика создания «цинта» против СССР. Когда обсуждался план Шумана 15 декабря 1951 г., председатель французского правительства Поль Рейно был категоричен: «Вспомним, что отказ от политики Пентагона, заключающейся в защите Европы на Пиренеях, принадлежит генералу Эйзенхауэру, который не переставал повторять, что европейские страны, с Францией во главе, хотели объединенной Европы. Делайте сами выводы об отказе от этого плана».

Эти политические и даже военные расчеты могут противостоять иным соображениям, более разумным и реалистичным. Вспомним, как сенатор Андре Арменто, член Европейской парламентской ассамблеи, обрисовал *проблему в своей* замечательной лекции, произнесенной им в феврале 1960 г. По его мнению, Европа в своем развитии

ограничена, с одной стороны, подъемом социалистической экономики, родившейся в октябре 1917 г. в «Петрограде» (о которой «все классические экономисты говорили, что у нее нет будущего»), и всемирным национальным движением народов, находившихся в колониальной зависимости от Европы — с другой. В этих условиях Европа должна организоваться на принципиально новых основах: не под воздействием погони за капиталистическими прибылями, что создаст уклад, при котором преимущества «есть удел меньшинства», а в зависимости от оптимального использования рабочей силы. Иными словами, это совершенно иной принцип объединения.

Будут ли услышаны эти мудрые мысли, которые ставят проблему не по отношению к прибыли, а по отношению к тому благу, которое может извлечь для себя человек? В этом смысле соперничество между Востоком и Западом может заключаться в том, чтобы найти наилучшее решение тех общечеловеческих проблем, которые стоят перед обществом XX в.

Речь идет не только о том, чтобы узнать, удастся ли реализовать подлинное европейское единство, но также и о том, будет ли оно принято двумя блоками, господствующими в современном мире. Оба блока могут выражать озабоченность либо экономическими претензиями будущего союза, либо его вероятной политической ориентацией. Будет ли эта ориентация способствовать спокойствию в Европе, а также тому, что Германия смирится с изменениями своих границ; или она будет способствовать возрождению агрессивной Европы? Согласится ли политическая Европа принять участие в решении проблем слаборазвитости в мире (от этого зависит жизнь всех людей, поскольку судьбы мира отныне неразрывно связаны) или она откажется делать ставку на будущее, оставаясь в рамках свескорыстных национальных расчетов, в рамках «нации Европа», по-прежнему отдавая дань устаревшим амбициям? Короче, станет ли Европа фактором умиротворения или останется прежней, т.е. фактором напряженности в мире, какой мы ее слишком хорошо знали?

- Это равнозначно постановке основополагающего вопроса: на что окажется схожей в будущем европейская цивилизация?

Пужно ли напоминать, что нынешние строители Европы об этом очень мало задумываются? Все их дискуссии о таможенном урегулировании, о ценообразовании и производстве, все их взаимные уступки показывают, что дух практического расчета остается господствующим. Создается впечатление, что предпринимаемые шаги не выхо-

длат за рамки сугубо технических и технократических решений, рамки обсуждений специалистами вопросов экономики и планирования. Никто не отрицает, что эти вопросы крайне важны.

По предоставлять людям эти умные расчеты в качестве единственной пищи для размышлений значит плохо их знать, не учитывать того энтузиазма и даже безумия (впрочем, не липленного мул роста), которые некогда двигали Европой. Может ли основываться общеевропейское коллективное сознание только на сухих цифрах? Или же действительность грозит вырваться из тисков подобных расчетов, пойти гораздо дальше, оказаться непредсказуемой?

Беспокоит также то обстоятельство, что вопросы развития европейской культуры оказываются на последнем месте в разрабатываемых программах. Никто не занимается ни проблемами мистики, идеологии, религиозных верований, Революции, социализма, ошибочно полагая что эти последние уже отжили свой век. Но Европа не состоится, если не будет опираться на силы, которые ее сформировали, которые еще бурлят в ее недрах. Иначе говоря, она не состоится, если будут продолжать пренебрегать всеми видами гуманизма.

У Европы нет выбора: или она будет опираться на них, или однажды они потрясут ее основы и увлекут за собой. Европа не государств, а народов — это прекрасная программа действий, но ее еще предстоит разработать.

Постскриптум

1966 г.

Европа шести не стала зрелой так быстро, как того желали ее сторонники или энтузиасты, присутствовавшие при ее рождении. Англия не захотела платить цену своего вхождения в союз, и прервавшие генералом де Голлем в январе 1963 г. переговоры стали свидетельством неудачи в процессе объединения, которая, даже будучи временной, продолжает сказываться.

Европа шести в ближайшем будущем станет «третьей мировой силой» только при том условии, что к ней присоединится максимально возможное число стран. Турция стала ассоциированным членом в 1963 г. Вопрос о присоединении Испании, Австрии, может быть, Дании, а также, возможно, представляющей Африку Нигерии остается нерешенным.

Периодически возникают экономические проблемы, но они постепенно решаются. Медленно рождается сельскохозяйственная Евро-

на (соглашения от 14 января 1962 г., 23 декабря 1963 г. были достигнуты не без труда; соглашение относительно общих цен на зерновые от 15 декабря 1964 г. также оказалось непростым). Остается решить вопросы, связанные с ценами на говядину и молочную продукцию. Но проблема Европы лежит не только в экономической плоскости. Экономика подготовила союз, стимулировала необратимые процессы. **Нынешние безотлагательные проблемы** связаны с политикой: слияние национальных институтов, создание наднациональных органов, в частности европейского правительства и парламента.

Остается также зафиксировать устав общего сельскохозяйственного фонда. Именно из-за этого вопроса и из-за проблемы полномочий «Комиссии» возник кризис, который в период с июня 1965 по январь 1966 г. определял деятельность «европейской шестерки». Тридцатого января 1966 г. было заключено соответствующее соглашение. Но Франция возражает против того, чтобы вопросы, затрагивающие национальный суверенитет, решались мажоритарным голосованием. Очевидно, что необходимо строить Европу вне узкопопимаемого национализма, но Франция, увы, не подает в этом примера.

Европа в 1981 г.

*Заметки Поля Броделя**

В 1978 г. находящийся в Милане университет Боккони предложил Дому наук о человеке, которым в ту пору руководил Фернан Бродель, сотрудничество в целях «конструктивного и четкого анализа проблем, которые ставит объединение Европы». Через три года, в 1981 г., в Милане Фернан Бродель напомнил в своем кратком выступлении, что он принял данное предложение с энтузиазмом, будучи убежден, что инициатива достойна внимания, что такой анализ должен быть предпринят в кратчайшие сроки. При этом он руководствовался двумя причинами.

«Европа, в особенности та Европа, которую все еще называют «малой», хотя она и увеличилась с шести до девяти государств-членов (а вместе с этим возросло и число ее проблем), по-прежнему не является в моих глазах ни абсолютно очевидной, ни тем более объектом слепой веры. В лучшем случае это реальность, обретающая плоть на наших глазах, но реальность хрупкая, неочевидная, быть может, временная и, безусловно, двойственная: это одновременно и свобода, и

принуждение, что еще предстоит изучить. Мы учимся жить в этой реальности, причем эта наука дорого нам обходится. Мы уже знаем все о слабости, все национальные «эгоизмы», которые объединенная Европа не научилась ни маскировать, ни подавлять. Но мы также знаем, эта реальность для нас значит и чем неуспех объединения нам угрожает. Может быть, как отмечал Люсьен Февр, процесс начался слишком поздно. Но признаем за этой реальностью по крайней мере одну задачу: наши проблемы приобрели иной масштаб, стали другими, выражаясь в иных терминах. Теперь мы должны приступить к их фронтальному анализу, привлекать к изучению проблем лучших специалистов из числа ученых и практиков их крупнейших европейских стран.

Эту первую причину я хотел бы дополнить другой, которая лично мне ближе. Я всегда думал и говорил, что необходимое единство наук о человеке должно выстраиваться вокруг истории, которая только тогда сможет занять центральное место, когда сумеет стать тем, чем она и должна была бы всегда быть: наукой современности. Будучи историком, занимающимся проблемами раннего капитализма в период между XIII—XVIII вв., т.е. капитализма, которым многим из вас представляется не выпадшим из детской стадии развития, я не могу себе позволить удивляться, насколько тогдашние проблемы сохраняют свою жизненность и сегодня. Как если бы между экономикой и государством происходили гошки на скорость, в которых экономика всегда побеждала, причем сегодня это видно даже лучше, чем прежде. Безусловно, эта победа *никогда* не была ни легкой, ни обеспеченной соблюдением всех предписанных правил, но экономика может себе позволить пренебрегать правилами, которые ей навязывают, а точнее, может себе позволить сама изменять эти правила. В этом меня убеждали уроки ярмарок Пьяченцы в XVI в. и Амстердамской биржи в XVII в. Поэтому то, что я вижу сейчас, меня не поражает, но вызывает у меня огромный интерес. Я желаю данной встрече успехов, которые она заслуживает. Я приветствую ее организаторов и участников. Я приветствую ректора Гаспарини, университет Боккони, всю Италию и Европу, нашу дорогую Европу, которая сейчас формируется.

Часть вторая АМЕРИКА

Глава 1. Другой Новый свет: Латинская Америка

В Америке имеются две крупные культурные системы. Во-первых, просто «Америка», иначе Соединенные Штаты (сюда же следует отнести Канаду, идущую по стопам США), которые представляют собой постоянный Новый Свет, т.е. мир выдающихся достижений, мир «будущего». Во-вторых, скажем так, другая Америка, занимающая большую часть континента, которая привычно называется «Латинской»; это название появилось относительно недавно (примерно в 1865 г. и имело в ту пору некоторую политическую подоплеку) сначала во Франции, а затем и по всей Европе. Речь идет о единой и одновременно многоплановой Америке, имеющей яркую, драматическую историю, Америке раздробленной и противоречивой.

Мы начинаем с нее потому, что хотим избежать сравнений, со стремительно развивающейся Северной Америкой и в то же время хотим увидеть ее саму по себе, оценить так, как она того заслуживает. Иными словами, показать ее высокий гуманизм, проанализировать свойственные ей проблемы, подчеркнуть ее очевидный прогресс. Ведь еще недавно она была наиболее развитой, самой богатой и вызывающей зависть частью Америки. Затем удача от нее отвернулась. Нынешнюю участь Латинской Америки нельзя назвать счастливой: у нее слишком много проблем. Можно сказать, что она еще не достигла своего расцвета.

Пространство, природа и общество: литературные свидетельства

В большей степени, чем какой-либо другой регион мира, Латинская Америка подвержена постоянным и быстрым переменам: вчерашнее представление о ней может уже ничего не значить в будущем или казаться ошибочным.

Поэтому лучше смотреть на нее глазами ее великолепной литературы: непосредственной, не слишком утопченной, откровенно и в чем-то наивно ангажированной. Свидетельства этой литературы оказываются гораздо более четкими, чем свидетельства репортажей, социологических, экономических, географических и исторических исследований (впрочем, эти последние зачастую великолепны).

Бесценным ее достижением представляется то, как она *передает* своеобразие латиноамериканских стран и обществ, которые част- скрывают от глаз стороннего наблюдателя, несмотря на внешнее раду- шие и искренность местных жителей.

- Латинская Америка *представляет собой огромное обилие простран- ства*. Создается впечатление, что ее жители носят слишком простор- ные одежды. Пространства настолько *много*, что оно пьянит населяю- щих ее людей.

Отметим, что с тех пор, как воздушное сообщение уменьшило ко- лоссальные расстояния между странами и районами континента, пу- тешествующий иностранец рискует утратить из виду это важнейшее обстоятельство.

Еще недавно хватало шести часов, чтобы пересечь, а точнее обле- теть бассейн Амазонки, для чего раньше требовались неимоверные усилия (это сплошной тропический *лес*, *говорят* бразильцы). Вчера границу между Аргентиной и Чили можно было преодолеть на двух- моторных самолетах — эти небольшие легкие аппараты летели низко над широкой долиной Кумбры, прямо над железной дорогой, проло- женной между горными хребтами. Сегодняшние четырехмоторные самолеты могут подниматься выше и пролетать над Андами, как бы не замечая этой горной преграды. В пятнадцать — десяти минутах поле- та находятся высокогорные ледники, пролетев над которыми самолет *опускается в пустынные* аргентинские степи или к чилийскому побере- режью. Воздушное сообщение связывает между собой все регионы Латинской Америки: авиация есть всюду.

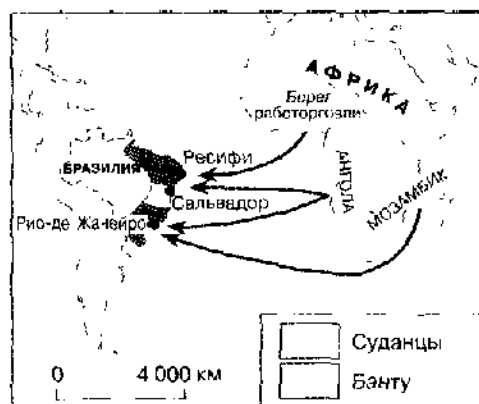
Но, говоря откровенно, лишь привилегированные слои могут поз- волять себе эти роскошные путешествия, которые позволяют вам по- кинуть Мехико, где северный ветер *накануне ночью подморозил* садо- вые растения, чтобы через короткий промежуток времени очутиться в жарком климате Юкатана, Веракруса или оказаться рядом с райски- ми водами и цветущими садами Тихоокеанского побережья, в Акапуль- ко. Равным образом только высокорентабельные и роскошные товары могут перевозиться воздушным путем: морские деликатесы из Чили са- молетом направляются в Аргентину, а скот и мясопродукты самолетами доставляются из Мендосы через Кордильеры в Сантьяго или в шахтер- ские поселки, *расположенные в пустынной* северной части Чили.

Иначе говоря, эта новая арифметика расстояний все еще представ- ляет собой исключение, несмотря на видимую доступность воздуш- ного транспорта. На аэродромах Рио-де-Жанейро самолеты взлетают

Испанская Америка и португальская Америка:

Испанская Америка занимает большее пространство и была гуще заселена, чем португальская Америка.

«Происхождение» чернокожего населения Америки

или приземляются ежеминутно. Но лишь небольшая часть населения передвигается по воздуху — это привилегия буржуазии, если так можно сказать. Самолет в Латинской Америке пока не является народным средством передвижения (подобно поезду, *автобусу*, *автомани*; не), что отличает ее от Европы.

Латинская Америка, жила, формировалась и продолжает существовать на пространстве, измеряемом шагами человека или животного. Здесь нельзя говорить о железных дорогах: есть их невелика. Нельзя говорить и об *автодорогах*: некоторые из них великолепны, но в целом они немногочисленны, постоянно строятся или перестраиваются. Передвижения в Латинской Америке медленны, что остается ее характерной особенностью.

Вот почему никогда нельзя терять из вида эту подчиненность человека расстояниям, когда вы в своем воображении скачете на лошади или передвигаетесь по дорогам вместе с *Мартином Фьерро*, *гаучо* героической эпохи, которого создал в 1872 г. Хосе Орландес, или с *Сегуна до Самбра*, последним свободным бродячим гаучо аргентинской памяти, созданным в 1939 г. талантом Рикардо Гуиральдеса, или прокладываете себе дорогу в заросших кустарником, засухливых и голых пространствах северо-востока Бразилии, описанных в произведениях Оуктидеса да Кунья (1902). Эта же зависимость от расстояний прослеживается в заметках Луисо Мансилья, которые он публиковал в газете *Трибуна* (Буэнос-Айрес, 1870) и где он описывал бесконечное пространство внутренней Аргентины, населенное в ту пору индейцами; или в путевых заметках англичанина, принявшего аргентинское гражданство, Эприке Хадсона (1841—1922), путешествовавшего по пустынной в то время Патагонии.

О том же говорят путешествия немца Александра Гумбольдта (1769—1859) и француза Огюста де Сен-Илера (1799—1835). Оба они иностранцы, но они были настолько влюблены в страны, которые описывали, что их произведения стали неотъемлемой частью южноамериканской литературы.

Одним из самых живых образцов классических путешествий такого рода были, безусловно, переходы караванов мулов с их заранее намеченным и почти хронометрированным маршрутом, с их «вокзалами», представлявшими собой ранчо, где останавливались на ночь люди и животными с поклажей. Эти караваны часто называют предшественниками *автоперевозки железнодорожного сообщения*. Караваны были одними из первых способов освоения пространства, которое и по сей день остается диким и малоосвоенным. Мы на примере Европы знаем, что если человек не пускает корни на одном месте, если он с лег-

костью покидает свою землю, то это происходит от того, что рядом или чуть дальше есть много еще не освоенного пространства. И сегодня, как в XVI или в XVII вв., огромные стада передвигаются внутри континента, чтобы оказаться в конце концов на традиционных ярмарках скота (пример тому штат Байя в Бразилии). Здесь мы сталкиваемся с примитивной и педорогой формой освоения пространства, с дешевым капитализмом, существование которого обусловлено наличием *бесплатного* или почти бесплатного пространства.

В этих условиях представляется вполне естественным, что люди как бы теряются, тошут в пространстве, что города располагаются в месяцах пути от метрополий или колониальных столиц, что провинции (некоторые из них больше по площади, чем Италия или Франция), управляются почти самостоятельно (так было еще в недавнем прошлом), потому что у них нет иного способа выжить. В обеих Америках так пагубная «американская демократия» с присущим ей *собственным, автономным управлением* есть во многом порождение фактора пространства. Это пространство имеет тенденцию тормозить развитие, сохранять все как есть до тех пор, пока это не оказывается побежденным.

- Великая мечта прошлого: оторвать крестьянина от первобытной, варварской **природы**. Природа Южной Америки формировала и продолжает формировать замечательных, трудолюбивых, но бедных людей: это *гаучо* аргентинской пампы, бразильский кабокло, мексиканский крестьянин, цесон. Последний всегда готов восстать против своего положения при условии, что у него найдется достойный лидер, подобный выдающемуся **Эмилиано Запате**, который сражался вблизи Мехико с 1911 по 1919 г.

В чем состоит проблема? Не в том ли, что необходимо вырвать крестьян из тисков нищеты, которая является сутью их «варварства»? Все интеллектуалы XIX и даже XX в. мечтали именно об этом. Не о том, чтобы приручить этих людей (как дрессируют диких лошадей), но о том, чтобы научить их жить, ухаживать за собой, читать. Это важнейшая задача, которая и сегодня окончательно не решена: мы часто слышим о «крестовых походах» по преодолению неграмотности, которые устраивают группы энтузиастов из числа учителей, врачей, гигиенистов.

Крестьяне, эти герои-варвары, естественно нашли свое место во многих романах XIX и XX вв.: романтические произведения показывают крестьян перед лицом наступления цивилизации, описывают их любовные переживания. Их символическая сентиментальность часто превращает эти произведения в романы «розовой серии», которые тем не менее не теряют присущей им ценности объективного **свидетельст-**

ва: чуть подправь, и они превращаются из романов «розовой» в роман «черной серии».

Мартин Фьерро (1872), живший в аргентинской пампе, конечно мужлан, но вместе с тем он христианин, преодолевающий тяжелые условия существования своей тягой к поэзии: он поет и слагает стихи. Вместе с тем честь свою он защищает ударом ножа в *мультипли*, этой разновидности кабака, где хозяин торгует алкоголем... В романе *Донья Барбара* Ромуло Гальегос (прогрессивный президент Венесуэлы, свергнутый в результате военного переворота в 1948 г.) выводит на сцену женщину. Имя героини выбрано так, чтобы никто не ошибся, представляя ее себе: красивая, восхитительная, но дикая плутовка, бессовестная — все эти достоинства и недостатки позволяют ей завладеть всем, что она желает. Однако, ей не удается одержать верх над пайвым, пейшим и симпатичным «доктором права», которого случай забрасывает в сельскую плушь, на берег реки, которую можно пересечь только на пароме. Путешествие скрашивает лишь стрельба в сияющих кайманов. И вот мы видим, как наш доктор-правовед стреляет в них, подобно Буффало Биллу. За свой роман *La Negra Augustias* его автор Франсиско Рохас Гонсалес был удостоен в 1944 г. мексиканской национальной премии по литературе: его героиня также красива, пайвна, но одновременно — и с этим нужно согласиться, иначе роман лишается сюжета, — возглавляет жестокую, безжалостную банду разбойников. И здесь есть свое чудо: эта трицца становится ручной, полюбив скромного учителя, который учит ее читать. Августияс приняла цивилизацию и вышла замуж за учителя.

Подобные романы не обязательно сентиментальны: *Voragine* (1925) колумбийца Хосе Е. Риверы представляет собой грустное повествование о герое, погубленном Амазонкой. Характерно, что, будучи по жанру «розовыми» или «черными», эти романы выступают против природы, той природы, которая делает человека диким. Отсюда мораль: нужно приручить природу, чтобы цивилизовать или освободить человека. Если верить Бенхамину Сьюберкасо, своими несчастьями Чили, например, целиком обязана своей «дикой географией» (*Una geografía loca*, 1940).

Эта литература, присущее ей видение мира принадлежат вчерашнему дню. Шопенгауэру они уходят за горизонт, оставляя иногда чувство сожаления.

Возникает социально направленная, сражающаяся крестьянская литература: сегодня обездоленный, изолированный от мира пространством или нищетой человек становится предпочитаемым литературным героем, но его взяла на вооружения литература, яркая, полная наси-

лия, направленная на достижение конкретной цели. Эта литература представляет своего героя в качестве жертвы общества, самой цивилизации, оказывающейся так же безразличной к тяготам жизни, как и дикая природа.

Новая литература обозначила поворот, наступление нового, революционного по своей сути времени. Это свидетельствовало об осознании собственно южноамериканских проблем, о падении доверия к тому, что «цивилизация» сама по себе является благом. Отсюда ее трагический реализм и ее отчаяние.

Роман Мариано Асуэлы (1873—1952) *Те, кто внизу* (1942) представляет собой не что иное, как долгий крик. Он погружает нас в многоплановую и безликую революцию, которая формировала (так и не сформировав до конца) современную Мексику начиная с 1910 г. и которая унесла около миллиона человеческих жизней, прежде всего бедняков. Это история горстки революционных солдат, которых ожидает смерть (эту смерть автор имел возможность наблюдать воочию, поскольку был врачом одного из революционных отрядов); история людей, оказавшихся безоружными перед лицом общества, в котором богатые слишком богаты и слишком жестоки, а бедные слишком бедны, слишком многочисленны и слишком пассивны.

Многочисленные романы великого бразильца Жоржи Амаду рисуют жизнь бразильского Северо-Востока — края голода, эмиграции, вечной нищеты. Они наполнены невиданной красотой и неслыханным насилием. Несмотря на ангажированность автора, его романы являют собой пример правдивого отражения примитивной жизни местных крестьян, свидетельствуют о голодной драме в деревне с ее почти феодальным устройством, где даже земля противостоит человеку.

Внимательно читая латиноамериканских авторов, мы повсюду находим те же тревожные свидетельства. Возьмем в качестве примера эквадорского писателя Хорхе Икаса. Если посмотреть на карту, то Эквадор покажется совсем маленькой страной (хотя по площади, 450 000 км, она больше Италии и в прошлом году намеревалась принять миллион иммигрантов при населении в два миллиона). Альфонсо Перейра (герой его романа *Уаси Пууго*, выпущенного в свет в 1934 г.) живет вместе со своей семьей высоко в горах, куда добирается по тропе, протоптанной мулами. Естественно, что он не ожидает, что в городе у дочери может родиться внебрачный сын, которой хватило глупости, чтобы поддаться уговорам индейца. В горах об этом никто не знает. И вот они поднимаются в горы. Холод про-

бирает до костей. Дойдя до болотистой местности, мулы останавливаются. Путешественники спешиваются. Тогда «три сопровождающих процессию индейца, вытерев холодный пот со своих лиц, начинают подготовку к тому, чтобы перенести хозяев *на своих спине*» они снимают пончо, закатывают холщовые панталоны, снимают шерстяные шапки, скатывают пончо и кладут их на шею, тем самым позволяя холоду проникнуть через дыры их одежды... Они подставляют плечи всей семье (отцу, матери и дочери) и те перебираются со спин мулов на спины людей». После этого процессия продолжает движение через болото.

Это захватывающая и волнующая литература. Вероятно, что именно но тяжелая действительность заставляет авторов уделять особое внимание деревенской жизни, делая акцент на нищете сельских жителей. Нищета рабочих, прозябающих в промышленных предместьях и далеких шахтерских поселках, *чаще* всего остается без внимания. Литература ее еще не почувствовала. Одним из редких свидетельств бедственного положения городских низов (*за исключением* социологических обследований, интересующих только кучку специалистов) является дневник полуграмотной чернокожей бразильянки Каролины Марии де Хесус, жившей в одном из бидонвилей Сан-Паулу. Это не литературное произведение, не социологическое обследование, но подлинный документ, опубликованный во Франции в 1962 г. под названием *Свалка* в издательстве Сток.

Но за очень редким исключением, латиноамериканская литература концентрирует свое внимание на нищете крестьян, которая представляется безнадежной и потому способной вызвать бунт, насилие, революцию. Среди прочих причин именно эта объясняет столь сильное влияние кубинской революции Фиделя Кастро, революции прежде всего крестьянской, на остальную Латинскую Америку. Каковым бы ни было ее будущее, она означает исторический поворот. По меньшей мере показывает любому думающему человеку в Латинской Америке, что, какими бы ни были его личные пристрастия, *что настало* время разобраться с существующими социальными и политическими проблемами, принять необходимое решение.

Перед лицом расовой проблемы: почти братство

Тем не менее Латинская Америка смогла решить или по меньшей мере (каковы бы ни были колебания, издержки или настроения) решает сейчас одну из своих самых трудных задач — расовую проблему.

Первое, хотя и не единственное отличие Южной Америки от Северной — это спонтанный либерализм, который все больше проявляется здесь по отношению к этническим предрассудкам. Конечно, в области отношения к цвету кожи не все так гладко, как кажется. Но разве кто-то в этой части мира смог сделать лучше? Уже в одном этом просматривается гигантский шаг вперед.

Однако достигнутый в этом вопросе успех не был подготовлен историей: три крупнейшие мировые расы (желтая, которую по недоразумению называли «красной», белая и черная), сильные и здоровые, оказались вынужденными жить бок о бок, притом что ни одна из них не собиралась уступать двум другим.

Разумеется, этнических проблем не возникло бы, если бы доколумбовская Америка оставалась по сию пору наедине со своими собственными взаимодополняющими цивилизациями: ацтекской (плюс майя), *что в целом составляло мексиканскую цивилизацию*; андской, вобравшей в себя цивилизации различных горных народов; цивилизацией инков (империя инков). Это не считая различных примитивных культур, которым принадлежала оставшаяся часть Нового Света.

Никаких этнических проблем не возникло бы и в том случае, если бы Европа конца XV в. была перенаселенным регионом, способным полностью подчинить себе другие территории, а не оставалась бы сравнительно небольшим мирком, насчитывавшим 50 млн обитателей, вынужденных добывать хлеб **насухным**. В силу этого обстоятельства Европа смогла выделить лишь крохотную частицу своего человеческого потенциала для освоения Америки. За **весь XVI в.** максимум 100 тыс. человек покинули Севилью, направляясь в Новый Свет. Они смогли утвердить свое господство, но что могли они понять в этом новом для них мире?

Третьей проблемы (присутствия чернокожей расы) также бы не возникло, если бы побережье Гвинейского залива, а затем и вся прибрежная Африка не были готовы поставлять в Америку чернокожих рабов, без которых нельзя было производить сахар, кофе, добывать золотой песок.

Итак, к сегодняшнему дню все три расы оказались вместе: ни одна не была достаточно сильной, чтобы уничтожить или хотя бы попытаться уничтожить другие. Вынужденные существовать вместе, они смогли, несмотря на неизбежные столкновения между собой, привыкнуть к такому соседству, научились взаимному терпению и уважению.

Этнические пространства: сегодня нет ничего проще, чем географически объяснить распределение рас по местам их обитания. **Прошлое** все объясняет.

Первые белые завоеватели столкнулись с индейскими цивилизациями, с которыми они обращались крайне плохо, что грозило катастрофой. Действительно, на несчастья войны налагивались ужасы эксплуатации и принудительного труда. В результате численность индейского населения сократилась в невиданных масштабах. Повсюду, где индейцы оставались в примитивном состоянии (вели бродячий образ жизни, питались почти исключительно маниоккой), сохраняли племенную строй, они практически исчезли при первых же контактах с европейцами; счастливым исключением стали те из них, кто жил в труднодоступных районах, в Амазонии например, куда белые пришельцы добрались либо поздно, либо в небольшом количестве.

Но настоящие, полнокровные индейские цивилизации смогли выжить. Безоружные, не имевшие важнейших технических средств (они не знали ни колеса, ни железа, ни пороха, не умели одомашнивать животных за исключением ламы), сразу же лишившиеся своих государственных центров (Куско и Мехико, тогдашний Теночтитлан), они стали легкой добычей завоевателей: люди спасались только благодаря тому, что поддерживали друг друга. Нынешняя Мексика с гордостью называет себя «землей индейцев», а на плоскогорьях Анд индейцы продолжают сохранять прежний жизненный уклад, доказывая свою незаменимость в этих местах и свою способность к выживанию.

Что касается чернокожих обитателей Латинской Америки, то они остались жить там, в том климате, где некогда, начиная с XVI в., работали в качестве рабов на плантациях, в шахтах, в городах (домашняя прислуга). Позднее они в массовом масштабе переместились в крупные промышленные центры, т.е. расселялись в основном вдоль Атлантического побережья, прежде всего в местах, где не хватало индейской рабочей силы. Их также большинство на Севере Бразилии, а кроме того, они широко представлены во всех современных крупных бразильских городах. Много их и на Антильских островах.

Что касается белой расы, то ее представители заселяли американский континент в течение двух этапов и на каждом этапе этническое представительство белых было различным.

На первом этапе завоевания белые селились повсюду, где могли выжить; чаще всего это были районы крупных индейских цивилизаций, обеспечивающих им пищу и прислугу. Так было с испанцами, колониальными центрами которых стали Мехико, Лима (построенная завоевателями), а также Потоси на территории нынешней Боливии, что объяснялось наличием в высоких Андах месторождений серебра (Потоси, построенный испанцами на высоте 4000 м над уров-

моря, насчитывал в 1600 г. 150 тыс. жителей). О богатстве этих колониальных городов сегодня говорит испанская колониальная архитектура, где доминировал стиль барокко. Но не будем забывать, что главной человеческой составляющей испанской колонизации оставались индейцы.

Иной была ситуация в Бразилии, где португальцев встретило немногочисленное индейское коренное население. Отсюда репашающая важность завоза в эти края черной рабочей силы. В колониальную эпоху население крупных бразильских городов было по преимуществу африканским: Байя, столица, где насчитывалось 365 церквей (по одной на каждый день года); Ресифи, крупный центр по производству сахара, который начали строить голландцы во время своего кратковременного присутствия здесь (1630—1653); Оуро Прето (Черное Золото), возникший во внутренних районах страны в период золотой лихорадки; Рио-де-Жанейро, ставший столицей в 1763 г. Сан-Паулу в ту эпоху был небольшим городком, населенным авантюристами всякого рода, в основном индейцами, а также метисами, которых в ту эпоху называли «подгоревшими».

Все эти характерные для колониальной эпохи детали напоминают об успехах в данной области креольской Америки, которая для англичан и французов ассоциируется прежде всего с Антильскими островами, в частности с Сан-Доминго и Ямайкой, где вначале производили сахар, а затем кофе. По тем же процессам характерны и для других регионов. Повсюду падалась удивительная смесь примитивного, средневекового, рабовладельческого и капиталистического укладов. С денежной экономикой были связаны только владельцы плантаций сахарного тростника, мельниц, серебряных рудников и золотоносных песков; рабы и обслуга не имели к ней никакого отношения. Возникли своеобразные античные семьи, где отцы семейств обладали правом распоряжаться жизнью и смертью членов своих семей и прислужкой. Повсюду можно было увидеть хозяйский дом, возвышающийся над хижинами рабов. Для возникающих городов была характерна следующая картина: двух- или трехэтажные дома богатей (колониальная Бразилия), лавки торговцев, убогие жилища бедняков, которые в сегодняшней Бразилии называются *фавелами* (более распространенное название в других местах *билонвили*).

Освободившись от испанского и португальского владычества, а также от зависимости от торговцев Каликса и Лиссабона, Латинская Америка попала после 1822—1823 гг. в кабалу от капиталистов всей Европы, прежде всего Англии, которые беззастенчиво эксплуатировали ее богатства. В своих отношениях с европейскими банкирами и промыш-

ленниками новые независимые государства обнаруживали удивительную наивность. Так, Лондон продал в 1821 г. Мексике оружие, с которым апличапе одержали победу в битве при Ватерлоо.

В то же время Латинская Америка продемонстрировала болты несли в прошлом, открытость для европейской иммиграции, которая перестала быть почти исключительно испанской или португальской; вначале приток иммигрантов был невелик (артисты, интеллигенция, инженеры, деловые люди), но затем, после 1880 г., их численность резко возросла, чему способствовало налаживание регулярного паромного сообщения между Европой и Южной Америкой. Именно морские суда обеспечили массовый приток на континент итальянцев, португальцев, испанцев, не говоря уже о тысячах и тысячах выходцев из других европейских стран.

Распределение иммигрантов было неравномерным: они расселились по южной части Бразилии, к югу от параллели Сан-Паулу (Бразилия той поры была обращена скорее к северу), по территории Аргентины и Чили. Иммиграция не сразу, но довольно быстро разрушила на этих обширных пространствах старый общественный уклад, начала заселять сельскую местность. То, что не удавалось сделать «доктору правоведу» (вспомним роман Гальгоса), оказалось по силам иммигрантам. Именно иммиграция сформировала современную Бразилию, современную Аргентину, современную Чили. До 1939 г. путешественник из Европы мог внезапно обнаружить здесь, то там кусочек прекрасной Италии или трудолюбивой Германии (в Рио-Гранде или Санта-Каталине), чьи жители оставались верными немецкой цивилизации, далекой матери Родине, ее драматической истории.

Именно иммигранты стали пионерами в освоении новых земель в создании промышленности. Именно они заселили чилийскую «граниту» к югу от реки Био-Био, территории поблизости от еще вчера пустынной Патагонии или в глубине провинции Сан-Паулу, где разбивались новые кофейные плантации. Поскольку они истощали почву, необходимо было перемешать фазенды на новые земли, сжигать леса, чтобы освобождать пространства для новых сельскохозяйственных культур. Все это хорошо известно, об этом можно долго рассказывать. Но считаем ли мы это главным?

- Главное состояло в формировании братства различных рас: все они, каждая на своем месте, внесли свой вклад в создание Латинской Америки.

Между ними случались столкновения, и на то были социальные причины. *Деление по цвету кожи было и остается социальным делением.* Тот, кто богатее, кто участвует в управлении, тот преодолевает или преодолеет в будущем линию раздела. Например, индейцы и мулаты Перу называют тех, кто ими командует, «белыми». Происходит это потому, что богатства и власть чаще все еще остаются в руках представителей белого населения.

Но так можно говорить только постольку, поскольку здесь еще существуют «настоящие» белые. На деле же, и это важно отметить, расы перемешались. «Во всех нас есть капля черной крови», — писал Жилберто Фрейре, социолог из Ресифи, имея в виду бразильский Северо-Восток (на самом деле это характерно для всей страны). Там, где население смешивалось сильнее, например в Мексике (белые и индейцы) или на Северо-Востоке Бразилии (белые и черные), этническое братство заметно, чем в других местах.

Однако даже в благополучных в этом отношении регионах все происходило не так гладко. Америка с ее смешанным населением долгое время испытывала чувство неполноценности по отношению к далекой Европе, и последняя ее в этом поддерживала. Плохой пример в вопросе о расовом равенстве подавала и Северная Америка. Многие южноамериканские интеллектуалы из числа белых (но недостаточно белых — по меркам США) ездили туда и на месте убеждались, как необходима расовая терпимость, испытывая при этом чувство гордости за свою страну.

Весь этот комплекс неполноценности и связанные с ним предрасудки не исчезли разом, как по маговению волшебной палочки. От него начали избавляться после 1919 г., затем после 1930 г. и особенно после 1945 г. Можно ли было продолжать любить (да, но преклоняться?) Европу после безумств Первой мировой войны, после экономической катастрофы 1929 г., после ужасов Второй мировой войны? Ощувив себя континентом свободы, где охотно принимали иммигрантов, Южная Америка начала испытывать к себе большее уважение. Конечно, до полного исцеления от комплекса неполноценности еще далеко, но процесс развивается. В Бразилии, представляющей не только самой большой, но и самой гуманной, самой гуманистической страной Нового Света, настоящий переворот в этом плане произошел после 1933 г., когда появились первые труды социолога Жилберто Фрейре, который перестал говорить принятым до того литературным языком, но начал использовать доступный и убедительный язык молодых наук о человеке. В Мексике настоящая «про-индейская революция» получила развитие начиная с 1910 г.: она не только послужила толчком к целому ряду политических и аграрных революций, но и открыла двери надежды.

Сегодня можно говорить, что равенство и братство рас на кончике — уже свершившийся факт, хотя степень этого равенства не де одинакова. Борьба за равенство все еще сталкивается с социальн неравенством, с пережитками *прошлого*. Тем более что в Латинск Америке есть страны с поголовным белым населением, например гентина, где малочисленные индейские обитатели сконцентрирова на севере и крайнем юге. Вместе с тем здесь есть страны, где расо смешение дало рождение новым стабильным этническим типам, в Коста Рике например.

Пусть равенство рас кое-где ощущается еще не во всех сферах: пи, пусть в некоторых странах говорить о нем бессмысленно, по в ищем и целом расовое братство превратилось в одну из характерн особенностей другой Америки. *Оно на виду, о нем легко убедиться*) Так, возвращаясь домой, один южноамериканец воскликнул на па нних глазах: какое разнообразие цветов кожи, какие голоса, лесн крики — я у себя дома!

Цивилизации, испытываемые на прочность экономикой

Несмотря на некоторую беспечность, любовь к радостям жизни,, прива занность к шумным народным праздникам, Латинская Америка не пере стает страдать не только перед современным, но и прошлым миром. Она остается «континентом грусти» (Кейзерлинг).

Как и все другие страны, вступающие на путь подлинной индуст риализации, она оказывается перед необходимостью изменения все) своих структур, своего поведения, что вызывает шок.

Этот шок спровоцирован тем, что глубокая перестройка затрагивае неустойчивый, паходящийся в движении и до кошпа не устоявшийся мир, который плохо структурирован в экономическом и социальном плане: на протяжении многих веков привычный уклад разрушался и одновременно возникал другой. Этот мир развивался в столкновениях! и противоречиях, в нем примитивная, элементарная жизнь до сих пор соседствует с анклавами ультрасовременной жизни. В целом это формирует полнокровную среду обитания, которую тем не менее трудно определить, ориентировать, которой трудно управлять.

Экономические колебания выступают как непредсказуемые отливы и приливы. Америка следует своей материальной судьбе. На эту гонку она обречена уже на протяжении многих веков и чаще становится ее жертвой, чем получает от нее выгоды.

Разумеется, она следует за международной экономической конъюнктурой. Но когда долго приходится бежать в цепочке, взявшись за руки, то у участников забега возможны две позиции: одна — находиться в числе первых, вести за собой других, а другая — быть в конце цепочки, делать гигантские прыжки, чтобы не отстать от остальных. К сожалению, Латинская Америка всегда в конце — она делает целепые прыжки, над которыми только она одна не смеется. Она должна торопиться и, если хочет производить и продавать свои ресурсы, вынуждена делать это на невыгодных для себя условиях, всегда продавая дешевле сахар, кофе, каучук, пшеницу, какао. Отсюда чередующиеся «циклы» ее экономического развития, сопровождаемые непредвиденными и неожиданными срывами.

Этот процесс является ключом к пониманию экономического прошлого и настоящего Южной Америки. Она всегда вынуждена была подчиняться требованиям мирового спроса на сырьевые ресурсы, что было характерно как для прежней экономики *колонизаторского типа*, так и для нынешней *зависимой экономики*.

Иностранные капиталисты (лучше сказать, крупные международные компании) в союзе с крупными собственниками и местными политиками всегда ориентировали промышленность континента на добычу и производство сырья, которое можно было *экспортировать*, вынуждая сырьевые районы концентрировать все усилия на исключительном одном роде деятельности, забывая про остальные. Вдолговременной перспективе такое *целенаправленное* усилие могло бы для какой-то одной страны принести долгожданные плоды, но изменчивость мирового спроса регулярно сводила на нет все ранее предпринятые усилия. Тогда приходилось резко менять направление экономического развития, переключая его на другую отрасль производства, что зачастую предполагало перевод усилий и инвестиций в другой регион.

Климатическое разнообразие, огромное пространство позволяли Южной Америке выдерживать смены ориентации такого масштаба, но в плане разумного использования территории и людского потенциала это означало бессмысленную трату усилий: *именно частые перемены такого рода помешали в масштабах всего континента создать устойчивые, стабильные и здоровые экономические структуры, воспрепятствовали закреплению на земле крестьянства*.

Первым из таких циклов стал некогда цикл добычи драгоценных металлов, начавшийся сразу после завоевания континента — это были сначала «золотой цикл», продолжавшийся в основном до середины XVI в., а затем «серебряный цикл», завершившийся примерно

в 1630—1640 гг. Добыча серебра и золота требовала огромных человеческих жертв: если бы не массовое насильственное привлечение к труду индейцев, кто бы согласился в Потоси, например, работать в шахтах и заниматься плавкой металлов на высоте 4000 м над уровнем моря, в условиях нехватки дров, пищи и даже *воды*? Сля серебра отвозились к Тихоокеанскому побережью, затем **транспортировались** до Кальяо, порта в Лиме, и оказывались, наконец, в Панама, откуда караваны мулов и речные баржи доставляли их до берега Карибского моря. И уже только потом испанские флотилии доставляли серебро в Европу.

Кто же оказывался в выигрыше от этой громоздкой системы? Торговцы, испанские «чиновники», деловые люди, уже *тогда* имеющие международные интересы, такие как голландские торговцы и банкиры, ставшие официальными кредиторами мадридского двора... Конечно, сама Америка от этого ничего не выигрывала: здесь постоянно не хватало золотых слитков, серебряных и металлических денег, тканей, пшеничной муки, растительного масла, вина, чернокожих рабов...

Когда в XVII в. запасы серебра в Потоси начали иссякать, несчастная Латинская Америка оказалась практически предоставленной самой себе.

В 1680 г. золотая лихорадка охватила португальскую Америку: здесь на приисках работали в основном чернокожие рабы. Добыча золота замедлилась к 1730 г., что совпало с оживлением серебряных рудников в Новой Испании (пылеущая Мексика). В результате бразильская провинция Минас-Жерайс опустела, и здесь начали выращивать хлопок.

Схожим образом можно обрисовать «животноводческий цикл», который имел множество вариантов и продолжался до нашего времени (скотоводство в Аргентине); «сахарный цикл», начатый в больших масштабах в Бразилии и продолжившийся к концу XVII в. на Антильских островах (Ямайка, Сан-Доминго, Мартиника); «кофейный цикл», получивший особое развитие в XIX в. в Бразилии и потребовавший больших пространств, в том числе внутренних земель. После 1945 г. в некоторых районах Аргентины получило большое развитие хлопководство, пришедшее на смену выращиванию растений, используемых для производства дубильных веществ...

Целой книги не хватило бы для рассказа о такого рода монопроизводствах или монокультурах. Сегодня, будем надеяться, эта система, неоднократно разоблаченная как катастрофическая, доживает свои последние дни, на смену придет отраслевое развитие промышленности, и национальные экономики начнут формироваться в соответ-

вии с требованиями нашего времени. Однако все экономические структуры Южной Америки до сих пор несут на себе отпечаток этого старого нерационального развития, для которого были характерны, всплески активности, спады, беспрестанные перемещения: каждый раз оживали в результате деловой активности те или иные провинции или города, а затем так же внезапно они пустели или оказывались обреченными на переориентацию развития, что стоило дорого и влекло за собой большие социальные издержки.

- Циклические изменения в экономике влекут за собой серьезные кризисы, сопровождающиеся насилием. Их разрушительная сила может вызвать спад в экономике страны, которая до этого считалась экономически здоровой.

Приведем лишь один пример, который имеет то преимущество, что мы наблюдаем его своими глазами: это пример сегодняшней Аргентины.

После 1880 г. в Аргентине наступает период процветания. За несколько лет она становится крупным поставщиком зерна и мяса на европейский рынок, что стало возможным после полного преобразования ее старых структур. До этого времени аргентинская пампа, представляющая собой огромную по протяженности степь вокруг Буэнос-Айреса, была пустынной местностью, по которой бродили стада диких животных; *гаучо*, т.е. пастухи, вылавливали их зачастую с единственной целью — снять кожу, которая шла на экспорт.

Эта степь, немного похожая на прерии США, и была превращена в огромное зерновое и животноводческое хозяйство, где выращивался элитный скот.

Вплоть до 1930 г. (оставим в стороне тяжелое десятилетие с 1890 по 1900 г.) Аргентина развивалась невероятно быстрыми темпами: росло население страны, чему способствовал приток сюда итальянских иммигрантов; увеличивалось производство благодаря регулярному экспорту; во множестве строились зернохранилища, мельницы, холодильные установки. За этим вскоре последовал подъем легкой промышленности. Возросла покупательная способность населения, выросли доходы с капитала, число автомобилей на душу населения достигло максимума.

После 1930 г. начался экономический спад, который был не так заметен в атмосфере всеобщей эйфории. В период войны, в целом всегда благоприятной для поставщиков сырья, падение производства замедлилось. Но сразу после ее окончания, начиная с 1945 г., в связи

с резким падением мировых цен на сельскохозяйственную продукцию экономическая обстановка в Аргентине ухудшилась, причем также происходило быстрыми темпами. *Официальная статистика* признавала, что с 1948 г. темпы падения национального дохода на душу населения составляли в среднем *0,4% в год* (по подсчетам *северноамериканских экономистов*, эта цифра была гораздо выше и составляла по меньшей мере 2%); снижение жизненного уровня усугублялось тем, что средний уровень капитальных вложений на населения тогда же уменьшался ежегодно в среднем на 3%. Торговый баланс сводился с дефицитом; заработки падали и уровень жизни населения заметно снижался, что затрудняло поддержку национальной промышленности, отдельные отрасли которой были относительно хорошо развиты (текстильная промышленность, производство продовольственных товаров, кожевенная индустрия и пр.). Роста безработица, происходил сильный отток сельского населения в города, что неимоверно увеличивало число городских жителей при том, что в городах становилось все меньше работы (5% населения страны, примерно один миллион человек по сей день живут в биллонвиллях, по сути в трущобах, которые здесь называют *городами нищеты*). Спасительная для нации индустриализация застопорилась. Сегодня непонятно, где же выход из создавшейся ситуации: бюджет страны падает на грани краха.

Иными словами, Аргентина, до начала Второй мировой войны считавшаяся самой богатой страной Южной Америки, развитию которой благоприятствовали ее климатические условия, плодородие земель и качество людских ресурсов, в наши дни оказалась если не самой бедной (у нее все-таки был большой запас прочности), то во всяком случае *самой регрессирующей*. Эйфория доверия сменилась растерянностью. Именно здесь нужно искать причину политических кризисов, отмечаемых последние годы в Буэнос-Айресе.

По мнению аргентинских экономистов, с которыми нельзя не согласиться, национальные аграрные структуры, созданные под воздействием возросшего спроса на зерно и мясо, оказались для сегодняшней страны вредными. 34% возделываемых земель принадлежат многочисленным крохотным «анти-экономическим» хозяйствам, тогда как кучка крупных землевладельцев имеет 42% земель и 64% скота. Это главное препятствие на пути национального подъема, который требует реорганизации сельского хозяйства, *способной* обеспечить рациональное производство и восстановить национальный рынок, без чего промышленность не может существовать.

- Непредсказуемость и беспорядочность экономического развития являются препятствием на пути современной **индустриализации**; развитие Южной Америки приведет чаще всего к стапвлению экономики, для которой характерны нарушения равновесия и неадекватность.

Бросаются в глаза иррациональность, недостаточность путей сообщения: они были построены не с учетом нужд национального хозяйства, а только для того, чтобы связать между собой места производства с портами погрузки. В результате огромные территории оказались вовсе лишены каких-либо дорог. Авиация не может, естественно, решить этой проблемы. «Устроившись на спине индейца», наш герой Альфонсо Перейра, хотя и довольный тем, что не промочил ноги, с грустью вздыхает: «Если бы мой отец был умнее, он бы заставил своих *неонов* строить дороги. Мы бы не оказались сегодня в таком положении!»

Другое несоответствие: резительный контраст между неразвитыми или заброшенными районами (в глубине Бразилии еще можно увидеть несколько живописных городков, стоящих на отшибе и живущих как в Средневековье, где только несколько богатых домов напоминают о прошлом периоде процветания) и развитыми в хозяйственном отношении районами. Впрочем, так называемая «цивилизованная» зона чаще всего ограничена пределами побережья, связывающего страну с экспортной торговлей.

И наконец, поражает полное отсутствие зажиточного крестьянского сословия, которое в Европе всегда было основой ее тысячелетней культуры.

Зажатая в тиски монокультурного производства, сконцентрированная в крупных поместьях, созданных в спешке на деньги иностранных импортеров, затем предоставленная сама себе вместе с заброшенными поместьями (падение спроса делает их ненужными), большая часть сельского населения представляет собой скитающихся по стране поденщиков, которые в поисках работы то забредают в города, то отправляются в другую провинцию. Этим можно объяснить следующий видимый парадокс: в той или иной стране может быть избыток пригодных для обработки земель, наблюдается избыток рабочих рук (иногда численность сельскохозяйственного населения достигает 60—70% от общего числа жителей страны) и в то же время здесь же выпращивается мало продовольственных культур, ощущается нехватка продовольствия. Происходит это потому, что, с одной стороны, недостает настоящих закрепленных на земле крестьян, умеющих обрабатывать землю, а с другой — распределение земель настолько не оправ-

дано, что этот фактор уже сам по себе мешает закреплению крестьян на селе, препятствует производству. Когда анализируешь все это, час-
то на ум приходит сравнение с *барской* Россией.

На фоне этого архаичного аграрного мира промышленность развивается в районах, по преимуществу прибрежных, к которым про-
шлое оказалось более благосклонным. Это в основном те районы, где
накапливались местные и ипострашные капиталы, где рабочая сила
была более квалифицированной (под влиянием контактов с Европой
и США), где концентрировались научные и технические кадры, ряды
которых пополняли иммигранты. Все это вместе взятое способство-
вало конверсии производства, выводу его за пределы сектора, связан-
ного исключительно с экспортом сельскохозяйственной продукции.
Результаты такой конверсии иногда способны вызвать удивление:
ультрасовременные города с многочисленными небоскребами растут,
как грибы после дождя. Один из самых поразительных примеров —
бразильский Сан-Паулу.

Подведем итог. Экономика Южной Америки двойственна: разви-
тый и иногда даже сверхразвитый узкий сектор хозяйства соседствует
с огромными архаичными секторами, так или иначе связанными
с примитивным сельским хозяйством. *Характерно, что различие меж-
ду ними углубляется, поскольку развитие стимулируется главным обра-
зом в уже развитом секторе.*

Характерен пример Бразилии, экономика которой, в отличие
от Аргентины, хотя и начала развиваться позднее, но после 1930 г. и
в особенности после войны не снизила темпов роста, а, наоборот, их
увеличила. За последние пятнадцать лет реальное производство
в стране удвоилось. В период с 1948 по 1958 г. ВВП на душу населения
возрастал в среднем на 3% в год. В этот же отрезок времени такие
города, как Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, строились темпами, пре-
выщающими темпы развития крупнейших городов США. За разви-
тием текстильной и легкой промышленности последовало развитие
тяжелой индустрии. Статистика свидетельствует о заметном экономи-
ческом подъеме.

Вместе с тем этот рост наблюдается только в промышленности.
За тот же отрезок времени сельскохозяйственное производство воз-
растало теми же темпами, что и рост населения (примерно 1,5% еже-
годно). По-прежнему обрабатываемые земли составляют лишь 2%
национальной территории! Более 70% населения продолжает жить —
или скорее влечит существование — в узком аграрном секторе
(20 млн га используемых земель), производительность которого *край-
не невелика*, Северо-Восток страны, где проживает треть ее населения,

остается аграрным районом и потому страдает от голода (в прямом смысле слова) и от всех болезней, связанных с недоделанном.

Вряд ли это положение скоро изменится, так как все ресурсы страны направляются к ее развитой части: частные инвестиции, государственные субсидии и даже средства, полученные от экспорта продукции, произведенной на Севере (какао, сахар, хлопок, растительные масла).

Многочисленные наблюдатели говорят о Бразилии и Мексике, что оттошения между обоими секторами в этих странах (развитый сектор и сектор, остающийся маргинальным) напоминают отношения между метрополией и колонией. Значительная часть этих стран лишена возможности пожинаать плоды роста производства, доходов, потребление в них остается ниже жизненно необходимого. Иными словами, один сектор приносится в жертву другому.

Понятно, что, столкнувшись с требующими нестложного решения проблемами индустриализации, правительство Бразилии сконцентрировало внимание на наиболее рентабельном секторе хозяйства, могущим дать быструю отдачу. Но каким будет эффект такой политики в будущем?

На протяжении нескольких последних лет темпы развития промышленности в Бразилии не столь высоки, как раньше, наблюдается перепроизводство продукции по причине недостаточно широкого внутреннего рынка. Безработица, инфляция, рост стоимости жизни еще больше сужают его размеры. Отныне становится ясно, что промышленное развитие окажется заторможенным без политических усилий в направлении оживления и улучшения аграрного сектора хозяйства; без этого невозможно добиться роста потребления, обеспечить массам достойный уровень жизни, что является условием создания устойчивой современной промышленности.

- Социальная проблема: необходимость переориентации развития в одинаковой мере стоит перед всеми странами Латинской Америки, вставшими на путь индустриализации; это тем более важно, что здесь существует нерешенная социальная проблема.

Пропасть между той частью общества, которая участвует в процессе развития и пользуется его благами, и той частью общества, которая остается в стороне от него, продолжает увеличиваться. Здесь таится опасность социального взрыва.

Другая опасность: самые большие в мире темпы роста населения, составляющие приблизительно 2,5% в год (для сравнения:

2% в Африке и от 1,3 до 2% в Азии). Масса сельских пролетариев превращается в городских пролетариев, зачастую безработных. Их несчастья усугубляются показной роскошью индустриального общества, доступ к которому этим пролетариям заказан.

Все социологи сходятся в оценке тех огромных усилий, которые предприняла Латинская Америка для обеспечения своего развития: достижения в области промышленности великодушны, в них учитываются последние достижения современной техники; южноамериканские архитекторы и инженеры ни в чем не уступают своим иностранным коллегам; однако человеческий аспект этого развития выглядит удручающим: нищета и хаос толпятся у барьера, отделяющего от порядка и роскоши.

Примером могут служить чилийские металлургические производства Хуакипато, расположенные к югу от Сантьяго. Шесть тысяч работников, занятых здесь, «технически хорошо подготовлены и с ними хорошо обращаются. Но каков контраст с условиями жизни некоторых рабочих семей, которые теснятся по десять человек в стоянках неподалеку от заводских цехов бараках. Компания разрешила их посетить, поскольку она не скрывает имеющихся трудностей. Но при этом ситуация здесь гораздо лучше той, что сложилась в находящемся неподалеку шахтерском городке Лота. Мне редко доводилось видеть что-либо более грустное, чем покрытых угольной пылью шахтеров, проводящих часы отдыха на пороге своего дома, чем их детей, собирающихся кучками и копошащихся в уличной грязи или бегающих вокруг мясных рядов на местном рынке, где разложено дурно пахнущее и засиженное мухами мясо; точно также дети копошатся вокруг хижин и на грязных причалах Талкауано... Бедные дети Лоты, о которых мне сказали, что только каждый четвертый из них получит возможность покинуть это печальное место, тогда как остальные вынуждены будут продолжать жить и умереть здесь» (Жорж Фридман).

Репортаж о жизни вблизи угольных шахт в Сан-Жеронимо (Рио-Гранде-ду-Сул, Бразилия) или на боливийских оловянных рудниках вряд ли способен внушить больше оптимизма. На периферии крупнейших городов континента можно встретить ту же нищету рабочих, свидетельство чему картины жизни Сан-Паулу или Буэнос-Айреса; из шести миллионов жителей последнего 55% рабочие, 60% которых составляют бывшие сельские жители, вынужденные покинуть деревню. Как некогда в Европе, эти бывшие крестьяне — плохие работники: сегодня они на заводе, а завтра их уже там нет. Многие предприятия оказываются вынужденными обновлять свой персонал ежегодно

почти на 75%. Незнание простейших вещей только усугубляет их бедственное положение: отмечается, что несоблюдение самых элементарных правил питания делает еще более тяжелыми последствия голода. Квалифицированных рабочих (в нашем понимании) относительно мало: их труд хорошо оплачивается, и в городах они составляют как бы буржуазную прослойку, не соприкасаясь с миром обычных рабочих и не проявляя желания солидаризироваться с ними.

Все идет к тому, чтобы предоставить этих отверженных самим себе. Теоретически рабочее законодательство представляется либеральным, но на практике все обстоит иначе. Профсоюзы существуют, но с профсоюзами индустриально развитых стран они схожи только названием. Общенациональные объединения отсутствуют. Короче говоря, мы имеем дело с находящимся в бедственном положении, малообразованным, зачастую просто неграмотным, неорганизованным рабочим классом, в политике склонным к поддержке романтизма и эмоций (пример тому перонизм). Он лишен солидной материальной и интеллектуальной поддержки. Создается впечатление, что его ожидает трудное будущее.

* Хрупкость правящих классов и элиты.

Все эти новые проблемы осознаются интеллектуальной элитой, куда входят писатели, хорошо подготовленные преподаватели, некоторые политические деятели, врачи, адвокаты. К несчастью, хрупкость правящих классов, во многом ответственных за политическую и экономическую ситуацию на континенте, является одной из перманентных и серьезных слабостей Южной Америки. Снижение промышленного роста безжалостно разрушило старое, рафинированное общество, которое оказалось неспособным приспособиться к новому миру, но до чего же оно было приятным! Печально, что оно так и не сумело найти себе замену.

Еще вчера, т.е. до 1939 г., в полуколониальной Латинской Америке на арене политической и культурной жизни действовало лишь несколько персонажей, которые спокойно вели дела. Это были обязательные, приятные в общении люди сотен и тысяч гектар земли, собиратели больших библиотек, напоминающие пышностью своего образа жизни пришлеп эпохи Возрождения, способные произвести впечатление на журналиста, путешественника или интеллектуала, приехавшего из Европы. Но уже накануне Второй мировой войны они казались социально обреченными; эти люди, обладавшие огромной ответственностью (они представляли английские капиталы в

Бразилии, другие интересы различных американских компаний например *Dearborn Chemical Society*, третьи концентрировали в своих руках государственные финансы, четвертые управляли провинциями и мечтали стать президентами своих республик, пятые были генералами, выходцами из простолюдинов, предпочитали управлять из своих библиотек, руководствовались идеями, малоприменимыми к действительности, что создавало впечатление несерьезного мира. Они вершили в добродетели культуры, цивилизации, разума. Они чем-то минали европейских либералов и аристократов XIX в., существовавших в атмосфере деспотизма, просвещенного патернализма.

Рядом с ними, но вне, из закрытого круга, сказочно обогащались новые персонажи: богатые иммигранты, промышленники, сыновья, которых могли надеяться на то, что когда-нибудь они достигнут определенного уровня культуры.

Сегодня социальная революция уже свершилась, колесо истории сделало свой оборот. Если говорить в общем, то лендлорды уступили место промышленникам и банкирам, а великолепные семейные поместья роскошным загородным особнякам, которые можно увидеть на пляжах Рио или в окрестностях Петрополиса в Бразилии, в Веракруссе, Акапулько, в богатых кварталах Мехико или в Куэрнавাকে. Одновременно меняли свой облик и сами города, превращавшиеся в метрополии с шикарными отелями, с ресторанами, расположенными на последних этажах высотных зданий, с небоскребами, не говоря уже о такой жемчужине, как новая столица Бразилия, построенная в центре этой страны... Новый мир сменяет старый.

Чего не хватает в Южной Америке, так это настоящих политических партий, элиты, стабильной буржуазии, среднего класса. Небольшого количества интеллектуалов явно недостаточно. Чтобы сформировался средний класс, необходимый для социальной стабильности, нужны время, спокойствие, более социально уравновешенная экономика без резкого деления на очень бедных и очень богатых.

Хрупкость среднего класса, как основы серьезных политических партий, объясняет традиционную нестабильность правительств Южной Америки. По сей день здесь вступают в противоборство не столько партии, сколько люди. Согласно традиции, возникшей еще во времена освободительных войн начала XIX в., где главную роль играли романтически построенные генералы, очень важную роль здесь продолжает играть армия.

Однако быстрый рост общественного сознания, стимулируемый процессом урбанизации, может подтолкнуть Америку вступить на трудный путь перестройки всех ее нынешних структур, без чего, как

об этом сказал недавно один мексиканский автор, она рискует остаться у порога настоящего современного капитализма, создающего богатства и благополучие, рискует погрузиться, сама того не желая, в пучину насилия, которое, впрочем, также не гарантирует, что для нее откроются двери настоящего социализма.

Бразильский автор Ж. де Кастро справедливо сказал в 1962 г.: «Несомненно, что Бразилия (он мог бы сказать: Латинская Америка. — Ф.Б.) должна достичь успеха в пересмотре своей социальной истории. Единственно, что при этом необходимо, так это сделать так, чтобы такой пересмотр (он сказал: прыжок) не привел в пропасть; чтобы избежать этой участи, пужло ориентировать наши действия таким образом, чтобы суметь эту пропасть преодолеть (перепрыгнуть)».

- Чувство небезопасности, неуверенности, нестабильности, которое испытывают латиноамериканцы, является совершенно оправданным. Напротив, свойственный им пессимизм оправдан в меньшей степени. Нестабильность присуща прежде **всего** цивилизации, которая еще не нашла себя, стремится определиться в условиях суровой реальности.

Ведь единственная цивилизация, которая долгое время существовала в Южной Америке, была цивилизацией заимствованной: это была лишь точная копия европейской цивилизации во всей ее рафинированности, которой следовала здесь узкая группа привилегированных лиц. И в этом случае свидетельство литературы бесценно. Как много мы знаем книг южноамериканских писателей XIX в., где *ничто* не позволяет **заподозрить**, что они написаны за пределами европейского континента! Для многих людей той эпохи культура представлялась островком, куда они время от времени могли удалиться, чтобы изолировать себя от окружающей **действительности**, которая, в их глазах, лишь мешала игре ума.

Эта **интеллигенция** внимательно следила за развитием европейской мысли, следуя ей с удовольствием и страстью. Именно благодаря ее представителям мы можем обнаружить в тех или иных частях Южной Америки революционный гуманизм с его ответвлениями в виде позитивизма Огюста Конта, что на первый взгляд кажется странным (известно, что выражение *Ordem e Progresso**, которое можно увидеть на бразильском флаге, является данью уважения учению Конта — контизму).

Эти времена прошли. Проникая в урбанизирующиеся народные массы, южноамериканская цивилизация сегодня обязательно открывается в сторону местной жизни, которая примет европейское насле-

дие только при условии его значительной трансформации. В настоящее время Латинская Америка создает самобытную цивилизацию, свою собственную.

Эта эволюция стала неизбежной в период, когда во всем мире культура стала широко распространяться, даже навязываться средствами массовой информации (пресса, радио, телевидение) и кинематографом. При этом важно понимать, что в Латинской Америке массовому распространению культуры предшествовала долгая работа местной интеллигенции, которая рано сумела придать ей определенную форму. Закат престижа Европы, наблюдающийся после Первой и особенно после Второй мировой войны, недоверие латиноамериканской интеллигенции к гегемонии США совпали с обнаружением ею окружающих культурных богатств, пониманием стоящих перед ней задач. Народ, т.е. *кабокло, неон, индеец, чернокожий*, выпел на авансцену. Они перестали быть дикарями, о которых вспоминали лишь тогда, когда говорили о необходимости донести до них блага цивилизации. Стали интересоваться их жизнью, их мыслями, их поговорками, их религией; они стали объектом социологических исследований, в которых им симпатизировали; они превратились в неотъемлемую часть национальной культуры, находящейся в процессе становления.

Этим объясняется как сам факт публикации (немыслимый еще 50 лет назад), так и успех (в Бразилии книга вышла тиражом 120 тыс. экземпляров, которого раньше достигали только романы Жоржи Амаду) того дневника, о котором мы говорили выше. Как сказал один бразильский критик, комментирующий успех дневника Каролины Марин де Хесус (эта книга является чем угодно, но никак не произведением искусства): «Это документ, написанный женщиной из народа, послание, напоминающее о братстве, понимании и социальной справедливости». Книга не только принесла ее автору относительное материальное благополучие, но и вызвала конкретную положительную реакцию: описанные в книге кварталы бедняков, которые можно увидеть в кинофильме *Черный Орфей*, недавно были срыты: на этом месте будут построены новые здания.

Этим же продиктован возросший интерес к фольклору народов Южной Америки, который можно услышать повсюду во всем его своеобразии и живописности. Впрочем, этот фольклор начинает уже «разбавляться», переделываться в соответствии со вкусами иностранных туристов, свидетельство чему очаровательная и шумная музыка мексиканских артистов, скрипачей, которых можно услышать в кабаре Мехико и других городов. Прозвище этих артистов *марьячос (mariachis)* произошло, как говорят, от свадебных торжеств (*fetes de*

«*tanage*»), которые были популярны во времена французского присутствия в стране. Если признать этимологию слова верной, то можно надеяться, что народная память сохранила не очень плохие воспоминания о французской экспедиции...

Конечно, чтобы познакомиться с настоящим фольклором, надо покинуть туристические маршруты: только вдали от них услышишь старинные сентиментальные или скорбные бразильские песнопения, где обязательно упоминается грустный свет луны, а также старинные музыкальные инструменты, голосовые или танцевальные импровизации. Так, на рынке, затерянном среди просторов Байи, рядом с выставленным на продажу скотом, с лотками, на которых продают порцию дымящегося риса, живого поросенка, кусок дичи, тропические фрукты, можно заметить слепого пишего, который импровизирует то мольбу, то благодарность, то вдруг начинает петь... Когда рядом оказывается иностранец, в котором видит более щедрого дарителя, то его утомляют более длительной импровизации, в которой комплименты смешиваются с традиционными пожеланиями...

Народные певцы черпают свои сюжеты в любых событиях повседневной жизни. Убатуба, небольшой заброшенный порт на Атлантическом побережье не очень далеко от Сан-Паулу, еще в 1947 г. был связан с остальным миром единственным видом транспорта — старым автомобилем, который два раза в неделю ездил по старой дороге, вытопанной мулами... Было принято решение провести туда электричество, и можно было увидеть, как электрические столбы падают через лес. Это событие стало сюжетом песни, которую однажды сложил местный музыкант: это был бесконечный речитатив, восхваляющий блага цивилизации.

У каждой страны есть собственный фольклор, своя музыка, свои сказки, восходящие к индейской, испанской или африканской традиции... Религиозная жизнь несет на себе заметный отпечаток фольклора, поэтому католическая вера (хотя в некоторых местах можно встретить и протестантские миссии) здесь примитивна, полна чудес, напоминает средневековые верования, где легенда о Христе перемешана с индейскими мифами, а магические обряды древней Африки смешиваются с романскими обрядами или просто включают их в себя (*жандамблес*). Малочисленность священнослужителей лишь усугубляет эту свободу в отплевании религиозных обрядов. Наступит день, когда Латинской Америке понадобится навести порядок в своем религиозном доме. По мнению историка протестанства Эмилия Ж. Леонара (он сам протестант), духовная ситуация на континенте напоминает ситуацию в Европе в период Реформации и даже до Реформации: иными словами, с одной сто-

ропы, духовные запросы велики, а с другой — они удовлетворяются недостаточно. Но уже заметны перемены в этой области жизни.

Современная литература, сама жизнь, культура Южной Америки ориентированы на возврат к национальным источникам.

С этой точки зрения, наиболее характерен пример Мексики. Здесь заметно широкое движение к *индейскому* прошлому, к корням нации. Чтобы это произошло, понадобились большие испытания, революции, катастрофы. Именно они породили популистскую литературу, революционное изобразительное искусство, пророком которого стал Хосе Ороско с его росписями храма в Гвадалахаре, новую школу живописи. То же можно сказать и о национальном кинематографе, утвердившемся с выходом на экране замечательной картины *Мария Канделария*.

Постскрипtum

1966 г.

Кубинская революция стала той огненной чертой, которая разделила судьбы Латинской Америки. Правильнее было бы говорить о целой серии латентных, скрытых, возможных, зачастую плохо организованных революций, которые не перестают происходить на этом огромном континенте под воздействием кубинской драмы.

Но «революция» сталкивается с препятствиями внешнего и внутреннего толка. *Внешние*, американские например, можно увидеть в Карибском бассейне, вокруг Кубы, в Панаме, где бурные события 9—11 января 1964 г. стали причиной разрыва дипломатических отношений этой небольшой республики с США. В апреле отношения были восстановлены, но статус Панамского канала не претерпел изменений. Существующие проекты дублирования канала за счет постройки одного или двух других не решат политической проблемы и не снизят существующего уровня напряженности.

В Бразилии после революции 31 марта 1964 г. внутри страны был воздвигнут антиреволюционный барьер (противники нового режима в шутку говорили о первоапрельской революции). Правительство президента Ж. Гуларта было свергнуто в тот момент, когда оно собиралось приступить к реформам, обещавшим быть серьезными. К власти пришла армия, и новым президентом страны стал сначала генерал, а потом маршал Кастело Бранко. Армия, провозгласившая себя «сдерживающей силой», удерживает на расстоянии правоэкстремистские группы из Рио и Сан-Паулу. Но в то же время она была вы-

нуждена уступить нажиму со стороны реакционных сил и начала «погоню за ведьмами», жертвами которой стали прежде всего интеллигенция и члены подпольной Коммунистической партии. Страна отказалась от бывшего нейтралитета и разорвала дипломатические отношения с Кубой. По основной проблемой остается катастрофическая экономическая ситуация, галопирующая денежная инфляция: цены растут, национальная валюта *крузейро* обесценивается.

Нашило политический, экономический и социальный кризис. Латинская Америка стала жертвой демографического роста, отсталости своих структур, недостатка квалифицированных национальных кадров, осознания зависимости своего материального положения. Может ли она надеяться на помощь старой Европы? Вопрос возник в связи с наделавшей много шума поездкой сюда генерала де Голля (21 сентября — 16 октября 1964 г.), который посетил десять стран: Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, Боливию, Чили, Аргентину, Парагвай, Уругвай, Бразилию. Но одна Франция не способна удовлетворить запросы этого огромного континента. Вся Европа от Испании до Италии, включая Германию и Англию, должна была бы объединиться для решения этой важной задачи, которая в глазах жителя Западной Европы, осознающего свою ответственность, является первоочередной.

1965 г. был отмечен двумя важнейшими событиями.

1. Избрание президентом Чили Эдуардо Фрея Монтальва, который пытается провести демократическую реформу, связанную с программой экономического развития. Несмотря на все своеобразие Чили, за этой попыткой внимательно следит демократическая общественность Латинской Америки.

2. В Санто-Доминго конституционалистская революция развязанная в память бывшего президента Хуана Боска была заблокирована в результате вмешательства американских войск, которых впоследствии сменили силы ООН. В 1966 г. Х. Балагер, бывший министр Трухильо, временно заменивший убитого диктатора на посту президента, стал избранным главой этой страны.

В январе 1966 г. конференция в Гаване с представителями трех континентов позволила Кубе восстановить политические отношения со странами Третьего мира, а СССР установить определенный контроль над революционными движениями в Азии, Африке и Латинской Америке. Одновременно с развитием партизанского движения в Колумбии, Гватемале, Перу и Венесуэле множится число военных режимов. По примеру Бразилии аргентинские военные узурпировали власть в этой стране в 1966 г.

Глава 2. Америка по преимуществу: Соединенные Штаты

С удивительным упорством эта Америка всегда хотела быть необычной. Долгое время она являлась цивилизацией без исторических корней, напоминавшей путешественника без багажа, уверенной в том, что перед ней открывается лучшее будущее, достижение которого зависит только от нее самой. Томас Джефферсон, один из создателей конституции 1787 г., утверждал, что Америка является новой страной в своих формах и своих принципах (*America is new in its forms and principles*). С той поры она не переставала считать себя новой нацией, полагая, подобно Джефферсону, что «земля принадлежит живущим». Но как бы там ни было, она сумела преодолеть, сохраняя доверие в собственные силы, сотрясавшие ее экономические, социальные и политические кризисы. При этом она не теряла ни оптимизма, ни уверенности в себе.

Так было до недавнего времени, когда страну потряс неожиданный кризис 1929 г.: начавшийся на Уолл-стрите, это кризис ощущался тем более остро, что он ударил по внешне благополучной экономике, находившейся в процессе развития и потому утратившей бдительность. Америка оказалась тогда перед лицом первой экономической катастрофы. Чтобы излечиться от последствий кризиса, оказалось недостаточно вновь обретенного благополучия. В годы, последовавшие за катастрофой, Америка обратилась к своему прошлому, причем не столько для того, чтобы понять себя (средний американец инстинктивно не верит в уроки истории), сколько для того, чтобы обрести поддержку в своем прошлом. «Развитие склонности к ретроспективной ностальгии шло вместе с медленным упадком традиционной веры. Во времена, когда конкуренция и предприятия падали, американцы думали о будущем; во времена их расцвета они думали о настоящем; теперь, во времена концентрации, тяги к колоссальному, во времена монополий, которые сузили пространство для конкуренции и уменьшили шансы на выигрыш, они с сожалением обращаются к золотому веку, к своему прошлому» (Ричард Хоффштадтер, 1955).

Молодая Америка становится чуть более зрелой. Она приходит к пониманию истории, приближается к моменту истины. Ранее отвергая прошлое, отстаивая свой индивидуализм или свой изоляционизм, отбрасывая все, что может ограничить свободу индивидуума

или пации, она замечает в наши дни, что в этом ее прошлом «существовало единство политической и культурной традиции, на которой зиждилась американская цивилизация».

Обречена ли эта неявная традиция на исчезновение из-за условий современной жизни США? Прошлое пачипает наступать па пятки.

Живительное прошлое: итог полученных шансов

Долгое время Америка полагала, что ей уготована новая судьба, не омраченная тенью предшествующих времен, что *прошлое как бы* само по себе стирается. Общим правилом было бежать от всего того, что привязывает или заставляет пускать корни, делать ставку на неожиданное. Понятие *opportunity*, т.е. случай, удача, было ключевым: всякий человек, который *достойн так* называться, должен воспользоваться представившимся «случаем» и использовать его по максимуму. Именно в этом «соревновании» он находит и утверждает себя.

Так вели себя все Соединенные Штаты Америки: их прошлое — это чередование предоставленных им шансов, которыми они сумели воспользоваться, чередование удачных «делок». Вначале суммируем эти пропущенные и неданные шансы.

Колонизация и независимость

- Первый план представлял собой овладение, хотя и запоздалое, Атлантическим побережьем. Найти себе место жительства — значит начать существовать.

Все началось с революционного путешествия Христофора Колумба (1492). Это была победа Испании (Кастилии). Через восемь лет, в 1500 г. португалец Педру Алвареш Кабрал высадился на Земле Санта-Круш, которая получила впоследствии название Бразилии. Затем пришла очередь французов, чьи торговые и пиратские корабли (чаще всего это было одно и то же) курсировали вдоль всего Атлантического побережья Нового Света от Новой Земли до Антильских островов, Флориды и побережья Бразилии, чью территорию португальцы удерживали скорее теоретически, чем практически. Французы исследовали Канаду в 1534—1535 гг. и обосновались здесь в 1603 г. Англичане появились здесь значительно позже: Уолтер Рэли высадился на побережье Виргинии в последние годы XVI в., но их пребывание было эфемерным; переселенцы с корабля *Мэйфлауэр* высадились на побережье Массачусетса в 1620 г.

На первый взгляд, доставшаяся им территория не выглядела гостеприимной: утrockое, изрезанное лиманами, проливами и даже настоящими внутренними морями подобно широкому Чесапикскому заливу, болотистое, лесистое побережье, на западе ограниченное трудно-

доступными горами. В целом это был обширный район, отдельные части которого связывались между собой только при помощи прибрежного судоходства. Кроме того, нужно было бороться с конкурентами в лице прибывших позже шведов и голландцев, а также защищаться от постоянных набегов индейцев. В то же время французы сначала исследовали, а потом заняли район Великих озер и огромную долину Миссисипи вплоть до ее дельты, где позднее возник Новый Орлеан. Французы как бы окружили англичан, и поэтому можно считать, что «первый раунд» остался за ними.

Таким образом, английский «плантарм» оказался зажат между Флоридой, где уже начали обустраиваться испанцы, и обширными, слишком обширными, французскими территориями, на которых промышляли охотники и добытчики пушнины, а также проявляли активность миссионеры иезуиты. Когда в XVIII в. английская экспансия направилась к западу, то на ее пути встали форты с французскими гарнизонами.

Где здесь «американская удача»? В том, вероятно, что относительно небольшие по площади английские колонии заселялись на долго, что было особенно характерно для Севера, в частности для Массачусетса, где был основан Бостон, и для центральной части побережья, где появились Нью-Йорк (бывший Нью-Амстердам) и Филадельфия, основанная *квакерами*.

Не теряя торговых связей с метрополией, эти города, выросшие в диких краях, управлялись самостоятельно, были практически предоставлены сами себе, что напоминало условия существования типичных городов средневековой Европы. На пользу английским колониям пошла и волнения в самой Англии: на другой стороне Атлантики оказались протестантские сектанты, «кавалеры» эпохи Кромвеля. Наплыв переселенцев из Англии оказался столь велик, что в 1762 г., когда борьба уже закончилась, на миллион англичан, поселившихся в Америке, приходилось только 63 тыс. французов. Английская или «американская» удача была в том, что англичане сумели в противовес испанцам и французам накопить большие силы.

«Как только на континенте скопится миллион англичан против почти 70 тыс. французов, дело было практически решенным, даже если в Квебеке военная удача улыбнулась Монкалму (1759). Еще до Вольтера колонизация и особенно заселение новых территорий не были приоритетной задачей властей. К смутным опасениям, что произойдет отток населения из Франции, прибавлялись трудности и заботы внутреннего порядка. В результате, на 30 англичан, выезжающих в Америку, приходился 1 француз. Странная диспропорция при-

чин и следствий: если английский язык и культура господствуют в современном мире, то причину этого следует искать в нескольких судах, которые ежегодно переправляли на другую сторону Атлантики крайне немногочисленных переселенцев, большинство из которых было к тому же неграмотно» (Альфред Соби).

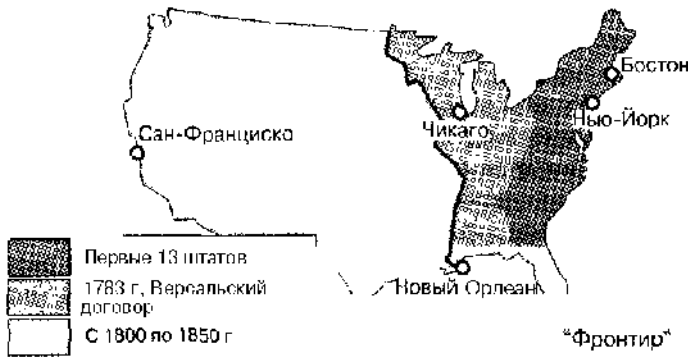
Пытаться переделать историю — это заболеть недугом, который называется ухройшей. Оливер американец, страстный почитатель Франции, однажды в шутку представил себе, что было бы, если бы вся Северная Америка располагала ясностью, шармом французского отношения к жизни, французской гастрономией. Но это не более чем мечта, которую история сделала невозможной.

- Первый подъем Америки был связан с ее аграрной по преимуществу экономикой. Но успех США (столь очевидный по сравнению с умеренными достижениями Канады) объясняется также и еще одной удачей — пристрастием к морю.

Повсюду, с юга до севера, вода, водные пути, барки, рыболовецкие и грузовые парусники, позднее быстроходные клипперы, что играло огромную роль в развитии. Суда плавали по морям, достигали Европы, Средиземного моря, Антильских островов, Южной Америки, Тихоокеанского региона. Этим объясняется та опасность, которую представляли для английской торговли и флота быстроходные парусники инсургентов, действовавшие даже в Ла-Манше с 1776 по 1815 г. Они нанесли существенный ущерб англичанам в период победоносной войны США против Англии (1812—1815), о которой «большая» история той поры говорит мало, поскольку все внимание уделяет Наполеону.

Начиная с XVII в., море способствовало процветанию некоторых американских городов. Введенные англичанами меркантилистские правила торговли требовали, с одной стороны, чтобы американские колонии закупали в метрополии все нужные им промышленные товары (даже те, что производились в других странах Европы), а с другой — чтобы они продавали в Англию или ее колонии все свою сельскохозяйственную продукцию (за исключением некоторых товаров, ввоз которых в Англию был запрещен: зерновые, рыба). И тем не менее Пенсильвания, например, в 1766 г. смогла продать в Англию товаров на 40 тыс. фунтов и закупить у нее товаров на 500 тыс. фунтов. Этот парадокс неоднократно отмечался в литературе.

«Так как же вы покрываете разницу?» — спросили у Бенджамина Франклина, специально вызванного на заседание одного из комитетов Палаты общин, чтобы он смог объяснить эту ненормальную ситуацию.

Территориальное формирование Соединенных Штатов

«Разница покрывается, — говорил он, — за счет товаров, отправляемых на Антильские острова, где они продаются либо жителям островов, либо французам, испанцам, датчанам и голландцам; другие средства поступают за счет продажи товаров, отправляемых в другие североамериканские колонии: в Новую Англию, Новую Шотландию, Каролину и Джорджию; часть товаров направляется также в другие страны Европы... Повсюду в качестве оплаты мы получаем или живые **деньги**, или векселя, или продовольственные товары, что позволяет нам оплачивать покупки в Великобритании. Все это, в добавление к доходам от деятельности наших купцов и наших моряков, к доходам от транспортных услуг, оказываемых нашими кораблями, в конечном счете концентрируется в Великобритании для уравнивания торгового баланса».

К доходам от обширной *трехсторонней* торговли прибавлялись доходы от фрахта, от разрешенной Англией торговли из иностранной страны в иностранную страну, не считая доходов от очень активной контрабандной торговли и от каперства. Нельзя при этом забывать и доходы от рыбной ловли: американские моряки не упускали не одной возможности заработать на море.

К концу XVIII в. ситуация была такова: тоннаж флота США превышал тоннаж флота всех других наций, за исключением Англии, и, пропорционально населению, Соединенные Штаты превратились в первую морскую державу мира. Морская торговля сделала их составной частью мировой экономики, заставляя США подчиняться ее законам, играть по ее правилам, но вместе с тем позволяя пользоваться и преимуществами. Все эти хитрости общества, которое, как ни одно другое, создавалось за счет кредитов, имели одно объяснение: это

общество было вынуждено компенсировать свои слабости, изыскивать драгоценные металлы, которых ему предоставляло для оплаты закупасмых извне товаров.

Морская торговля изобиловала удивительными приключениями в далеких странах; прибытие морских караванов, груженных «американской» пшеницей в Средиземное море или в порты революционной Франции; успехи в «незаконной торговле с испано-португальской Америкой»; плавание в Тихом океане сначала через мыс Горн, а гораздо позднее через порт в Сан-Франциско. Сразу после обретения независимости от Англии (1782) бывшие колонии начали искать пути в Китай. Именно стремление пайти промежуточный порт для остановки своих судов, направляющихся в Китай, а также для китобойных судов, промысливающих в Тихом океане, заставило Америку послать в 1853 г. эскадру «черных кораблей» адмирала Перри в Токийский залив, что привело к хорошо известным последствиям.

Характерны имевшие некогда место встречи американских кораблей в далеких морях. Так, трехмачтовое судно «Лев», перевозящее в Китай английского посла лорда Мак-Картни, в феврале 1793 г. сделало остановку на острове Сен-Поль, на юге Атлантики, где встретилось с пятью судами охотников на тюленей (три французских и два английских судна), которые подготавливали экспедицию для транспортировки 25 тыс. тюленьих шкур для продажи в Кантон; перевозить их собирались на полу-французском, полу-американском корабле из Бостона, доставлявшем в Китай, помимо шкур, мех канадских бобров. Через несколько месяцев посол заметил это судно в Кантоне, что позволило ему захватить его в качестве военного трофея, поскольку посол узнал к тому времени, что в январе 1793 г. начались военные действия между Англией и Францией.

Другой интересный пример. Во время кругосветного путешествия находящийся на службе у русского царя Коцебу, сын немецкого поэта, увидел в порту Южной Аляски (26 апреля 1825 г.) двухмачтовое американское судно из Бостона, оно пришло сюда через мыс Горн с продовольствием, которое выменяло в небольшой русской фактории 21 тыс. шкур морского котика. Эти шкуры уступали меху знаменитого камчатского бобра, калана, но покупатель надеялся продать их в Кантоне, направляясь в Китай через Сандвичевы острова. «По прибытии данного судна в порт Аляски весь экипаж, включая капитана, был пьян; лишь счастливый случай позволил кораблю избежать мелей и рифов, но американцы настолько хорошие моряки, что даже в состоянии алкогольного опьянения они умеют выходить сухими из воды».

Это было также время китобойного промысла, на котором специализировались Нью-Йорк и Новая Англия. Писатель Герман Мелвилл (1819—1891) оставил описание мира грубых и пестесашных китобоев, который он знал не понаслышке, их тяжелого и опасного существования, а также жизни в маленьких городках типа Нангукета и Нью-Белфорда, процветавших за счет этого единственного в своем роде промысла. Китобойный промысел начал клониться к упадку после 1850 г., когда нефть и газ пришли на смену ворвавшимся в качестве средства освещения.

В ту же эпоху флот США столкнулся с серьезной конкуренцией со стороны английских *паровых* судов, сделанных не из дерева, а из металла. Это был сильный удар, который, впрочем, был частично компенсирован поворотом США в сторону континента: начался период освоения внутренних земель. Завоевывать принадлежащее им пространство, идти все дальше на Запад, строить железные дороги, налаживать *прибрежное и внутреннее речное судоходство* — эти задачи заставили США отвернуться от океана. Освоение внутреннего пространства стало их новым шансом.

Согласно американскому обычаю, если одно дело перестает быть главным, появляется другое: все усилия концентрируются на новом направлении, а старое предается забвению. Можно сказать, что Америка променяла океан, уже разделенный на сферы влияния, на огромную часть американской суши, которой она полностью завладела в собственных интересах.

- Ни одно событие американской истории так хорошо не изучено, как Война за независимость в Северной Америке (1773—1783). Однако необходимо рассматривать его в соответствующем контексте.

Захват французской империи в Америке (1762) сделал менее ценной английскую помощь и более жесткими требования метрополии. Тем не менее, вначале ни колонии, ни Англия не стремились к разрыву: это происходило постепенно как следствие недоразумений, недостаточных уступок, неэффективных актов насилия. Все процессы деколонизации, проходившие затем в мире, вплоть до сегодняшнего дня, разворачивались по схожему сценарию, представляя собой череду событий, плохо поддающихся разумному объяснению.

Были ли не права Англия, отказываясь пойти на более быстрые и широкие уступки, требуя сначала повышения налогов, что объяснялось издержками войны против Франции, а затем отменяя их и сохраняя при этом единственный налог на чай, что привело к известным событиям

16 декабря 1773 г. в порту Бостона, когда ящики с чаем были выброшены за борт? Английская политическая традиция гласит, что нельзя вводить налоги без согласия налогоплательщиков, а американские англичане не были представлены в парламенте. Какая же это была ошибка!

Ошибается ли английский историк, который в 1933 г. заметил, что, начиная с середины XVIII в., британская империя, которая до того концентрировала свои усилия на Америке и Атлантике, переориентировалась на Индийский океан и Индию? Бенгалия была оккупирована в 1757 г. Тогда же интенсифицировалась торговля с Китаем. Не началось ли тогда же поспешное обращение капитализма к Дальнему Востоку, при одновременном отходе от Пового Света, что объяснялось погоней за более высокими прибылями?

Все эти, а также другие причины привели к масштабному конфликту, завершившемуся унижением Англии. Вмешательство Франции и Испании способствовало успеху восставших. Однако в 1782 г. эти последние тайно подписали мир с Англией, покинув союзников... В итоге согласно Версальскому мирному договору (1783) Англия потеряла меньше того, что могла потерять. Впрочем, она очень быстро заметила, что экономическое благополучие с лихвой компенсировало политическое поражение. Историк имеет возможность спросить себя, хотя и не получит ответа, что бы стало с Англией, если бы **вскоре!** не произошла промышленная революция, которая надолго обеспечила ей превосходство в мире.

Но если мы говорим здесь о судьбе Соединенных Штатов, то акцент нужно делать не на международном аспекте событий, не на действиях Лафайета, не на далеких подвигах байи де Слюффрена, не на ловкости и реализме Бенджамина Франклина, но на самой независимости, на Декларации о независимости, провозглашенной 4 июля 1776 г., на Конституции 1787 г. В эти ключевые для ее истории годы молодая Америка обрела самосознание.

Когда мы говорим «молодая Америка», то имеем в виду определенную Америку, первую, которая обрела форму: географически она располагалась на обращенной к Атлантике части континента; экономически она была прежде всего аграрной страной; господствующее положение в ней занимал класс землевладельцев, класс, к которому принадлежали сами *отцы основатели* «американской демократии», портрет которых история сильно идеализировала, представив почти лубочные картинки.

Узнать, кем были на самом деле все эти деятели — от Джорджа Вашингтона до Томаса Джефферсона, которым хватило воли и уверенности в своих силах, чтобы создать лучшую Конституцию в мире, ни

в коем случае не будет проявлением к ним неуважения, а, наоборот, будет только полезно. Уже давно было сказано: *отцы основатели* создали конституцию, основанную «на философии Гоббса и религии Кальвина». Но они также полагали, что «человек человеку волк», что его «телесный дух» противоположен духу Божьему. Генерал Покс писал Вашингтону: «Американцы в конечном счете это люди, которым свойственны бурные страсти, присущие этому животному» (1787).

В Декларации было заявлено и о праве на возмущение, и о равенстве всех людей перед законом. Но главной идеей, которая беспокоила и обуславливала поступки этих собственников, этих деловых людей, этих законников, этих плантаторов, спекулянтов и финансистов, этих «аристократов», была идея о том, что необходимо защитить собственность, богатство, социальные привилегии. Уже при рождении Америки существовали богачи, которых их богатство, пусть даже умеренное, ставило во главе других. Достаточно послушать *отцов основателей*, собравшихся в Филадельфии, чтобы написать Конституцию, достаточно прочесть их письма, равно как и письма их соратников, чтобы уяснить себе течение их мысли. Так, молодой плантатор Чарльз Пинкней заявлял, что только тот, чье состояние превышает 100 тыс. долларов, может быть президентом республики; Гамильтон требовал, чтобы был положен конец «пагостности демократии». Для всех них, как для дочери губернатора Пегги Хатчинсон, простонародье — это «грязная и неопрятная толпа», *the dirty mob*. Послушаем молодого губернатора Морриса: «Толпа начинает думать и размышлять. Бедные рептилии! Они мирно греются на солнце, но тут же способны укусь... *Джентри* (благородное общество — *Примеч. пер.*) начинает их опасаться». И Мэйсон соглашался: «Мы были слишком демократичными... Не нужно впадать в другую крайность». Трудно найти человека более приверженного святым принципам демократии, чем Джереми Белкнап, который тем не менее писал одному из своих друзей: «Будьте верны тому принципу, что правительство происходит от народа, но заставьте народ думать, что он не способен самостоятельно собой управлять».

Таков был дух времени. Предлагаемый порядок, который обозначили именем *свободы и равенства*, был порядком, укладом зарождающегося капитализма. Власть и ответственность принадлежат богатым. Всем другим сделали большую уступку: они будут защищены от произвола богатых законом, как, впрочем, и богатые будут защищены законом от бедных. Отныне американская конституция может считать себя революционной, новой, провозглашающей равенство, но только в той мере, в какой она уравнивает животные импульсы человека, остающегося эгоистичным и жестоким.

Конституция 1787 г. — это механизм просчитанных противовесов. Нужно, «чтобы властные полномочия были так равномерно распределены между различными условиями... чтобы ни одно из них не могло выйти за пределы предусмотренных для него законом рамок без того, чтобы другие сразу же не могли положить этому конец» (Джефферсон). Что касается общества, то никто и не собирался ликвидировать имеющиеся привилегии, прежде всего привилегию священной собственности, но зато всем гражданам была предоставлена возможность выбрать для себя путь приобретения привилегий, т.е. возможность заработать деньги. Что верно, так это то, что в огромной и тогда еще «новой» Америке этот путь представлялся довольно легким.

Ричард Хофштадтер иронически описывает этот идеал: «Отцы основатели верили, что разумно построенное государство позволит избежать столкновения интересов классов, различных социальных и политических групп путем создания гармоничной системы взаимной фрустрации».

Действительно, нужно признать, что если американская история XIX в. предстает перед нами как шпорокая и жестокая борьба частных интересов, проходящая под знаком «святого соперничества», то в то же время она представляется более «оправданной», более справедливой, чем в капиталистических странах Европы, поскольку она приносила выгоды не одному закрытому привилегированному классу: общество было более открытым и позволяло каждому испробовать свой шанс и попытаться преодолеть социальные барьеры. Человек самостоятельно всего достигший (*Selfmade man*) — это классический образ прежней Америки, которая сегодня, может быть, находится в процессе исчезновения.

Завоевание Дальнего Запада

- С самого начала США определялись как нация пионеров, что, впрочем, можно сказать о любых **нациях**, имеющих в своем распоряжении шпорокие пространства, которыми нужно овладеть и которые необходимо заселить и обустроить; то же можно сказать о России, Бразилии или Аргентине например. Географическая экспансия есть первая, начальная форма (которая к тому же определяет другие) всякого развития, идет ли речь об околониализме, о нации, о государстве или о цивилизации.

История сделала свое дело: она позволила США почти беспрепятственно дойти от Атлантического до Тихоокеанского побережья.

Представим себе Францию, которая бы попыталась спокойно разместиться на территории от Атлантики до Урала! Соединенные Штаты купили Луизиану (1803); получили испанскую Флориду (1821) и Орегон (1846), который был им передан Англией (возможно, в ущерб интересам Канады); в результате легкой войны они отобрали у Мексики Техас, Новую Мексику, Калифорнию (1846), а затем в 1953 г. еще больше увеличили свою территорию. Если вспомнить, какие катастрофы и завоевания сопровождали образование России и формирование Европы, то окажется, что история американских пионеров проходила под знаком благословенной легкости... По сама по себе задача была огромной. *Своими собственными силами молодая Америка не смогла бы обойтись.*

Согласно законодательному акту от 1787 г. все еще не заселенные территории на Западе были отнесены к общей собственности Союза, что было мудрым шагом. Затем, по мере заселения, здесь возникали новые штаты, число которых достигло в целом 48 (49-й штат — Аляска, 50-й — Гавайи). Колонизация началась примерно в 1776 г. и завершилась раздачей последних оставшихся участков в Оклахоме в 1907 г. Она принимала самые разнообразные формы, ставшие широкоизвестными из рассказов, книг, кинофильмов: от повозок первых эмигрантов, вступающих в конфликты с вооруженными индейцами, до перевозок последних переселенцев по железным дорогам, связывающим между собой два океанских побережья. Но пужно ли нам возвращаться к картинам героического завоевания Далекого Запада?

Важно подчеркнуть, до какой степени освоение белыми нового пространства было *материальным и духовным* приключением. Материальная сторона с самого начала определялась движущей силой кредита, т.е. в целом капитализма. Духовная сторона состояла в том, что на этом втором и решающем этапе протестантство приобрело новые масштабы, равно как и вся американская цивилизация.

- Организатором этого продвижения вперед стал капитализм.

Представьте себе переселенца, который, только что получив участок земли в 160 акров (64 га), возводит свой деревянный дом, осваивает вначале легко поддающуюся обработке землю на холмах, затем спускается ниже, где почва тверже, и уже в самом конце доходит до равнины, которую необходимо очистить от кустарника, а иногда и от деревьев. На самом деле, в этом крестьянине нет ничего крестьянского. Возможно, недавно он занимался совсем другим ремеслом. Единственным условием, которое ему предъявляли — это умение **управ-**

лать конной повозкой и сеять зерновые культуры, причем без какой-либо сложной подготовки почвы. Чаще всего, если на этой земле переселенец оказывался первым, что его изначальной мыслью было продать участок. Здесь он жил не менее нескольких лет, не сильно тратясь, поскольку многое получал авансом. Он питался консервами (к тому времени они уже существовали), обогравался уксусом, который доставляли по проходящей неподалеку железной дороге. Если он смог выгодно продать два или три первых урожая, то не сомневайтесь: он продавал участок, ставший дороже из-за приезда новых поселенцев, и отправлялся дальше. Дальше значит на запад, где он вновь обустраивался. Вернуться на восток означало признать себя побежденным (Луи Жирар).

Иными словами, изначально это был не крестьянин, пустивший корни в землю, но спекулянт. Как хорошо сказал о нем один историк: «провернул удачную сделку». Он играл, но, конечно же, не всегда оказывался в выигрыше. Вместе с тем он не был обескуражен и продолжал играть.

Представим себе аналогичную картину, на сей раз связанную с появлением какого-нибудь городка на Среднем Западе в 1860-е годы. Здесь можно увидеть только самое необходимое: примитивное здание вокзала, простую гостиницу, магазин-склад, продуктовую лавку, перекресток, школу, банк... Город только что родился, но уже каждый старается воспользоваться возможностью его развития, покупая земельные участки, нанимая на работу вновь прибывших. Появляется электричество, трамвай. Вскоре можно увидеть и телефон, изобретенный в 1876 г. «Часто путешественники замечали, что проводят освещение и прокладывают трамвайные пути на улицах, где еще и домов-то нет. Когда спрашивали, почему так, то получали ответ: это делается это для того, чтобы быстрее строили дома, быстрее покупали участки под застройку». В Бисмарке, столице штата Дакота, где подавляющее число жителей представляли переселенцы из Германии и основанном в 1878 г. уже через пять лет построили Капитолий. «По этому случаю обитатели Бисмарка устроили грандиозную церемонию открытия. Они пригласили не только Джеймса Брайса, написавшего в 1888 г. *Американскую республику* и уже тогда бывшего довольно известной личностью, но и генерала Гранта, бывшего президента США и знаменитого военачальника. Кроме того, был приглашен предводитель племени сиу, прославившийся во время восстания против белых; он сказал на своем языке несколько благодарственных слов. Но что по настоящему удивило шотландского позитивиста Брайса, так это то обстоятельство, что Капитолий был построен в полутора километрах

от города. Его удивление поразило жителей Бисмарка. Ему ответили: по вель город будет еще расти, и поэтому важно, чтобы Капитолий оказался как можно дальше от его нынешних границ» (Луи Жирар).

Итак, этот город, как и многие другие города, уже изначально создавался с перспективой роста. Город жил, забегая вперед, как и вся экономика. Учитывались не те деньги, которыми располагали сегодня, но деньги, которые будут (а может, и не будут), получены в будущем. Что удивительно, несмотря на разного рода сбои, несмотря на изменение тенденций в экономическом развитии в 1873 г. например, деньги всегда поступали. Иными словами, риск часто оказывался оправданным.

- Американский Запад и Дальний Запад завоевывались в основном протестантами. Протестантизм оказалось единственным включением, которое смогло противостоять сложной ситуации, когда массы людей внезапно сдвинулись с места и стали заселять новые пространства.

Представьте их, оказавшихся без духовного наставника, пользующихся лишь наставлениями Библии. Конечно, иммигранты жили в условиях Средневековья, их спонтанная религиозная жизнь порождает зачастую странные отклонения, например секту мормонов, основавших штат Юта. Заслуга американского протестантизма заключалась в том, что оно поддерживало, сохраняло негасимым пыл людей. В истории протестантизма это одна из самых прекрасных страниц.

Чтобы преуспеть в достижении поставленной цели, оно должно было приспособливаться, опрощаться, отдаляться, если так можно сказать, от уже имевшихся церквей (*индепендентов*, приверженцев епископальной церкви), упрощать литургию, делать ставку на эмоции прихожан, на их впечатления от зрелишных собраний. Проповедники из числа *баптистов*, *методистов*, *последователи Христа* оказались здесь как нельзя кстати. Они сумели адаптировать свои учения, упростить их (баптисты, например, освободились от присущего им сектанства, а методисты — от их англиканского наследия), опираясь на «индивидуальное богословие», на «суверенитет личности», «на поступки, а не на верования». Возникла прямая и простая религиозная общность людей.

Помимо суиубо религиозных целей, эти проповедники Дальнего Запада создавали, сами того не желая, *american way of life*, т.е. американскую жизненную «модель», определяющую американскую цивилизацию, модель, к которой вновь прибывшие (начиная с 1860—1880 гг.) были вынуждены адаптироваться.

Все эти проповедники, равно как и их прихожане, были простыми людьми, «теми, кто создают церкви». Они поделили между собой **тл фронтир**, как до них это делали завоеватели, которыми они, **выпроче** и являлись: *последователи Христа* основали церкви — на Западе Среднем Западе, *методисты* — на Северо-Западе, *баптисты* на Юго-Западе. В целом их деятельность может быть сравнима с деятельностью испанских миссионеров, которые проповедовали среди испанских иммигрантов, прибывших в Новый Свет, и среди масс **индейцев**, заложив тем самым основы пышнейшей Латинской Америки.

Индустриализация и урбанизация

- Понятия просто индустриализации недостаточно, чтобы определить трансформацию материальной жизни Соединенных Штатов с 1880 г. до наших дней. За истекшее столетие — или почти столетие — по преимуществу аграрное общество превратилось в индустриальное, о чем говорят нижеприведенные цифры. Эта трансформация была бы невозможна без опромного роста городов.

Таблица А. Стоимость сельскохозяйственной и промышленной продукции, *млрд дол.*

	1880	1899	1909	1919
Сельскохозяйственная продукция	2,4	4,7	8,5	23,7
Промышленная продукция	9,3	11,4	20,6	60,4

Таблица Б. Сельское население, *млн человек и в процентном отношении*

	1880	1899	1909	1919	1950
Сельское население	32,9	39,3	41,6	44,6	-
Процентное соотношение	65	51,7	45,3	36,4	15,6

Мы не собираемся здесь проследивать в деталях весь процесс трансформации. Для этого существуют книги по экономике и географии, где можно найти необходимые данные. С точки зрения истории, любопытно отметить, что, как и в Англии, первый толчок промышленному подъему был дан развитием текстильной промышленности в Новой Англии, и, подобно тому как это происходило во многих европейских странах, процесс индустриализации стал необратимым

в связи с бумом строительства железных дорог в период с 1865 г. и вплоть до кризиса 1873 г.

Важно подчеркнуть следующее: а) огромный размах промышленного прогресса, охватывающего всю географию страны (сопоставьте с недавним подъемом «глубокого Юга», *Deep South*, прилегающего к Мексиканскому заливу); б) повизну некоторых достижений, предвосхищающих будущее; в) адаптацию развивающегося капитализма к меняющимся условиям, о чем речь пойдет в следующей главе; г) приток рабочей силы из Европы: как и завоевание Дальнего Запада, создание промышленности и городов-мегаполисов не было делом рук одних только американцев; д) огромный поток человеческих и материальных ресурсов, влился в существовавшую на месте цивилизацию, которую принято называть *the american way of life*.

Но в данный момент мы будем говорить только о двух последних аспектах.

Примерно до 1880 г. в Соединенные Штаты прибывали в основном английские и шотландские эмигранты, которые были первыми из числа европейцев; затем появились немцы и ирландцы: они до некоторой степени разбавили население США и потеснили протестантизм. Однако Америка оставалась страной по преимуществу английской и протестантской культуры. Но с 1880 по 1914 г. сюда прибыли примерно 25 млн. славян и жителей Средиземноморских стран, главным образом католиков.

В основном они поселялись не на сельскохозяйственном Западе, а на урбанизированном и индустриальном Востоке. Восточная часть страны претерпела в результате этого серьезные изменения, хотя их масштабы были не столь велики, как в Аргентине например, где итальянские иммигранты проникли примерно в то же время (1880 г.) повсюду — как в города, так и в сельскую местность. Это различие не должно нас удивлять. Принимающие переселенцев Соединенные Штаты имели города, развивающиеся полным ходом отрасли промышленности, обладали умением перевоспитывать и убеждать вновь прибывших. Ассимиляция оказалась быстрой и на удивление эффективной.

«Присмотритесь к любой случайной группе американцев (1956 г.): среди них нордический тип не является господствующим, и можно подумать, что их предки были выходцами как из Нсаполя и Вены, так и из Лондона или Гамбурга; тем не менее, все они американцы, реагирующие и ведущие себя именно как американцы. С этой точки зрения, ассимиляция выполнила свою роль» (Андре Зигфрид).

Победили одновременно язык, американская жизненная модель и огромная притягательная сила Нового Света для иммигранта. Впрочем,

хватило бы и одного последнего фактора. Стой поры законодательные ограничения, называемые квотами, принятые в 1921 — 1924 гг., а так закон Маккаррена 1952 г. практически закрыли свободный въезд в США. Начиная с этого времени, прибытие новых иммигрантов ничего не добавляло в уже сложившийся «человеческий океан», если не считать научных достижений некоторых вновь прибывших.

Сегодня Юг США пополняется в основном переселенцами Мексики и Пуэрто Рико; Север — выходцами из французской Канады, которых можно встретить в Детройте, Бостоне и даже Нью-Йорке. Но все эти иммиграционные потоки представляют собой отнюдь не тоненький ручеек. Конечно, Нью-Йорк называют самым большим «пуэрториканским» городом в мире, но ведь в этом смысле и Париж также превратился в большой североафриканский город, причем по схожим причинам: каждый крупный город нуждается в неквалифицированной, нетребовательной рабочей силе, в тех, кем можно заселять первые этажи домов. И если таких людей нельзя найти у себя в стране, их начинают искать за ее пределами.

Вновь прибывшие предоставили американской промышленности дешевую рабочую силу, что послужило толчком сначала для ее роста, а затем и для расцвета. Вместе с тем ониполнили ряды бедняков и; пролетариев в огромных городах, прототипом которых является несравненный Нью-Йорк. Принявшая необычные масштабы урбанизация не прекращается: весь Атлантический фасад страны, от Бостона до географической точки, находящейся на одной линии с Вашингтоном, превратился сегодня в единый город — мегаполис, как говорят географы, — оставляя в редких промежутках между городскими застройками немного деревьев, возделываемых земель и городские пригороды, которые соприкасаются друг с другом, составляя почти единой целое. Так, Принстонский университет расположен в одном из таких зеленых заповедников между Нью-Йорком и Филадельфией: создается впечатление, что еще немного — и он также будет поглощен этими городами-монстрами.

Однако, несмотря на все эти удивительные перемены и массивный приток переселенцев, американская цивилизация сумела сохранить свою самобытность. Она все впитала в себя: машины, промышленные цеха, необыкновенное развитие сектора услуг, иммигрантов из числа непротестантов, а также небывалое количество машин на улицах, до которого Европе еще далеко.

- ♦ Американская цивилизация сформировалась в три этапа: сначала на побережье Атлантики; затем на пространстве от Атлантического до

Тихоокеанского побережья; и наконец, «то вертикали», посредством индустриализации. Судя по всему, именно второй этап — завоевание Дальнего Запада и формирование нового *протестантизма* определил основные аспекты американской модели жизни: уважение личности, упрощенные религиозные верования, направленные на благие цели (взаимопомощь, общее церковное пение, социальный долг...), плагиатство английского языка, перед которым другие языки отступают.

Можно ли сказать о таком обществе, что оно религиозно? Да, почти на 100%, говорят социологические обследования. В 1782 г., т.е. в первые годы существования Америки, Бенджамин Франклин заявлял: «Соединенным Штатам атеизм неизвестен; неверие встречается, но редко и себя не **показывает**». И сегодня нет ни одной официальной речи, где не упоминался бы Создатель. Всякое действие, направленное за пределы Америки, охотно рассматривается как «крестовый поход», проводит ли его *Вудро Вильсон* или *генерал Эйзенхауэр*. Даже различия в социальном положении имеют свое религиозное выражение. Внизу пирамиды находятся баптисты, представляющие народные слои и еще вчера очень бедные; «пикарнесс» мир методистов; представители епископальной церкви (т.е. имеющие епископов) более изысканы, для них характерны торжественные богослужения, заимствованные у англиканской церкви. По замечанию одного из историков, это церковь нуворипей, «мышло для мерзких людей».

Но на деле, в глазах самих американцев принадлежность к той или иной церкви не имеет существенного значения. В плане религиозном общество толерантно, плюралистично, разделено на церкви, имеющие самые разные «названия», причем что единственной настоящей Церковью в привычном для нас смысле остается католическая. Ничего нет удивительного в том, например, что в одной семье можно встретить представителей разных церквей или «сект», потому что каждый свободен верить так, как он того желает, лишь бы верил: это и есть единственное обязательное условие. В Бостоне, к примеру, можно увидеть небольшую «церковь» ультрамодной архитектуры. При входе в нее указано, что она не предназначена для исправления какого-то одного религиозного культа, но что каждый верующий, независимо от его вероисповедания, должен прийти сюда и вознести молитву. В полумраке можно увидеть большую плиту, чем-то напоминающую алтарь, на которую через отверстие в крыше падает свет; за плитой находится люк, составленный из кусочков зеркального стекла, что напоминает о «мобилях» Кальдера...

Какая веротерпимость, может подумать европеец, если он не знает, что светское образование и атеизм на западный манер, **през** всего на манер, принятый во Франции, где образование и государственная политика являются светскими, в США практикуются редко: что они здесь просто немыслимы. Однако здесь существует некая форма иррелигиозности, рационализма, похожая на ту, которая распространилась в Европе после выхода в свет книги Дарвина *Происхождение видов путем естественного отбора* (1859) и книги Ренана *Жизнь Иисуса* (1865). Эта рационализация мышления проявляется в распространении деизма, который становится все более **неоп** деленным.

Для культурного равновесия Америки важно другое: католицизм новых иммигрантов, прежде всего ирландцев, а затем немцев, итальянцев, славян, мексиканцев, который изначально казался труднопреодолимым препятствием на пути единения культур, в конечном счете приспособился, и хорошо приспособился, к американской жизни; интегрировался в нее. В этом плане роль первых переселенцев католического вероисповедания — ирландцев — была решающей.

В Америке католическая церковь, прежде всего озабоченная сохранением своего единства в мире и своей иерархии, согласилась на отделение ее от государства в противоположность ее отношению к этому вопросу в других странах, где она занимает главенствующее положение; католическая церковь вписалась также в американский национализм; помимо этого, она согласилась на сознательную концентрацию своей деятельности на деяниях благотворительности, что соответствует духу американской жизни. Заявление одного американского архиепископа в этом смысле показательное: «Честное голодание и корректировка социальных отношений значат больше для славы Божьей и спасения души, чем ночные самоубийства или паломничества в Компостель».

Подобно протестантским церквям, католическая, насчитывающая сегодня в США 30 млн приверженцев, сумела создать здесь ассоциации, школы, университеты но, в отличие от протестантских церквей, не могущих похвастаться большими успехами в деле привлечения на свою сторону городского пролетариата, в этой социальной среде она добилась заметных успехов.

Чем объяснить относительную неэффективность протестантской церкви в деле обращения городских жителей (хотя в данный момент мы наблюдаем ее обновление)? Быть может, причина тому ее обуржуазивание и расхолаживание ее проповедников, почивших на лаврах в результате успехов, достигнутых в сельской местности в XIX в.? Не

будем упускать из виду, что религиозная Америка, а в целом и вся культурная Америка, подвергается постоянной угрозе обогащения верующих, их привязанности к буржуазным ценностям.

Религиозный фактор есть одно из объяснений успехов, достигнутых в деле единства американской цивилизации. Разумеется, имеются и другие объяснения: жизненная сила нации, падающей на подъеме, притягательность общественного устройства, где только деньги определяют социальные границы, где до недавнего времени каждому был открыт путь к обогащению. Для европейского иммигранта принять эти общественные правила значит отказаться от старых, европейских норм, обрести надежду.

Таков либеральный аспект этой цивилизации, которая, впрочем, не позволяет индивидууму уклоняться от выполнения неписаных правил американской жизненной модели. Если самому иммигранту трудно к этому привыкнуть, если он испытывает чувство понятной ностальгии, то его дети озабочены в первую очередь тем, чтобы раствориться в массе американцев. Все социологи отмечают, что дети иммигрантов испытывают желание выправить у себя следы их национального происхождения.

В итоге в процессе ассимиляции самую большую роль сыграло обилие американских «шансов» (удач): фронтир, индустриализация, рост крупных городов, т.е. возможностей обогатиться, поскольку именно обогащение благоприятствует ассимиляции. Ирландцы, например, проделали большой путь от первого поколения иммигрантов 1830-х годов, живших в «хижинах», до ирландцев второго или третьего поколения, живущих «за кружевными занавесками». Таким образом, растущее богатство Америки обеспечило влияние ее первичной цивилизации на потоки новых переселенцев.

Если эта печальная цивилизация достаточно рано и решительно дистанцировалась от своих английских корней, она тем не менее осталась в большей степени англо-саксонской, чем подлинно европейской. Континентальная Европа всегда смешивала свои средиземноморские и нордические традиции. Андре Зигфрид писал: «Этого взаимопризнания двух цивилизаций не хватает Америки, где англ о-саксонская составляющая поглотила все». Безусловно, это достойно сожаления в той мере, в какой исторический случай превратил остальную часть континента (за исключением Канады) в сутово латинский мир, прежде всего в мир испано-португальский, а затем и итальянский. В результате обе Америки плохо понимают друг друга, им трудно друг друга понять. В этом заключается драма сегодняшнего времени.

Постскрипtum 1966г.

Последние годы в истории США полны драматизма. Убийство президента Кеннеди 22 ноября 1963 г. потрясло весь мир. Приход к власти президента Джонсона предшествовал развернувшейся позже предвыборной кампании, где впервые личность и программа его противника сенатора Голдуотера скандально поразили мировое общественное мнение. Республиканская партия ослабла и разделилась. Что еще важнее, обостряется пегритянский вопрос. Активное меньшинство чернокожих мусульман навязывает чернокожему пролетариату идеи насилия. Оно ссылается на ислам и Коран, выступая за создание на Юге отдельного государства черных. Не теряет накала и внешняя драма: весь ход мировой истории мог измениться сначала в связи с ракетами на Кубе (сентябрь 1962 г.), а затем во время инцидента в Тонкинском заливе (август 1964 г.). Играть роль мировой державы означает постоянно сталкиваться с трудностями, конфликтами, поисками согласия.

История США 1964—1966 гг. определялась войной во Вьетнаме. Начало конфликта следует искать во времена администрации Эйзенхауэра и, конечно же, во времена президентства Кеннеди, когда в государственном аппарате и армии Южного Вьетнама оказывалось все больше и больше американских «советников», число которых на момент убийства Кеннеди составляло 17 тыс. человек. Однако в ту пору война еще не приобрела масштабов крупного конфликта, а свержение реакционного режима президента Дьема 1 ноября 1963 г. позволяло надеяться на серьезные перемены в политическом режиме Южного Вьетнама. Тем не менее уже с лета 1964 г. война во Вьетнаме приняла серьезный оборот: произошедший в августе того же года инцидент между северовьетнамскими катерами и кораблями VII американского флота подтолкнул президента Джонсона на принятие решения о первых бомбардировках Северного Вьетнама. С конца 1964 г. экспедиционный корпус США в Южном Вьетнаме насчитывал несколько десятков тысяч человек. Через год, к концу 1965 г., бомбардировки стали ежедневными, а численность американских военнослужащих достигла 225 тыс. человек. Весной 1966 г. их было уже 300 тыс., и к концу года предполагается увеличение группировки до 400 тыс. солдат.

Естественно, что существенно возросли и расходы на вооружение. Согласно прогнозам, они должны составить почти половину расходной части бюджета на 1965—1966 гг. (99,7 млрд долларов). В действительности, рост оказался еще более внушительным: 52 млрд. В следу-

ющем бюджетном году американская администрация требует уже 60 млрд долларов. Однако мощь и динамизм американской экономики позволяют ей увеличивать расходы: цены растут незначительно, в 1964 г. появились 1,5 млн новых рабочих мест, безработица упала ниже 5%, что является одним из самых низких показателей за всю историю американской экономики. Единственно, что заботит администрацию Джонсона — это сохранение дефицита платежного баланса, что вызвано увеличением расходов за границей и ростом американских инвестиций за рубежом. В плане экономическом и политическом будущее зависит от того, как будет развиваться война во Вьетнаме — самая значительная, которую вводит США после Второй мировой войны.

Глава 3. Призраки и трудности: вчера и сегодня

До этого времени мы говорили о шансах, удачах и успехах. На деле, хватало и трудностей, и неудач. Число их, как кажется, накапливалось, существенно увеличивалось по мере того, как страна преодолевала «водоразделы» 1880, 1929, может быть, и 1953 гг. Здесь **важно** не впасть в двойное заблуждение. С одной стороны, какая коллективная реальность может обойтись без трудностей? С другой — различие между удачей и неудачей в масштабах огромной цивилизации не может быть ни ясным, ни решающим. Всякая возникающая трудность требует усилий, сопротивления, меняет признаки. Неудача — это предостережение, испытание. Она редко предопределяет судьбу целиком. Хорошо известные строки Генриха Гейне — *новая весна вернет тебе то, что забрала зима*, — часто верны не только для отдельных людей, но и для наций. США испытывают трудности, не застрахованы *от кризисов*, но это здоровая нация, здоровее, чем она сама, возможно, полагает.

Старый кошмар: расовый вопрос или население, от которого невозможно избавиться

Все удачи Америки шли рука об руку с одной существенной проблемой, которую почти с самого начала было нельзя предотвратить: чернокожие африканцы, появившиеся на континенте в XVII в. в связи с расширением плантаций на Юге (табак в Виргинии с 1615 г.; рис в Каролине с 1695 г., а затем и в Джорджии; начиная с XIX в. хлопок по всей стране к юго-западу от Виргинии).

- Виною тому история и география.

Атлантический фасад, где начали создаваться США, представляет собой чередование разных климатических зон. Нью-Йорк, несмотря на свою долготу (долгота Неаполя), имеет климат, схожий с климатом Москвы (причина — холодное Лабрадорское течение), находится на расстоянии всего одной ночи езды на поезде от тропических районов с их экзотическими фруктовыми деревьями. В этом южном регионе рабство возникло как бы само по себе, как разовидность экономики Антильских островов, процветавшей в XVIII в. Испанцы во Флориде, французы в Новом Орлеане (начиная с 1795 г. в связи с выращиванием

сахарного тростника) использовали рабский труд так же, как его использовали в своих виргинских поместьях Джордж Вашингтон или Томас Джефферсон.

Вот так и появилась в англо-саксонской Америке живучая, непредсказуемая Африка; этому уже ничто не могло помешать: ни воздвигаемые преграды, ни сила, ни предрассудки, ни уступки. Напомним, что либеральная конституция 1787 г. не ликвидировала рабство. Она только предусматривала ликвидацию работорговли по прошествии 20 лет, что и произошло в 1807 г.

Но если с этого времени легальный приток черных рабов прекратился (хотя существовала еще контрабандная работорговля), то не прекратился рост черного населения; к тому же, развитие хлопководства привело в XIX в. к ухудшению их положения. Раньше рабы жили в доме хозяина; теперь же они собирались в «стада», что напоминало домены Древнего Рима. На плечах этих несчастных чернокожих работников создавалось белое культурное общество, составлявшее мощную колониальную аристократию. Роман Гарриет Бичер-Стоу *Жизни дяди Тома*, рассказывающий о бедах черного населения, в 1852 г. вызвал на Севере страны настоящую бурю в умах. Другой сравнительно недавний роман *Унесенные ветром* (1936), принадлежащий перу Маргарет Митчелл, рассказывает, напротив, о прелестях и очаровании жизни на американском Юге, но в нем в основном говорится о жизни белых землевладельцев. В этой же атмосфере разворачиваются сложные и напряженные сюжеты произведений Фолкнера: здесь показывается жизнь Юга, где герои вспоминают о цивилизованных прошлых временах, об охоте, о разговорах за стаканом кукурузного виски (американский самогон — *moonshine*). Двойная, черная и белая, правда, двойная ложь.

Короче говоря, если индейцы, первые жертвы колонизации, исчезли в процессе борьбы с белыми поселенцами и их сегодня можно обнаружить только в резервациях, где они живут в качестве представителей исчезнувшей расы, то чернокожие оказались грустным противником. Соединенные Штаты имеют у себя настоящую внутреннюю колонию, которой так и не удалось цивилизоваться, несмотря на все официальные мероприятия в этом направлении, — этническое меньшинство, сохранившее вес и силу.

В середине XIX в. вопрос об уничтожении или сохранении рабства вызвал бурю Гражданской войны (1861–1865), но она была лишь частью **братоубийственного** многостороннего соперничества, разделяющего и противопоставляющего друг другу северные и южные штаты.

1. Север был промышленно развитым *регионом*, имевшим высокие таможенные тарифы; Юг, экспортировавший хлопок, предпочитал закупать промышленные товары в Европе, качество которых было *выше*. Он требовал проведения политики открытых дверей.

2. Политический аспект соперничества: республиканская и демократическая партии оспаривали власть друг у друга, при этом демократами были в основном южане, а республиканцами — северяне.

3. Соперничество было тем более острым, что на кон была поставлена политическая судьба новых штатов: к какому блоку примкнут создающиеся на Западе штаты?

4. В практическом плане кризис ставил серьезную проблему: имели ли право отдельные штаты — члены Союза — не соглашаться с теми или иными мероприятиями, предлагаемыми центральным правительством? Имели ли они право выйти из Союза, отделиться от него?

Все эти проблемы, по которым не удавалось прийти к согласию, кристаллизировались в ожесточенной полемике по вопросу об уничтожении рабства. Войну начал Юг (атака на форт Самтер 12 апреля 1861 г.), который после долгих лет ужасной гражданской войны вынужден был *капитулировать* 9 апреля 1865 г. Принятая 18 декабря 1865 г. 13-я поправка к Конституции ликвидировала рабство, что затронуло почти 5 млн черных (в 1870 г. на 33 млн белого населения приходилось 4,8 млн чернокожих), т.е. примерно 12,7% населения страны. В дальнейшем эта пропорция возросла (13,1 % черных в 1880 г.), чтобы затем плавно уменьшаться *по мере роста* европейской иммиграции. К 1920 г. она достигала 10% и на этом уровне, кажется, стабилизировалась окончательно.

Тысячи деталей повседневной жизни показывают, что политические уступки, сделанные чернокожему населению, оказались напрасными. Его гражданские права ущемлялись, и афроамериканцы остаются «в подчиненном положении». Ситуация усугубляется и тем, что до 1914 г. чернокожие жители Америки продолжали жить в основном на Юге (в силу привычек и традиций) и из-за этого не заняли подobaющего им места в процессе индустриализации, начавшейся к 1880 г. Они долгое время оставались низко- или полуквалифицированными рабочими, тогда как квалифицированный труд являлся делом белых. Эмиграция чернокожего населения усилилась только после Первой мировой войны, когда жители Юга стали перебираться в Гарлем в Нью-Йорке, в Чикаго (городской «черный пояс»), в Детройт...

В конечном счете черное меньшинство воспользовалось экономическим подъемом Америки и заняло в ней свое место. Сегодня у афроаме-

риканийцев свои богатые, свои нунуриши, свои **университеты**, свои музыканты, свои поэты, свои писатели, свои церкви. Но подлинного равенства по-прежнему не существует.

«Как это часто случается, — писал Андре Зигфрид в 1956 г., — при-сущая нам склонность к оптимизму могла бы заставить думать, что проблема отныне решена, но здесь европейские путешественники ошибаются. Правда состоит в том, что традиционные социальные различия сохраняются, будучи меньше выражены на Севере и больше — на Юге. Действительно, на Востоке и на Центральном Западе черные и белые все больше смешиваются в повседневной жизни; случается, что какого-то воспитанного светлого приглашают на ужин или на собрание; все большее число представителей вчера еще пре-следуемых рас допускаются на выборные административные должно-сти. Но это не позволяет всерьез надеяться на то, что отныне все барьеры пали или стали ниже. Чернокожие граждане США ощущают себя американцами или хотят стать ими, но в глазах белых они оста-ются «черными американцами», и в этом нюансе вся суть. Цвет кожи остается непреодолимым барьером для полной ассимиляции».

В процессе культурных преобразований «черный вопрос» решается крайне медленно. Если судить хотя бы по романам Фолкнера, остаются живучими предрассудки, антипатии, позиции вчерашнего дня. Сегрега-ция, суды Линча (сегодня почти не встречающиеся), скрытая или явлю-щаяся враждебность — все эти факты жизни и чувства не поспевают за процессами, которые призваны их ликвидировать. Однако хорошо уже то, что эти процессы начались. Школьные беспорядки в Литтл-Роке (школы для белых, поддерживаемые губернатором Арканзаса, отказы-вались принимать черных детей, несмотря на федеральный закон), где федеральное правительство одержало верх, показывают, в каком на-правлении развиваются события, хотя страсти вокруг вопросов сегрега-ции еще не утихли, а сама проблема не снята с повестки дня. Будущее принимает очертания, но столь медленными темпами, что только уди-вительное терпение, политическая лояльность чернокоженого населения позволяют надеяться на мирное решение проблемы.

В качестве заключения спросим себя: можно ли говорить о пробле-ме чернокоженого населения как о неудаче Америки в целом, так и сим-патичной и терпеливой черной Америки? Конечно, нельзя, посколь-ку в этом вопросе американский гуманизм оказался перед лицом трудностей, преодоление которых позволит ему правильно оценить себя, увеличить свой потенциал. Нельзя также и потому, что Африка в лице своих детей внесла свой оригинальный вклад в американскую

культуру, американскую цивилизацию (обратимся хотя бы к музыке). С другой стороны, американская Африка материально и интеллектуально наиболее развита из черных сообществ всего мира; она трудолюбива и интегрирована в американское общество, в американскую цивилизацию. Время ей на руку: если это внутреннее противоречие американской жизни не будет преодолено, то оно останется источником морального и интеллектуального недовольства, чего в глубине души никто не желает. Необходимо, чтобы Америка приняла верное решение.

Капитализм: от трестов к вмешательству государства и олигополиям

Говоря об истории капитализма в Соединенных Штатах, трудно рассматривать этот вопрос с точки зрения удачи или неудачи. Капитализм одновременно служил и не служил делу развития цивилизации, но во всяком случае она несет на себе его неизгладимый отпечаток (и наоборот).

Деньги были и остаются главным в той свободной демократии, какой представляет себя Америка. Достаточно посмотреть на гигантские небоскребы Манхэттена, чтобы поверить в реальность деловой империи. Капитализм, это свободное, иногда чрезмерно свободное, соотношение спроса и предложения, стимулировал беспрецедентный материальный рост, которому все другие страны, каким бы ни был их политический строй, стараются подражать, чтобы достичь такого же экономического процветания. Американский идеализм, силу которого нельзя отрицать и который часто демонстрирует полнейшую незаинтересованность, можно рассматривать как некий ответ на свойственный Америке *делаческий* материализм: это бегство от него и форма сопротивления ему. Здепный капитализм зачастую стыдится сам себя.

Скажем больше: не происходит ли постепенной гуманизации этого капитализма под воздействием прагматичного, не склонного к революционным преобразованиям общества, которое, конечно же, слишком богато для того, чтобы стремиться к подрыву своих основ, что было характерно для Европы в периоды до 1914 или до 1848 гг.?

Как мы уже видели, эта по преимуществу аграрная страна после 1880 г. подверглась самым радикальным преобразованиям, которые открыли ей дорогу к подъему промышленности, к богатству и могуществу. После образования Общего рынка нынешняя Европа только начинает понимать, что такое быстрый прогресс материальной жиз-

ни. Мы это замечаем сейчас повсюду. И одновременно мы видим подъем прагматичного социализма. Также и в Америке, капитализм разбивался, адаптируясь к обстановке, идя на все большие социальные уступки, позволяя другим воспользоваться плодами роста. Капитализм сильно эволюционировал, пройдя путь от трестов XIX в. к крупным предприятиям, господствующим сегодня на внутреннем рынке (*олигополиям*).

Очевидно, что развитой капитализм, о котором идет речь, остается и сегодня движущей силой подъема материальной жизни, определяющей американскую политику и цивилизацию.

- Чтобы понять эту эволюцию, вернемся на минуту к эпохе трестов

В юридическом смысле под словом *трест*, нужно понимать объединение акционеров различных компаний, которые делегируют *уполномоченным, доверенным лицам* право представлять их. Следовательно, *уполномоченные* как бы объединяют различные компании, которые, в соответствии со своим уставом, не имеют права объединяться. Мы сталкиваемся с одним из способов обойти закон. Некоторые из этих *трестов* объединяли смежные, дополняющие друг друга производства; в том случае, когда эти объединения оказывались достаточно могущественными, они имели тенденцию к образованию монополии, хотя размеры США делали подобную операцию сложной. Примером подобного треста может служить созданная Джоном Рокфеллером (1839—1937) в 1870 г. компания *Стандарт Ойл* (Огайо), которая в 1879 г. преобразовалась в настоящий трест. Этот трест включал в себя предприятия по добыче, транспортировке, переработке нефти, а также по ее продаже (прежде всего за границей); продажа нефтепродуктов вскоре резко возросла в связи с развитием автомобилестроения.

Таким трестом, а одновременно и очень крупным предприятием была также корпорация *Юнайтед Стейтс Стeel*, основанная в 1897 г. Джон Рокфеллер, отошедший от управления *Стандарт Ойл*, но продолжавший заниматься финансовыми спекуляциями, воспользовавшись отсутствием в ту эпоху налогового контроля, сколотил огромное состояние (в дальнейшем часть его пошла на благотворительность), что позволило ему приобрести залежи железной руды около Верхнего озера (на самом деле они ему отошли в счет уплаты долга). Чуть позже он тайно построил флот транспортных судов для перевозки руды по Великим озерам. Затем он вступил в сговор со стальным королем Эндрю Карнеги (1835—1919), владевшим сталелитейными предприя-

тиями в Питтсбурге. Вместе с банкиром Дж.П. Морганом они основали гигантскую корпорацию или трест *Юнайтед Стэйтс Стeel*, которая сконцентрировала в своих руках 60% американского сталелитейного производства. Перед самым началом котировки акций корпорации на бирже Морган удвоил ее капитал, а следовательно, и рыночную стоимость. Делая это, он прогнозировал (и оказался прав) резкий рост деловой активности.

Эти операции, равно как и другие такого же рода (например в сфере железных дорог), показывают не только технику ведения дел, но и царящую тогда атмосферу: это был жестокий и бессовестный капитализм, напоминающий политику времен Макиавелли. В этом смысле Рокфеллер, Карнеги, Морган не так далеки от владетельных особ эпохи Возрождения.

Резкий подъем деловой активности продолжался со времен золотой лихорадки в Калифорнии (1849), а точнее с 1865 г. (сразу после капитуляции армии южан в Аппоматоксе) вплоть до начала XX в. Магнаты с хмурыми или, наоборот, улыбающимися лицами создавали «собственную» Америку. Они разрушали, обходили препятствия, почти не скрываясь, давали взятки. Один из них писал: «Если вы платите, добиваясь *правильного* решения, то вы поступаете законопно и справедливо. Если человек идет в неверном направлении и готов его поменять только после получения за это денег, то вы обязаны пойти ему навстречу и купить должностное лицо, так как в этом случае вы выиграете время». Цель оправдывает средства; справедливо то, что в наших интересах...

Это была эпоха крупных экономических свершений, строительства железных дорог, золотой лихорадки в Калифорнии, заселения Запада, эпоха новых людей, выскочек, оправдывающих живучесть мифа о человеке, который сам себя сделал... Это были годы инстинктивного пикичного капитализма. Разумеется, тогдашние деловые люди, сражающиеся друг с другом и идущие на компромиссы, не смотрели на себя нашими глазами. Это были бойцы, не стесняющиеся в средствах для достижения поставленной цели, масштабы которой определяли масштабы их собственной личности. Если быть до конца справедливыми, то, может быть, поскольку речь шла о «наилучших бойцах», они имели право так действовать?

- Однако было бы неправильно думать, что подобные поступки деловых людей, что пропаганда, воспевающая удачливых дельцов (создавшая совершенно ложный образ Дж.П. Моргана например), встречали лишь одобрение и приписались на веру.

Напротив, в общественном мнении и даже в самих деловых кругах росло опасение в связи с *появлением* и деятельностью монополий. Спонтанная, «органичная» концентрация деловой активности, импulsiveруемая подъемом экономики после 1900 г., привела к росту числа трестов и монополий, которые возникали как грибы после дождя (86 - с 1887 по 1897 г.; 149 - с 1898 по 1900 гг.; 127, с 1901 по 1903 г.). Но вскоре между ними началась ожесточенная борьба: президентская кампания 1896 г. сопровождалась борьбой за (Мак-Кинли) и против (Брайен) трестов. Затем некоторые из трестов распались из-за собственной гигантомании, что произошло, например, в торговом флоте (Морган мечтал создать монополию в этой отрасли).

Внезапные и кратковременные кризисы 1903 и 1907 гг. способствовали пробуждению общественного мнения. В 1904 г. президент Теодор Рузвельт распустил железнодорожный трест при полном одобрении общественности. Такого рода шаги, а также пропагандистские антитрестовские кампании привели к принятию в 1914 г. *антитрестовского закона*, названного законом Клейтона по имени демократа и друга президента Вильсона.

Многие наблюдатели отмечали, что этот шаг напоминал удар палкой по воде, что попытки остановить на законодательном уровне развивающуюся концентрацию экономики не более чем утопия. Американский социалистический лидер Дэниел Де Лео признавал это: «Лестница, по которой человечество поднималось к цивилизации, — это прогресс методов труда, создание все более мощного производственного аппарата. *Трест* занимает вершину лестницы: именно вокруг него бушует современная социальная буря. Средний класс стремится его разрушить, заставляя отступить цивилизацию. Пролетариат же хочет его оставить, улучшить и сделать открытым для всех».

Подобное отношение понятно: не трогать того, что составляет технический прогресс, успех и гордость Америки, но постараться гуманизировать этот прогресс и, если возможно, воспользоваться его плодами. Для проведения такой политики существует только один могучий и влиятельный арбитр — федеральное государство, поскольку деятельность трестов выходит за рамки отдельных штатов. Лишь федеральное государство соответствует их реальным масштабам. Но для этого необходимо, чтобы государство росло, усиливалось, укрепляло свои позиции в экономической области; равным образом и тресты, а точнее крупный капитал, заинтересованы иметь в качестве соседа единственный властный орган, с мнением которого можно считаться и решениям которого необходимо подчи-

няться в любом случае. Вспомним возражения президента Кеннеди в 1962 г. относительно увеличения цен на сталь.

- Сегодня, во времена **олигополий**, профсоюзов, «компенсирующей власти» государства, в США возникает нечто похожее на **нео-капитализм**, форма которого приспособлена к условиям XX в. и который сильно отличается от традиционного капитализма.

Этот неокapитализм трудно поддается определению; он предстает в самых разных обликах и вся американская цивилизация находит свое выражение в его укладе, в его социальных структурах. Как перечислить свойственные ему признаки? Рационализация, которая уже сейчас доходит до чудес автоматизации; серийное производство, обеспечивающее огромный и однородный рынок с его стандартизированными вкусами, определяемыми всюду проникающей и всемогущей рекламой; повсеместное внедрение на крупных предприятиях систем *human ipublicrelations*, которые призваны оправдать существующие трудовые отношения в глазах общественного мнения, потребителей и прежде всего занятых на этих предприятиях рабочих. Пятидесять тысяч деталей, каждая из которых по-своему важна, однако определяющими являются сами правила игры, ее границы, успехи. В этом смысле последовательно рассмотрим вчерашнюю роль рынка в либеральной экономике XIX в.; олигополии; профсоюзы; роль федеральной власти.

В глазах экономистов либерального толка **рынок** (свободный по определению) всегда был регулятором, арбитром экономической жизни. При помощи конкуренции рынок все расставлял по своим местам. Согласно капиталистической традиции, идеальной экономикой являлась та, где конкуренция была неограниченной (что исключает монополию), куда государство не вмешивалось, где равновесие устанавливалось само по себе благодаря соотношению спроса и предложения, где кризисы, безработица, инфляция были **ненормальными** явлениями, с которыми нужно бороться. *Объясняя* феномен безработицы, доходили до обвинения профсоюзов с их якобы чрезмерными требованиями.

Чтобы дополнить эту картину, скажем, что *производство* всегда рассматривалось как благо. Согласно т.н. **закону рынка**, сформулированному Жаном Батистом Сеем в 1803 г., всякий произведенный товар стимулирует обмен: «товары обмениваются на товары». В этом смысле факт производства какого-либо товара означал получение дополнительных меновых денег. Так учили либеральные экономисты от Адама Смита до **Бентама** и Рикардо, до Жана Батиста Сея и Альфреда Маршалла. Короче говоря, в этой конкурентной «модели» экономи-

ческой жизни все регулировалось само собой, включая склонность к накоплению или инвестированию. Для регулирования и инвестиций достаточно было использовать процентные ставки, соответственно уменьшая или повышая их.

Но на определенной стадии капиталистического развития все эти старинные и многократно повторенные правила вошли в противоречие с действительностью: монополии, скрытые монополии, олигополии стали доминировать в XX в. в различных отраслях хозяйства, причем в наиболее передовых из них. Они начали подрывать священный закон конкуренции; государство все чаще вмешивалось в экономическую жизнь (вспомним хотя бы рузвельтовский «Новый курс» в США, а за их пределами — пятилетние планы развития). С 1929 г. длительные кризисы стали частью экономической реальности; выросли инфляция и безработица, ставшие к тому же неотъемлемой составляющей экономической и социальной действительности. Отсюда важность революционной по значению Общей теории английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946): появление работ Кейнса означало разрыв с либеральной экономикой и с присущей ей традиционной конкурентной моделью. Америка признала закон и пророков новой экономики XX в., а также начала руководствоваться ее постулатами в своих политических действиях.

Олигополии. Об олигополии — неполной конкуренции или неполной монополии — можно говорить тогда, когда несколько крупных продавцов «стремятся удовлетворить потребности множества покупателей». Как мы уже отмечали, антиitrustовская борьба не положила конец, если можно так выразиться, органической, биологической концентрации предприятий. Во многих отраслях промышленности, причем не только в США, концентрация производства привела к возникновению гигантских предприятий. Так, до 1939 г. в США существовала только одна гигантская компания по производству алюминия — *Aluminium Company of America*. Чаще всего в той или иной отрасли господствуют несколько предприятий: в табачной промышленности, например, работают всего три или четыре компании.

В тени крупных предприятий существуют мелкие, над которыми постоянно висит угроза исчезновения. Они пережиток, последние прожитки. Насколько легко было внедриться в ту или иную отрасль в начальный период, когда отрасль сама привлекала капиталы и не страшилась риска деловых людей (нефтяная отрасль в эпоху молодого Рокфеллера или автомобилестроение в период, когда Форд только начинал), настолько это становится сложнее, когда отрасль уже давно существует, когда большую роль играют опыт, размеры пред-

приятия, технический прогресс и самофинансирование: решить эти проблемы могут только отдельные, привилегированные предприятия.

Анкетистатистические данные отмечают один факт: 200 крупнейших предприятий контролируют почти половину огромного материального богатства США. Зачастую они не связаны с именем какого-то конкретного собственника, это анонимные общества или компании, принадлежащие их персоналу. Руководители этих промышленных империй, как и служащие, получают фиксированную зарплату, пусть даже огромную. «Собственно прибыль, — объяснял Форд, — принадлежит самому делу; она его поддерживает и развивает».

Так воцарился этот особый капитализм, этот заповедник «гигантов», против которого антитрестовские законы бессильны (так в 1948 г. ничем закончились правительственные акции, направленные против компаний Честерфильд, Лаки Страйк и Кэмел). Можно было бы бороться с одним монополистом, но с двумястами! Для этого понадобилась бы радикальная реформа, *революция*, но об этом никто не помышляет. *Олигополии* не будут расчленены на предприятия меньших размеров.

Итак, место занято. «Среди делового дворянства герцогское достоинство принадлежит *Дженерал Моторс, Стандарт Ойл Компани оф Нью-Джерси, Химическому концерну Дюпон де Немур и Юнайтед Стейтс Стил*. Графы, бароны, кавалеры и просто дворяне определяются количеством активов в принадлежащих им фирмах». Это положение уже устоялось и вряд ли изменится: «Нынешнее поколение американцев, если оно выживет, будет продолжать покупать сталь, медь, латунь, автомобили, шины, мыло, электрические выключатели, завтраки, конченую грудинку, сигареты, виски, кассовые аппараты и гробы у той или иной крупной фирмы, которые и сейчас поставляют на рынок эти товары» (Дж. Гэлбрейт).

Конечно, и об этом уже не раз говорилось, у гигантских предприятий есть свои преимущества: они следуют за техническим прогрессом, прекрасно организуют его, поставляют качественные продукты по низким ценам... Это особенно заметно, если сравнивать современные концентрированные отрасли и отрасли, оставшиеся вне *общего* развития, сохраняющие организацию XIX в. США создавались одновременно на старом и новом капитализме, другими словами по меньшей мере на двойной структуре. Это касается в целом сельскохозяйственного сектора, производства одежды, легкой промышленности, представляющих старый капитализм. Что это значит? Здесь сохранились небольшие по размеру предприятия, а в сельском хозяйстве — просто маленькие: так, крупный производитель в Миссури может поставить 9 тыс. тюков хлопка, что само по себе немало, но крайне незначительно в масштабах

всего производства. Иными словами, он никак не может повлиять на ценообразование. Именно цены диктуют свою волю ему и всем другим производителям хлопка. Равным образом, имеется огромное различие между организацией «нефтяного пула» американских нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих компаний, достигших огромного прогресса, и архаизмом б.тыс. угледобывающих предприятий, остающихся верными старой организации шахтерского труда и модернизирующих производство только благодаря вмешательству государства.

Рынок, однако, восстанавливает свою былую роль. Крупные предприятия, разумеется, не зависят от внезапного роста или падения цен: они имеют возможность контролировать их заранее и, оставаясь верными «чистой и честной конкуренции», меняют их только после того, как просчитают влияние ценовых изменений на соперничающие компании, способные оплатить им той же монетой. Из этого следует, что уровень цен достаточен для того, чтобы обеспечить безопасность и прибыли «гигантов»; по этой же причине продолжают еще существовать и более мелкие фирмы, вращающиеся в орбите крупных. В условиях, когда ценовая война невозможна, единственным ее проявлением остаются боевые действия на рекламном фронте (реклама есть роскошь, предоставляемая «экономикой изобилия», так как трудно себе представить рекламные кампании в условиях экономики товарного дефицита).

Однако господство 200 гигантских корпораций (как представляется, бабки, ослабевшие после кризиса 1929 г., утратили контроль над крупнейшими компаниями) вовсе не является неоспоримым и тем более безраздельным. Органическое развитие, способствовавшее концентрации продаж в руках немногочисленных корпораций (это касается прежде всего современных секторов хозяйства), равным образом привело к *концентрации покупок* в руках также немногочисленных компаний.

«Экономическая власть» производителей наталкивается таким образом на «компенсирующую власть» покупателей их продукции; имеющейся монополией может воспользоваться та или иная сторона: крупный продавец может оказаться перед лицом множества покупателей или крупный покупатель перед лицом множества продавцов (выпрощен, зачастую с обеих сторон выступают монополисты). В этом случае нужно договариваться. Предположим, что продавцы стали захотят сбывать свою продукцию «по спорным ценам»: в этом случае им нужно будет навязать эти цены таким могущественным клиентам, как автомобилестроители Детройта, что сделать совсем непросто.

Естественно, олигополия может играть одновременно две роли, т.е. выступать поочередно или одновременно в качестве то покупателя, то продавца, *задействуя* то «экономическую власть», то «власть

компенсирующую». Но если так случится, то скорее всего это вызовет конфликты и трения между двумя видами деятельности, которые обычно отделены друг от друга.

Профсоюзы. Компенсация более всего заметна на рынке труда. Промышленные гиганты увидели перед собой единое гигантское профобъединение, действующее в их же производственной сфере. Профсоюз также пытается воспользоваться монополией, *правом* вмешательства крупных компаний в рыночное ценообразование. Поскольку компании обладают возможностью повысить цены, профсоюзы могут в свою очередь надавить на компании с требованием повысить зарплату и поделиться полученными привилегиями. Мы говорим именно о привилегиях, поскольку некоторые американские профсоюзы являются *на деле* богатыми компаниями, располагающими большими зданиями, значительными и преумножаемыми капиталами, хорошо оплачиваемыми менеджерами...

Классический антагонизм производителей и профсоюзов принимает в США особую форму — форму некоей ассоциации, издержки существования которой оплачиваются потребителями. Промышленные гиганты сделали возможным возникновение социальных гигантов, чье могущество выступает в качестве регулятора заработной платы и цен.

Однако, поскольку этот регулятор совершает множество ошибок, поскольку он может давать сбой, поскольку каждая из сделанных им ошибок в этой стране гигантомании может привести к гигантским негативным последствиям, государству приходится все чаще выступать в роли высшего регулятора, которому принадлежит последнее слово. Начиная с 1929 г., никто более не оспаривает усиление роли государства в экономической сфере, что уже само по себе противоречит традициям экономического либерализма.

Со всей очевидностью можно утверждать, что экономическое развитие США заставляет *федеральный центр вмешиваться в хозяйственную жизнь, брать на себя функции «компенсирующей власти»*. Государство уже не может более позволить себе действовать вслепую, просто следуя требованиям антитрестовского законодательства 1914 г., но вынуждено тщательно анализировать экономическую ситуацию, предвидеть развитие экономики, используя в этих целях новейшую экономическую науку, а также быть готовым к вмешательству в тот или иной сектор хозяйства с целью сокращения безработицы, стимулирования производства, ограничения инфляции и пр.

Понятно, почему влияние федеральных властей не переставало расти после введения «Нового курса». Если у Гувера было 37 помощ-

ников, то у Трумана уже 325 чиновников и 1500 служащих. некогда помещений Белого дома хватало для обеспечения работы президента. Сегодня же напротив него построен *Executive Office Building*, где чиновникам уже не хватает места. Постепенно власть в стране концентрируется в Белом доме. Усиление государственного аппарата влечет за собой увеличение армии компетентных чиновников, которые, в противовес старой *Spoils System*, более не меняются после каждых выборов. Эта несвойственная ранее стране **фиксированность** бюрократии уже сама по себе является революцией. Отныне президент располагает квалифицированным исполнительным аппаратом.

Вся эта огромная система федеральной власти, организованная в зависимости от основных **проблем**, требующих решения в экономической области, по необходимости вынуждена сталкиваться с социальными вопросами. Возможно ли вообще государственное регулирование в сфере экономики без определенной доли государственного же регулирования в социальной области?

Как только государство берет на себя определенную ответственность в организации экономики, оно сразу же становится ответственным и за социальную несправедливость. Оно уже не может позволить себе не обращать внимание на тех американцев, которые не организованы в профсоюзы или не имеют возможности это сделать, как, например, поденные сельхозработники, представляющие собой двухмиллионный сельский пролетариат. Государство вынуждено решать важнейшие вопросы. Нужно ли вводить минимальный фиксированный уровень заработной платы? Нужно ли создавать систему социального обеспечения европейского типа?

Так возникают контуры социальной политики в условиях «экономики изобилия». Эта последняя, конечно же, сама способствовала решению многих прежних проблем в социальной области, но вместе с тем она создала и новые проблемы, требующие зачастую срочного решения. Итак, это новое нарушение традиций американской цивилизации, «индивидуалистической» по преимуществу, уважающей прежде всего способность отдельного человека «добиться успеха» собственными силами. Вмешательство государства в организацию общества вызывает стихийное недовольство граждан США. Но разве можно сегодня без этого обойтись?

Чтобы проиллюстрировать сложности и необходимость выбора, процитируем бывших граждан СССР, которые после Второй мировой войны оказались на правах беженцев в США и которых опрашивали, чтобы узнать их первые впечатления о новой стране пребывания. В целом они признавали, что их жизнь в материальном плане улучшилась,

но вместе с тем они были единодушны в своих сожалениях относительно отсутствия здесь бесплатной медицинской помощи и прежде всего отсутствия принципа общего равенства перед болезнью, который существовал в их прежней жизни при советском режиме. Даже француз, оказавшийся по другую сторону Атлантики, начинает иначе оценивать французскую систему социального обеспечения, равной которой Америка, при всем ее богатстве, не знает. Молодой преподаватель крупного американского университета обнаруживает у себя смертельную болезнь. Он не может более работать. Что с ним станет? А если он не застрахован? Он рискует оказаться со своей семьей на улице...

Многие деятели считают неизбежным и желательным проведение в США соответствующей социальной политики. Общественное мнение также меняется в том же направлении. Что бы там ни говорили журналисты, деньги, забираемые государством в качестве налогов для этих целей, более общественным мнением не воспринимаются как дань, собираемая с сильных, удачливых работников в пользу неспособных и ленивых. После введения «Нового курса» вмешательство федерального правительства рассматривается как «главным образом благотворный фактор», как необходимость.

Это обстоятельство все больше изменяет и ослабляет роль отдельных штатов, которые еще вчера выступали как автономные республики. Это же обстоятельство способно глубоко изменить структуры общества и американской цивилизации в целом. Это тем более верно, что США, как нация, пересматривают свое отношение к своей роли, задачам, ответственности в мире.

Соединенные Штаты и остальной мир

Оставив в прошлом традицию изоляционизма, Соединенные Штаты идут навстречу остальному миру. Этот поворот означает для них возникновение новых проблем, в большинстве своем неприятных. Инстинктивно они готовы были бы вернуться к прежнему положению вещей. Но само могущество США неизбежно привязывает их к оставшейся части земного шара. Выбор им более не принадлежит: хотя бы они того или нет, но каждое действие США влечет за собой мировые последствия, так как сам мир стал слишком маленьким.

- Трудно даже себе представить, до какой степени изоляционизм был одной из **характернейших** особенностей США.

Чувство изоляции частично возникло сразу после обретения независимости, когда появилось ощущение, что удалось создать совершенно новый мир, полностью отличный от старой Европы и лучший по всем показателям. Психопатологи назвали бы это «буллом против родителей». Спонтанно это чувство подпитывалось также автономным, независимым прошлым континента, освоением огромного пространства, что само по себе давало ощущение безопасности.

Америка получила *свободу* заниматься только своими внутренними проблемами, поддерживать собственное благополучие, воздвигать, подобно Великой китайской стене, таможенные барьеры, которые ограждали ее от остального мира, не бояться угроз соседей и бессовестно увеличивать свою территорию. Ее собственные *территориальные* завоевания представляли собой в глазах американцев экспансию, тогда как *морские* завоевания других держав представлялись как чудовищные колониальные предприятия. В XIX в. они поддерживали отношения в основном с остальной частью американского континента, что нашло отражение в доктрине Монро (1823): Америка для американцев. Доктрина, выдвинутая президентом США, утверждала полную незаинтересованность страны в европейских делах. В последующие годы доктрина Монро еще часто будет использоваться как в отрицательном, так и положительном качестве.

Но нредать полному забвению существование остального мира было нельзя: торговля, импорт, экспорт, дипломатические отношения продолжали развиваться; демонстрация силы по отношению к своим соседям в 1898 г. привела США в Пуэрто-Рико, где они остались до сих пор, на Кубу, где их уже больше нет, на далекие Филиппины, откуда они до сих пор так и не ушли, несмотря на независимость, предоставленную архипелагу. Да и остальной мир стучался в двери США, где становилось все больше иммигрантов из Европы, Японии, Китая. Естественной и одновременно опасной реакцией на приток иммигрантов стало закрытие границ США в 1921 – 1924 гг. Этот шаг стал настоящей катастрофой для всего мира и для Европы, измученной Первой мировой войной: США как бы перекрыли клапан избыточного давления.

Одновременно США, сыгравшие большую роль в исходе Первой мировой войны, ушли из активной мировой политики сразу же после подписания Версальского мирного договора, хотя и были одними из его инициаторов, отказались вступить в Лигу Наций. Они как бы оставили остальной мир, поручив его хрупкому и несадежному, хотя и не тронутому войной, английскому владычеству, которое представляло собой мы об этом уже говорили – результат длительных морских экспедиций. Впрочем, одним из важнейших фак-

торов американского вмешательства в 1918 г. как раз и было стремление сократить ведущую роль Англии в мире: сами они к этому уже привыкли, и им казалось, что таким образом они сохраняют будущее собственной англо-саксонской цивилизации.

В свое время Вудро Вильсон, не желавший ухода Америки из мировой политики, потерпел поражение, но затем Франклин Делано Рузвельт на совещаниях в верхах, проходивших накануне окончания Второй мировой войны в Ялте, Тегеране, Рабате, добился успеха в деле возвращения своей страны на мировую арену. Посредством разного рода обязательств он кроил мир, будущее которого тогда определить было затруднительно, признаем это. Быть может, в еще большей мере, чем Вильсон, Рузвельт слишком уступал сиюминутным потребностям и спорным моральным принципам? Конечно, содействуя освобождению колониальных стран, он подчинился американским традициям, но в то же время он тем самым ослаблял весь Запад, ставил под удар Латинскую Америку, экономическая жизнь которой находится в «колониальной» зависимости от США. К тому же подарить половину Европы СССР означало отказаться от священного принципа права народов на самоопределение. Но Рузвельт полагал, что установление мира во всем мире требовало ограничения прав малых народов. Он хотел одного — разоружить все страны мира, за исключением четырех крупнейших держав той эпохи, а именно Китая, СССР, Англии и США. Возможно, что и он до конца не сумел избавиться от посылки по былому изоляционизму: если нам нужно вмешиваться в мировые дела, так пусть уж мир ведет себя спокойно...

Это не мы, а сами американцы объясняют таким образом позицию Франклина Д. Рузвельта. Конечно, с этим можно поспорить. Но она отвечает довольно распространенному мнению не-американцев, а прежде всего европейцев. Многие наблюдатели за пределами Нового Света полагают, что американцы пришли к лидерству в мире, сами того не желая, заранее не просчитав последствий. У американцев отмечалась тенденция упрощать проблемы, сводить их к вопросам здравого смысла и доброй воли, полагать, что возникшие трудности вызваны предрассудками и эгоизмом Старого Света. Немалое число их инициатив оказались спорными, быстро вышли из-под их контроля, доказывая тем самым, что кредитов и благородных принципов недостаточно для того, чтобы вести за собой остальной мир, что финансовое и экономическое господство, само по себе законное с точки зрения американских традиций, вызывает к себе такое же недоверие, как и старое колониальное господство, на которое оно, впрочем, похоже. Со своей стороны, американцы были уверены, что постиг-

щие их неудачи являются результатом неблагодарности, зависти других народов, которым они приплыли или хотели прийти на помощь.

На деле США просто учились понимать остальной мир, которым они так долго пренебрегали, которого не хотели замечать и которым отныне, для своей же безопасности, они должны уметь управлять, поскольку это возможно. Они серьезно отнеслись к этой задаче, признали некоторые из своих ошибок, что также отвечает давней хорошей американской традиции: верить в то, что они сделали, и охотно, без чванства признавать собственные ошибки, заботясь прежде всего об эффективности. В конечном счете чем быстрее исправишь прицел, тем больше у тебя шансов попасть в цель.

Так, президент Кеннеди собрал вокруг себя лучших специалистов в области экономики и политики, перед которыми была поставлена задача серьезного изучения возникающих проблем. Один из журналистов отметил этот момент и добавил (21 мая 1962 г.): «Он заставил работать «talentys» и «mozgys» в своем окружении, чтобы воспользоваться плодами их анализа и сделать выводы, определяющие его действия. То там, то здесь возникают неясности, остаются нерешенными многие вопросы, но в целом избранная им линия поведения понятна. Впервые заранее известны намерения президента США». Не нужно, однако, думать, что все дело в личности президента, в идеях интеллигентов и гарвардских профессоров, призванных на помощь политике. Дело скорее в том, что в драматический и напряженный период, отмеченный такими событиями, как принятие плана Маршалла и война в Корее, напряженностью в мире, обусловленной проблемами Берлина, Кубы или Лаоса, американское общественное мнение училось понимать свою роль в мире и меру своей ответственности. Времена изоляционизма прошли.

- Собственное могущество обязывает! Выход США на авансцену мира, где они вынуждены оставаться под угрозой опасной для них утраты позиций, есть следствие головокружительного роста их *мощи*, которую можно сопроводить такими прилагательными, как «экономическая, политическая, научная, военная, всемирная».

Могущество, ставшее очевидным после победы в 1945 г., после взрыва атомной бомбы над Хиросимой, сразу же поставило на повестку дня проблему европейского (и всемирного) *лидерства*, причем поставило ее в форме дуэли. В прошлом Европа всегда была разделена на два враждующих лагеря, состав которых менялся в зависимости от опасности, исходившей от той или иной временно усилившейся нации. Мир живет сегодня согласно этой старой *биполярной* схеме (Раймон Арон).

Не только идеология разделяет свободный мир и социалистический мир, которые по истечении времени приобретают все больше схожих черт: социалистический мир также строит свою **промышленность** на базе производственных гигантов; со своей стороны, очевидные, необходимые процессы социализации происходят в свободном мире...

Сегодня более, чем когда бы то ни было, проблему *лидерства* ставят в виде альтернативы: или Вашингтон, или Москва, Неприсоединившиеся страны Третьего мира, сателлиты обеих держав вынуждены ограничиваться ролью зрителей и жертв; вес их невелик, и значение определяется только тем, что они могут добавить на ту или иную чашу весов. Отсюда стремление привлечь их на свою сторону, сохранить их преданность и одновременно утвердить над ними господство.

В 1945 г. США оказались в числе стран-победителей и закрепили свое превосходство, приняв решение об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Двенадцатого июля 1953 г., проводя испытания водородной бомбы, Советский Союз восстановил равновесие. В 1957 г. СССР вывел на околоземную орбиту первый искусственный спутник Земли и существенно продвинулся в этой гонке. Запуск спутника был очень важен, поскольку означал не только решающий шаг в освоении космоса, но и постановку на вооружение ракет большой дальности, способных поразить цель, находящуюся в 10 тыс. км от места пуска. С тех пор успехи в данной области отмечались с обеих сторон, что позволяло сохранять неустойчивое равновесие. С той и другой стороны на вооружение ставят все более устрашающие виды оружия массового поражения, и в результате холодная война подпитывается взаимным страхом как соперничающих сторон, так и других народов мира, которые следят за происходящим, не имея возможности вмешаться в гонку вооружений или приостановить ее. И хотя эта опасная игра двух мировых держав в принципе не отличается от подобного рода соперничества во вчерашней Европе, ее масштабы оказываются общемировыми и внушают больший страх из-за внушающих ужас вооружений противостоящих сторон. Реальным стал риск гибели всего человечества.

Что касается США, то очевидно, что эта борьба преследует Америку, непосредственно влияя не только на ее политику, но и на саму жизнь в Соединенных Штатах, на умонастроения американцев. Вот почему можно утверждать, что год испытания советской водородной бомбы был для страны таким же поворотным, как и 1929 г. — год экономического краха, хотя и по другим причинам. Напряжение не перестает возрастать, питает умы и воздействует на общественное мнение. Оно деформирует климат в обществе, заставляет жить страну, которая всегда считала себя страной свободы, в атмосфере недоверия, харак-

терной обычно для обстановки военной истерии. Такое явление, как маккартизм, подтверждает вышесказанное, и, хотя оно уже почти *изжито*, существует опасность его возрождения. Налицо также опасность того, что весь мир окажется втянутым в атмосферу психоза, враждебного разуму и счастью людей. Золотое правило общечеловеческой солидарности состоит в том, чтобы люди и страны думали о том, что сделать *вместе, на благо* друг другу, а не о том, что сделать *против, вопреки* друг другу; в данном же случае СССР и США думают больше о последнем.

Потребность в критике друг друга, в увеличении и без того чрезмерного, а потому бесполезного военного потенциала можно смело отнести к пассиву холодной войны, разворачивающейся между двумя блоками.

- Чтобы закрыть эту главу, обратимся к свидетельству американской литературы: она во многом объясняет сложившуюся на данный момент цивилизацию.

Вообще, для полноты картины нужно было бы рассмотреть не только собственно литературу, поэзию, театр, кинематографию, но и все искусство, творчество в целом, специально выделив архитектуру и науку, причем не только общественные, но и естественные дисциплины. Развитие американской интеллигенции можно проследить не только через эволюцию чикагской или гарвардской экономических школ, но и через художественную элиту, дизайн промышленных товаров, технические достижения и функциональные формы американской индустрии.

Но так как мы ограничены во времени и месте, сделаем упор на американской литературе, прежде всего на американском романе, который за истекшие двадцать лет оказал сильное воздействие на европейскую и мировую литературу и одновременно предоставил яркое свидетельство кризисных явлений, наблюдающихся в стране с начала века.

Американская литература была «открыта» Европой в 1920—1925 гг., по стала повсеместно известной именно после Второй мировой войны. Многочисленные ее переводы на иностранные языки с комментариями таких крупных писателей, как Сартр, Мальро, Павезе, были встречены с энтузиазмом во Франции, Англии, Италии, Германии, что позволяет говорить о прошедшем периоде как о «веке американского романа». Равным образом можно было бы говорить о веке «американизма», учитывая влияние американского джаза, танца, американской молодежной культуры. Ярким свидетельством американской мульти-

публикации и юмористического рисунка является еженедельный журнал The New Yorker.

Что касается собственно американского романа, то его достижения заключаются прежде всего в своеобразном «почерке», в использовании техники письма, отличной от европейской традиции психологического романа. Иногда говорят об «искусстве объективного и лишённого литературных излишеств репортажа», о «фотографическом искусстве», задача которого показать, а не комментировать. Погружая читателя в мысли литературного персонажа, американские авторы заставляют его напрямую испытывать чувства, эмоции героя, не раскрывая их смысл, используется техника кинематографа, влияние которого на американскую литературу очевидно.

В глазах европейца американский роман характеризуется прежде всего этой техникой письма, а также климатом насилия, жестокости литературных произведений. По мнению французского литературного критика, «это литература, сделанная средствами кинематографа и для кинематографа, использующая манеру подачи *горячих новостей* и откровения полипейского романа... это литература жестокая, пылкая, лихорадочная, старающаяся избежать рафинированности; это литература, похожая на удар кулака; она нравится благодаря этим своим качествам или вопреки им, что зависит от темперамента читателя. Она жесткая и быстрая. В ней можно найти нечто здоровое, живое и сильное, чего нельзя увидеть ни в какой другой литературе». Если быть более точным, то речь здесь идет об определенном периоде развития американского романа, который сами американцы называют «натуралистическим»; он получил развитие в период между двумя войнами и связан с именами Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Дос Нассоса...

Все эти авторы родились между 1890 и 1905 гг. В силу этого они принадлежат к «другому поколению», отличному от сегодняшнего; современные авторы все больше отдаляются от «натуралистического» романа и возвращаются к более ранней традиции американской литературы, не менее блестящей и оригинальной, хотя и менее известной европейской читающей публике. Речь идет о литературе XIX в., связанной с именами Германа Мелвилла (1819—1891), Натаниела Хоторна (1804—1864), Генри Джеймса (1843—1916).

По нас сейчас интересует общий процесс, а также отражение в литературе особенностей американской цивилизации. В этом процессе есть одна постоянная составляющая: место писателя, «типичного человека» в американском обществе иное, чем место его собрата в Европе. Американский писатель — это всегда индивидуум, отдельная лич-

ность: он существует как бы на отшибе общества, зачастую это человек трагической судьбы, переживший более или менее краткий период успеха («в американской жизни, говорил Скотт Фицджеральд (1896—1940), нет второго акта»). Это замечание относится как к нему самому, так и к его коллегам, которым редко удавалось пережить собственный «успех». Итак, можно сказать, что американский писатель — это асоциальный тип, который не довольствуется тем, что выражает в своих произведениях бунт или неприятие общества, но сам *переживает* этот бунт и платит за него своими страхами и одиночеством. Развитие американского романа отражает таким образом рост внутренней напряженности в самом обществе.

В XIX в. фоном произведений Хоторна, Мелвилла был кальвинистский пуританизм Америки. Отсюда тема преследующего их трагического столкновения добра и зла, хотя одновременно они стараются избавиться от этого наваждения. И тот и другой по-своему разоблачали окружающее их общество, которое заплатило им за это сторичей.

В начале XX в. начинается борьба против непримиримости пуританизма. И хотя пуританизм все еще сохраняется в жесткости существующих и по сей день в Америке социальных запретов, сами эти запреты пришли на смену былым моральным запретам пуританизма. Уже в конце XIX в. пуританизм перестает быть символом недостатков общества. Именно тогда возникла натуралистическая литература, близкая к романам Золя, с ее социальной, симпатизирующей идеям социализма проблематикой. Это совпало с быстрым ростом могущества страны после 1880 г.

Отныне и вплоть до начала Второй мировой войны мишенью антиконформизма становится индустриальное, капиталистическое общество, «футуристическая» американская жизнь; свидетельство тому знаменитый *Бэббит* (1922) Синклера Льюиса, создавшего карикатурный образ американского дельца, а также произведения добровольно покинувших Америку и живших в Париже Хемингуэя, Фицджеральда, Дос Нассоса, Миллера, Кэтрин Анн Нортер... — всех этих представителей «потерянного поколения», как их назвала их духовный лидер Гертруда Стайн, чей литературный салон в Париже был местом притяжения американцев, живущих за границей. Схожих взглядов придерживались Фолкнер, Стейнбек, Колдуэлл, Райт, которые также представляли поколение «левых интеллектуалов», скандализированных процессом над Сакко и Ванпетти и их казнью в 1927 г. (Дос Нассос даже оказался из-за этого в тюрьме), войной в Испании (вспомним книгу Хемингуэя *По ком звонит колокол*), агрессиями Муссолини, противоречиями рузвельтовского «Нового

курса». Все они видели в социализме надежду на изменение современного общества.

Война 1940 г. и ее последствия, начало холодной войны положил конец этим надеждам. Американские писатели сначала солидаризировались со своей страной, а затем убедились в неужности для них марксистских идей.

Молодое поколение американцев отделилось от социального реализма. Свои предпочтения они отдают литературе, где главенствуют символика, поэзия, искусство ради искусства. Они обращаются к Генри Джеймсу, Мелвиллу, рано умершему Фитцджеральду, который занимал особое положение среди тех, кого причисляли к «потерянному поколению». Можно ли в этой связи утверждать, что бунтарские настроения более не занимают центрального места в американской литературе? На протяжении короткого отрезка времени в это можно было поверить, когда после войны появилось поколение университетских писателей, стабильное положение которых позволяло им идентифицировать себя с окружающим их обществом. Но после войны возникло также и поколение *битников*, молодых интеллектуалов, полностью порвавших с императивами общества, что сближало их с представителями бывшего «потерянного поколения». Однако между ними было и существенное отличие: людям 20—30-х годов, которые верили в будущее социализма, пришлось на смену тем, кто предпочел искать убежище от снедающей их тоски в искусстве, алкоголе, наркотиках. Главной темой их произведений стали одиночество и некоммуникабельность в обществе, лишенном какого-либо смысла.

Но Америка живет на опережение. Она представляет собой страну будущего, жизненная сила и многочисленные ресурсы которой позволяют надеяться на то, что она вновь обретет присущий ей оптимизм, доверие к самой себе. Клод Руа пишет в *Ключах к Америке*: «Америка представляет собой географическое пространство, где, несмотря ни на что, продолжают утверждаться *возможности* человека... После возвращения из США появляется уверенность в том, что рождение нового человека возможно, что этот новый человек будет более уверен в собственных силах, будет лучше понимать значение земного, мудрого, конкретного счастья. Можно иронизировать над холодильниками, витаминами, неужными машинами... Но я не думаю, что можно смеяться над определенным типом американца, который научился искусству жить и подчинять человеку то, что долгое время считалось его неотвратимым роком».

Глава 4. Об английском миропорядке

Начиная с XVIII в. и по меньшей мере до начала Первой мировой войны Лондон был центром мира. Даже краткая экскурсия по городу позволяет сегодня убедиться в былом величии: Букингемский дворец, Сен-Джеймский дворец, Даун стрит, Биржа, доки на Темзе — все это живое свидетельство прошлого. В большей степени, чем любой другой регион Запада, Британские острова распространили свое влияние в самых далеких морях. Разве можно не восхищаться таким успехом? Редьярд Киплинг жил попеременно то в Индии, то в своем доме в Южной Африке, то на канадском ранчо, то в Египте... Он был прав, когда утверждал, что Англию можно понять, только глядя на нее издалека, прежде всего из Индии, учитывая ее имперское величие и военные завоевания. По этой же причине один из его французских друзей, приехав в Алжир в 1930 г., написал ему в телеграмме: «Прибыв в Алжир, я пакопец-то понял Францию».

Сегодня мало что осталось от английской империи, впрочем, как и от французской. Но сама имперская идея сохраняет для англичан особую притягательность. Гораздо больше, чем у французов, она объясняет структуры английского общества, его политические рефлексии. Отсюда трагический характер выбора для англичан: либо Британское сообщество либо Общий рынок. Выбрать Общий рынок значит присоединиться к Европе, от которой она всегда отстраивалась, предпочитая «блестящую» изоляцию; это значит отказаться от былых общепланетарных масштабов, которые составляли ее традиционную гордость.

В Канале: Франция и Англия

Англия потеряла «Америку», но сохранила Канаду. Она даже обеспечила ее расширение от Атлантики до Тихого океана.

Основные даты английского присутствия в Канаде: 1759 г. — поражение и смерть генерала Монкальма под стенами Квебека; 1782 г. — прибытие англичан и американских роялистов, т.е. колонистов, сохранивших верность королю Англии в период Войны за независимость в Северной Америке, в Онтарио и Морские провинции; 1855—1885 гг. — расцвет Морских провинций, после того как английские корабли вытеснили флот США из Атлантики; 1867 г. — основание канадского доминиона (провинции Онтарио, Квебек, Новая Шотландия, Нью-Брансвик). Затем к доминиону присоединились:

Манитоба в 1870 г., Британская Колумбия в 1871 г., остров Принца Эдуарда (7-я провинция) в 1873 г. Построенная вдоль границы с США канадская Тихоокеанская железная дорога (1882—1886) позволила колонизировать прерию, откуда были вытеснены т.п. канадские «метисы», т.е. французы и индейцы. Колонизация новых земель напоминала колонизацию Запада США и привела к образованию еще двух провинций — Альберта и Саскачеван (1907). В 1948 г., после проведенного плебесцита, Новая Земля стала десятой по счету канадской провинцией.

- Население французской Канады составляет сегодня примерно 6 млн человек, т.е. треть населения страны. Будучи скопееприрожденной в огромной по размерам провинции Квебек, франкоязычная Канада расположена на востоке страны, занимая устье, нижнюю и среднюю долину реки Св. Лаврентия. Хотя эта территория представляет собой анклав, французы хорошо укоренились на ней.

Канадские французы являются потомками 60 тыс. крестьян, покинувших запад Франции и расселившихся на пространстве от реки Св. Лаврентия до Миссисипи. По Парижскому договору 1763 г. Франция предоставила переселенцев их собственной участи. Им удалось удержать за собой провинцию Квебек, и они прижились здесь. Французский канадец — это крестьянин, а не фермер, что отличает его от собрата английского происхождения. Он не поддавался на зов Дальнего Запада, довольно медленно мигрировал в города и со значительным опозданием пополнял собой ряды рабочих Нью-Йорка и Детройта. Это люди с живым и веселым характером, простые в обращении.

Британская Канада сформировалась к западу от провинции Квебек и как бы *отрезала французских канадцев от центра континента*, как бы окружила их: провинция Квебек оказалась окружена Морскими провинциями, США, провинцией Онтарио, превратившись таким образом в некое подобие островной территории. Французская Канада с этим смирилась: она привязалась к своей земле, осталась верна своему духовенству, которое, если быть точным, спасло ее после 1763 г., сохранила приверженность французскому языку, который и сегодня остается языком XVIII в. В наши дни это общество и цивилизация, замкнутые на себе, но преимущественно крестьянские, консервативные, находящиеся под сильным влиянием духовенства, которое защищало и сохраняло традиции, распространяло классическую культуру.

Разрыв с Францией в 1763 г. до сих пор ощущается как живая рана, воспринимается как развод, которому нет оправданий. За истекшие

годы Канада утратила контакт с «былой родиной», с вчерашней и сегодняшней Францией. Причины понятны: после XVIII в. Франция изменилась, пережила Великую революцию, стала республикой, светской страной, где католицизм стал социальным, по-своему революционным.

Французская Канада — и об этом много говорят — плохо понимает все эти новации, они ее удивляют, и она отворачивается от них. Впрочем, ее католическая и крестьянская цивилизация также эволюционирует, хотя и не более того. Она идет навстречу прогрессу, ее университеты модернизируются, открываются различным наукам о человеке. Все эти процессы во многом стимулируются духом упорного сопротивления другой, английской Канаде, сопротивления «американизации».

- * Английские канадцы составляют почти половину населения страны (48%). Они полностью адаптировались к американской жизненной модели (которая, впрочем, все больше затрагивает и французскую Канаду). Они представляют собой другую Америку.

В Торонто, главном городе английской Канады, американизация очевидна, она повсюду: в домах, квартирах, меблировке, оборудовании кухонь, воспитании детей, которых рано предоставляют собственной инициативе, поведении молодежи, чья раскрепощенность повторяет и продолжает нравы соседней Америки. Деловой мир также организован на американский манер, очень влиятелен и активен. Короче говоря, англо-саксонская Канада, после ее отделения от далекой Англии, с легкостью присоединилась бы к своему могучему соседу. Что касается последней иммиграционной волны, в которой много выходцев из не англо-саксонских стран, то и она испытывает на себе притяжение США. Как представляется, независимость Канады обеспечивается прежде всего ее внутренними противоречиями, в первую очередь подспудным соперничеством канадцев англо-саксонского и французского происхождения, что, впрочем, несколько не мешает подъему экономики страны и росту ее процветания.

Канада стала «международной державой» (18 млн жителей, ежегодный прирост — 28%, территория — 9 млн кв. км, что в 16 раз превышает территорию Франции), ее экономику отличает устойчивый рост, поддерживаемый многочисленными природными ресурсами и огромными запасами гидроэнергетики. Индустрия развивается по американскому типу, хотя существуют и старые экономические формы: примером может служить лесодобывающая промышленность со сплавом древесины по рекам.

Добавим к этому, что Канада — это независимая нация: принадлежность к британской короне скорее теоретическая, а губернатор обладает иллюзорными правами (к тому же он еще и канадец).

Вся эта политическая и экономическая реальность не исключает трений, которые существуют между английской и французской частями Канады. В Монреале, самом крупном французском городе мира после Парижа, можно убедиться в том, что во французской Канаде тон задают «английские» банки, отели, магазины, а языком делового общения стал английский.

Однако не экономические факторы, объясняемые противостоянием бедной французской Канады богатой английской, являются основными: дело прежде всего в нежелании одной цивилизации подчиниться другой. Можно только удивляться, почему Канада, являясь образцом быстрой и полной ассимиляции иммигрантов, так и не смогла за два века ассимилировать 60 тыс. французов, число которых, впрочем, за этот период увеличилось в 100 раз. Быть может, дело в том, что англичане, препятствуя их расселению на Западе страны, способствовали тем самым укреплению тесных уз внутри этого закрытого крестьянского, а следовательно, *априори* приверженного былым традициям сообщества, которое оказалось плохо восприимчивым к влияниям извне? Но в любом случае сегодня, как и вчера, разрыв между двумя этими этническими группами остается заметным и глубоким.

Может быть, дело тут в политике, которая на протяжении многих лет использовала в своих целях «национальные» требования части населения страны? Ведь многие говорят даже о независимости, объявляют даты отделения провинции: сначала 1964 г., затем 1967... Здесь существует к тому же некий политический Альянс явно панноцилистического толка, но он представляет себя прежде всего как «движение за национальное образование»; один из его лидеров еще недавно (1962) заявлял: «Мы не являемся массовым движением». Как бы там ни было, канадская Франция существует, упорно держится за свою самобытность, хотя было бы справедливо задаться следующим вопросом: могут ли 6 миллионов инакомыслящих обеспечить свою политическую и экономическую самостоятельность в огромном мире Америки? В этом суть проблемы.

Южная Африка: голландцы, англичане и черпокожие африканцы

В Южной Африке, которая в эпоху парусных судов была важным этапом на пути в Индию, англичане в 1815 г. вытеснили голландцев, обос-

новавшихся здесь с 1652 г., точно так же, как в 1763 г. они навязали свою волю французским канадцам. Отсюда потрясения, драматической кульминацией которых стала *Англо-бурская война* (1899–1902).

Белая Африка, сотрясаемая внутренними противоречиями, пережившая переселение сюда индийских иммигрантов (одним из них был адвокат Ганди, живший в ЮАР до 1914 г.), столкнулась также с массовым притоком чернокожих африканцев. К несчастью, подлинная драма еще только разворачивается. Вскоре следует ожидать бури.

- Распирение приграничной области, «фронтира» в американском понимании, стало основополагающим фактором в судьбе Южной Африки. Этого обстоятельства нельзя понять, если не провести параллели с «фронтирами» в США, в Бразилии, Аргентине, Чили, в Австралии и Новой Зеландии. Отсюда начинается всемирная история.

В Южной Африке эта граница возникла с первых дней осторожной и умеренной колонизации региона, с первого контакта между белыми поселенцами (которые, впрочем, быстро обзавелись черными рабами), племенами бушменов (пустыня Катахари) и представителями народностей банту. В приграничных областях осуществлялся обмен принадлежащего последним скота на изделия из железа, меди, на табак и разные безделушки. Эта граница постепенно перемещалась, все дальше удаляясь от строящегося города, уходя в засушливые и практически необитаемые районы: несмотря на периодические кражи скота и разного рода стычки, у разрастающейся белой колонии никогда не было здесь достойного и опасного противника.

Однако настоящая экспансия началась только после 1836 г., когда белые поселенцы проникли в **Натали**, Трансвааль и Оранжевую провинцию. Проанализировать причины экспансии — значит понять ее проблемы и особенности.

Движущим фактором был не столько сам город (Кейптаун), долгое время остававшийся небольшим городским поселением, сколько то обстоятельство, что в его порту причаливали корабли с целью пополнить запасы продовольствия, прежде всего свежих продуктов, дать отдых экипажам, оказать помощь большим цингой... Из-за того, что производство зерна здесь не представляло большого интереса (его можно было дешевле купить в Индии, Бенгалии), равно как и производство вина (вина Капской провинции имели плохую репутацию, что было вполне заслуженно), местные крестьяне переклочились на производство мяса, что приносило стабильный доход. Они стали продавать убойную, а также, несмотря на запреты, живой скот, прежде все-

го быков и овец... Разведение скота не требовало больших первоначальных затрат и обещало большую прибыль. К тому же, в отличие от зерна или вина, транспортировка скота была гораздо проще: скот сам приходил к портовым воротам.

Вот почему, начиная с XVIII в., поселенцы, занятые разведением скота, стали отодвигать границу и проникать на территорию местных племен: этот процесс продолжался на протяжении XIX в., то убыстряясь, то замедляясь, в зависимости от заходов в порт морских судов. **Франко-английские войны XVIII в.** лишь способствовали процветанию края и росту здесь деловой активности.

Но у этой экспансии были также и политические причины. Англия обеспечила себе господство над Южной Африкой. В 1828 г. английская администрация Капской провинции своим знаменитым 15-м указом установила равенство перед лицом закона белого и цветного населения. Кроме того, в 1834 г. в английской империи было запрещено рабство, однако выплачиваемые при этом компенсации были сочтены недостаточными (в 1828 г. на 55 тыс. белых приходилось 32 тыс. чернокожих рабов и 32 тыс. свободных африканцев). Эти меры, а также вторжение кафров в восточные приграничные территории в 1834 г. предопределили спустя два года миграционный поток (*Великое переселение*) белых крестьян и поселенцев, устремившихся к обширным зеленым плоскогорьям Оранжевой провинции и Трансвааля; переселенцы вскоре образовали здесь независимые государства, которые были признаны Англией соответственно в 1852 и 1854 гг. Что касается Натала, то Англия за десять лет до этого просто аннексировала эту территорию.

Широкая экспансия, начало которой положило *Великое переселение*, стала в истории *африканеров* важнейшим событием, сопоставимым с завоеванием Дальнего Запада в США. Экспансия стимулировала расселение белых по огромным территориям, одновременно став причиной конфликтов с чернокожими туземцами, зулусами прежде всего, которые, со своей стороны, стремились к экспансии на юг; это их продвижение было остановлено только к 1879 г.

- Хотя Англия еще раз формально признала независимость бурских провинций в 1884 г., она не желала этим смириться. Отсюда знаменитая Англо-бурская война.

Открытие золотых и алмазных месторождений в регионе **Витватерсранд** повлекло за собой новый конфликт. Сесил Родс, губернатор Капской провинции, представлял одновременно британский импе-

риализм и интересы горнорудных компаний (он был основателем компании Де Бире); его политика в отношении независимых провинций приводила к обострению обстановки и провоцировала конфликты, одним из которых было военное столкновение 1895 г., представившее собой не что иное, как акт пиратства.

Тем не менее военные действия начались только в октябре 1899 г. и сразу же повлекли за собой поражение англичан. Позднее им удалось изменить ситуацию в свою пользу благодаря созданию сети концентрационных лагерей и продолжительной борьбе с партизанами. Через восемь лет после окончания войны и аннексии обеих провинций (31 мая 1902 г.) англичане вернули свободу побежденным и образовали доминион Южно-Африканского Союза (1910).

- Сегодня главной проблемой является драма апартеида.

Со времен Второй мировой войны Южная Африка переживает период промышленного подъема и роста городов. Но этот подъем лишь усугубляет человеческие конфликты.

В наши дни голландские колонисты и кальвинисты, являющиеся потомками французских иммигрантов, прибывавших в Капскую провинцию начиная с XVII в., являются прежде всего фермерами, владеющими крупными угодьями (в среднем 750 га), отдача от которых невелика из-за климатических условий и бедности почвы. Впрочем, обрабатывается только 4% земель страны. Возникает необходимость перехода от экстенсивного к интенсивному земледелию, а также к максимальной механизации работ, что позволило бы уменьшить огромное число сезонных рабочих, ютящихся в бараках пауперов тех, что существуют вблизи заводов и золотодобывающих шахт. Кроме этого, необходимо увеличить использование удобрений, положить конец монокультуре кукурузы, наладить севооборот, сочетать земледелие и скотоводство, модернизировать разведение скота. Все это потребует время, займов, инвестиций при одновременном сохранении крупных хозяйств, поскольку только они смогут выдержать такие расходы.

Пынешние крупные землевладельцы жестоки, склонны к насилию и до сих пор продолжают вспоминать те благословенные времена, когда англичан еще не было и в стране царил «библейская атмосфера», при которой рабы были послушны и помышляли только о том, как бы лучше услужить хозяевам.

Все они считают себя потомками буров, говорят на африкаанс (язык, имеющий германские корни) и противопоставляют себя ан-

личанам, живущим в городах и обеспечивающим индустриализацию страны, прежде всего в собственных интересах.

До 1939 г. англичане и африканеры пытались жить в добром согласии друг с другом, вместе стараясь решить проблемы цветного населения страны. Но этот политический союз был разрушен в результате прихода к власти политических сил, выступающих с позиций ярого национализма и ставящих своей целью одновременно «африканеризацию» английской части населения и осуществление политики абсолютной расовой сегрегации по отношению к чернокожим, т.е. политики *апартеида*.

В 1961 г. Южно-Африканский Союз вышел из Британского Содружества, поскольку Англия не захотела поддерживать его чреватую опасностями расовую политику, получившую осуждение во всем мире. Безусловно, эта политика не имеет никаких шансов на будущее, тем более что она усугубляется характером роста народонаселения. Цифры таковы: в 1962 г. на 15 млн жителей Южной Африки приходилось 10 млн черных, 3 млн европейцев, 1,5 млн метисов («бастардов») и 0,5 млн азиатов. Таким образом, белое население страны составляет только 20% от общего числа жителей при том, что численность цветных в пропорциональном отношении увеличивается.

Политика белых по отношению к черным и желтым (эти последние концентрируются в основном в провинции Наталь) всегда была эгоистичной. Законодательные акты в этой сфере представляют собой не что иное, как ламбу, которую нужно постоянно ремонтировать и подправлять, чтобы сдерживать натиск все увеличивающегося цветного населения. Какова цель этой политики? Удалить черных (и даже желтых) из некоторых районов страны, запретить им иметь собственность, удерживать их в границах определенных территорий (резерваций), обещая им взамен защиту. Что же получится на деле? С одной стороны, чернокожие жители страны не могут более существовать на бедных землях, состояние которых ухудшается в результате примитивного земледелия и недостатка пространства. С другой — сельское хозяйство белой части населения и в еще большей степени развивающаяся промышленность нуждаются в рабочей силе, которую им может обеспечить только черное население. Результатом становится «захват территории белого человека» (по терминологии сторонников апартеида). Так, в Дурбане или Йоханнесбурге количество черных обитателей превышает количество белых, при том что их заработная плата на 17–40% ниже.

Чтобы хоть как-то сдержать приток обитателей резерваций, Южная Африка пытается: а) увеличить урожайность земель, принад-

лежащих африканцам, организовав их специальное обучение; б) создавать новые производства либо в самих резервациях либо на их границах, делая это зачастую в ущерб экономическому развитию: принадлежащие белым промышленные производства лишаются дешевой рабочей силы и становятся объектом жесткой конкуренции.

Вопрос о резервациях связан также с проблемой *английских* протекторатов: Свазиленд, Бечуаналенд (государство Ботсвана), Басутоленд (государство Лесото). Предполагалось, что в 1910 г. они войдут в состав Южно-Африканского Союза, но этого так и не произошло. Положение усугубляется тем, что между Англией и Южной Африкой по этому вопросу существуют противоречия.

Короче говоря, «со многих точек зрения, сегодняшняя Южная Африка находится как бы на перекрестке дорог: во время аграрной и промышленной революции она оказывается перед лицом революции иного рода — революции социальной и расовой». В конечном счете ей не удалось достичь взаимопонимания между разного рода цивилизациями, а точнее между европейской цивилизацией и местными цивилизациями. Пока что не просматривается никакого решения этой проблемы.

Австралия и Новая Зеландия или Англия, оставшаяся наконец-то в одиночестве

Англия трижды оказывалась предоставленной самой себе: в США, во всяком случае в начальный период существования страны, в Австралии и Новой Зеландии. Это одиночество было плодотворным. В Австралии, как и в Новой Зеландии, мы имеем дело с полными сил, однородными по своему этническому составу «Англиями»: это не Канада, где со-существуют два народа, не Южная Африка с ее драмами на расовой почве. «Эти наиболее удаленные от родины-матери доминионы остаются наиболее английскими из всех остальных».

Не забудем при этом, что Австралия и Новая Зеландия образовались сравнительно недавно. Европейцы появились в Австралии в 1788 г. (т.е. около двух столетий тому назад, причем заселение ее территории шло медленно: 12 тыс. европейцев в 1819 г., 37 тыс. в 1821 г.), а в Новой Зеландии — в 1840 г., если не принимать во внимание появление здесь сначала протестантских (1814), а затем католических (1837) миссионеров. Поначалу Новая Зеландия была местом остановки китобойных судов, и в начальные периоды колонизации на острове насчитывалось не более тысячи английских поселенцев.

- Этническая однородность Австралии и Новой Зеландии объясняется почти полным исчезновением коренного населения; причем можно сказать, что в Австралии они исчезли полностью, а в Новой Зеландии в большинстве.

География этих стран сильно отличается друг от друга (Австралия — это целый континент, тогда как Новая Зеландия расположена на островах со сложным рельефом и изрезанными берегами, омываемыми бурными морями). Равным образом различно и прошлое населявших их народов.

Австралия была заселена давно, еще в VI тысячелетии до н.э. Создается впечатление, что ее первые обитатели — австралийцы — были отважными людьми, столкнувшимися здесь с бедными почвами, немногочисленными флорой и фауной. Австралийские племена с трудом добывали пропитание, существовали на грани голода. В конце концов они превратились в живой музей архаики, где социологи и этнографы получали представление о жизни примитивных обществ. Все споры и интерпретации по вопросу о *тотемизме* основывались на получаемых здесь сведениях.

Естественно, что эти племена, жившие еще в каменном веке, не смогли вынести контакта с белыми поселенцами. Их хрупкое общество разрушилось. Последний коренной обитатель Тасмании исчез в 1876 г. В самой Австралии коренные жители оказались в конечном счете в Квинсленде и на Северной территории (их осталось не более 20 тыс. человек).

В *Новой Зеландии* контакт белых поселенцев и коренных жителей был гораздо более драматичным, по его последствия в итоге оказались, менее разрушительными для народа маори, т.е. полинезийцев, населявших главным образом Северный остров. Маори принадлежали к цивилизации полинезийских мореплавателей и прибыли в Новую Зеландию в период между IX и XIV вв. Новая Зеландия стала, таким образом, южной границей расселения народов, обитавших в тропических странах с их банановыми рощами, культурами таро и ямса. Новая Зеландия расположена как бы на отшибе тропического мира: это страна с умеренным климатом, что и привело в восхищение европейских поселенцев.

Маори пришлось приспособиться к условиям жизни на Северном острове и научиться ловить птиц — единственных представителей дикой живой природы. Они адаптировались также и к тому, что единственными домашними животными у них оказались собаки, которых они привезли с собой. Они стали заниматься рыбной ловлей, причем не в бурных морских водах, но во внутренних водоемах: реках и озерах.

Понаучились, кроме того, собирать съедобные корешки растений. При-] способились к холодному климату, начали строить дома из дерева и] ткательную одежду. Будучи привычными к постоянным межплемен-] ным стычкам, они оказали решительное сопротивление европейцам.

Начатые маори военные действия оказались смертоносными не] столько для вновь прибывших, сколько для них самих. Окончательное поражение они потерпели в 1868 году. Кроме того, маори стали жертва-] ми заболеваний, которые принесли с собой белые переселенцы. Одна-] ко уже к началу XX в. они стали преодолевать этот чуть ли не оказав-] шийся для них катастрофическим кризис: если в 1896 г. маори насчиты-] вали 42 тыс. человек, то в 1952 г. — уже 120 тыс., а в 1962 г. — 142 тыс. Большая рождаемость, семейные пособия, возможность найти работу в городах, в частности в Окленде, обусловили подъем маори и его движе-] ние к прогрессу. Сегодня маори составляют 6% от всего населения Но-] вой Зеландии (2 млн 230 тыс. человек) и не представляют серьезной опасности для единства новозеландской цивилизации.

- Короткая история Австралии и Новой Зеландии представляет собой череду экономических удач, «шансов», связанных как с благоприят-] ной экономической и политической мировой конъюнктурой, так и с их собственным умением ею пользоваться (это как поезд, на который можно успеть, но на который можно и опоздать).

Таким шансом для Австралии стала, например, необходимость для Англии, только что потерявшей свои американские колонии, найти иное место, куда можно было бы сослать каторжников. Известно, что первой колонией, появившейся в Австралии, стала ко-] лония заключенных. Первый конвой осужденных преступников при-] был на австралийский континент 18 января 1788 г., а точнее на рейд Порт Джексона, где позднее вырастет Сидней. Австралия потеряла свой статус пенитенциарной колонии только в 1840 г.

Сразу же после начала освоения континента по соседству с мелки-] ми землевладельцами появились скотоводы, занявшиеся разведением овец-] мериносов. Выращивание скота оказалось менее трудоемким, чем работа на земле, что более подходило для заключенных, не отли-] чавшихся большим усердием в работе. К тому же в Англии и в осталь-] ном мире к этому времени увеличился спрос на австралийскую шерсть, которая и по сей день остается лучшей по своим качествам.

Позднее, в 1851—1861 гг., началась золотая лихорадка (на два года по-] зднее, чем в Калифорнии, 1849 г.). Погоня за золотом раскидала по всей колонии Новая Галлия неконтролируемые банды *диггеров*. Но одновре-

менно она привлекла сюда новых поселенцев, что и способствовало экономическому подъему. Ведь вновь прибывших надо было кормить.

В свою очередь Новая Зеландия также пережила скачкообразные периоды разведения шерстяных овец, выращивания зерна, поисков золота, которое обнаружили сначала на Южном острове в 1861 г. Золотая лихорадка на время дезорганизовала жизнь на Северном острове (в 1865 г. столица была даже перенесена из Окленда в Веллингтон), но в целом хозяйство Новой Зеландии выиграло от нее по той же причине: нужно было снабжать и кормить золотоискателей. Период с 1869 по 1879 г. был периодом роста благосостояния страны.

Мы не будем подробно останавливаться на экономическом развитии этих стран, где периоды подъема сменялись стагнацией и спадом деловой активности (особенно тяжелым было положением обеих стран в 1929—1939 гг.). Достаточно отметить успешную индустриализацию Австралии. Что касается Новой Зеландии, то, несмотря на ее значительные гидроэнергетические ресурсы, она не смогла добиться тех же успехов в хозяйственном развитии.

В целом картина ясна: благополучие этих далеских «Европ» зависит от положения в мире, причем в гораздо большей степени, чем они сами думают. Правильной оценке собственных возможностей мешают легкость и комфорт жизни в этих странах, где благополучие становится еще более заметным, если сравнить его с положением находящихся в нескольких часах лета слаборазвитых странах Дальнего Востока, где царят нищета и перенаселенность. Австралия и Новая Зеландия сегодня — это «Европа», а не колонии, несмотря на привязанность к Британской империи (именно она является их главным поставщиком и покупателем их продукции). Они являются на деле независимыми государствами (независимость Австралии была провозглашена в 1901 г., Новой Зеландии — в 1907 г.).

- Политика этих стран всегда заключалась в том, чтобы единолично пользоваться теми благами и преимуществами, которые им обеспечивали огромные пространства, чтобы не допускать иммиграции, сохранять, что бы это ни стоило, высокий стандарт жизни своего населения, оставаться верными принципам прагматического и эффективного социализма, основанного на изобилии.

С начала XX в. Новую Зеландию можно назвать страной подлинной демократии (восьмичасовой рабочий день с 1856 г., отделение церкви от государства с 1877 г., право голоса на выборах для женщин с 1893 г., экспроприация крупных земельных владений в том же году,

обязательное урегулирование трудовых конфликтов с 1894—1895 гг., пенсионное обеспечение с 1898 г.). То же и в Австралии, где дверь для иммиграции, закрытая в 1891 г., открылась только для новой и последней погони за золотом, что привело в 1893 г. к возникновению Кулгарди (Coolgardie)*, в пустыне на западе страны. С приходом к власти правительства лейбористов континент превратился в «рай для рабочих».

Все это благосостояние, огромные расходы системы социального обеспечения (достойная заработная плата, высокий уровень жизни, низкая детская смертность, высокая продолжительность жизни), не исключают разбазаривания государственных средств. Так, в Австралии, с ростом промышленности и крупных городов (население Сиднея и Мельбурна приближается к двум миллионам человек) частые забастовки оказываются весьма дорогостоящими. Согласно официальным сведениям Торговой палаты (октябрь 1949 г.), забастовки с января 1942 по июнь 1949 гг. обошлись стране в стоимость 20,8 млн тонн угля. Все эти трудности и требования со стороны наемных работников спровоцировали поражение лейбористов на выборах как в Австралии, так и в Новой Зеландии. Однако социальное противостояние не сопровождается здесь насильственными действиями, не провоцирует сколько-нибудь заметных политических перемен. Меняются лидеры, но правила игры остаются теми же.

Разумна ли такая политика? В общем и целом она заключается в том, чтобы сохранить богатства континента для 10 млн его обитателей (плотность населения: 1,2 человека на 1 кв. км); в случае Новой Зеландии, территория которой больше территории Англии, богатства сохраняются для 2,3 млн ее жителей (плотность населения: 8,7). Но в современном мире быстро растет число «внешних пролетариев», которые угрожают такому благополучию. В ходе Второй мировой войны японцы дошли почти до границ Австралии, которую спасла только победа американцев в Коралловом море в мае 1942 г. Для Австралии урок оказался полезным, и она предприняла попытку (не принесшую, впрочем, больших результатов) увеличить приток иммигрантов, чтобы укрепить свою военную мощь и обеспечить промышленный подъем. Новая Зеландия осталась, однако, такой же беззаботной, полагаясь на свою отдаленность. Тем не менее благосостояние в этой стране начинает показывать свою изнанку: спад рождаемости (29 на 1000), старение населения (уровень смертности 9,3 на 1000). Этот последний фактор столь серьезен, что Новая Зеландия, молодая по сути демократическая страна, перестает быть «молодой нацией».

Постскрипtum 1966г.

Судьба Англии, остающейся центром британского мира, сложна. На парламентских выборах 18 октября 1964 г. лейбористы одержали победу с очень небольшим перевесом голосов. Эта победа означает для них возвращение к власти после длительного периода ее отсутствия (они потерпели поражение в 1951 г.). Таким образом, правительство Гарольда Вильсона оказалось изначально ослабленным. Экономическая и политическая конъюнктура также не внушает радужных надежд. После значительного падения национальной валюты она так и не смогла окончательно оправиться. Повышение на 15% таможенных пошлин (26 октября) противоречит обязательствам, взятым на себя страной перед Европейской ассоциацией свободной торговли; к тому же это повышение не повлекло за собой немедленного выравнивания торгового баланса, а напротив, вызвало раздражение торговых партнеров Англии. Провал переговоров в рамках НАТО по вопросу о многосторонних силах не способствовал восстановлению престижа лейбористов. Англия продолжает колебаться в своей политике (и от того страдает): остаться посредником между Европой и остальным миром, между Востоком и Западом, присоединиться к близкой ей Европе или превратиться в вассала США...

Победа лейбористской партии на выборах 15 октября 1965 г. не смягчила этих колебаний. Кроме того, правительство Вильсона рассчитывает сохранить как можно дольше британские интересы к Востоку от Суэца. Эта политика подразумевает сохранение военных баз в Адене вплоть до 1968 г. и в Сингапуре, продление ее военных обязательств перед Саудовской Аравией и Малайзией, создание новых баз на островах Индийского океана, заключение новых соглашений с Австралией, Новой Зеландией, Южной Африкой и, если это возможно, с Индией и Пакистаном. Но эта политика неосуществима без тесного союза с США.

В британском мире французская Канада остается болезненной зоной, где конфликты приобретают все больший масштаб. Французская Канада требует предоставления ее равных прав с английской частью страны. Она даже пытается стать самостоятельной нацией внутри канадской федерации. Это медленная и тяжелая работа, которую французской Канаде предстоит сделать самостоятельно или почти самостоятельно. Отсюда вчерашние и, безусловно, завтрашние потрясения.

Часть третья ДРУГАЯ ЕВРОПА

Другая Европа: Московия, Россия, СССР

Другая Европа, развившаяся почти так же поздно, как и Америка, но на сей раз на самом Европейском континенте, что означает ее тесную связь с Западом, — это Россия, бывшее Московское княжество, ставшая сегодня Советским Союзом. Мы предполагаем здесь отразить: 1) ее истоки и нескончаемое прошлое; 2) восприятие идей марксизма после Революции 1917 года; 3) ее нынешнее состояние, ее *интеллекцию*, как сказали бы философы.

Разумеется, речь идет об одном и том же историческом персонаже. Его престиж основан не только на большом революционном опыте, но и — во все большей степени — на том, что ему удалось в рекордно короткий отрезок времени осуществить индустриальную революцию. Страна, где к 1917 г. существовали лишь зачатки промышленности, превратилась к 1962 г. в могучую державу, являющуюся противником США. Этот невиданный успех являет собой пример для нынешних слаборазвитых государств. Смогут ли они также одним прыжком преодолеть целый исторический этап? Является ли социализм обязательным условием такого быстрого успеха?

Глава I. От истоков до октябрьской революции 1917 года

Сложно резюмировать с достаточной убедительностью и всего на нескольких страницах столь длительное, отмеченное историческими катаклизмами прошлое, аналогов которому Западная Европа не знает, несмотря на все перипетии ее собственного развития.

Первая трудность: огромность географической сцены, где разворачивается это сложное историческое действо. У этой сцены «планетарные» масштабы, и она к тому же очень неоднородна.

Вторая трудность: славянские народы довольно поздно оказались на этом пространстве и, впрочем, никогда не оставались на нем в одиночестве. Колыбель славян, предков русских людей, — это территория, ограниченная Карпатами и нынешней Польшей (Польша — единственная страна с однородным славянским населением). Итак, наш персонаж появился на этой сцене с опозданием и потратил много времени на то, чтобы занять ее полностью.

Киевская Русь

- Это обширное пространство, долгое время остававшееся необитаемым или почти необитаемым, напоминает нам о не освоенном человеком пространстве Американского континента.

Человек теряется в нем. Обширные степи, полноводные реки, нечеловеческие расстояния, бесконечные волокы от реки к реке, колоссальные регионы: здесь мы уже сталкиваемся с чрезмерностью, свойственной Азии.

К северу от линии, которую можно было бы провести от Клева до Перми, обширные леса продолжают лесные массивы северной Европы и связывают их с нескончаемой сибирской тайгой, расположенной по ту сторону Урала, этого старого горного массива, ориентированного с севера на юг и немного напоминающего *Вогёзы*; Уральский хребет — это условная граница Европы, отделяющая также европейскую часть России от ее азиатской части.

К югу от этой предполагаемой линии расположено открытое пространство степей (это слово русского происхождения): черная плодородная степь (чернозем); серая травянистая степь, где в сухой сезон всадник на лошади может почти полностью скрыться в траве; белая солёная степь по берегам Каспия.

Русское пространство — это обширная равнинная, низменная местность, простирющаяся между Белым морем, Северным Ледовитым океаном и Балтикой, с одной стороны, и Каспийским и Черными морями — с другой. Балтика и Черное море — это пространства, имеющие особую важность, особую притягательность. Создается впечатление, что призвание России — идти от одного моря к другому, связывать их между собой, прорубать окна и двери в одну и другую сторону, обеспечивая тем самым связи со Средиземноморьем и Западом, т.е. с европейской цивилизацией.

Но у России есть и другое призвание — идти на восток, в сторону беспокойной Азии степей и кочевников, история которой вплоть до XVI в. была полна конфликтов, разбоя, нашествий. Если орды кочевников устремлялись в сторону Ирана, Багдада, то для русских это была удача, это означало, что гроза прошла стороной. Но поскольку под солнцем Ближнего Востока места хватало не для всех, то многие из азиатских пришельцев, за неимением лучшего, обращали свои взоры к русским степям, шли к Волге, Дону, Днепру, Днестру, а иногда и еще дальше. Вот почему Московия так часто страдала от нашествий с востока.

Судьба России долгое время была predeterminedена ее приграничным положением: защищая Европу, она амортизировала удары, которые наносились со стороны Азии, что дорого ей обходилось.

- Невозможно представить себе Россию, которая бы не защищала пространство от Балтики до южных морей, не контролировала бы торговые связи между ними. По этой, а также по многим другим причинам Россию можно себе представить только с момента возникновения Киевского княжества (IX—XIII вв.)

Восточные славяне, т.е. народы арийского происхождения (как, впрочем, и все славяне), продвигаясь вперед, достигли городов, деревень и степей Днестра. Эта миграция, начавшаяся уже в новую эру, закончилась к VII в. На востоке славянские племена вошли в соприкосновение с народами, которые уже давно здесь обосновались: с угро-финнами, спустившимися с Уральских гор; с племенами, пришедшими из Центральной Азии (их потомки вошли в историю под именами скифов, сарматов, камских булгар); с готами Вислы и Пемана, аланами и хазарами (эти последние приняли затем иудейскую веру), выходцами с берегов Дона и Каспия.

Так возникла первоначальная Россия, представлявшая собой смешение европейских и азиатских народов, *Россия малороссов*. Быстрый

рост городов, развитие жизненной активности на пространстве от Великого Новгорода на севере до Киева на юге невозможно объяснить без понимания решающей роли в этом процессе торгового пути от Балтики до Черного моря и далее, вплоть до Византии и Багдада, чьи богатства поражали обитателей Киевской Руси, толкая их на безумные набеги. По этому пути с севера на юг везли янтарь, меха, воск, рабов, а с юга на север — ткани, драгоценные шелка, золотые монеты. Археологи находили потом эти монеты по всей протяженности торгового пути, что свидетельствует о процветающем в ту пору товарообмене. Именно обеспеченное торговыми связями благополучие играло решающую роль в развитии региона: без него не могли существовать города (сельское хозяйство здесь было развито еще слишком слабо), которые поддерживали друг друга, обмениваясь товарами, распрями, князьями.

Киевская Русь была вынуждена постоянно защищаться, прежде всего от набегов с юга. В этом большую помощь ей оказывали северные скандинавские страны, поставлявшие своих наемников. Эти последние были то слугами, то хозяевами, но всегда оставались готовыми к бою. Эти норманны, а еще лучше сказать — варяги, пришедшие большей частью из примитивной в ту пору Швеции, а также из Дании, испытывали притягательную силу «пути из варяг в греки» и поражались расположенными на этом пути блестящими городами: недаром они называли эту страну *Гардарики*, что означало «королевство городов». Один из кланов этих скандинавских наемников и основал династию Рюриков, ранняя история которой плохо известна. Она появилась в X в., обосновавшись в Киеве, распространив свою власть над другими городами. Историки часто говорят то о Киевском княжестве, то о Киевской Руси, то о династии *Рюриковичей*.

Блеск этой начальной России объясняется общим историческим контекстом. Западное Средиземноморье оказалось на долгое время закрыто для внешнего мира в результате исламских завоеваний VII—VIII вв. В этих обстоятельствах внутриконтинентальный путь от Новгорода до Киева стал основным, связав страны Севера и богатые районы Юга. Когда в XI—XII вв. Западное Средиземноморье вновь открылось, когда был положен конец мусульманскому засилью на морях, интерес к этому нескончаемому пути с его порожистыми реками стал постепенно угасать. Когда в 1204 г. латиняне захватили Константинополь, он окончательно оборвался: морской путь положил конец континентальному.

Но еще до наступления этой роковой даты киевским князьям становилось все труднее защищать свои рубежи, прокладывать дорогу

к Балканам и Черному морю. Старая поговорка гласит: «Когда хочется есть и пить, идут в Киев; когда же пужно защищать Киев, то пикого нет». Это справедливо. Стремление южных кочевников завоевать новые земли безостановочно бросало их всадников на пространства Киевской Руси с ее богатыми городами: сначала это были печенеги, затем кипчаки или куманы, которых русские летописцы называли половцами.

С XI в. часть народностей, населявших Киевскую Русь, стала мигрировать (можно даже сказать — убежать) на северо-восток — в сторону Ростова (речь идет о Ростове Великом, который не нужно путать с нынешним **Ростовом-на-Дону**). Именно в этих лесистых местах началась история новой России, именно здесь происходило смешение славян и финнов, представителей монголоидной расы, которые первые населили эти районы: таковы корни этнической группы, называемой *великороссами*. Эта новая Россия была варварской, но мощной; она сумела утвердиться на новом месте еще до окончательного падения просвещенного Киевского княжества. Не будем забывать, что монгольское нашествие, разрушившее Киев (6 декабря 1241 г.), уничтожило государство, которое и без того уже приходило в упадок. Через пять лет после падения Киева путешественник увидел на месте бывшей столицы лишь двести нищих домов.

- Тогдашние русские города были настоящими западными городами. Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, симболизовавших материальное благополучие страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого отставания, никакого разрыва.

Историки, специализирующиеся на сравнительных исследованиях, отмечают тем не менее, что большие города Киевской Руси не были во всем похожими на города, возникавшие в ту пору на Западе. Отличие состояло прежде всего в том, что первые русские города не были полностью отделены от окружающей их сельской местности. Так, владельцы соседних с Великим Новгородом земель принимали участие в *Вече*, т.е. в городском собрании, решения которого распространялись не только на сам город, но и на окружающую его местность. Здесь они имели равные права с купеческой аристократией. С другой стороны, в Киеве первые роли также играли военачальники, входившие в княжескую дружину.

Иными словами, первые русские города были «открытыми» городами, в этом походя на города античности. Они не были закрытыми

сообществами, предоставлявшими привилегии только своим гражданам, какими являлись города средневекового Запада.

Православная религия

- **Приняв православие, Киевская Русь на века определила будущее страны.**

Не будем забывать, что по дорогам Киевского княжества перемещались не только товары, но и странствующие проповедники, несущие Слово Божие.

Принятие христианства произошло в правление Святого князя Владимира, которого и сейчас называют Владимиром Красное Солнышко. Одно время он подумывал о принятии иудейской веры, но в конечном счете склонился к красоте византийского богослужения. В 988 г. он официально окрестил всех своих подданных (киевляне подверглись обряду крещения в водах Днепра). Но на протяжении целого столетия до этого события новая религия распространялась на юге страны и в столице. Крещение Руси стало частью общего процесса христианизации, начавшегося после имевшей решающее значение миссии Святого Василия в Хазарию (861): обращение моравов в 862 г., болгар в 864 г., сербов в 879 г. ... В этом контексте обращение Руси в христианство было лишь одним событием в череде других, свидетельствовавших о распространении влияния старой Византийской Церкви, последовавшем после длительного кризиса, связанного с иконоборчеством (кризис утих после VII Пикейского Собора, прошедшего в 787 г.). Старая Церковь обрела вновь былую силу, дойдя до далекой Азии.

Тем не менее понадобилось немало времени, чтобы вначале Малороссия, а затем и Великороссия окончательно стали христианскими. Первые памятники христианства появились чуть позже: Святая София в Киеве была построена в 1025—1037 гг.; Святая София в Новгороде — в 1045—1052 гг.; один из первых монастырей, Лавра в Киеве — в 1051 г.

Дело в том, что города и деревни России были привержены языческим культам, и преодоление их потребовало некоторого времени. Впрочем, некоторые дохристианские верования и обряды сохранились вплоть до наших дней, в частности такие как свадебный и похоронный обряды, знахарство. Эти верования наложили свой отпечаток на русское христианство, сказались на православной литургии,

на культе икон и на особом значении, придаваемом пасхальным праздникам.

- То обстоятельство, что русская цивилизация, русский мир, начиная с X в., оказались в орбите Византии, способствовало укреплению **различий** между Восточной и Западной Европой.

Различия между католиками и православными, объясняемые по-разному, ставят большую проблему, нуждающуюся не столько в разрешении, сколько в объяснении (если это вообще возможно). Как нам кажется, эти различия объясняются историей.

Западное христианство подвергалось особым испытаниям. Оно является наследием Римской империи. Христианство завоевало эту империю, но его победа совпала с «империализацией христианства», которая стала приносить свои плоды тогда, когда — сразу же после исчезновения империи в V в. — христианство возложило на себя задачи, связанные с поддержанием **«всемирных структур»**. Западная церковь, экуменическая по сути, выходит за рамки обществ, отдельных государств; она использует единый язык, латынь, который выступает орудием единения. Кроме того, она сохраняет со времен империи свою иерархию, централизацию, древнюю и славную столицу Рим. Кроме того, западная церковь сразу же заняла определенную позицию по отношению к политическим и социальным проблемам, которых было множество в начальный период существования западной цивилизации. Она стала сообществом, способным дать ответ на все требования того времени: пущды духовной и материальной жизни, евангелизации, образования, колонизации новых земель...

- Византийская церковь в X в. существовала в границах мощной империи, которая сумела пережить многие потрясения и не нуждалась в том, чтобы возложить на свою церковь тяготы временной экспансии. Империя господствовала над церковью, подчинила ее своим интересам и ограничила ее влияния только духовной сферой. Православная церковь, пустившая корни в России, в меньшей степени, чем **западная**, отличалась от своих верующих и была наполовину равнодушной к политике.

Она была готова к тому, чтобы ограничиться предоставленными ей национальными рамками, мало заималась вопросами церковной организации и церковной иерархии, будучи озабоченной, главным об-

разом, духовной традицией, унаследованной от греческих мыслителей X в.

Что касается языка, на котором проходили богослужения, то греческая церковь ревниво сохраняла свой собственный язык, «рассматривая его в качестве языка элиты, которого варвары недостойны». Поэтому языком богослужений в славянских странах стал старославянский — на него святой Кирилл и святой Мефодий (между 858 и 862 гг.) перевели канонические тексты для славянских народов, которые они евангелизировали. Для этого им понадобилось перевести разговорный славянский, встречающийся в окрестностях города Салоники, в письменный язык, что сделало необходимым *изобретение* алфавита. Отсюда важность старославянского для отправления богослужений, который стал первым письменным языком в культуре славянских народов.

Также заметно различие в духовной традиции обеих церквей. Так, слово *истинность* на греческом и в еще большей степени на старославянском означает «*вечное, постоянное, существующее в действительности, вне созданного мира*», как его понимает наш разум. Слово *правда* означает таким образом одновременно *истину* и *справедливость* в противовес слову *истина*, означающему *земную правду*. «Индоевропейская форма *вардала* в славянских языках слово *вера*». Напротив, в *латыни* истинность в юридическом, философском или научном смысле означает всегда «уверенность, реальность, разумность». Также и слово *таинство* на Западе подразумевает религиозную иерархию (религиозный порядок), что само по себе придает ему сакральный смысл; на Востоке же слово *таинство* означает прежде всего «тайнственность» (тайну), идущую от Бога.

Некоторые особенности богослужения также отражают глубокие различия между церквями. Страстная неделя, предшествующая Пасхе, проходит на Западе под знаком траура, страстей, страдания, смерти Христа в обличье человека. На Востоке же она проходит под знаком радости, песнопений во славу вознесения Христа в божественном обличье. Русские распятия показывают Христа мирного, спокойного в смерти, тогда как на Западе показывают страдающего Спасителя.

Быть может, так происходит потому, что на Западе христианство с момента своего возникновения столкнулось с проблемами человека, коллектива, сообщества, даже с юридическими проблемами, тогда как на Востоке религиозная мысль оставалась более ограниченной, более индивидуальной, мистической, сугубо духовной. Некоторые исследователи видят именно в этом главное цивилизационное отли-

АТЛАНТИЧЕСКИЙ
ОКЕАН

- 1 Священная Римская империя
- 1 Польша

Лондон

Брюгге
Париж

Бремен

Майнц

Кельн

Ратисбонн

Павия

Прага

СРЕДИЗЕМНОЕ
МОРЕ

Венеция

Краков

Рим

ТЕВТОНСКИЙ
ОРДЕН

РУССЫ

Киев

Великий Новгород

Москва

Булгары

Формирование
Русского
государства

Константинополь

ЧЕРНОЕ
МОРЕ

АРМЕНИЯ

Дамаск

Каир

Иерусалим

Багдад

Италия

МОНГОЛЫ

КАСПИЙСКОЕ
МОРЕ

АРАЛЬСКОЕ
МОРЕ

Ургенч

ХОРГЭМ

Ташкент

ХОРАСАН

Мерв

Самарканд

1462

1500

189

800 км

чие, которое Алексей Хомяков определял как разницу между «мистическими православными Востока и рационалистически настроенными приверженцами западной церкви»

Не является ли западное христианство частично ответственным за этот сутобо европейский дух рационализма, против которого оно вначале выступало, восстановив против себя свободомыслящих людей, и к которому затем приспособилось?

Русское православие до недавнего времени не сталкивалось с подобного рода идейной борьбой. Однако в XVI в. ему пришлось сделать выбор: остаться ли официальной, очищенной от мирских забот религией (избавившись, в частности, от несвойственной греческой церкви привычки креститься двумя перстами правой руки) или стать религией народной, формалистической, морализирующей, с подспудно зреющей революционностью. Сторонники реформаторства были отлучены от официальной церкви, что породило схизму, раскол. С той поры борьба с раскольниками приобрела постоянный характер. В этом случае речь шла о внутрицерковных распрях. Борьба же со свободомыслием началась позднее, в последний век существования царизма. После Революции 1917 г. православной церкви пришлось бороться уже за собственное выживание, что сделало неизбежными компромиссы. Тем не менее создается впечатление, что это не послужило толчком к ее обновлению, не породило стремление пойти новыми путями, сблизиться с социализмом, на что в XX в. осознанно пошла католическая церковь.

Территориальное образование России

В начале XI в. расположенный на берегу Днепра Киев господствовал над югом пыншней России, где тогда насчитывалось около 60 княжеств. Его князья приняли православие. Киев был важным географическим пунктом на торговом пути между славянскими странами и Византией, между Западом и Дальним Востоком. К концу XII в. Киев утратил былое значение, а затем был разграблен монголами. В XIV в. Москва, скрытая лесами, на некоторое время избежала нашествия. Даниил Александрович, сын Александра Невского, занимавшего княжеский престол в Великом Новгороде, руководил первыми шагами Московского княжества. Иван Великий (1440–1505) был наиболее крупным собирателем русских земель. В его правление московские дружины перешли впервые Урал. Петр Великий (1672–1725) стал легендарным основателем Российской империи, победив шведов и турок. Он был также великим реформатором и основателем Санкт-Петербурга в 1703 г. Города Бугарии и Итель были разрушены монголами в X в.

Российская империя (Великороссия)

- Вторая Россия, Россия лесов, достигла своей зрелости только тогда, когда она вышла за пределы собственно России, когда Иван Грозный (1530—1584) завоевал Казань (1552), затем Астрахань (1556) и взял под свой контроль весь огромный волжский бассейн ~~начиная~~ с истоков этой огромной реки до ее впадения в Каспийское море.

Этот двойной успех был обеспечен использованием пушек и аркебуз. Азиатские завоеватели, которым, благодаря коннице, удалось «дойти до флангов Запада», в итоге были вынуждены отступить перед пушками. Каспий, на берега которого пришли войска Ивана Грозного, находился на пути в Персию и Индию. Что касается Черного моря, то, начиная с XV в., оно было под властью турок, и закрепиться на его побережье в ту эпоху было непростым делом.

Так начала утверждаться и формироваться новая Россия; процесс ее создания проходил в гораздо более сложных условиях, чем процесс образования Киевской Руси. В начальный период истории ее уделом были бедность, рабство, феодальная раздробленность.

Со времени падения Киева в 1241 г. вся южная часть русского пространства — степи — находилась под властью монголов (русские называют их татарами). Здесь возникло независимое монгольское государство, присоединившее к этим обширным степным районам княжества и города Русского севера, признавших главенство монголов. Речь идет о Золотоордынском ханстве, столица которого — Сарай-Бату, позднее Сарай Берке находилась в Нижнем Поволжье.

Довольно долгое процветание этого государства во многом обуславливалось его контролем за так называемым *монгольским путем*, по которому направлялись в Индию и Китай итальянские купцы, прежде всего тепузцы и венецианцы. Когда к 1340 г. этот путь прервался, Золотая Орда понемногу стала терять свою власть над лесистым Севером, хотя какое-то время еще продолжала господствовать на юге.

Именно на Севере, в процессе феодальных распрей, и укрепилось в XIII в. Московское княжество, которое начало заниматься «сбором» русских земель (московских князей можно сравнить с Капстинами, которые, закрепившись в Иль-де-Франс, занялись объединением французских земель) и избавилось от монгольской опеки в 1480 г. Результатом этого освобождения от ита стало то, что московский «царь» занял место хана Золотой Орды. Остатки Золотой Орды, прежде всего крымские татары, просуществовали вплоть

до XVIII в. благодаря поддержке Османской империи, вассалами которой они стали.

И тем не менее понадобились три столетия, чтобы кардинально изменить ситуацию. Все это время, несмотря на противоборство и многочисленные военные столкновения, между русскими и татарами существовали торговые обмены, мирные отношения, зачастую сопровождавшиеся взаимными услугами. В общем и целом владельцы Золотой Орды благоприятствовали подъему Москвы, поддерживали ее князей. Довольно поздно приняв ислам, золотоордынские ханы были веротерпимыми и чаще всего не препятствовали верованиям завоеванных народов. В их столице была даже православная церковь.

Между монголами и их данниками довольно часто заключались брачные узы: в Москве даже говорили о «полувосточной аристократии». В XV в., когда отток татарских сил стал очевидным, многочисленные мусульмане обосновывались в русских княжествах, принимали христианство и поступали на княжескую службу, что вызывало зависть подданных из местного населения. Многие известнейшие русские дворянские семьи — Голуновы, Сабуровы — вели свое происхождение от татар.

Долгое время монголы были авторитетом для московских князей. Их цивилизация была более рафинированной, их государство — более организованным (оно даже служило моделью), их денежная экономика не имела себе равных на Севере. Современный русский язык сохраняет многие характерные слова монгольского происхождения, такие как *казна*, *тамояня*, *ям* (почтовая станция), *деньги*, *казначей*... Эта находившаяся на более высокой ступени цивилизация наложила азиатский отпечаток на нравы и обычаи Московии. Можно сказать, что она представляла собой просвещенный варварский мир, очарованный высшей цивилизацией. Это сосуществование до некоторой степени напоминает отношения между христианской и мусульманской Испаниями. Московский царь начал брать верх над мусульманским ханом к 1480 г., т.е. примерно тогда же, когда наступил последний акт испанской Реконквисты (падение Гранадского эмирата, 1492).

Победа Москвы подготавливалась бесчисленными стычками с соседними княжествами. Она окончательно определилась только в царствование Ивана III (1462–1505), которого некоторые русские историки сравнивают с Петром Великим и даже оказывают ему предпочтение. После своего восшествия на княжеский престол он взял в жены Софью Палеолог и происходящую из династии византийских императоров Константинополя. Таким образом Москва после взятия Константинополя (Парыграда) турками в 1453 г. смогла стать Третьим

Римом, претендуя тем самым на «господство и спасение мира». Этот долговременный успех (*титулцаря, возможно образованный от слова* Цезарь, был взят наследником московского князя только в 1492 г.) значил, однако, меньше, чем последовавшие победы над литовцами, золотоордынцами (прекращение вассальной зависимости в 1480 г.) и новгородцами.

Борьба с Великим Новгородом была трудной, длительной, драматичной. В 1475 г. — холодной, завершившейся мирным вхождением в город. В 1477—1478 гг. Иван заставил снять Вечевой колокол; в 1480-м отправил в изгнание сотни известнейших городских семей; в 1487 г. 7 тыс. новгородцев вынудили покинуть город. Это и стало концом города, который называли *Господин Великий Новгород*.

В той же мере, что и присвоение наименования Третьего Рима или титул царя, признаком подъема Москвы стало приглашение в столицу итальянских зодчих: болонца Аристотеля *Фьораванти* (*Фьораванти*), Руффо (Марка Фрязина) и Пьетро Солари, строивших дворцы и церкви. Именно тогда Кремль приобрел свои нынешние очертания. Шпильки для войска Ивана III также отливались итальянцем Паоло Деббосси. Итак, *почти за век до* Ивана Грозного и его ренающих побед над Казанью и Астраханью явно обозначались первые шаги московской державы, сопровождавшиеся — в этом нет никакого сомнения — восстановлением контактов с Западом.

Все эти успехи и достижения требовали чрезмерных усилий со стороны государства. Иван Пересветов, идеолог времен Ивана Грозного, разработал политическую теорию террора. Известно, что *опричнина*, полицейская система, основанная Иваном Грозным, позволила ему «разгромить княжескую и боярскую оппозицию, усилить централизацию русского государства».

- Россия все больше поворачивается к Европе. В ее многовековой современной истории и (вплоть до 1917 г.) этот фактор играл ключевую роль.

Эта целенаправленная политика позволила России обеспечить себя современной промышленной техникой, что достаточно рано обеспечило ей господство сначала в Азии, а затем и в Европе.

Заметен ли вклад Азии в этот подъем? Некоторые историки полагают, что это так: народы Центральной Азии на протяжении многих веков колебались между Европой и Средиземноморьем, с одной стороны, и Дальним Востоком, Китаем в особенности — с другой. В этих условиях *судьба России была* частично предрешена наблюдавшимся с XV в. оттоком кочевников в сторону Азии и Китая. Юг России та-

ким образом освободился от азиатского давления. Напор татар частично потерял свою силу, будучи отныне нацелен на Дальний Восток. Когда ситуация изменилась (к XVIII в.) и силы кочевников вновь были переориентированы в сторону Европы, оказалось, что *поздно*: наступление киргизов и бабкыр, *спровоцированное* в XVII—XVIII вв. давлением со *стороны* Китая, натолкнулось на серьезные препятствия. Даже полуазиатское восстание Пугачева (1773—1774) не смогло их разрушить.

Конечно, это объяснение страдает *упрощенностью* и требует корректировки. *Совершенно* очевидно, что помимо ослабления давления со *стороны* Азии нужно учитывать и такой фактор, как заимствование на Западе передовой техники, что сразу же принесло свои плоды. Русское хозяйство той поры переживало подъем, в том числе под влиянием европейской торговли, *наиболее* активной в портах Балтики. Нет ничего более показательного, чем временная оккупация Нарвы русскими войсками в XVI в.: и хотя эта открытая дверь вскоре вновь закрылась, Россия восприняла урок и вскоре взяла реванш.

Диалог между Москвией и Западом, начатый, как мы уже говорили, во времена Ивана III, продолжался и интенсифицировался. Считается, что Московию «открыл» немецкий путешественник Зигмунд фон Герберштейн в 1517 г. подобно тому, как Христофор Колумб открыл Америку. Как бы там ни было, *торговцы*, авантюристы, разного рода советники и прожекторы, архитекторы, художники устремились в этот другой Повый Свет еще задолго до того, как находившийся в юношеском возрасте Петр Великий завел дружбу с иностранцами в Немецкой слободе и сделал их своими советниками. В 1571 г. герцог Альба, правитель испанских Нидерландов, указывал немецкому рейхстагу на опасность для всего христианского мира активной контрабанды оружия в Московию, которую он считал потенциальным врагом.

Примерно за 20 лет до этого, в 1553 г., английский мореплаватель Ченслер доплыл на одном из своих судов (остальные погибли в пути) до Архангельска, что дало толчок к созданию *Московской Кампании*, основанной лондонскими торговцами; эта компания в течение нескольких лет через всю Московию доставляла товары в Персию.

Сближение, наметившееся гораздо раньше, набирает все большие обороты и окончательно упрочивается благодаря дерзкой политике Петра Великого (1689—1725), а затем благодаря военным победам в долгое царствование Екатерины Великой (1762—1796). Следствием обоих царствований было изменение границ и географической карты современной России, в том числе на ее западных рубежах. В течение всего XVIII в. Россия не переставала не только осваивать свое соб-

ственное пространство, но и приращивать его за счет не принадлежащих ей территорий. В этот же период устанавливаются устойчивые связи с Западом, прежде всего через Санкт-Петербург, который стал столицей государства в 1703 г., а также налаживаются торговые контакты, посетителями которых были английские и голландские купцы. Россия все больше становилась частью Европы. В преобразовании России участвовали все европейские государства, но в наибольшей мере страны Балтии и немцы, которые в географическом смысле были наиболее близки к России.

Окончательное завоевание южных районов (начатое, но не законченное Петром Великим), а также овладение Крымом (1792) облегчалось тем, что эти территории были малонаселенными. Хорошо известны «потемкинские деревни», представлявшие собой монтируемые и демонтируемые декорации, которые Потемкин перемещал по пути следования Екатерины II во время знаменитого путешествия императрицы на юг державы. Настоящие же связи с Черным морем установились позднее — в начале XIX в., когда герцог Ришелье начал строить Одессу. Впервые украинская пшеница появилась в портах западного Средиземноморья лишь в 1803 г., сразу же вызвав опасения сначала итальянских, а затем и французских землевладельцев.

В общем и целом можно сказать: *русская история XVIII и XIX вв. была историей гигантского «окультуривания» новых народов и территорий, что сопровождалось неизбежными в таких случаях иллюзиями, ошибками, авантюрами, снобизмом, победами.* «Поскобилитерусского, ивы найдите обитателя Московии» — гласит известная поговорка, ставшая столь популярной на Западе. А почему бы жителю Московии не оставаться таковым, сохранив присущие ему вкусы, привычки, противоречия? Сегодня в Москве можно увидеть выдержанную в строгом классическом стиле усадьбу графа Н.П. Шереметева, которую он построил в Осташкино в XVIII в. руками своих крепостных. Посетителю, который удивляется свежести внутренней окраски, позолоты, декора, потолочной росписи, объясняют, что стены здания сделаны не из кирпича, как представляется на первый взгляд, а из дерева, а оно в гораздо меньшей степени подвержено воздействию сырости. Граф справедливо утверждал, что именно дома, построенные из русской древесины, наиболее приятны для жилья. Вот почему было решено сохранить деревянную основу, а затем провести отделочные работы на французский манер.

На протяжении всего XVIII в. в Россию приглашались бесчисленные иностранцы, в задачу которых входило создавать, в том числе и создавать промышленные производства. Многочисленные инженеры, архитекторы, художники, музыканты, учителя пения, гувернантки

приезжали в страну, жадно впитывающую новые знания и новые па- выки. В Санкт-Петербурге, например, удалось сохранить до сего дня большое количество зданий той эпохи. Равным образом сохранилась и известная библиотека Вольтера, где содержится огромная переписка, разного рода документы на французском языке, что свидетельствует о восприятии русской интеллигенцией западной культуры.

Вообще, развивающаяся русская культура многим была обязана Франции. Впрочем, и во французской культуре прослеживаются следы влияния «русского миража». К примеру, самодержица Екатерина воспринимается у нас как либеральная властительница только потому, что разрешила постановку в России *Жизнью Фигаро* еще до того, как ее постановка во Франции была одобрена Людовиком XVI. Но сегодня этот мираж не должен нас более вводить в заблуждение. Екатерина II была в действительности реакционной в социальном смысле правительницей: имела она консолидировала власть дворянства и способствовала усилению крепостной зависимости крестьянства.

В сторону Вюрца и Парижа была обращена исключительно аристократическая культура, которая в дальнейшем распространилась на часть интеллигенции и студенчество. Естественно, что эти слои с завистью следили за событиями во Франции, призванными расшатать основы старой Европы. Отмечая это, не нужно, впрочем, забывать, что Французская революция (а точнее ее детище — Наполеоновская империя) потерпела поражение именно в столкновении с русским колоссом.

- Вся современная русская история, начиная сXVI в. и кончая Октябрьской революцией 1917 г., проходила на революционном фоне: чаще всего революционные сдвиги происходили на глубине, но периодически выливались на поверхность.

После периода расцвета Киевской Руси, не избежавшей, в свою очередь, социальных потрясений, огромная страна задержалась на этапе Средневековья. Феодальный строй здесь закрепился именно тогда, когда на Западе он уже начал разрушаться. Конечно, *европеизация страны в период с XV и вплоть до XXв. усиливалась*, но затрагивала при этом лишь небольшую часть населения: дворянство, крупных землевладельцев, интеллигенцию, политиков. Более того, развитие торговли с Западом превращало землевладельцев России и Восточной Европы в производителей зерна и торговцев. Следствием этого стало «вторичное закрепощение» от Эльбы до Волги. Крестьянские свободы оказались выхолащенными. Крепостные крестьяне, которые до той поры имели право раз в году — в Юрьев день — менять хозяев (если только

они не имели задолженности перед предыдущими землевладельцами*, потеряли эту возможность. Указ Ивана IV (1581) запретил крестьянам менять хозяев. Одновременно усилились барщина и разного рода оброки.

Разумеется, у крестьян осталась возможность, которой, впрочем, они широко пользовались, *убежать в Сибирь или уйти на Юг*, даже присоединиться к казакам, населявшим пограничные районы страны. Московия лишилась таким образом половины своих крестьян, почувствовавших вкус свободы. Но как только государство утвердилось (прямо или косвенно) в этих удаленных от центра регионах, их свобода оказалась под угрозой. Так протекала вечная история русских свобод, которые то обретались, то утрачивались. Ведь за землевладельцем оставалось право вернуть беглеца, что еще раз было подтверждено Судебником 1649 г.

Следствием такого положения вещей стали ужасные массовые бунты: в 1669 г. 200 тыс. мятежников, среди которых были казаки, крестьяне, азиаты, захватили Астрахань, Саратов, Самару, овладев, по сути, всем нижневолжским бассейном, жестоко расправляясь при этом с землевладельцами и зажиточными горожанами. Их атаман Степка Разин был взят в плен только в 1671 г., подвергнут пыткам и казнен на Красной площади в Москве. Спустя столетие в том же регионе произошло Пугачевское восстание (*Пугачевщина*), оказавшееся успешным в начальный период: к восставшим присоединились донские и уральские казаки, банкиры, киргизы, крепостные крестьяне, находившиеся в кабальной зависимости рабочие Урала. Восставшие дошли до Нижнего Повгорода, по дороге вещая землевладельцев и обещая крестьянам землю и свободу. Пала Казань, но мятежники так и не продолжили путь на Москву. Пугачев был пленен и казнен в 1775 г. *После ЭТОГО* все, как казалось, вернулось на свои места.

Эти события хорошо известны. Советская историография уделяла им большое внимание и была права. Чем дальше, тем хуже становилось положение крестьян. Одновременно со «вторичным крепостничеством» закрепилась вторичная (полая) аристократия. Боярин времен Ивана Грозного уже не был боярином времен Киевской Руси, который походил на западного сеньора, полноправного владельца своих земель. Ивану практически удалось уничтожить независимое дворянство: его представителей он казил тысячами, конфискуя их земли и передавая их во владение своим слугам — *опричникам*. Эти последние представляли собой слой служилого дворянства, которое удерживало за собой земли, и сохраняло свои поместья только пожизненно.

В этих условиях реформа Петра Великого была реакционной, поскольку закон о майорате* от 1714 г. признавал за служивыми дворянами и их наследниками право на вечное владение тем, что они имели. Так возникла вторичная аристократия с закрепленными за ней привилегиями и рангами. Фаворит Петра **Меншиков** получил, например, 100 тыс. крепостных... Так возникла противоречивая двойственность России: современность перед лицом Европы и реакционное Средневековье внутри страны.

Отсюда и своеобразный пакт между царизмом и окружающим царя дворянством, которое опасалось еладыки и подчинялось всем его капризам. Это отразилось на положении крестьянства, оказавшегося в тисках неразрешимых трудностей. Даже массовое освобождение крестьян в 1858, 1861 и 1864 гг. не привело к исчезновению этих трудностей. Наполовину сохранились коллективные ограничения мира, общины. Земли, отобранные у землевладельцев, пужно было выкупать. Более того, часть земель осталась за прежними владельцами. Вопрос был окончательно решен, и то на время, только в 1917 г. в результате самого крупного в истории России крестьянского восстания: именно недовольство крестьян было наиболее эффективной и глубокой **причиной** Революции. Когда мы говорим о временном решении крестьянского вопроса, то делаем это потому, что вскоре наступил период коллективизации. В России крестьянин так и не получил долговременного статуса полноценного землевладельца.

Взрывоопасное положение в деревне стало источником революционного напряжения, характерного для русской истории. Именно оно объясняет немедленный отклик Революции 1789 г. в России: события комментировались всеми газетами не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и сибирского Тобольска. За революционными событиями во Франции с самого начала внимательно следили в дворянских либеральных кругах, в кругах торговой буржуазии, среди интеллигенции, в том числе разночинцев. Этот вопрос нашел отражение в небольшой книге М. Штранге *Французская революция и русское общество*, вышедшей в переводе с французского в Москве в 1960 г. Декларация прав человека, бунты во Франции, Большой террор «имели непосредственное отношение к наиболее важным вопросам самодержавия и крепостничества»; они являлись отражением тех переживаний, которые в России можно было прочесть «на губах каждого крестьянина» согласно выражению современника тех событий.

* От лат. *maior* — старший. Форма наследования недвижимости при которой она переходила к старшему из наследников. — *Примеч. ред.*

Впоследствии к вечному крестьянскому вопросу прибавились проблемы, связанные с индустриализацией страны, начавшейся в середине XIX в. Это был период, когда в царствование Николая I (1825—1855) утвердилось великая русская литература, связанная с именами Пушкин (1799-1837), Лермонтова (1814-1841), Гоголя (1809-1852), Тургенев (1818—1883), Достоевского (1821—1881), Толстого (1828-1910)... Именно тогда и произошло осознание Россией своей сущности.

Возникли и получили широкое распространение новые формы волюнтаристской борьбы, революционной пропаганды: от ограниченного по масштабам движения декабристов (1825) до расстрела перед Зимним дворцом в 1905 г., от nihilистов 60-х годов до образования в Минске в 1898 г. РСДРП, ставшей первой марксистской партией в стране; от славянофилов (зачастую это были революционеры шовинистского толка) до убежденных западников. Интеллигенция, молодежь, студенчество, а также политические эмигранты держали в руках факел грядущей революции. Вся русская история вела к тому, чтобы зажглось это революционное пламя.

Глава 2. СССР с 1917 года до наших дней

Революция 1917 г. уже была рассмотрена в первой части данной книги: от ее предпосылок до последствий (политических, экономических и социальных). В настоящей главе нам предстоит остановиться на проблемах, имеющих отношение к советской цивилизации, а именно:

- 1) как марксизм встретил, а затем направлял русскую Революцию;
- 2) как марксизм сохраняет свое влияние в советской действительности (влияние в человеческом смысле, а не влияние в планах и цифрах, что имеет, конечно же, большую значимость);
- 3) можно ли понять настоящее и будущее советской цивилизации, исходя из противоречий и потрясений, связанных с историей марксизма в *России*

От Карла Маркса до Ленина

Учение Маркса довольно быстро проникло в умы русской интеллигенции и русских революционеров, внимательно следящих за всем, что происходило на Западе, и находившихся в оппозиции к славянофилам. Так, марксизм очень скоро нашел первых последователей в Санкт-Петербургском университете среди экономистов и историков (как говорят, Московский университет был в этом плане более консервативным).

- Марксизм являет собой плод сотрудничества Карла Маркса (в первую очередь) (1818—1883) и Фридриха Энгельса (во вторую очередь) (1820—1895); Энгельс сорок лет работал вместе с Марксом и пережил его на 12 лет.

Это важнейшее учение есть кардинальный поворот в мировоззрении, действиях и революционном объяснении действительности, характерных для периода XIX—XX вв. Оно является важнейшим в той мере, в какой связывает революцию с современным капиталистическим, промышленно развитым обществом, из которого революция проистекает естественно и неизбежно. Это учение является важнейшим еще и потому, что предлагает комплексную концепцию мирового развития, тесно увязывающую его социальное объяснение с экономическим.

Марксистская *диалектика* (под диалектикой здесь понимается поиск истины через противоречия) вдохновлена Гегелем, хотя и проти-

стоит его философии. По Гегелю, дух господствует над материальным миром, а человек — это прежде всего его сознание. По Марксу, напротив, материальный мир господствует над духом. Маркс писал, что система Гегеля стояла на голове, а они поставили ее с головы на ноги. Но марксистская диалектика вобрала в себя понятие *времени*, этапы, последовательные опыты диалектики Гегеля: 1 — утверждение; 2 — отрицание; 3 — отрицание отрицания, т.е. утверждение истины в становлении, истины, которая учитывает одновременно оба первых этапа и примиряет их между собой.

Этот способ размышления всегда присутствует на заднем плане марксистской аргументации. Как говорил русский революционер Герцен, «диалектика — это алгебра революции». Язык Маркса — это искусство выделения, уточнения противоречий после их *научного* определения, а затем искусство их преодоления. Марксизм определяется как *материалистическая диалектика*: хотя сам Маркс никогда не пользовался этим определением, в нем многое верно. Ленин заметил, что Маркс в большей степени настаивал на диалектике, чем на материализме. Следуя Ленину, то же замечание можно сделать и относительно *исторического материализма* (это не очень удачное выражение принадлежит Энгельсу): Маркс в большей степени настаивал на истории, чем на материализме. Он черпал диалектические аргументы своей революционной доктрины в историческом анализе общества, что относится к одному из крупных открытий учения.

По его мнению, западное общество середины XIX в. представляло собой основополагающее противоречие, диалектический анализ которого и является основой марксизма. Попробуем кратко резюмировать этот анализ. Труд есть средство освобождения человека от природы, есть средство властвования над ней. В процессе труда человек осознает себя: будучи работником среди других работников, становится частичкой общества. В обществе, которое есть труд и освобождение, имеется одновременно «натурализм человека» и «гуманизм природы». «Общество представляет собой единственность человека с природой». Таково утверждение относительно ценности и смысла человеческого труда.

Затем следует отрицание: парадоксальным является то, что в современном Марксу обществе труд не освобождает человека, а наоборот, порабощает его. Человек отчужден от собственности на средства производства (на землю или завод), ему не принадлежит прибыль от производства. Он вынужден *продавать* свой труд, *отчуждать* его в пользу другого. Современное общество превратило труд в средство закрепощения.

Каким же будет отрицание отрицания, каков выход из этого противоречия? Капиталистическое общество, продуцирующее *отчуждение*, дойдя в своем развитии на стадии индустриализации до массового труда и массового производства, создает все более широкий класс осознающих свое положение поработанных людей, т.е. *пролетариат*. Этот последний автоматически обостряет классовую борьбу, войну классов и ставит на повестку дня вопрос о *скорой* революции.

Поскольку промышленный капитализм является последней стадией длительного процесса исторического развития, в ходе которого человеческое общество последовательно прошло стадии *рабовладельческого общества*, *феодализма*, затем *капитализма* (вначале торгового, а потом промышленного), то, следовательно, общество XIX в. оказалось на стадии индустриализации и одновременно на стадии революции, стадии ликвидации частной собственности; общество будущего должно стать обществом коммунистическим.

Вместе с тем не предполагалось, что коммунизм придет сразу же на смену капиталистическому обществу (известно, что Маркс, хотя и был знаком, по меньшей мере с 1846 г., со словом «капиталист», еще не использовал столь удобное слово, как *капитализм*). Как говорил сам Маркс (1875), должна «наступить низшая фаза коммунизма», определяющая то новое общество, которое придет на смену старому. Нынешняя терминология обозначает эту фазу как *социализм*, где «каждый получает по труду». Высшая фаза развития обозначается как *коммунизм*, по своей сути напоминающий землю обетованную. И только тогда общество сможет написать на своих знаменах: «от каждого по способностям (на стадии производства) и каждому по потребностям (на стадии потребления)». Из сказанного вытекает, что диалектика Маркса оптимистична, она «идет по восходящей», как заметил Жорж Гурвич.

- Однако ученик Маркса мало показаться русским революционерам разочаровывающим, так как Маркс констатировал на тот момент теоретическую невозможность революции в России (хотя следует отметить его колебания в этом вопросе в 1880 г., когда он узнал о ведущейся в России революционной работе).

Считалось, что пролетариат в России еще не достиг зрелости, что понадобятся годы для его окончательного формирования, для проявления последствий развития капиталистических производительных сил. Только тогда возможно наступление «эпохи социальной революции». Во времена Маркса все эти условия еще не были созданы.

Эти предположения были обусловлены тем, что Маркс и Энгельс думали, спорили, действовали исходя из специфических условий Англии, которая уже на момент выхода в свет первого тома *Капитала* (1867) достигла высокого уровня промышленного развития, а если говорить точнее, достигла высокого уровня трудностей, вызванных жизнью промышленной революцией, не имея при этом **возможностей** их преодолеть. Они основывали свои размышления также на **примере** Франции и Германии (на тот период Германия отставала от **Франции**).¹ Короче говоря, они анализировали ситуацию, далекую от той, которая складывалась в то время в царской России.

Вот почему трудно было представить — исходя из этих теоретических принципов — возможность социальной революции в **России** конца XIX в., которая в ту пору находилась на ранней стадии индустриализации и в которой крестьянство все еще составляло 80% населения, а рабочие — 5%.

Ленин прекрасно понимал эту ситуацию во время выхода в свет его работы *Развитие капитализма в России* (1899) и позднее — сразу же после окончания Революции 1905 г. Конечно, он был верным учеником Маркса, работами которого восхищался и учением которого умело пользовался. В его трудах трудно найти какую-либо идею, которая бы до него уже не была бы изложена Марксом. Однако даже если исходить из того, что его гений наиболее полно проявился в разработке учения о революционном действии, его оригинальность в теоретическом плане все равно представляется гораздо более значительной, чем обычно полагают.

Будучи по происхождению дворянином (даже в его речи проскальзывал акцент, свойственный русским аристократам), он не являлся в прямом смысле «представителем русского народа» со свойственной последнему простотой и «практичностью». Равным образом, его ум не был озабочен исключительно проблемой конкретного действия. Его анализ был конкретен, оригинален и достаточно критичен, что позволило ему «вычистить авгиевы конюшни Второго Интернационала». Прежде чем начать действовать, он продумывал необходимые шаги заранее, доказывая свою прозорливость. В дальнейшем он вступил в противоречия с Марксом, причем по тем проблемам, где эти противоречия были *apriori* неизбежны, прежде всего в вопросе о революции, которую он рассматривал с учетом реалий России; для него революционный процесс определялся отношениями между «пролетариатом» и «революционной партией».

Скажем просто: Ленин постоянно отдавал пальму первенства политике, а не социальным или экономическим проблемам, он отдавал предпочтение «партии», а не пролетарским массам.

По Марксу, революция есть результат естественных социальных взрывов, происходящих в определенное время под воздействием индустриализации и борьбы классов. Пролетариат, которого вследствие индустриализации становится все больше в городах, является революционным по своей природе. К нему примыкают некоторые круги буржуазии, в среде которой формируются новые идеологии и которая также имеет революционное призвание. В некоторых случаях пролетариат может пользоваться поддержкой этой либерально-демократической буржуазии. Но надо заметить, что Маркс и Энгельс приняли эту стратегию не без колебаний. После событий 1848 г. они относились с недоверием (и тому были причины) к французскому крестьянству, этому **лже-пролетариату**, привязанному к своему клочку земли.

Дискуссия относительно форм революционного действия после смерти Маркса (1883) продолжилась. Немка Роза Люксембург (1871–1919) следовала заветам Маркса: с ее точки зрения, доверять можно только пролетариату; он должен оставаться единственной движущей силой революции; все другие классы ему враждебны, а следовательно, и создание «партии» должно быть делом пролетариата; партия должна контролироваться изнутри, прежде всего со стороны массы ее рядовых членов; такой контроль есть единственное средство воспрепятствовать бюрократизации партии.

Мысль Ленина пошла в другом направлении: вместе с другими реформистами он подверг сомнению («в эпоху империализма») мысль о естественности, спонтанности революционного характера пролетариата (впрочем, он всегда ненавидел «спонтанность»). По его мнению, пришло время сделать акцент на создании партии, обратить внимание на поиски пролетариатом союзников среди других угнетенных слоев населения. В 1902 г. в своей работе *Что делать?* он писал, что без *централизованной* партии профессиональных революционеров пролетариат пойдет не по революционному, но по реформистскому пути, по пути некоего тред-юнионизма, подчинится утопии рабочей аристократии. Разве не было тому свидетельство? В тогдашней Англии формирующаяся лейбористская партия выступила против осторожного консерватизма тред-юнионов, а во Франции, что бы там ни утверждали, профсоюзное движение (синдикализм) мешало развитию социализма. Помимо этого, выступая против Розы Люксембург и некоторых других деятелей, Ленин утверждал, что эра национальных войн не закончена, что необходимо искать союза с либеральной буржуазией. Борясь с идеями Розы Люксембург, он поддержал программу аграрных преобразований, отказался рассматривать крестьянство как **реакционный** фактор. Судя по всему, в этом решающем вопросе он **нахо-**

дился под влиянием русских социалистов-революционеров (эсеров) подобно им, он видел в угнетенном крестьянстве главную движущую силу революции и предполагал использовать его огромный взрывной потенциал. Как известно, именно крестьянство обеспечило победу 1917 г., из чего следует, что Ленин был прав, хотя бы в том, что касалось России.

Мы не можем себе позволить входить в детали этих дискуссий определения идеологических позиций; некоторые из них сыграли свою роль в эволюции СССР после 1917 г. Достаточно показать, как менялись взгляды от первичного марксизма до ленинизма. **Ленинизм** — это идейно переработанный марксизм («переинтерпретированный», как сказали бы антропологи); это марксизм, адаптированный к конкретным условиям недостаточно промышленно развитой России с ее преимущественно сельским населением, к условиям царской России начала XX в. «Численность пролетариата была слишком незначительной, его роль в экономической, социальной и политической жизни была явно недостаточной, чтобы своими собственными силами он смог вызвать к жизни революцию, которая бы сразу противопоставила его всему остальному обществу» (Люсьен Гольдман).

- Российская социал-демократическая партия, впоследствии Коммунистическая, была основана в 1898 г. усилиями второго поколения русских марксистов (Ленин, Мартов, Дан) при согласии первого поколения (Георгий Плеханов, Павел Аксельрод, Вера Засулич, Лев Дейч), которые создали за границей группу «Освобождения труда».

На втором съезде РСДРП в Лондоне (1903) произошел раскол на большевиков, имевших преимущество всего в один голос, и меньшевиков, в их числе Плеханов. В чем причины раскола? Он был вызван первой статьёй партийного устава, в которую Ленин внес положения, известные под именем «демократического централизма». Эти положения предусматривали следующее: 1) руководящую роль профессиональных революционеров (т.е. специалистов); 2) строгую (железную) партийную дисциплину; 3) расширенные и диктаторские права *Центрального Комитета*, которому должны были подчиняться низовые организации; 4) при необходимости передачу всех полномочий узкому партийному бюро. Все ясно, не так ли? Партия становилась самостоятельной военной машиной, что послужило причиной критических выступлений со стороны меньшевиков, которые заявляли об установлении диктатуры, о забвении демократических принципов партийного строительства. Кстати, Троцкий уже тогда предвидел, что ленинская

концепция приведет к установлению диктатуры одного человека, а именно руководителя Центрального Комитета партии.

Вместе с тем очевидно, и тому имеются доказательства, что этот тактический ход был предопределен особыми условиями России, особенностями ее социального и промышленного развития. В 1905 г. Ленин в категорической форме выступил против некоторых, впрочем немногочисленных, социалистов, которые считали возможной «социалистическую революцию (т.е. пролетарскую революцию), как если бы производительные силы страны были уже достаточно развиты для осуществления такой революции». Еще более показательна полемика 1917 г. накануне взятия власти революционерами, между Лениным и основателем русской школы марксистов Георгием Плехановым. Ленин отводил от себя обвинения в желании завладеть властью; если бы он это и сделал, *то* только в надежде получить поддержку в виде социалистической революции в одной из развитых капиталистических стран (огнемим, что от этой мечты русская революция вскоре вынуждена была отказаться, и решать свои проблемы собственными силами). Плеханов, приводя базовые марксистские аргументы (слабость рабочего пролетариата, недостаточное развитие капитализма, подавляющее большинство крестьянского населения), предупреждал Ленина, что в случае захвата власти он будет вынужден, даже против своей воли, прибегнуть к диктатуре, к террористическим методам правления. Ленин отвечал, что говорить так — значит оскорблять его. И тем не менее он захватил власть и начал аграрную революцию, что через тридцать лет повторил Мао Цзэдун.

Все эти проблемы не переставали его волновать и после Революции. Когда во времена нэпа в 1921 г. он сделал шаг назад, то его заявления оказались созвучны идеям старой дискуссии. Он признал, что тогда была допущена ошибка, что тогда действовали так, как будто можно было построить социализм в стране, где капитализм практически еще не существовал. Он пришел к выводу до того, как строить социалистическое общество, нужно реконструировать капитализм. Однако нэп ненадолго пережил Ленина. Начиная с 1928—1929 гг. Сталин принялся за индустриализацию, используя имевшиеся в его распоряжении средства и невзирая на трудности, что в итоге привело страну к грандиозным успехам.

Но вернемся назад, в 1883 г. (год смерти Маркса), чтобы проиллюстрировать все эти объяснения. Георгий Плеханов, рассматривая гипотетический случай (если вдруг революционерам «случайно» или «в результате заговора» удастся захватить власть), писал, что «в этом случае им удалось бы создать только социализм империи инков», т.е.

социализм авторитарного толка. Плеханов повторил слова Маркса, который, рассматривая схожую вероятность, говорил о «монастырском социализме*», о «казарменном социализме».

Мы не собираемся использовать (как это часто делается) все эти идеи и споры, чтобы *вынести обвинение* тому, как разворачивались события 1917 г., от имени «чистого марксизма*», который история будто бы исказила в процессе развития. Что необходимо подчеркнуть, так это то, что социалистическая революция началась в наименее промышленно развитой стране тогдашней Европы. Естественно, что в этих условиях было *невозможно*, чтобы революция разворачивалась в полном соответствии с марксистской схемой взятия власти *пролетариатом*. Власть была захвачена *Коммунистической партией* (название, которое впоследствии было дано РСДРП), насчитывавшей максимум 100 тыс. человек, что ничтожно мало для такой огромной страны, как Россия. Это прекрасно организованное меньшинство воспользовалось бегством с фронта 10–12 млн крестьян, которые возвращались в свои деревни и начинали захватывать земли аристократов, богатых буржуа, церковные и монастырские земли, земли короны и государственные земли...

Ленину приписывают следующее шутиливое замечание: «Если царизм смог продержаться у власти в течение многих веков благодаря поддержке 130 000 аристократов и феодальных землевладельцев, осуществлявших функции полиции каждый в своем районе, то почему бы и нам не удержаться у власти несколько десятков лет, опираясь на партию, состоящую из 130 000 преданных ее членов?» Говорят также, что он любил цитировать известное выражение Наполеона: «Ввяжемся в бой, а там посмотрим».

«Удержаться у власти несколько десятков лет» до того, как Россия сумеет достичь требуемого уровня промышленного развития, — такой в течение долгого времени была ключевая проблема страны. Этой же цели служила и суровая диктатура, которая была не «диктатурой пролетариата», но диктатурой коммунистических руководителей, которые установили ее от имени зарождающегося пролетариата. «В эпоху Сталина эта диктатура партийных руководителей превратилась в диктатуру одного человека». Эти полные драматизма мрачные голы русской действительности заставляют вернуться к примеру Комитета Общественного спасения во Франции в 1793—1794 гг.: представим себе, что этот Комитет бы не исчез, а продолжил свое существование. Причину того, что в России этот режим установился надолго, следует искать в железной дисциплине единственной партии, которая, в отличие от Франции, не позволяла

сколько-нибудь продолжительного существования внутри себя какой бы то ни было «фракции».

Марксизм и советская цивилизация сегодня

Вот уже сорок пять лет, т.е. почти половину столетия, в СССР установлен режим политической диктатуры, где отсутствует свобода слова, прессы, высказывания независимого мнения, организации общественных союзов, забастовки, где существует **одна-едиственная** дисциплинированная и «монотипная» политическая партия, противоречия в которой проявляются только на уровне драматического столкновения личностей. Всего несколько лет тому назад, после смерти Сталина в 1953 г., произошла либерализация режима (назовем ее гуманизацией, поскольку слово «либерализация» звучит уничижительно для коммунистов), но процесс этот идет медленно, ограниченно, хотя, как кажется, необратимо. Не означает ли «десталинизация» режима того, что драматические времена Комитета Общественного спасения капуты в лугу? Разумеется, СССР пока не преодолел своих внутренних трудностей, но отныне он вошел в семью крупных индустриальных держав мира, в семью привилегированных народов — это место он завоевал потом и кровью. Одновременно, хотела она того или нет, но страна создала новые структуры, необходимые для массовой цивилизации. Отныне в первый раз за свою историю СССР получил свободу выбора *своей* революции, *своего* пути внутреннего развития. Что касается внешнего пути, то здесь дальнейшее развитие страны обусловлено ее значением в мировой политике, ее ролью лидера социалистических государств.

- Марксизм претерпел эволюцию. Пятьдесят лет усилий и войн на всех фронтах не прошли бесследно. Так можно ли удивляться тому, что за истекшие годы **марксизм-ленинизм** во многом изменился, хотя и сохранил прежнюю риторику? Было бы удивительно, если бы этих изменений не произошло.

Если официальная пропаганда все еще держится за привычную терминологию: борьба классов, *практика*, рабство, феодализм, капитализм, относительное обнищание, диалектический материализм, материальная база, построение бесклассового и счастливого общества, то это вовсе не означает, что идеология, как это всегда случается со всеми идеологиями и всеми религиями, не претерпела эволюции, вызвавшей *эволюцией самой жизни*. Такой ход вещей в полной мере соответствует

взглядам русской *интеллигенции* начала XX в., взглядам, которые впоследствии усвоили и революционеры: согласно им идея только тогда имеет ценность, когда она проверена жизнью, *практикой*. Будущей системой тесно взаимосвязанных идей, марксизм только тогда приобретает свою ценность, свое значение, когда окажется проверенным жизненным опытом миллионов людей. Он как бы «актуализировался» в их свершениях и одновременно видоизменился под их воздействием. Впрочем, для последователей марксизма он является «концепцией мироздания, которая сама себя опережает». В том же духе высказываются и те наблюдатели, которые благосклонно к нему относятся: «коммунизм XX в. трансформировался подобно тому, как трансформировалось христианство в период I - IV вв.».

Подобно казуисту, можно перечислить изменения, *ереси, даже порождения вероломства по отношению к своим прежним догмам, которые* испытал живой марксизм за истекшие годы. Каталог всех этих изменений не был бы лишен интереса, но при одном условии: не замалчивать никаких, пусть даже незначительных, деталей. Подобный каталог только тогда имеет смысл, когда он соотнесен с общим опытом человечества. В этом плане советский опыт не является ни самым важным, ни самым ясным.

Что касается человеческой истории, то пятьдесят лет чередования революций и испытаний остаются недостаточным хронологическим пространством, чтобы можно было сделать окончательные выводы о произошедшей *идеологической, социальной и культурной эволюции общества*, последовавшей за столь резкой ломкой общественных структур. Нужно отделить то, что в данном опыте является неприемлемым (прежде всего в годы переходного периода — до и даже после 1930 г.), от того, что оказалось и останется эффективным. Только тогда можно установить окончательные отношения между насильственно привитой идеологией и обществом, ставшим объектом опыта, который оно не выбирало и которого *до конца так и не понимает*. Так, например, *явилось ли предсказанное еще Лениным восстановление широкой сетки заработной платы случайностью, волей всемогущего Сталина, выражение социальной необходимости или фактором неизбежного экономического процесса?* Таким образом была установлена социальная иерархия в обществе, появились очевидные привилегии. Один из советских ученых шутил: «Мы — это советская буржуазия...» Но эта иерархия сможет только тогда восстановить социальные классы, когда эти привилегии, сегодня связанные с исполнением должностных функций, будут автоматически передаваться от отца к сыну в виде разного рода преимуществ в части образования, денег, долж-

ностей. Эта тенденция является естественной для любого общества, где сохраняется семейная жизнь; коммунизм не затронул ее основ, а Сталин даже укрепил.

Другая важная проблема — попытки реорганизации сельскохозяйственного производства на коллективной основе не дают никаких результатов, что вызвано, судя по всему, сопротивлением крестьян, с которыми еще недавно Сталин столь жестоко обращался. По создается впечатление, что крестьянская **проблема**, опосредованно опущаемая в современной русской литературе, является лишь нормальной, естественной реакцией «традиционной» культуры, которая была вырвана из привычных вековых рамок в процессе быстрой модернизации национальной экономики. Похоже, что аналогичная проблема возникает во всех странах, которые выбрали путь быстрого промышленного развития, какими бы ни были приняты при этом решения.

Еще одна проблема: было ли сказано последнее слово — если вообще в этом вопросе может быть последнее слово — в диалоге между советской идеологией и православной церковью? Перед лицом «религиозной недоброжелательности» правящий режим выбрал путь воинствующего материализма, шокового рационализма, т.е. не отрицания Бога, а велеречивого утверждения человека. Но разве война не способствовала росту неспособей православной веры? Она привела к компромиссу между церковью и Сталиным. Разве Сталин не восстановил Московскую патриархию, которую ликвидировал Петр Первый? Седьмого ноября 1951 г. он напомнил в своей речи о князе Александре Невском, которого церковь причислила к лику святых. Конечно, верующие, посещающие церковь, — это в основном пожилые люди. Однако интересно было бы узнать, каково истинное отношение большинства населения к церковным обрядам: крещению, свадьбам, похоронам? Декорации, которые государство возводит вокруг таких гражданских церемоний, как свадьбы, показывает, что необходимо заполнять пустоты, бороться с церковными обрядами.

Наконец, с появлением новых поколений не предается ли забвению драматичное прошлое, не происходит ли глубинного сворачивания изучения самого марксизма-ленинизма подобно картезианству на Западе, которое, сохраняя свое значение, постепенно уходит из западного сознания? Это все истины, которые и так понятны и потому не требуют постоянного обсуждения. На 220 миллионов советских людей приходится 9 миллионов членов партии. Марксизм-ленинизм — их достоиние, их лозунг, их язык повседневного общения. А что остальные?

- Тем не менее наиболее глубоко советское общество меняется под воздействием индустриализации и близкой перспективой ее окончательного завершения, что предполагает необходимость развития успехов, преодоления трудностей, исправления недостатков.

Безусловно, в человеческом плане за индустриализацию пришлось дорого заплатить. В 1917 г. Россия не предоставила новому режиму заготовок, поэтому Советский Союз вынужден был создавать их сам, что предопределило особенности сталинской диктатуры. Индустриализация выполнила здесь свою основную, «осуществленную в других странах капитализмом железного века» задачу. Тяготы сталинского режима нельзя полностью объяснить ни капризами человека, ослепленного властью, ни нуждами построения социализма, ни требованиями строительства коммунистического общества. Это также драма слабости, выбранный государством безжалостный способ быстрого, невзирая на человеческие жертвы, прохождения от аномального развития в отсталой аграрной стране. Та же драма начинает разворачиваться на наших глазах в Китае, когда СССР уже от нее освобождается.

Специалисты еще долго будут спорить о том, были ли выполнены поставленные перед индустриализацией задачи. Споры подогреваются еще и тем, что сами статистические данные подготавливают для них почву. Народы сравниваются между собой подобно детям, которые проверяют свой рост. Ежегодное промышленное производство в среднем росло в различных странах следующими темпами: во Франции между 1953 и 1959 гг. на 7,7%, в Германии — на 8,3%, в СССР — на 11,3%. Таковы данные официальной статистики. Между тем национальные статистические данные не поддаются прямому сравнению. Западные страны подсчитывают индексы промышленного развития иначе, чем это делают в СССР. Советский экономист С.Г. Струмилин показал, что официальный рост промышленного производства в 1956 г. в 22,9 раза превышал тот же показатель 1928 г., если его подсчитывать в валовом выражении, и в 14,7 раз, если его подсчитывать в чистом выражении. В этих условиях становится понятно, что противники СССР могут еще долго спорить об этих цифрах.

Но даже если предположить, что поставленные перед индустриализацией экономические цели не были достигнуты в полной мере, то все равно результаты падают. Процесс индустриализации развивается, невероятные успехи были достигнуты в Сибири и других регионах.

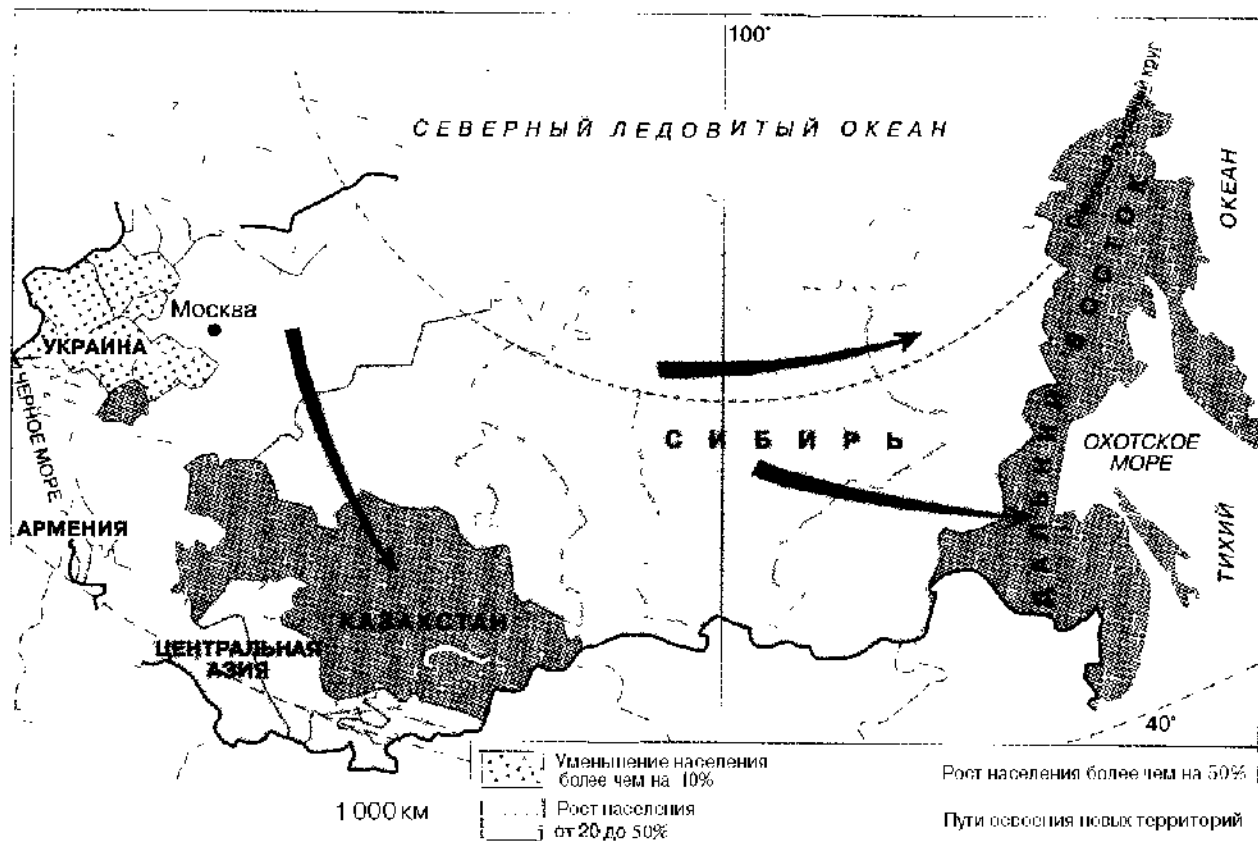
- Произошли огромные социальные сдвиги. Все слои советского общества подверглись влиянию развивающейся бешеными темпами индустриализации. В свою очередь, эти социальные преобразования повлияли на жизнь в СССР в целом. В настоящее время формируются новые общественные структуры.

1. Прежде всего следует отметить *приток крестьян в города*. СССР предложил традиционно консервативному, главным образом крестьянскому (к 1917 г.) населению страны американский темп развития (американский в смысле слова «бум»). Повсюду можно заметить это противоречие темпов промышленного развития с традиционной медлительностью, которая зачастую берет верх. В республиках Средней Азии эта смесь американизма и восточного пачала поражает еще более.

Цифры говорят о значимости перемен. В 1917 г. население страны состояло на 80% из крестьян, а рабочие составляли лишь 5% от общей численности населения. В 1962 г. доля крестьян упала до 52%, тогда как доля промышленных рабочих и инженерно-технических работников возросла до 35%. За этот же **отрезок** времени в 10 раз увеличилось число служащих, а численность интеллигенции выросла не менее чем в 100 раз. Результатом стало резкое увеличение числа городских жителей за счет деревенских.

Этот резкий приток в города только что завершился. За исключением Ленинграда, сохранившего свой изначальный облик, новые и старые города, включая даже **Москву**, пыле напоминающую Чикаго, приобретают некий крестьянский вид. Городской быт начинает походить на деревенский. «В России возникла новая раса», которая проникла повсюду, начиная от самых скромных должностей и кончая научными кадрами (в России это одна из вершин социальной лестницы). Одновременно с индустриализацией, проводимой невиданными до того темпами, Сталин проводил в деревне политику всеобщей коллективизации, что позволило высвободить большое количество рабочих рук, которые требовались в городе. На это ушло всего несколько лет.

В 1947 г. крестьян, приехавших в города, еще можно было узнать по их одежде, манере передвигаться, с криками бросаться занимать места в автобусе или трамвае. В 1956 г. все выглядело уже иначе. Крестьянин привыкал к городской жизни одновременно с улучшением общего уровня жизни, его внешний облик менялся. В 1958 г. уже нельзя было встретить мужчин или женщин, идущих по улицам босиком. В театр и в кинотеатры люди приходили в хорошей одежде, крестьяне утратили былую неловкость. Однако крестьянские корни можно заметить в тысячах деталей поведения. Но в Ленинграде по-прежнему все кажется

Освоение новых экономических территорий в СССР

более рафинированным, женщины смотрятся более элегантными, разговорный язык представляется более чистым. После войны город был прекрасно отреставрирован, он оставляет впечатление старого европейского города, бывшей столицы, открытой миру благодаря своему большому порту. Он так и не превратился в большую деревню. Создается впечатление, что, несмотря на промышленные пригороды, он остался чуть в стороне от того смещения крестьян и горожан, которое представляется прообразом России будущего. Но в то же время именно это необычное смещение придает Москве облик столичного города.

2. *Крестьяне пришли на заводы и в школы.*

Приток новой рабочей силы в города буквально затопил старых квалифицированных рабочих. Крестьяне пришли на заводы со свойственной им неловкостью и неумением работать с машинами. Очень быстро превратившись в промышленного рабочего, крестьянин демонстрировал поначалу низкую производительность труда. Именно для того, чтобы выправить положение, увеличивали количество рабочих рук.

Тот же приток крестьян или их детей наблюдался в школах и высших учебных заведениях. Если в 1917 г. Россия насчитывала не менее 75% неграмотного населения, то ныне безграмотность полностью исчезла. Это объясняет число библиотек, читальных залов, фантастические тиражи книг русских классиков (за исключением, пожалуй, Достоевского и Есенина, которых мало издавали до 1955 г.) и иностранных авторов, доходящие иногда до 10 млн экземпляров. Книжки печатают на посредственной бумаге, стоят они совсем недорого. Есть ли какие-либо другие причины такой популярности классиков? Быть может, не очень талантливы современные авторы и недостаточно выпускается развлекательного и легкого чтения? Одновременно с печатной продукцией большие усилия по образованию населения предпринимают радио, телевидение, предприятия звукозаписи.

«Эта культурная революция» (О. Розенфельд) уже сама по себе повлекла за собой подлинную социальную революцию, огромное желание раскрепоститься, получить образование, как можно быстрее подняться по социальной лестнице. «Презренный карьеризм», как сказали бы лишние снисходительности судьи. Мы же скажем *иначе* — скорее жадность к культуре, которая означает одновременно престиж и материальный успех. Что бы там ни было, по числу учащихся высших школ, студентов-заочников или вечерников постоянно растет. И здесь дети крестьян часто оказываются в первых рядах. Таким образом СССР готовит необходимые ему кадры инженеров, ученых, офицеров, учителей, черпая их в неисчерпаемом людском источнике. То же самое наблюдалось во Франции в эпоху школьной реформы Жюль

Ферри и в эпоху перехода к бесплатному школьному и высшему образованию. Но если у нас все это происходило медленно и в малом масштабе, то в Советской России это происходит крупномасштабно, большими темпами, зачастую прыжком, что, конечно же, вызывает некоторые сбои. Так, например, мы с удивлением узнали, что в период с 1947 по 1956 г. школьное образование в СССР было платным*.

3. Вместе с тем часто утверждают, что общий уровень образования понизился.

По сформулировав это замечание, сразу же об этом жалелось. Конечно, сегодняшний разговорный русский — это не рафинированный русский язык прошлого. Образование утилитарно, оно поставило на поток производство интеллигенции, в которой нуждается современная жизнь, а также специалистов — от инженера и учителя до университетского профессора. По замечанию одного из обычно снисходительных наблюдателей, школа готовит полу-интеллигентов.

Справедливо ли это? Может быть, эта полукультура большинства населения есть следствие создания новой страны, как нам часто подсказывают, а может быть, она попросту присуща возникающей массовой цивилизации... Кто знает? Во всех развитых в промышленном отношении странах мира, в Европе и Америке, образование по мере охвата все более широких слоев населения имеет тенденцию к специализации, что приводит к снижению уровня общей культуры. Вместе с тем нельзя утверждать, что интеллектуальная элита стала малочисленной. В наихудшем случае, она остается такой же. Вместо интеллектуальной элиты, существующей рядом с неграмотным большинством населения (что характерно для традиционных цивилизаций), современные цивилизации формируют рядом с той же элитой и небольшим числом неграмотных огромную массу людей, для которых образование представляется скорее орудием труда, чем средством интеллектуального совершенствования.

В любом случае, когда мы сравниваем представителей интеллектуальной элиты, то оказывается, что советская интеллигенция, советские ученые и профессора, если не учитывать их идеологических особенностей, ни в чем не уступают европейцам или американцам того же уровня. Все они наследники одной культуры. Для французского интеллектуала, например, приехать из французского университета в Москву для работы в одном из учреждений Академии наук — значит оказаться как бы у се-

* Платное образование в СССР существовало с 1940 по 1954 г и распространялось на старшие классы школы (8—10), средние специальные и высшие учебные заведения —
Питмен лед

бы дома, в привычной среде, где любая тема научного спора понятна, где на любую шутку всегда находится ответ. Согласно первому впечатлению, полная изолированность России в течение сорока лет, ее изоляция от Европы в этом плане не нанесли большого вреда. Это первое впечатление, но так ли это вообще? В начале XX в. Европа и Россия были погружены в одну цивилизацию. А что значит сорок лет для цивилизационных реалий? Несмотря на разрушение многочисленных социальных структур, СССР образца 1962 г. принадлежит все к той же цивилизации, что и Россия образца 1917 г., т.е. является частью нашей цивилизации.

4. Создается впечатление, что литература и искусство противоречат этому утверждению.

Если бы нам нужно было, как обычно, в поисках свидетельств о жизни интересующего нас общества, в данном случае советского, обратиться к порожденным этим самым обществом литературе и искусству, то мы бы заметили, что они не представляют ничего значительного. Но если взглянуть на это с другой стороны, то окажется, что все эти произведения, удивляющие своей весьма малой связью с реальностью и даже в этом доходящие до абсурда, предоставляют нам свидетельства о самих советских писателях и художниках и, более того, о советском обществе в целом, о повседневной жизни в стране. Эти произведения являют собой плод чрезвычайных обстоятельств.

Особый язык советского искусства и литературы нельзя найти в произведениях Маркса, Энгельса и даже Ленина; он появился на свет в период становления могущества Сталина, т.е. примерно в 1930 г. В ту пору нужно было критиковать тех интеллектуалов, кто не хотел смириться со сталинской железной дисциплиной, не хотел участвовать в мобилизации «литературного и художественного фронта» для выполнения пятилетнего плана. Первой жертвой стала Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), распущенная одновременно с другими организациями, объединявшими представителей музыки и искусства (1932). Их место заняла единая творческая организация, находившаяся под прямым партийным контролем.

Художников и писателей призвали стать «инженерами человеческих душ». В 1934 г. Секретарь ЦК Жданов определил для них догму, а именно «метод социалистического реализма». Речь шла о том, чтобы «правдиво» описывать «исторически конкретный характер» социалистической реальности, прежде всего производственные особенности, способствуя тем самым «идеологической трансформации и воспитанию трудящихся в духе социализма». Согласно словам Жданова, быть «тенденциозным» стало долгом писателей; их долгом стало также создание «воспитывающих» произведений, персонажи которых разде-

лялись на «положительных героев», настоящих коммунистов, и «отрицательных героев», к которым припадежали все остальные. Художественный и литературный авангард, который процветал в начале Революции и который в нынешней России продолжают называть «левым искусством», были тогда же подвергнут резкой критике, а его представители — преследованиям как «формалисты». Многие писатели и театральные деятели были арестованы, некоторые погибли. Большинство действительно талантливых писателей замолчали навсегда или на время. Шолохов, автор *Тихого Дона* (три первых тома которого были опубликованы между 1925 и 1933 гг., а четвертый увидел свет в 1940 г.), ничего не писал до самой смерти Сталина.

После войны, чтобы противостоять влиянию «прогнившего Запада», «ждановцы» еще больше усилили свое давление. Литература, театр, киноискусство оказались под строгим контролем. В 1948 г. великие композиторы Прокофьев, Шостакович, Хачатурян подверглись ожесточенным нападкам за недоступность понимания их музыки и чрезмерное использование диссонанса...

Короче говоря, во времена диктатуры Сталина художественная интеллигенция была приведена в порядок, как, впрочем, и все остальное население страны. Для творческого наследия этой эпохи характерны конформизм и посредственность.

Внесла ли смерть Сталина кардинальные изменения в творческую сферу? И да, и нет. Реакция на идеологические послабления была мгновенной, но эта оттепель, этот либеральный взрыв показались властям опасными. Разрядка притормозилась.

Конец 1953 г. и весь 1954 г. были отмечены обилием сатирических нисс, бичующих пороки советского общества. Статья молодого критика, опубликованная в журнале *Новый мир*, высмеивала традиционное разделение персонажей на положительных и отрицательных. Несмотря на последовавшие за этой публикацией санкции, критика культа личности, десталинизация стимулировали другие свободы. Возвращение сотен тысяч заключенных, уверенность в том, что насильственные методы искоренены, повлекли за собой настоящий интеллектуальный расцвет, смену интеллектуальной элиты (писатели, процветавшие при Сталине, вынуждены были замолчать, тогда как те, кто раньше подвергался гонениям, получили возможность говорить в полный голос), что не могло не вызвать беспокойства власть предержащих. В 1957 г. многие литераторы и художники были подвергнуты критике, от них потребовали отказа от «ревизионизма» в любой форме, а также от очернительства под предлогом борьбы с «приукрашиванием и лакировкой» советской действительности. Такая позиция есть выражение политики Хрущева.

Разоблачение сталинских методов очевидно. Отныне даже поверженных политических соперников не уничтожают, не подвергают насилию. Определенная либерализация произошла в культурной среде, в отношениях с заграницей. Но позволить пирокую критику режима в тот момент, когда разоблачение преступлений Сталина оказало глубокое воздействие на молодежь, которая до этого им восхищалась, означало поставить под угрозу существующий строй и одновременно поколебать позиции СССР как лидера социалистических стран, так и мировой державы. Реакция правительства была соответствующей.

Следила ли публика за этой борьбой? Простым зрителям нравились русские или зарубежные пьесы классического репертуара, фольклор, «чистый, стилизованный или адаптированный», а также классическая опера, которую недавние крестьяне только что для себя открыли. Отсюда успех оперных спектаклей, от *Фауста* до *Травиаты* и *Кармен*, Ансамбля песни и танца Советской Армии, балетов Чайковского, прежде всего *Лебединого озера*. Однако не нужно думать, что в области художественного творчества есть два уровня: широкая публика и интеллектуальная элита. Просто свобода творчества, которую требуют и желают писатели и художники, остается ключевой проблемой Советского Союза в настоящем и будущем.

5. *Расцвет математических и других естественных наук. Вышеназванные проблемы никак не затрагивают точные науки.* Они находятся в состоянии, близком к совершенному.

Тому есть тысячи причин. Наука всегда была сферой интеллектуальной деятельности, которую трудно контролировать. Занятия наукой чаще всего не имеют ничего общего с идейными или политическими дискуссиями, поэтому ученые имеют возможность их избегать. Кроме того, не забудем, что русские всегда были исключительными математиками. К тому же правительство не жалело денег на развитие точных наук, что позволяло их представителям целиком отдаваться любимому делу: совершенствовать мир и даже представлять себе новые, доселе неведомые миры. Наконец, планирование науки, определенный научный авторитаризм имеют и свои положительные стороны. В капиталистических странах научные исследования имеют тенденцию распыляться по различным отраслям промышленности, что делает их зависимыми от требований той или иной отрасли. В СССР наука концентрируется по определенным правительством направлениям. Промышленность от этого многое теряет, равно как и сфера потребления, но сама наука, организация исследований выигрывают. Сегодня научные исследования уже не являются делом одного ученого, пусть самого лучшего, но делом научной школы, группы ученых. Академия наук играет здесь большую роль.

Какое можно сделать из всего этого заключение? СССР находится на стадии преодоления **невиданных** трудностей, в материальной области его ожидают фантастические свершения. Впрочем, эти свершения уже на виду. По созданию новых структур еще не закончено. Этому мешают трагические воспоминания и значение советского опыта для всего мира. В тот момент, когда страна получила почти полную свободу выбора национального пути развития, ей приходится учитывать фактор влияния ее действий на международной сцене.

Платой за это служит определенное ограничение свободы, независимое от десталинизации. Она платит за это состоянием своих «суперструктур» в области искусства и литературы (без развития этой сферы ни одна цивилизация не может достичь полного расцвета, не может полностью себя выразить). Остается надеяться, что эти суперструктуры вдруг, внезапно расцветут сами по себе подобно яблоням на площади Большого театра, расцветающим под первыми лучами теплого весеннего солнца.

Октябрьский съезд КПСС (1961)

Драматический XXII съезд партии, состоявшийся в октябре 1961 г., в полной мере отражает нынешнюю ситуацию в СССР. Разумеется, мы не собираемся описывать здесь драматические столкновения на съезде, составлять список взаимных обвинений, анализировать накал страстей, напоминающий роман Достоевского *Братья Карамазовы*.

Для нас важна сама советская цивилизация, стоящая перед трудным выбором задач, которые предстоит решить как внутри, так и вне страны. От этого зависит будущее СССР. Каковы эти задачи? *Во-первых*, будущее нерусских наций, рас и цивилизаций, входящих в состав Советского Союза; *во-вторых*, материальное будущее (хотя является ли оно только материальным?) советской цивилизации в целом; *в-третьих*, судьба международного коммунизма, утрачивающего былую монолитность, становящегося «полицентрическим» и предпочитающего «национальные коммунизмы».

Что касается первой из вышеназванных проблем, то дело здесь вот в чем: СССР, как и следует из его названия, представляет собой федерацию республик, в принципе независимых государств, связанных между собой. Может ли их сосуществование улучшиться и привести к созданию единой мощной цивилизации?

Союз, созданный еще во времена царской империи, и до 1917 г. испытывал немалые трудности. Внутренние связи то разрывались, то восстанавливались, но проблема всегда оставалась, и наилучшего решения так и не было найдено. нынешняя автономия республик очевидна, но они не являются по настоящему независимыми, поскольку оборона, полиция, основные коммуникации находятся в ведении центра, представленного делегатами, включенными в ЦК каждой Республики. В республиках существуют свои националисты, свои шовинисты, которых периодически разоблачают. Происходят столкновения интересов. Грузия, например, была присоединена в Союзу в 1921 г., а сегодняшняя де-сталинизация прямо затрагивает самого известного грузина. Прибалтийские государства получили свободу в 1918 г., а затем вновь оказались в составе Союза в 1940 г., будучи повторно оккупированными в 1945 г. При царе они имели привилегии, которые при новой власти были отобраны. В Киргизии в 1949–1951 гг. разразился кризис, связанный с запретом национального эпоса. В Азербайджане в 1958 г. республиканский Верховный совет выразил желание сделать единственным государственным языком азербайджанский.

Местные интересы, культуры, языки, исторические традиции, верность или неидеям коммунизма, иммиграция в другие республики — все эти проблемы являются проблемами колониального типа. Например, в результате освоения целинных земель русских в Казахстане стало больше, чем казахов.

Перед лицом этих проблем возможна и очевидна единственная политическая линия: поддерживать, сохранять межреспубликанские связи, «гармонию» общего, делая разумные уступки национальным республикам (иногда, впрочем, эти уступки оказываются очень щедрыми, что несопоставимо с реальным вкладом национальных государственных образований в могущество СССР). Эта политика была выработана в ходе XX съезда КПСС (1956). Ее результатом стали уступки, рост автономии, возвращение к ленинской политике наций. С точки зрения западного наблюдателя, речь идет о классической проблеме колебаний между колонизацией и деколонизацией. Однако в случае СССР добавляется еще один драматический аспект: колонии и метрополия географически, физически граничат друг с другом. На повестке дня XXI съезда фигурировала ассимиляция, что само по себе говорит о многом. Возможна ли она, удастся ли Советскому Союзу сделать то, что не удалось Западу?

Секретарь Коммунистической партии Казахстана утверждал в 1959 г., что «ленинский тезис о слиянии наций, вызванном их под-
в самых различных областях, в настоящее

время уже напел свое подтверждение». Вероятно, что так и есть на самом деле: в прошлом имелись известные нам примеры успешной ассимиляции, становившейся возможной в результате проведения общей политики, осуществления взаимных уступок, понимания необходимости жить вместе. В данном случае к этим весомым аргументам прибавляются созданные за сорок лет коммунистического правления общие структуры, связывающие обе стороны. Тем не менее не будем забывать, что цивилизации цепко держатся за свою самобытность. Это доказывает простой, казалось бы, вопрос о национальных языках: очевидно, что республики в составе СССР не хотят отказываться от местных цивилизаций. Вопрос остается открытым. Можно даже задать следующий вопрос: не привели ли борьба с неграмотностью и создание общей системы образования к росту национального самосознания народов Средней Азии?

- Преуспевание или «буржуазная» цивилизация: двадцатилетний план развития, который должен привести СССР к благам коммунистического общества, не является проектом.

При определенных условиях, заявляют никогда между собой не согласные эксперты, у СССР есть возможность достичь благополучия. Этому способствует стремление народа к миру и материальному прогрессу: общественное мнение считает этот прогресс возможным, свидетельством чему широкое и полное энтузиазма подключение молодых поколений к активной созидательной деятельности. Подготавливается и наверняка произойдет решительный перелом, форма и название которого определятся позднее.

Советская жизнь в 1962 г. характеризуется быстрым маршем к последним этапам индустриальной революции. Хрущевская революция открыла двери к этому близкому будущему после принятия в 1958 г. семилетнего плана развития, где акцент делается на новые отрасли промышленности, определяющие некий тип «новейшего» потребления: электроника, электробытовые товары, ядерная энергетика, производство пластмасс, синтетическая химия, т.е. развитие производств, которые еще до того, как будет создан новый слой потребителей, требуют формирования «рабочего класса нового типа»: «белых воротничков», технологов, проектировщиков, отраслевых исследователей... Именно давление этих новых социальных сил делает необратимой демократизацию СССР в обозримой перспективе, как отмечает социолог, у которого мы заимствовали все эти детали.

Впрочем, необходимо, чтобы это стремление, это давление были подержаны другими живыми силами общества, которые только и могут преодолеть инерцию в партии да и в самом обществе. В этом случае будет вполне логично, если партия поставит себе в заслугу достижение материального процветания народа, которому пришлось выдержать такие тяжелые испытания.

Но в действительности, такое объяснение станет возможным только в том случае, если СССР удастся доказать, что за сорок лет жизни при социализме он стал другой страной, отличной от России 1917 г., существовавшей в рамках западной цивилизации; что СССР образца 1962 г. понимает достижение материального благополучия вне принятых «буржуазным» Западом норм. Короче говоря, если СССР удастся доказать, что, в отличие от Америки и Западной Европы, благополучие и процветание не являются для него наилучшим способом «разделить плоды» индустриальной революции.

В этом плане трудно предсказать что бы то ни было. Данных еще слишком мало, и окончательный выбор не сделан. Тем не менее вероятно, что СССР пойдет собственное решение, которое будет отличным от американского или европейского.

- **Международный коммунизм.** Здесь тоже еще ничего не решено, окончательный выбор еще не сделан.

Западные комментаторы результатов партийного съезда 1961 г. охотно говорят о завершении эпохи монолитности международного коммунистического движения: якобы СССР откажется от руководства этим движением и от жертв, которое оно требует, сконцентрировав свои усилия на собственном быстром развитии, готовя почву для того материального благополучия, которое обещает коммунизм. Иными словами, СССР будто бы согласится отныне с **бицентризмом** (СССР, Китай) и даже с **полицентризмом**, с «коммунизмом наций», где каждый следует своей судьбе и решает свои проблемы.

Как представляется, не следует быть столь категоричными: политика, даже внутри огромного коммунистического семейства, следует собственным правилам: сталкиваются интересы, возникают разногласия вплоть до взаимных угроз, происходит примирение, достигаются компромиссы, на которые способны не только англосаксонские нации. Недоверие СССР к Китаю возникло не сегодня: корни его можно найти в истории и конфликтах (в XIX в. Россия присоединилась к великим державам, которые осуществили раздел Китая). Но одновременно СССР не доверяет и США, свидетельство чему реалии

холодной войны. Хочет он того или нет, следуя тем же причинам, которые заставили США отказаться от изоляционизма, СССР не сможет изолировать себя в рамках преуспевания. Он вынужден разрабатывать свою внутреннюю политику в зависимости от внешних реалий мира.

Однако в мире вырисовывается классификация коммунистических партий, которые вращаются вокруг СССР, подобно планетам, вращающимся вокруг Солнца (ведь планеты не похожи одна на другую).

В отдалении находятся *национальные коммунистические партии*: одни действуют во враждебном окружении в преуспевающих западных странах — Италия, Франция, другие фактически превращены в маргинальные политические силы — англосаксонские страны, Западная Германия; третьи вынуждены действовать в условиях подполья в политически им враждебных и экономически слабых странах Запада — Испания, Португалия, Латинская Америка; четвертые работают в слаборазвитых странах, находясь под впечатлением советского или китайского опыта.

Правящие партии коммунистических стран могут находиться как вблизи, так и в отдалении от центра притяжения. Так называемые страны «защитной зоны» отделяют СССР от Запада — это ГДР, Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Болгария, в которых происходят огромные экономические и социальные перемены. За исключением Болгарии, все эти страны находятся на пути быстрой индустриализации. Причем ГДР и Чехословакия еще до того, как они присоединились к лагерю коммунизма, унаследовали разветвленную и хорошо организованную промышленную структуру. В стороне от «защитной зоны» сами по себе существуют албанский коммунизм и прогрессивный югославский социализм.

Все эти страны находятся в сложном положении; с одной стороны, у них нет возможности отдалиться от СССР; с другой — некоторые из структурных реформ, которые они предпринимают для будущего развития (аграрная реформа, например ликвидация огромных поместий в Польше или Венгрии, индустриализация), вряд ли были бы возможны без их вхождения в коммунистический лагерь. В каждой из этих стран, в зависимости от экономических связей и особенностей национальных цивилизаций, поддерживаются более или менее доверительные, более или менее свободные, более или менее плодотворные отношения с СССР и коммунистическим движением.

Наконец, в очень большом отдалении от центра притяжения находится *Коммунистический Китай* (самая крупная из развивающихся

стран современного мира), обуреваемый тордыней и занятый преодолением собственных трудностей. Из всех коммунистических партнеров СССР он наименее послушен и наиболее опасен.

Эта быстро начерченная карта соответствует не только политическому позиционированию этих стран; карта отражает также их экономические **позиции**. Экономическое положение в данном вопросе не является определяющим, но от этого не становится менее важным. СССР, который благодаря собственным усилиям оказался во главе коммунистического лагеря, рискует однажды познать одиночество победителя.

Постскриптум 1966г.

Советский Союз продолжает бороться с собственной судьбой. За истекший период во главе угла оказались политические события, прежде всего **советско-китайский конфликт**, в котором падение Никиты Хрущева (17 октября 1964 г.) было только одним из эпизодов.

Конфликт приобрел острую форму в период 1962–1964 гг. До 1962 г. критика Китая со стороны СССР была направлена против догматиков и албанцев; со стороны Китая раздавалась критика против югославов и «ревизионистов». В 1962 г. кубинский кризис усугубил разногласия. Первые китайские атаки сразу после кубинского кризиса были направлены против действий СССР в данной конкретной ситуации (тактический авантюризм, стратегическое капитулянтство). В 1963 г. в ходе партийных съездов (в Болгарии, Венгрии, Италии, Чехословакии) конфликт приобрел открытый характер. Желание СССР провести конгресс мирового коммунистического движения подверглось критике как маневр, направленный на то, чтобы сделать неизбежным раскол внутри этого движения.

1963 г. показал глубину разногласий, которые в действительности возникли сразу же после смерти Сталина. Единственная попытка примирения была сделана в первом квартале этого года, когда 9 марта Мао Цзэдун пригласил Хрущева в Пекин. СССР, в свою очередь, предложил китайской делегации приехать в Москву. Девятого мая Китай принял приглашение. Но уже 14 июня опубликовал 25 «**пунктов**», которые подытоживали позицию китайцев: они полагали, что опасения СССР по поводу того, *что войны за национальное освобождение и революции несут в себе угрозу мирового ядерного конфликта, лишены оснований*. Советский Союз не может оставаться лидером

мирового революционного движения, утверждали они, поскольку он неправильно оценивает расстановку сил в современном мире и исходит в своих оценках из стратегически неверного предположения, что США способны применить ядерное оружие. Иными словами, это было осуждение политики мирного сосуществования.

Советские власти выдворили за пределы страны группу китайцев, которые распространяли в Москве текст, содержащий 25 пунктов, и обвинили Китай в попытке настроить советских граждан против своего правительства. Китай же счел, что нежелание опубликовать документ доказывает, что СССР не рассматривает этот конфликт как идеологический и превращает его в межгосударственный.

Вот почему полный провал *советско-китайского совещания* в Москве (5—20 июля) не вызвал никакого удивления.

Китай выступает с разоблачением Московских соглашений между СССР, США и Англией о прекращении испытания ядерных вооружений, поскольку видит в них союз советского правительства с американским империализмом; советские власти, в свою очередь, отвечают, что Китай выступает против принципа мирного сосуществования, определенного еще Лениным. Тогда китайцы сообщают, что СССР в 1959 г. денонсировал секретное соглашение от 1957 г., где шла речь о развитии ядерных вооружений Китая (подразумевалась даже поставка ему атомного оружия). Со своей стороны, СССР выступил с разоблачением чрезмерных амбиций Китая, посоветовав ему сконцентрировать свои усилия на экономическом развитии страны, а также заявил, что желание Китая играть роль лидера революционных движений в Азии и Африке имеет расистскую подоплеку.

В 1964 г. полемика возобновилась вокруг двух основных тем советской контрипропаганды.

1) Вопрос о «территориальных амбициях» Китая по отношению к Советскому Союзу и Индии. Доказательство желания китайцев пересмотреть советско-китайские границы было найдено в интервью Мао, которое он дал японским парламентариям. Но на самом деле это доказательство скорее имеет отношение к национальной проблеме Туркестана.

2) Вопрос о китайском расизме был специально затронут в докладе Суслова (14 февраля 1964 г.) на заседании ЦК КПСС.

Последней советской попыткой воспрепятствовать испытанию китайцами своей атомной бомбы было заявление Зорина: китайцы, которые преследуют собственные цели, не имеющие отношения к целям коммунистического движения, не могут рассчитывать в случае конфликта на ядерную поддержку со стороны СССР. Кажется, что это

• заявление развязало руки американцам в Южном Вьетнаме после инцидентов в Тонкинском заливе.

Советско-китайский конфликт имел значительные последствия для Европы. Он способствовал ослаблению советского влияния на сателлитов (Польшу, Венгрию, Румынию, Болгарию, Чехословакию) и либерализации западных коммунистических партий (см. позицию Тольятти в *Memoriale di Jalta*).

Все эти внешние перетрубки не должны скрывать от нас политическую, социальную и экономическую эволюцию советского общества. Понемногу советские руководители начинают признавать значение экономических законов и стараются отводить им разумное место. В этом состоит смысл изменений в управлении предприятиями. Эти последние должны приспосабливаться к требованиям потребителей, а не только отвечать производственным показателям, зафиксированным в планах.

Что касается советско-американских отношений, то они по-прежнему вписываются в рамки мирного сосуществования, хотя сейчас временно «заморожены», во-первых, из-за американских бомбардировок Северного Вьетнама, а во-вторых, из-за критики Пекином позиций Москвы. СССР вынужден также уделять большее внимание своим отношениям со странами Западной Европы, во всяком случае с теми странами, с которыми отношения могут быть улучшены. Среди этих стран Франция, которая в силу исторических и политических причин занимает приоритетное положение в связях Советского Союза с Западной Европой. Успех поездки генерала де Голля в СССР в июне 1966 г. во многом объясняется новой расстановкой сил в мире.

Издательство «Весь Мир»

Вышли в свет

Бродель Ф.

Материальная цивилизация, экономика и капитализм, **XV–XVIII** вв. В 3-х томах

Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное

Т. 2. Игры обмена

Т. 3. Время мира

Второе, исправленное издание классического трехтомного труда знаменитого французского историка, одного из наиболее ярких представителей исторической школы «Анналов» Фернана Броделя, выходит в свет спустя 13 лет, после того как издательством «Прогресс» было завершено первое издание. Первое издание явилось значительным событием для отечественной исторической науки. Однако трехтомник сразу стал библиографической редкостью, тем более что отдельные тома выходили разными тиражами в течение нескольких лет (1986–1992). Новое издание выполнено по тексту «прогрессовского» перевода, осуществленного замечательным ученым Львом Евгеньевичем Куббелем, при этом текст перевода был тщательно вычитан.

Книги Издательства «Весь Мир» представлены во всех крупнейших магазинах. Их адреса вы найдете на сайте издательства www.vesmir-books.ru, где можно ознакомиться с каталогом и сделать заказ на книги.

Наш адрес: 101000, Москва, Колпачный пер., 9а,
тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68, факс: (495) 625-42-69.
Электронная почта orders@vesmirbooks.ru

Издательство «Весь Мир»

Вышли в свет

Хабермас Ю.

Расколотый Запад

Одна из последних книг крупнейшего философа современности Юргена Хабермаса (р. 1929) **продолжает** ряд его работ, посвященных анализу наиболее актуальных политических проблем современности

Центральными темами вошедших в книгу статей и интервью стали террористическая атака в США \ \ сентября 2001 г. и ее последствия, новый облик международного терроризма; война в Ираке, кризис ООН и международного права перед лицом «гегемониальной» политики США — как главной причины «раскола Запада»; проблемы дальнейшего объединения Европы и ее **место** на мировой политической арене; процессы глобализации и различные перспективы нового мирового порядка.

На русский язык книга переведена впервые. Суждения одного из самых видных европейских интеллектуалов, несомненно, будут интересны российским читателям.

Хабермас Ю.

Философский дискурс о модерне

2-е изд., испр.

Книга крупнейшего немецкого философа Юргена Хабермаса (р. 1929) **включает** двенадцать лекций, прочитанных им в ряде университетов Западной Европы и США. Впервые она вышла на немецком языке в 1985 г. и вызвала необычайно большой резонанс в кругах интеллектуальной элиты самых разных стран. Книга не утратила своей злободневности и относится к числу наиболее цитируемых работ при философском обсуждении сущности и своеобразия современности. Автору удалось связать восстием аргументы сторонников и противников философии и культуры постмодерна и показать реальное значение парадигмы «модерн-постмодерн» как ключевой для анализа ситуации в современном гуманитарном знании.

Для читателей, интересующихся проблемами и состоянием нынешней европейской философской мысли

Серия «Национальная история»

Вышла в свет

История Великобритании

Пер. с англ.

Оксфордская история Великобритании, написанная коллективом британских авторов во главе с выдающимся историком Кеннетом Морганом, относится к числу блестящих образцов современной историографии. В одном, хотя и объемном томе, заключена вся история страны и ее народа — от прихода римлян до начала XXI века. Масштабное исследование выполнено на самом высоком научном уровне, позволяющем рассеять множество мифов, среди которых такие устоявшиеся, как «анархия» середины XII столетия, хаос периода Войны роз, неизбежность пражданской войны XVII века, статичность викторианской Англии. Книга написана ясно и увлекательно, что делает ее доступной для самого широкого читателя. Вступительное слова написано Послом Великобритании в Российской Федерации Энтони Брентоном.

Готовятся к печати

Мейнандер Х.

**История Финляндии. Линии, структуры,
переломные моменты**

Пер. со швед.

Чиркович С.

История сербов

Пер. с серб.

Серия «Старый Свет — новые времена»

Книги, изданные совместно с Институтом Европы РАН

Готовится к печати

Северная Европа — регион нового развития

Под ред. Ю.С. Дерябина / ИЕ РАН

В монографии, подготовленной Институтом Европы РАН, рассматриваются особенности развития регионов Северной Европы в течение последних 15–20 лет. За этот период страны региона сумели вырваться в число лидеров по многим показателям: уровню развития экономики, конкурентоспособности, развитию инноваций, высоких технологий, науки и образования, охраны окружающей среды, уровню развития демократических институтов и т.д. Социально ориентированная североευропейская модель экономического развития является наиболее развитой на данный момент формой государства всеобщего благоденствия. При этом перспективы развития региона рассматриваются с учетом интересов национальной безопасности России.

Вышли в свет

Великобритания. Эпоха реформ

Под ред. Ал. А. Громыко / ИЕ РАН

Испания. Анфас и профиль

Под ред. В.Л. Берникова / ИЕ РАН

Франция. В поисках новых путей

Под ред. Ю. И. Рубинского / ИЕ РАН

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен

Под ред. А.А. Язьковой / ИЕ РАН

Громыко Ал. А.

Модернизация партийной системы Великобритании /

Серия «Тема»

Издательство «Весь Мир»

Вышли в свет

На перекрестке цивилизаций: История
Византии. История Османской империи /
Лемерль П., Китсикис Д.
Пер. с фр.

Обе работы, включенные в данное издание, посвящены региону, где происходило культурное и религиозное взаимодействие множества народов. В книге Поля Лемерля рассматриваются основные проблемы византийской истории. Автор показал оригинальные черты Восточной Римской империи, обеспечившие ее жизнестойкость, и проанализировал внешние и внутренние процессы, обусловившие ее упадок и крушение. **Димитрис Китсикис** представил далекий от традиционного взгляд на Османскую империю как на государство, ставшее своим не только для турок-мусульман, но и для населявших его христианских народов и являвшееся в эпоху своего расцвета важнейшей частью «Промежуточного региона» между Востоком и Западом.

Лимэн О.

Введение в классическую исламскую философию /
Серия «Тема»
Пер. с англ.

Исламская философия — уникальная и захватывающая форма философской мысли; особенно интересен ее классический период, характеризующийся греческим влиянием, когда для исследования вопросов и теоретических проблем, возникающих при толковании Корана и исламских обычаев, применялись многие идеи греческой философии. В пересмотренном и расширенном издании своей ставшей классической работы Оливер Лимэн рассматривает оптимальные черты классической исламской философии и дает подробное описание деятельности крупнейших мыслителей. В отличие от многочисленных исследований, в которых данная тема рассматривается как представляющая исторический интерес, Лимэн приводит анализ основных аргументов исламской философии, так что читатель может ознакомиться с ними и оценить их сильные или слабые стороны. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся философией, религиоведением и востоковедением.

Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель; Предисл. М. Эмара; Пер. Б 88 с фр. — М.: Издательство «Весь Мир», 2008. — 552 с. — (ТЕМА)

ISBN 978-5-7777-0403-0

Работа выдающегося историка Фернана Броделя, крупнейшего представителя французской исторической школы «Анналов», посвящена развитию цивилизаций Запада и Востока. На русском языке книга публикуется впервые. «Грамматика цивилизаций» была написана в 1963 г. и задумывалась автором как учебник для системы среднего образования во Франции. Однако для учебника она оказалась слишком сложна, зато была с огромным интересом встречена научными кругами мира, свидетельством чего стали переводы на многие языки. В отличие от других фундаментальных исследований автора, она написана в значительно более доступной форме, что облегчает восприятие концепции Броделя не только специалистами, но и широкой читательской аудиторией. Рекомендуется также преподавателям истории всех уровней образования.

УДК 94
ББК 63.3(0)

Фернан Бродель
Грамматика цивилизаций

Редактор *Н.В. Яновская*
Корректор *Е.Ю. Асарева*
Верстка: *Н.А. Хримошкина, Е.А. Поташевская*
Оформление серии «ТЕМА»: *А.А. Ареништейн*

Подписано в печать 21.03.2008.
Формат 60х90^{1/16}. Печ. л. 34,5.
Изд. № 01/02-и
Заказ № 610

ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625 42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

1 2 0 0 8

21900160

1 2 0 0

ISBN 978-5-7777-0403-0

9 785777 704030